ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ЮНОГО ФИЛОЛОГА

«Язык есть важнейшее средство человеческого общения»

В. И. Ленин

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ЮНОГО ФИЛОЛОГА

МОСКВА
«ПЕДАГОГИКА»
1984

Составитель
ПАНОВ М. В.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ЮНОГО ФИЛОЛОГА

(ЯЗЫКОЗНАНИЕ)

ДЛЯ
СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО
ШКОЛЬНОГО
ВОЗРАСТА

Библиотечная серия

ББК 80:я2
Э68

Энциклопедический словарь юного филолога
Э68 (языкознание) /Сост. М. В. Панов.— М.: Педагогика, 1984.—352 с., ил.

Словарь в доступной и занимательной форме знакомит с основами языкознания — науки о языке. В нем рассказывается о законах развития языка, различных языках народов мира. Главное внимание уделяется русскому языку.
Читатели узнают также о проблемах, которые решает современная наука о языке, и о выдающихся ученых-лингвистах.
Словарь призван воспитывать у учащихся чувство гордости за свой родной язык, уважение к языкам народов мира как огромной исторической и культурной ценности, поможет в выборе профессии.
Для школьников среднего и старшего возраста.

Э $\frac{4306000000-017}{005(01)-84}$ 57—84 ББК 80:я2

О ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОЛОГАХ

Этот энциклопедический словарь создан усилиями коллектива крупнейших специалистов в области языкознания, обращен он к молодым читателям, нынешним или вчерашним школьникам, проявляющим интерес к одной из древнейших гуманитарных наук — к филологии, вернее, к ее языковедческой части.

Пусть не покажется преувеличением, если я скажу, что в предлагаемом читателю словаре содержится множество разнообразных сюрпризов. Думаю, все согласятся с тем, что всякое новое знание о предмете или явлении можно приравнять к ценному приобретению или приятному подарку. Что касается неожиданности, то она тем более заметна и ощутима, что все мы с детства владеем языком, легко его усваиваем и — оказывается! — мало его знаем и почти ничего не можем о нем сказать. Что такое язык? Как он устроен? Как развивается? Из каких частей состоит? Как взаимодействуют эти части? Как связан язык с деятельностью человека? Возможно ли совершенствование языка? На все эти и многие другие вопросы и должен ответить, по замыслу редколлегии, составителя и авторов статей, Энциклопедический словарь юного филолога.

История каждой научной дисциплины знает два способа подхода к изучаемым явлениям. Один способ, очень решительный и смелый, направлен на то, чтобы свести всю пестроту и многообразие фактов мира, природного или общественного, к одному закону, одной формуле, одному понятию. Так, древнегреческий философ Фалес из Милета считал первоосновой всего сущего воду, для Гераклита единым первоначалом всех вещей был огонь, для Дарвина причина эволюционного развития живой природы заключалась в естественном отборе.

Если обратиться к истории лингвистики, то к ученым этого типа можно было бы отнести отечественных языковедов Потебню и Бодуэна де Куртенэ, швейцарца Соссюра, датчанина Ельмслева, немца Бюлера и многих других. Не следует думать, что названные ученые не знают фактов, избегают их или в них не нуждаются. Без фактов наука не может существовать, это ее воздух. Тут дело в научном устремлении: в поисках преимущественно общих закономерностей необходим отлет фантазии от очевидной данности и некоторое отвлечение от добытых наукой фактов. Научная теория на них опирается и в них берет свой теоретический разбег.

Другой способ, более скромный, не столь броский, как первый, состоит в тщательном собирании фактов, скрупулезном их описании и систематизации и не предполагает скорого достижения окончательных результатов, хотя конечная цель его та же: объединить пестрое многообразие явлений, физических или социальных, в единую систему. Линней стал всемирно известным ученым потому, что снабдил науку о растительном и животном мире простой системой и точным языком, хотя сам сознавал, что этим не исчерпывалась главная задача предложенной им классификации.

Может быть, именно среди ученых-языковедов этого типа с наибольшей силой и наглядностью проявляется любовь к основному предмету изучения — к Слову. Разве не показательно, что сам термин «филология» прямо заявляет об этой любви (греч. *philo* — «люблю» и *logos* — «слово»). Факт весьма примечательный и поучительный: любовь была возведена первыми «словесниками» в принцип познания избранного предмета, что налагало на них определенные нравствен-

ные обязательства: бережно относиться к слову, к языку вообще, стремиться обнаружить в них сокрытые объективные ценности, изучать запечатленное слово непредвзято, ничего ему не навязывая силой, стремясь сохранить — даже иссекая из текста — его живую ткань, самозабвенно и до конца отдаваясь своему увлечению.

Второе направление, которое я назвал более скромным, буквально сверкает блестящими именами: рыцарской верностью и преданностью Слову отличались Даль и Срезневский, Щерба и Виноградов, Пешковский и Винокур и многие-многие другие.

Оба способа изучения нужны науке. Более того, они необходимым образом дополняют друг друга, часто объединяются и переплетаются даже в деятельности одного ученого. Однако обыденное сознание их разделяет, и тогда получается, что за конкретную науку представительствует не один образ ученого, а как бы два.

В силу разных причин, а главное по неосведомленности о целях, задачах и методах филологического знания, в нашем представлении складывался не очень ясный образ ученого-книжника, кабинетного единоличника, неспешно работающего над старинными, мало кому известными, неизвестно кому нужными текстами, над составлением грамматик диковинных языков и словарей, содержащих такое количество слов, знать которые не дано ни одному человеку в мире.

Филология в старом ее понимании — это «служанка при тексте», но роль филолога вовсе не служебная и не вспомогательная. Текст — это памятник культуры, а память для человека как существа мыслящего после восприятия является едва ли не самым необходимым даром, и там, где она отсутствует, все остальные наши способности можно считать, вероятно, бесполезными. Поскольку текст обнимает слишком многое, то и расшифровка его может быть сделана только человеком, владеющим данной культурой, в которую входят язык и письменность, нравы и обычаи, характер одежды, тип поселений, постановка воспитания, общественно-политическое устройство, организация трудовых процессов, армия, судопроизводство, техника, искусство, религия, наука, этикет, семейные отношения, характер потребления духовных ценностей, уровень производительных сил, специфика производственных отношений и многое другое.

Представление о филологе-языковеде как об ученом-затворнике в корне ошибочно. Стремление к контакту с живыми носителями языка, к полевым исследованиям всегда было характерно для языковедческой деятельности, научной и практической. Не случайно, что освоение новых континентов и стран сопровождалось открытием новых языков и стимулировало развитие своих собственных, не удивительно, что миссионерская деятельность требовала изучения неизвестных наречий, что археологические экспедиции не обходились без помощи специалистов по древним письменностям, поучительно, что сельские учителя часто были великолепными знатоками родной речи и прославились как ученые.

История рассказывает нам, какое значение имели лингвистические труды в период Великих географических открытий и колониальных завоеваний. Вот какую оценку дал духовник испанской королевы Изабеллы «Грамматике» Антонио де Небрихи, выпущенной им в свет в год открытия Америки (1492): «После того как Ваше Величество повергнет к своим ногам многочисленные варварские племена и народы с чуждой нам речью и в связи с тем, что в результате этой победы покоренные народы должны будут узнать законы победителей и вместе с ними наш язык, они смогут познакомиться с ним при помощи настоящей «Грамматики».

Наука движется с помощью внутренних и внешних импульсов. Первые исходят из внутренних потребностей самой науки и иногда действуют даже без достаточно ясной цели в смысле практического применения добытых результатов. Вторые определяются теми запросами, материальными или духовными, которые выдвигает общество. Соединение этих импульсов делает науку полнокровной, жизнеспособной, жизнестойкой и здоровой, а занятие ею — счастливым занятием. «Зная, как привольно, свободно и радостно живется в научной области, — писал Менделеев в предисловии к «Основам химии», — невольно желаешь, чтобы в нее вошли многие». Это относится ко всем наукам, в том числе и к языкознанию.

Языкознание — одна из тех гуманитарных наук, в которых существенные виды деятельности часто обусловливались прямыми задачами общественного развития. Это особенно ясно можно показать на примере советской науки о языке.

Народ дореволюционной России в основном был неграмотным. Из 130 языков коренных народов страны едва ли полтора десятка имели письменность и литературные языки. Теперь их насчитывается свыше 70, а букварь имеют 90 народов. Процесс создания письменностей продолжается. Все это создается нашими языковедами.

Как показала Первая Всероссийская всеобщая перепись населения в 1897 г., грамотность населения в целом по России составила всего 21% (четыре из пяти не умели ни писать, ни читать!), а в Средней Азии — 1—2%. За десятилетие увеличение грамотности в Европейской России составило в среднем 4,2%, на Кавказе — 1,1%, в Сибири — 1,3%, в Средней Азии — 0,4%. По официальным подсчетам («Из итогов Первой русской всеобщей переписи»), при таком темпе роста предполагалось, что достижение сплошной грамотности станет возможным в Европейской России через 120 лет, на Кавказе и в Сибири — через 430 лет, а в Средней Азии — через 4600 лет. После Октябрьской революции неграмотность была ликвидирована в невиданно короткие сроки. Партия и правительство придавали этой работе значение первостепенной государственной важности. Уже в годы первой пятилетки были выпущены не только первый отечественный подшипник, первый трактор, но многие народы получили первые буквари. В отдаленных районах Востока и Севера страны вслед за геологами-разведчиками, геодезистами и картографами шли учителя родного языка с букварями и первыми учебниками родного национального языка. Чтобы дать представление о размахе культурно-языкового строительства и его темпах, приведу только один пример. Письменность для киргизского языка была создана в 1924 г. В 1982 г. (менее чем через 60 лет!) появилось несколько томов Киргизской советской энциклопедии!

Советские филологи не только осуществляли крупномасштабную работу по языковому планированию и строительству, по созданию грамматик, словарей, орфографий и терминологий, но и внимательно занимались технографией вновь создаваемого письма: числом штрихов в букве, числом отрывов от бумаги в букве и в связанном письме, направлением штрихов, выходом штрихов за строку, удобством штриха для связи с другими буквами и даже восприятием буквы в боковом поле зрения. Причем этим занимались крупнейшие языковеды страны, генераторы языковедческих идей, выдающиеся знатоки национальных — часто чужих для них — культур, энтузиасты и бессребреники, люди безупречной научной честности, всегда готовые к смелому трезвому поиску и видевшие цель своего творчества в самоотдаче во имя общего дела.

Вот и судите теперь, можно ли уподоблять деятельность языковеда работе кабинетного затворника или полезной, но одинокой должности смотрителя маяка на маленьком острове в далеком море.

Многие люди, знающие о филологии понаслышке, не только не могут представить себе реальный, живой образ филолога-языковеда, но имеют весьма смутное представление о предмете его занятий. Отсюда ряд заблуждений, недоразумений и даже предубеждений. Одно из распространенных заблуждений состоит в том, что науку о языке — языкознание — смешивают с изучением языка в практических целях. Рыболов — это еще не ихтиолог, а знаток языков — еще не языковед, и общее писательство о языке — тоже не научное исследование.

Чтобы изучать язык научно, необходимы многие знания и умения. Лингвисту следует быть знакомым хотя бы с основами или элементами акустики, психологии, социологии, истории, литературоведения, теории информации, статистики, этнографии, антропологии, культурологии, текстологии, географии, философии... Яркий пример единства наук о человеке!

Здесь же создаются перекрестки научных путей, которые открывают новые научные связи: психолингвистика, лингвогеография, социолингвистика, этнолингвистика, инженерная лингвистика, математическая лингвистика, лингвостатистика, философия языка, лингвостилистика. При этом лингвистика как таковая, как наука единая, не только не теряет мощи и своеобразия своих методов, но, обогащаясь сама, щедро делится ими с другими науками, и не только гуманитарными, но и естественными.

Несколько лет тому назад кому-то пришло в голову разделить людей интеллектуальных занятий на «физиков» и «лириков». По этому своевольному делению

филологи должны были быть помещены на ступеньке «лириков», и, разумеется, ниже «физиков», т. е. вообще представителей всех передовых, «положительных» наук.

Однако действительно передовые ученые (например, Планк, В. И. Вернадский и многие-многие другие) с великим почтением относятся к филологии, и почет этот постоянно возрастает. Одна из причин этой почтительности состоит в том, что, как было замечено, — правда, с некоторым запозданием, — любая научная проблема должна быть прежде всего сформулирована в языке и что язык занимает важнейшее место в познании и, следовательно, в человеческой деятельности вообще. Выражаясь образно, можно сказать, что сознание движется по свету вместе с языком, что словарь языка свидетельствует, о чем думают люди, а грамматика — как они думают.

Наука есть создание человека, так же как и язык, без которого нет науки. Выясняя законы окружающего мира, человек неизбежно сводит их к себе, к своему слову и к своему разуму (В. И. Вернадский).

Занимаясь наукой о языке, человек может удовлетворить самые разнообразные свои потребности в соответствии со складом ума, характера, темперамента: от построения чисто умозрительных теорий, изучая язык как систему знаков, как средство человеческого общения, мышления и выражения, до сочинения поистине детективных сюжетов, возникающих в поисках исчезнувших языков и цивилизаций, от занятий в лаборатории, оснащенной чувствительнейшей современной аппаратурой, до хождения по деревням и селам с мешком за плечами в поисках золотых россыпей народной речи, от изучения поэтических текстов как одного из высших проявлений духа человечества и духа нации до работы с больными, страдающими расстройством речи, от исследования законов формирования строгого научного языка до выяснения природы детского лепета...

У языковеда, как и у любого другого ученого, период ровного увлечения сюжетом может чередоваться с вспышками озарений, в силу необходимости он волен менять конкретный предмет исследования и переходить от фонетики к фонологии, морфологии, словообразованию, синтаксису, от формальной стороны к смысловой, содержательной, от изучения предложения типа *Пожар!* к такому единому пространному тексту, как «Война и мир» Л. Н. Толстого или «Жизнь Клима Самгина» Максима Горького, от механизмов говорения к тайнам понимания и т. д.

Среди лингвистов встречаются и такие ученые, которые способны знаменовать новый этап развития науки, и эрудиты, готовящие факты для многочисленных фундаментальных описаний, и критики, способствующие движению позитивной научной мысли.

Конечно, как и во всякой серьезной науке, в ней не обходится без борьбы мнений и даже без методических перекосов, завихрений или увлечений модой, в ней напряженно, но все же сосуществуют архаисты, «староверы» и новаторы, а также сторонники различных философских и политических ориентаций. Как и всякая наука, языкознание знало периоды блестящих взлетов и временных застоев, которые затем сменялись прорывами на пути к истине.

В истории мирового языкознания наши отечественные лингвисты всегда играли заметную роль. Достаточно назвать имена таких корифеев языковедческой науки, как Ломоносов, Востоков и Потебня. Во всех сферах науки о языке наши лингвисты сумели сказать свое весомое оригинальное слово. Это касается таких важных теоретических проблем, как выяснение глубинных связей языка и мышления, языка и общества, общих законов языкового развития, формирования национальных языков и т. д.

В области описания языков мира и в особенности языков Советского Союза наша наука располагает первоклассными трудами, созданными учеными России, Украины, Белоруссии, Грузии, Армении и других республик.

Кроме исследования языков с давней традицией изучения (славянские, тюркские, кавказские, финно-угорские и др.) вводятся в мировой научный обиход материалы и факты таких редких языков, как удэгейский, ульчский, орокский, негидальский, ительменский, кетский, юкагирский, нганасанский, нивхский, энецкий и др. Опираясь на общенаучные принципы марксистской философии, усвоив ленинское по-

ложение в области национально-языковой политики, советские лингвисты принимают самое деятельное участие в осуществлении языкового строительства, соответствующего требованиям и практическим нуждам страны в эпоху зрелого социализма.

Одна из важнейших прикладных задач языкознания — развитие культуры языковой деятельности. Культура (от лат. *colere* — «ухаживать», «обрабатывать», «совершенствовать», «иметь попечение», «заботиться», «окружить вниманием», «почитать», «уважать») — первоначально обработка земли и уход за ней, с тем чтобы сделать ее пригодной для удовлетворения человеческих потребностей. В широком переносном смысле культура — совокупность достижений и проявлений творчества народа в области его материальной и духовной жизни. С точки зрения содержания культура распадается на различные сферы, в ряду которых выделяют язык и письменность.

История всякого языка отражает не только социальную историю народа, но и все важнейшие этапы его культурного развития. Более того, самый уровень культуры народа во многом определяется степенью развитости языка: наличием у него письменной формы, богатством функций в соответствии с многообразием сфер человеческой деятельности, потенциалом стилистических средств на все случаи частной и общественной жизни, художественного и научного творчества, способностью служить средством национального, межнационального и интернационального общения и т. д.

В современном мире вопросы культуры народов особенно тесно увязываются с языковым развитием. Всеобщий интерес к проблеме «язык и культура» можно объяснить двумя обстоятельствами: это связано, во-первых, с победой национально-освободительных движений на рубеже 50—60-х гг. нашего века и возникновением новых независимых государств; во-вторых, с расширением и углублением экономических связей в мире и вовлечением развивающихся стран в научно-технический прогресс. Оба эти фактора поставили перед многими странами мира задачу ликвидации неграмотности, т. е. породили стремление положить начало процессу непрерывного образования самых широких народных масс. В этом процессе подготовки начального этапа образования, которое продолжается всю жизнь, заметная роль отводится национальным кадрам языковедов.

История показывает, что в мире существовали богатые культуры, не имевшие письменности, но именно с момента своего возникновения она стала важнейшим средством культурного развития. Именно благодаря письменности народы получили возможность бесконечного самосовершенствования в сфере культуры, ибо письменность, одно из величайших и созидательных изобретений человека, сохраняя наиболее ценное из своего культурного наследия, может обеспечивать без ограничений во времени и пространстве непрерывное общение с другими культурами. Грамотность, т. е. владение письменностью, должна рассматриваться как настоятельная потребность современного человека хотя бы потому, что она открывает ему дорогу к прогрессу. На этом пути развивающиеся страны встречают немало трудностей. Так, во многих из них до сих пор не решен вопрос о языке обучения даже в начальной школе, острой проблемой является использование учебных программ в целях сохранения и укрепления национальной самобытности. В этих условиях советский опыт языковой политики и языкового строительства, накопленный в ходе выполнения ленинского плана культурной революции, и деятельность наших языковедов приобретают значение идеального образца разрешения национально-языковых проблем.

В общей проблеме «язык и культура» есть более частная, но очень важная сторона, на которую языковеды всегда обращали самое пристальное внимание, — это борьба за культуру речи в обществе и в речевой деятельности каждого из нас: от школьника до маститого писателя, от главного конструктора до рабочего космодрома, от хлебороба до ученого-селекционера.

Можно сказать, что вся жизнь языка и обращение с ним (языковая практика) есть непрерывное создание и поиски более близких к истине выражений мысли, чувства, переживания. Что из того, что это трудно достижимо! Главное здесь, что движение это бесконечно и беспредельно. Не в этом ли причина развития языка, параллельная развитию человечества? Достоевский устами Версилова в «Подростке» высказал очень важное суждение: «А, и ты иногда страдаешь,

что мысль не пошла в слова! Это благородное страдание, мой друг, и дается лишь избранным; дурак всегда доволен тем, что сказал». Сказано, как это часто бывает у Достоевского, резко, но справедливо и очень емко. О чем здесь говорится? О том, что мысль крепко-накрепко связана со словом, что выразить ее в слове дело нелегкое, требующее усилий, мучительных поисков наилучшего выражения, и с некоторым преувеличением, также свойственным писателю, названо любимым им словом «страдание». Причем страдание благородное. Этим самым оно как бы приравнивается к поступку, который, кстати, всегда совершается не для себя, а для других, во имя другого.

Если выразить мысль Достоевского в терминах современной лингвистики, то можно сказать, что писатель дает нам модель акта речевого общения, в котором участвует говорящий, который имеет намерение выразить свою мысль, и слушающий, который должен ее понять в соответствии с намерением «отправителя речи». Эта модель в главном действительна и для обычной ситуации разговора, и для такой высокой формы общения, которая осуществляется с помощью литературного произведения, будь то роман, повесть или басня. Ведь в них есть автор («говорящий»), который хочет нечто выразить, и адресат («слушающий»), т. е. читатель.

Мысль (чувство, переживание) может «пойти в слова» лишь в том случае, если человек обладает культурой словесного выражения, культурой речевого общения и, разумеется, культурой мысли. Очевидно, в этом ключе надо понимать слово «избранные», которым только и дано, по выражению Достоевского, «благородное страдание». Эти требования предъявляются не только к таким формам, как литературное творчество, но и к самому обычному (содержательному, конечно) разговору.

Плохо выраженная мысль — это не только леность речевых усилий, но и леность мысли или неумение мыслить. Неумение именовать предметы — это и незнание их. А без этого «глохнет» не только самый обычный разговор, но не может существовать и поэзия. Большой ущерб общению наносит клишированная, штампованная речь, достигающая предела допустимости в жаргоне. Выражаясь языком кибернетики, использование штампов не дает сколько-нибудь ценной информации, повторение клише не означает увеличения количества информации, но свидетельствует об ее избыточности.

Службу языка ревниво несут языковеды, неутомимые составители грамматик и словарей национального языка, рассматривая этот вид своей деятельности как важнейшую научно-практическую работу. Она требует необычайной широты взглядов на развитие языка и культуры в обществе, дара улавливания едва зарождающихся тенденций языкового развития, умения дать обществу определенные ценностные ориентации в употреблении языковых форм, самоограничения в личных вкусах и предпочтениях во имя выработки безупречных общенародных норм эстетики языка и, конечно же, бескорыстной любви к своему предмету. На этих широких и твердых принципах всегда строилась защита языка. Писатели постоянно напоминают нам и своим творчеством, и прямыми высказываниями о нашем общем национальном долге. Вспомним слова Тургенева: «Берегите же наш прекрасный русский язык, этот клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками... Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием...» Подобные заповеди следует усвоить всем. Сознательное вмешательство в жизнь языка оправдано тем, что при всей целесообразности его саморазвития процесс этот протекает негладко, языковая экология так же сложна, хрупка и деликатна, как экология природная. В сфере языка это было замечено намного раньше, чем в области природы...

Наука как совокупность знаний о предмете лишена эмоций. И все же можно сказать, что проблемы языка не только научно изучаются, но и эмоционально переживаются. Собственно, эмоцию вызывают не научные знания о языке, а сам язык. Неумение объяснить механизмы его деятельности, творческие начала, заложенные в нем, обилие функций, ему присущих, универсальность средств для осмысления мира и человека в нем — все это дает право непосвященному считать язык чудом из чудес. Чудом всегда называли и называют то, что кажется крайне удивительным и совершенно непонятным, но не будет преувеличением сказать, что всякая тайна означает только наше незнание предмета.

Другие эмоции и переживания возникают в связи с ревнивым отношением к своему родному языку, и чувства эти вспыхивают тогда, когда его пытаются отнять у народа или чем-нибудь унизить этот язык, представить его неполноценным, недоразвитым, грубым, «деревенским», неотесанным. Наука о языке развенчивает подобные предубеждения, решительно утверждая, что квалификации «лучше», «хуже» по отношению к языкам неприменимы. Это так же бессмысленно, как если бы мы стали утверждать, что роза лучше кристалла, пчела лучше розы, а все они хуже морского котика или гладиолуса. Это вовсе не значит, что языки не эволюционируют. Эволюция же может идти в двух направлениях: в сторону развития, совершенствования и в сторону заката, отмирания и даже смерти. Оба эти процесса определяются состоянием общества, которое язык обслуживает.

Язык обладает удивительной способностью приспосабливаться к жизни его носителей, отвечать на их запросы, усложнять свою структуру в соответствии с развитием общества и вместе с тем оказывать влияние на совершенствование самого общественного устройства.

Это понимание сопряженности, согласия, соответствия жизни общества и жизни языка позволяет мысленно вычертить привилегированную, идущую вверх линию развития человечества и, следовательно, человеческой речи от истоков до современности в их тесном переплетении, взаимодействии и взаимовлиянии.

Академик Г. В. СТЕПАНОВ

А

АГВАНСКОЕ ПИСЬМО. ПОПЫТКИ ЕГО ДЕШИФРОВКИ

Агванское (кавказско-албанское) письмо — под этим термином принято понимать особую систему алфавитного письма, использовавшего в сильно преобразованном виде арамейскую графическую основу. Это письмо применялось в раннем средневековье в Агвании, т. е. на территории, охватывавшей север и запад Азербайджана, а также южную половину Дагестана. Историческая традиция утверждает, что агванское письмо было создано примерно в одно время с грузинским и армянским, в V в. н. э., тогда же на нем возникла литература. Предполагается, в частности, что к середине VII столетия в Агвании уже были переведены основные книги христианского вероучения. Имеется прямое указание на то, что один из памятников древнеармянской литературы был в свое время переведен с агванского оригинала. Более того, известны две армянские рукописи XV и XVI вв., содержащие довольно искаженный список агванского алфавита.

Однако исторические судьбы Агвании, подвергавшейся начиная с VII в. многократным и опустошительным нашествиям, привели к утрате памятников письменности (наиболее позднее упоминание об их существовании относится к VIII столетию). Начавшиеся еще с первой половины прошлого века поиски этих памятников долго оставались безуспешными. Они стали выявляться только с конца 40-х гг. нашего века, когда в ходе строительства Мингечаурской гидроэлектростанции подверглась археологическому обследованию обширная площадь в долине реки Куры, позднее затопленная. К настоящему времени в распоряжении ученых имеется все еще очень незначительная по своему объему группа письменных памятников, относящихся к VI—IX вв. и хранящихся главным образом в Музее истории Азербайджана (г. Баку). Среди них — круговая надпись на плите с изображением павлинов из Мингечаура, а также несколько коротких текстов на обломках керамики и на каменных табличках.

Несмотря на наличие рукописного списка алфавита, дешифровка агванского письма крайне затруднена. Судя по всему, агванский алфавит состоял из 52 букв. Порядок их следования, названия некоторых из них, а также

АГВАНСКИЙ АЛФАВИТ

	a	?			č?
	b				
	g		k̇?		
	d				p̣
	e		h?		ǯ?
	z				r
	ẹ	?			s
	ə				
	t		č̣?		ṭ?
	ž				
	j		m		ọ
?					
	i		n		c?
?					w
?			š?		f
?					k
	x		o		u
?					ụ

Памятник агванской письменности, найденный при раскопках в горах Дагестана.

основные принципы письма сближают агванское письмо с грузинским и армянским. Наряду с согласными, отдельными буквами передавались в нем и гласные. Направление письма было слева направо. Некоторые гласные передавались сочетанием букв *O* и *W* (как в греческом). Все вместе эти особенности приводят к предположению об участии в разработке агванского письма просветителей грекофильской школы.

В различных исторических свидетельствах единодушно отмечается, что потомками агванцев являются современные удины — небольшая народность (3,7 тыс. говорящих), населяющая ныне всего несколько сел на северо-западе Азербайджанской ССР и одно село на востоке Грузинской ССР. Удинский язык относится к лезгинской группе языков Кавказа. Действительно, его звуковой состав включает всего около 50 фонем, что приближается к числу букв агванского алфавита. Историческая традиция описывает язык агванцев как богатый гортанными звуками, что опять-таки напоминает удинский язык. Часть из дошедших до нас агванских названий месяцев также удается разъяснить при помощи современного удин-

ского языка. С его же помощью получают свое объяснение несколько сохранившихся в исторических источниках названий Агвании, а также ряд упоминающихся в них собственных имен. Развитость в современном удинском языке подчинительных союзов (частью заимствованных и соседними лезгинскими языками), участвующих в построении типичных для письменных языков сложных предложений, также говорит о том, что этот язык, в настоящее время бесписьменный, имел некогда свою литературную форму.

К настоящему времени точные звуковые значения могут быть приписаны в лучшем случае половине букв алфавита. В результате пока удается прочитать только очень краткие фрагменты надписей.

Так, в них неоднократно повторяется слово *zu* — «я», встречается причастие *serbi* — «построенный», форма *usena* — «в году», два собственных имени (в том числе имя сасанидского царя Хосрова Ануширвана, известного своим активным строительством на территории вассальной Ирану Агвании). К тому же разные исследователи по-разному читают один и тот же текст.

По всей вероятности, буквы агванского алфавита имели, подобно грузинскому и армянскому алфавитам, и цифровые значения. На одной из приводимых иллюстраций воспроизводятся фрагменты агванского алфавита, как он записан на каменной табличке из Дагестана (см. с. 14).

Таким образом, тайна агванского письма остается в значительной степени неразгаданной. Дальнейший прогресс в его дешифровке прежде всего будет зависеть от прироста нового материала, в собирание которого активно включились в последнее время и энтузиасты-краеведы. Новых находок можно ожидать не только на Кавказе, но и в исторических центрах зарубежного христианского Востока.

Значение такой работы огромно: ведь прочтение памятников этого письма откроет еще одну страницу в истории культуры народов Кавказа.

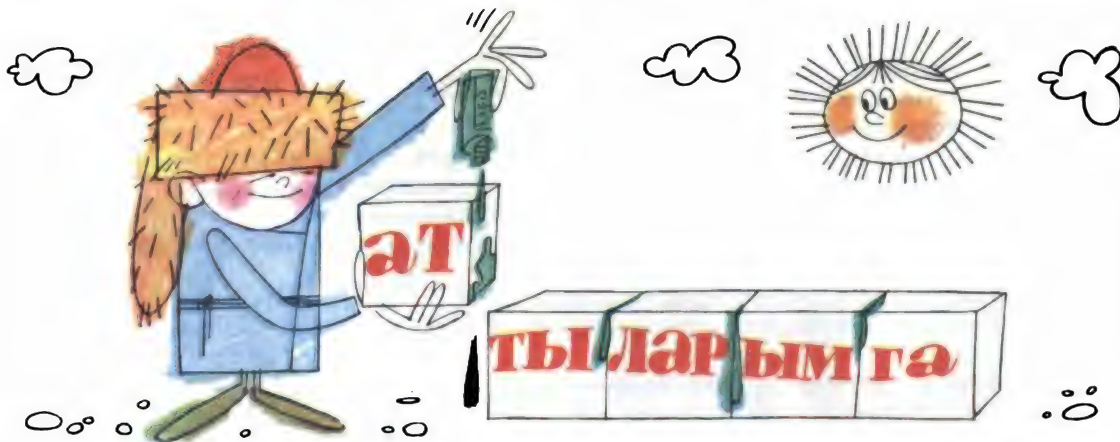
АГГЛЮТИНАТИВНЫЕ И ФУЗИОННЫЕ ЯЗЫКИ

Рассмотрим, как устроены словоформы русского существительного *девушка* и его узбекского эквивалента *қиз*. Возьмем несколько соотносительных словоформ обоих слов.

Падеж	Число	
	единственное	множественное
Им.-осн.	девушк-а қиз-□-□	девушк-и қиз-лар-□
Дат.	девушк-е қиз-□-га	девушк-ам қиз-лар-га
Вин.	девушк-у қиз-□-ни	девушек-□ қиз-лар-ни

Из таблицы видно, что и у русского, и у узбекского существительного есть число и падеж, хотя выражаются они в обоих языках неодинаково. В русском языке число и падеж совокупно выражаются одним многозначным аффиксом (*-а* — показатель ед. ч. им. п., *-и* — показатель мн. ч. им. п. и т. п.), который принято называть флексией или окончанием, тогда как в узбекском и число, и падеж выражаются своими собственными однозначными аффиксами (*-лар* — показатель мн. ч., *-га* — показатель дат. п. и т. п.). Таким образом, русской многозначной флексии соответствуют два однозначных узбекских аффикса, например: нулевой флексии мн. ч. вин. п. -□ в русском языке соответствуют аффикс мн. ч. *-лар* и аффикс вин. п. *-ни* в узбекском. В русском языке одни и те же число и падеж могут выражаться с помощью различных «синонимичных» флексий (сравним словоформы ед. ч. дат. п. *девушк-е, брат-у, двер-и* и слоформы мн. ч. им. п. *девушк-и, дом-а, крестьян-е*), в то время как в узбекском и число и падеж выражаются только одним стандартным аффиксом.

И в русском, и в узбекском языке у существительных, как, впрочем, и у глаголов, есть так



называемые нулевые аффиксы. Среди словоформ слова *девушка* нулевую флексию имеет производная словоформа мн. ч. вин. п.: *девушек*-□. Вместе с тем в русском языке нулевые флексии бывают и у «исходных» словарных форм ед. ч. им. п. (типа *дом*-□, *стол*-□, *нож*-□). В узбекском языке у производных словоформ нулевых аффиксов нет. Они типичны для исходных форм, например ед. ч. им. п. (*қиз*-□ — *девушка*, *бош*-□ — *голова*, *бола*-□ — *ребенок*, *дала*-□ — *степь*, *балиқчи*-□ — *рыбак*).

В русском языке основа (корень) слова преимущественно не совпадает с отдельными словоформами слова. В частности, основа слова *девушк-а* в наших примерах совпадает только с производной словоформой мн. ч. вин. п. *девушек*-□, и то в фонетическом варианте с гласным *е*, который не встречается в других словоформах этого слова. Напротив, в узбекском языке основа (корень) обычно совпадает с исходной словарной словоформой ед. ч. им. п., поскольку в этой словоформе кроме основы бывают только нулевые аффиксы (сравните: *қиз*-□ ед. ч., -□ осн. п. *девушка*).

В русском языке одна и та же основа (корень) может выступать в виде вариантов (сравним: *бежать* — *бегу*, *лизать* — *лижу*, *друг* — *друзья*, *рука* — *ручка*, *петух* — *петушок* и т. п.). В узбекском языке ситуация более простая, ибо основа (корень) обычно не имеет вариантов.

В русском языке корни и аффиксы очень тесно соединяются друг с другом: на морфемных стыках конечная фонема одной морфемы может сплавляться с начальной фонемой другой морфемы, в результате чего иногда бывает нелегко определить границу между «сплавленными» морфемами. Если в слове *дев-ушк-а* границы между морфемами установить не очень трудно, то значительно труднее это сделать, например, в таких словах, как *богат-ств-о* [багацтва] и *объ-езд-чик* [аб'jэщик], где в [ц] и [щ] сплавлены конечные согласные корня и начальные согласные аффикса. Иначе обстоит дело в узбекском языке. Для него характерны четкие границы между морфемами. Если в узбекском языке у соседних слов, являющихся однородными членами предложения, конечные аффиксы одинаковы, то у всех слов, кроме последнего, эти аффиксы могут быть опущены, а конечный аффикс последнего слова будет относиться и к предыдущим словам. Сравним: *Тошкент, Самарканд, Бухоро-да мактаблар кўп.* — *В Ташкенте, Самарканде, Бухаре много школ.* В этом предложении конечный аффикс *-да* (показатель местного падежа) имеет только последнее обстоятельство. У двух остальных обстоятельств этот аффикс опущен. В русском языке подобное явление (типа *+В Ташкент, Самарканд и Бухаре много школ*) не встречается.

Итак, морфологическая структура русского слова отличается от морфологической структуры узбекского слова. В языкознании эти отличия хорошо известны и основательно изучены. Существуют даже специальные термины как для языков типа русского, так и для языков типа узбекского. Языки первого типа принято называть фузионными (от лат. *fusio* — «плавлю металл»), а языки второго типа — агглютинативными (от лат. *agglutino* — «приклеиваю»). Фузионные языки называют также флективными. К фузионным языкам кроме русского относятся латынь, испанский, немецкий, чешский, литовский и многие другие индоевропейские языки, а к агглютинативным — тюркские, финно-угорские, тунгусо-маньчжурские, банту, японский, корейский и некоторые другие.

АКТИВНАЯ И ПАССИВНАЯ ГРАММАТИКА

Активная и пассивная грамматика — эти термины принадлежат известному советскому языковеду академику Льву Владимировичу Щербе. Он имел в виду следующее.

Один и тот же язык можно описать по-разному. Если вы сравните, как русский язык описан, например, в школьном учебнике и в так

ЛЕВ ВЛАДИМИРОВИЧ ЩЕРБА (1880—1944)

Л. В. Щерба — известный русский советский языковед. Его учителем был И. А. Бодуэн де Куртенэ, один из самых блестящих филологов XIX—XX вв.

Круг научных интересов Л. В. Щербы широк и разнообразен. Его магистерская диссертация посвящена одному из малоизученных славянских наречий — восточнолужицкому на территории Германии. Щерба подошел к исследованию этого языка своеобразно. Не зная ни полслова по лужицки, он поселился в деревне среди крестьян, прожил там две осени и выучил язык. Его целью было понять строение, действие, «работу» живого современного языка. Книга Щербы «Восточнолужицкое наречие» (1916) не утратила своей свежести и новизны и в наше время.

Он придавал большое значение исследованию живой разговорной речи. Щерба один из первых высказал мысль, что живой язык существует преимущественно в форме диалога. Учение Щербы об активной и пассивной грамматике (см. *Активная и пассивная грамматика*) предвосхищает современные грамматические теории.

К живой речи Щерба сохранил интерес навсегда. Он не боялся новых путей, смелых и неожиданных решений. Вот слова, которые передают научное кредо Щербы: «Идеалом была для меня всегда замена схоластики, механического разбора — живой мыслью, наблюдением над живыми фактами языка, думаньем над ними. Я знаю, что думать трудно, и тем не менее думать надо и надо; и надо бояться схоластики, шаблона, которые подстерегают нас на каждом шагу, всякий раз, как мысль наша слабеет». Щерба считал, что во многих случаях лишь с помощью эксперимента можно постичь истину. Статья «О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» (1931) интересна не только для тех, кто использует эксперимент в языкознании. Эта статья содержит ценные мысли о разграничении речевой деятельности, языкового материала (совокупность всего говоримого и понимаемого) и системы языка. Задача лингвиста — изучать именно систему языка.

Щерба много сделал для теории и практики лексикографии. Его статья «Опыт общей теории лексикографии» (1940) входит в золотой фонд русской лингвистики. Здесь впервые дана характеристика разных типов словарей; четко разграничены энциклопедические и филологические словари: филологический словарь характеризует не явления действительности, названные словом, — это задача энциклопедического словаря, а само слово. Филологический толковый словарь должен содержать лишь те сведения о значениях слова, которые известны обычному носителю языка. Например, слово *золотник* должно, по Щербе, определяться примерно так: «одна из частей паровой машины», потому что никто из людей, не получивших специального образования, не знает точно, что это такое.

Л. В. Щерба совместно с М. И. Матусевич создал новый тип двуязычного переводного словаря — Русско-французский словарь (1936).

Щерба придавал большое теоретическое значение изучению живых (а не только мертвых) языков, потому что, изучая живые языки, можно производить эксперименты.

Щерба много работал в области теории грамматики и лексикологии. Его статья «О частях речи в русском языке» (1924) убедительно показывает, какие грамматические явления скрываются за привычными для нас словами *существительное, глагол, прилагательное* и т. п.

Широко известен Щерба как фонолог и фонетист, создатель ленинградской фонологической школы. Вслед за своим учителем Бодуэном де Куртенэ Щерба разрабатывал теорию фонем. Фонему он понимал как звуковой тип, способный служить для различения слов. Из его фонетических работ наиболее важны: «Русские гласные в качественном и количественном отношении» (1912) и «Фонетика французского языка» (1937). Щерба создал учение о полном и неполном стиле произношения; оно сыграло важную роль в постижении тех различий, которые характеризуют ораторское (полное) и обычное (неполное) произношение.

Перу Щербы принадлежат два опыта лингвистического толкования стихотворений — «Воспоминание» Пушкина (1923) и «Сосна» Лермонтова — в сопоставлении с немецким оригиналом Гейне (1936).

Щерба был великолепным педагогом. Много лет он работал в ЛГУ, а последние годы жизни — в МГУ. Среди его учеников были замечательные лингвисты, например В. В. Виноградов.

Многие идеи Щербы до сих пор служат языковедам путеводной нитью, хотя Щерба не оставил после себя многочисленных монографий.

называемой академической (т. е. строго научной) грамматике или в учебнике для филологических факультетов, то увидите, что в этих описаниях не все совпадает. Конечно, ни в одной русской грамматике не может быть двадцати шести падежей вместо шести или одного лица глагола вместо трех. Но, скажем, можно считать так называемый партитив (от лат. *pars, partis* — «часть») вроде *сахару, чаю* отдельным падежом, а можно — разновидностью родительного падежа. Или, скажем, можно относить все местоимения — исходя из особенностей их значения — к отдельной части речи (так обычно делается в русской грамматике, особенно школьной); но ничто, в сущности, не мешает нам «разнести» их по другим частям речи (исходя из грамматической формы и синтаксических функций) и называть *этот* местоименным прилагательным, *он* — местоименным существительным, а *здесь* — местоименным наречием (так по традиции делается почти во всех учебниках грамматики французского языка).

И вот Л. В. Щерба пришел к выводу, что можно описать язык в соответствии с тем, как человек говорит, а можно — в соответствии с тем, как он воспринимает чужую речь, и эти описания будут разными. Ведь в одном случае человек идет от какого-то содержания или смысла, который он хочет выразить, и для этого подбирает нужные языковые средства. А в другом ему, так сказать, эти средства уже даны, и проблема в том, чтобы понять, что они означают и для чего служат.

Активная грамматика, следовательно, строится по принципу «от содержания к форме», а пассивная — «от формы к содержанию». Форма творительного падежа *лесом* в активной грамматике будет иметь своими соседями все другие формы, слова и словосочетания, которые обозначают место: *иду лесом — иду по лесу, иду вдоль леса, иду напрямик*... А в пассивной она, эта форма, будет связана с другими по значению формами творительного падежа (*рубить топором, восхищаться сыном*) и с другими падежными формами — *лес, леса, лесу*...

Активная грамматика очень удобна для учебников и вообще для обучения иностранным языкам. Именно для этого ее и «придумал» Л. В. Щерба. Но на практике такую активную грамматику, скажем, русского языка составить трудно — приходится слишком многие привычные вещи переосмысливать по-новому. Поэтому в настоящее время такой активной грамматики русского языка нет, хотя попытки ее написать были не раз.

Особенно удобна активная грамматика для сопоставления различных языков. Ведь самое главное при таком сопоставлении — каким способом разные языки выражают одно и то же содержание.

АКТИВНЫЙ И ПАССИВНЫЙ СЛОВАРЬ

Сколько слов включает словарь человека? Ответ не прост. Людоедка Эллочка из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» обходилась 30 словами. Словарь языка произведений А. С. Пушкина насчитывает примерно 20 тыс. слов.

Таким образом, объем словаря человека зависит от того, о каком человеке идет речь. Но не только от этого. Само понятие «словарь языка человека» нуждается в истолковании. Какие слова входят в этот словарь? Те, которые он употребляет сам, или и те, которые он понимает? Между этими двумя группами слов есть важные различия.

Разберем всем с детства знакомые строки Пушкина:

> Ямщик сидит на облучке
> В тулупе, в красном кушаке...

Употребляем ли мы сами все слова, которые есть в этих стихах? Три слова останавливают наше внимание: *облучок, ямщик, кушак.* Можно уверенно сказать, что мы их или употребляем очень редко, или вообще не употребляем. Обычно мы говорим не *кушак,* а *пояс.*

Что касается слов *ямщик* и *облучок,* то очевидно, что современный человек их не использует. При этом первое мы понимаем гораздо лучше, чем второе. Слово *облучок* для нас вообще малопонятно. Это что-то, на чем сидит ямщик, но что именно, мы точно не знаем: то ли скамеечка, то ли лавка, то ли перекладина. На санях, в телеге, в карете? Да и значение слова *ямщик* мы знаем не вполне точно. То же ли это самое, что *извозчик*? В чем разница между ними? Слова *облучок, ямщик* не входят в активный словарь современного человека.

Слова, которые человек употребляет, составляют его активный словарь. Слова, которые человек не употребляет, но узнает в тексте, понимает, составляют его пассивный словарь.

Понятие «активный и пассивный словарь» применимо не только к языку определенной эпохи, но и к языку отдельных лиц. Состав активного и пассивного словаря разных лиц зависит от их специальности, возраста, образования, общего культурного уровня (знание языков, начитанность и т. п.), места жительства (город, деревня) и личных качеств, вкусов, интересов.

Есть люди, которые охотно употребляют специальные термины (говорят: *У него пневмония*), слова, связанные с ручным трудом, техникой (типа *бампер, фюзеляж, ригель, струбцина, пассатижи*), хотя в ряде случаев в языке имеются их простые заменители (*пассатижи — плоскогубцы*). Другие же люди подобные слова не употребляют, а некоторых из них даже не знают. Городской житель знает лишь пассивно многие слова деревенского быта (*гумно, рига, овин, поветь* и др.). Значительную часть пассивного словаря современного человека составляют архаизмы. Например, роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин», который читает каждый школьник, содержит много слов, известных нам лишь понаслышке (под *сению* кулис, в *райке* нетерпеливо плещут).

Слова, относящиеся к пассивному словарю, имеют важное отличие от слов активного словаря: мы часто их понимаем приблизительно, неточно, лишь в контексте. Читая, мы проскальзываем мимо этих слов, но в словарь не смотрим, контекст нам служит единственной опорой. Однако, если бы нас попросили объяснить такие слова, мы бы вряд ли смогли это сделать.

Попробуйте объяснить слова: *балюстрада* (часть здания, окруженная перилами, колоннами, или сами перила, украшающие балконы или террасы?), *мансарда* (помещение под крышей, но обязательно ли косой?), *трансмиссия, стропила* (какие-то бревна под крышей?), *хитон* (какая-то древняя одежда, но какая именно?), *ёрничать* (озорничать, вести себя шутовски, неприлично?), *плёс* (разлившаяся часть реки или место, где река имеет спокойное течение?), *бочаг, бочажок* (омут или глубокое место реки?). Точно ли вы понимаете слова в языке классических и современных писателей? Вот две стихотворные строки. Знаете ли вы значение выделенных слов: «Как в ад, в *цейхгауз* и в арсенал» (Б. Пастернак); «Ушла с головою в *бурнус*» (О. Мандельштам).

Употребление слов, значения которых человек не знает, может вызывать возмущение спе-

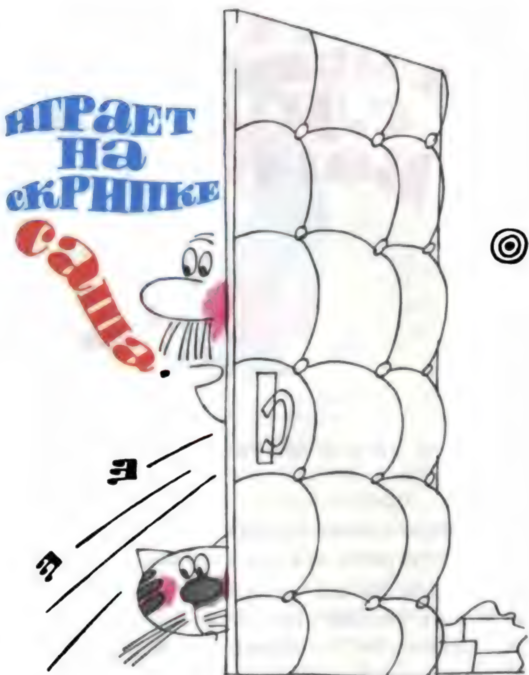
циалистов и порождать комическую ситуацию. Подобное явление юмористически изображает Марк Твен в рассказе «Как я редактировал сельскохозяйственную газету». Вспомните эпизод из романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев», когда журналист Маховик создает такие «бодрые строки»: «Позади меня гудят стропила. Рабочие снуют там и сям». Естественно, что гудение стропил (брусы, образующие основу кровли) вызывает ярость у инженера, и он пишет негодующий ответ: «Конечно, болты можно назвать трансмиссией, но делают это люди, ничего не смыслящие в строительном деле. И потом я бы хотел заметить т. Маховику, что стропила гудят только тогда, когда постройка собирается развалиться. Говорить так о стропилах — все равно, что утверждать, будто бы виолончель рожает детей».

Чтобы точно понимать текст, надо почаще заглядывать в словарь; узнавать точное значение слова, превращая его из слова пассивного словаря в слово вашего активного словаря.

АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Это членение предложения по смыслу на две части, обозначающие предмет речи и то, что о нем говорится. В каждом высказывании устной и письменной речи отражено движение мысли от того, что уже известно, что названо говорящим или находится перед глазами собеседников, к тому, что еще не известно читателям или слушателям. Мысль говорящего отталкивается от известного и переходит к тому, что говорящий хочет об этом известном сказать. Путь от известного к неизвестному представляет универсальное свойство человеческого мышления.

Такая структура мысли отражается в построении речи. В любом высказывании всегда говорится что-то о чем-то. Поэтому предложение в речи содержит две смысловые части: одна из них называет предмет речи, другая — обозначает его признаки, существенные для данного хода мысли. Вторая часть представляет собственно сообщение и потому является главной. Например, в предложении *Все звери в зоопарке радостно встречают весну* сообщение о предмете речи (*все звери в зоопарке*) содержится во второй его части: *радостно встречают весну*. В предложении *Приходит весна в наши края поздно* главная его часть, собственно сообщаемое — *поздно*. Если вы слышите пение и спрашиваете *Кто это поет?*, вам могут ответить: *Поет соседский мальчик*. Здесь сообщаемое — *соседский мальчик*. В устной речи известная часть сообщения обычно опускается. Ответная реплика может содержать только сообщаемое: *соседский мальчик*.



В науке о языке образовалась традиция называть эти две части терминами «психологический (логический) субъект» и «психологический (логический) предикат», или «психологическое подлежащее» и «психологическое сказуемое». Почему они были так названы? Чтобы отличить их от синтаксических подлежащего и сказуемого и в то же время отметить сближающий их признак.

Сближают их аналогичные смысловые отношения. Подлежащее по значению — это главный член предложения, который называет предмет, лицо, действие, качество или указывает на них и отвечает на вопросы Кто? Что?, а сказуемое — второй главный член предложения, обозначающий действие, состояние или другой признак подлежащего и отвечающий на

вопросы Что делает? Что делается? Каков? и др.

Но подлежащее и сказуемое кроме этих смысловых признаков обладают определенными формальными признаками: подлежащее — имя существительное или местоимение в именительном падеже (или инфинитив), а сказуемое — глагол в спрягаемой форме, прилагательное или существительное в именительном падеже. Сказуемое согласуется с подлежащим по грамматическим признакам (род, число, падеж). Именно наличием ряда формальных грамматических признаков и отличаются синтаксические подлежащее и сказуемое от психологических подлежащего и сказуемого, которые могут быть выражены любыми членами предложения и целыми группами слов, но могут и совпадать с синтаксическими подлежащим и сказуемым.

По мысли немецкого ученого Г. Пауля, грамматическая категория представляет собой «окаменение» психологической. Это значит, что психологическая, смысловая категория вырабатывает определенные знаки для своего выражения и эти знаки за ней закрепляются. Но в языке всегда возможна асимметрия между значением и его выражением, которая возникает в процессе языковой эволюции. Случай такой асимметрии — несовпадение психологических подлежащего и сказуемого с грамматическими. Если психологическим сказуемым становится не сказуемое, а другой член предложения, то оно отвечает и на другие вопросы: Когда? Где? Как? Кто? и т. д. Во втором примере психологическое сказуемое не совпадает с синтаксическим и отвечает на вопрос Когда? (*поздно*). В третьем примере психологическим сказуемым является синтаксическое подлежащее, и поэтому оно отвечает на вопрос Кто? (*соседский мальчик*). В зависимости от того, какой можно поставить к предложению вопрос, определяется главная его часть — психологическое сказуемое, которое на этот вопрос и отвечает.

Смысловая общность между психологическими и грамматическими подлежащим и сказуемым подтверждается тем, что психологическое подлежащее, выраженное не грамматическим подлежащим, а другими членами предложения, может быть преобразовано в именную конструкцию, которая предназначена для называния предмета речи. Стержневым, главным словом именной конструкции являются имя существительное, прилагательное или причастие в значении существительного, а также местоимения *тот, то* с придаточной частью. Второй пример может быть экспериментально перестроен следующим образом: *Приход весны в наши края бывает поздний*. Третий пример — *Поющий* (или: тот, кто поет) — *соседский мальчик*. Такое преобразование части предложения в именную конструкцию возможно потому, что эта часть по своей функции является наименованием: она называет предмет речи, каким-то образом уже определенный, известный из предшествующего контекста. Функция придаточного предложения при местоимении *тот* — повторить то, что уже известно, и сделать его исходным пунктом следующего сообщения.

Термины «психологическое подлежащее» и «психологическое сказуемое» долгое время оказывали давление на судьбу понятий, выраженных этими терминами. Ученые считали, что эти понятия относятся не к науке о языке, а к психологии или к логике.

В середине XX в. положение резко изменилось. Решающими оказались идеи чешского ученого В. Матезиуса. Сравнивая чешский и английский языки, В. Матезиус обнаружил, что они заметно различаются способами выражения предмета речи и того, что о нем говорится. В. Матезиус назвал членение предложения на эти две части актуальным членением, в отличие от грамматического членения по традиционным членам предложения. Это членение отражает актуальную позицию говорящего в данном конкретном случае по отношению к содержанию высказывания и по отношению к тем, кому это высказывание предназначено. Говорящий учитывает степень осведомленности читателя или слушателя и в зависимости от этого известную часть высказывания делает его исходным пунктом, основой, а в другой части сообщает то, что он хочет сказать о первой части. Главную часть высказывания Матезиус назвал его ядром. Основа и ядро присутствуют в любом высказывании на любом языке, но языки разного строя различаются способами выражения актуального членения.

По мысли В. Матезиуса, в каждом языке существует своеобразное отношение актуального членения предложения к его синтаксическому членению (по членам предложения), и это отношение является настолько важной характеристикой структуры каждого языка, что оно должно стать частью науки о языке и объектом самого пристального внимания ученых-лингвистов. Так и произошло. Во второй половине XX в. актуальное членение прочно вошло в лингвистику. Возрос интерес ученых к коммуникативной функции языка, т. е. к языку как средству общения. Усилилось внимание к условиям общения и к позиции его участников, к эффективным способам речевого общения в разнообразных его сферах, к правилам организации речи, устной и письменной. В этом направлении науки актуальное членение занимает важное место: оно отражает позицию говорящего по отношению к слушателю или читателю, реализуя путь от известного, определенного предмета речи к тем его признакам, которые в данном контексте для говорящего актуальны.

В современной лингвистике части актуального членения обозначаются терминами тема и рема (предикат).

Изучая структуру речи, ученые обнаружили, что актуальное членение также имеет свои способы выражения, только они отличаются от тех грамматических средств, при помощи которых связываются слова друг с другом в предложении. В русском языке такими способами служат порядок слов и интонация предложения. Эти способы образуют свою систему правил, которые носят более абстрактный, более сложный и в то же время менее жесткий характер, чем правила грамматические. Они предполагают комбинированное взаимодействие языковых средств. Эти правила не в одинаковой степени распространяются на все типы речи (см. *Порядок слов в предложении*).

Актуальное членение служит одним из способов связи предложений в тексте. Существует несколько типов тематической прогрессии — так называют соотношение тем в соседних предложениях текста. При последовательном типе связи темой следующего предложения служит рема предыдущего: *На месте каждого цветка оказалась завязь. Завязи быстро крупнели, набухали и вскоре стали вполне похожи на маленькие яблочки.* При параллельной связи одна и та же тема повторяется в следующих друг за другом предложениях:

Музыка главенствовала. Она таилась за всеми другими предметами, которые мы изучали. Она просвечивала сквозь них пятью линейками нотного стана, нарисованными на классной доске. Она всюду высовывалась наружу: я здесь!.. Она давала понять, музыка, что стоит за всем и надо всем, что она — самое важное в этом мире. Извольте знать! (А. Рекемчук).

Темы соседних предложений в тексте могут быть производными от главной темы. Например, если речь идет о саде, то заданной является любая тема, называющая предмет, который обычно находится в саду (дерево, цветок, птица и др.). Чаще всего встречаются тексты со смешанными формами тематической связи.

Правильные формы тематической прогрессии обязательны в литературном связном тексте. Более свободна последовательность тем в разговорной речи и в художественных текстах. В художественной прозе нарушение правильной тематической прогрессии служит изобразительным приемом. Еще не названное, не известное читателю представляется как уже

известное, данное. Таким путем читатель вовлекается в ход событий, как бы становится их непосредственным зрителем и участником. Вот, например, начало рассказа Ю. Нагибина «Ночной гость»: «Он появился поздно вечером, почти ночью. Распахнулась дверь, черный вырез ночи дохнул холодным ветром» и т. д. Или — начало рассказа А. Чехова «Моя жизнь»: «Управляющий сказал мне: держу вас только из уважения к вашему почтенному батюшке...»

В лирической поэзии соблюдение правил тематической прогрессии не обязательно. Структура лирического текста может отражать

свободный ход ассоциаций. Отсюда более свободная последовательность тем. Тема предложения не предопределяется жестко предшествующим текстом, она может заключать в себе новое для читателя. В этом особенность лирического жанра. В отличие от строгой, логически последовательной речи, где обязателен переход от известного к неизвестному, эта двучастная структура мысли в лирике не всегда полностью раскрывается. Исходный пункт мысли не называется, речь выражает только новое. Новизна сообщаемого в лирике оказывается предельно сконцентрированной в небольшом по размеру тексте.

ВИЛЕМ МАТЕЗИУС (1882—1945)

Вилем Матезиус, замечательный чешский лингвист, был одним из инициаторов создания в 1926 г. Пражского лингвистического кружка, ведущим деятелем важного направления в языкознании XX в. — школы функциональной лингвистики.

Жизнь Матезиуса неразрывно связана с Карловым университетом в Праге. Здесь на философском факультете он преподавал английскую филологию многим поколениям студентов.

Первые научные исследования Матезиуса посвящены английской филологии и английской литературе. В 1910 и 1915 гг. он опубликовал первые два тома из задуманной им многотомной истории английской литературы, статьи, посвященные У. Шекспиру, Д. Дефо, Б. Шоу, Д. Голсуорси и другим классикам английской литературы. Однако затем интересы его сосредоточиваются на языке и лингвистике — сначала английского и чешского языков, а потом общего языкознания.

В начале 20-х гг. нашего столетия Матезиуса постиг страшный удар — он почти ослеп и не мог ни читать, ни писать без помощников. В 30-е гг. к этому добавилась болезнь позвоночника, приковавшая его к постели. Но, несмотря на эти тяжкие недуги, Матезиус продолжал работать. Одно за другим выходят его исследования, и можно проследить, как постепенно формируется у Матезиуса функциональный подход к изучению языка, сделавший его главой чешской школы функциональной лингвистики.

Функциональный подход предполагает исследование явлений языка с точки зрения тех функций, которые эти явления выполняют в языке, а значит, с точки зрения намерения говорящего (или пишущего). Постоянно подчеркивая, что функция и форма в языке неотделимы друг от друга, Матезиус предлагал идти от функции к формальным средствам, с помощью которых эта функция выполняется. Такой метод позволял увидеть огромное богатство и многообразие существующих в языках средств выражения и создавал основу для особого типа сравниваемых языков, который Матезиус назвал характерологическим (от греч. *charakte* — «особенность»), потому что он демонстрировал своеобразие сравниваемых языков, их непохожесть друг на друга.

Функциональный подход Матезиус применил во всех областях науки о языке — в фонологии, в грамматике, в стилистике и т. д. В статье «Задачи сравнительной фонологии», опубликованной посмертно, дано четкое определение задач фонологического анализа: «... Необходимо прежде всего установить, какие фонологические элементы существуют в исследуемой фонологической системе, в каком взаимоотношении они находятся и какие комбинации их возможны в пределах системы, а затем проследить, в какой мере и каким образом ...язык использует фонологические элементы своей системы и их возможные комбинации». Такую же программу исследования Матезиус хотел применить и к другим сторонам системы языка.

В области синтаксиса, например, функциональный подход нашел выражение в теории актуального членения предложения (см. *Актуальное членение предложения*).

Одним из первых Матезиус обратил внимание и на существование функциональных вариантов в общем литературном языке и назвал их функциональными стилями. В статье «Язык и стиль» (1942) Матезиус показывает, с каким «изяществом» сложный механизм языка позволяет говорящим сообщать, объяснять, убеждать, выражать эмоции в разных ситуациях общения.

АКУСТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЗВУКОВ РЕЧИ

Артикуляционная классификация звуков речи нужна всем, кто занимается изучением произношения, без нее не обойтись в педагогической практике. Однако она довольно громоздка (см. *Артикуляционная классификация звуков речи*). Оказалось, что можно создать более стройную и экономную классификацию звуков, если исходить из их акустической природы. Это и было сделано, когда в фонетических лабораториях появились приборы для анализа акустических характеристик звуков, т. е. их спектров, — спектрометры.

На форме спектра звука и основана акустическая классификация. В ней последовательно проводится двоичное (бинарное, дихотомическое) противопоставление звуков речи по каждому признаку: низкие — высокие звуки, резкие — нерезкие и т. д.

Что же такое спектр звука?

Все звуки делятся на тоны и шумы. Звуки с периодическими, гармоническими колебаниями — тоны. Звуки, возникающие в результате ряда непериодических колебаний, называются шумами. В речи тоновые звуки образуются с участием голосовых связок. Шумы образуются при возникновении каких-либо препятствий в полости рта. Гласные — тоновые звуки, глухие согласные — шумовые. Сонорные согласные — тоновые со слабой примесью шума, звонкие шумные — шумовые с участием тона.

Всякий тоновый звук речи состоит из многих простых колебаний, т. е. колебаний определенной частоты (их называют гармониками). Если мы отложим на графике по горизонтальной оси частоты этих гармоник в герцах, а по вертикальной оси — значения интенсивности в децибелах, то получится спектр этого звука.

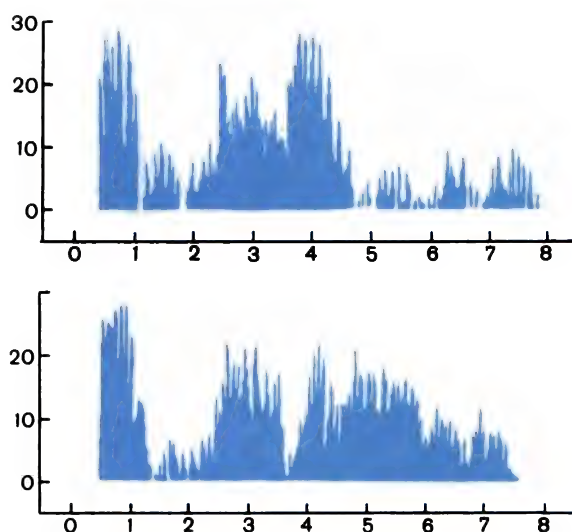
При различных положениях речевых органов полость рта представляет собой как бы систему акустических резонаторов — она «настроена» на несколько гармоник сразу. На рисунке показана схема действия такой системы: видно, что резонаторы настроены на частоты 500 Гц и 1000 Гц.

Сложный звук, попадая в систему резонаторов с такой частотной характеристикой, преобразуется: в нем усиливаются частоты, совпадающие с резонансными, и гасятся другие частоты. Спектр звука приобретает такой вид (см. рис.).

Области усиления энергии в спектре звука называются формантами. Поскольку звуки речи имеют протяженность во времени, их спектры удобно представлять с учетом трех характеристик: частоты, интенсивности и времени. На таких спектрограммах по горизонтальной оси отложена длительность, по вертикальной — частота. Об интенсивности свидетельствует степень потемнения различных участков спектрограммы.

Как по внешнему виду спектрограммы отличить спектр тонового звука, например гласного от шумового? На рисунке приведены спектры гласного [а] и согласного [ш]. Каждый из них типичен для того класса звуков, который они представляют.

Спектр гласного отличается значительно бо́льшим уровнем энергии, об этом свидетельствует степень потемнения участков спектрограммы. Кроме того, на спектрограмме гласного отчетливо видны форманты — полосы усиления энергии, идущие параллельно горизонтальной оси.



Спектрограмма гласного [а]. Внизу: спектрограмма согласного [ш].

На спектрограмме согласного уровень энергии несравненно ниже, шумовые спектральные составляющие расположены в высокочастотной области спектра. Они не образуют формант, а представлены в хаотическом беспорядке.

По форме спектра звуки речи могут быть:

1. Вокальные — невокальные. Для характеристики звука по этому признаку важно, есть ли в его спектре формантная структура, т. е. отчетливо выраженное регулярное усиление определенных частотных составляющих.

Вокальными являются все гласные и сонорные согласные, невокальными — шумные согласные.

2. Консонантные — неконсонантные. Признак консонантности связан с общим уровнем энергии в спектре: звуки со слабым уровнем консонантны, звуки с высоким уровнем энер-

гии неконсонантны. К первой группе относятся все согласные, в том числе и сонорные, ко второй группе — гласные.

3. Высокие — низкие. Для этих звуков важно, в какой части спектра преимущественно расположены составляющие — в области низких частот или высоких.

Высокие — гласные переднего ряда, передне- и среднеязычные согласные, низкие — все непередние гласные, губные и заднеязычные согласные.

4. Компактные — диффузные. Компактность звука определяется относительной близостью усиленных составляющих друг к другу и одновременно к центру спектра (1000 Гц). Диффузные звуки не обладают этим качеством.

Диффузные — гласные верхнего подъема, а также губные и зубные согласные. Все остальные звуки речи компактны.

5. Диезные — недиезные. Признак диезности связан с более высоким положением в спектре одной или нескольких областей усиления энергии.

Диезные — мягкие согласные, а также гласные переднего ряда и те гласные, которые мы произносим между мягкими согласными. Все твердые согласные и непередние гласные недиезны.

6. Бемольные — небемольные. Бемольность — понижение всех или нескольких спектральных составляющих звука. Бемольны огубленные гласные и согласные, остальные небемольны.

7. Прерванные — непрерывные. У прерванных звуков начало отличается большим расходом энергии, который затем не возрастает. У непрерывных расход энергии относительно равномерно распределен во времени. Прерванные — смычные согласные. Непрерывные — все гласные и несмычные согласные.

8. Резкие — нерезкие. Резкие звуки — с явно выраженной неоднородностью спектра. Это аффрикаты и дрожащие согласные. Все остальные звуки речи — нерезкие.

9. Звонкие — глухие. Звонкие звуки — гласные и звонкие согласные — имеют в спектре самую низкую интенсивную составляющую (до 300 Гц), которая соответствует основному тону звука. Этот тон создается колебаниями голосовых связок.

Можно видеть, что приведенная классификация вполне проста и в то же время универсальна: она охватывает и гласные, и согласные.

Все эти признаки звуков можно обнаружить при помощи прибора «видимая речь». Это динамический спектрограф, передающий на бумаге изменяющуюся во времени картину спектров звуков речи.

Анализ этих спектров привел Р. О. Якобсона (США), Г. Фанта (Швеция) и М. Халле (США) в 1955 г. к созданию акустической классификации звуков речи.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ И СИНТЕТИЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ

Слон догоняет Моську. «Источник» действия — слон; действие «приложено» к Моське. *Моська догоняет слона.* Здесь Моська — источник действия; направлено оно на слона. Как мы об этом догадываемся? По окончаниям в словах. Если *Моська* — то это подлежащее, источник действия; *Моську* — это дополнение, не источник действия. Как ни перетасовывай слова в предложении, все равно слово *Моську* будет дополнением: *Моську догнал слон. Догнал слон Моську...* Порядок слов не показывает, где подлежащее, где дополнение. Показывают это окончания: *-а, -у* в слове *Моська*, нулевое и *-а* в слове *слон*.

Вот слово из какого-то нам неизвестного предложения: *волну*. Подлежащее это или нет? Ясно, что не подлежащее: само слово, своим составом, окончанием *-у*, говорит, что оно — дополнение.

Итак, грамматические значения могут выражаться в самом слове, в его строении, например с помощью окончаний, или грамматических чередований, или удвоения основы... Но эти же грамматические значения могут находить свое выражение и вне слова — в предложении. Пример — английские предложения: *A dog runs down an elephant* — Собака догоняет слона; *An elephant runs down a dog* — Слон догоняет собаку. Кто кого догоняет — узнаем только из всего предложения, об этом говорит порядок слов, и только он.

Есть языки, где грамматические значения выражаются главным образом внутри слова: латинский, древнегреческий, русский, польский, финский... Такие языки называются синтетическими: у них в слове объединяются, образуют синтез, лексические и грамматические значения. Есть языки, где грамматические значения выражаются главным образом вне слова, в предложении: английский, французский и все изолирующие языки (см. *Изолирующие языки*), например вьетнамский. Такие языки называются аналитическими, у них слово — передатчик лексического значения, а грамматические значения передаются отдельно: порядком слов в предложении, служебными словами, интонацией...

Одни языки явно имеют пристрастие выражать грамматические значения средствами предложения, преимущественно используя аналитические показатели, а другие сосредоточивают эти показатели внутри слова.

Нет абсолютно синтетических языков, т. е. таких, которые бы не прибегали к грамматическому анализу. Так, русский язык синтетический, но в нем используются многие служебные слова — союзы, предлоги, частицы, грамматическую роль играет интонация. С другой

стороны, и полностью аналитические языки — редкость. Даже во вьетнамском языке некоторые служебные слова имеют наклонность приближаться к положению аффикса.

Языки изменяются. Например, русский язык, отчетливо синтетический, обнаруживает медленное движение в сторону аналитизма. Это движение микроскопично, оно проявляется в незначительных деталях, но этих деталей — ряд, а других деталей, показывающих противодвижение, т. е. действующих в пользу усиления синтеза, нет. Вот пример: вместо формы *граммов, килограммов* (родительного падежа множественного числа) в бытовой речи часто употребляется — в роли этого падежа — форма без *-ов: триста грамм сыра, пять килограмм картошки.* Строгая литературная норма требует в этих случаях *граммов, килограммов.* Новые, недавно получившие распространение единицы измерения в системе СИ тоже имеют в родительном падеже множественного числа форму, равную форме именительного падежа: сто *бит, эман, гаусс, ангстрем* и т. д., причем уже в качестве нормы. Разница как будто небольшая — сказать *граммов* или *грамм.* Но заметьте: *граммов* — сама форма говорит, что это родительный падеж множественного числа. *Грамм* — это форма именительного падежа единственного числа и родительного падежа множественного числа. Различить их можно только в предложении. Следовательно, точное указание на падеж перелагается с «плеч» слова на «плечи» предложения. Факт частный, это — незначительная деталь, но многие детали слагаются в общую картину: аналитические тенденции в русском языке XX в. усиливаются.

Оказалось, что чем моложе поколение, тем более склонно оно использовать аналитические конструкции — в случаях, когда язык дает возможность выбирать между аналитизмом и синтетизмом. Все это вместе позволяет говорить, что русский литературный язык последнего столетия медленно накапливает черты аналитизма. Как далеко зайдет это движение? Будет ли продолжаться оно в будущем? Предсказать трудно. Но нет сомнения, что — при крайне медленном темпе изменений — наш язык в течение ближайших столетий будет оставаться ярко синтетическим.

АНАЛОГИЯ В ГРАММАТИКЕ

У писателя К. И. Чуковского в книге «От двух до пяти» много ярких примеров того, что в науке о языке называется грамматической аналогией.

Вот спорят две маленькие девочки. Одна дразнит другую: «А я твоего петушка спрятаю». — «А я отыскаю». — «А ты не отыскаешь». Девочке остается последнее средство защиты. «Тогда я заплакаю», — говорит она.

Почему девочки говорят «спрятаю», «отыскаю» («отыскаешь»), «заплакаю»? Потому что они слышат: *играю, читаю, приласкаю, позавтракаю, думаю, сделаю* — и по этому образцу спрягают и такие глаголы, как *отыскать, заплакать, спрятать.*

В изменении тех и других глаголов действительно есть общие черты, которые и уловили девочки, но есть и различие. Все эти глаголы относятся к I спряжению. У всех у них основа инфинитива (неопределенной формы) оканчивается на *-а:* (*чита-ть, приласка-ть, позавтрака-ть, спрята-ть, заплака-ть, отыска-ть*). Но у одних глаголов это *-а-* сохраняется и в основе настоящего времени, а у других не сохраняется.

Сравним:

поработать — поработаю	спрятать — спрячу
позавтракать — позавтракаю	заплакать — заплачу
приласкать — приласкаю	отыскать — отыщу

Кроме того, у глаголов правого столбца меняются (чередуются) согласные в конце корня:

т и *ч* (*спрятать* и *спрячу*), *к* и *ч* (*заплакать* и *заплачу*), *ск* и *щ* (*отыскать* и *отыщу*). А у глаголов левого столбца такого чередования нет.

Когда дети, еще не овладевшие всей сложностью грамматики, говорят «спрятаю», «отыскаю», «заплакаю», они переносят отношения между грамматическими формами одной группы глаголов на другую. Этому способствуют одинаковые признаки инфинитива у той и другой группы глаголов. Но почему дети берут за образец такие глаголы, где *-а-* сохраняется в основе настоящего времени, а не наоборот? Говорят «спрятаю» (вместо *спрячу*), но не говорят «порабочу» (вместо *поработаю*), «позавтрачу» (вместо *позавтракаю*), «прилащу» (вместо *приласкаю*)? Потому что таких глаголов, как *работать, читать, завтракать, ласкать, думать, делать*, в языке гораздо больше, чем таких, как *прятать, искать, плакать*. В этом легко может убедиться каждый, кто попробует продолжить оба списка.

Теперь можно сформулировать в общем виде то, что было показано на одном примере грамматической аналогии в детской речи. Грамматическая аналогия — это перенос отношений между формами одной группы слов на другие слова на основании частичного сходства между ними.

Говорящий как бы решает пропорцию:

$$a : b = a_1 : x, \text{ где } x = b_1.$$

Например, *работать* (a): *работаю* (b) = *прятать* $(a_1) : x$, где x = «прятаю» (b_1).

Грамматическая аналогия встречается не только в речи детей. Если кто-то говорит «блага́» вместо *бла́га*, «средства́» вместо *сре́дства*, то подобные ошибки тоже результат грамматической аналогии. Сравните распределение ударения в формах единственного и множественного числа следующих односложных существительных:

ме́сто — места́
ста́до — стада́
де́ло — дела́

Люди, не вполне владеющие нормами литературного языка, подводят под этот образец и формы таких слов, как *сре́дство, бла́го*, у которых ударение во всех формах приходится на основу. И здесь возникает пропорция: *ме́сто — места́ = сре́дство* : x, где x = «средства́». Конечно, сло́во *место* (так же как и *работать* в первой пропорции) выбрано условно. За образец берется отношение между формами целой группы слов с одинаковым соотношением форм. Но если в прежних примерах многочисленная группа слов влияла на малочисленную, то здесь другая картина: у слов с таким распределением ударения, которое служит образцом (*ме́сто — места́*), нет количественного преимущества. Что же дает им силу воздействия на другие слова? Такое распределение ударения, как *ме́сто — места́*, имеет бо́льшую выразительность по сравнению со *сре́дство — сре́дства*. Ведь в устной речи *сре́дство* и *сре́д-*

ства произносятся одинаково. Следовательно, распределение ударений типа *мéсто — местá* выполняет важную грамматическую функцию. Оно противопоставляет формы единственного и множественного числа существительных (см. *Ударение, грамматический аспект*). Вот почему формы *мéсто — местá* влияют на *срéдство — срéдства*, а не наоборот. Отсюда не следует, что надо говорить «средствá», «благá». Такое произношение идет вразрез с нормами литературного языка, воспринимается как недостаток культуры речи. Мы здесь не «оправдываем» формы *средствá* и подобные, а объясняем, как они могут возникать.

Может создаться впечатление, что грамматическая аналогия — отрицательное явление: источник ошибок, и только. Но так может казаться только с точки зрения норм, действующих в данное время. Однако язык постоянно, хотя и медленно, изменяется. А это значит, что в каждую эпоху кроме основных действующих в это время закономерностей в грамматике сохраняются и следы старых, отживших закономерностей и ростки новых. Происходит постепенная перестройка грамматики, и в этом процессе важная роль принадлежит аналогии.

Примером может служить история склонения существительных. В древнерусском языке были другие типы склонений, чем в современном языке. Например, слова *село, дело* склонялись не так, как слова *слово, тело, чудо*: это различие было унаследовано русским языком от очень древней эпохи, когда он еще не выделился как самостоятельный язык (см. *Славянские языки*). Оснований для такого различия не было уже в самые ранние периоды русского языка (обе группы принадлежат к среднему роду), и оно сохранялось только по традиции. В таких случаях в живой речи неизбежны ошибки по аналогии, если для нее есть условия. Условия эти были. Существительные разного типа склонения имели одинаковую форму в некоторых падежах:

Им.	сел-о	слов-о
Род.	сел-а	словес-е
Дат.	сел-у	словес-и
Вин.	сел-о	слов-о
Твор.	сел-ъмь	словес-ьмь
Предл.	о сел-ъ	о словес-и

Одинаковый род и общие окончания именительного и винительного падежей — вот те черты сходства, которые сделали возможным влияние одного типа склонения на другой. Возникла такая аналогия:

сел-о: сел-а: сел-у и т. д. = *слов-о* : $x_1 : x_2$ и т. д., где x_1 = *слова*, x_2 = *слову* и т. д. Такие «ошибки» были в духе языка, для которого объединение слов по родам было живой закономерностью, а старые типы склонения — данью традиции. Побеждал при этом тип, к которому принадлежало больше слов и который более соответствовал общей закономерности склонения: падежные различия передавать окончаниями, а не вариантами основы.

Сложная цепь грамматических аналогий перестроила систему склонения, усилив в ней влияние рода и сгладив другие различия.

Для грамматической аналогии тем больше простора, чем менее строго охраняются существующие в языке нормы. Поэтому особенно сильно ее действие проявляется в речи детей, еще не овладевших нормами языка, и в диалектах. Менее строго, чем теперь, охранялись нормы литературного языка в прошлом; сейчас всеобщее образование и повышенное внимание к культуре речи сковывают действие аналогии.

Однако и литературные нормы уступают натиску аналогии, если для нее есть достаточно сильный стимул. Об этом свидетельствует хотя бы неуклонное распространение окончания *-á* в именительном падеже множественного числа на все больший круг существительных. Стало, например, допустимо говорить *секторá, тракторá, слесарá*, хотя еще недавно правильным считалось только *трáкторы, сéкторы, слéсари*.

АНТОНИМЫ

Антонимы — это слова с противоположными значениями. Слово «антоним» происходит от греч. *anti-* — «против» и *onyma* — «имя»: *горячий — холодный, горе — радость, враг — друг, мало — много, всегда — никогда, до — после*.

Антонимы — это лишь те слова, которые могут обозначать степень признака (например: *тихий — громкий*, ведь можно сказать: *более громкий звук, более тихий*); противоположно направленные действия (*подниматься — опускаться*), точки пространства и времени, расположенные как бы на разных полюсах пространственной и временной шкал (*верх — низ, поздно — рано*). Слова, которые обозначают конкретные предметы, обычно не имеют антонимов (*шкаф, бумага, варенье*).

В художественной литературе, особенно в поэзии, на противопоставлении антонимов бывает основана выразительная сила произведения. Вот, например, начало одного из стихотворений Марины Цветаевой:

Полюбил богатый — бедную,
Полюбил ученый — глупую,
Полюбил румяный — бледную,
Полюбил хороший — вредную,
Золотой — полушку медную.

Поэт может использовать в качестве антонимов и такие слова, которые в общем языке не образуют антонимических пар. В этом случае слово обычно выступает не в прямом своем значении, а как символ более глубокого смыс-

ла: «Да здравствует солнце, да скроется тьма!» (А. С. Пушкин).

Солнце здесь — символ жизни, радости, просвещения, а тьма — символ невежества, духовной пустоты (сравним антонимию *свет — тьма*, где слова имеют прямые значения).

Нередко антонимия используется в названиях художественных и публицистических произведений: это позволяет подчеркнуть контраст тех явлений, о которых идет речь, противопоставить одних героев другим. Например: «Толстый и тонкий», «Живые и мертвые» и т. п.

АРГО. ЖАРГОН

Оба эти термина — арго́ и жаргон — употребляются в лингвистике для обозначения особых «языков», на которых говорят люди одной профессии (профессиональные арго или жаргоны) или определенной социальной группы (социальные арго или жаргоны).

Это не языки в буквальном смысле слова: грамматика в них в целом та же, что и в общенациональном языке. Вся их «особость» — в лексике: многие слова в жаргонах имеют специальный смысл; есть такие, которые и по форме отличаются от общеупотребительных.

Так, например, в жаргоне летчиков низ фюзеляжа называется *брюхом*, учебный самолет — *божьей коровкой*. Если самолет силой воздушного потока увлекается вверх, то он *вспухает*, если его нос резко опускается вниз, то самолет *клюет*. Фигуры высшего пилотажа также имеют метафорические названия: *бочка, горка* и т. п.

Моряки называют *дедом* совсем не того, кто на судне старше других по возрасту, а старшего механика; капитана они зовут *кеп*, моториста — *мотыль*, кока — *кандей*.

Есть подобные особенности в речевом обиходе медиков, железнодорожников, горняков и представителей других профессий. Это профессиональные жаргоны (арго). Они используются людьми, которых сближает общее дело, одна специальность. За пределами профессиональной среды такой жаргон непонятен.

Столь же специфичной может быть речь какой-либо социально обособленной группы людей. Иногда деятельность такой группы требует скрытности, утайки от общества — в этом случае разработка особого «языка», непонятного чужим, диктуется жизненной необходимостью.

В прошлом, например, существовали нищенский и воровской жаргоны; остатки этих жаргонов сохранились и в наше время, а кое-какие слова перекочевали в общий оборот, потеряв жаргонную окраску: *двурушник* (у нищих так назывался тот, кто в толпе собирал милостыню обеими руками), *липа* (фальшивка), *жулик* и некоторые другие.

Был в дореволюционной России и «язык» офеней — бродячих торговцев мелким товаром, коробейников (тех самых, о которых писал Н. А. Некрасов: «Эх, полным-полна коробушка...»). Офени составляли одновременно

и профессионально, и социально обособленную группу. Случалось, что на коробейников нападали, отбирали у них товар и деньги, их деятельность иногда преследовалась властями. Поэтому коробейники вынуждены были всячески скрывать свои намерения и действия от посторонних, доверяясь лишь друг другу и поддерживая тесные связи только между собой. Помогало им в этом специально выработанное арго, непонятное окружающим. Дом офени называли *рым*, молоко — *мелех*, деньги — *сары*, товар — *шивар;* вместо *строить* они говорили *мастырить*, вместо *говорить* — *зетить* и т. п.

Во многих обществах издавна существовали и существуют школьные и студенческие жаргоны. В России XIX в. был еще бурсацкий жаргон: его употребляли учащиеся особой школы — бурсы, которая отличалась жестокой дисциплиной. Писатель-разночинец Н. Г. Помяловский отразил бурсацкий жаргон в повести «Очерки бурсы»: вместо *украли* бурсаки говорили *сбондили, сляпсили, стибрили*, вместо *лицо* — *рождество* (*дать в рождество* значило «ударить по лицу»).

Общее свойство жаргонной лексики — переосмысление общеупотребительных слов и создание выразительных, ярких метафор. Это проявляется не только в русском, но и в других языках.

В американском солдатском сленге (еще один термин, употребляемый для называния социально и профессионально обособленных форм языка) вертолет называют *ветряной мельницей*, торпеду — *рыбой*, самолет, управляемый по радио,— *трутнем* (из-за полос на фюзеляже), полковника — *цыпленком*.

Некоторые жаргонные слова и обороты проникают и в общее употребление — именно из-за образности и выразительности этих слов. Сейчас носители литературного языка нередко прибегают к арготизмам (правда, только в условиях непринужденного общения): *трёп, бадяга, навалом* (в значении «много»), *катить*

КАК ГОВОРИЛИ ОФЕНИ

Вот как говорили офени, бродячие торговцы-коробейники, на своем тайном языке:

— Мас скудается — устрекою шуры не прикосали бы и не отъюхтили шивару.

— Поёрчим масы бендюхом, а не меркутью и шивару пулим ласо, а возомки забазлаем щавами; не скудайся!

— Я боюсь — как бы нас дорогою не побили воры и не отняли товару.

— Так мы поедем днем, а не ночью, и товару купим немного, а возы завяжем веревками; не бойся!

— Елтуженка, повандай побрять: кресца, вислячков, сумачка, спидончика поклюжи на стропень, подъюхчалки да жулик не загорби, а самодул снозна постычьте. Счабану набусаемся поскенне — клёвее мияшит. Дрябану в выксе скенно, не жалкомни, а счабану да сластиму привандырим.

— Женушка, подай поесть: мясца, огурчиков, хлебца, пирожка положи на стол, вилки да ножик не забудь, а самовар снова поставь. Чаю напьемся побольше — лучше будет. Воды в реке много, не жалей, а чаю да сахару привезем.

Легко можно заметить, что корни слов «засекречены», а грамматика — обычная русская.

бочку на кого-либо («несправедливо обвинять или упрекать») и т. п.

Однако в целом жаргон (арго, сленг) имеет ограниченную сферу распространения.

АРТИКУЛЯЦИОННАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЗВУКОВ РЕЧИ

Наша речь — непрерывная смена артикуляций (*артикуляция* — от лат. *articulatio, articulare* — «членораздельно выговаривать»). Одна речевая поза сменяется другой, а это достигается перемещениями языка спереди назад, сверху вниз, движениями губ, маленького язычка, включением голосовых связок и т. д. Редкий знаток говоров С. С. Высотский как-то подсчитал, что язык, совершая артикуляционную работу, перемещается во рту со скоростью курьерского поезда!

При движениях речевых органов воздух, поступающий из легких, то свободно, без преград, проходит через рот, то встречает на своем пути препятствия. Первые артикуляции соответствуют гласным, вторые — согласным.

Именно поэтому известный лингвист В. А. Богородицкий предлагал называть гласные рторaскрывателями, а согласные — ртосмыкателями.

Существует и другое важное различие между гласными и согласными: для согласных всегда можно точно указать, при каком положении языка, губ и других речевых органов образуется звук, иными словами, согласные имеют вполне определенные «артикуляционные адреса». Для гласных это сделать значительно труднее.

Итак, гласные по своим характеристикам принципиально отличаются от согласных. Поэтому и артикуляционная классификация гласных должна строиться на иных основаниях, чем артикуляционная классификация согласных.

В основе классификации гласных — положение важнейшего органа речи — языка.

Мы знаем, что ротовая полость при образовании звуков речи играет роль резонатора. Язык делит этот резонатор на две части. Перемещаясь вперед — назад, вверх — вниз, язык меняет форму и объем двух частей речевого резонатора, что создает разные акустические эффекты, воспринимаемые человеческим слухом как разные гласные.

Для описания различных гласных вводят две характеристики — ряд и подъем.

Горизонтальным смещениям языка соответствует представление о ряде гласных, вертикальные смещения языка связаны с понятием о подъеме гласных. Поэтому каждый гласный может быть отнесен к одному из трех подъемов — верхнему, среднему или нижнему и одновременно к одному из трех рядов — переднему, среднему или заднему. Простейшую артикуляционную классификацию гласных можно видеть на следующей таблице:

Подъем	Ряд		
	передний	средний	задний
верхний	и	ы	у
средний	э	ъ	о
нижний	—	а	—

Эта таблица лишь в общем виде отражает действительное положение вещей, поскольку как при горизонтальных, так и при вертикальных перемещениях язык не делает резких скачков, движение происходит плавно, поэтому возможны более тонкие градации положения гласных как по ряду, так и по подъему.

Даже в хорошо известном нам русском языке есть такие оттенки гласных, которым не найдется места на нашей упрощенной схеме. Куда бы, например, следовало поместить ударный гласный из слова «пять»? Или безударный гласный из слова «пятак»? Фонетист скажет, что первый гласный — *ä* — должен быть отнесен к передне-среднему ряду и средне-нижнему подъему, а второй гласный — $и^е$ — к тому же передне-среднему ряду, но верхне-среднему подъему. И это еще не самые трудные случаи!

Вот почему Л. В. Щерба предложил в таблице гласных выделять шесть степеней подъема. Однако и такая таблица все же схематична, есть более детальные таблицы.

Следовательно, сказав о гласном, к какому ряду и подъему он принадлежит, мы дадим его основную артикуляционную характеристику. Основную, но не полную. Ведь в артикуляции некоторых гласных участвуют еще и губы, в образование некоторых гласных включается также носовой резонатор.

В русском языке, как и во многих других, гласные заднего ряда являются одновременно и огубленными (лабиализованными). В некоторых языках, например в немецком языке, различаются огубленные и неогубленные гласные переднего ряда (*i* — *ü*, е — ö).

Классическим примером противопоставления ротовых и носовых гласных является французский язык.

Совсем другие основания важны для артикуляционной характеристики согласных. Для их классификации следует учитывать 4 признака: 1) способ образования, 2) место образования, 3) участие голосовых связок и 4) твердость — мягкость согласного.

Согласные — ртосмыкатели, в их образовании непременно участвует преграда в полости рта. Форма преграды может быть различной: язык может полностью преграждать выход воздуха изо рта, образуя смычку с зубами или с нёбом, а может создавать затор, оставляя

для выхода воздуха лишь узкую щель. Поэтому все согласные делятся по способу образования на смычные (например: *п, т, г*) и щелевые (например: *з, х, ф*). Есть и промежуточные звуки, в которых сочетаются признаки как смычных, так и щелевых. Это аффрикаты (*ч, ц*).

Итак, способ образования — первый признак в артикуляционной характеристике согласных.

Вторым важным признаком является место образования шумообразующей преграды.

Преграда каждый раз образуется двумя органами — активным речевым органом (языком, нижней губой) и пассивным (верхней губой, нёбом, зубами), к которому прикасается активный орган во время артикуляции.

По активному речевому органу согласные могут быть губными и язычными (передне-, средне- и заднеязычными), по пассивному — губными, зубными, нёбными (передне-, средне- и задненёбными). Третий признак — разделение согласных на звонкие (например: *г, ж, б*) и глухие (*к, ш, п*). Они могут быть образованы с участием и без участия голоса.

И наконец, в-четвертых, согласные могут быть твердыми и мягкими.

При произношении мягких согласных язык смещается в переднюю часть ротовой полости, одновременно приподнимаясь по направлению к твердому нёбу, при образовании твердых согласных вся масса языка несколько сдвигается назад, приподнимаясь к мягкому нёбу. Различия согласных по твердости — мягкости существенны для русского языка, большинства славянских и некоторых других. Во многих языках, например в немецком, английском, французском, согласные не различаются по твердости — мягкости. Они совсем не похожи на наши мягкие согласные и несколько отличаются от твердых.

АРХАИЗМЫ. ИСТОРИЗМЫ

Архаизмы и историзмы — это устаревшие слова. Вот примеры устаревших слов: *алебарда, пищаль, секира* (названия старинных видов оружия); *сей, зело, отрок, мысливый.*

Названия предметов, которые были известны лишь нашим предкам и вышли из употребления,— это историзмы (*алебарда, пищаль, секира*). Может быть и так: вещь или понятие остались, а названия их ушли из языка, заменились другими. Такие ушедшие слова — архаизмы: *сей* — этот, *зело* — очень, *отрок* — подросток, юноша, *мысливый* — разумный.

Архаизмы могут отличаться от современных слов не целиком, а лишь некоторыми звуками (или даже одним): *пиит* — поэт, *огнь* — огонь, *вран* — ворон. Это — фонетические архаизмы. Если же в прошлом слово имело иное ударение, то говорят об акцентных, или акцентологических, архаизмах: *симвóл, судáрь, призрáк.* Например, в стихах М. Ю. Лермонтова:

Ее насмешливый *призрáк*
И днем и ночью дух тревожит.

Еще одна разновидность архаизмов — морфологические; они архаичны по своей морфемной структуре: *свирепство* — вместо современного *свирепость*, *нервический* — вместо *нервный*, *рухнуться* — вместо *рухнуть*. Например, у Ф. М. Достоевского: «Он ступил шаг, покачнулся и *рухнулся* на пол в обмороке».

Бывает, что внешность у слова вполне современна — архаично же его значение. Это — семантические архаизмы. Так, слово *позор*, которое мы сейчас употребляем в смысле «бесчестье», в старину означало «зрелище». *Обыденный* лет полтораста назад значило «сделанный за один день» (говорили: *обыденный путь, обыденный дом*), а вовсе не «обычный, заурядный», как теперь. Читая у Пушкина в «Капитанской дочке»: «Схвачен был башкирец с возмутительными листами»,— надо иметь в виду, что здесь слово *возмутительный* означает «призывающий к возмущению, к восстанию» (сравните современное: *возмутительный* поступок, *возмутительное* поведение).

Причина появления в языке историзмов — в изменении быта, обычаев, в развитии техники, науки, культуры. На смену одним вещам и

отношениям приходят другие. Например, с исчезновением таких видов одежды, как *армяк*, *камзол*, *кафтан*, из русского языка ушли названия этих видов одежды: их теперь можно встретить лишь в исторических описаниях. Навсегда ушли в прошлое, вместе с соответствующими понятиями, слова *крепостной*, *по́дать*, *оброк*, *барщина* и другие, связанные с крепостным правом в России.

Причина появления архаизмов — в развитии языка, в обновлении его словаря: на смену одним словам приходят другие.

Вытесняемые из употребления слова не исчезают бесследно: они сохраняются в литературе прошлого, они необходимы в исторических романах и очерках — для воссоздания быта и языкового колорита эпохи. Вот, например, два отрывка из романа А. Н. Толстого «Петр Первый»: «Вдали, у Никольских ворот, виднелась высокая — трубой — соболья шапка боярина, меховые колпаки дьяков, темные кафтаны выборных лучших людей» (историзмы); «Когда подлинно уведомится о пришествии короля Каролуса, и если оный нарочито силен,— оного накрепко стеречь» (архаизмы).

Поэты нередко прибегают к устаревшим словам, чтобы придать стихам высокую, торжественную окраску. Например:

В голубой далекой спаленке
Твой ребенок *опочил*.

(А. Блок)

Легким взмахом белого *перста*
Тайны лет я разрезаю воду.

(С. Есенин)

Единственный человечий
                средь воя,
                средь визга
Голос
        подъемлю
                днесь.

(В. Маяковский)

Иногда устаревшие слова начинают употреблять в новом значении. Так, в современный русский язык вернулось слово *династия*. Раньше оно могло сочетаться только с такими определениями, как *царская*, *монархическая*. Теперь же говорят и пишут о *рабочих династиях*, *династиях шахтеров*, *лесорубов*, имея в виду семьи с «наследуемой» профессией.

Архаизмы используют также и ради шутки, в ироническом контексте, например: «Обыватель любопытен, все узнать бы о пиите!» (В. Маяковский); «И вот отворяются магазинные врата: Стульев нет. Столов нет» (Л. Лиходеев).

АССИРО-ВАВИЛОНСКАЯ КЛИНОПИСЬ. ЕЕ ДЕШИФРОВКА

Двадцать пять веков назад персидский царь Дарий I приказал выбить на высокой скале Бехистун (в западном Иране) надпись, повествующую о своих победах. Надпись была сделана на трех языках: на родном, персидском, на эламском (ибо первоначально Элам, территория нынешней провинции Хузистан, был культурным центром персидской державы) и на «международном» аккадском (ассиро-вавилонском) языке. Все три текста были записаны клинописью.

Ф. Гротефенд, немецкий учитель, и Г. Роулинсон, английский дипломат, нашли ключ к древнеперсидским письменам. Затем была расшифрована и эламская клинопись, пред-

Изображение дракона бога Мардука (с элементами клинописи) на стене вавилонского храма.

ставленная сотней с небольшим знаков, в основном слоговых (и чуть больше десятка эламских клинописных знаков передавали слова или служили «немыми» указателями — детерминативами). Но при расшифровке текста, написанного на ассиро-вавилонском языке, столкнулись с трудностями, первоначально казавшимися непреодолимыми.

В самом деле, параллельные тексты, уже дешифрованные, говорили, что в таком-то месте текста, написанного вавилонянами, должно стоять имя царя Навуходоносора. Чтение клинописных знаков по слогам было уже известно. Почему же тогда, читая эти знаки, вместо имени Навуходоносор (или варианта его) получалось чтение по знакам «Ан-ак-ша-ду-шиш»? Разумеется, царя вавилонян могли звать несколько иначе; Навуходоносор — лишь греческая передача его имени. Но ведь здесь нет ничего похожего!

Лишь после того как при раскопках ассирийской столицы Ниневии удалось отыскать клинописный «словарь», ученые разгадали эту загадку. Оказалось, что знаки могли иметь несколько чтений, как слоговых, так и словесных. Знаки «ан-ак» могли быть прочитаны не только как слоги «ан» и «ак», но как слова «илу» (бог) и «Наби-ум» (имя бога Набу). Знаки «ша-ду» передавали слово «кудурри» (граница), знак «шиш» мог иметь словесное чтение «нацару» (хранить). Получалось в целом слово «Набу-кудурри-уцур», т. е. «бог Набу, храни границы» — так звали вавилоняне своего царя, известного нам как Навуходоносор (древние имена народов Ближнего Востока, как правило, были именами-заклинаниями, именами-посвящениями и, по существу, являлись целыми значащими предложениями).

Чем дальше продвигалась вперед дешифровка ассиро-вавилонской клинописи, которую вели ученые, работавшие в различных странах мира, тем с большими трудностями и сложностями сталкивались востоковеды. Выяснилось, что знаки могут иметь не только слоговое или словесное чтение, но и несколько слоговых и несколько словесных чтений, а также быть «немыми» знаками-указателями, детерминативами. Так, например, клинописный знак, неизменно вызывающий затруднения у студентов-востоковедов, когда они начинают изучать клинопись Двуречья, можно читать как слоги: 1) уд 2) утт 3) ут 4) пар 5) пур 6) пир 7) лах 8) лих 9) хиш 10) та 11) там 12) ттам 13) бир 14) дам 15) худ 16) хут 17) хутт 18) ум 19) са.

Попробуйте-ка теперь узнать, какое из этих 19 слоговых чтений знака надо выбрать, чтобы правильно прочитать слово! А ведь многие знаки имеют, помимо того, еще и словесные чтения или являются детерминативами, т. е. не читаются. Например, простой на вид знак из трех

Вавилонская стенопись.

клиньев может читаться как «мату» (страна), «ирситу» (земля, область), «шаду» (гора), а также иметь слоговые чтения «кур», «кин», «мат» и «шад». Не удивительно, что немецкий ассириолог К. Бетцольд ввел в обиход выражение «ужасная клинопись», а Роулинсон говорил, что он не раз терял «всякую надежду достигнуть хоть каких-либо удовлетворительных результатов».

«Как же можно правильно читать ассиро-вавилонскую клинопись, если знаки имеют по нескольку слоговых и словесных значений, да при этом порой и вовсе не читаются?» — спрашивали скептически настроенные исследователи. Чтобы убедиться в достоверности дешифровки, в сентябре 1857 г. был устроен своеобразный экзамен. По счастливой случайности в Лондоне в это время оказались четыре крупнейших специалиста по клинописи. Это были: Э. Хинкс, первым обнаруживший многозначность знаков ассиро-вавилонской клинописи; Г. Роулинсон, с риском для жизни скопировавший выбитую на неприступной скале Бехистунскую надпись, положившую начало дешифровке; Ф. Тальбот, известный также как математик и один из пионеров фотографии; наконец, блестящий ученый-языковед Ж. Опперт.

В запечатанных конвертах всем участникам «экзамена» было вручено по копии только что найденной археологами надписи ассирийского царя Тиглатпаласара I — с просьбой разобрать длинный текст, начертанный клинописью. И когда каждый из ученых прислал свой перевод текста, выяснилось, что во всех основных моментах переводы сходятся. Скептики были посрамлены: стало ясно, что дешифровка ассиро-вавилонской клинописи стоит на прочном и надежном фундаменте. И подобно тому как открытие французского ученого Ж. Ф. Шампольона считается днем рождения египтологии, успешно сданный «экзамен» в 1857 г. считается началом новой науки — ассириологии. А вслед за ней родилась и еще одна дисциплина — шумерология, изучающая культуру, язык и письмена предшественников вавилонян и ассирийцев в Двуречье — шумеров.

Ученые смогли проследить, как рождалось письмо в Двуречье, откуда происходят древнейшие памятники письма, как язык рисунков — пиктография (см. *Пиктография*) превращался в средство передачи звуковой речи, т. е. настоящее письмо. Шумеры писали на глине: сначала чертили знаки заостренными палочками, а так как сырая глина — материал вязкий и быстро начертить на ней прямые и округлые линии затруднительно, писцы стали применять другое орудие письма — палочку с трехгранным острием (сменить материал для письма шумеры не могли — в Двуречье было мало дерева и камня). Этим острием они уже не чертили, а выдавливали знаки. Знаки-рисунки упрощались и схематизировались, превращались в условные значки, все дальше и дальше уходя от своего рисуночного прототипа, пока, наконец, не превратились в сочетания клиньев, которые легко наносить (т. е. выдавливать на глине) с помощью палочки с трехгранным острием.

Глиняные «книги» хранили в бочках, ларях (также из глины) или сосудах. Археологам удается находить целые «библиотеки» табличек, покрытых клинописными знаками. Наиболее ценные книги посчастливилось обнаружить при раскопках дворца ассирийского царя Ашшурбанипала (именно здесь был найден текст древнейшего в мире литературного произведения — «Эпоса о Гильгамеше») и столицы хеттских царей (около 20 000 табличек обнаружил здесь в 1907 г. немецкий археолог Гуго Винклер; публикация этих материалов продолжается и по сей день).

Современными знаниями об истории древнего мира мы во многом обязаны глиняным «книгам», а история Двуречья целиком основывается на них.

Б

БАЛТО-СЛАВЯНСКАЯ ОБЩНОСТЬ

В семье индоевропейских языков особенно близки друг другу славянские и балтийские языки. К последним относятся современные литовский и латышский (так называемые восточнобалтийские) и мертвые (в разное время исчезнувшие) языки древних племен, обитавших на территории лесной зоны Восточной Европы от верховьев реки Оки до южной Прибалтики. А именно: голядский (до XII—XIII вв. голядь жила в междуречье Москвы и Оки, следы близкого голядскому языка заметны в названиях водоемов между Днепром и Десной), ятвяжский (ятвяги жили в междуречье Немана и Западного Буга) и прусский (до XVIII в. на этом языке говорило население, жившее к западу от ятвягов, вдоль южного берега Балтийского моря). Три этих языка принято называть западнобалтийскими. О том, что когда-то, до сложения восточнославянских народностей — русских, белорусов и украинцев, на территории нынешней Белоруссии и смежных районов России жили носители балтийских языков, свидетельствуют названия местных рек и речек. В большинстве своем они являются по происхождению балтийскими: сменив с течением времени язык, потомки древнего населения оставались жить на земле предков, сохраняя, в частности, и древние местные географические названия.

Близость балтийских и славянских языков проявляется в регулярных звуковых соответствиях, в сходстве форм словоизменения и словообразования, в общности большинства слов, обозначающих окружающий мир, людей, их отношения и деятельность в условиях общинно-родового строя. При этом восстанавливаемое для славянских языков исторически исходное праславянское (см. *Праславянский язык*) оформление слов, как правило, совпадает с их оформлением в исторически засвидетельствованных балтийских языках. Так, например, восстанавливая для слова *ворота* (восточнославянское) — *врата* (южнославянское, чешское и словацкое) — *wrota* (польское и серболужицкое) исходную праславянскую форму **vort-a* — из праформы **vă°rt-ā*, мы обнаруживаем именно такое оформление корня в литовском: *vărt-aî*. Восстанавливая для славянского *верх* (древнерусское *вьрхъ*) праформу **vǐrs-ŭs*, мы находим ее в латышском *virs-ŭs* и литовском *vĭrš-ùs*. Восстанавливая для славянского *сын* (древнерусское *сынъ*) праформу **sūn-ŭs*, мы находим ее в литовском *sūn-ùs* и т. д. В очень большом числе случаев, таким образом, славянские слова и формы выглядят как преобразованные балтийские. Эти уникальные внутри индоевропейской семьи отношения между языками, принадлежащими к разным группам, до сих пор не получили общепринятого исторического объяснения.

В середине XIX в., когда в языкознании появилась схема «родословного древа», объяснявшая происхождение «родственных» языков последовательным членением праязыка (см *Праязык*) на отдельные языки, сложилось убеждение, что сначала выделился единый балто-славянский праязык, который позднее распался на праславянский и прабалтийский. Эта идея происхождения славянских и балтийских языков из общего для них языка-предка просуществовала в науке почти столетие — до начала — середины XX в. Именно в это время стало формироваться представление о сложности процесса образования «родственных» языков; он должен был включать не только распад, но и сближение языков в результате создания разноязычных племенных союзов. Первым, кто усомнился в реальности балто-славянского праязыка и обосновал в 1911 г. свои сомнения, был Я. Эндзелин, известный латышский лингвист.

Поскольку балтийские и славянские языки, наряду с очень заметными общими чертами, характеризуются также и очень существенными различиями, в науке стала развиваться идея балто-славянской общности (или сообщности), заключающаяся в том, что праславянский и прабалтийский языки, исконно относившиеся к разным индоевропейским группам, будучи на протяжении очень длительного времени непосредственными «соседями», сблизились, развив комплекс общих для них особенностей. Новые исследования показали, что так называемая балто-славянская проблема (т. е. проблема древних отношений между этими двумя языковыми группами) требует также и решения вопроса исторических взаимоотношений между восточно- и западнобалтийскими языками, которые в свою очередь характеризуются очень древними различиями, не позволяющими возвести все балтийские языки к абсолютно единому источнику — прабалтийскому языку. Сторонники идеи балто-славянской общности эти отношения объясняют происхождением западнобалтийских языков в результате сближения части первоначально праславянских диалектов с восточнобалтийскими или, наоборот, сближения с праславянским части древних восточнобалтийских диалектов. Такое объяснение учитывает, что запад-

нобалтийские языки по своим особенностям являются как бы промежуточными (или переходными), т. е. по одним чертам сходны с восточнобалтийскими, а по другим — с праславянским языком.

В последние десятилетия были предприняты серьезные попытки обобщения отношений между индоевропейскими языками. Исследования показали, что наиболее древние черты в равной степени объединяют как праславянский, так и балтийские языки с азиатскими индоевропейскими языками, с балканскими (фракийским и иллирийским), исчезнувшими в начале новой эры (из этих языков в горах на побережье Адриатического моря сохранился лишь албанский язык), а также с германскими языками. Вместе с тем праславянский язык характеризуется значительным комплексом особенностей, сближающих его с западноиранскими языками, к которым, как принято считать, относился язык скифов; эти особенности балтийским языкам неизвестны. На основании этих свидетельств высказано предположение, что протославянский языковой союз, со временем оформившийся в праславянский язык, по преимуществу состоял из диалектов, часть которых сохранилась на прибалтийской окраине когда-то обширного района их распространения. Окончательный отрыв праславянского языка от древнебалтийских диалектов произошел после его сближения с западноиранской речью скифов, господствовавших в Северном Причерноморье в середине I тысячелетия до н. э.

Оформление праславянского как своеобразного индоевропейского языка не было связано с географическим разрывом праславян и древних балтов: значительная часть праславянских племен продолжала обитать вдоль границ древних балтийских поселений. Археологи отмечают, что эти поселения существовали с начала I тыс. до н. э. до второй половины I тыс. н. э. почти без изменений. В конце I тысячелетия до н. э. в Среднем Поднепровье формируется обширный племенной союз, оставивший археологические памятники II в. до н. э.— II—IV вв. н. э., получившие название зарубинецкой культуры. Создатели этой культуры, как принято считать в последние годы, говорили на диалектах праславянского и западнобалтийского типа. Группа племен этого объединения позднее продвинулась вверх по реке Десне и создала в районе верхнего течения реки Оки поселения, которые получили в археологии название мощинской культуры. Как свидетельствуют данные гидронимии (названий рек и озер), эта группа племен говорила на западнобалтийском языке. А жившие на территории мощинских поселений в древнерусское время (IX—XI вв.) вятичи настолько заметно отличались от окружающего славяноязычного населения, что летописец не считал их славянами, так же как и радимичей (между прочим, тоже живших на территории, где до сих пор сохраняются названия рек западнобалтийского происхождения).

Во второй половине I тыс. н. э., в эпоху сложения древнерусского государственного объединения, балтоязычное население центральной лесной зоны интенсивно славянизируется, т. е. включается в состав древнерусской народности, лишь на западных окраинах сохраняя балтийскую речь предков (потомки этого населения — современные литовцы и латыши).

БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ

Берестяными грамотами принято называть тексты, начертанные (процарапанные) заостренным костяным стержнем на березовой коре — берёсте.

Береста в качестве писчего материала встречается у многих народов Евразии и Северной Америки. Некоторые русские старообрядческие книги написаны на специально обработанной березовой коре. Однако все известные до недавнего времени тексты на бересте написаны чернилами (иногда углем) и ничем, кроме писчего материала, не отличаются от рукописей, писанных чернилами на пергаменте или бумаге. И все они сравнительно позднего происхождения (не старше XV в.).

Открытие новгородских берестяных грамот познакомило ученый мир с неожиданным и удивительным явлением древнерусской культуры. Хотя о традициях берестяного письма в Древней Руси (до XIV—XV вв.) было известно давно, первая древнерусская берестяная грамота была найдена лишь 26 июля 1951 г. во время раскопок в Новгороде под руководством крупного советского археолога А. В. Арциховского. Не случайно, что берестяные грамоты были обнаружены именно в Новгороде, одном из важнейших культурных центров нашего средневековья: состав местной почвы благоприятствует длительному сохранению в ней древесных материалов.

При расширении археологических раскопок последовали систематические находки грамот на бересте: в начале 80-х гг. их число перевалило за 600. Берестяные грамоты были обнаружены также в Смоленске (10 грамот), в Старой Руссе под Новгородом (13 грамот), Пскове (3 грамоты), в Витебске (одна хорошо сохранившаяся грамота). Нетрудно заметить, что все места находок географически близки к Новгороду и имели если не тождественные, то сходные условия сохранения этих памятников древнего письма. Сохранению их, конечно же, способствовало и то, что они процарапаны, а не писаны чернилами, которые за сотни лет пребывания в сырой земле должны были раствориться.

Новгородские берестяные грамоты представлены с XI в. В подавляющем своем большинстве они являются текстами разового использования: это частные письма, посланные с оказией близким людям — членам семьи, друзьям, соседям или компаньонам в торговых делах (например, с просьбой поскорее что-то прислать, приехать или как-то помочь в деле); встречаются черновики деловых бумаг (которые затем, видимо, были переписаны на бумаге или пергаменте), памятные заметки «для себя» (о долгах, о необходимости что-то сделать); известны тексты, принадлежащие учащимся и представляющие что-то вроде черновых упражнений в письме. Найдена, например, целая серия упражнений в азбуке и рисунков мальчика Онфима и его товарища, живших в Новгороде в XIII в. Естественно, что по прошествии некоторого времени такие записи или прочитанные письма выбрасывались.

Большинство берестяных грамот повреждено временем, так что нередко читаются лишь фрагменты древнего текста, но есть и такие, где текст сохранился полностью. Грамоты эти являются ценнейшим материалом для историков: они характеризуют частную, хозяйственную и культурную жизнь древнего Новгорода как бы изнутри, значительно обогащая наши сведения о древнем Новгороде.

Очень велико и их историко-культурное значение: берестяные грамоты подтверждают давнее предположение о широком распространении грамотности на Руси, особенно в средневековом Новгороде, где умение читать и писать было достоянием самых различных слоев городского населения (в том числе и женщин, являющихся авторами или адресатами некоторых берестяных грамот), а не только духовенства и писцов-профессионалов. Средневековая Западная Европа такого широкого распространения грамотности не знала.

Для языковедов, как и для историков, берестяные грамоты являются принципиально новым источником. Созданные людьми, не занимавшимися перепиской древних книг или составлением официальных документов, они лишь отчасти отражают нормы церковно-книжной орфографии и теснее связаны с особенностями местного произношения. Сначала, правда, казалось, что берестяные грамоты могут лишь подтвердить правильность прежних предположений об особенностях древненовгородского диалекта, сделанных на основании анализа «описок» в книгах и официальных документах, и не дадут принципиально новых сведений, которые были бы неожиданными для историков русского языка. Так, например, берестяные грамоты широко отражают такую яркую особенность древнего новгородского диалекта, как «цоканье» — наличие в речи новгородцев лишь одной аффрикаты *ц* (которой в других древнерусских диалектах соответствовали две аффрикаты — *ц* и *ч*) (см. *Цоканье*): *пшеница, куницы* и *хоцу, целобитье, Гориславица* (род. п.) и т. д. Но эта черта древнего новгородского диалекта отражена и в известных ранее книгах, написанных в Новгороде (например, в Минеях XI в., в Новгородской летописи конца XIII—XIV в. и др.), хотя, конечно, и не так последовательно, как в берестяных грамотах. Это понятно: читать и писать учились по церковным книгам, заучивая наизусть молитвы и псалмы, в которых буквы *ц* и *ч* употреблялись «правильно», поэтому древние писцы, независимо от особенностей род-

ного диалекта, старались писать *ц* и *ч* «по правилам». И среди берестяных грамот есть такие, где правила употребления этих букв не нарушаются (тот же мальчик Онфим в своих упражнениях буквы и слоги с этими буквами пишет в той последовательности, в какой они располагаются в славянском алфавите: *ц — ч, ца — ча, це — че*). Но большинство авторов берестяных грамот, делая записи «для себя» или спеша послать записку близкому человеку, невольно нарушали эти правила, употребляя только букву *ц* или смешивая *ц* и *ч*. Это подтверждает предположение об отсутствии двух аффрикат в местном диалекте (что соответствует и его современному состоянию).

По мере дальнейшего, более глубокого изучения языка берестяных грамот стало обнаруживаться, что они отражают такие особенности древней новгородской речи, которые со временем исчезли и не отражены в традиционных источниках или представлены в них невольными описками переписчиков, не позволявшими делать более или менее определенных выводов.

Примером могут служить написания, представляющие судьбу согласных *к, г, х,* которые в славянских (включая древнерусский) языках были в то время невозможны перед гласными *и* и *е* (ѣ). Говорили и писали *помози* (а не *помоги*), *по бѣлъцѣ* (а не *по бѣлкѣ*), *грѣси* (а не *грѣхи*).

В новгородских текстах редкие примеры с написаниями, противоречащими традиционным, известны давно. Так, новгородец, переписывавший в 1096 г. текст служебной Минеи, написал на полях свое местное (нехристианское, отсутствующее в церковных книгах) имя *Домка* в форме, не соответствующей тому, что известно из других текстов XI—XII вв.: *Господи, помози рабу своему Дъмъкѣ*, в то время как по законам тогдашнего произношения (как его всегда представляли себе историки языка) и по правилам правописания следовало бы: *Домъцѣ*. Единичное написание *Дъмъкѣ* на фоне общего правила истолковывалось как частный случай раннего обобщения основы (под влиянием *Домък-а, Домък-у* и т. д.).

Однако при тщательном изучении старейших берестяных грамот (до XIV в.) выяснилось, что в них такая передача сугубо местных слов (личных имен, названий поселений, терминов), не встречающихся в церковных книгах, обычна: *къ Кулотъкѣ*, *на Местятке, на туске* (вид подати), *по бѣлки* (местная единица расчета) и др.

Подобные написания означают, что древний новгородский диалект не знал изменения *к, г, х* в обычные для славянских языков *ц, з, с* (ожидалось бы *Кулотъцѣ, в Пудозѣ* и т. д.). Это отражено и в других позициях, включая начало корней, что встречается только в берестяных грамотах: *кѣли* (= *цѣлы*, т. е. *целые*) *хѣро* (= *сѣро*, т. е. *серое*), а также *вьхо, вьхому* (= *весь, всему*). Все эти случаи показывают, что сочетания *кѣ, хѣ* и другие в речи новгородцев не изменялись сочетания с согласными *ц, с*. Оказывается, таким образом, что обычные в пергаментных и в более поздних новгородских текстах *цѣлыи, сѣрыи, весь — вьсему* и т. п. — это результат утраты исконных новгородских диалектных особенностей и усвоения общерусских норм произношения в процессе формирования единого языка древнерусской народности.

Сами же по себе подобные факты подсказывают, что дальнейшее изучение берестяных грамот, коллекция которых продолжает увеличиваться, сулит историкам русского языка немало новых интересных открытий.

Вместе с тем берестяные грамоты содержали материалы, позволяющие судить о том, по каким текстам и как учили древних новгородцев чтению и письму (см. рисунки мальчика Онфима, выполнявшего на бересте «домашнее задание»).

БЛОК А. А. ЯЗЫК ЕГО ПОЭЗИИ

Творчество Александра Блока явилось завершением пушкинского периода в истории русской поэзии. Язык лирики Блока связан с традициями поэзии Жуковского, Пушкина, Баратынского, Лермонтова, Некрасова, Фета, Тютчева, Вл. Соловьева; он впитал в себя и наследие прозы Гоголя, Л. Толстого, Достоевского. Вместе с тем Блок — символист, и это отразилось в самых глубоких основах его поэтического языка. Подобно большинству символистов, Блок убежден, что все происходящее на земле — только отображение, знак, «тень» существующего в «иных мирах» (чисто духовных). Слова же, язык оказываются для него «тенью теней», «знаками знаков». Слова еще до того, как они вошли в произведение искусства, многозначны и символичны: в их «земных» значениях всегда просвечивает «небесное» и «вечное». Но особенно очевидно для Блока это свойство слова в поэтическом языке. Многозначное, «многосмысленное» слово и есть символ. Поэтому самый важный уровень поэтического языка Блока — лексико-семантический, уровень слов и их значений.

У Блока поэтическое слово многозначно: оно всегда получает множество значений, сложно соотнесенных друг с другом. Так, заря — это и *заря* в привычном для нас значении («Встали зори красные»), и время суток (почти всегда — вечерняя заря, поэтический синоним вечера, заката), и время мистического свидания с Прекрасной Дамой («Стучу в ворота ... заря

А. А. Блок. Портрет работы К. Сомова.

замерла»), и символ того Неземного Света, который должен озарить земное бытие («В лучах немеркнущей зари»). В поздней лирике Блока к этим значениям присоединяются новые: *заря* — свет первой любви («Ты помнишь первую любовь / И зори, зори, зори?»), но одновременно — знак, предвестие будущего («Раскинулась необозримо / Уже кровавая заря, / Грозя Артуром и Цусимой, / Грозя девятым января...»).

Все значения блоковских символов порой очень трудно перечислить, и это важная черта его поэтики: художник убежден, что в символе всегда должно оставаться что-то «неизъяснимое», «тайное», не передаваемое ни терминами науки, ни бытовым языком. Однако для блоковского символа характерно и другое: как бы многозначен он ни был, у него всегда сохраняется и его «первый» — земной и конкретный — смысл, яркая эмоциональная окрашенность, непосредственность восприятия и чувства. «Зарю» мы видим как вечернее сияние над лесом, «музыку» слышим как «песню» героини, «голоса скрипок» или «песни вьюги легковейной» и т. д., хотя постоянно чувствуем, что речь идет не только о зримой заре или слышимой мелодии.

Каким же образом возникает впечатление «бесконечной» многозначности блоковского поэтического слова?

Это результат удивительного единства лирики Блока, его огромной тематической, стилевой и лексической целостности, благодаря которой каждый образ воспринимается не только как входящий в данное стихотворение, но и как несущий в себе «память» о всех своих прошлых употреблениях в блоковской поэзии. Так как основные символы в лирике Блока очень устойчивы и многократно повторяются, а значение их варьируется, то многозначность таких слов постоянно возрастает.

В результате этого возникают не только отдельные слова-символы, смысл которых резко сдвинут по отношению к их словарным значениям, но и группы слов, вступающие друг с другом в совершенно неожиданные отношения. Так, например, образы «даль» и «высь», «ветер» и «революция», «скрипка» и «страсть» и другие устойчиво оказываются в языке лирики Блока художественными синонимами (хотя в естественном языке значения их отнюдь не синонимичны), а символы «имя» (подлинное узнавание сущности человека) и «слово» (пустой звук, ничего о сущности явления не говорящий), «арфы» (переживание «небесной» любви-гармонии) и «скрипки» (мучительная земная страсть), «счастье» (одинокой жизни «на синем береге рая») и «восторг» (творчества в мире людей и с людьми) и другие зачастую становятся в зрелой лирике Блока художественными антонимами.

Иногда разные значения слова расходятся так далеко, что символ оказывается антонимом самому себе («сны бытия» и «творческие сны»), а в резко противопоставленных образах обнаруживается единство («юг» «сквозит пылью снеговою», «лазурь» дня — «ночною тьмой»). Сложность семантики такого слова-символа оказывается отражением жизни, исполненной одновременно предельной противоречивости и глубинного единства.

Символы могут возникать не только за счет бесконечных варьирований одного и того же слова в блоковской лирике, но и за счет особого рода цитирования, что вообще характерно для поэтики символистов (сравним у Блока пушкинские цитаты: «Быть может, *путник запоздалый,* / В твой тихий терем *постучу*»; «*Вихри снежные* над бездной / *Закрути*» и др.). Но символами становятся чаще всего не цитаты, а отдельные слова, которые, однако, достаточно ясно напоминают о том тексте, из которого они пришли, и становятся как бы его символическими представителями. Чаще всего это имена собственные: Магдалина, Христос, Дон Жуан, Кармен, но такими же символами, напоминающими о текстах, откуда они пришли, становятся и нарицательные существительные (часто — в соединении с прилагательными): «спящая красавица», «демон», «рыцарь бедный» (из «Легенды» Пушкина) и др.

Особая многозначность таких символов состоит в том, что в них как бы «зашифрованы»

целые сюжеты. Действительно, например, образ Спящей красавицы не только становится символом страдающей героини, но и говорит о ней как о прекрасной царевне, заколдованной злыми чарами, которая затем будет освобождена влюбленным рыцарем и вновь станет прекрасной. Заменив целостный сюжет, слово-символ еще больше увеличивает свою многозначность: так, образ Спящей красавицы в одних произведениях связывается с темой судьбы женщины в современном мире, в других — с судьбой самой Души мира («Шаги командора», где сон — одновременно символ смерти), в третьих — женщина и Душа мира оказываются символами Родины, России, всей ее трагической судьбы и т. д.

Однако, разумеется, поэтический язык Блока — это не только его словарь. Сложные повторы, бесчисленные вариации захватывают и части слов (повторения звуков, звукосочетаний, морфов и выражаемых ими грамматических категорий), и целые куски текста (повторения словосочетаний, целых фраз или типов их построения, строф, включающих несколько предложений, и т. д.). Звуковые повторы часты и разнообразны у всех символистов, стремившихся разгадать «музыку слова». Но повторы, например, у Бальмонта слишком навязчивы («Вечер. Взморье. Вздохи ветра. / Величавый возглас волн» и т. д.): они лежат на поверхности текста и не углубляют значения поэтического слова, а лишь превращают произведение в игру или в чистый эксперимент. Звуковой повтор у Блока не только создает эффект напевности, мелодичности, но и активно участвует в образовании смысла стихотворений; при этом он всегда ненавязчив. Так, в стихотворении «Поздней осенью из гавани...» словесно-символическая ткань стихотворения пронизана идеей безнадежности, гибели человека в «страшном мире» («матрос, на борт не принятый», «снежный саван», укрывший все потерявшего человека). Однако стихотворение полно звуковыми повторами, создающими напевность, мелодичность текста («В самом чистом, в самом нежном саване / Сладко ль спать тебе, матрос?»). Звуковая организация текста противоречит словесной, говоря о «тайной» красоте мира («Да, знаю я, что в тайне мир прекрасен»).

Звуковые повторы у Блока не только придают завораживающую музыкальность лирике, но и явно участвуют в построении смысла. Так, в финале стихотворения «Шаги командора»:

Только в грозном утреннем тумане
Бьют часы в последний раз:
Донна Анна в смертный час твой встанет.
Анна встанет в смертный час.

повторения *-онн-*, *-анн-*, *-ан-* и т. д. (к тому же начинающиеся выразительным *донн-*) создают звуковой образ бьющих часов, но одновременно в словах «тум*ане*», «вст*ане*т» как бы записано имя героини — Анна, а в словосочетании «*тихий*, *как сова*, *мотор*» — слово «таксомотор» (такси), т. е. сказано, на каком именно «моторе» (машине) приезжает к современному Дон Жуану современный призрак Командора.

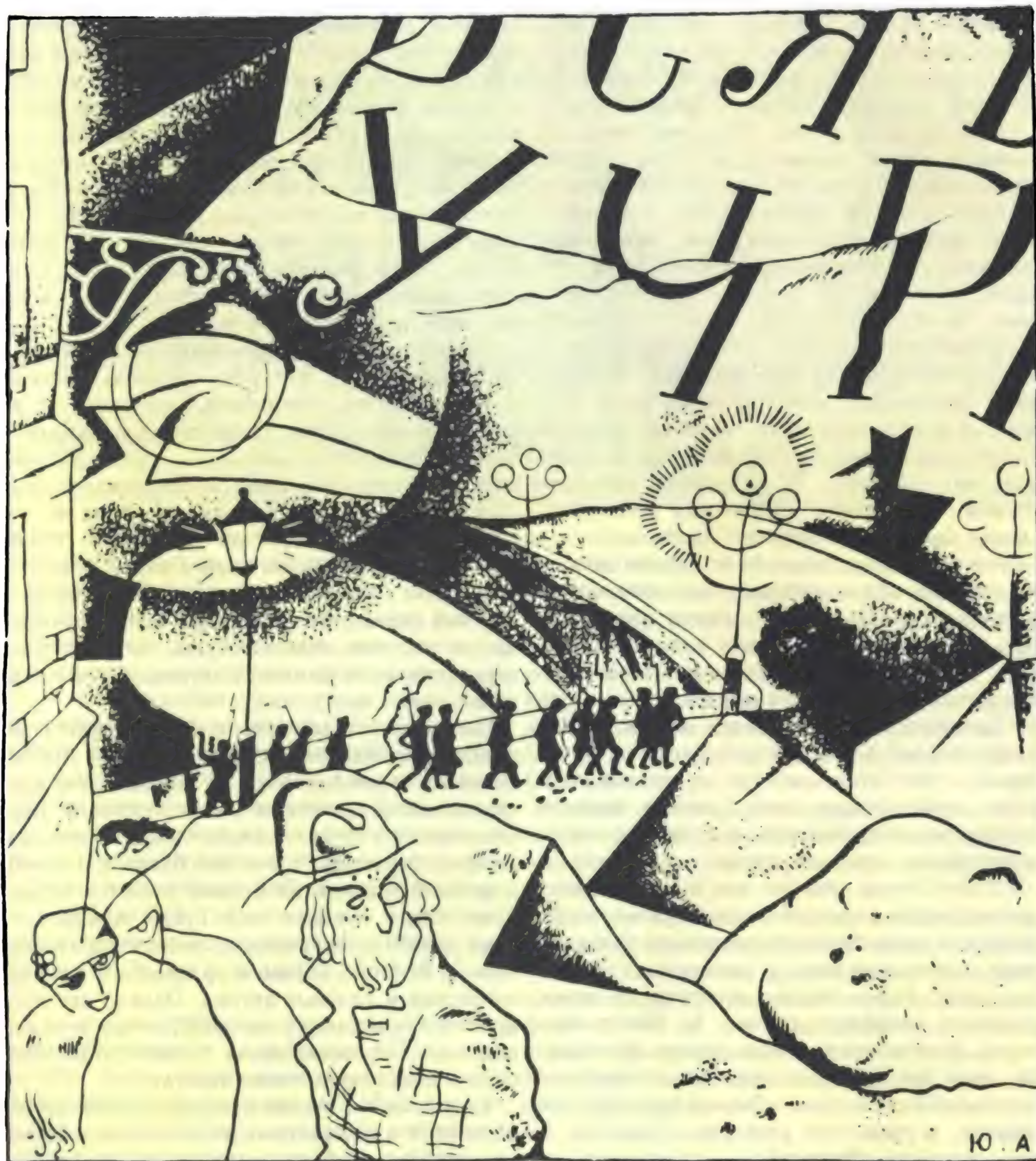
Важную роль играет в творчестве Блока и уровень «поэтической грамматики». Повторы частей слова (приставок, корней, суффиксов, флексий) также способствуют созданию картины сложного, многозначного мира. Так, в I главе поэмы «Двенадцать» обозначения всех персонажей даны существительными единственного числа: *старушка, поп, барыня, буржуй, писатель-вития*; лишь дважды в речи этих героев упоминаются те, кто во II главе будет постоянно характеризоваться существительным множественного числа: *большевики*. Зато во II главке «двенадцать человек» описываются многократными повторами либо категории множественного числа («Винтовок черные ремни, / Кругом огни, огни, огни»), либо категории собирательности («рабочий народ»). Во всех подобных случаях повторы морфологических единиц не только группируют и противопоставляют образы, но и сами эти единицы как бы «заряжаются» лексическим (или похожим на лексическое) значением: единственное число характеризует тех, кто живет в мире одиночек, множественное — живущих, по словам Блока, в мире «не я, а мы» и т. д. Символическая многоплановость текста переносится на единицы меньшие, чем слово (звуки, части слова), которые, в свою очередь, умножают символичность текста в целом.

Примерно так же строится поэтический текст Блока и синтаксически. Многочисленные повторы словосочетаний («Усталый друг, мне странно в этом зале». — / «Усталый друг, могила холодна»), фраз («Идут, идут испуганные тучи, / Закат в крови! / *Закат в крови...*»), типов предложений («И вот уже в долинах / Несметный сонм огней, / И вот уже в витринах / Ответный блеск камней») придают (как и звуковые повторы) стихотворениям Блока особую музыкальность, сближают их с интонациями романса, песни. Но одновременно синтаксические построения становятся носителями символических значений и участвуют в создании смысла текста. Так, в стихотворении «Ночь, улица, фонарь, аптека...» повторы лексики в 1-й и 8-й строках усугубляются повторением синтаксических структур (назывные предложения, соединенные бессоюзной связью), и кольцевая композиция стихотворения создает подкрепляющую параллель к его словесно выраженной мысли: «Умрешь — начнешь опять с начала». Так все языковые средства лирики Блока оказываются связанными с созданием ее символики.

Поэтический язык Блока изменялся в связи с общей эволюцией его творчества. Период

Иллюстрация Ю. Анненкова к поэме А. А. Блока «Двенадцать».

Б



«Стихов о Прекрасной Даме» (1898—1903) ознаменован господством поэтизмов, типичных для лирики XIX в., устойчивой системы символов, ориентацией на звуковые и синтаксические повторы, создающие напевную мелодичность стиха. Творчество периода первой русской революции (сборник «Нечаянная радость», 1907) характеризуется вторжением прозаизмов: слов бытовых, социальной и отчасти политической лексики (*митинг, восстанье, оратор* и т. д.). Система символов хотя и не разрушается полностью, но символические значения иногда отходят на задний план, сменяясь повествованием о событиях «здешней» жизни (цикл «Вольные мысли»), ярким переживанием земной любви (цикл «Фаина»). «Музыкальность» интонаций соседствует с установкой на «прозаическую» повествовательность («Когда Вы стоите на моем пути...» и др.). В зрелом творчестве Блока (лирика конца 1900—1910-х гг.) символизм миропонимания и образной системы восстанавливается, но обращение к темам народа, России, истории, социальной действительности помогает создать поэзию широчайшего лексического и интонационного диапазона, где проза «страшного мира» соседствует с «музыкой» любви, Родины, «грядущего», а прозаизмы и даже речь улицы (поэма «Двенадцать», 1918) — с поэтизмами и высокой торжественностью лексики.

БУКВЕННОЕ ПИСЬМО. ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ

У каждого народа, живущего на уровне первобытнообщинного строя, есть «язык рисунков» — пиктография (см. *Пиктография*): у индейцев Америки и папуасов Новой Гвинеи, у эскимосов и бушменов. В разные времена, в разных уголках планеты делались попытки записи звуковой речи, где каждый знак обозначал слово целиком. Первым шагом к «настоящему» письму были ребусные написания, использование слов-омонимов или близко звучащих слов. Сделали этот шаг шумеры очень давно, 5—6 тысячелетий назад. Например, знак, обозначающий стрелу, по-шумерски «ти», использовался и для записи слова «жизнь», также звучавшего «ти». Шумеры были первыми, но не единственными. Подобные образцы ребусных написаний мы находим в древнейших китайских надписях, в рукописях индейцев ацтеков, в критских рисуночных письменах, в кохау ронго-ронго острова Пасхи.

Постепенно происходит фонетизация письма. Оно становится смешанным: одни знаки передают целые слова, другие — слоги, третьи служат «немыми» указателями — детерминативами. Таковы иероглифические письмена египтян, хеттов, клинопись шумеров и других народов Древнего Востока. А затем многие народы делают второй значительный шаг в развитии письма — они отказываются от знаков-логограмм, передающих слова, почти целиком упраздняют детерминативы и сохраняют лишь фонетические, слоговые знаки.

Жители Элама, так же как и урартийцы и древние персы, упрощают ассиро-вавилонскую клинопись, перестают пользоваться большинством детерминативов и словесных знаков-логограмм. Точно так же поступают и греки, создатели линейного письма Б. Чисто слоговым, фонетическим было письмо финикийцев, хотя мы не знаем, как оно произошло. Хрестоматийная истина: «Финикийцы изобрели алфавит, а греки его усовершенствовали» — явно устарела. Финикийцы пользовались не алфавитом, а слоговым письмом. И каждый знак этого письма передавал сочетание согласного звука с любым гласным. Пользоваться такой системой записи затруднительно, ведь неизвестно, какой гласный должен следовать за согласным. Вот почему в слоговых письменностях древних семитских народов от Южной Аравии до Сирии, пользовавшихся письмом, подобным финикийскому, мы зачастую встречаемся с попытками тем или иным образом передать и гласные звуки.

Специальные буквы или знаки для гласных тут не применялись, иначе это и был бы настоящий алфавит. Просто отдельные знаки, обозначающие согласные, не употреблялись в своем прямом значении, а служили лишь указанием на то, с каким гласным должен читаться предыдущий знак. Такие вспомогательные знаки именовались «матрес лектионис» — «матери чтения». Например, в древнееврейском письме имя Давид могло писаться как «Двд» и как «Двйд» с «матерью чтения» — знаком «й». В первом случае три знака передавали слоги «да», «ви», «ди». Во втором случае дополнительный знак «й» не передавал самостоятельного слога «йи» и запись имени не должна была читаться как «Дави-йи-ди». Единственное назначение «матери чтения», знака «й», было в том, чтобы указать: предшествующий слог «в+гласная» должен читаться как «ви», а не как «ва», «ве», «ву» и т. п.

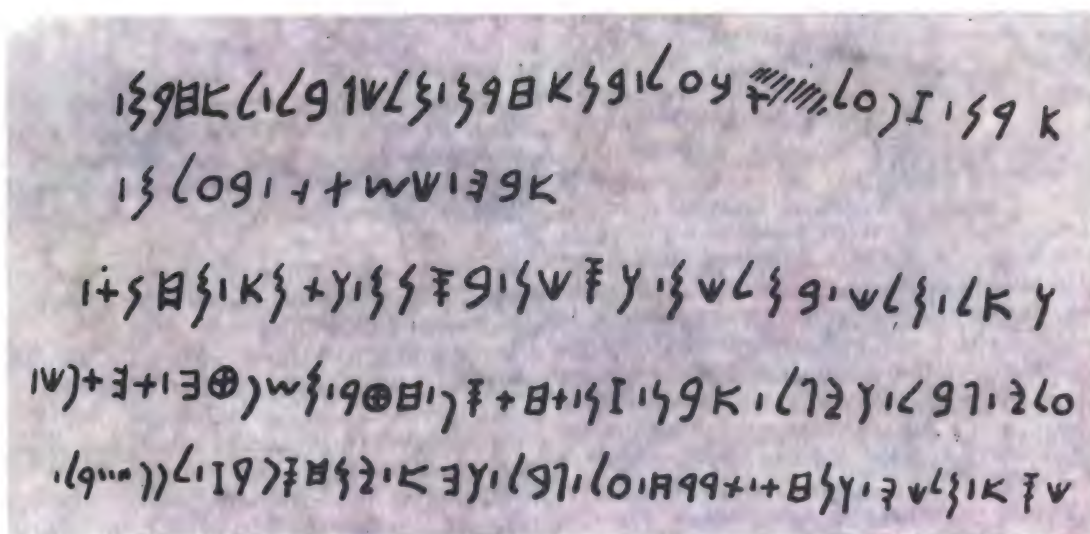
Подобного рода дополнительные знаки можно обнаружить и в других системах письма: древних египтян, ассирийцев, вавилонян и т. д. Однако только греки, заимствовав у финикийцев их слоговую письменность, стали употреблять «матрес лектионис» систематически. Дополнительные значки, указывающие на то, какой гласный следует за согласным, стали ставиться после каждого слога каждого слогового знака. Так родился подлинный алфавит. Так был сделан третий великий шаг — превращение слоговых знаков в буквы, когда письмо передает уже не комплекс звуков, а отдельные звуки речи.

Изобретение алфавита не было результатом внезапного «озарения», и вряд ли его сделал какой-то гений-одиночка. В самом греческом письме мы находим еще следы слогового, унаследованного от финикийцев чтения отдельных знаков. Например, греческая буква η («эта») в древнейших текстах Греции читается не как буква «х», а как слог «хе». Греки, говоря словами одного из крупнейших лингвистов нашего века — А. Мейе, первыми «разложили речь на согласные и гласные звуки». Однако свое открытие они осознали не сразу, о чем говорит слоговое, «финикийское», чтение отдельных букв в наиболее древних текстах.

Подобные же чтения букв как слогов встречаем мы и в алфавитных письменах некоторых народов Малой Азии, например карийцев. Карийское имя, звучащее как Меснар, в отдельных случаях записывается как «Мснр», имя Комвдахасбове — как «Кмвдхсбв» и т. п. Перед нами явные следы финикийского влияния — за знаками карийского алфавита видно их слоговое происхождение.

Древнейшие тексты карийцев, населявших юго-западную оконечность Малой Азии, старше, чем самые древние надписи, сделанные греческим алфавитом. Быть может, карийцы, а не греки являются изобретателями алфавита? Этот вопрос был предметом спора специалистов. И большинство из них все-таки решило, что колыбелью нашего алфавита следует считать какое-нибудь поселение греков в Финикии,

Фрагмент древнейшего буквенного письма.



откуда письмо распространилось на Крит, Теру (Санторин) и другие греческие острова, а затем и в Элладу, на материк.

Однако вопрос о самом карийском письме остается открытым. Возможно, что этот исчезнувший народ заимствовал свое письмо у греков, но так как самые первые греческие надписи не сохранились, то доказать это мы пока не можем. Возможно и другое объяснение: карийцы (и другие народы Малой Азии) заимствовали письмо непосредственно у финикийцев, и лишь впоследствии на него оказало влияние письмо греков. Наконец, не исключено, что одно из самых величайших изобретений человечества — алфавитное письмо было изобретено одновременно, или почти одновременно, греками и карийцами (или другим народом Малой Азии).

В принципе, любая слоговая система письма может развиться в алфавитную. «Полуалфавитной» была древнеперсидская клинопись, наследница ассиро-вавилонской. Быть может, вполне самостоятельно изобрели алфавит в древнем африканском государстве Мероэ и алфавитное письмо онмун в средневековой Корее. Заимствовав письмо у финикийцев, и греки, и древние жители Малой Азии могли пойти параллельным путем и в результате систематического применения «матерей чтения», дополнительных знаков, изобрести алфавит.

Как бы то ни было, больше всего повезло грекам: именно их алфавитная система легла в основу «великого древа» алфавита, раскинувшего свои ветви по всему земному шару. Греческое письмо легло в основу славянской азбуки, которой пользуются русские, украинцы, белорусы, болгары, сербы, а также многие народы Советского Союза, не имевшие своей письменности до Октября. Греческое письмо легло в основу этрусского алфавита, а тот, в свою очередь, стал базой для латинского алфавита. К нему восходят все существующие ныне алфавиты Западной Европы, а также польское, чешское, словацкое, литовское, латвийское, эстонское, румынское письмо и многочисленные письменности, созданные в XIX—XX вв. для народов Африки, Азии и Океании.

Таким образом, культурное значение греческого письма, давшего начало многочисленным письменностям народов мира, чрезвычайно велико.

История буквенного письма полна загадок, над разрешением которых и сейчас бьются ученые. Так, по сей день остается загадкой происхождение грузинского и армянского алфавитов, так же как и письменностей многих народов Азии, включая индийское письмо деванагари и многочисленные системы письма, происходящие от него.

В

ВИД ГЛАГОЛА

Представьте себе картинку: мальчик с карандашом в руках и бумагой. Заглавие картинки — «Письмо к сестре». Какой момент написания письма изображен на картинке — мальчик еще пишет письмо или уже написал его? Мы не знаем этого. Чтобы можно было ответить на этот вопрос, статичная картинка должна ожить, как в кино, и тогда мы увидим, пишет ли он все еще письмо или уже поставил последнюю точку.

Такими оживителями действия в русском языке являются виды глагола — несовершенный (НВ) и совершенный (СВ).

Казалось бы, любому говорящему по-русски, с детства умеющему безошибочно употреблять нужный вид в нужном месте, должно быть ясно, в чем состоит смысловое различие между видами. Однако пользоваться языком и понимать его устройство — это принципиально разные вещи. Пользуемся же мы все своим мозгом, не имея научного представления о том, как он действует!

Вот и вопрос о значении видов оказался для научного изучения сложнее и труднее, чем можно было предполагать. Уже полтора века ученые ищут ответа на него, но так и не сумели прийти к согласию.

Возникла даже особая наука — аспектология (от лат. *aspectus* — «вид»). Но ни одна из высказанных точек зрения не стала общепринятой.

Постараемся понять, в чем состоит трудность этой проблемы.

Рассмотрим одно распространенное определение видов. НВ обозначает длительное, продолжающееся действие, а СВ — законченное, завершенное действие. Посмотрим, верно ли это определение.

Возьмем фразы: *Мама пишет письмо, Мальчик читает книгу, Сестра решает задачу, Бабушка вяжет носок.* Мы видим, что глаголы НВ в этих фразах действительно обозначают длящееся, продолжающееся действие: мама водит пером по бумаге; глаза мальчика переходят со строчки на строчку, он перелистывает страницу за страницей; сестра производит мыслительные операции, цель которых — получить правильный ответ на вопрос задачи; бабушка двигает спицами, и прибавляются новые ряды носка, он растет.

А форма СВ? *Мама написала письмо, Мальчик прочел книгу, Сестра решила задачу, Бабушка связала носок.* И здесь все соответствует определению: письмо полностью написано; последняя страница книги перевернута, чтение книги доведено до конца; получен правильный ответ на вопрос задачи; связан целый носок. Действие во всех этих случаях доведено до конца.

Где же объявленные трудности, если первое же определение оказалось правильным? А вот где. Проверим, ко всем ли глаголам СВ применимо понятие законченности. Оказывается, что ко многим глаголам оно неприменимо: *запеть, зарыдать, задрожать, побежать* и т. п. Нет такого действия, конец которого обозначали бы эти глаголы! Они обозначают только начало действия. Значит, предложенное определение СВ годится не во всех случаях.

Но тогда, может быть, и определение НВ страдает тем же недостатком? Действительно, в таких фразах, как *Ты читал «Евгения Онегина»?* или *Кто строил Зимний дворец?*, глагол НВ обозначает не продолжающееся действие, а законченное, т. е. такое, которое по определению обозначается глаголами другого — совершенного — вида. Ведь спрашивающего интересует не протекание действия, а самый факт прочтения книги (разумеется,

до конца) или постройки дворца (то же самое) Как видим, и определение НВ не охватывает всех случаев его употребления.

Таким образом, первое определение не является универсальным.

Ученые стремились преодолеть недостатки этого определения. Например, было предложено считать, что глагол СВ обозначает действие, достигшее результата. Это определение, действительно, универсально. Какой бы глагол СВ мы ни взяли, он обозначает достигнутый результат. Например, в наших фразах результаты действий — это написанное письмо, информация о прочитанной книге, правильный ответ на вопрос задачи, связанный носок.

А глаголы *запеть, зарыдать, побежать*? Они тоже обозначают результат. Если запел, то, следовательно, поет (это и есть результат действия *запеть*); побежал, следовательно, бежит; зарыдал, следовательно, рыдает.

А какой результат может быть у действий *проспать, прогулять*? *Он проспал два часа, Он прогулял всю ночь.* Два часа сна и прогулка в течение всей ночи — это и есть результаты данных действий.

А предполагают ли какой-нибудь результат процессы *отцвести, отзвучать*? Результатом этих процессов является отсутствие цветения, отсутствие звучания (но не простое отсутствие, а отсутствие после цветения или звучания).

Раз признак результативности оказался универсальным для глаголов СВ, т. е., значит, ученым все-таки удалось уловить значение хотя бы одного — совершенного вида, то́ значение, которым обладают все глаголы СВ и не обладает ни один глагол НВ? Увы, это опять не так. Будучи универсальным для глаголов СВ, признак результативности не является различительным. Что это значит? Это значит, что им обладают не только глаголы СВ, но и — в некоторых случаях — глаголы НВ. Например, в уже известных нам фразах *Ты читал «Евгения Онегина»?, Кто строил Зимний дворец?* или в аналогичных случаях: *Я покупал свою шляпу на Сретенке, Эту записку писала моя сестра* — глаголы НВ обозначают действия, достигшие результата.

Таким образом, рассмотренное определение является недостаточным для того, чтобы различить значения видов.

Некоторые лингвисты считали, что сущность СВ состоит в том, что глагол СВ обозначает «действие, в котором конец сливается с началом». Они сравнивали значение СВ с точкой, а НВ — с линией (длительное действие). Почему выбрана линия — понятно сразу, но почему именно точка?

Дело в том, что ученые обратили внимание на один замечательный факт. Инфинитивы глаголов СВ — абсолютно все, без единого исключения — не сочетаются с такими глаголами, как *начинать, продолжать, кончать, прекращать* и т. п. Нельзя сказать *Он начал прочесть книгу. Она кончила связать носок* и т. д.

Значит, делают вывод авторы этого определения, формы СВ не мирятся с идеями начала, продолжения и конца процесса. Тем самым значение СВ сводится к непротяженности, недлительности, точечности.

Посмотрим, так ли это. *Вздрогнуть, вспыхнуть, хлопнуть* — да, так, здесь действие — точка! *Схватить, толкнуть, прыгнуть, умереть* — тоже точка. *Запеть, зарыдать, поползти* — начальная точка. *Доползти, докончить, дочитать* — конечная точка. Но... *Он медленно подошел к окну, Постепенно огонь погас, Мальчик два раза обежал поле.* Ясно, что в этих примерах глаголы обозначают действие, у которого начало не совпадает с концом, и поэтому его нельзя сравнивать с точкой. И огромное большинство глаголов именно таково. Выходит, сущность СВ опять не ухвачена.

А вот одно из наиболее содержательных определений СВ: СВ обозначает действие, доведенное до своего внутреннего качественного предела, т. е. такой критической точки, по достижении которой действие должно исчерпать себя и прекратиться. Не правда ли, хорошо схвачена сущность глаголов СВ? Они обозначают именно такое действие: когда книга прочитана, дальше читать ту же самую книгу невозможно, и действие может быть только повторено; если пальто уже надето, то нельзя продолжать надевать его; когда человек уже сел, лег, встал, он не может продолжать садиться, ложиться, вставать и т. д.

Но выражают ли значение предела действия такие, например, глаголы, как *возрасти, замедлить(ся), расширить(ся), удалить(ся)* и т. п.? Нет, эти глаголы не обозначают действия, которое достигло такой точки, после которой оно не может быть продолжено. Все названные действия вполне могут продолжаться: если цены повысились, то они могут и еще повыситься; после того как пешеход удалился от дома на какое-то расстояние, он может удалиться еще больше и т. д.

Следовательно, и это определение СВ не универсально.

Определение НВ тоже подвергалось усовершенствованию. Например, было предложено считать значением НВ не длительность действия, а отсутствие указания на то, что действие доведено до качественного предела. Раз НВ может обозначать и длительное, и незаконченное действие, рассуждают сторонники этого взгляда, значит, его можно охарактеризовать как безразличный к идее и предела, и длительности.

Но позвольте, говорят их противники, ведь в каждом случае употребления глагол НВ имеет не какое-то безразличное, пустое значение, а вполне определенное. Для того и существуют

КОНСТАНТИН СЕРГЕЕВИЧ АКСАКОВ (1817—1860)

Аксаковы — фамилия литературная. Сергей Тимофеевич Аксаков (1791—1859) — автор знаменитых романов «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука», рассказов о русской природе, охоте, ужении рыбы. Его сыновья Константин и Иван — известные деятели славянофильства. В 40—50-е гг. прошлого века на страницах журналов появляются их стихи, переводы Шиллера и Гёте, драмы, публицистические статьи, литературные разборы и обозрения, научные сочинения...

Родившись в борьбе идей политических — как развиваться дальше российскому народу, — славянофильство оказалось одним из самых «филологичных» общественных движений. Славянофилы отвечали на главный вопрос споров «национально», согласно «русскому народному воззрению, которое выражено в общественном быте народа, языке, обычаях, песнях...» Вот почему славянофилы — собиратели и издатели фольклора, этнографы, поэты, критики. А Константин Сергеевич Аксаков был и видным литератором, и лингвистом.

Аксаков-лингвист, так же как и Аксаков-литератор, прежде всего спорщик, полемист. Ему не свойственно быть и думать «как все» (это он, изумляя публику и тревожа власти, стал носить бороду, шапку-му́рмолку и придуманную в их семье «святославку», напоминающую зипун). Не случайно его лингвистическая деятельность начинается «критическим разбором» (так тогда называли рецензии) грамматики Белинского (1838). Вышедшая потом грамматика Буслаева тоже была страстно и критично «разобрана» Аксаковым (1859). Спор с тогдашними представлениями о языке ведет он и в своей магистерской диссертации «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» (1846), и в книгах «О русских глаголах» (1855) и «Опыт русской грамматики» (1860)

Читая диссертацию Аксакова, сразу видишь, как глубоко и реалистично судит он об истории русского языка, об отношении языка устного — «разговора» — и письменного, о роли литературы в развитии языка... Все в родном языке занимает его, рождает смелую мысль. Но остался в науке о языке прежде всего Аксаков-грамматист.

Именно в грамматических суждениях ощущается славянофильство Аксакова. Он старается убедить своих соотечественников в несходстве русского языка с другими. И призывает ученых обратиться к нему «со взглядом ясным, без иностранных очков». Этот призыв совсем не был лишним: тогда было в обычае писать русские грамматики по образцу европейских, «универсальных». Вот они-то и казались Аксакову искажающими русский язык, «совершенно ошибочными». «Ошибочность» — оттого, что «прилагаются к языку такие понятия, которые в языке выражения язычного не имеют». Надо же, убеждал Аксаков, обращаться к «словесной форме», а «о том, что не получило своего собственного язычного выражения, своей словесной формы, — о том и говорить нечего...» Именно поэтому Аксаков не признавал особой частью речи местоимения, относил личные — к существительному, а все остальные — к прилагательному.

Естественно, что любимой частью речи Аксакова был глагол. Это ведь самое своеобразное явление русской грамматики. Главным в глаголе Аксаков (вслед за Г. Павским) считал вид, выражающий, по его мнению, «качество действия».

А время, на котором держится глагол в языках европейских, в русском — «выводное из понятия о качестве действия».

Аксаков сумел понять и хорошо разъяснить, что залог в русском языке существует для того, чтобы глагольной формой изображать разные отношения действия к лицу, его производящему. Сравним: *ругать* (кого-то за что-то) и *ругаться* (с кем-то или иметь такую привычку). Аксаковское учение о залоге стало фундаментом теории залога Ф. Фортунатова и хорошо известно современным лингвистам.

Постигая эти и множество других лингвистических суждений Аксакова, нельзя не проникнуться его поэтичным и доверительным отношением к родному языку: «Законы, найденные наукою о языке, не ограничат, не остановят вашего стремления; напротив, они только расширят круг вашего взора, укажут вам на неизвестные дотоле стройные, необходимые пути, намекающие на тысячи других неисчислимых путей, — и нет конца вашему наслаждению и познанию».

грамматические категории, чтобы что-то выражать! Конечно, они одновременно и чего-то не выражают, но странно сводить их сущность именно к тому, что они не выражают, а не к тому, что они выражают.

Есть ли какой-нибудь выход из этих противоречий и сложностей? Десятилетиями мысль ученых шла по одному руслу: существует единый смысловой признак, характеризующий все глаголы данного вида. Задача состоит в том, чтобы схватить, уловить, опознать, раскрыть этот признак. Однако найти такой признак не удалось никому. Не следует ли из этого, что и не надо искать его так, как это делалось в течение многих лет,— сразу для всех глаголов. Не лучше ли вначале описать все варианты видовых значений глаголов? После этого будет видно, имеют ли эти варианты нечто совпадающее в своем значении. Если да, то это и будет общим значением данного вида. Если нет, то данный вид и не имеет общего значения, а выражает несколько различных значений. Вообще-то в языке бывают единицы, у которых разные значения не имеют ничего общего. Вспомним, например, творительный падеж существительного: он может обозначать орудие действия, способ действия, время, место, быть сравнением...

В последние десятилетия появились работы, где вид рассматривается именно с такой точки зрения: от частных видовых значений поднимаясь до общего. Эти исследования привели к выводу, что для всех глаголов СВ общим смысловым элементом является элемент... «начать(ся)». Странно, не правда ли? Законченность, предельность — и вдруг «начать(ся)»! Однако не будем торопиться. Может быть, в идеях начала и конца есть что-то общее? В исследованиях по семантике (см. *Семантика*) было показано, что *перестать делать что-то* значит «начать не делать это». Например, *Мальчик перестал работать* = «Мальчик начал не работать». Уяснив себе это смысловое соотношение, обратимся к глаголам СВ.

Он заснул = «Он начал спать».

Он проснулся = «Он перестал спать» = «Он начал не спать».

Яблони отцвели = «Яблони кончили цвести» = «Яблони перестали цвести после завершения определенного биологического цикла» = «Яблони начали не цвести».

Ваня сел = «Ваня произвел определенные действия, в результате которых он начал сидеть».

Бабушка связала носок = «Бабушка произвела определенные действия, в результате которых начал существовать носок».

Писатель закончил работу над книгой = «Писатель перестал работать (= «начал не работать») над книгой в момент, когда книга полностью начала существовать».

Что же такое «начать(ся)»? Это крохотный кусочек смысла глаголов СВ. Заранее, до истолкования разных типов этих глаголов, мы не могли бы догадаться, что именно этот элемент и явится общим. Его обнаружили на более глубинном уровне анализа, чем тот, на котором искали общий признак. Так, если мы смотрим на пробирки с различными прозрачными растворами, мы не можем уловить признаки, по которым они различаются. Но на молекулярном или атомном уровне эти различия могут быть открыты и описаны исследователями.

Виды русского глагола — это по-прежнему непокоренная вершина. Остается множество нерешенных загадок и проблем, которые будут решаться учеными.

ВНУТРЕННИЕ ЗАКОНЫ ЯЗЫКА

Язык чутко отзывается на каждое новшество в жизни общества. Но значит ли это, что любая перемена в языке — результат общественных изменений? Такое утверждение было бы неправильным: есть изменения в языке, которые невозможно объяснить непосредственным влиянием общества.

Если в языке есть два слова, совершенно одинаковых по смыслу, то со временем они либо разойдутся в своих значениях (перестанут быть полными синонимами) либо по стилистической окраске, либо одно из них исчезнет. Такой процесс характерен для самых разных языков и в самых различных социальных условиях. Другой пример: полнозначное слово

может превратиться в неполнозначное, служебное, вводное, в частицу. При этом упрощается его фонетический облик. Так, частица *ведь*, безударная, фонетически ослабленная, произошла от полнозначной, фонетически полновесной древнерусской глагольной формы *вѣдь* (перфект от глагола *вѣдати*). Изменения такого типа свойственны самым разным языкам, в самые различные эпохи их развития.

Есть и другие изменения (тоже внутренние), которые характеризуют отдельные языки, их действие ограничено во времени. И все-таки бесполезно искать конкретные общественные стимулы этих процессов. Характерный пример — «Закон Бодуэна де Куртенэ». Этот проницательный ученый установил, что во многих славянских языках, в том числе в русском, действует закон: система гласных упрощается, система согласных усложняется.

Это значит, что в определенных позициях в слове число гласных уменьшается и постепенно уменьшается число их в языке. В то же время система согласных усложняется: в определенных позициях число их увеличивается и поэтому возрастает их число в языке. Так, например, современный русский язык — ярко консонантный (см. *Консонантное письмо*). Согласные несут гораздо большую информацию, чем гласные. Написано: *кркдл*. Можно догадаться, что это означает «крокодил». Но если бы были написаны одни гласные буквы, то догадаться, какое слово имеется в виду, было бы невозможно.

Закон Бодуэна де Куртенэ действует в русском языке больше тысячелетия. Если бы мы сравнили такие исторические срезы: XI—XIV—

XX вв., то убедились бы, что каждый следующий срез дает большее число согласных и меньшее число гласных. Этот процесс продолжается и на протяжении XX в.

И в наше время система гласных упрощается. Еще в начале века различались в произношении слова *мила* и *мела*, *лиса* и *леса*, *развиваться* и *развеваться*. В предударном слоге различали звук типа [и] и звук типа [э]. Звуки, передаваемые буквами *и* и *е*, не совпадали в первом предударном слоге. Так было совсем недавно. А сейчас слова *мила* и *мела*, *лиса* и *леса*, *развиваться* и *развеваться* в произношении совпадают. И на месте буквы *и*, и на месте буквы *е* произносится [и]-образный звук. Различительная способность гласных уменьшилась.

Наоборот, согласные в некоторых позициях чувствуют себя более свободно, чем 50 лет назад. Например, в начале века мягкие согласные [к'], [г'], [х'] не могли быть перед гласными [а], [о], [у]. Иначе говоря, сочетаний [к'а], [к'о], [к'у] (орфографически *кя*, *кё*, *кю*) не встречалось в общеупотребительных словах. Действовала закономерность: гласным непереднего ряда не могли предшествовать заднеязычные мягкие согласные.

В 20—40-х гг. XX в. появились и стали часто употребляться слова: *киоскёр*, *маникюр*, *хроникёр*, *кюри* (название физической единицы). Появились глагольные формы: *ткёт*, *ткём*, *ткёте*, *ткя*. Раньше они считались диалектными, теперь вошли в литературный язык.

Старая закономерность исчезла: стали возможны сочетания «мягкий заднеязычный согласный + непередний гласный». Раньше пе-

ред [а, о, у] — только твердые заднеязычные (*как, ком, куст*). Теперь перед [а, о, у] — и твердые, и мягкие заднеязычные (*как — тя, ком — ткём, куст — маникюр*). Число согласных в этой позиции увеличилось.

Почему эти изменения мы должны считать действием внутренних законов развития языка? Они действуют на протяжении сотен лет. За это время сменилось много общественных укладов, много типов культуры. А Закон Бодуэна де Куртенэ, несмотря на эти сдвиги в обществе, продолжает жить. Ни с каким общественным событием его связать нельзя.

Законы самодвижения языка существуют не только в фонетике. Они свойственны и грамматике, и лексике.

Одно и то же изменение в языке может быть обусловлено одновременно и внешними, общественными влияниями, и действием внутренних законов. Так, например, появление сочетаний *кя, кё, кю* вызвано и обогащением лексики (а этот процесс имеет конкретно-общественную мотивировку), и действием Закона Бодуэна де Куртенэ.

Внутренние законы языка не полностью автономны: ведь язык — общественное явление, и социальные факторы так или иначе влияют на языковую эволюцию. Но они играют роль стимулов, внешних толчков: ускоряют (или, напротив, тормозят) какой-либо процесс в языке, но сам ход этого процесса регулируется собственно языковыми закономерностями.

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВА

Сравним слова *окно* и *подоконник*. В слове *окно* звуковая форма и значение для нас никак не связаны. Почему именно этот звуковой комплекс называет отверстие в стене, для современного человека непонятно. Сравните слова других языков, имеющие то же значение: английское *window*, французское *fenêtre*, немецкое *Fenster*, финское *ikkuna*. Предмет — один и тот же, но обозначен он различными комплексами звуков. Ни в одном из этих слов сами звуки не дают представления о предмете.

Иное дело — слово *подоконник*. Услышав или прочитав его, мы сразу понимаем, почему именно так называется доска под окном, на которую можно что-либо поставить. Смысл слова *подоконник* вытекает из его строения, из его формы: *под-окон-ник* — «нечто, расположенное под окном». Следовательно, слово *подоконник* (в отличие от слова *окно*) имеет внутреннюю форму.

Таким образом, не все слова имеют внутреннюю форму, но лишь те, у которых сквозь их внешний облик, сквозь их строение просвечивает мотивировка названия: почему именно так назван предмет, действие или признак.

Сравним: *шелковая травка* и *зеленая травка*. Слово *шелковая* здесь имеет внутреннюю фор-

му. Оно значит: «нежная, гладкая, блестящая, как шелк». Нам понятно, почему травка названа шелковой. В слове *зеленая* никакой мотивировки нет, это просто обозначение цвета травы.

Могут ли глаголы иметь внутреннюю форму? Не реже, чем существительные или прилагательные. Сравним две фразы. Мать говорит сынишке: «Перестань *попугайничать!*» Что значит глагол *попугайничать*? «Повторять чьи-либо слова, подобно попугаю». В этом глаголе есть яркая внутренняя форма — она показывает, что это значение родилось из сравнения: попугай обычно повторяет чьи-то слова.

Внутреннюю форму имеют два класса слов. Один — это производные слова, т. е. слова, образованные от каких-то других слов. Тогда слово, лежащее в основе другого слова, и служит мотивировкой для его названия, позволяет ему иметь внутреннюю форму. Вот ряд названий самок животных: *тигрица, львица, волчица, корова, овца, курица.* Три первых слова имеют внутреннюю форму. Они образованы от названий зверей: *тигр, лев, волк.* Эти названия в них просвечивают, создавая внутреннюю форму. А слова *корова, курица, овца* внутренней формы не имеют, в этих словах нет формальной опоры на другое слово (сравним названия соответствующих животных-самцов: *бык, петух, баран*).

Другой класс слов, имеющих внутреннюю форму,— слова с переносными значениями (см. *Многозначность слова*). Когда о человеке говорят: «Железо!» или «Дуб!», имеют в виду такие качества, как прочность (железа) и твердость (дуба) или, как возможное следствие, негибкость, крайнее упрямство.

Среди слов одной тематической группы могут быть и слова, имеющие внутреннюю форму, и слова, не имеющие ее. Сравните, с одной стороны, *ландыш, ромашку, лилию, лютик* (эти названия ничего нам не говорят о цветах) и, с другой стороны, *колокольчик* (напоминает по форме колокол), *подснежник* (вырастает сразу из-под снега) и т. д.

Иногда слова, близкие по значению, имеют аналогичную внутреннюю форму в разных языках. Сравним название человека, профессия которого преподавать в школе: русское *учитель* (глагол *учить*), английское *teacher* (глагол *to teach*), немецкое *Lehrer* (глагол *lehren*), финское *opettaja* (глагол *opettaa*). Все эти слова называют преподавателя по действию учить.

Слова разных, даже неродственных, языков могут иметь схожую внутреннюю форму, но при этом быть образованы разными способами. Так, русский язык (один из славянских языков) и финский язык (принадлежит к семье финно-угорских языков) нередко имеют схожую внутреннюю форму: русское *черника* (ягода названа по черному цвету) — финское *mustikka* (*musta* — «черный»); русское *синяк* — финское *mustelma* (буквально «черняк»). Эти слова образованы с помощью суффиксов. Но возможны и другие случаи: в русском языке суффиксальное слово, в финском — сложное (из двух основ). Вот примеры: *колоколь-чик* — финское *kellokukka* (*kello* — «колокол», *kukka* — «цветок», буквально «цветок-колокол»), *сахар-ница* — финское *sokeriastia* (*sokeri* — «сахар», *astia* — «сосуд»), *баран-ина* — финское *lampaanliha* (*lammas* — «овца», *lampaan*, *liha* — «мясо»).

Но может быть и так, что слова разных языков, одинаковые по значению, имеют разную внутреннюю форму. Сравним слова со значением «мороженое». В русском языке это нечто мороженое; сравним: английское *ice-cream* («лед-сливки»), французское *glaces* (буквально «льды»), финское *jäätelö* (*jää* — «лед», глагол *jäätää* — «леденить», *-lö* — суффикс с предметным значением), польское *ledy* — «льды».

Итак, внутренняя форма — это передача (изображение) какого-либо значения с помощью другого значения.

С течением времени слово может утрачивать внутреннюю форму. Так произошло со словом *окно*, с которого мы начали эту статью. Когда-то оно было связано со словом *око* («глаз»), и окна были как бы глазами домов. Утрата внутренней формы может объясняться: 1) изменением значения слова, связанным с изменением действительности. Глагол *стрелять* разошелся со словом *стрела*, потому что люди теперь стреляют не стрелами; 2) утратой языком мотивирующих слов. Слово *кольцо* потеряло внутреннюю форму, так как утратилось слово *коло* («круг»), которое служило ему мотивировкой; 3) изменением фонетического облика слов. Вряд ли теперь можно догадаться (не имея специальных знаний), что слова *конец* и *начало*, *коса* и *чесать* восходят к одному корню.

Поэты и писатели в целях художественной выразительности могут воскрешать забытую внутреннюю форму слова или придавать ее слову, никогда ее не имевшему. В стихах Велимира Хлебникова:

За мыслевом кружевом
Кружевом — тужевом
Тын мой возник
В мой сладостный, младостный,
Радостный миг...

слово *кружево*, по аналогии попадая в ряд отглагольных поэтических новообразований (см. *Окказионализмы*) с суффиксом *-ев(о)*: *тужево* от *тужить*, *мыслево* от *мыслить* (сравним обычные слова *курево, варево, месиво, крошево* того же типа), обретает утраченную связь с глаголом и внутреннюю форму: *кружить — кружево.*

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПИСЬМА У СЛАВЯН

Славянская письменность возникла в ту пору, когда славяне, после пребывания на своей прародине (см. *Прародина славян*) и интенсивного расселения на юго-запад, запад и восток, т. е. после так называемой великой миграции, начали создавать свои государства. Расцвет славянских государственных объединений (Киевская Русь, Великая Моравия, Польша, Болгария, Сербия и Хорватия) относится к IX в. Тогда эти объединения занимали обширные пространства Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы, от Балтики на севере до Адриатики и Черноморья на юге, от Альп на западе до верховьев Волги и Дона на востоке. Соседство с новыми народами, новый жизненный уклад и новое миропонимание, пришедшее на смену древнему язычеству, требовали развития новых форм духовной культуры, прежде всего культуры книжной, которая бы частично замещала или дополняла исконную славянскую устную традицию, культуру народную. Нужна была своя письменность, свой славянский книжный язык, своя книжная образованность.

Создателями славянской письменности были просвещенные братья Кирилл (Константин) и Мефодий, называемые еще солунскими братьями, так как были родом из греческого города Салоники, по-славянски Солун. Они по просьбе моравского князя Ростислава и по поручению византийского императора Михаила III в 863 г. привезли в Великую Моравию первые книги на славянском языке, предназначенные для богослужения и просвещения славян.

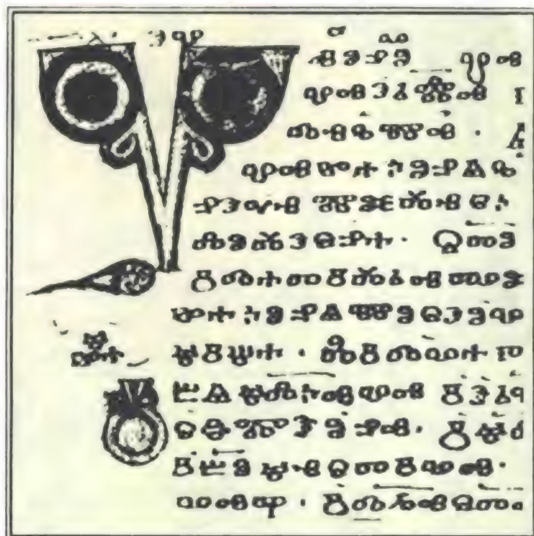
Первой славянской азбукой была глаголица или кириллица. Глаголическим или кириллическим письмом пользовались Кирилл и Мефодий и их ученики. Но каким именно, мы до сих пор точно сказать не можем. Почему? Да потому, что до нас не дошли рукописи (памятники) кирилло-мефодиевских времен. Древнейшие известные нам памятники, писанные глаголицей и кириллицей, относятся к X—XI вв. (X в. датируется лишь один памятник — глаголический отрывок мессы, хранящийся в Киеве и потому называющийся Киевские листки). Таким образом, почти все они возникли два века спустя после первых переводов создателей славянской письменности Кирилла и Мефодия.

Можно ли на основании сохранившихся памятников решать вопрос о том, какое письмо древнée — глаголица или кириллица? Можно, если подойти к ним внимательно с языковедческой, палеографической, историко-филологической и исторической сторон и рассмотреть полученные факты сообща, целиком. Более древние памятники, в том числе и Киевские листки

с отдельными языковыми моравскими особенностями, писаны глаголицей. Об этом же говорят дошедшие до нас глаголическо-кириллические «палимпсесты» (от греч. παλίμψηστος — сложного слова, образованного от наречия παλίν — «опять» и глагола ψαίω — «скоблю»), т. е. рукописи, в которых на пергамене (телячьей коже, выделанной как листы) соскоблен первоначальный текст и написан новый. Все они одного типа — всегда кириллица писана по стертой глаголице, и нет ни одной рукописи, в которой бы была соскоблена кириллица и по ней написана глаголица.

Что же касается самого языка памятников, то наиболее архаический язык и по своей фонетической системе наиболее близкий к говору солунских славян обнаруживается в древнейших глаголических старославянских памятниках (мнение Н. Н. Дурновó и др.), а не в кириллических.

Глаголица и кириллица.



Любопытно также, что в одном из старейших свидетельств о славянской азбуке, в трактате «О письменах» Черноризца (монаха) Храбра, современника учеников Кирилла и Мефодия, указано, что славянская азбука имеет 38 букв, а именно такое число букв было в глаголице; в кириллице их было меньше. В древности у славян, как и на Руси до петровской реформы, цифры обозначались не арабскими знаками 1, 2, 3, 4..., а буквами под знаком ⁓, называемым «титло»: а̃ = 1, В̃ = 2, Г̃ = 3, Д̃ = 4 и т. д. (десятки и сотни также обозначались отдельными буквами). Эта система цифрового обозначения в глаголице и кириллице несколько различается, и эти различия говорят в пользу большей древности глаголицы.

Очень ценно, когда лингвистические или филологические данные подтверждаются историческими свидетельствами и, наоборот, когда исторические аргументируются и лингвистическими фактами. К счастью, у нас есть исторические упоминания о возникновении славянского письма, хотя их немного, но они показательны.

В «Похвале святым Кириллу и Мефодию» — в древнем славянском списке русской редакции (т. е. переписанном в русской среде) так говорится об изобретении славянской азбуки: «Не на тужемъ основании своѥ дѣло полагающа, нъ изнова писмена въображьща» («Произвели свое дело, полагаясь не на чужую основу, а сызнова буквы изобрели»). Подобное свидетельство на латинском языке обнаружено в письме римского папы Иоанна VIII (от 3 июня 880 г.). Известно и бесспорно, что образцом кириллицы послужило греческое уставное унциальное (торжественное) письмо, и поэтому приведенные выше слова относились к глаголице.

Не все загадки глаголицы уже разрешены. Из этих неразрешенных загадок самой серьезной оказывается загадка происхождения глаголических букв, происхождения их начертания. В чем же она заключается? А в том, что многие более древние алфавиты, чем глаголица, в том числе латинский и греческий, создавались по образцу и подобию своих «родственников» — ранее существовавших алфавитов. Эти уже существовавшие алфавиты приспосабливались к фонетической системе языка, принимающего чужое письмо: какие-то буквы добавлялись, какие-то видоизменялись, а основной фонд оставался неизменным. Так появилась кириллица (видимо, на соборе в Преславе, в столице болгарского царя Симеона в 893 г.), по образцу греческого унциала. Так появилось латинское письмо — латиница, по образцу того же греческого (см. *Латиница*). Но и само греческое письмо и даже его названия букв возникли под влиянием семитического

Тяга к книжной мудрости идет издревле...

финикийского письма, что было известно еще Черноризцу Храбру. Подобное происхождение предполагалось и для глаголицы. Ее истоки искали в греческой скорописи (минускульное письмо), в алфавитах — коптском, древнееврейском (откуда, безусловно, взята буква Ш, перекочевавшая затем и в кириллицу), готском, руническом, армянском или грузинском и др. Очертания некоторых букв, действительно, совпадали с буквами упомянутых алфавитов или напоминали их, но доказать происхождение глаголицы из какого-либо другого алфавита не удалось.

Были также попытки вывести глаголицу и вообще славянское письмо из «таинственных» черноморских знаков на каменных плитах, обожженной глине, пряжках, монетах и т. п. и таким образом доказать, что славянское письмо существовало до Кирилла и Мефодия. Но эта неудачная «гипотеза» потерпела окончательный провал, когда молодой киевский ученый В. С. Драчук в начале 70-х гг. создал систематические таблицы черноморских знаков, убедительно доказав, что это «загадочное письмо» не что иное, как клейма «тамги», знаки принадлежности владетелям, владельцам, мастерам I—III вв. н. э. К славянам и к славянской или «дославянской» письменности они не имеют никакого отношения. В тех славянских странах, где было сильно влияние Византии и распространено православное вероисповедание, глаголица была давно заменена кириллицей (вероятно, после XI в. или даже ранее), которая немного меняла свой внешний вид, но в общем сохраняла свой исконный облик до начала XVIII в., когда была преобразована, и сохранилась только в церковных книгах.

Глаголица долго бытовала у хорватов-католиков в Северной Далмации, в церковном и светском обиходе и окончательно вышла из употребления лишь в начале нашего века. В Чехии в результате гонений немецко-латинского духовенства глаголица была вытеснена очень рано и попытки возродить ее в XIV в. оказались безуспешными. На Руси глаголица употреблялась лишь в первые годы распространения славянской азбуки в старейших русских культурных центрах — Киеве и Новгороде.

Древнейшим славянским языком, на котором были написаны глаголические и кириллические памятники, был язык старославянский. Его диалектной основой был говор солунских славян, возведенный в ранг литературного книжного языка, воспринявший значительное число грецизмов, ряд моравизмов и иных особенностей. Начиная с XI в. он стал все интенсивнее приобретать в Болгарии, в Сербии, на Руси и в других землях некоторые местные черты. Так возникали редакции, т. е. локальные варианты письменного языка, который развивался до XVIII в. включительно, был международным, межславянским. Этот язык называется церковнославянским или древнеславянским. Он оказал большое воздействие на русский литературный язык.

ВРЕМЯ ГЛАГОЛА

Время — грамматическая категория, показывающая, когда (по отношению к моменту речи) совершилось (или совершается, или будет совершаться) действие.

Начнем, как обычно, с русского языка. Как известно, в нем три основные формы времени: прошедшее, настоящее и будущее. *Я писал* (или *написал*), — значит, дело было в прош-

лом, во всяком случае до того, как это говорится. Когда именно — неважно: только что, вчера, год, столетие, тысячелетие назад — форма глагола будет той же самой. *Я пишу*, — значит, или сейчас, или всегда (например: *Я пишу стихи*: не сейчас, а вообще. *Я буду писать (напишу)*: может быть, через минуту, а может быть, через двадцать лет). Если нужно уточнить — мы вводим соответствующее слово или словосочетание: *Вчера я написал письмо. — В прошлом году я написал письмо.*

Если мы возьмем какой-нибудь другой европейский язык, например французский, то увидим, что в нем целых восемь времен: настоящее, пять прошедших и два будущих. Откуда так много? Дело в том, что во французском языке особыми временными формами выражается соотношение действий во времени. По-русски мы говорим, например: *И когда я все скажу, ты уйдешь.* Здесь обе формы будущего времени одинаковы; а переводя то же на французский, нужно употребить разные будущие времена. То же с прошедшими — все зависит от того, выражено ли действие в главном предложении формой настоящего или прошедшего времени. Кроме того, француз четко различает, происходило ли действие в определенный момент, ограниченный срок или оно никаких границ не имело. *Она не спала всю ночь:* по-французски это требует другого времени, чем, скажем, *Обычно она хорошо спала.* А по-русски, как легко видеть, форма одинаковая. Француз использует разные формы для только что совершившегося действия и для действия, происшедшего давно; по-русски здесь одно и то же прошедшее время.

Но и русский, и французский язык выражают время действия субъективно, образно говоря, ни русский, ни француз при этом не смотрят на часы. А вот папуас племени насиои (Новая Гвинея) смотрит (вернее, смотрел бы, если бы у насиои было принято носить часы). Посудите сами — в языке насиои девять временных форм. Настоящих времен три: общее настоящее (*пишу письмо*), обычное настоящее (*пишу стихи*) и продолженное настоящее (*пишу и еще долго буду писать письмо*). Будущих в нем два: обычное и ближайшее (*вот-вот напишу*). Прошедшие же времена четко делятся в зависимости от того, сколько миновало часов или дней. Недавно прошедшее обозначает, что я писал от вчерашнего вечера до данного момента; промежуточное прошедшее — что дело было один-два дня назад; давно прошедшее — три или больше дней; и наконец, есть обычное

А медведь возьми да и наступи ему на ухо.

прошедшее время. В языке другого папуасского племени — телефол — времен еще больше — десять. Вот они: 1) настоящее: *Я говорю*; 2) только что прошедшее: *Вот я сказал*; 3) только что прошедшее, обычное: *Я говорил* (сегодня или вчера, но и в пределах последних суток); 4) обычное прошедшее: *Я говорил* (вообще, много раз и в разное время); 5) вчерашнее прошедшее: *Я сказал* (вчера); 6) обобщенное многоточечное прошедшее: *Я говаривал* (за день или раньше до момента речи, причем много раз); 7) давно прошедшее: *Я говорил* (больше двух дней назад); 8) ближайшее будущее: *Вот я сейчас скажу*; 9) завтрашнее будущее: *Я скажу* (завтра); 10) обобщенное будущее: *Я скажу* (вообще, когда-нибудь). Не правда ли, сложная система?

Мы привыкли к тому, что время — это категория, которая присуща именно глаголу. Но ведь это не совсем так.

В ненецком языке существительное, играющее роль сказуемого (например, в предложении *Я — мужчина*), вообще спрягается и по лицам, и по временам.

Время очень тесно связано с категорией глагольного вида, и отделить их друг от друга чрезвычайно трудно. Это видно и на приведенных примерах.

ВРЕМЯ ГЛАГОЛА

Кроме формы на *-л* (*читал, пел*) в русском языке есть и другие — менее употребительные — формы прошедшего времени. Они очень выразительны. Академик В. В. Виноградов в книге «Русский язык» писал: «В современном русском языке четыре формы прошедшего времени. Эти четыре формы прошедшего времени неравноправны и стилистически неравноценны. Про форму прошедшего времени «многократного вида», или, лучше — про «давнопрошедшее время» (например, *я сиживал, бирал, гащивал* и т. п.), прямо надо сказать, что она непродуктивна, что она в русском литературном языке постепенно угасает».

Старые грамматики правильно указывали, что «давнопрошедшее время» употребляется, когда говорят «о многократности действия, происходившего давно... и притом в неопределенное время, ибо, когда мы говорим о чем-либо, происходившем многократно на прошлой неделе или в прошлом месяце, тогда вместо *читывал, говаривал, делывал* и прочее скажем: *читал, говорил, делал неоднократно*», — писал русский поэт и лингвист А. Х. Востоков. Но уже к половине XIX в. употребление форм давнопрошедшего времени типа *я бирал, ты говаривал, он хаживал* и т. п. сильно сокращается. Однако они употребительны иногда и в современном литературном языке.

Другая форма прошедшего времени, еще живая в стилях разговорной речи, относится к категории совершенного вида. Эта форма прошедшего времени по внешнему облику совпадает с формой повелительного наклонения единственного числа совершенного вида, но отличается от императивной (повелительной) формы особой интонацией неожиданности. Например: «То-то на старости лет да польстись на его богатства» (А. Островский). «Вот в эту-то Дуняшу и влюбись Аким!» (И. Тургенев). «Только вдруг она как поскользнись, да навзничь, да и переломи себе ногу» (И. Тургенев).

В этих формах русского языка А. А. Шахматов видел особое прошедшее время с экспрессивным значением мгновенности, быстроты, резкости действия.

В современном языке эти формы прошедшего времени не имеют ничего общего с повелительным наклонением. Это — особые формы глагола, лишь омонимичные с формой императива. Они лишены повелительной интонации. Это прошедшее время может употребляться безлично. Безличное употребление свидетельствует о полном отрыве этих форм прошедшего времени от повелительного наклонения. Например: *да и дерни меня, да и угоразди меня*...

Глаголы типа *толк, стук, порх, хлоп, шмыг* и т. п. также обозначают в современном языке мгновенность действия в прошлом, с оттенком внезапности, но без оттенка неминуемости и с более слабым оттенком произвольности. Сравните у А. С. Пушкина: «Легче тени Татьяна прыг в другие сени»; у И. А. Крылова: «Подруга каждая тут тихо толк подругу», «Что силы есть Хвать друга камнем в лоб!»

Г

ГЕОГРАФИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ

Слово ***география*** взято из греческого языка, где оно значило «землеописание». Изучать и описывать территорию можно с разных точек зрения. Например, рельеф земной поверхности изучает физическая география, территориальное размещение государств — экономическая география. Лингвистическая география изучает территориальное распространение языков, диалектов, отдельных языковых черт, описывает язык не в одной его точке — говоре, а во всех говорах, рассматривает языковой ландшафт.

Создателями лингвистической географии были немецкий ученый Г. Венкер и французский ученый Ж. Жильерон.

Венкер был школьным учителем, когда он решил уточнить границы немецких диалектов. В 1876 г. он разослал учителям своего округа составленную им анкету — 40 предложений, состоящих из 339 слов. Предлагалось перевести все слова на местный диалект. Ответы дали очень интересный материал, и Венкер расширил область наблюдений. Всего Венкер получил 40 000 ответов на свою анкету из всей Германии. По этим ответам Венкер и его помощник Вредэ составили немецкий лингвистический атлас. В нем 550 различных карт. Каждая карта посвящена одному из слов, входивших в анкету. На карте показано, как произносится все это слово либо его часть — приставка, корень, окончание. Границы областей с одинаковым произношением обозначены на картах линиями — изоглоссами.

40 лет велась работа над этим атласом, но первые его карты появились в печати лишь в 1926 г., через 15 лет после смерти Венкера и через 50 лет после начала работы.

Другую задачу ставил перед собой французский диалектолог Жильерон. Он считал, что воздействие литературного языка на местные говоры нарушает чистоту крестьянской речи, ведет к ее постепенной утрате. Чтобы спасти

ЛИДСКО-БОБРУЙСКО-ЛОЕВСКИЙ ПУЧОК

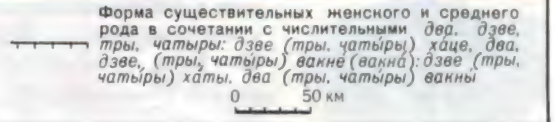
Безударное окончание именительного падежа множественного числа существительных среднего рода: *сёла, гнёзда, вóкна: сёлы, гнёзды, вóкны*

Безударные окончания именительного и винительного падежей единственного числа прилагательных женского рода:
нóва: нóвая (хáта),
нóву: нóвую (хáту)

Различение личных окончаний по спряжению в парадигме настоящего времени: *идзé, кáжа, хóдзіць; ідýць, кáжуць, хóдзяць: ідзé (-ць), кáжа (-ыць), хóдзя (-іць); ідýць, кáжаць (-уць), хóдзяць (-уць)*

Форма 1-го лица множественного числа повелительного наклонения: *идзéмо, спíмо, стáньмо(-ма) и др.; идзéм (-ом), спим и др.*

Место ударения в винительном падеже единственного числа существительных женского рода с основой на *-а*: *нóгу, рýку, вóду: нагý, рукý, вадý*



крестьянскую речь от полного исчезновения, необходимо зафиксировать ее в том виде, в каком она есть, и сохранять ее в атласе, как цветы в гербарии.

Методы сбора языкового материала Жильерона коренным образом отличались от методов Венкера. Вопросник Жильерона включил 1920 слов. Но из всех населенных пунктов, где говорят по-французски, Жильерон отобрал лишь 639. Обследовал эти пункты один человек — сотрудник Жильерона Эдмон. Эдмон был не лингвистом, а зеленщиком, но он страстно интересовался родными говорами, обладал тонким слухом и был хорошо подготовлен Жильероном. Путешествие Эдмона по стране началось в 1897 г. и продолжалось без перерыва около четырех с половиной лет. Собранные материалы он высылал Жильерону, который и составил Лингвистический атлас Франции — 1920 карт, по числу вопросов программы. Атлас этот главным образом лексический, он показывает распространение тех или иных слов, называющих определенные понятия, но точная фонетическая запись дает материал и для фонетических и грамматических наблюдений. Атлас был издан в 1912 г.

Немецкий и французский лингвистические атласы разрушили старое представление языковедов о том, что язык членится на диалекты так же четко, как пирог, разрезанный на ломти. Оказалось, что каждое языковое явление имеет свою границу и даже слова с одними и те. и же исконными звуками могут произноситься в одном и том же пункте по-разному. Казалось, что изоглоссы, т. е. границы диалектных явлений, в беспорядке располагаются на лингвистических картах, не образуя никакого единства. Диалекты исчезли, в руках лингвистов оказались только изоглоссы отдельных языковых явлений.

Однако более поздние работы по лингвистической географии обнаружили важную закономерность. Если изоглоссы всех диалектных явлений нанести на одну карту, то сеть линий — изоглосс не будет равномерной: в некоторых местах произойдет сгущение их, обозначатся пучки изоглосс, более или менее густые. Сливаясь друг с другом, изоглоссы дадут на карте одну сплошную линию. Чем больше изоглосс входит в пучок, тем более жирная линия получится на карте. По толщине линий можно определить наиболее крупные диалекты, наречия и входящие в них группы говоров.

Основной темой карт немецкого и француз-

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ДУРНОВО (1876—1937)

По своим теоретическим взглядам Н. Н. Дурновó во многом опережал своих современников. Он писал о характере научных исследований: «Научное изучение языка может быть статическим, когда язык изучается в современном его состоянии или в один из моментов его прошлого... и историческим, когда изучаются изменения языка за более или менее продолжительный период времени». И далее о методе, т. е. о способе исследования: «Статическое изучение языка может быть вполне научным лишь в том случае, если мы сумеем при этом не выходить за пределы изучаемого момента, объясняя лишь то, что объясняется из данного состояния языка... Но статическая грамматика оставит необъясненными все те факты языка, которые не объясняются из состояния языка в изучаемый момент. Так, например, изучение фактов современного русского языка не объяснит нам, почему мы говорим «на березе», но «березник»...; чем объясняется сложность типов склонения имен существительных и такая же сложность в образовании глагольных форм; чем вызваны сходства и различия между языками или говорами одного языка. Для объяснения этих и других подобных фактов языка приходится обращаться к истории языка» (Очерк истории русского языка, 1924). Теперь эти слова звучат как трудно оспоримые положения, но в начале 20-х гг. нашего века многие лингвисты считали едва ли не единственным способом осознания лингвистических фактов их историческое объяснение и уж во всяком случае не разграничивали так четко статический (синхронный) и исторический (диахронический) план (см. *Синхрония и диахрония*), как это делал Н. Н. Дурново и несколько ранее Ф. де Соссю́р (см. *Ф. де Соссюр)*. Однако диахрония Ф. де Соссюра не совсем то, что историчность Н. Н. Дурново. Н. Н. Дурново настаивал на том, что история языка не наука об отдельных, сепаратных изменениях в языке, а наука об изменении самого языка как системы и составляет не менее важную часть языкознания, чем синхроническое изучение языка, поскольку они одинаково оперируют с языковой системой как целым.

Н. Н. Дурново развивал и обогащал наследство московской лингвистической школы Ф. Ф. Фортунатова в области грамматики и общей теории языка. Ему принадлежит первый русский «Грамматический словарь» — прообраз нашего Словаря юного филолога. В этом словаре в статье «Грамматика» он писал, что «по значению форм можно делить грамматику на 1. учение о формах, выражающих отношение между словами в процессе речи, или о так называемых синтаксических формах, и 2. учение о формах, выражающих отношение между словами независимо от их сочетаний в процессе речи», предопределив своими идеями и своими трудами важный принцип построения языковых связей и отношений — синтагматический и парадигматический (см. *Парадигма и синтагма*).

Н. Н. Дурново родился в Москве, учился в Московском университете, где позже преподавал и был профессором. В Москве же в 1914 г. он совместно с Д. Н. Ушаковым и Н. Н. Соколовым создал «Диалектологическую карту русского языка в Европе», положив тем самым начало картографического изучения русского, украинского и белорусского языков. Замечательны его программы для собирания диалектного материала и хрестоматии (образцы текстов и полевых записей) по тем же языкам. Очень существенно его исследование южнорусского наречия, а также первое в науке о русских народных говорах подробное описание одного диалекта — говора села Парфенки бывшего Рузского уезда Московской губернии. Когда уже в советское время говор Парфенок был обследован вторично и сопоставлен с первым описанием, то детальность и абсолютная достоверность описания Дурново помогли убедительно показать, что было и что стало, сделать выводы о закономерностях изменения народной речи в нашу эпоху.

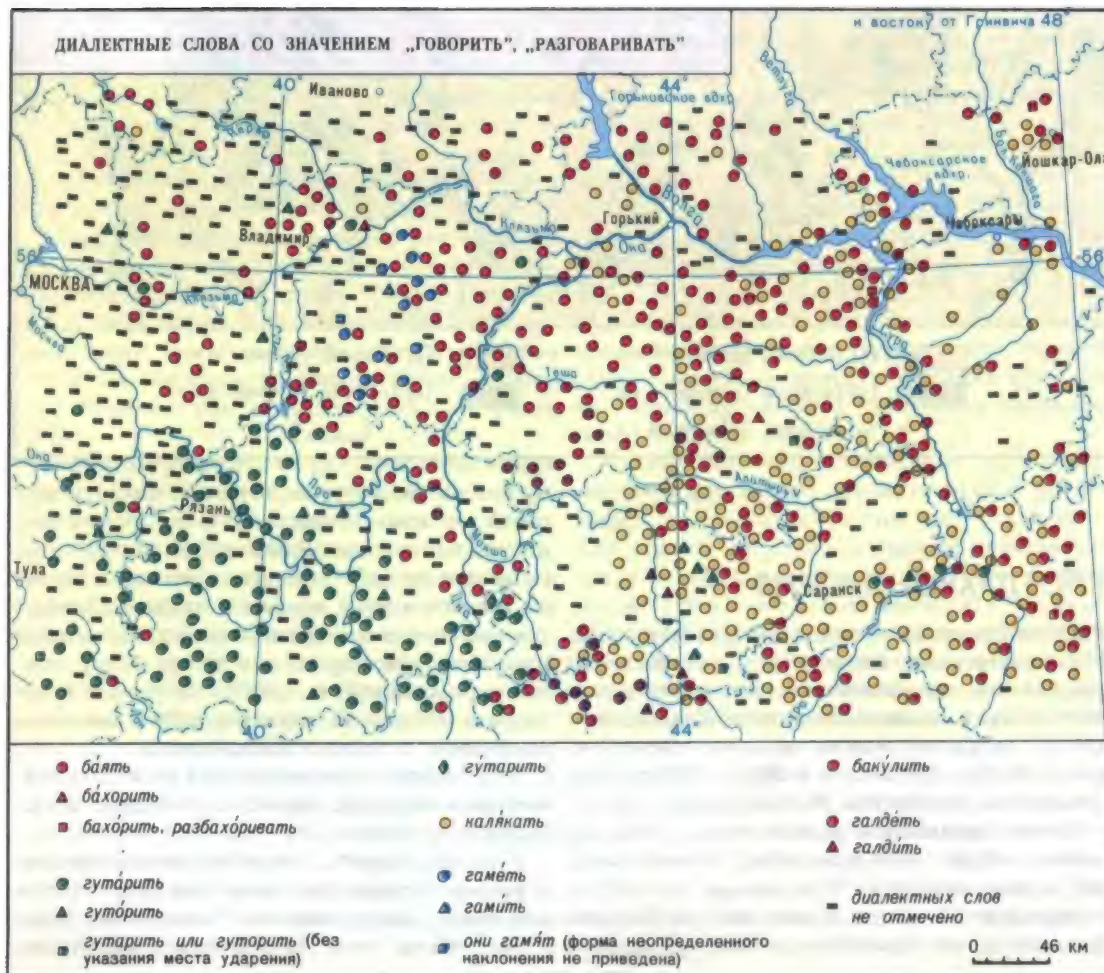
Н. Н. Дурново успешно решал фонологические проблемы на материале старославянского языка и языка праславянского. Памятники старославянского языка и памятники, написанные в его традиции на Руси, Н. Н. Дурново изучал тщательно и вдохновенно. Это изучение легло в основу его книги «Введение в историю русского языка» (1927). Перу Н. Н. Дурново принадлежит около 200 работ, в том числе более десятка книг и больших монографий.

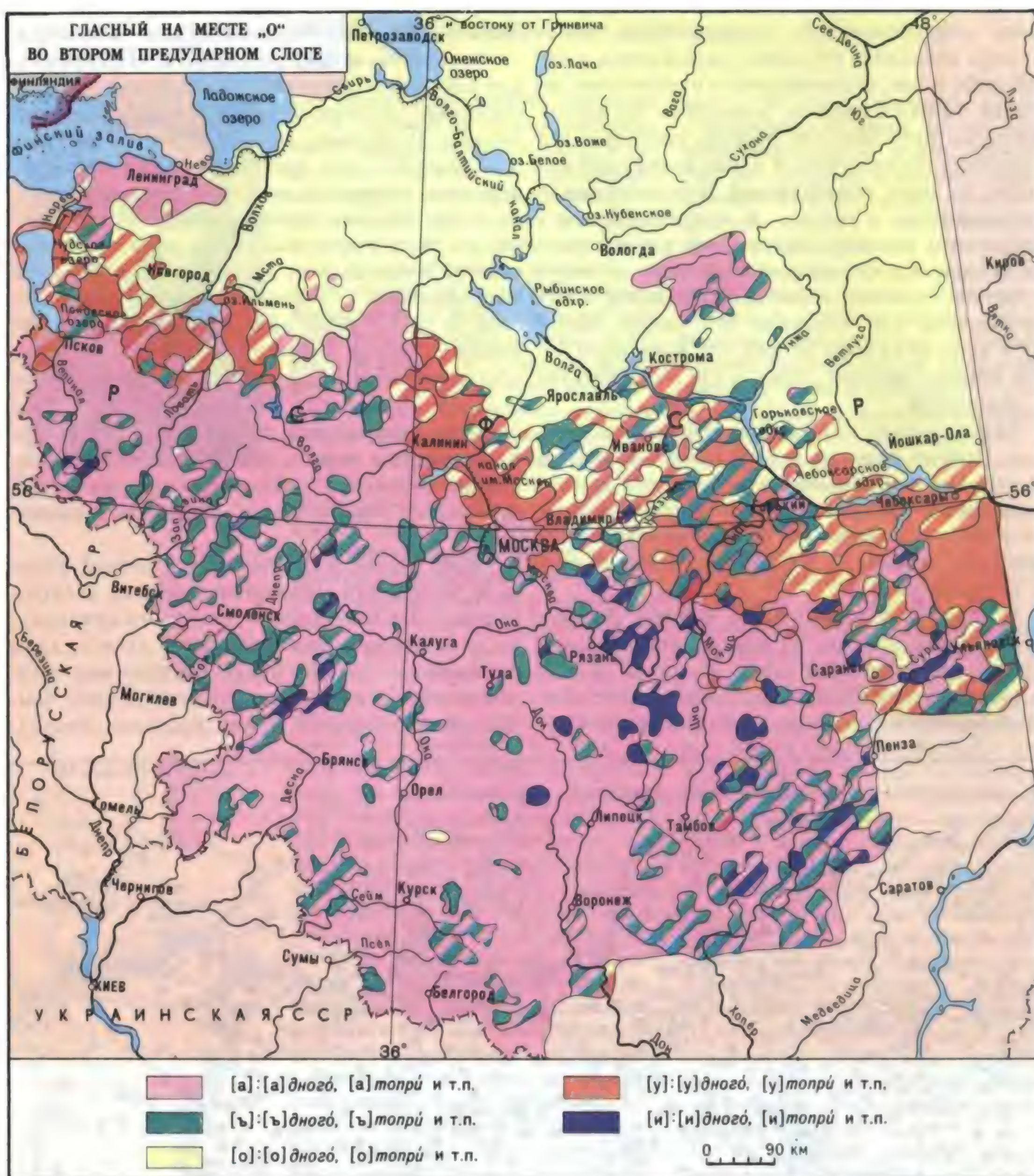
ского лингвистических атласов было слово. Атласы показали, что слова, зарождаясь в какой-либо точке, отправляются в путешествие по стране вместе с людьми, знающими эти слова. На своем пути они, как и люди, сталкиваются с многими трудностями. В одних местах они выходят из этих столкновений победителями и закрепляются в языке, в других — бывают побеждены словами, бытующими здесь издавна. Отправляются слова не в одиночку, а вместе с другими словами, и лингвисты по карте могут проследить, где возникли эти слова, какой путь прошло каждое из них, где вытеснило более древнее местное слово, а где сосуществует с ним рядом.

Карта задает лингвистам множество загадок. Почему слова родились именно в данном месте? Почему одни оказались сильнее других, выносливее третьих? Долго ли длилось их путешествие и как давно это было? Отвечая на эти вопросы, лингвисты воссоздают историю слов и историю языка.

Но язык состоит не только из слов. Лингвистам важно увидеть на картах не отдельные слова, не оторванные друг от друга факты, а звенья языковой системы, чтобы по ним можно было воссоздать весь язык. В начале XX в. Московская диалектологическая комиссия опубликовала и распространила «Программу для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка». В отличие от вопросников Венкера и Жильерона, эта программа включала развернутые вопросы о всех языковых явлениях, главным образом фонетических и морфологических. На эту программу были получены сотни ответов, в основном от представителей сельской интеллигенции — учителей, врачей, духовенства. В 1914 г. была напечатана «Диалектологическая карта русского языка в Европе», составленная Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовым и Д. Н. Ушаковым. На карте впервые была очерчена территория русского, белорусского и украинского языков, дано членение этих языков на наречия и группы говоров, выделены переходные говоры между наречиями и языками.

Перед Великой Отечественной войной началась работа над Диалектологическим атласом русского языка. Изучение языкового ландшафта, отраженного на картах этого атласа, дало возможность создать новую группировку говоров и карту диалектов русского языка (см. *Диалектологический атлас русского языка*).





ГЛОТТОХРОНОЛОГИЯ

Глоттохронология — метод определения возраста родственных языков, т. е. давности их разделения, по количеству слов, имеющих в этих языках одинаковое происхождение; этот метод называют также лексико-статистическим. Он был предложен в 1951—1952 гг. американским лингвистом М. Свадешем.

Языки называются родственными, если они имеют общее происхождение. Любой язык все время меняется. Если племя или народ, говорящий на одном языке или на близких диалектах, по какой-то причине разделится на две части, которые потеряют связь между собой, то язык каждого из этих двух новых племен или народов будет меняться по-своему. Рано или поздно окажется, что они говорят на разных, хотя и похожих, языках. Пройдут тысячелетия, и между ними не останется почти никакого сходства, но они по-прежнему останутся родственными, хотя даже ученые будут спорить о том, действительно ли эти два языка произошли от одного языка-предка.

Чем больше времени прошло после разделения двух народов, тем меньше общего сохранится в их языках.

Если так, то по большему или меньшему сходству родственных языков можно судить о том, как давно они разошлись. Надо только найти в них что-то такое, чем можно измерить это

сходство. Такой мерой может служить число совпадающих слов, или, вернее, слов, имеющих одинаковое происхождение.

Обычно появление в языке новых слов и исчезновение старых бывает связано с изменениями в окружающем мире: появляются новые вещи, для них должны быть созданы названия; другие вещи исчезают, забываются, и постепенно уходят в прошлое относящиеся к ним слова. Но есть слова, обозначающие предметы или явления, знакомые людям любой страны, эпохи: *солнце, луна, огонь, вода, рука, нога, глаз, нос, есть, пить, черный, белый*... Они заменяются редко, но это все же бывает. Например, в русском языке старинные слова *очи, уста, чело* были вытеснены новыми — *глаза, рот, лоб*.

М. Свадеш пытался определить, как часто происходит в разных языках замена слов с таким «общечеловеческим» значением. Составив список из 215 таких слов (позже он сократил его до 200 и наконец до 100), он проверил его на нескольких языках, история которых хорошо известна. Например, французский язык происходит от латинского (от народной латыни); можно сравнить эти два языка и посмотреть, какой процент латинских слов сохранился во французском, а какая часть была замещена совершенно новыми словами. Оказалось, что скорость обновления основного словаря для всех языков более или менее одинакова: в списке из 215 слов за тысячу лет заменяется 15—24% слов, в среднем 19%, а остальные — 81% — остаются прежними. Средний процент слов, сохраняющихся в языке через тысячу лет, называется коэффициентом сохраняемости.

Вскоре выяснилось, что не все слова основного словаря имеют одинаковую устойчивость: одни меняются чаще, другие — реже. Поэтому у каждого списка слов свой коэффициент сохраняемости. У стандартного диагностического списка из 100 слов, принятого сейчас в глоттохронологических исследованиях, он равен 86%.

Если язык распался на два, то в обоих новых языках с течением времени какие-то слова изменятся, но это будут не одни и те же слова. Через тысячу лет в одном языке останется 86% слов, включенных в диагностический список, и в другом языке их останется 86%, но не тех же самых, что в первом языке. Значит, число слов, сохранившихся и в том, и в другом языке, составит 0,86 × 0,86 = 0,74, т. е. 74 слова из первоначальных 100. Еще через тысячу лет в родственных языках будет совпадать уже только 0,74 × 0,74 = 0,55 списка (55 слов) и т. д. Долю слов, которые могут сохраниться в обоих родственных языках, можно подсчитать для любого срока (см. табл.).

Эту таблицу можно прочесть и наоборот: число слов диагностического списка, совпадающих в двух родственных языках, говорит о том, как давно они начали самостоятельное существование. Например, если совпадают 30 слов из 100, это значит, что языки разделились приблизительно 4 тыс. лет назад.

Время, лет	Доля совпадающих слов, %	Время, лет	Доля совпадающих слов, %
1000	0,74	5000	0,22
2000	0,55	6000	0,16
3000	0,41	7000	0,12
4000	0,30	8000	0,09

Время, прошедшее после разделения двух языков, вычисляется по следующей формуле:

$$t = \frac{\log c}{2 \log r}.$$

Здесь t — давность разделения (в тысячелетиях), c — доля совпадающих слов (число общих слов, деленное на число слов в списке), r — коэффициент сохраняемости (для стандартного списка из 100 слов $r = 0,86$).

Итак, для того чтобы узнать давность разделения двух языков, мы должны: перевести слова диагностического списка на оба языка; определить (обращаясь к этимологическим словарям), какие слова списка имеют в этих языках общее происхождение; подсчитать долю общих слов, подставить соответствующее число в формулу и вычислить значение t.

Допустим, что мы делаем такой подсчет для русского и английского языков. Переводим слова списка на оба языка и сравниваем, используя этимологический словарь: *глаз* и *eye* — не совпадают, *нос* и *nose* — совпадают, *есть* и *eat* — совпадают, *пить* и *drink* — не совпадают... Всего мы получим около 25 пар общих слов (может быть, немного меньше: иногда этимологический словарь дает уклончивый ответ). Подставив логарифм 0,25 в формулу, получаем 4,6, т. е. 4600 лет. Русский и английский представляют разные группы индоевропейских языков — славянскую и германскую; значит, языки-предки этих двух групп разошлись около 4600 лет назад.

Любые подсчеты, основанные на средних числах, дают только приблизительные результаты, и глоттохронология не исключение. Как сильно могут отличаться от действительности те даты, которые мы получаем с ее помощью? Это тоже можно вычислить. Не будем объяснять, как это делается; достаточно сказать, что если мы пользовались списком из 100 слов и если возраст языков находится в пределах 2—5 тысячелетий, то в двух случаях из трех ошибка не превысит 1/8 этого возраста и в 19 случаях из 20 она не будет больше четверти его. В нашем примере есть два шанса из трех, что предки славянских и германских языков разделились от 4000 до 5200 лет назад.

Метод Свадеша пригоден не для всех языков. Он неприменим к литературным языкам, имеющим долгую непрерывную историю. Та-

кой язык часто остается почти неизменным в течение многих веков. Пример этого — исландский язык: на нем уже около тысячи лет назад существовала богатая литература, но она и сейчас вполне понятна каждому исландцу. Если народы после разделения не теряли связи между собой и их языки могли влиять друг на друга, то возраст их, вычисленный по формуле, окажется гораздо моложе настоящего. В таком положении находятся, например, языки, входящие в славянскую группу.

Многие лингвисты (может быть, большинство) считают метод глоттохронологии ненадежным или вообще ненаучным. Вот их главные возражения: ста слов слишком мало, чтобы применять к ним статистические методы; понятия, входящие в диагностический список, не универсальны — в конкретном языке не которых из них может не быть; нельзя считать, что коэффициент сохраняемости есть постоянная величина, — вычисление его по разным языкам приводит к разным результатам.

Но защитники глоттохронологии могут ответить, что нередко правильность сроков, вычисленных методом Свадеша, может быть проверена — она подтверждается данными археологии. Например, можно подсчитать, что общий финно-угорский язык распался на две ветви — пермскую и угорскую — около 4000—4500 лет назад; и действительно, уральско-камская археологическая культура, которая, как считается, принадлежала предкам финно-угров, относится к III тыс. до н. э. Прямые предки современных китайцев создали культуру Яншао, существовавшую в IV тыс. до н. э.; приблизительно этим же временем датирует глоттохронология отделение китайского языка от тибето-бирманских. Сванский язык существует отдельно от языков грузинско-занской группы около 4000 лет, поэтому он имеет собственные, не совпадающие с грузинскими названия для лошади и железа, которые стали известны на Кавказе на тысячу лет позже вычисленного времени его отделения.

Спор о глоттохронологии не закончен, но во всяком случае эта область исследований интересна и заслуживает внимания.

ГОВОР. НАРЕЧИЕ. ДИАЛЕКТ

Говор — мельчайшая единица диалектного членения языка (см. *География лингвистическая*). Говоры объединяются в наречия, более крупные территориальные единицы (см. *Наречия русского языка*). Термин «диалект» употребляется и в том, и в другом смысле.

Пример. Много лет говор деревни Деулино изучала группа лингвистов под руководством И. А. Оссовецкого. Результат их трудов — «Словарь современного русского народного говора» (1969). Здесь раскрыты тончайшие системные связи в лексике диалекта Деулина, одного из диалектов Рязанской Мещеры — той ее части, которая относится к южнорусскому наречию.

ГОГОЛЬ Н. В. ЯЗЫК ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЙ

О первой прозаической книге Николая Васильевича Гоголя — «Вечера на хуторе близ Диканьки» (ч. I, 1831) — Пушкин писал: «Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия! какая чувствительность!.. Ради бога, возьмите его сторону, если журналисты, по своему обыкновению, нападут на *неприличие* его выражений, на *дурной тон* и проч.». Легко заметить, что этот отзыв относился не только к содержанию нового произведения, но и к его языку. Впрочем, одно неразрывно связано с другим. Книга, со страниц которой во всю ширь вставал мир украинской народной жизни, с ее героическими преданиями и современными заботами, хитроумными проделками парубков и кознями нечистой силы,— эта книга блистала яркими свежими красками, поражала оригинальностью и выразительностью языка.

В ней соединены различные, порою противоположные стили: с одной стороны, стиль речи поэтической, прочувствованной, достигающей патетических высот; с другой — бытового просторечия, подчас даже бранных слов и вульгаризмов: «А, шельмовский сатана! чтоб ты подавился гнилою дынею! чтоб еще маленьким издохнул, собачий сын!»

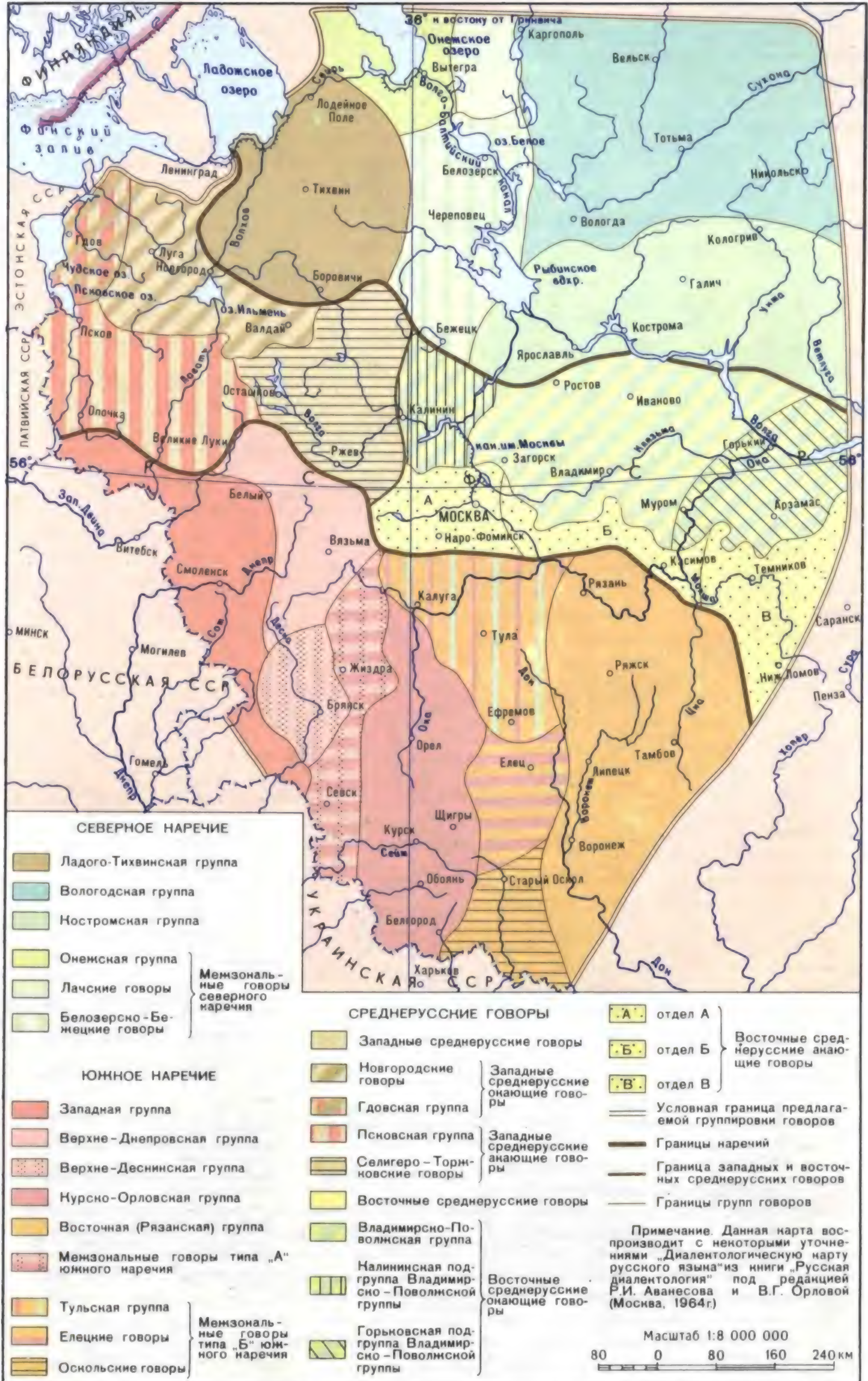
Украинская лексика, фразеология, сам склад украинской речи оказывали влияние на язык его ранних произведений, выполняя определенные художественные функции. Украинизмы повышали поэтичность любовных объяснений, усиливали бытовую характерность жанровых сцен, наконец, обостряли комизм иных сатирических описаний. Гоголь, по выражению современного исследователя А. В. Чичерина, «к русскому ржаному хлебу подмешивал украинской соли и даже перцу».

На протяжении двух десятилетий творческой деятельности Н. В. Гоголя язык его, естественно, развивался, однако искусное объединение противоположных стилей оставалось движущей силой его новаторства.

В последующих произведениях Гоголя — в повестях «Миргород», «Петербургских повестях», «Ревизоре» и т. д. — роль «обыкновенного наречия» еще более возросла. И это понятно: от «живого описания племени поющего

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА РУССКОГО ЯЗЫКА В ЕВРОПЕ (1914 г.)

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА РУССКОГО ЯЗЫКА



Н. В. Гоголь. Портрет работы В. Горяева

и пляшущего», как определил А. С. Пушкин содержание «Вечеров...», Гоголь обратился к повседневному и неприглядному существованию обывателей — к мелким обидам и смертельным ссорам, к всевластию чина и денег, к зависти и каверзничеству, к пустому времяпрепровождению, словом, ко «всей страшной, потрясающей тине мелочей», «опутавших нашу жизнь». И широким потоком хлынули в произведения Гоголя канцелярский стиль, смешанный с разговорно-бытовым языком, элементы разных жаргонов (шулерского, охотничьего и военного).

Параллельно Гоголь ведет беспощадную борьбу с языком салонным, чопорным: «Дамы города *N*... отличались... необыкновенною осторожностью и приличием в словах и выражениях. Никогда не говорили они: «я высморкалась, я вспотела, я плюнула», а говорили: «я облегчила себе нос, я обошлась посредством платка» и т. д. Жеманно-иносказательное слово отвергается ради слова прямого и резкого. Однако сохраняется поэтический, взволнованный, порою пафосный гоголевский слог, который по-прежнему то перебивал, то обрамлял стиль «обыкновенного наречия», остро контрастируя с ним и передавая самим этим контрастом непримиримое противоречие сущего и должного, мечты и действительности, мучительную тоску художника по идеалу.

Одновременно с отмеченными выше изменениями происходит и перестройка повествования. В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» у Гоголя целая вереница рассказчиков: и дьячок Фома, и «гороховый панич», и Степан Иванович Курочка. Облик рассказчика должен был мотивировать содержание и речевой стиль каждого произведения. Затем, однако, Гоголь от такого приема отказался: в любом из его последующих произведений в повествовательной манере его рассказчика наблюдается множество переходов от одного стиля к другому.

Возьмем «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Рассказывает ее один человек. Но какие в его облике разные, порой противоположные грани! То это человек того же круга, что и остальные миргородцы, такой же недалекий и невежественный, падкий на сплетни, близко к сердцу принимающий заботы своих приятелей — обоих Иванов. То это человек себе на уме, с лукавинкой, причем с наивной лукавинкой, который то ли насмешливо, то ли простодушно-серьезно выбалтывает домашние тайны миргородской жизни. То это некое нейтральное лицо, спокойно и безучастно регистрирующее все происходящее. То, наконец, это человек, по своему душевному складу близкий к самому Гоголю, и поэтому он взирает на пустую ссору, на мелочные заботы своих героев с глубокой печалью, «сквозь видимый миру смех и незримые, неведомые ему слезы». Именно этим человеком произнесена заключительная фраза повести: «Скучно на этом свете, господа!» Вместе с изменением облика рассказчика происходит движение от одного стиля (более низкого) к другому (более высокому). А этот процесс, в свою очередь, соответствует нашему, читательскому восприятию повести. Ведь оно тоже меняется, становясь серьезнее, глубже, печальнее.

Иллюстрация А. Агина к повести Н. В. Гоголя «Нос».

Иллюстрация к повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» (Палехская лаковая миниатюра).

Иллюстрация Д. Кардовского к комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».

Движению художественной мысли во многих произведениях Гоголя способствуют семантические сдвиги ключевого слова. Наиболее яркие примеры — повесть «Нос», комедия «Ревизор» и поэма «Мертвые души», где ключевые слова даже вынесены в заглавия.

Что, например, означает ключевое слово в повести «Нос»? Это часть лица — злополучная часть лица майора Ковалева, исчезнувшая со своего места неведомо каким образом. Но это и самостоятельное существо, человек, да еще в «мундире», обладатель высокого чина статского советника. В этом случае часть становится больше целого, присваивая себе права последнего (характерна игра слов, выражающая полное извращение реального положения вещей: «*Нос* спрятал совершенно *лицо* свое в большой стоячий воротник...»). Далее это некое таинственное, промежуточное существо, не часть лица и не человек, но одновременно и то и другое, способное в одно мгновение изменять свой статус («... я сам принял его сначала за *господина*. Но, к счастию, были со мной очки, и я тот же час увидел, что это был нос...»). Нос выступает также как символ какого-либо явления или психологического состояния: то это довольно прозрачный намек на дурную болезнь («Мне ходить без носа, согласитесь, неприлично...»), то знак того, что тебя одурачили, обманули, дали тебе отставку («Если вы разумеете под сим, что будто бы я хотела оставить вас с носом, то есть дать вам формальный отказ...»); то это выражение общественного преуспевания, благополучия, самодовольства (развитие мотива «задирать нос»). И все эти значения, все эти разнообразные грани одного слова, одного понятия взаимодействуют друг с другом, переливаются одно в другое, создавая пестрый и таинственный образ мира, в котором «чепуха совершенная делается» и «все происходит наоборот».

Если в «Носе» ключевое слово, изменяясь, не выходит из сферы комического и гротескного, то в «Ревизоре» диапазон изменений охватывает полюс низкого, «обыкновенного» и полюс высокого, патетического, можно сказать — даже трагедийного. Ведь «ревизор» — это не только то реальное уполномоченное и всемогущее лицо, которое должно прибыть в уездный город. И не только Хлестаков, т. е. ревизор мнимый. Это еще и переживание «ревизора» всеми чиновниками города, больше того — всеми его жителями; это широкий комплекс чувств, вызванных чрезвычайной ситуацией, прибытием в город «государственного человека». Отсюда возможность морального и даже моралистического толкования ключевого слова, на чем особенно настаивал поздний Гоголь: «...настоящий ревизор... есть та настоящая наша совесть, которая встречает нас у дверей гроба». От одного реального лица до обозначения моральной категории, характеризующей поведение и отдельного человека и человечества в целом,— таков диапазон значений слова «ревизор».

В поэме «Мертвые души» роль ключевого понятия выполняет не одно слово, а целая формула — «мертвые души». Формула эта противоречива, причем противоречие заключено и в значении второго слова (душа), и в сочетании его с первым (мертвая).

Противоречивость слова «душа» была обусловлена самой русской действительностью, крепостным правом. По зловещей иронии одним и тем же понятием обозначалась и высшая степень духовности, одушевленности, делающая человека человеком, и рабочая единица, выполняющая определенные обязанности по барщине, оброку, и т. д. Для помещика важно не столько первое, сколько второе; счет на души — прежде всего счет количества рабочей силы. Гоголь сполна использовал этот исторический парадокс: наполняющие его поэму многочисленные толки о «душах», т. е. о

Иллюстрация Н. Кузьмина к комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».

крестьянах, продаваемых и оптом и в розницу, производят странное и грустное впечатление, словно речь идет не о людях, а о некоем усредненном человеческом материале, приравненном к скоту, рабочему инвентарю, земле, т. е. к орудиям и средствам преуспевания и обогащения.

Но парадоксальным было и сочетание существительного «душа» с прилагательным «мертвая», ибо оно передавало омертвение того, что не могло и не должно было омертвляться. «Мертвые души» — это заглавие само носит в себе что-то наводящее ужас», — писал А. И. Герцен. Эта формула несла в себе двойной смысл, так как одной стороной она была обращена к заботам и делам персонажей (прежде всего Чичикова), а другой — к их психическому складу, уровню развития, т. е. человеческому облику.

Что касается первого момента, то сочетание «мертвые души» передавало характер аферы Чичикова, т. е. лежащей в основе поэмы фабулы. Чичиков покупает не просто «души», но мертвые, т. е. «не живых в действительности, но живых относительно законной формы». На этом построены его корыстные расчеты: получить нечто, сулящее реальное богатство, но заплатить поменьше. Так намечается ведущий комический мотив поэмы: мертвые души — товар вполне реальный, но только более низкого качества. Гоголь виртуозно развивает этот мотив, создавая все новые и новые стилистические комбинации, исполненные неподражаемой иронии.

Но формула «мертвые души» обнаруживает и новую грань: люди, которые погрязли в подобных расчетах, чье существование исполнено лишь мелких и корыстных интересов, сами мертвы — мертвее тех умерших крестьян, которыми они торгуют. Определение «мертвые» приобретает моральное, нравственное содержание, обращенное уже к замыслу поэмы в целом. «Подумайте не о мертвых душах, а о своей живой душе, да и с богом на другую дорогу»,— говорит Муразов Чичикову. Гоголь стремился найти нравственную опору в душах своих пошлых и низких героев, привести их к возрождению, указав тем самым истинный путь не только для России, но и для всего человечества. Так поэма должна была увенчать проходящее через все гоголевское творчество стремление к синтезу «самых высоких слов с самыми низкими», причем под «словом» следует понимать не только речевое явление, но и явление жизненное и философское.

Гоголевский стиль оказал мощное влияние на литературу и речевое общение, о чем точно и полно сказал В. В. Стасов: «С Гоголя водворился на России совершенно новый язык; он нам безгранично нравился своей простотой, силой, меткостью, поразительной бойкостью и близостью к натуре. Все гоголевские обороты, выражения быстро вошли во всеобщее употребление. Даже любимые гоголевские восклица-

Иллюстрация А. Каневского к повести Н. В. Гоголя «Федор Иванович Шпонька и его тетушка».

ния: «черт возьми», «к черту», «черт вас знает» и множество других — вдруг сделались в таком ходу, в каком никогда до тех пор не бывали. Вся молодежь пошла говорить гоголевским языком». Сила гоголевского слова заключалась не только в его безбоязненном, еще не бывалом погружении в повседневную прозу, но и в том, что оно, это слово, со всей яркостью сохраняло печать духовности и стремления к идеалу.

ГОРЬКИЙ А. М. ЯЗЫК ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЙ

А. М. Горький. Литография Г. Верейского.

С первых своих рассказов молодой Горький не только содержанием, но в особенности свежестью своего слова открывал совершенно новую страницу в истории русской литературы. Он чтил и любил своего прямого предшественника — Чехова как великого писателя и старшего друга. Любил его проникновенное искусство, учился у него. Но... учился по-своему. Его сосредоточенной и монохромной гамме он противопоставил свое обилие света, зычное многообразие красок. Его тихому голосу — совсем иной голос, смелый и громкий. Его персонажам, растерянным и бессильным в борьбе за жизнь,— людей отважно ищущих, способных постоять за себя и за свою идею.

Чехов завершал эпоху критического реализма, достигая в своем критицизме особенной остроты. М. Горький открывал новую эпоху, утверждавшую новые ценности в литературе,— эпоху социалистического реализма.

Капризному, претенциозному слову многих своих современников М. Горький решительно противопоставил свое стойкое, огнеупорное слово. С юных лет — неистовый читатель, для которого книга и встреченные им люди стали повседневным его университетом, М. Горький в «Слове о полку Игореве» учился смелости, полету образной мысли, у протопопа Аввакума — его причудливому озорству, он тщательно учился у всех великих писателей XIX в., и русских и иностранных. Горячо любил М. Горького Лев Толстой. Они встречались, беседовали, ценили друг друга. «Вспоминаю его острые глаза,— они видели все насквозь...» (из записи, сделанной в тот день, когда Горький узнал о смерти Льва Толстого).

Творчество Толстого он впитал особенно жадно, но в стиле своем и ему шел наперекор. Лев Николаевич любил М. Горького, но озорство в его языке, в стиле иногда смущало и раздражало Толстого.

Смелым, веселым, искрящимся словом начал молодой Горький. Как все необычайно сомкнуто, сжато и плотно в ранних его рассказах! Даже море! Даже небо: «По небу двигались толстые пласты лохматых туч, море было спокойно, черно и густо, как масло». Эти «толстые пласты», это «густое» море! Таким плотным, до такой степени ощутимо материальным никто еще не видел ни неба, ни моря. Мир Горького величественный и жесткий. «Посыпался дождь... плотный, крупный...». Дождь не полился, не зашлепал — посыпался, в этом слове влага уплотняется, словно застывает (посыпался град), и эпитеты «плотный», «крупный» бьют в ту же цель: дать почувствовать крепкую, упругую силу дождя, как и всего в природе. Ничего размягченного, колышащегося, зыбкого. Работа скульптора, работа по камню.

И дело не только в том, чтобы возможно точнее изобразить облака или дождь, а в том, чтобы верно выразить свое, новое восприятие мира. Так и в живописи: у Боттичелли все легко и эфирно, а у Мантеньи фигуры, и природа, и здания, и люди словно вырубленные из камня... У Горького его «живопись» словом ближе к Мантеньи, нежели к Боттичелли. Горький приучает своего читателя видеть в природе ее силу. «Гранит, железо, дерево, мостовая...», «Закованные в гранит волны моря...», «Металлический вопль железных листов...», «Дребезжание извозчичьих телег...» Прислушайтесь к звуковой гамме в ранней прозе Горького, к жесткому и гулкому ее звуку. Это в природе. А в жизни человека — труд. Его напряжение, его обнаженные и осязаемые мускулы: «Нужно было видеть, как он управлялся с семипудовым куском теста, раскатывая его, или как, наклонившись над ларем, месил, по локоть погружая свои могучие руки в упругую массу, пищавшую в его стальных

пальцах». Труд — любимая тема Горького. Какое мощное здесь напряжение слова! И смысл слов поддерживает перелив того же звука: то безударного, то ударного, звучащего все крепче и крепче.

И какие все настоящие слова, свежие: «раскатывая», «месил», «наклонившись над ларем», да и каждое слово этого текста. Вслушайтесь, и вы почувствуете, что здесь что-то похожее на стихи, где вы осязаете ритм и звук каждого слова.

Сама работа писателя над текстом его произведения в чем-то сродни всякому истинно вдохновенному труду. И наоборот, всякий вдохновенный труд сродни поэзии. Вот почему можно так изображать труд самого обыкновенного пекаря. Так же, с таким же подъемом и с удалью, вложенной в поэтическое слово, автор «Коновалова» постоянно изображает труд, например в рассказе «На плотах», где бесхитростный труд грузчиков изображен как своего рода богатырская потеха.

Метафора особенно деятельно участвует в создании горьковского стиля. Ее преобразующая природа, энергия мысли, в ней заключенная, сродни революционному духу этого автора. Так, в романе «Мать» в метафоре обнажена сила революционного слова: «Слово своею силой будило», «В упор, в лицо ему Рыбин бил тяжелыми, верными словами», «Спивакина зацапали в острог, а слово осталось... оно кричит, живет...»

Иллюстрация к произведению А. М. Горького «Старуха Изергиль» (Палехская лаковая миниатюра).

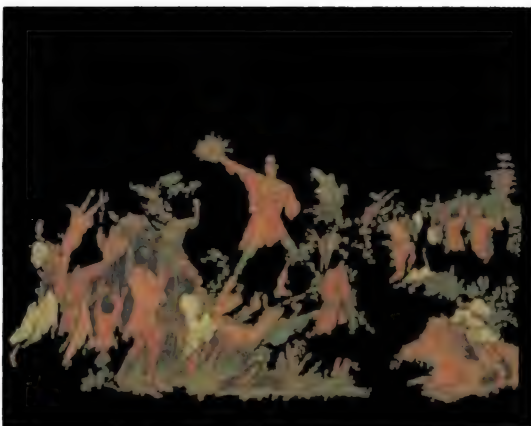


Иллюстрация С. Герасимова к роману А. М. Горького «Фома Гордеев».

Во многих случаях в метафоре возникает образ кем-то сказанного слова, в сосредоточенной и жгучей силе которого — азарт подымающейся революционной бури. Очень многообразно и восприятие слова («жадно слушала...», «тянет сердце за вашей речью»), и возникают образы страстно, увлеченно говорящего человека, и след в душе от кем-то сказанного слова: «...колючие и резкие щелчки слов».

Метафора создает образ произносимого слова, образ уплотненный, действенный, жгучий. Отвлеченные понятия приобретают совершенную конкретность. Метафора порождает еще и сравнение, в котором гнездится подчиненный основной теме дополнительный образ: «...мысли есть, а не связаны и бродят, как овцы без пастуха». В этом сочетании метафор и сравнения — целая басня в миниатюре. И этот текст вызывает читателя на самопроверку: а что, у меня, у читателя, сосредоточены ли мысли, не бродят ли они туда и сюда без толка? Жив ли во мне некий внутренний пастух, направляющий мысль?

В иной метафоре скрыт своего рода сюжет, целая философия. Только при медленном, внимательном чтении вы входите в сокровищницы поэтического слова. Метафора оживляет образ: «Ветер возится по крыше». Уже А. С. Пушкин чувствовал бытовой колорит этого глагола: «*возиться* с старыми журналами соседа», «по целым часам *возился* с ними». И в стихах и в прозе запах этого слова сохраняет насыщенность повседневным бытом и сугубую реалистичность. У М. Горького эта простодушная метафора «ветер возится» придает природе домашний, явственно ощутимый облик с очень своеобразной поэтической окраской. И в этом — глубокая связь метафоры с индивидуальным стилем автора.

Метафора достигает в повести «Мать» гого-

Иллюстрация Кукрыниксов к роману А. М. Горького «Мать».

левской смелости, но в особенном, горьковском духе — возникает ощущение физической силы слова: «Ползали и летали слова, тревожные и злые, вдумчивые и веселые». Кажется, такого рода фразу можно изобразить наглядно, как ползут и летают слова, у каждого свой колорит, своя повадка. Из метафоры вырастают и эпитеты. Так многозвучен в изображении М. Горького говор народной массы.

Метафора М. Горького реальна и сказочна, конкретна и философична. Это игра воображения, и это обнаружение действительной жизни. В особенности поражает, что каждая метафора — открытие нового, а в их совокупности основа смелого, вольного литературного стиля.

В трилогии «Детство», «В людях», «Мои университеты» искусство слова у М. Горького достигает особенной высоты. Текст и изыскан, и бесхитростен, и со страниц все время слышится голос ребенка, юноши.

Во всех трех частях особенное значение приобретает искусство портрета, который совсем не похож на портрет классического периода русской литературы. Что особенного, например, в таком горьковском портрете из «Детства»: «Меня учила тихонькая, пугливая тетка Наталья, женщина с детским личиком и такими прозрачными глазами, что, мне казалось, сквозь них можно было видеть все сзади ее головы»? В эпитетах «тихонькая, пугливая» ясный переход от внешнего облика к запуганности женщины в условиях изображаемого быта, к ее индивидуальности. Наиболее оригинальное — в концовке, в гиперболе: «до того тиха, до того стушевывается, что ее почти нет, сквозь глаза ее можно видеть дальше». В портрете уже проникновенное и цельное постижение личности.

Может быть, иногда поиски оригинального построения человеческого портрета приводят к искусственности: «Глаза у нее были пришиты к лицу невидимыми ниточками; легко выкатываясь из костлявых ям, они двигались очень ловко, все видя, все замечая...» Создавая свой стиль, и причудливый и глубоко народный, М. Горький иной раз в этой своей причудливости утрачивает чувство художественной ясности и меры.

Но в подавляющем большинстве случаев выбор выражения у него точный. При этом он придерживается крайнего, более резкого слова. Если можно сказать: зло болтают, он говорит «злее сплетничают». Разбил стекло? Выбил? Нет, «вышиб стекло». Наполнена мебелью? Нет, «тесно набита... мебелью». Сказал обидно? Нет, «сказал ехидно». Выбор слова постоянно в пользу слова более сильного, более поражающего ум.

Книга, чтение, их живое действие ни в одном романе не занимают такого значительного места, как в повести «В людях». Разного рода читатели, от начетчика, заучившего сотни страниц, до самого Алеши, трепетно и чутко воспринимающего всякое искрящееся слово. И встречает он на своем пути людей, страстно любящих книги: «Читай, малый, читай, годится! Умишко у тебя будто есть... Книги читай, однако помни — книга книгой, а своим мозгом двигай!»

В трилогии М. Горького горячо рассказано о том, как совершался духовный рост ребенка, выросшего в полудикой мещанской среде. И стиль трилогии, ее языковые богатства совершенно созвучны этой высокой цели.

ГРАММАТИКА

Грамматика — учение о грамматической системе. Грамматическую систему составляют единицы, обладающие грамматической формой (см. *Форма грамматическая; Способы грамматические*).

Грамматика делится на морфологию — учение о грамматических формах отдельных слов — и синтаксис — учение о грамматических формах словосочетаний и предложений. О морфологии рассказывают статьи: *Морфема; Лексема и форма слова; Аналитические и синтетические языки; Агглютинатив-*

ные и фузионные языки; Изолирующие языки; Внутренняя форма слова; Нулевые единицы в языке; Связанные корни; Словообразование и словоизменение; Неологизмы; Окказионализмы; Части речи; Местоимение; Числительное; Вид глагола; Залог; Наклонение; Время глагола; Лицо и число у глаголов; Число у имен; Падеж.

О синтаксисе рассказывают статьи: *Синтаксические связи; Подчинение и сочинение; Модальность; Предикативность и полупредикативность; Предложение; Члены предложения; Порядок слов в предложении; Актуальное членение предложения; Сложное синтаксическое целое; Лингвистика текста.*

ГРАММАТИКА КАК СИСТЕМА

Грамматика представляет собой систему. Системой называется такое единство, каждый элемент которого связан с другими и от них зависит. Именно так устроена и грамматика.

Каждая грамматическая форма существует в языке не сама по себе, а обязательно вместе с другими формами, которым она противопоставлена по значению. Например, не может быть формы единственного числа без формы множественного. Как это доказать? Представим себе язык, в котором нет формы множественного числа. В этом языке любое множество предметов должно обозначаться так же, как и один предмет (ведь формы множественного числа нет). А раз так, то нет в этом языке и формы единственного числа, потому что нет различий в обозначении одного и многих предметов. Без противопоставления форм единственного и множественного числа нет грамматического числа вообще.

Итак, чтобы выразить в языке какое-то грамматическое значение, необходимы как минимум две противопоставленные друг другу формы. Но их может быть и больше; например, в русском языке шесть основных падежных форм (см. *Падеж*).

Значение грамматической формы зависит от значения других форм, которым она противопоставлена. Например, в русском языке форма множественного числа противопоставлена только форме единственного и обозначает более одного предмета. А в словенском (одном из южнославянских языков), где есть еще и форма двойственного числа, специально для обозначения двух предметов, форма множественного числа обозначает уже более двух предметов, а не более одного.

Противопоставлены друг другу как грамматические формы одного слова (например, формы падежей существительного, формы времени глагола), так и грамматические классы слов: одушевленные существительные противопоставлены неодушевленным, глаголы совершенного вида — глаголам несовершенного вида и т. д.

Каждое грамматическое противопоставление обязательно должно быть выражено.

Противопоставление грамматических форм слова выражается специальными аффиксами (суффиксами, окончаниями и т. п.) либо другими грамматическими средствами (см. *Способы грамматические*).

Противопоставление грамматических классов слов может выражаться не какими-то отдельными морфемами (или другими показателями), а системой форм. Например, у одушевленных существительных винительный падеж совпадает с родительным, а у неодушевленных — с именительным. Следовательно, значение одушевленности выражается не какими-то конкретными окончаниями, а определенным соотношением падежных окончаний. Грамматическое противопоставление глаголов совершенного и несовершенного вида выражается в системе форм времени: так,

в изъявительном наклонении у глаголов несовершенного вида три формы времени (*пишу — писал — буду писать*), а у глаголов совершенного вида — только две (*напишу — написал*).

Таким образом, и отношения грамматических классов сводятся в конечном счете к противопоставлению форм. Это относится и к основным грамматическим классам (частям речи), которые противопоставлены друг другу по самым общим, отвлеченным грамматическим значениям (см. *Части речи*).

Грамматические формы есть не только в морфологии, но и в синтаксисе. И там они также взаимообусловлены и противопоставлены друг другу. Только это уже не формы самих слов, а формы их связи (см. *Подчинение и сочинение*) и формы предложения (например, личные и безличные предложения).

Грамматика каждого языка представляет собой систему, но эти системы устроены по-разному. Различны грамматические категории разных языков, т. е. те общие значения, по которым противопоставлены друг другу грамматические формы. Так, категория одушевленности — неодушевленности и категория вида, которые есть в русском языке, неизвестны многим языкам, например английскому, немецкому и французскому. А в этих языках есть категория определенности — неопределенности (она выражается двумя типами артиклей), которой нет в русском языке. Неодинаков и состав форм в пределах одной категории Так, в языках, где есть категория падежа, число падежных форм варьируется от 2 (язык маратхи в Индии) до 40 с лишним (некоторые языки Дагестана). Но и при одинаковом числе форм в разных языках их значения могут соотноситься по-разному. Кроме того, однородные грамматические категории могут распределяться по-разному между частями речи. Так, во французском языке глагол имеет формы числа, а прилагательное — нет. А в русском языке число есть и у глаголов, и у прилагательных.

Грамматические системы различаются не только самими грамматическими значениями, но и тем, как эти значения выражаются. Если учесть все эти различия, то грамматическая система каждого языка окажется глубоко своеобразной.

Но, как бы ни различались между собой грамматические системы, это не мешает выражать на разных языках одни и те же мысли. Если в языке нет форм падежа (например, во французском), отношения между предметами выражаются при помощи предлогов или порядка слов. Если у глагола нет форм времени (например, в африканском языке ван), время действия может быть указано при помощи других слов. И так во всем: одни языковые средства компенсируют отсутствие других.

ГРАФИКА

Что обозначает буква *я* в слове *нельзя*? Протяните, произнесите длительно мягкий согласный: *зь-зь-зь-зь*... и добавьте без всякой паузы *а*. Получится слог *зя*, точно такой, как в словах *нельзя, зяблик, скользя, озябнуть, зять, грозят*. Значит, буква *з* обозначает согласный *з*, но не указывает, что он мягкий. Да, именно так. Если я в начале слова читаю *з*, то не знаю, что произнести: [з] или [з'] (так будем обозначать мягкие согласные). Может быть, это *зябь* — *з* мягкий, а может, *зал* — *з* твердый. Видно, буква *я* здесь обозначает, что предшествующий согласный мягкий, а за ним следует гласный *а*.

Сравним такие слоги:

за [за] да [да] на [на]
зя [з'а] дя [д'а] ня [н'а]

Слоги отличаются твердыми и мягкими согласными. Притом буква *а* обозначает твердость предшествующего согласного, а буква *я* — мягкость:

З ’а
З Я

Что обозначает буква *ю* в слове *колю*? Произнесите длительно, протяжно: *ль-ль-ль-ль*... и добавьте *у*. Получится слог *лю*, точно такой, как в слове *колю*. Значит, буква *ю* обозначает гласный *у* и мягкость предшествующего согласного. Сравним слоги:

лу [лу] ду [ду] ну [ну]
лю [л’у] дю [д’у] ню [н’у]

Слоги отличаются друг от друга согласными — твердыми и мягкими. Буква *у* передает твердость согласного, а *ю* — мягкость:

Л ’у
Л Ю

Сравним слоги:

тэ [тэ] сэ [сэ]
ме [м’э] се [с’э]

Буква *э* показывает: предшествующий согласный твердый; пример: *мэр, сэр*. Буква *е* свидетельствует о мягкости предшествующего согласного. Впрочем, *э* употребляется редко, и обычно различие твердых — мягких согласных на письме остается невыраженным. Например, пишут: *постель* [пас’т’эл’] и *пастель* [пастэл’] — особый вид красок; различие между [т] и [т’] письмо не передает.

Сравним:

нёс нос потёк поток
[н’ос] [нос] [пат’ок] [паток]

Вы видите: буква *ё* говорит, что предыдущий согласный — мягкий, а после него идет *о*. Буква *о* говорит: предыдущий согласный — твердый, а вслед за ним — *о*.

Так же распределяют свои обязанности буквы *и* — *ы*. Сравним: *нить* — *ныть, бит* — *быт*. Пишем — *игры*, но *разыгрывать*. Зачем? Указываем твердость согласного *з* у приставки.

Итак, буквы *я, ю, е, ё, и* показывают мягкость согласных перед гласными и, кроме того, обозначают и сами эти гласные. Но ведь мягкие согласные могут быть не только перед гласными: *встань, встаньте, подвинь, подвинься, льды, львы*. Как тогда обозначать мягкость согласных? Примеры показывают: с помощью мягкого знака. Итак:

Но буквы *я, ю, е, ё, и* встречаются не только после согласных:

яма, юг, ель, ёж	в начале слова
моя, куют, поел, даёт	после гласной
объять, надъюжный, съел, объём	после ъ
статья, вьюн, статье, льёт	после ь

В этих случаях те же буквы обозначают сочетание звуков: *я* = *j* + *а*, *ю* = *j* + *у*, *е* = *j* + *э*, *ё* = *j* + *о*. Вы можете протянуть первую часть сочетания *ё* в начале слова: *j-j-j-j-j-*... или *й-й-й-й*..., а потом вторую: *о-о-о...-ш*. Получится *ёж*. Заметим: звуки *j*, *й* похожи, произнесем более напряженно — получится *j*, произнесем менее напряженно — выйдет *й*. Итак:

я (не после согласных!) = *j* + *а*.
ю (не после согласных!) = *j* + *у*.
е (не после согласных!) = *j* + *э*.
ё (не после согласных!) = *j* + *о*.

Так передается *j* перед гласными. А в других положениях? Когда гласного после [j] нет? Передается буквой *й*. Сравним: *играй!* Прибавим *у*: *играй* + *у* = *играю*. *Край*, прибавим *а*: *край* + *а* = *края*.

Все случаи обозначения [j] показывает таблица:

Перед чем / После чего	Перед гласными	Не перед гласными (на конце слова, перед согласными)
Не после согласных (в начале слова, после гласных)	*я, е, ё, ю, и*	*й*
После согласных	ъ, ь } + *я,е,ё,ю,и*	—

В одной из клеток поставлен прочерк: в таком положении [j] не встречается.

Итак, мы рассказали, как буквами обозначается в русском письме мягкость согласных, как обозначается *j*. Притом эти обозначения характеризуют не отдельные группы слов, а все слова: везде буква *я* в начале слова обозначает сочетание согласного *j* и гласного *а*.

Та часть теории письма, которая определяет, как передаются единицы языка во всех случаях, во всех словах и морфемах, называется графикой. Она изучает элементарные знаки письма — буквы в их наиболее типическом, повсеместном для данного языка употреблении. Другая часть теории письма, соотносительная с графикой, называется орфографией.

Мягкий согласный находится:	Мягкость согласного обозначается буквами:
перед гласными	*я, ю, е, ё, и*
не перед гласными = или на конце слова, или перед согласным	*ь*

Совокупность элементарных единиц письма — букв — составляет алфавит. Знаки алфавита имеют определенный, традиционно закрепленный порядок следования при их перечислении.

ГРИБОЕДОВ А. С. ЯЗЫК ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Александр Сергеевич Грибоедов уже в юные годы был сторонником романтизма, рамки классицизма ему мешали. Почему же в своей комедии «Горе от ума» он сохранил эти рамки? Сохранил старое завещание классицизма — единство времени и места, герои его также как будто отвечают традиционному распределению ролей в комедии.

Рама, солидная, тяжелая, может подчеркивать статичность картины, застывшую торжественность самого изображения. Но рама может быть использована и по-другому: своей статикой, своей массивной неподвижностью она по контрасту позволяет острее воспринять движение, динамическое напряжение картины. Именно такую роль играют классицистские традиции у Грибоедова. Читатель и зритель видят живое и динамичное преобразование классицистской схемы в романтически-напряженное, жизненно-полнокровное действие.

Чацкий — резонер? Он — передатчик мнений автора? Так многие и поняли этот образ. Тогда он должен свои умные идеи высказывать умному собеседнику. Так, Стародум заветные мысли Фонвизина высказывает Правдину. Было бы издевательством над этими мыслями, их профанацией, если бы он раскрывал их перед Митрофаном и Простаковой. Но именно так делает Чацкий, он мечет бисер перед обществом Фамусовых! Многие современники не поняли образа Чацкого, меряя его меркой резонера, «идеального героя». Но Чацкий — не резонер. Он — живой человек, влюбленный, переживающий муки ревности, негодующий, мучительно страдающий.

Чацкий ослеплен любовью — и не видит, как изменилась Софья. В сопоставлении этих двух характеров — Чацкого и Софьи — раскрыта важная тема. Чацкий и Софья провели детство и отрочество в одном мире. Чацкий вырвался из этого мира, нашел в себе силы отторгнуть от себя этот мир, Софья же была вовлечена в него, она усвоила его взгляды и привычки.

Становится ясным единство всего замысла комедии: это комедия об омертвляющих рамках, готовых сковать честную и горячую молодость, и о героизме тех, кто вырывается из этих рамок.

А. С. Грибоедов. Портрет работы И. Крамского.

Для воплощения замысла найден достойный способ изображения: на глазах читателя классицистская основа преодолевается, «рама» традиционной комедии разрушается всем действием пьесы. В преодолении классицистской схемы огромную роль играет язык «Горя от ума».

В комедию Грибоедова врывается самая живая, предельно динамичная, реальная речь. Полная чувства и таящая в себе драматическое напряжение, она — прямой разрыв с классицистской скованностью; такой речью говорят все персонажи пьесы: «Молчалин на лошадь садился, ногу в стремя, / А лошадь на дыбы, / Он об землю и прямо в темя...»; «...Послушайте, не вам — чему же удивляться?»; «...Вот рыскают по свету, бьют баклуши, / Воротятся, от них порядка жди...»; «Не спи, покудова не свалишься со стула...»

Речь воспроизводится в той беглой фонетической форме, которая как раз и делает ее реальной, действительной речью: «Куда? — К парикмахеру...»; «Да в полмя из огня...»; «Сергей Сергеич, к нам сюда-с...»; «Пожалоста, сударь, при нем остерегись...»

Этот живой язык создавал возможности гораздо более тонкого психологического рисунка, чем искусственная речь классицистов.

Образы «Горя от ума», которые, казалось бы, отвечают привычному распределению персонажей в комедии XVIII — начала XIX в., на

самом деле выходят за пределы схемы, и средство преодоления ее — язык.

Фамусов наставителен, ироничен, заботлив, когда говорит с дочерью; он добродушно приветлив, и резок, и груб, когда говорит с Чацким. Властно и строго, бесцеремонно отчитывает слуг; игриво, тайком любезничает с Лизой... И вдруг — новая языковая краска — Фамусов, оказывается, умеет согнуться вперегиб перед значительным лицом, на которое имеет виды. Например, перед Скалозубом: «Прозябли вы, согреем вас; / Отдушничек отвернем поскорее...»

Все время меняется речь Чацкого — и все время остается верной самой сути этого характера. Вот он вспоминает, полон нежности и любви: «Ах! Боже мой! ужли я здесь опять, / В Москве! у вас! да как же вас узнать?! / Где время то! где возраст тот невинный, / Когда, бывало, в вечер длинный / Мы с вами явимся, исчезнем тут и там, / Играем и шумим по стульям и столам...»

А вот он в исступлении любви, ревности, надежды: «Пускай в Молчалине — ум бойкий, гений смелый, / Но есть ли в нем та страсть, то чувство, пылкость та, / Чтоб, кроме вас, / ему мир целый / Казался прах и суета? / Чтоб сердца каждое биенье / Любовью ускорялось к вам? / Чтоб мыслям были всем и всем его делам / Душою вы — вам угожденье?»

Иного тона, иного стиля его гневные обличения: «Теперь пускай из нас один / Из молодых людей найдется враг исканий, / Не требуя ни мест, ни повышенья в чин, / В науки он вперит ум, алчущий познаний — / Или в душе его сам бог возбудит жар / К искусствам творческим, высоким и прекрасным, / Они тотчас: разбой! пожар! / И прослывешь у них мечтателем! опасным!!»

Комедия «Горе от ума» написана вольным ямбом: свободно чередуются двух-, трех-, четырех-, пяти- и шестистопные строки. Стиховые строки, границы между которыми резко обозначены рифмой, постоянно разбиваются, разделяются между разными персонажами; и наоборот, синтаксически целостные единицы прерываются стиховыми переносами, «раздвинуты» рифмами. Все это осложняет и обогащает стиховую организацию текста, преодолевает инерционность привычной ямбической строки.

Современники удивлялись живости, естественности, богатству языка грибоедовской комедии. Удивляемся и мы, через полтораста лет после ее создания. «Мы во всяком случае можем утверждать,— писал выдающийся советский языковед Г. О. Винокур,— что рукой Грибоедова как автора «Горя от ума» в известном смысле водил сам русский язык в его скрытых в нем бесконечных возможностях».

Иллюстрация Д. Кардовского к комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

Иллюстрация Н. Кузьмина к комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

Г

Д

ДЕШИФРОВКА ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ

Еще в глубокой древности у людей возникла потребность передавать друг другу мысли, минуя барьеры, создаваемые временем и пространством. Сначала это делалось примитивно: в форме зарубок на палках, узлов на ремнях и веревках, позднее — в виде рисунков. От рисунка — соответствия слову начался путь к письму.

Ранние системы письма были смешанными: рисунок, знак в таком письме мог применяться для обозначения и целого понятия, и отдельного слога в слове (подобные системы письменности специалисты называют словесно-слоговыми). Лишь очень постепенно, в течение многих веков, выработались фонетические письменности, в которых знаки передавали звучание речи.

От древних народов до нас дошли «осколки» первых систем письма: они сохранились в виде надписей на орудиях труда, на камнях, надгробных плитах и памятниках, на арках городских ворот и т. п. По мере того как археологи находили эти загадочные надписи, ученые начали делать попытки расшифровать их.

В XIX—XX вв. были дешифрованы многие древние письменности. Каждой из этих дешифровок предшествовали десятки неудачных попыток проникнуть в содержание надписей.

Как общее правило, нельзя довести дешифровку до конца без находки билингвы (надписи на двух языках, один из которых известен, а другой подлежит дешифровке, причем по содержанию обе надписи тождественны или близки). Есть в дешифровке определенный барьер: можно определить в принципе строй и состав письма, даже можно выяснить, какие знаки выражают гласные, какие — согласные, но определить звучание знаков нельзя, если это звучание не подсказано написанием тех же слов (и особенно имен собственных) при помощи другого письма.

Разные типы дешифровки можно классифицировать следующим образом: дешифровка неизвестного письма, которым записан известный язык; истолкование неизвестного языка, записанного известным письмом; дешифровка, когда неизвестен и язык, и письмо.

Важное, хотя и не решающее, значение при дешифровке имеет и вопрос о том, находится ли дешифруемый язык в родстве с каким-либо из известных языков или нет. В этом смысле существует разница между дешифровкой хеттского и дешифровкой этрусского языков (хотя обе они относятся к одному общему типу: язык неизвестен, но записан известной нам письменностью). Дешифровка хеттского языка осуществлялась вначале благодаря присутствию в тексте уже известных по значению шумерских и аккадских идеограмм, дававших некоторый остов содержания текста; значение остальных слов выявлялось комбинаторно, а результат комбинаторного анализа проверялся с помощью этимологического метода: хеттские слова сопоставлялись со словами в родственных языках (этот язык оказался индоевропейским, т. е. родственным древнеиндийскому, греческому, латинскому, русскому и др.). Напротив, дешифровка этрусского остановилась на начальном этапе: ряд форм удалось определить комбинаторным анализом, но идеограмм в этой письменности нет, билингву найти не удалось, родственные связи этрусского языка пока не выявлены. Этрусский язык до сих пор не дешифрован.

Но было бы ошибочно возлагать слишком большие надежды на этимологический метод: известно, что одни и те же слова претерпевают со временем огромные изменения, совершенно меняя и свою звуковую форму, и значение. Сопоставление их даже в близкородственных языках становится исключительно трудным.

Между дешифровкой вовсе неизвестного языка и прочтением известного языка, записанного неизвестным письмом, существует ряд промежуточных звеньев. Если дешифруемый язык отдален от своего хорошо известного потомка большим отрезком времени (много сотен лет), то перед нами скорее дешифровка языка, родственного известному, нежели прочтение известного языка, записанного неизвестным письмом (таков древнеегипетский, совсем уже несхожий со своим потомком — коптским).

Существуют «опорные пункты», помогающие дешифровке. Их надо разделить на две группы: опорные пункты, которые дает нам текст, и опорные пункты, лежащие вне текста. Исходя из этого, мы можем говорить о двух различных этапах дешифровки: 1) дешифровка «изнутри», т. е. исключительно на основе выявления закономерностей текста, 2) дешифровка «извне», с помощью билингв, квазибилингв (оба текста — на известном и неизвестном языке — совпадают не полностью, а лишь по общему содержанию), искусственных билингв (вроде надписей на топорах: «Топор такого-то») и, с осторожностью, с помощью этимологического метода.

Путем дистрибутивного анализа можно из самого текста определить границы слов, отделить основы от окончаний. Флексии (оконча-

ния) встречаются часто, причем с данной группой основ сочетаются флексии данного типа (что позволяет противопоставить имена глаголам). Можно выделить суффиксы разного типа и провести еще ряд других формальных операций. Изнутри же можно определить и характер письма, а в буквенном письме разграничить гласные и согласные. Все это — основываясь на внутренних закономерностях текста, не прибегая к «внешним» сравнениям.

Из внешних «опорных пунктов» широко используется этимологический метод. Слова дешифруемого языка сравниваются со словами родственных языков. При использовании этимологического метода важно соблюдать некоторые специальные правила. Так, если данному слову дешифруемого языка соответствует несколько отличная форма слова известного языка, то необходимо это отличие обосновать. Это отличие может быть фонетическим — и тогда оно проявляется как закон, поскольку и в других словах должны наблюдаться те же различия: например, звуку А дешифруемого языка постоянно соответствует звук $А_1$ известного языка. Если такой закономерности установить нельзя, то это значит, что, скорее всего, дешифровщик встал на ложный путь. При дешифровке языка, представляющего собой более древнюю ступень известного языка, должно учитываться все то, что уже достигнуто сравнительным анализом данной группы языков. Так, при дешифровке критского линейного письма Б в архаическом греческом языке табличек оказались действительно зафиксированными те формы (фонетические и грамматические), которые были задолго до того реконструированы в работах языковедов — специалистов по предыстории греческого языка.

С другой стороны, дешифровка крито-микенских текстов внесла в эту реконструкцию некоторые, в общем незначительные корректуры. Гораздо более значительные исправления в реконструкцию праиндоевропейского языка были внесены после дешифровки хеттского языка, достаточно назвать обнаружение в хеттском ларингальных звуков, существование которых в индоевропейском языке предположил Ф. де Соссюр за много лет до Бедржиха Грозного (см. *Ларингальная гипотеза*; *Хеттская письменность. Ее дешифровка*).

ДИАЛЕКТНОЕ СЛОВО И РЕАЛИЯ

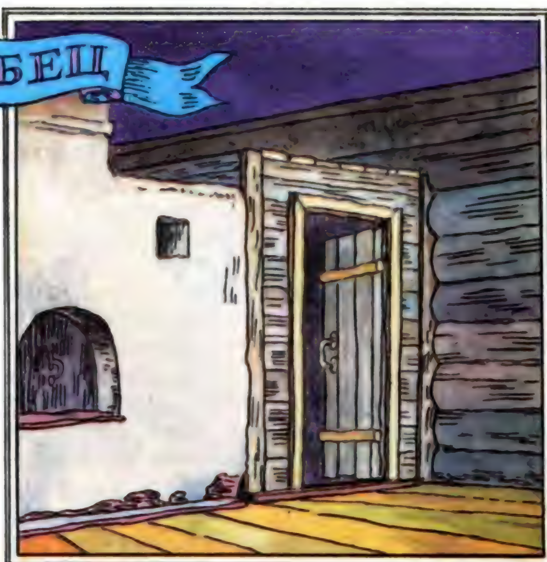
Тому, кто впервые попал в какую-нибудь сельскую местность, в речи ее жителей обязательно встретятся незнакомые слова, притом в каждой местности свои, особые. Это слова областные, или диалектные. Они не входят в состав национального языка, а употребляются только в говорах, и не повсеместно, а лишь на определенной территории.

Что же обозначают эти особые, диалектные слова? Что-нибудь особенное, такое, что не имеет названия в литературном языке? Да, многие диалектные слова относятся именно к таким специфически сельским реалиям (предметам окружающего нас мира), которые связаны с сельским хозяйством, деревенским домашним обиходом, устройством крестьянского дома и т. д. Например, в старых избах некоторых северных областей около русской печи можно увидеть небольшую пристройку, вроде чуланчика, немного повыше или пониже печи, с дверкой, через которую спускаются по лесенке в подполье, где хранят продукты. Сверху эта пристройка используется как спальное место. Такое сооружение обычно называется *го́лбец*. Нередко так называется и само подполье.

Однако не все диалектные слова обозначают какие-то особые сельские реалии. Гораздо больше таких, которые служат местными названиями для совсем обычных, повсеместно распространенных предметов, явлений, действий, понятий. Например, одни и те же всем знакомые вязаные варежки называются так не везде. В Смоленской, Брянской, Калужской, Курской, Орловской, Белгородской областях они *вязёнки*, а в Псковской и Новгородской — *дя́нки*. Подобным образом многим другим предметам и понятиям в разных говорах соответствуют разные слова. Жители калининской деревни могут назвать тропинку *гло́бкой*, а в Рязанской области ее называют *стёжкой*. Вместо *красивый* во многих севернорусских говорах можно услышать *баско́й*, во всех южнорусских говорах вместо *брезговать* говорят *грёбовать*. Одни и те же овощи в разных местах называют поразному: *морковь* и *борка́н*, *свёкла* и *бура́к*, *тыква* и *тебе́ка*. А у брюквы так много диалектных названий, что все и не перечислить: *бу́хма*, *бу́шма*, *бу́кла*, *гры́за*, *ка́лика*, *гола́нка*, *не́мка*, *гру́хва* и т. д.

Порой люди спорят по поводу какого-либо диалектного слова. Один, например, рассказывает, что его дедушка, отправляясь пешком в город, надевал на спину *пестéрь*, где помещался запас еды и прочая поклажа. Другой говорит, что *пестерь* для дальней дороги совсем не годится. В нем носили только сено или мякину скоту. В этом споре оба правы и не правы. Спорщики, по-видимому, происходят из разных мест. На родине одного из них, действительно, словом *пестéрь* называют плетеную из лыка или бересты заплечную котомку, формой напоминающую школьный ранец, но значительно больше его по размеру. Этот предмет использовался так же, как нынешний рюкзак. В другой же местности пестерём называли очень большую широкую корзину или короб. В них набирали корм и, взвалив при помощи веревки на спину, несли скоту. Прав был и тот, кто сказал бы,

ГОЛБЕЦ



КИЧИ́ГА
ВАЛЁК
КОПЫЛ
ПРАЛЬНИК
КЛЕПА́ЛКА
ЛАПТА́
КОЛОТА́ЛКА
КОЛОТА́ЛКА
ПАЛИЦА
ПАЛИЦА
ПА́ЛКА
ПА́ЛКА

БУРА́К

ПЕСТЕ́РЬ

что пестерь — это берестяной футляр для бруска, которым точат косу, потому что в некоторых районах это слово употребляют именно в таком значении. Но все не правы, потому что спорят о слове, а на самом деле имеют в виду вещь, реалию. А это ведь не одно и то же.

Слово — только название вещи. Одна и та же реалия, как мы уже видели, может иметь различные названия. Одно и то же название может относиться к разным реалиям, может переноситься с одной реалии на другую. Для многих диалектных слов как раз характерно, что в одних говорах они обозначают не совсем то, а иногда и совсем не то, что в других говорах. Словом *жи́то* в одних говорах называют рожь, в других — ячмень, в третьих — все зерновые культуры вместе, в четвертых — только яровые культуры, т. е. те, что сеют не осенью, а весной.

Часто одно и то же слово в разных местах употребляется для обозначения предметов не одинаковых, но имеющих одинаковое или сходное назначение. В северных областях употреблялось в старину деревянное орудие, изготовленное из тяжелого куска дерева с длинным толстым суком. Им выколачивали при стирке грубое толстое белье, а в некоторых случаях и молотили. Это орудие имеет много диалектных названий: ***кичи́га***, ***клепа́лка***, ***колота́лка***, ***копы́л***, ***па́лица***, ***па́лка*** и др. Часть этих названий в говорах может относиться и к другому предмету, употребляемому для выколачивания белья, — плоскому деревянному бруску с рукояткой, известному в других местах под названиями ***валёк***, ***пра́льник***, ***лапта́*** и др.

Встречаются такие диалектные слова, которые совпадают по звучанию со словами литературного языка, но употребляются в говорах с иным значением. Говоря о погоде, мы обязательно характеризуем ее качество: *прекрасная*, *неприятная*, *ветреная погода*; *погода резко переменилась* и т. п. А вот во многих говорах слово *погода* означает не любое состояние атмосферы, как в литературном языке, а определенную погоду: в Орловской, Курской и других областях ясный, солнечный день — «картошку хорошо копать в погоду». В Костромской, Ярославской, Тамбовской и других областях дождь или снегопад — «сильная погода, так и метет». Называют иногда погодой и выпавший снег: «в щели погоды нанесло», «все пальто в погоде».

В каждом говоре имеется немало диалектных слов. Раньше их было еще больше, но под влиянием меняющихся условий жизни, при всеобщей грамотности, повсеместном распространении радио и телевидения диалектные слова постепенно выходят из употребления. Одни вытесняются словами литературного языка, другие забываются по мере того, как исчезают из быта обозначаемые ими реалии.

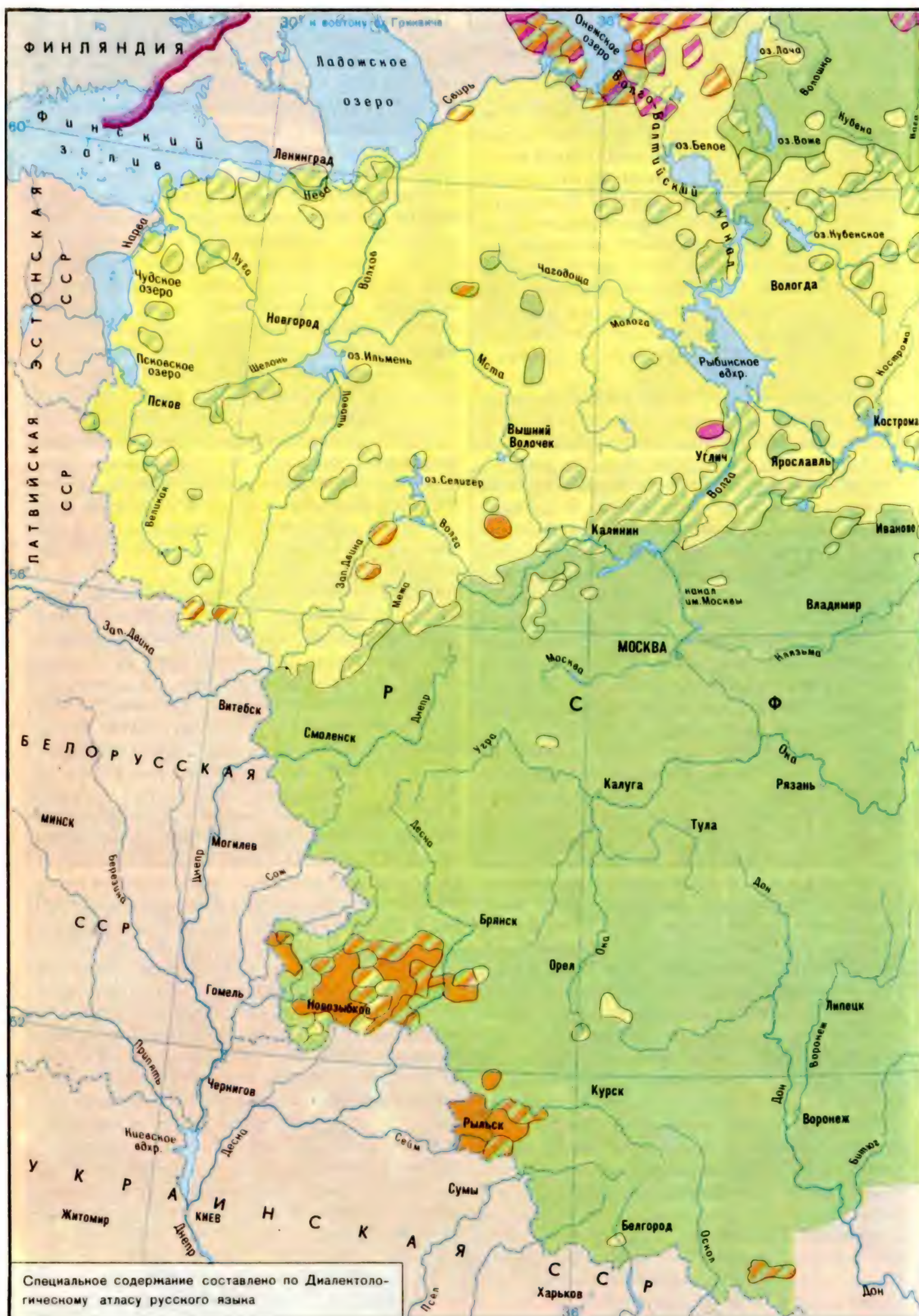
ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЙ АТЛАС РУССКОГО ЯЗЫКА

Идея лингвистической географии в русском языкознании была сформулирована уже в середине XIX в. в работах академика И. И. Срезневского. Он писал: «Первой принадлежностью лингвистической географии должна быть... карта языков, наречий и говоров, карта, на которой место границ политических, религиозных и всяких других занимают границы лингвистического разнообразия народов». Эта идея смогла частично осуществиться в начале XX в. В 1901 г. был организован кружок по изучению истории и диалектологии русского языка, начавший подготовительную работу к составлению диалектологической карты русского языка. В 1903 г. была создана Московская диалектологическая комиссия (МДК), руководителем которой стал Ф. Е. Корш, а подлинным вдохновителем — А. А. Шахматов. В 1915 г. была опубликована работа «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе», в которой были намечены границы говоров восточнославянских языков, а в качестве приложения к ней — «Очерк русской диалектологии», подготовленный Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовым и Д. Н. Ушаковым.

В 1925 г. членом МДК был избран Р. И. Аванесов, впоследствии профессор Московского университета, член-корреспондент АН СССР. В своей биографии он писал: «Уже со студенческих лет я ежегодно проводил два-три месяца в деревне, изучая русские диалекты. С 1923 по 1940 г. я изъездил и исходил пешком значительную часть севера европейской территории СССР, а также территории на юго-восток от Москвы (Рязанская область)». Именно Р. И. Аванесов становится руководителем и вдохновителем грандиозной работы по сбору сведений о русских говорах для современного атласа, по составлению, изданию карт и по их синхронной (относящейся к настоящему времени) и диахронной (исторической) интерпретации.

В 1945 г. вышла «Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка», во вступительных и методических статьях которой отразились теоретические взгляды Р. И. Аванесова. В конце 40-х гг. по этой программе началась колоссальная работа по обследованию русских говоров на огромной территории, от северной Архангельской области до южных областей, спускающихся к Дону, от западных областей вокруг Новгорода, Пскова, Смоленска до восточных берегов Волги. Было обследовано в 40—60-е гг. около 5 тыс. населенных пунктов. Коллеги и непосредственные ученики Р. И. Аванесова возглавили многочисленные экспедиции. Университеты и пединституты

ФОРМЫ ТВОРИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ I И II СКЛОНЕНИЯ



Специальное содержание составлено по Диалектологическому атласу русского языка

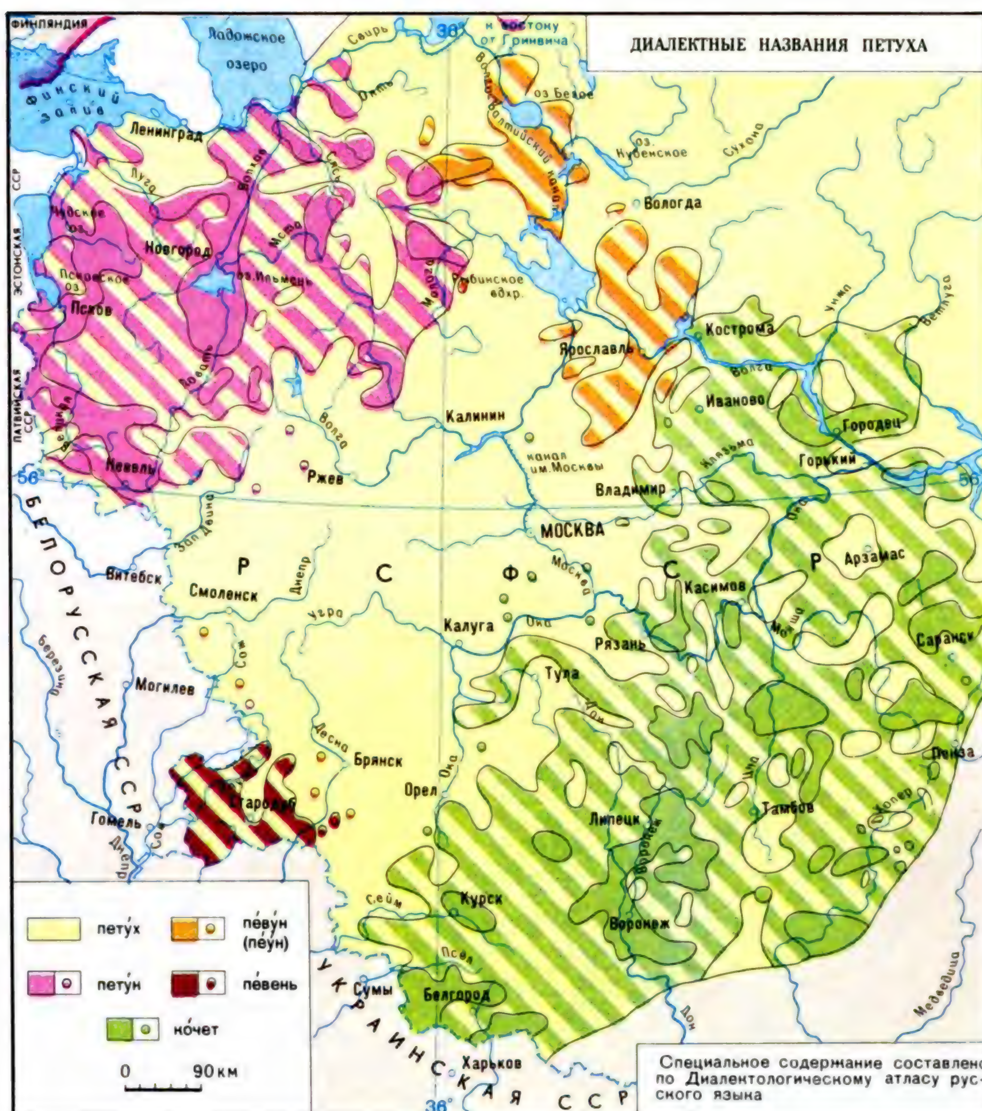
многих городов нашей Родины включились в эту работу. Руководил всей этой грандиозной работой сектор диалектологии Института русского языка АН СССР во главе с Р. И. Аванесовым. Участники экспедиции в каждом населенном пункте вели наблюдение над живой, непринужденной речью населения. Велась по возможности точная запись небольших отрезков речи в специально разработанной фонетической транскрипции. На основе своих записей группа участников экспедиции здесь же, не покидая деревни, составляла ответы на вопросы программы, а их было около 300! Здесь же составлялись комментарии. Собранный материал затем готовился к картографированию сотрудниками диалектологического сектора и ими же картографировался. Составлено несколько томов карт по отдельным областям картографируемой территории. Один из томов — «Говоры центральных областей к востоку от Москвы» — издан в 1957 г., остальные находятся в Архиве АН СССР. Закончены три тома сводного атласа под общей редакцией Р. И. Аванесова и С. В. Бромлей.

По материалам атласа подготовлены крупные монографии о диалектном членении русского языка (авторы В. Г. Орлова и К. Ф. Захарова), об образовании севернорусского наречия и среднерусских говоров — «Вопросы теории лингвистической географии», многие новые учебные пособия для студентов филологических факультетов. Самоотверженный труд коллектива диалектологов под руководством Р. И. Аванесова, как показывают рецензии на опубликованные карты, книги, статьи, оказывает влияние на практику лингвогеографического изучения языков народов СССР и ряда зарубежных стран. Диалектологический атлас русского языка — это не только воплощение теории и практики советской лингвистической географии. Это и драгоценный памятник русской народной речи середины XX в., значение которого со временем будет возрастать. Атлас станет частью сокровищницы русской культуры, куда входят памятники письменности XI—XIX вв., записи народной речи, словари. Его составители и комментаторы написали прекрасные страницы истории отечественной науки о русском языке.

ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Диалектология — наука о диалектах в языке.

См. статьи: *Говор, наречие, диалект; География лингвистическая; Наречия русского языка; Диалектологический атлас русского языка; Диалекты и история языка; Диалекты как свидетели истории народа; Берестяные грамоты, их язык; Диалектное сло-*



во и реалия; Словарь В. И. Даля; Оканье и аканье; Цоканье; [О] закрытое; «Ять» в русском языке. См. также: *Арго, жаргон; Просторечие.*

ДИАЛЕКТЫ И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Даже в том случае, когда в истории народного живого языка используются факты из памятников письменности, их понимание опирается на знание диалектов.

Сопоставляя факты отдельных говоров, пользуясь методом внутренней реконструкции, историк языка выстраивает исторически последовательный ряд тех явлений, которые в настоящее время существуют на разных территориях.

Историю многих явлений народной речи только так и можно восстановить. К их числу относится история аканья и и́канья — типов произношения гласного в предударном слоге. Аканье и иканье являются нормой литературного языка и распространены к югу, юго-западу и юго-востоку от Москвы. Однако аканье и иканье в литературном языке и аканье в южнорусских говорах различаются. По нормам литературного языка слова *несу, несешь, несем, вода, водой* надо произнести: [н'и]су, [н'и]сем, в[а]да, в[а]дой и т. д. По говорам можно встретить разное произношение этих же слов: [н'и]су, или [н'а]су, или [н'е]су; [н'и]сешь или [н'а]сешь; [н'и]сем или [н'а]сем; [ва]да, или в[ы]да, или в[э]да и т. д. Изучая закономерности появления того или иного звука в каждом говоре, сравнивая эти факты, историки русского языка смогли дать подробную картину аканья, оканья, иканья, яканья, ёканья, этих разных типов русского предударного вокализма. Они показали, что аканье возникло не раньше XII в. в говорах на территории, расположенной в междуречье Оки и

Сейма, что самым древним было произношение типа: [н'а]су, [н'и]сла и т. д.

В русском литературном языке последовательно выражена грамматическая категория одушевленности: *вижу стол, столы*, но *вижу отца, слонов*. Во многих говорах будут такие же нормы употребления винительного падежа. Но не во всех. Так, во владимирских говорах (на северо-восток от Москвы) записано иное употребление винительного падежа для названий лиц: «наш дилектор и старичишки работать заставлят»; «без мужа дефченёнки свои ростила»; «чем я буду робенчишки корьмить»; «бригадир лошаденки-те даёт». Говор сохраняет древнейшие языковые факты, факты неразличения одушевленности — неодушевленности. При сравнении этих данных с материалом близкородственных языков, украинского и белорусского, восстанавливается полная историческая картина развития категории лица — не лица и позже одушевленности — неодушевленности в восточнославянских языках.

В говорах могут сохраняться древние значения слов. Поэтому диалектные данные постоянно используются в этимологических и исторических словарях. Например, в литературном языке глагол *теребить* употребляется в значении «тормошить, не давать покоя», известно и выражение *теребить лен*. Существительных же с этим корнем в литературном языке нет. В северных говорах есть слово *тереб* в значении «расчищенное место из-под кустарника, зарослей под луга или пашню». Сопоставляя все диалектные слова с этим корнем и привлекая примеры из древних памятников, историки языка получают возможность сравнить русское *теребить, тереб* со словами других славянских языков: старославянское *трѣбити — очищать, корчевать*, словенское *trêba — очищение* — и строить обоснованное предположение о древнейшем значении этого корня.

В литературном языке употребляется слово *погода* для обозначения хорошей и плохой погоды, а чтобы различить эти состояния атмосферы, присоединяют имя прилагательное, говорят: «хорошая погода», «плохая погода». В северных говорах есть антонимическая пара: *вёдро* — «хорошая погода», *погода* — «плохая погода», на юге есть другая антонимическая пара: за словом *погода* закрепилось значение хорошей погоды, а для плохой есть слова «непогода», «невзгода». В данном случае диалектный материал помогает изучить антонимические отношения в языке и позволяет выяснить историю слов и их значений.

Диалекты не только сами являются главным источником истории народного языка, но и позволяют лучше понять данные другого источника — письменного памятника. В южнорусских текстах XVII в. историки языка обратили внимание на слова, в которых вместо буквы *о* написана буква *у*: *струения* (вместо *строения*), *струю (строю), за робуту (работу), дву годув (двух годов)* и др. Зная, что в современных говорах, в том числе и в южных, в настоящее время произносят не только гласный [о], похожий на гласный [о] литературного языка, но и очень закрытый гласный [ô], похожий на [у], можно предположить, что в таких написаниях отразилось особое произношение [о] в диалектах XVII в., что и в то время были говоры, знающие разные гласные: [о] и [ô] (см. *[О] закрытое*).

Знание современных говоров позволяет историкам русского языка лучше понимать древние тексты.

ДИАЛЕКТЫ КАК СВИДЕТЕЛИ ИСТОРИИ НАРОДА

Развитие языка как средства общения регулируется двумя противоборствующими тенденциями: дивергенцией (расхождением, дифференциацией) и конвергенцией (схождением, интеграцией). Эти тенденции тесно связаны друг с другом и на каждом отдельном отрезке исторического развития языка уступают место друг другу в зависимости от условий общения. Проявляется это в том, что распад некогда единого языкового коллектива обусловливает языковую дивергенцию: новые языковые особенности, появляющиеся в речи одного из отделившихся коллективов (например, племени), не распространяются на язык остальных отделившихся групп, а это ведет к накоплению языковых различий между ними. Так образуются диалекты — разновидности некогда единого языка. За длительный период изолированного развития может накопиться столько различий, что разные диалекты могут перерасти в разные языки. Напротив, в случае объединения племен (например, в едином государстве) неизбежно начинается интеграция их диалектов, которая выражается в сглаживании языковых различий, в распространении новых языковых особенностей на речь всех групп населения, вошедших в такое объединение.

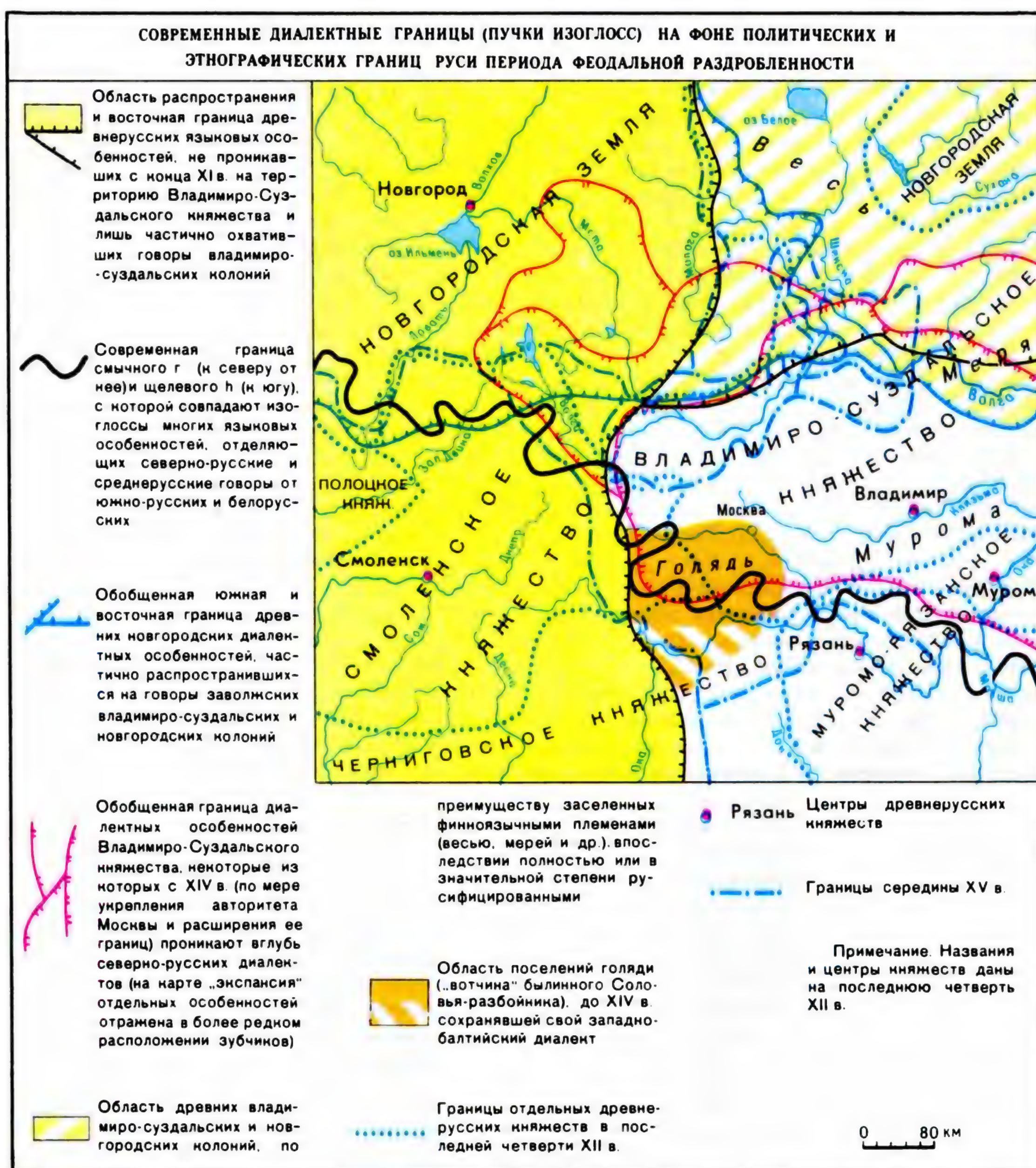
Образование современных народов — это результат политического и экономического объединения племен или групп населения, живших обособленно в эпоху феодальной раздробленности и потому говоривших на разных диалектах. Вот почему все современные языки на разных территориях своего распространения представлены местными диалектами (в наше время — лишь в сельской местности), отражающими древнюю разобщенность населения разных областей.

Еще в прошлом столетии, изучая диалекты Германии, Ф. Энгельс в своем историко-диалектологическом исследовании «Франкский

диалект» показал, как на старые племенные границы древних франков наслаивались границы более поздних диалектных особенностей, соотносящиеся с границами феодальных государств. Конечно, на территориях распространения развитых национальных языков нельзя ожидать абсолютного совпадения диалектных границ с более или менее условными политическими границами многовековой давности: по мере упрочения национальных объединений диалекты все интенсивнее взаимодействуют друг с другом. Одни диалектные особенности исчезают, вытесняясь другими — противопоставленными особенностями соседнего диалекта. Поскольку, однако, процессы диалектного взаимодействия осуществляются достаточно медленно, следы давних исторических отношений во многих случаях сохраняются до сих пор.

Это показывает лингвистическая география, оперирующая диалектными картами, на которые нанесены границы распространения диалектных особенностей — изоглоссы (сравним в физической географии: изобары, изотермы), отражающие границы между диалектами одного языка или родственных языков.

Лингвистическая география показала, что изоглоссы диалектных особенностей, развившихся примерно в одно и то же время, в одних и тех же исторических условиях, часто оказываются территориально близкими друг другу.



СОВРЕМЕННЫЕ ДИАЛЕКТНЫЕ ГРАНИЦЫ (ПУЧКИ ИЗОГЛОСС) НА ФОНЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ГРАНИЦ РУСИ ПЕРИОДА ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

ДИАЛЕКТЫ КАК СВИДЕТЕЛИ ИСТОРИИ НАРОДА

На диалектологической карте современных восточнославянских языков хорошо видны пучки изоглосс, соотносимые с древними политическими границами и, как правило, совпадающие с этнографическими границами, очерчивающими области, население которых характеризуется своеобразными особенностями быта, одежды, домостроительства, орудий труда и т. д. (на карте такие пучки изоглосс представлены обобщенными границами распространения диалектных особенностей). Например, границы многих особенностей, развившихся некогда в говорах Ростово-Суздальской земли, такие, как губно-зубной [в] (свойственный и литературному русскому языку; в других говорах ему соответствует губно-губной согласный, напоминающий неслоговой [у̌]: [у̌ну́к], [ла́у̌ка] и под.), как твердое произношение возвратной частицы [мо́юс], [купа́лса], ударение на окончании глаголов II спряжения (*дари́шь, вари́т* и под.), им. п. ед. ч. существительных *мать, дочь, свекровь* (как в литературном языке; в других говорах: *мати, матерь* или *матеря; свекрова, свекровка* или *свекры*) и ряд других, соответствуют средневековой южной границе этого княжества.

Такие особенности древнего новгородского диалекта, как уподобление сочетаний зубных и губных согласных («обинно», «ронной» и под. вместо *обидно, родной; «омман», «оммен»* и под. вместо *обман, обмен*), совпадение форм дат. и твор. п. мн. ч. (*по лесам — за лесам, к новым избам — за новым избам*) и некоторые другие, занимают компактную территорию в пределах политической границы Новгородской земли. На востоке они лишь частично проникали на территорию ее древних колоний.

Неоднородный этнический состав средневековых государственных объединений также находит отражение в распределении современных диалектных границ. Яркий пример — пучок изоглосс, указывающий на то, что языковые особенности, распространявшиеся в XI—XIII вв. на большинство древнерусских диалектов, не проникали на восток, в междуречье Оки и Москвы, несмотря на отсутствие здесь политической границы. Летопись упоминает, что в этом районе в то время проживала голядь (см. *Балто-славянская общность*), являвшаяся как бы барьером на пути общения древнерусского населения, жившего к западу и к востоку от нее. Именно этот барьер и должен был преодолеть Илья Муромец, прокладывавший из Ростово-Суздальской земли к Киеву «дорогу прямоезжую» и встретивший здесь не только «леса дремучие», но и враждебные восточному славянину силы, которые символизирует в былине Соловей-разбойник. Как и когда исчезла голядь, летописи не сообщают. Но тот факт, что сейчас на этой территории распространен диалект ростово-суз-

дальского типа, говорит нам, что голядь была русифицирована (т. е. постепенно утратила язык предков и стала говорить по-русски) после того, как область ее поселений вошла в состав Московского княжества, т. е. после XIV в. В этом случае диалектные границы, представленные пучками изоглосс на современной диалектологической карте, оказываются важным источником восстановления древних исторических процессов, не упоминаемых в письменных сообщениях.

ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ФОНОЛОГИЯ

Язык на протяжении своего существования непрерывно изменяется. Общему закону изменения языка подчиняется и его система фонем.

Изменение в системе фонем не сводится, однако, к увеличению или уменьшению их количества. Количественные изменения связаны с более глубокими сдвигами в языке, с изменением его устройства.

Посмотрим, как происходит изменение состава фонем. Куда деваются одни фонемы? Как появляются другие? Что при этом изменяется, кроме количественного показателя?

В древнеанглийском языке была согласная фонема ⟨x⟩. Потом она утратилась, в большинстве случаев превратившись в нуль.

Было: [nix't] — «ночь», [lix't] — «свет», [θouxt] — «мысль».

Стало: [ni:t] (совр. [nait]), [li:t] (совр. [lait]), [θo:t] (интересно, что язык здесь как бы возместил утрату согласной фонемы: гласная удлинилась).

В нескольких словах, однако, под влиянием предшествующего огубленного гласного звук [x] превратился в [f]: [la:f] — «смеяться»—из [laux]; [ruf] — «грубый» — из [ru:x] (совр. [raf]). Фонема ⟨x⟩ слилась с фонемой ⟨f⟩.

Итак, в английском языке стало на одну фонему меньше. Что еще изменилось?

Было: ⟨p⟩ : ⟨f⟩ = ⟨k⟩ : ⟨x⟩. В каждой паре есть отношение: взрывной — фрикативный.

Стало: ⟨p⟩ : ⟨f⟩ = ⟨k⟩ : □. Четвертый член пропорции утратился. В ряду заднеязычных фонем разрушилось, исчезло отношение взрывная — фрикативная; фонема [k] осталась без пары по признаку «способ образования».

Слияние фонем приводит, как мы видим, к потере существовавших до того в языке отношений.

В древнем общедагестанском языке глухие согласные были сильными или слабыми.

Такое противопоставление сохраняется и сейчас в ряде дагестанских языков. Для этих языков совсем не безразлично, как произнесен согласный звук: с большей силой, напряжением, с долготой или, наоборот, слабо, кратко. Сравним, например, в аварском языке: *биччизе* — «мокнуть», *бичизе* — «продавать»; *беццизе* — «хвалить», *бецизе* — «косить» (в первом слове каждой пары удвоением букв в орфографии обозначена сильная согласная фонема).

Но в даргинском языке сильные фонемы не сохранились. В большинстве своем они слились с другими фонемами. Конечно, это привело к значительному уменьшению согласных фонем. Но при этом утратился характерный для ряда кавказских языков различительный признак «сильная — слабая», по которому классифицируются согласные фонемы. Фонемы даргинского языка нельзя характеризовать сейчас как слабые (хотя физически, по звучанию, они слабые), потому что нет в языке сильных.

В древнерусском языке гласные [и] и [ы] могли находиться в одной позиции (после твердых согласных фонем), и поэтому они представляли разные фонемы: ⟨и⟩, ⟨ы⟩. В современном русском языке [ы] встречается только после твердых согласных, а [и] — в других позициях. Они позиционно взаимоисключены. Поэтому звуки [и] и [ы] представляют одну фонему — ⟨и⟩ (см. *Фонема*). Две фонемы слились в одну, но при этом слиянии одна из фонем, сохраняя свою физическую сущность ([ы] ведь как звук сохранился), теряет свою независимость, самостоятельность и превращается в позиционный вариант другой фонемы.

Существует и прямо противоположное явление, часто встречающееся в истории разных языков: позиционный вариант некоей фонемы как бы теряет свою зависимость от позиции, обретает самостоятельность и превращается в особую фонему. Происходит раздвоение фонемы, расщепление ее на две фонемы. В языке фонем становится больше, при этом появляются новые признаки, существенные для фонем, в системе складываются новые отношения.

В древнерусском языке не было таких пар фонем, как, например, ⟨д — д'⟩, ⟨т — т'⟩, ⟨б — б'⟩. Твердость — мягкость согласного звука определялась позицией (соседним гласным): [родъ], но [род'и] (мн. ч.), [дубъ], но [дуб'и] и т. п. В каждом таком случае соседний гласный (непередний или передний) предписывает согласному, каким ему быть (твердым или мягким). Но затем (после падения редуцированных) случилось так, что во многих случаях согласный потерял соседа, который приказывал ему: «Будь твердым!» или «Будь мягким!» Но твердость или мягкость при этом осталась.

Было: взя[тъ], зя[т'ь]
Стало: взя[т], зя[т'].

Звуки [т] и [т'] теперь в одной и той же позиции. Их различие уже не вызвано гласными [ъ] и [ь]. Это уже разные фонемы. Например,

Было: ⟨т⟩ ⟨д⟩ ⟨б⟩ ⟨п⟩.

Стало: ⟨т⟩ ⟨т'⟩ ⟨д⟩ ⟨д'⟩ ⟨б⟩ ⟨б'⟩ ⟨п⟩ ⟨п'⟩.

Каждая согласная фонема, как видим, раздвоилась, расщепилась. В древнерусском языке сразу стало больше согласных фонем. Но не только в этом дело. Появилось новое (очень важное для современного русского языка) противопоставление согласных фонем по твердости — мягкости.

В древних германских языках развивался умлаут, т. е. гласные заднего образования передвигались вперед, если в следующем слоге стоял переднерядный гласный [i]. Вот, например, в немецком языке возникли: *öl* — «масло» из более древнего *oli*, *gürtel* — «пояс» из *gurtil*, *örze* — «руда» из *ariz* и т. д. До тех пор пока новые передние гласные [ö, ä, ü] и другие могли появляться только перед слогом с [i], они были позиционными вариантами гласных [о, а, u...]. Но когда затем «виновник» умлаута изменился в другой звук (см. *gürtel*) или даже совсем утратился (см. *öl*), качество гласных [ö, ä, ü ...] становится независимым, характер этих гласных ничем больше не предписывается. Они употребляются в тех же позициях, что и породившие их гласные [о, а, u...]. В современном немецком языке: *Mutter* — «мать» (ед. ч) — *Mütter* (мн. ч.), *Tochter* — «дочь» (ед. ч.) — *Töchter* (мн. ч.), *schmal* — *schmäler* (сравнительная степень от *schmal* — «узкий») и т. д.

Было: ⟨a⟩ ⟨o⟩ ⟨u⟩

Стало: ⟨a⟩ ⟨ä⟩ ⟨o⟩ ⟨ö⟩ ⟨u⟩ ⟨ü⟩

В языке появились новые фонемы, возникли новые противопоставления гласных по ряду.

Изменения в системе фонем могут происходить под влиянием другого языка.

Самый простой случай: вместе с заимство-

Д

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ СИДОРОВ (1903—1968)

В XX в. возникла новая лингвистическая задача: изучить историю языка как определенной целостности, как системы. Замечательным мастером такого исследования был Владимир Николаевич Сидоров.

В русских диалектах есть особая система русских гласных — умеренное яканье. По отношению к любой звуковой системе встает вопрос: как она возникла?.. Как же возникло умеренное яканье? В. Н. Сидоров проницательно увидел в нем результат воздействия яканья на владимирско-поволжское ёканье. Из его доводов вытекало, что должен существовать еще один особый тип умеренного яканья. И некоторое время спустя такой тип, «предсказанный» Сидоровым, действительно был обнаружен; тем самым была подтверждена и правильность всего хода его рассуждений.

Проницательность, глубокая и острая, — вот как можно характеризовать отличительную черту всех его исследований. В. Н. Сидоров по-новому осветил многие проблемы грамматического строя русского языка. Свои смелые мысли он стремился изложить в предельно простой форме, избегая новых терминов, скупо и строго внося изменения в привычные формулировки. Это было хорошо — работы В. Н. Сидорова легко читать. И это было плохо: многие читатели попросту не замечали этой неподчеркнутой, не заявляющей о себе новизны.

И в своих научных трудах, и в устных выступлениях В. Н. Сидоров был спорщик. Начиная спор, он сразу говорит, что такой-то взгляд для него неприемлем. Затем улучшает взгляд оппонента, устраняет неувязки в его теории, частные нелогичности, неудачные мотивировки, случайные промахи — и потом этот улучшенный, лишенный случайных недостатков научный взгляд внимательно анализирует и показывает его неправильность. Не своя победа ему была дорога в споре, а победа науки.

Научную мысль В. Н. Сидорова отличала бескомпромиссность. То, что он считал верным, он защищал последовательно, яростно, неколебимо. Неистовая последовательность в науке нередко сочетается с прямолинейностью и схематичностью. Этого не было у В. Н. Сидорова.

В. Н. Сидоров был учеником Д. Н. Ушакова и М. Н. Петерсона. Он, как и его учителя, был убежденным сторонником московской лингвистической школы. Вместе со своими соратниками Р. И. Аванесовым, А. А. Реформатским, П. С. Кузнецовым он внес большой вклад в создание теории фонем, в изучение звуковых систем русских говоров, в исследование грамматических противопоставлений русского литературного языка, в теорию письма, в изучение языка Пушкина.

Он был чуток ко всякой плодотворной мысли. Именно поэтому он всегда был окружен молодежью, начинающей свой путь в науке.

ванными словами язык получает фонему, которая ему не была свойственна. И если слова эти хорошо языком осваиваются, чуждая ранее фонема становится «своей». Например, фонема ⟨ф⟩, которая встречалась в заимствованиях, теперь уже прочно вошла в основную систему русского языка (***фабрика, факел, штрафовать, фундамент*** и др.). С этой фонемой в русском языке появился недостающий член пропорции, составленной из отношений «звонкая фонема — глухая».

Было: ⟨б⟩ : ⟨п⟩ = ⟨в⟩ : □ = ⟨д⟩ : ⟨т⟩ = = ⟨з⟩ : ⟨с⟩...

Стало: ⟨б⟩ : ⟨п⟩ = ⟨в⟩ : ⟨ф⟩ = ⟨д⟩ : ⟨т⟩ = = ⟨з⟩ : ⟨с⟩...

Пустая клетка заполнилась. Фонема ⟨в⟩ стала парной.

Влияние одного языка может быть и более сложным. Вот пример из тувинского языка. Характерно для этого языка противопоставление сильных глухих фонем слабым (как в кавказских языках). Слабые фонемы могут позиционно получать полузвонкость (или даже звонкость): она появляется между гласными или между гласным и сонорным. Сравним, например, одно и то же слово в разном окружении: ***чурук пар*** («есть рисунок») — ***ном бар*** («есть книга»). Итак, противопоставления звонких глухим в одной и той же позиции в языке нет. Но вот в тувинский язык приходят русские заимствования, в которых звонкие и глухие согласные встречаются в таких позициях, в которых в тувинском языке они невозможны. Сравним:

Позиция	Какой звук может быть в тувинских словах	Как бывает в заимствованиях из русского языка
В начале слова	Только глухой (сильный или слабый): *суү* — «*вода*», *шой* — «чугун», *тхал* — «ива»	Возможен и звонкий: ***завод, журнал, домна, борт, депутат***
Между гласными	Только звонкий (полузвонкий) слабый: *одар* — «пастбище», *энгин* — «верблюдица», *эзер* — «седло», *эжик* — «дверь»	Возможен и глухой: ***машина, керосин, математика, депутат***

Что же получается? Теперь уже в одной и той же позиции возможны и звонкие, и глухие. Интересно, что в некоторых исконных тувинских словах появляется двоякое произношение: *бок* и *пхок* — «сор», *дой* и *тхой* — «глина», т. е. в одной и той же позиции произносится звонкий и глухой (и даже не слабый, а сильный).

Новое противопоставление фонем по звонкости — глухости постепенно завоевывает позиции в тувинском языке, накладываясь на более старое, исконное противопоставление «сильная фонема — слабая фонема». И порождено это новшество влиянием другого языка!

Бывает и так, что количество фонем на определенном участке системы может сохраниться неизменным, но отношения между ними изменяются.

В древнерусском языке были фонемы ⟨о⟩ и ⟨а⟩. Нейтрализации их, совпадения в одном звуке не было (см. ***Нейтрализация***). Но затем во многих говорах русского языка между фонемами ⟨о⟩ и ⟨а⟩ установились новые отношения: различаясь под ударением, в безударных слогах они звучат одинаково, нейтрализуются. Примеры из русского литературного языка: в[а]дá, в[а]рить, г[ъ]лова, н[ъ]писать.

	под ударением	в безударном слоге
Было:	⟨о⟩ — [о]	⟨о⟩ — [о]
	⟨а⟩ — [а]	⟨а⟩ — [а]
Стало:	⟨о⟩ — [о]	⟨о⟩ ↘ [а] или [ъ]
	⟨а⟩ — [а]	⟨а⟩ ↗

Сохранились обе фонемы, ничего (количественно) в языке не убавилось и не прибавилось. Но возникли позиции, где разные фонемы совпадают, перестают различаться — явление, новое для системы.

Сложными и разными путями, как видим, изменяются на протяжении веков фонологические системы разных языков.

ДИСТРИБУТИВНЫЙ АНАЛИЗ

528806* 81 (#9;48; (88;4 (# ?34;48) 4#;161; :188;# ?

Так кончается небольшой набор знаков на кусочке старого пергамента, случайно попавшегося на глаза Леграну, герою рассказа Эдгара По «Золотой жук». Большой любитель головоломок, Легран с уверенностью берется за раскрытие тайны. Прежде всего, он подсчитывает частоту каждого значка. Самым частым оказывается 8. Легран уже знает, что текст написан пиратом Кидом и написан он по-английски, а в английских текстах чаще всего попадается буква *e*. Может быть, цифра 8 передает букву *e*? Эта догадка подтверждается, когда в тексте мы неоднократно находим комбинацию двух восьмерок, соответствующую обычному английскому буквосочетанию *ee*. Следующий шаг — поиск самого частого английского слова — определенного артикля *the*. В нашей строке два раза встречается последовательность трех знаков — «; 48», вероятно, «;» передает *t*, а 4 — *h*. Подобные рассуждения приводят Леграна к полной дешиф-

ровке текста (приводим строку уже разбитой на слова): *a bee line from the tree through the shot fifty feet out* — «прямая от дерева через выстрел 50 футов наружу». Анализируя последовательность отдельных значков, их взаиморасположение, Легран опирается на дистрибутивные критерии (как сказали бы современные лингвисты).

Что же такое дистрибутивные критерии? Что такое дистрибутивный анализ?

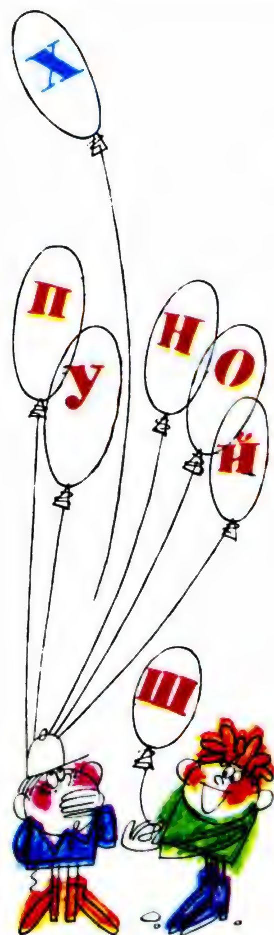
Любые элементы языка, употребленные в речи, появляются друг за другом. Лингвист изучает как собственные свойства языкового элемента, так и возможности его сочетаемости с другими элементами в речи, иными словами, дистрибутивные свойства элемента. Мы можем, например, исследовать особенности артикуляции и акустические свойства русского звука [в], но одновременно и анализировать дистрибутивные свойства этого звука. При этом мы установим, что он может следовать за любыми гласными и согласными, но не может предшествовать глухим согласным, не может появляться в конце высказывания (перед паузой). Одной фразой мы охарактеризовали все возможные окружения звука [в]: сумма всех окружений элемента называется его дистрибуцией. Имея текст, мы можем изучать дистрибутивные свойства элемента, даже не зная толком его собственных свойств — не зная, как точно произносится звук, обозначаемый такой-то буквой, не зная точно, что означает такая-то после-

довательность букв. Поэтому опора на дистрибуцию выгодна в тех случаях, когда наши предварительные знания языка слишком недостаточны.

Идея дистрибутивного анализа как особого метода лингвистики широко использовалась американскими языковедами 1930—1940-х гг. (Л. Блумфилдом и его последователями: Б. Блоком, Ч. Хоккетом, З. Харрисом и др.), которые стремились к выработке твердых объективных методов описания языка. Больше всего боялись они субъективности исследователя, как личной, так и коллективной, навязанной старой традицией. В практике работы над неописанными языками эти лингвисты старались больше полагаться на дистрибутивные критерии. Получая данные от информанта (носителя языка), они стремились как можно реже спрашивать его о смысле сказанного.

При описании языка дескриптивист сначала постарается зафиксировать как можно больше высказываний информантов (связных текстов — монологов и диалогов, отдельных реплик, сопровождающих бытовые ситуации).

ДИСТРИБУТИВНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА



Американские лингвисты сделали дистрибутивный метод главенствующим, центральным во многих своих работах. И он оказался полезным, например, при изучении фонетического строя ряда индейских языков.

Но идея дистрибутивного анализа, поскольку она действительно плодотворна, была близка и другим лингвистическим традициям. Она возникла в ходе естественного развития лингвистических идей.

В нашей стране И. А. Бодуэн де Куртенэ еще в конце XIX в. создал теорию фонем. Фонема, по словам Бодуэна де Куртенэ, это единица, которая объединяет дивергенты. А что такое дивергенты? Звуки, чье различие вызвано разными позициями. Иначе говоря, звуки, которые находятся в дополнительном распределении. Бодуэн де Куртенэ и его ученики применили этот принцип — рассматривать дистрибутивно распределенные единицы как языковую целостность — ко многим языкам, и в фонетике, и в словообразовании, и в морфологии. При этом на дистрибутивное изучение единиц языка не накладывалось узких требований (внутренне не оправданных самим языком) — отречься от смысловой стороны языка.

Мы помещаем отрывок из исследования Е. А. Земской, характерный для подхода к дистрибутивному анализу в нашей отечественной науке. Речь идет о дистрибуции морфем.

Морфема является обобщенной единицей, а морф — конкретной единицей, даваемой нам непосредственным наблюдением. В одну морфему объединяются несколько морфов.

Как же происходит объединение морфов в морфему? В одну морфему объединяются морфы, которые характеризуются следующими двумя признаками: имеют тождественное значение; их формальное различие обусловлено позицией в слове: положением до или после определенного класса единиц. Следовательно, они не могут занимать одну и ту же позицию в слове. Такое распределение по позициям называется дополнительным распределением или дополнительной дистрибуцией. Например, заднеязычные фонемы корня не могут сочетаться с суффиксом прилагательных *-н-*, в этой позиции они чередуются с соответствующими шипящими: *г/ж, к/ч, х/ш*. Поэтому в словах *творог — творожный, песок — песочный, пух — пушной* морфами одной морфемы являются *творог-* и *творож-*, *песок-* и *песоч-*, *пух-* и *пуш-*. В случаях, когда конечной фонеме ⟨к⟩ основы предшествует фонема ⟨с⟩, чередование отсутствует: *отпуск-н-ой, гротеск-н-ый* и т. д.

Суффиксальный морф *-ц-* выступает перед флексиями, начинающимися с гласных фонем, а морф *-ец* — в остальных случаях: *саратов-ц-а, саратов-ц-у, саратов-ц-ы* и т. д., но *саратов-ец*.

В том случае, когда суффиксу предшествуют две согласные фонемы, морф *-ец* выступает и перед флексиями — гласными: *бегл-ец — бегл-ец-а, мертв-ец — мертв-ец-а, горд-ец — горд-ец-а, лж-ец — лж-ец-а, нагл-ец — нагл-ец-а, хитр-ец — хитр-ец-а* и т. п.

Такие тождественные по значению морфы, формальное различие между которыми объясняется только их позицией в слове, являются по отношению друг к другу алломорфами.

В одну морфему объединяются также морфы, характеризующиеся следующими признаками: тождественные по значению; тождественные по позициям; способные в любых позициях заменять друг друга.

Эти морфы называются вариантами морфемы. Таковы, например, флексии творительного падежа существительных и прилагательных женского рода *-ой* и *-ою* (сравним: *весной* и *весною, горой* и *горою, бедной* и *бедною, доброй* и *доброю*).

Варианты морфемы находятся между собой в отношении свободного варьирования, тогда как алломорфы находятся в отношениях дополнительного распределения.

При чтении книг вы можете заметить, как обычные слова и выражения сверкают новыми красками, помогая созданию ярких образов.

Далее лингвист с помощью транскрипционных значков передаст звучание на бумаге. Вот здесь и вступает в ход дистрибутивный анализ.

Первая задача — переписать наши тексты в виде последовательности фонем (а не просто звуков). Решение задачи заключается в анализе дистрибуции звуков. Сравнивая дистрибуцию двух звуков, мы должны установить, представляют ли они одну фонему или относятся к разным фонемам. Три правила помогут нам в этой задаче.

1. Если два звука имеют одинаковую дистрибуцию, но не различают смысла высказываний, они являются свободными вариантами одной фонемы. Так, русские звуки [г] и [γ] встречаются практически в одних и тех же окружениях. (Второй звук, звонкий, щелевой, заднеязычный, характерен для юга России, встречается

он и в литературном языке, например в словах *бога, ага*). Поскольку смысл высказываний не меняется, произнесем ли мы [дуга] или [дуγа], два звука считаются представителями одной фонемы.

2. Если два звука могут встречаться в одном и том же окружении и при этом различают смысл высказываний, они являются представителями разных фонем. (Это — общее правило фонологии, лишь записанное в терминах дистрибутивного анализа.) Раз в русском языке встречаются пары ***рук*** и ***лук***, ***мор*** и ***мол***, ***болт*** и *борт*, значит, этот язык обладает двумя разными фонемами — ⟨л⟩ и ⟨р⟩.

3. Если два звука никогда не встречаются в одном окружении (случай «дополнительной дистрибуции»), они принадлежат одной фонеме; они — аллофоны (представители одной фонемы). В литературном корейском языке звуки [л] и [р] иллюстрируют это правило. Звук [р] встречается между гласными и перед звуком [h], звук [л] появляется во всех остальных случаях. В положении перед гласным конечный согласный корня звучит как [р], если же гласного далее нет, то корень кончается звуком [л]. В корейском языке *тол* («камень»), соединяясь с ***умул*** («колодец»), дает сложное слово ***торумул*** («колодец, выложенный камнем»). Аналогично ***кул*** («пещера») + ***умул*** = ***курумул*** («глубокий колодец»); ***пол*** («щека») + ***умул*** = ***порумул*** («ямочка на щеке»). Корейские [л] и [р] не встречаются в одном окружении, следовательно, они — аллофоны одной и той же фонемы, а не разные фонемы.

Точно такие же правила применяются при выделении морфем. И здесь кандидаты в морфемы (последовательности фонем) проверяются на сходство дистрибуции. Результат может быть трояким: 1) два кандидата — свободные варианты одной морфемы (*калош-а* и *галош-а*); 2) кандидаты — разные морфемы (*би-* в *бить* и *пи-* в *пить*); 3) они — алломорфы одной морфемы ([би] и [бj] в словах *бить* и *бью*: первый встречается перед согласными, второй — перед гласными).

Вслед за выделением подлинных лингвистических единиц (например, фонем или морфем) наступает черед объединения их в дистрибутивные классы. Теперь уже тремя правилами не обойтись. Общий принцип таков: единицы языка, сходные в своей дистрибуции, объединяются в один дистрибутивный класс. Так, английские существительные (*boy*, *book*, *dog*, *street*, *war*, *peace* и т. п.) выделяются в особый класс не потому, что они могут обозначать предмет (это был бы семантический принцип, к тому же приложимый лишь к части существительных), а потому, что в тексте им могут предшествовать слова из класса детерминативов: *a*, *the*, *my*, *this*, *some* и т. п., сами же они предшествуют словам из класса глаголов (*is*, *has*, *looks*, *can* и т. д.).

ДОСТОЕВСКИЙ Ф. М. ЯЗЫК ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Трагически напряженный, полный контрастов и противоречий, освещенный изнутри постоянными поисками идеала, художественный мир Достоевского отчетливо отражается в языке его произведений. Федор Михайлович Достоевский — один из самых решительных новаторов в истории русской прозы. Его художественный язык строился на основе дерзкой трансформации привычных норм. Качественно новый тип словесно-эстетической гармонии создавался писателем из пестрого хаоса уличного просторечия, канцелярских оборотов, газетного жаргона, пародийной игры, всяческих речевых ошибок, ляпсусов и оговорок.

По этой причине своеобразие художественного языка Достоевского не было понято современниками, даже теми, кто сочувственно относился к его творчеству. Критики постоянно были недовольны «нескладностью» и «растянутостью» (Н. К. Михайловский) произведений Достоевского, сетовали на «недостаток чувства меры».

К. Аксаков в одной из своих статей даже попробовал спародировать стиль повести «Двойник», рассуждая о ней «языком г. Достоевского»: «Приемы эти схватить не трудно; приемы-то эти вовсе не трудно схватить; оно вовсе не трудно и не затруднительно схватить приемы-то эти. Но дело не так делается, господа; дело-то это, господа, не так производится; оно не так совершается, судари вы мои, дело-то это. А оно надобно тут знаете и тово; оно, видите ли, здесь другое требуется, требуется здесь тово, этово, как его — другова. А этово-то, другово-то и не имеется; таланта-то, господа, поэтического-то, господа, таланта, этак художественного-то и не имеется».

Пародия эта поучительна и интересна своей ошибочностью. Аксаков воспроизвел некоторые черты повествовательной манеры Достоевского: частые повторы одних и тех же слов, использование устной интонации, смешение речевых стилей, но целостного языкового портрета у него не получилось. «Схватить» речевые приемы Достоевского можно только в их системном единстве, с учетом и пониманием их художественной функции.

Убедительное объяснение этой функции было дано в 20-х гг. нашего века советским литературоведом М. М. Бахтиным: художественная система Достоевского — смысловая полифония (многоголосие), разные точки зрения звучат в романах писателя как равноправные. На равных спорит и автор с каждым из героев. Художественный смысл произведений разворачивается как свободный и потенциально бесконечный диалог: «Один голос ничего не кончает и ничего не разрешает. Два голоса —

Ф. М. Достоевский. Фрагмент гравюры В. Фаворского.

минимум жизни, минимум бытия». Этот закон реализуется не только в логике сюжетов и взаимоотношениях персонажей, но и в особом типе языка, определенном М. М. Бахтиным как «двуголосое слово».

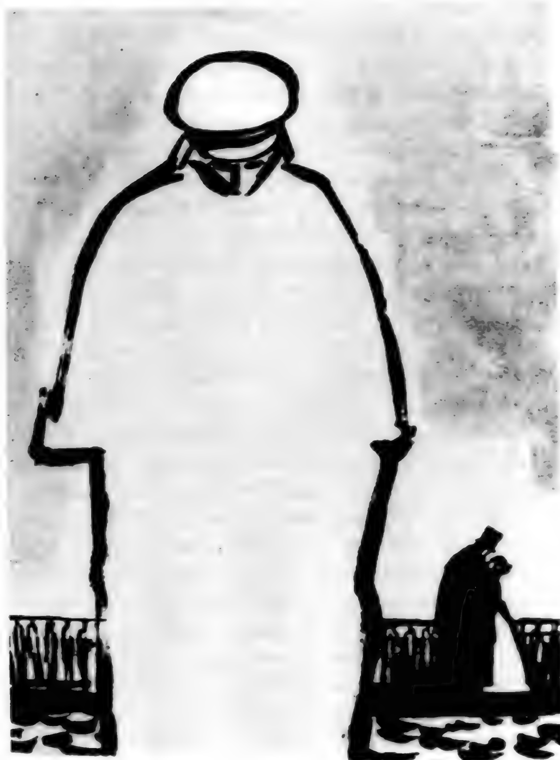
Главный способ художественного построения у Достоевского — это столкновение двух взаимоисключающих смыслов. Такой принцип наблюдается в характере сочетания фраз. На первой странице романа «Преступление и наказание» читаем о главном герое —Раскольникове: «Он был должен кругом хозяйке и боялся с ней встречаться», а через несколько строк: «Никакой хозяйки в сущности он не боялся...» Нередко конец предложения совершенно опровергает логическую суть начала. Так, о Степане Трофимовиче Верховенском в романе «Бесы» сказано: «...Это был ведь человек умнейший и даровитейший, человек, так сказать, даже науки, впрочем, в науке... ну, одним словом, в науке он сделал не так много и, кажется, совсем ничего». Между противоположными суждениями в таких случаях возникает сложный эмоциональный «диалог», итоговый смысл которого передается читателю через тончайшие словесные оттенки.

В напряженно-диалогические отношения вступают и слова с противоположными значениями. «Раб и враг» — так подписывает письмо к своей невесте Катерине Ивановне Митя Карамазов. У Достоевского немало подобных синонимически-антонимических сочетаний, обозначающих сложнейшие явления душевной жизни человека. В таких отношениях находятся здесь, в частности, слова *любить* и *ненавидеть*. В одной из черновых тетрадей Достоевского можно прочесть: «Он ее любит, т. е. ненавидит». Сочетаемость слов становится в сознании героев отражением важнейших нравственно-философских проблем. Услышав от Мармеладова об ужасной судьбе его дочери Сони, Раскольников думает: «Поплакали и привыкли. Ко всему-то человек-подлец привыкает!» Но тесное слияние слов «подлец» и «человек» приводит героя в ужас, и он начинает спорить сам с собой: «Ну, а коли я соврал... коли действительно не *подлец* человек...» (здесь уже два эти слова разведены в противоположные стороны синтаксической конструкцией).

Наконец, диалог часто возникает между разными значениями одного и того же слова. Так, слово «преступление» приобретает дополнительный смысл унижения, попрания личности. «Ты тоже переступила»,— говорит Раскольников Соне: здесь обнажается исходное значение, «внутренняя форма» ключевого для романа слова. Раскольников приходит к мысли о преступном состоянии мира, и автор согласен с ним. Но герой решает «переступить» нравственные законы, чтобы тем самым очистить мир, победить преступление преступлением,— и тут автор вступает с ним в спор.

Иллюстрация Д. Шмаринова к роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».

Иллюстрация В. Басова к роману Ф. М. Достоевского «Белые ночи».



Такой же «двуголосый» характер носят в этом романе слова «проба», «процент», «среда» — каждое из них являет собой своеобразный конспект нравственно-философского спора.

Диалогической природой отличаются в мире Достоевского и внутренние монологи героев. Их необычный синтаксис объясняется «скрытым» присутствием собеседника. Вот персонаж романа «Бедные люди» мелкий чиновник Макар Девушкин пытается отстоять свою «амбицию», оправдать свое существование: «Я ведь и сам знаю, что я немного делаю тем, что переписываю; да все-таки я этим горжусь: я работаю, я пот проливаю. Ну что ж тут в самом деле такого, что переписываю!.. Письмо такое четкое, хорошее, приятно смотреть, и его превосходительство довольны; я для них самые важные бумаги переписываю».

Слово «переписываю» в каждом случае звучит по-разному — так же, как слово «кажется» в таком монологе героя повести «Записки из подполья»: «Уж не кажется ли вам, господа, что я теперь в чем-то перед вами раскаиваюсь, что я в чем-то у вас прощения прошу?.. Я уверен, что вам это кажется... А впрочем, уверяю вас, что мне все равно, если и кажется...»

В обоих случаях перед нами люди колеблющиеся, сомневающиеся: произнеся фразу, они всматриваются в условного собеседника, ожидая от него ответа. Особенности устного высказывания используются здесь не для иллюзии внешнего правдоподобия, а для особого, активного контакта с читателем. Пародия К. Аксакова, которая цитировалась выше, неудачна как раз потому, что ее критический смысл совершенно лишен диалогического начала: автор полностью уверен в отсутствии у Достоевского «поэтического таланта» и никаких возражений слушать не желает. Для такого безапелляционного монолога «язык г. Достоевского» никак не подходит, и повторы слов звучат в пародии нудно, поскольку они не несут смысловой динамики, присущей стилю автора «Двойника».

Диалогическая стихия исключает какое бы то ни было однообразие и ограниченность. Язык Достоевского так же открыт и свободен, как созданный писателем образ мира. Достоевский не боялся длиннот и повторов, если они были необходимы для эмоционально-ритмического развития мысли, для полноты самовыражения героев. В то же время он прибегал порой к особого рода сжатости фразы, достигая краткости большей, чем возможна в нехудожественной речи. Эти два полюса стилистики Достоевского точно отмечены В. Ф. Переверзевым: «Речь Достоевского точно торопится и задыхается. Слова то громоздятся беспорядочной толпой, как будто мысль торопливо ищет себе выражения и не может схватить его, то обрываются коротко, резко, падают отрывистыми фразами, иногда одним словом, там, где грамматически необходимо было бы целое предложение». Ярким примером последней тенденции может служить речь одного из персонажей романа «Бесы» — Кириллова. Частые в обыденной речи синтаксические срывы преобразованы здесь в художественный принцип. Достоевский как бы проводит эксперимент с целью установить крайний предел возможного для художественной прозы лаконизма.

Широта стилистического диапазона характерна и для лексического строя прозы Достоевского. Это свойство также поначалу пугало критиков: раздавались упреки в связи с обилием уменьшительных форм: «ангельчик», «маточка», «душенька» — и «делового слога» в речи Девушкина («Бедные люди»). Но энергичный контраст этих двух лексических пластов во многом определил гуманистическое звучание произведения, отчетливее проявил содержащуюся здесь «боль за человека».

Еще один важный для Достоевского лексико-стилистический контраст — столкновение духовных абстракций с бытовыми реалиями. Так, Иван Карамазов, размышляя о несовершенстве социального мира, заявляет: «...Слишком дорого оценили гармонию, не по карману нашему вовсе столько платить за вход. А потому свой билет на вход спешу возвратить обратно». Сугубо прозаический «возврат билета» становится выразительным и смелым философским символом. В свою очередь, такие слова,

как «эстетика», «реализм», часто используются при разговоре о бытовых событиях, оттеняя их значимость.

В художественной системе Достоевского все слова как бы уравнены в правах, каждое может претендовать на участие в самом серьезном разговоре. Активно работают иноязычные элементы (у Достоевского происходят взаимоосвещающие «диалоги» русского языка с европейскими: это по-своему отражает мечту писателя о «всемирном единении человечества»). Даже иностранные собственные имена прочно вплавлены в речь героев: жена человека по фамилии Смит непринужденно именуется Смитихой, от фамилии фон Зон Федор Карамазов производит глагол «нафонзонить», а для Мити Карамазова имя французского физиолога Бернара становится нарицательным обозначением бездушного позитивиста.

Авторская речь и речь разных персонажей у Достоевского сходны и по лексическому составу, и по ритмико-синтаксической организации. Но отсутствие житейски правдоподобной речевой индивидуализации в данном случае не слабость, а сознательная и плодотворная творческая установка. Только такая система может обеспечить свободный диалогический контакт автора с героями и героев друг с другом. Достоевский отказался от «языкового барьера» с целью углубленного исследования сложнейших оттенков человеческих отношений. При этом речь героев отмечена тонкой эмоциональной индивидуализацией — отпечатком человеческой неповторимости. А речь повествователя — при всех вариантах структуры — создает образ автора как цельной и многогранной личности, способной к неограниченному пониманию чужих мыслей и чувств.

Язык Достоевского звучит в наши дни очень современно, все более обнаруживая свою глубокую естественность, обусловленную соответствием новаторских экспериментов писателя внутреннему духу русского языка.

ДРЕВНЕПЕРСИДСКАЯ КЛИНОПИСЬ. ЕЕ ДЕШИФРОВКА

Когда войска Александра Македонского захватили долину Тигра и Евфрата, история цивилизации Двуречья насчитывала около 4 тыс. лет. Греки сокрушили власть персидской державы Ахеменидов — самого крупного государства древнего мира (ее превзошли позднее лишь империя Александра Македонского и Римская империя).

Персы были воинственными племенами кочевников, объединенными затем сильной властью. Их культура, самобытная в своей основе, испытала несомненно влияние более древней и более развитой цивилизации Двуречья.

Персы пользовались клинописным письмом, знаки которого походили на клинопись вавилонян. Но система письма их была иной. И именно с древнеперсидскими текстами пришлось в первую очередь иметь дело исследователям, изучающим различные системы клинописи и языки, которые эти системы «обслуживали» (древнеперсидский, урартский, хурритский, эламский, аккадский, хеттский, шумерский и др.).

Клинописные надписи древних персов найдены главным образом в Персеполе, столице державы Ахеменидов. Кроме огромных монументальных текстов, высеченных на камне, археологи обнаружили также ряд табличек из золота и серебра, покрытых знаками древнеперсидской клинописи. Еще в конце XVIII в. удалось определить, что отдельный косой клин, встречающийся в текстах из Персеполя, является знаком словораздела. В начале прошлого столетия датский ученый Ф. Мюнтер совершенно правильно предположил, что язык древнеперсидских надписей должен быть близок языку священной книги огнепоклонников — Авесты, а этот язык ученые знали, ибо в Индии и по сей день община персов-огнепоклонников сохраняет древние традиции своих предков и ведет богослужение по тексту Авесты. Изучив повторяющиеся группы знаков, Мюнтер сделал вывод, что это титулатура — слова «царь» и «царь царей». Но прочитать тексты, найти значение знаков древнеперсидской клинописи датскому ученому не удалось.

А сделал это скромный школьный учитель из немецкого города Геттингена, гениальный дешифровщик Г. Гротефенд в 1802 г.

В основу своей дешифровки Гротефенд взял древнеперсидские надписи царей из династии Ахеменидов, чьи имена были известны по античным источникам. Известны были и родственные отношения между этими царями. Повторяющиеся группы знаков, предположил Гротефенд, «царь» такой-то или «царь царей» сын царя такого-то. Он сопоставил две надписи. Отец составителя второй надписи был сам составителем первой. Отец составителя первой надписи царского титула не имел. Геродот же сообщает, что царь персов Ксеркс был сыном царя Дария, отец которого, Гистасп, царем не был...

Это навело Гротефенда на мысль о том, что первую надпись составил Дарий, а вторую — его сын Ксеркс. С помощью Авесты молодой дешифровщик привел имена Ксеркса и Дария в «исходную форму», так как в произношении древних персов они должны были отличаться от того, как передали их греки. А затем, прочитав имена царей с помощью знаков, их образующих, прочитал слово «царь».

К сожалению, открытие Гротефенда не при-

влекло внимания специалистов-востоковедов. Сам же дешифровщик почти не знал языка Авесты и поэтому не мог развить свое открытие дальше, перейти от чтения имен собственных к прочтению самих текстов. Независимо от Гротефенда английский офицер и дипломат Г. Роулинсон, находясь в Персии, «передешифровал» древнеперсидскую клинопись и пришел к тем же выводам, что и немецкий исследователь.

Роулинсон обнаружил, что древнеперсидский язык, донесенный до нас клинописными знаками, близок не только языку священной Авесты, но и другому священному языку — санскриту, который в течение двух тысячелетий являлся языком науки и культуры Индии. С помощью санскрита и авестийского языка древнеперсидские надписи были прочтены и переведены уже к середине прошлого столетия. Клинопись персов была официальным письмом державы, созданной династией Ахеменидов в середине VI в. до н. э. В ней 36 фонетических знаков, 5 знаков-логограмм, передающих слова «царь», «страна», «земля», «бог Ахурамазда», «бог», один составной знак, передающий лигатуру, соединение знака «Ахурамазда» и фонетического знака, передающего падежное окончание, и, наконец, два знака для разделения слов — косой клин и «угол». Конечно, это не идет ни в какое сравнение с сотнями знаков, что встречаются в других системах клинописи: древнеперсидская клинопись самая простая из всех клинописных систем.

Конец древнеперсидской клинописи хорошо известен: она исчезла вместе с гибелью империи Ахеменидов, после победоносных походов Александра Македонского. Зато начало ее окутано мраком неизвестности. Одни исследователи полагают, что она была создана по официальному приказу царя Дария I (522 — 486 гг. до н. э.). Другие приписывают ее царю Киру, основателю династии Ахеменидов. Быть может, правы те исследователи, что считают древнеперсидскую клинопись потомком мидийского письма. Мидяне пользовались клинописным письмом, происходящим от клинописи Двуречья. Памятники этого письма до нас не дошли.

И мы имеем дело лишь с клинописью персов, наследников мидян. Она является «отредактированным» и «сокращенным» вариантом древней мидийской клинописи.

Возможно, когда-то существовала «полная» система, где было равное число знаков для слогов с *а, и, у*. Позднее знаки, передающие сочетание согласный + гласный *а*, стали употребляться и для передачи одних согласных — и древнеперсидская клинопись из слоговой стала полуалфавитной. И все-таки решающего шага, который бы привел к рождению подлинного алфавита, буквенного письма, древние персы так и не сделали.

ДРЕВНЕТЮРКСКОЕ РУНИЧЕСКОЕ ПИСЬМО. ЕГО ДЕШИФРОВКА

Слово *руна* происходит от древнескандинавского корня, означающего «тайна». И название это дано не современными учеными, до сих пор не раскрывшими загадку происхождения рунических письмен, а древними германцами, приписывавшими знакам магическую силу.

Рунические надписи находят в самых различных частях Западной Европы. Больше всего их обнаружено на территории Швеции — несколько тысяч. Самые ранние рунические тексты найдены на территории Ютландского полуострова и прилегающих островов — они относятся к III в. до н. э. Помимо того, эти надписи имеются в Англии, Шотландии, Норвегии, Исландии, ГДР и ФРГ, Франции, Австрии, Греции, Румынии, на острове Березань в Черном море. И даже в нашей стране, на Волыни, возле города Ковель, был найден наконечник копья с рунической надписью. Руны вырезались на самых различных предметах, высекались на камне, чеканились на металле. До нашего времени дошли рунические надписи и календари, вырезанные на палках в виде меча или посоха, молитвенники и обращения к языческим богам, магические заклинания и имена владельцев оружия или украшений, запечатленные знаками рун.

Язык рунических текстов известен. Они написаны на нескольких языках, которые являются ответвлениями германской группы (см. *Индоевропейская семья языков*). Руны связывают с набегами викингов на Востоке.

По приказу Петра Великого немецкий ученый Д. Г. Мессершмидт с 1719 по 1727 г. объезжал необъятные просторы Сибири. В верховьях Енисея он обнаружил странные надписи, состоящие из знаков, поразительно напоминавших европейские руны. Позже такие же надписи были открыты в Туве, Хакассии, Монголии. Основными местами находок были долины рек Енисея и Орхона, поэтому и надписи стали именовать орхоно-енисейскими или просто орхонскими рунами, чтобы отличить их от рун, найденных на территории Западной Европы.

Сначала ученые попробовали читать орхоно-енисейские руны так, как читаются руны европейские. Но из этого ничего не выходило. Стало очевидно, что, несмотря на удивительное сходство форм рунических знаков, чтение их различно. Западноевропейские руны скрывают язык германской группы... а какой язык скрывается за руническими знаками письмен, найденных в Азии? И как определить чтение знаков этих письмен?

Орхоно-енисейские руны приписывали скифам и гуннам, кельтам и готам, монголам и

угро-финнам... Но вот в конце 1893 г. датский ученый В. Томсен представляет Королевскому обществу свой предварительный доклад, занимающий всего лишь 15 страничек, в котором была дана полная дешифровка загадочной письменности и приведено чтение всех знаков ее алфавита!

Первым делом Томсен установил направление письма: оказалось, что чтение знаков его идет не слева направо, а справа налево. Затем датский ученый подсчитал число различных знаков, употреблявшихся в орхоно-енисейском письме. Оно равнялось 38 — и на основании этого Томсен предположил, что здесь мы имеем дело с алфавитным письмом, однако тут могут встречаться и слоговые знаки (для чисто слогового письма знаков слишком мало, а для алфавита — слишком много).

Некоторые памятники, найденные в Центральной Азии, имели текст на двух языках: китайскими иероглифами и орхоно-енисейскими рунами передано было одно и то же содержание. Среди слов, записанных по-китайски, были и собственные имена. Следовательно, эти имена должны быть и в рунической части надписи. Томсен нашел их и вскоре установил значение всех знаков орхоно-енисейских рун. Оказалось, что знаки эти запечатлели тексты, написанные на древнейшем тюркском языке.

О том, что слово *тюрк* родственно словам *турок* и *туркмен*, догадаться нетрудно. Тюрками называли себя создатели огромного государства, протянувшегося почти по всей великой степи, от Желтого до Черного моря. Они-то и создали письмена, которые удалось расшифровать Томсену. Прочтение их позволило заглянуть в глубины тюркской истории вплоть до VI в. н. э. и, главное, дало в руки ученым бесценный материал для изучения истории тюркской семьи языков (см. *Тюркские языки*).

В 1896 г. Томсен выпустил книгу, посвященную чтению орхоно-енисейских рун и переводу надписей, оставленных древними тюрками. И в том же году В. А. Каллаур, большой любитель древностей и энтузиаст изучения старины, находит тюркские рунические надписи в Казахстане и Киргизии, в Таласской долине, окруженной с севера величественными отрогами Киргизского хребта.

Позднее было доказано, что не только в Центральной, но и в Средней Азии пользовались орхоно-енисейскими рунами!

По мнению большинства современных исследователей, письмена древних тюрков восходят к какому-то из алфавитов, которым пользовались народы Ближнего Востока. Но вопрос о происхождении древнетюркских рун нельзя считать решенным окончательно.

Раскопки на территории Семиречья, которые много лет ведут археологи Казахской Академии наук, принесли, помимо находок древних городов и поселений, драгоценных украшений и военного снаряжения, и надписи на предметах, выполненные письмом, очень похожим на руническое. И, что самое замечательное, возраст этих надписей на добрую тысячу лет превосходит возраст древнетюркских рун!

Наиболее ценная из этих находок — надпись на серебряной чаше, найденной в богатейшем погребении, относящемся к середине I тыс. до н. э., при раскопках кургана возле села Иссык, неподалеку от Алма-Аты. На дне чаши нанесены 26 рунических знаков, весьма похожих на знаки древних тюрков.

Может быть, эта надпись — самый ранний памятник, оставленный тюрками задолго до того, как в VI в. н. э. возник могучий Тюркский каганат? Ряд исследователей считает, что письменность на чаше из села Иссык — предтеча древнетюркского языка, есть попытки даже прочесть надпись по-тюркски. Например, известный казахский поэт Олжас Сулейменов, много внимания уделяющий истории своего народа, получил такое чтение надписи: «Сын хана в двадцать три (года) умер. Имя и слава (народа) иссякли».

Однако многие ученые считают, что нельзя ставить знак равенства между древнетюркским и «иссыкским» письмом, ибо знаки их далеко не тождественны. А текст надписи на чаше очень мал по объему: 26 составляющих его знаков можно прочесть, как показывает математическая теория дешифровки, несколькими различными способами и «вычитать» разное содержание. К тому же нет веских доказательств, что надпись сделана именно на тюркском, а не каком-либо другом языке многочисленных народов, населявших Среднюю Азию в древности. Так что дело — за будущими открытиями и новыми исследованиями.

Е, З

ЕГИПЕТСКАЯ ИЕРОГЛИФИКА. ЕЕ ДЕШИФРОВКА

Письмена Египта, изображающие людей и богов, животных и растения, небесные тела и домашнюю утварь и многое, многое другое, с давних пор казались чем-то таинственным, доступным лишь посвященным. Недаром еще в начале нашей эры люди античности именовали их иероглифами, т. е. «священными знаками».

«Точкой опоры» для дешифровки иероглифов Египта стал так называемый Розеттский камень. В середине июля 1799 г., во время военной экспедиции Наполеона в Египет, на левом берегу западного (Розеттского) рукава Нила была найдена черная базальтовая плита, покрытая письменами. Уже с первого взгляда можно было установить, что вверху Розеттского камня имелась иероглифическая надпись, а внизу — надпись, сделанная греческими буквами на греческом языке. Между ними был третий текст, записанный неведомыми прежде знаками.

И язык, и письмо древних греков были хорошо известны ученым. Перевод греческой надписи на Розеттском камне гласил, что данный текст, почетный декрет времени Птолемеев, высечен на камне «священными, туземными и эллинскими буквами», т. е. на трех официальных языках Египта времени правления династии Птолемеев: на древнем (жреческом), на разговорном языке Египта той эпохи и на греческом.

Ученые тотчас же принялись за изучение «туземных» букв (египтологи называют их ныне знаками демотического письма). Уже через три года после находки Розеттского камня был составлен алфавит этих демотических знаков. Однако все попытки разгадать смысл иероглифов — «священных знаков» — были безуспешны... До тех пор, пока ими не занялся англичанин Томас Юнг, человек удивительных способностей и широчайших интересов (Юнг заложил основы научного изучения зрения, открыл закон интерференции света, знал более десятка языков, был врачом-практиком, внес вклад в акустику).

Сравнив «священные» и «туземные» знаки Розеттского камня, Т. Юнг определил, что «туземное» письмо — лишь скорописный вариант письма «священного». Затем Юнг подсчитал число знаков в «туземной» части надписи. Их оказалось больше сотни. Ни в одном алфавите не найти такого числа букв. Значит, «туземное» — и, стало быть, «священное» — письмо передает не отдельные звуки речи, а слова или понятия. И лишь в виде исключения чужеземные имена, например греческие, могли писаться иероглифами, передающими не слова, а отдельные звуки.

Можно расшифровать имена, заключенные в овальные рамки, так называемые картуши, считал Юнг. И привел примеры иероглифов, читавшихся как буквы. Но вне картушей, в египетском тексте, они имеют совсем иное чтение, выступают не как буквы, а как знаки для передачи слов и понятий. И ключом к иероглифике такие знаки быть не могут. Расшифровать иероглифы удастся не скоро — таков был вывод Т. Юнга... К счастью, совершенно неправильный. Ибо очень скоро иероглифические письмена Египта заговорили. Сделал это гениальный французский ученый Ф. Шампольон (1790—1832).

Юнг был человек разносторонний. Шампольон, наоборот, стремился к одной цели, был предан одной идее. По его собственным словам, заинтересовавшись в возрасте 11 лет древнеегипетскими памятниками, на которых были начертаны иероглифы, он решил найти разгадку этих письмен. И всю жизнь посвятил этой цели, изучая восточные языки, в первую очередь коптский (потомок древнеегипетского языка). Он отыскивал в трудах древних авторов сведения о Египте, тщательно копируя каждую известную ему иероглифическую надпись, анализировал и сравнивал тексты на протяжении многих лет, до тех пор пока его старания не увенчались успехом.

Независимо от Юнга, изучив Розеттский камень, Шампольон приходит к выводу, что чужеземные имена должны записываться иероглифами-буквами (как иначе записать такие

Египетские иероглифы (фрагмент фрески V в. до н. э.).

Египетские иероглифы.

греческие имена, как Александр, Береника и т. п., имевшиеся в тексте Розеттского камня?). Сравнив записи различных имен, сделанных иероглифами и греческими буквами, Шампольон установил значение 24 знаков — «букв» иероглифического письма. Но где доказательства тому, что они читались как буквы не в именах чужеземцев, а в иероглифических текстах на древнеегипетском языке?

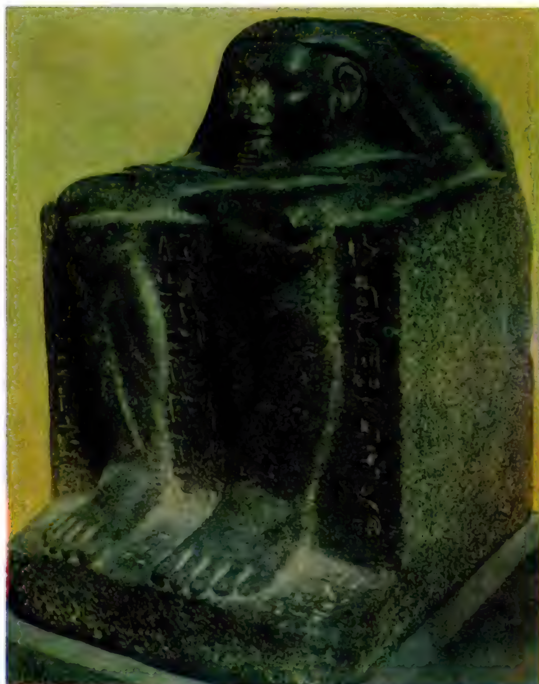
Шампольон делает знаменательный подсчет. Иероглифический текст Розеттского камня содержит 1419 знаков. А в греческой части надписи, соответствующей этому тексту, число слов равно 486. Отсюда вывод: иероглифы не могут передавать только слова или понятия, иначе их было бы не около 1,5 тыс., а лишь около 500.

Напряженная работа продолжается. 14 сентября 1822 г. Шампольону удается прочитать имена царей Древнего Египта, написанные алфавитными знаками-иероглифами. Значит, не только для записи чужеземных имен использовались иероглифические буквы! И стало быть, с помощью этих алфавитных иероглифов можно читать тексты Древнего Египта... Шампольон спешит к своему брату, работавшему неподалеку, в библиотеке Французского института. Вбежав в помещение, он бросает на стол захваченные с собой материалы — ключ к тайне иероглифов — и восклицает: «Я добился своего!»

Тут силы оставляют Шампольона, «он не в состоянии больше держаться на ногах, его охватывает какое-то оцепенение» — и молодой ученый теряет сознание. Пять суток спустя Шампольон пишет статью-доклад о своем открытии. Через два года он выпускает монументальный труд «Очерк иероглифической системы древних египтян», не потерявший значения и по сей день.

Иероглифы Египта передают звуковую речь, а не только «понятия», которые можно толковать на каком угодно языке, — таков был первый вывод Шампольона. Существуют три типа знаков: знаки-определители, которые не читаются, а только указывают на смысл слова (так мы могли бы, чтобы не спутать название «лев» с собственным именем Лев, рядом с названием царя зверей ставить знак-рисунок, изображающий льва); алфавитные знаки, передающие отдельные звуки языка; и, наконец, знаки-идеограммы, передающие корни слов, основы слов и целые слова. На этих трех китах стоит система письма древних египтян.

От разбора имен Шампольон переходит затем к разбору других слов и даже предложений и коротких текстов.



Статуя с высеченными на ней иероглифами.

Древнеегипетское иероглифическое письмо.

В 1828 г. во главе научной экспедиции Шампольон выезжает в Египет. Полтора года продолжается работа экспедиции, во время которой «Египет пройден шаг за шагом», и собранные ею материалы «превзошли все ожидания».

Однако силы и здоровье Шампольона подорваны долгими годами нужды и лишений, выпавших на его долю в юности. Вскоре после возвращения из Египта гениальный ученый, сумевший рассеять таинственный туман, который веками скрывал удивительную историю Древнего Египта, умирает. Весь мир не так давно чтил память отца египтологии, науки, стопятидесятилетие которой широко отмечалось в нашей стране и за рубежом.

ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА

Для того чтобы определить, какие элементы входят в структуру языка, разберем следующий пример: два римлянина поспорили, кто скажет короче фразу; один сказал: «Eo rus» — «Я еду в деревню», а другой ответил: «I» — «Поезжай!» Это самое короткое высказывание и написание, которое можно себе представить, но вместе с тем это вполне законченное высказывание, составляющее целую реплику в диалоге и, очевидно, обладающее всем тем, что свойственно любому высказыванию. Каковы же элементы этого высказывания?

1. [i] — это звук речи, т. е. звуковой материальный знак, доступный восприятию ухом, или это буква, т. е. графический материальный знак, доступный восприятию глазом.

2. *i-* — это корень слова, морфема, т. е. элемент, выражающий понятие.

3. *i* — это слово — глагол в форме повелительного наклонения в ед. ч., называющее определенное явление действительности.

4. I — это предложение, т. е. элемент, заключающий в себе сообщение.

«Маленькое», оказывается, заключает в себе все, что составляет язык вообще: 1) звуки — фонетика или буквы — графика, 2) морфемы — корни, суффиксы, окончания — морфология, 3) слова — лексика, 4) предложения — синтаксис.

Больше в языке ничего не бывает и не может быть.

Почему для выяснения вопроса о структуре языка понадобился такой странный пример? Для того чтобы было ясно, что различия элементов структуры языка не количественные, как могло бы показаться, если бы мы взяли длинное предложение, разбили его на слова, слова — на морфемы, а морфемы — на звуки. В данном примере эта опасность устранена: все ступени структуры языка представляют собой «то же», но взятое каждый раз в особом качестве.

Таким образом, различие элементов структуры языка качественное, что определяется разными функциями этих элементов. Каковы же функции этих элементов?

1. Звуки (фонемы) являются материальными знаками языка. Они обладают двумя функциями: перцептивной — быть объектом восприятия (от лат. *perceptio* — «восприятие») и сигнификативной — иметь способность различать вышестоящие, значимые единицы-элементы языка — морфемы, слова, предложения: *тот, бот, мот* и т. п. (от лат. *significare* — «обозначать»).

2. Морфемы могут выражать понятия, это семасиологическая функция, функция выражения понятий (от древнегреч. *semasia* — «обозначение» и *logos* — «слово», «учение»). Называть морфемы не могут, но значение имеют: *красн-* выражает лишь понятие определенного цвета, а назвать что-либо можно, лишь превратив морфему в слово: *краснота, красный, краснеть* и т. п.

3. Слова могут называть вещи и явления действительности, это номинативная функция, функция называния (от лат. *nominativus* — «назывной»). Есть слова, которые в чистом виде выполняют эту функцию, — это собственные имена; слова же нарицательные совмещают ее с функцией семасиологической, так как они выражают понятия.

4. Предложения служат для сообщения; это самое важное в речевом общении, так как язык есть орудие общения; это функция коммуникативная (от лат. *communicatio* — «сообщение»). Так как предложения состоят из слов, они в своих составных частях обладают и номинативной функцией и семасиологической.

Элементы данной структуры образуют в языке единство, что легко понять, если обратить внимание на их связь: каждая низшая ступень является потенциально (в возможности) следующей, высшей, и, наоборот, каждая высшая ступень как минимум состоит из одной низшей. Так, предложение минимально может состоять из одного слова (*Светает. Мороз*); слово — из одной морфемы (*тут, вот, метро, ура*); морфема — из одной фонемы (*щ-и, ж-а-ть*). Сравним вышеприведенный пример с *i*.

ЗАИМСТВОВАНИЕ В ЯЗЫКЕ

Языки не изолированы друг от друга. Один язык заимствует у другого, например, звуки и их сочетания. Звук [ф] впервые вошел в русский язык вместе с заимствованиями из греческого языка: *Федор, Фома, Филипп, фонарь* и др. Очень широко заимствуется лексика (см. *Заимствование лексическое*).

Заимствуются и морфемы. Например, словообразовательные суффиксы *-изм, -ист* пришли в русский язык с заимствованными словами (*социализм, социалист*), а потом прижились и стали участвовать в создании собственных, русских слов (*ленинизм, правдист*).

Заимствование не говорит о бедности языка. Если заимствованные слова и их элементы усваиваются языком по своим нормам, преобразуются по потребностям «берущего» языка, то это свидетельствует как о силе, о творческой активности этого языка.

3

ЗАИМСТВОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЕ

Во всяком языке есть слова «свои» и «чужие» — те, которые пришли из других языков. Например, слова *дом, ехать, белый* для русских — свои, исконные, а слова *монумент, курсировать, оранжевый* — чужие, заимствованные: *монумент* — из латинского, *курсировать* — из немецкого, *оранжевый* — из французского.

Заимствование слов — естественный и необходимый процесс языкового развития. Лексическое заимствование обогащает язык и обычно нисколько не вредит его самобытности, так как при этом сохраняется основной, «свой» словарь, а кроме того, неизменным остается присущий языку грамматический строй, не нарушаются внутренние законы языкового развития.

Некоторые слова пришли к нам давно, и сейчас только ученые-лингвисты могут определить их «иностранность». Таково, например,

слово *хлеб*, которое многими языками, и в частности русским, было заимствовано из древнегерманского. Пришлый характер слов определяется с помощью сравнительно-исторического метода (см. *Сравнительно-исторический метод*).

Сейчас такие слова настолько обрусели, что в них не осталось никаких иноязычных примет. А в более свежих, недавних заимствованиях такие приметы сохраняются. Например, если слово начинается с буквы *а* — это признак того, что перед нами «иностранец»: *абажур, автобус, аккуратный, актер, анекдот, аптека* — это все слова иноязычного происхождения (русских слов на *а* очень мало: *азбука* — от названия первых букв алфавита *аз* и *буки*; *ай, ах, ахать*).

Если слово не склоняется, то это тоже знак его иностранного происхождения (*кофе, сальто, домино, шасси, кенгуру*).

Что заставляет один народ заимствовать слова у другого? Первая и главная причина — заимствование вещи, предмета: вместе с предметом часто приходит и его название. Так появились у нас слова *автомобиль, такси, метро, трактор, комбайн, робот, акваланг, нейлон, лазер, транзистор* и др.

Другая причина — необходимость обозначить некоторый специальный вид предметов или понятий. Например, с появлением гостиниц в русский язык входит французское *портье* (исконно русское *слуга* недостаточно ясно указывало бы на сферу деятельности этого лица).

Чаще всего потребность в назывании предметов и понятий возникает в различных отраслях науки и техники, поэтому среди научно-технических терминов так много иностранных. От близких к ним по смыслу русских слов они как раз и отличаются строгой определенностью, специфичностью значения. Сравним, например, слова *трансформатор* и *преобразователь*: *трансформатор* — особый прибор для преобразования электрического тока, а *преобразователем* можно назвать и такой прибор, и человека; *локальный* и *местный* (математики говорят: локальная переменная, но не местная переменная) и т. п.

Разделение, дифференциация общего понятия на виды часто происходит и в области науки, и в обиходе. С этим бывает связано расщепление смысла слова, которое обозначало общее понятие, на два значения: одно остается у русского наименования, а другое закрепляется за иностранным. Так в русском языке возникли пары близких по смыслу (но не тождественных) слов: *страх — паника, уют — комфорт, всеобщий — тотальный, рассказ — репортаж, сообщать — информировать* и т. д.

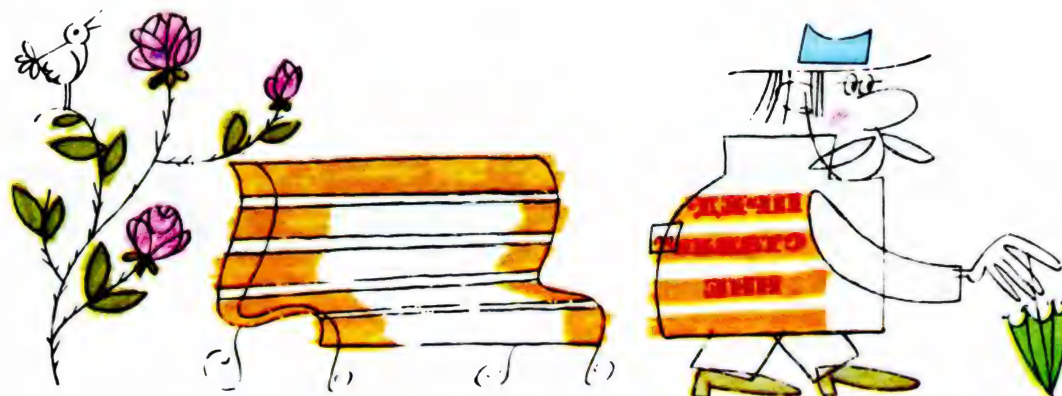
Иностранное слово легче усваивается, если оно заменяет описательный оборот. Так, слово *снайпер* заменило собой сочетание *меткий стрелок*; *турне* стали употреблять вместо громоздкого: *путешествие по круговому маршруту*; *мотель* — вместо *гостиница для автотуристов*; *спринт* — вместо *бег на короткие дистанции*.

Правда, в этом процессе замены своего слова чужим действуют некоторые ограничители. Если, например, описательные обороты составляют группу наименований однородных предметов, то заимствованному слову трудно «пробиться» в такую группу: оно нарушает единство наименований (все они не однословные). Так, с изобретением звукового кино в русском языке появилось заимствованное из немецкого слово *тонфильм*. Однако оно не прижилось в нашем словаре: этому мешало то обстоятельство, что у нас уже успела сформироваться группа наименований описательных, двусловных: *немой фильм — звуковой фильм, немое кино — звуковое кино*.

Иноязычные слова различаются по степени их освоенности в языке. В зависимости от этого выделяют следующие основные типы иноязычной лексики:

1. Слова освоенные; эти слова не только всегда передаются графическими и фонетическими средствами русского языка, но и имеют вполне «обруселое», отнюдь не экзотическое значение; от них образуются производные общеупотребительные слова, например: *пальто — пальтецо, пальтишко; герой — геройский, героизм, геройство; район — районный*.

2. Слова экзотические — иноязычные наиме-



нования вещей и понятий, которые характерны для жизни и культуры какого-нибудь народа. Это названия обычаев, домашней утвари, одежды, денежных единиц и т. п.: *ленч* — второй завтрак у англичан, *бешмет* — стеганый полукафтан у кавказских народов, *крузейро* — денежная единица в Бразилии и др.

3. Иноязычные вкрапления — слова и обороты, которые сохраняют иноязычный облик, т. е. иностранное написание и произношение. Например: *pro* и *contra* (лат.) — «за» и «против», *c'est la vie*! (франц.) — «такова жизнь!», *happy end* (англ.) — «счастливый конец» и т. п.

Есть и такой вид иностранного влияния на словарь, при котором слово не заимствуется, но оно служит как бы образцом для нового русского слова. Каждая значащая часть иностранного слова заменяется соответствующей по смыслу русской морфемой. Так, например, было создано слово *представление*. Немецкое слово *Vorstellung* расчленили на морфемы — *Vor-stell-ung* — и каждую морфему перевели на русский язык: *vor-* — «пред-», *-stell-* — «-став(л)-» (тот же корень, что и в глаголе *ставить, ставлю*), *-ung* — «-ение»; получилось *пред-ставл-ение*. Такой способ называется калькированием, а сами слова — кальками. Примеры других калек: *естество-испыта-тель* (нем. *Natur-forsch-er*), *небо-скреб* (англ. *sky-scraper*). Это все словообразовательные кальки.

Еще есть семантические, смысловые кальки. Они возникают под влиянием какого-либо значения слова, принадлежащего другому языку. Например, французское *clou*, помимо основного значения — «гвоздь», употребляется в значении «главная приманка театрального представления, программы». Этот смысл повлиял и на употребление русского слова *гвоздь*: с конца XIX в. в русском языке появляются выражения *гвоздь сезона, гвоздь выставки* и т. д. В словосочетании *газетная утка* в значении «вымысел, ложное сообщение» — также семантическая калька с французского *canard*, которое имеет как прямой смысл — «утка», так и переносный — «вымысел».

Процесс лексического заимствования нормален для развития языка. Правда, не все языки в равной мере восприимчивы к иноязычному влиянию. Это зависит от разных факторов. Например, от географического. Так, Исландия вследствие своего островного положения и обособленности от других европейских стран на протяжении многих веков была слабо связана с «материковыми» народами. Поэтому в исландском языке мало заимствований из других языков.

Иногда важны факторы политические. Так, в Чехословакии длительная борьба против немецкого влияния привела, в частности, к тому, что в чешском и словацком языках оказалось совсем немного слов немецкого происхождения: они сознательно не допускались в речевой оборот. Однако эти примеры скорее исключение, чем правило. Обычно же страны и народы активно сотрудничают, контактируют друг с другом. Одна из форм таких контактов — взаимное языковое влияние, которое выражается, в частности, в лексическом заимствовании.

ЗАКОН ОТКРЫТЫХ СЛОГОВ

В русской речи много открытых слогов (т. е. слогов, оканчивающихся гласным звуком) — их гораздо больше, чем слогов закрытых (оканчивающихся согласным). Неконечные слоги многосложных слов будут открытыми. Например, *Ти-ши-на и про-хла-да ра-нне-го у-тра, ко-гда чи-стиль-щи-ки у-лиц е-ще спят и ма-ши-ны хо-дят ре-дко, не сни-ма-ют но-чно-го на-пря-же-ни-я*. В этом отрывке на 43 слога приходится 5 закрытых слогов и 38 открытых. В русском языке неконечные слоги являются по преимуществу открытыми. Только конечными могут быть слоги, кончающиеся шумным согласным или сочетанием шумных согласных с сонорным: *тот, тост, пёстр*.

Эти правила слоговой структуры русских слов сложились на протяжении истории русского языка. Правда, можно сказать, что общая тенденция к открытому слогу характерна для

многих языков мира, так как открытый слог — простой, легкий для произнесения. Это особенно заметно в детской речи: при усвоении навыков говорения дети начинают прежде всего произносить открытые слоги и гораздо позже — закрытые.

Эта общая тенденция в отдельные исторические эпохи развития языков может приобретать значение языковой закономерности. Такая закономерность характеризовала развитие всех славянских диалектов в древнейшую эпоху их существования, когда все славянские диалекты объединялись в один язык, получивший название «праславянский» (см. *Праславянский язык*). Проявление данной закономерности в праславянском языке начиналось с утраты конечных согласных.

В праславянском языке хорошо знакомые нам современные слова *плод, отец, сын, конь* первоначально имели такой звуковой вид: **plo-dos, *o-tь-kos, *sū-nŭs, *kon-jos*, все они оканчивались согласными звуками, и последние слоги поэтому были закрытыми.

Когда стала актуальной для жизни праславянского языка тенденция к открытому слогу и слова этого языка начинали включать только открытые слоги, конечные согласные в подобных словах утратились.

Форма первого лица единственного числа глаголов *грести, мести: гребу, мету* в праславянском языке имела вид: **gre-bon, *me-ton*, т. е. конечный слог был закрытым: последний звук был носовой согласный. В эпоху действия закона открытых слогов эти конечные сочетания из гласного и сонорного согласного изменились в носовые гласные звуки, т. е. формы первого лица приняли такой звуковой вид: **grebo*ⁿ, **meto*ⁿ (*o*ⁿ — носовой *o*). Появились слова, состоящие только из открытых слогов (еще позже, уже в древнерусском языке, носовые гласные изменились в неносовые: *o*ⁿ > *у*, появился современный звуковой вид данных слов: *гребу, мету*). В результате все конечные слоги стали открытыми. В это время и такие слова, как *плод, отец, сын, конь*, оканчивались не на согласный, а на гласный: в конце этих слов были очень краткие гласные, редуцированные «ер» [ъ] и «ерь» [ь] (т. е. звуковой вид этих слов был такой: пло-*дъ*, о-ть-*ць*, ко-*нь*). В середине славянских слов в праславянском преобразовались, упростились сочетания согласных. На месте сочетания появился один согласный.

Были глаголы **greb-ti, *met-ti* (современные *грести, мести*), затем они приняли вид: *грети* (**bt* > **t*), *мести* (**tt* > **st*), позже глагол *грети* приобрел вид: *грести́* (по типу *мести́, вести́*).

Новые закрытые слоги, особенно в конце слов, возникали уже в истории отдельных славянских языков, после утраты единого праславянского языка. Много новых конечных закрытых слогов возникло в славянских языках, в том числе и в русском, после утраты редуцированных гласных *ер* и *ерь*, когда слова *плодъ, конь* и подобные стали оканчиваться не на гласный, а на согласный: *плод, конь* (фонетически: [кон']). Для слушающих такая слоговая структура слов «удобнее», она способствует лучшему восприятию слов в потоке речи. Конечные закрытые слоги наряду с другими звуковыми явлениями становятся одним из «пограничных сигналов», сигнализирующих о конце одного слова и начале другого.

Речь, состоящая только из открытых слогов, становится однообразной, монотонной. Легкая и экономная для говорящих, она хуже воспринимается, хуже членится на слова, является нелегкой для слушающих. Можно сказать, что характер слоговой структуры слов в языке, история этой структуры является одним из примеров противоречия между говорящим и слушающим.

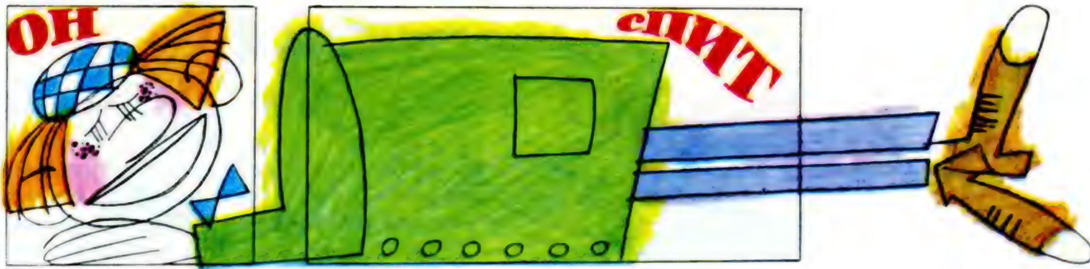
Закон открытых слогов действовал (сначала в праславянском языке, а потом в его потомках — отдельных славянских языках) на протяжении нескольких веков. Он устранял из языка один за другим разные типы закрытых слогов. В древнерусском языке его действие прекратилось в XII в.

ЗАЛОГ

В любом предложении обозначается какая-либо конкретная ситуация. Например, в предложении *Водитель открывает дверь* (1а) глагол называет ситуацию, а существительные — участников этой ситуации: того, кто открывает (водитель), и то, что открывают (дверь).

У глаголов бывает разное количество участников ситуации, которых принято называть такими семантическими терминами: субъект, объект, адресат, инструмент, средство и т. п. Если глагол *открывать* требует двух участников ситуации, то, например, глагол *рубить* — трех: того, кто рубит (субъект), то, что рубят (объект), и то, чем рубят (инструмент). Число участников ситуации каждого глагола, точнее — каждого глагольного значения, есть величина постоянная.

Сравним предложения: *Водитель открывает дверь* (1а) и *Дверь открывается водителем* (1б). По содержанию эти предложения как будто бы не отличаются друг от друга. Ведь они состоят из одних и тех же слов, с помощью которых выражают одну и ту же ситуацию «открывания» и одних и тех же участников этой ситуации: субъект (водитель) и объект (дверь). Однако формальная организация этих предложений различна. В предложении (1а) слово *водитель* выступает в им. п.



и занимает позицию подлежащего, а слово *дверь* — в вин. п. и занимает позицию (прямого) дополнения, тогда как в предложении (1б) слово *водитель* уже выступает в твор. п. и занимает позицию (косвенного) дополнения, а слово *дверь* — в им. п. и занимает позицию подлежащего.

Обобщив сделанные наблюдения, мы можем сказать, что предложения (1а) и (1б) формально отличаются друг от друга тем, что в них одни и те же участники ситуации, называемой глаголом *открывать*, занимают позиции разных членов предложения. Представим сказанное на следующих двух схемах.

(1а)

Участники ситуации	Суб	Об
	↕	↕
Члены предложения	П	Д

(1б)

Участники ситуации	Суб	Об
	↕	↕
Члены предложения	Д	П

Сопоставление этих схем позволяет иначе сформулировать выраженную выше мысль. В предложениях (1а) и (1б) представлены различные соответствия между участниками ситуации, называемой глаголом *открывать*, и членами предложения. Такие соответствия называют диатезами.

Итак, глагол *открывать* имеет как минимум две диатезы, одна из которых реализуется в предложении (1а), другая — в предложении (1б).

Сколько же диатез может быть у глагола? Обратимся к глаголам, которые, как и глагол *открывать*, требуют двух участников: субъекта и объекта. Условимся считать, что каждому из этих участников может соответствовать либо подлежащее, либо дополнение, либо отсутствие члена предложения, т. е. запрет на его употребление. Тогда глаголы типа *открывать* могут иметь следующие семь диатез: 1) Суб = П, Об = Д; 2) Суб = Д, Об = П; 3) Суб = П, Об = Х; 4) Суб = Д, Об = Х; 5) Суб = Х, Об = П; 6) Суб = Х, Об = Д; 7) Суб = Х, Об = Х (Х — знак запрета).

Первая из этих диатез представлена в предложении (1а): *Водитель* (Суб = П) *открывает дверь* (Об = Д), а вторая — в предложении (1б): *Дверь* (Об = П) *открывается водителем* (Суб = Д). Третьей диатезы у глагола *открывать* как будто бы нет, однако она есть, например, у глагола *дразнить* и представлена в предложении *Мальчик* (Суб = П) *дразнится* (2б). Сравните: *Мальчик* (Суб = П) *дразнит сестренку* (Об = Д) (2а). Четвертую диатезу представляет не очень хороший пример *Открывается водителем* (Суб = Д) (1в) — надпись на дверях автобуса. В предложении *Дверь* (Об = П) *открывается автоматически* (1г) реализуется пятая диатеза. Шестой диатезы у глагола *открывать* нет, как, впрочем, ее вообще нет в литературном русском языке, зато она есть в некоторых русских говорах, и в частности представлена в предложении *У меня корову* (Об = Д) *украдено* (3б) — сравним это предложение с предложением *Вор* (Суб = П) *украл у меня корову* (Об = Д) (3а). Хороших примеров, иллюстрирующих седьмую диатезу, у нас нет.

Среди диатез каждого глагола одна — исходная, а все остальные — производные. Исходной является та диатеза, в которой субъект занимает позицию подлежащего. Именно эта диатеза представлена в предложениях (1а), (2а) и (3а). Исходную диатезу называют также активной, а многие из производных диа-

тез — пассивными. Отличие любой пассивной диатезы от активной состоит в том, что участник, занимающий позицию подлежащего в активной диатезе (обычно это субъект), не занимает этой позиции в пассивной диатезе, в которой он либо выступает в позиции косвенного дополнения (см. 1б, 1в), либо вообще синтаксически не обозначается (см. 1г, 3б). На позицию подлежащего в пассивной диатезе переходит какой-либо другой участник (обычно это объект) (см. 1б, 1г), или же эта позиция остается незанятой (см. 3б).

Замена исходной диатезы какой-либо производной может сопровождаться морфологическим переоформлением глагола. Так, предложение (1б) отличается от (1а) не только диатезой, но и тем, что в нем глагольная словоформа имеет постфикс *-ся*, которого нет у глагольной словоформы в предложении (1а). Аналогичным образом отличаются и предложения (3а) и (3б). Если в предложении (3а) употреблена личная форма глагола, то в предложении (3б) — краткое причастие.

Итак, если замена исходной диатезы какой-нибудь производной регулярно сопровождается морфологическим переоформлением глагола, то, следовательно, у глагола есть категория залога. Поскольку в русском языке переход от активной диатезы, представленной в предложениях (1а) и (3а), к пассивной — в предложениях (1б) и (3б) сопровождается заменой глагольных форм, то мы вправе сделать вывод, что русскому глаголу свойственна категория залога, которая представлена, по меньшей мере, двумя рядами форм: активных типа *открывает* и *украл* и пассивных типа *открывается* и *украдено*.

Залоговые преобразования в различных языках имеют свои особенности. Например, в русском языке, как и во многих других, в пассивном предложении позицию подлежащего может занимать только тот участник, который в соотносительном активном предложении занимал позицию прямого дополнения (см. 1а и 1б). В то же время в английском языке у некоторых глаголов позицию подлежащего в пассивном предложении может занимать и тот участник, который в соотносительном активном предложении занимал позицию косвенного дополнения: *Mary gave the book to John* (5а) — «Мэри (Суб = П) дала книгу (Об = Дпр) Джону (Адресат = Дк)» → *John was given the book by Mary* (5б) — «Джон (Адресат = П) — тот самый, кому книгу (об = Дпр) дала Мэри (Суб = Д)».

Если теперь сравнить понятия диатезы и залога, то можно прийти к следующему заключению. Понятие диатезы является семантико-синтаксическим и универсальным — любой глагол в любом языке имеет, по меньшей мере, одну диатезу, а понятие залога является морфологическим и неуниверсальным — не любой глагол и не в любом языке имеет хотя бы две словоформы, которые соотносятся с разными диатезами. По-видимому, типы соотношений между диатезами и словоформами одного глагола находятся между двумя полюсами: (а) каждая диатеза обозначается специальной глагольной формой — число залогов равно числу диатез, (б) все диатезы обозначаются одной и той же глагольной формой, и, следовательно, залога нет.

Понятие залога, широко распространенное в языкознании, очень старое понятие, которое впервые появилось в грамматиках древнегреческого и латинского языков. Напротив, диатеза — новое понятие. Учение о диатезах и залогах начало разрабатываться в начале 70-х гг. нашего столетия группой ленинградских ученых под руководством одного из крупнейших советских лингвистов — профессора А. А. Холодовича.

ЗВУКОВОЙ СИМВОЛИЗМ

Это связь между звуками и образными представлениями или ощущениями, которые они вызывают у говорящих.

Давно уже было замечено, что некоторые слова своими звуками как бы изображают то, что называют.

Случайна или закономерна связь между звукосочетанием, составляющим слово, и понятием, которое оно обозначает? Споры об этом ведутся со времен античности до наших

дней. По мере того как изучению языка стали помогать смежные науки (физика, физиология, психология, социология), появились и новые ответы на этот вопрос.

Наш ротовой резонатор, подобно музыкальному инструменту, неоднороден по своему тональному настрою: передняя его часть настроена на низкие тоны, задняя — на высокие. Когда язык во время образования звука приближен к зубам, задняя часть ротовой полости остается свободной и в ней рождаются высокие звуки. Из гласных это [и, э], а из согласных — все зубные: [с, з, т, д, ц, л, н] — также передне- и средненёбные: [ч, ж, ш, р]. Когда, наоборот, свободна передняя часть резонатора, а язык во время артикуляции звука оттянут назад, происходит образование низких звуков. Это гласные: [а, о, у] и согласные — заднеёбные: [г, к, х] и губные: [б, п, в, ф]. При образовании их язык занимает заднее положение. Таким образом, все звуки можно разделить на высокие и низкие. Исследования в области звукового символизма показали, что высокие звуки у большинства говорящих вызывают ощущение светлого, а низкие — темного. Например, такие слова, как *свет, жизнь, день, снег, солнце, весна, сень, лес, сирень, сердце, счастье, дети, истина* и другие, состоят преимущественно из высоких, а слова *омут, боль, шум, мука, кровь, глух, груб, обман, мрак, оковы* — из низких звуков. Лексическое их значение как бы поддержано, подчеркнуто их звучанием.

Этим свойством звука — вызывать у большинства людей одинаковые ощущения и образные представления, издавна интуитивно пользуются поэты. В обычной, нейтральной русской речи низкие и высокие, мягкие и твердые звуки встречаются примерно с одинаковой частотой; в поэтических текстах это равновесие нередко сознательно нарушается. Перевес низких над высокими может вызвать ощущение темноты и тяжести, и, наоборот, скопление высоких при малом количестве низких — ощущение света и радости.

Боже мой! вчера — ненастье,
А сегодня — что за день!
Солнце, птицы! блеск и счастье!
Луг росист, цветет сирень...

(А. Н. Майков)

В этом четверостишии много высоких звуков, они преобладают.

Но поэты в большинстве своем не создают новые слова, а пользуются готовыми, уже созданными народом словами-самоцветами, передающими разные оттенки чувств. Вот почему В. Маяковский написал о С. Есенине:

У народа, у языкотворца,
Умер звонкий забулдыга-подмастерье.

Как бы ни был велик поэт, он только подмастерье у мастера, создавшего язык. И не только в отдельных словах, но и в целых устойчивых словосочетаниях можно подметить эту тысячелетнюю работу мастера-языкотворца. Так, преимущественно из высоких, диезных и неогубленных состоит фразеологическое выражение *Ни свет, ни заря*, а из низких, несмягченных и бемольных — *комок в горле, опустить голову, как обухом по голове*. В пословице *День меркнет ночью, а человек печалью* от первого слова к последнему меняется соотношение высоких — низких в пользу низких (в первом слове 3:0, во втором 5:2, в третьем 3:2, в четвертом и пятом 4:3), и над всем выражением словно прокатывается волна печали.

Связи звука и цвета не всегда индивидуальны; они часто закономерны. Так, установлено, что хроматическая цветовая гамма связана с гласными звуками, они — цветные. Согласные располагаются по черно-белой оси: от светлых зубных, таких, как [с, з, ц], к темным губным: [п, б, м].

Очень вероятно, что оценки звуков языка, их образное восприятие, различны у представителей разных языковых групп.

Хотя вопросы, связанные со звуковым символизмом, имеют давнюю историю, эта область лингвистики остается по-прежнему малоизученной.

И

ИДЕОГРАФИЯ

Идеография — принцип письма, при котором единицей графического обозначения является слово (или морфема). Идеография представляет собой исторически первый этап развития письма. Древнейшими идеографическими письменностями являются древнеегипетская, шумерская и китайская. Древнеегипетская и шумерская письменности в настоящее время не используются в качестве средства письма. Китайское же письмо используется и как современное средство письма. Оно называется иероглифическим, а отдельный знак — иероглифом.

Знаки алфавитного письма служат для передачи на письме отдельных звуков или слогов языка, т. е. единиц выражения, знаки идеографического (иероглифического) письма — для передачи слов или морфем, т. е. единиц содержания.

Для того чтобы идеографическая письменность сделалась эффективным средством передачи языка, каждой его морфеме должен соответствовать индивидуальный письменный знак. Однако в действительности этому требованию не удовлетворяет ни одна из известных идеографических письменностей мира. Проблема индивидуального знака для каждой морфемы языка легко решалась при обозначении предметов с более или менее определенными внешними формами — *гора, солнце, луна, человек* и т. п. Для обозначения этих предметов создавались рисуночные знаки — пиктограммы, сравнительно достоверно воспроизводящие их внешний контур. Трудности начинались при обозначении различного рода абстрактных понятий, действий, качеств.

Письменный знак для слова мог быть образован путем описания его значения с помощью элементарных графических единиц. Примером могут служить знаки китайской письменности: *хао* —«любить», состоящий из элементарных знаков «женщина» и «ребенок», и *бао* —«охранять», состоящий из элементарных знаков «мужчина» и «ребенок». Одним из частных случаев описания значения является редупликация (повторение) элементарного графического элемента: *линь* —«лес», состоящий из двух элементарных знаков, *му* —«дерево». В шумерской письменности знак «есть» состоит из элементарных графических элементов «рот» и «хлеб», а знак «пить» — из элементарных знаков «рот» и «вода».

Древнеегипетское иероглифическое письмо.

Идеограмма может быть образована также путем указания на произношение соответствующего слова. Простейшим случаем является прямое использование одного знака для обозначения нескольких слов-омонимов. Например, идеограмма для древнеегипетского слова *wr* — «ласточка» (древние египтяне не обозначали гласных на письме) употребляется также и для обозначения прилагательного *wr* —«большой», знак китайской письменности *лай* —«пшеница» — используется для обозначения глагола *лай* — «приходить», шумерское *ib* —«бедро» используется также для обозначения *ib* — «гнев».

Широкое использование одного и того же знака для передачи одного или нескольких слов-омонимов привело к разным последствиям в Древнем Египте и в Китае. Существенную роль в этом сыграли типологические различия между древнеегипетским и древнекитайским языками. В древнеегипетском, где преобладали многосложные слова, основным направлением развития фонограмм было создание знаков-ребусов. Сущность этого метода состоит в том, что письменные знаки для коротких слов можно использовать для обозначения частей более длинных: знак для слова *msdr* — «ухо» представлялся как сложный знак, состоящий из двух элементарных знаков: *ms* —«хвост» и *dr* — «корзина». Постепенная специализация

Иероглифы					Печатный знак	Иератический			Демотический
2900 2800	2700 2600	2000 1800	1500	500 1000	1500	1900	1300	200	400 100
до новой эры									

Древнекитайское иероглифическое письмо.

знаков для передачи определенных звукосочетаний в конце концов привела к образованию нестандартизованного алфавита, состоящего из 24 знаков для отдельных согласных и 21 знака для сочетаний согласных. В тех случаях, когда нужно было на письме различать омонимы, использовались так называемые детерминативы. Для различения одинаково звучащих и графически тождественных знаков *jb* — «козленок» и *jb* — «испытывать жажду» к первому приписывалось изображение козленка, ко второму — человека с рукой у рта.

В древнекитайском, где преобладали односложные слова, для различения омонимов также стали использовать детерминативы, которые по традиции называются ключами. Так, например, в древнекитайском языке слово *гу* — «древний» было омонимом слов *гу* — «оценивать», *гу* — «тетка», *гу* — «вол». Для различения знаков для трех последних слов к знаку *гу* («древний») были соответственно присоединены ключевые знаки «человек», «женщина», «корова». Однако фонетические знаки китайской иероглифической письменности создавались в разных частях многодиалектного Китая, из-за чего иероглифы с одинаковым фонетическим знаком совершенно не обязательно имели одинаковое чтение. Чтение фонетических знаков не было устойчивым и не могло привести к образованию слогового алфавита. Знак, передающий на письме слово, может быть по-разному произнесен на любом диалекте китайского языка и даже вообще на любом языке, но смысл текста будет понят правильно.

В условиях Древнего Китая, когда каждое царство говорило на своем собственном диалекте, а некоторые даже на особых языках, отличавшихся от китайского, иероглифическая письменность оказалась очень удобным средством междиалектного и даже межъязыкового общения. Для обозначения на письме односложной морфемы китайского языка громоздкие знаки-ребусы не были нужны. Все эти обстоятельства способствовали тому, что китайская письменность является единственным в мире последовательным идеографическим письмом, эффективно действующим и в настоящее время.

Универсальные свойства китайской иероглифической письменности позволили легко приспособить ее для письма на японском, корейском и вьетнамском языках. Для того чтобы превратить китайскую письменность в эффективное средство письма на этих языках, потребовалось создать вспомогательные алфавиты в японском и корейском языках. В результате этого в этих странах утвердилось смешанное письмо, где корни слов записывались иероглифами, а аффиксы — алфавитом. Для передачи на письме вьетнамского языка пришлось создать много новых иероглифов из элементов китайской иероглифической письменности.

Под влиянием китайского иероглифического письма в начале XI в. было создано тангутское иероглифическое письмо (см. *Тангутское письмо. Его дешифровка*).

ИЗМЕНЕНИЕ НОРМ

Норма — регулятор правильности литературного языка и его устойчивости. Но значит ли это, что норма постоянна, неизменна, незыблема? Нет. Всякий язык развивается (хотя и очень медленно), и вместе с ним изменяется его норма.

В разные эпохи языковая норма не одинакова. В пушкинские времена говорили *до́мы, ко́рпусы,* теперь — *дома́, корпуса́...* В рассказе Ф. М. Достоевского «Хозяйка» читаем: «Тут *щекотливый* Ярослав Ильич... вопросительным взглядом устремился на Мурина». Надо ли понимать это так, что герой Достоевского боялся щекотки? Нет, конечно! Определение *щекотливый* употреблено здесь в смысле, близком к значению слов *деликатный, щепетильный*, и применено к человеку, т. е. так, как ни один из современных писателей его не употребит (обычно: *щекотливый вопрос, щекотливое дело*).

А. Н. Толстой, почти наш современник, в одном из своих рассказов описывает действия героя, который «стал следить полет коршунов над лесом». Мы бы сказали: *стал следить за полетом коршунов.*

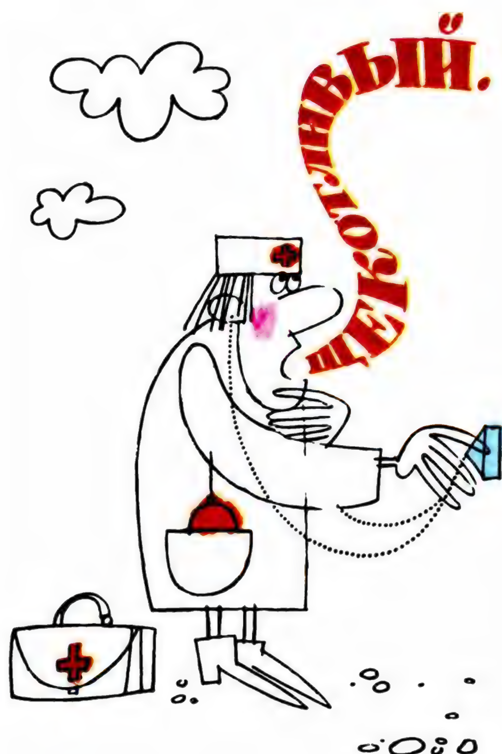
Такая перемена норм — явление естественное. Трудно представить себе общество, в котором менялись бы социальный уклад, обычаи, отношения между людьми, развивались наука и культура, а язык на протяжении веков оставался бы неизменным.

Источники обновления литературной нормы многообразны. Прежде всего, это живая, звучащая речь. Она подвижна, текуча, в ней совсем не редкость то, что не одобряется официальной нормой: необычное ударение, свежее словцо, которого нет в словарях, синтаксический оборот, не предусмотренный грамматикой. При неоднократном повторении многими людьми новшества постепенно входят в литературный обиход и составляют конкуренцию фактам, освященным традицией.

Так возникают варианты: рядом с *вы пра́вы* появляется *вы правы́*, с формами *го́ды, тра́кторы, це́хи* соседствуют *года́, трактора́, цеха́*, традиционное *обусловливать* начинает вытесняться новым *обуславливать*. Конструкции вроде *соревнования по бегу, специалист по сельскому хозяйству*, несколько десятилетий назад казавшиеся невозможными (надо было говорить и писать только *соревнования в беге, специалист сельского хозяйства*), в наши дни уже никого не удивляют.

Источником обновления нормы могут служить местные говоры, просторечие, профессиональные жаргоны, даже другие языки.

Так, в послереволюционную эпоху литературный словарь пополнился словами *глухомань, затемно, морока, муторно, новосел, обеднять, отгул* и другими, которые пришли из диалектов и теперь сделались вполне нормативными (некоторые из них при этом имеют яркую разговорную окраску). Из просторечия пришли такие выразительные слова, как *показуха, заправи́ла, разбазаривать*. Широкое распространение форм типа *слесаря́, бункера́, стапеля́* (многие из них стали вполне нормативными) объясняется в значительной мере влиянием на литературный язык профессиональной технической речи.



Сосуществование разных — традиционного и нового — способов речи редко бывает мирным. Чаще один постепенно вытесняется другим. Так, например, произношение *горькый, смеялса, шыги, жыра*, соответствующее старомосковской норме, сейчас сильно потеснено новым — *горький, смеялся, шаги, жара*. Некогда единственно нормативные глагольные формы *гаснул, виснул* заменяются более краткими *гас, вис*.

Борьба вариативных средств может приводить и к размежеванию вариантов — по смыслу, по сочетаемости их с другими словами или по стилистической окраске. Так, мы говорим *школьные учителя*, но *великие учители человечества Маркс и Энгельс*; *рупоры* радио и *рупора* радио, но только *рупоры* идей; формы *в цехе, в отпуске* более книжны по стилистической окраске, чем *в цеху, в отпуску*, которые свойственны разговорной речи.

Различая близкое, литературная норма оттачивает средства языка, делает их пригодными для выражения тонких смысловых и стилистических оттенков. Нормы меняются медленно, и это понятно: ведь они — фильтр, предназначенный для того, чтобы из языкового потока в общее употребление попадало лишь все действительно яркое и выразительное. Только так

можно сохранить единство литературного языка и его общепонятность. После Великой Октябрьской социалистической революции в общий оборот хлынул поток диалектной речи, просторечия, социальных и профессиональных жаргонов. Кое-кто из представителей старой культуры считал, что началась непоправимая порча и искажение русского языка. Но языковая традиция оказалась сильной и устойчивой. Хотя русский литературный язык послереволюционной эпохи воспринял многие новшества, рожденные Октябрем, в основе своей норма осталась прежней.

ИЗОЛИРУЮЩИЕ ЯЗЫКИ

Европейцы, познакомившиеся с китайским языком, были поражены тем, что слова китайского языка не имеют ни префиксов, ни суффиксов. Односложные слова китайского языка представлялись им как обнаженные корни, не поддающиеся морфологическому анализу. Поэтому в первой морфологической классификации языков братьев Шлегелей китайский язык и сходные с ним по грамматической структуре языки Восточной Азии были названы аморфными.

В. Гумбольдт указал, что аморфность слова никак не связана с отсутствием грамматики в таких языках. Поэтому языки, подобные китайскому, он назвал изолирующими: каждый корень изолирован от другого, а грамматические связи между ними в таких языках выражаются с помощью порядка слов и интонации.

Грамматические отношения между словами китайского языка образуются с помощью порядка слов и служебных слов. Основные правила порядка слов сводятся к следующему: определение всегда стоит перед определяемым, подлежащее — перед сказуемым, прямое дополнение — после глагола. Например: *гао* — «высокий», *шань* —«гора». В зависимости от их последовательности эти два слова могут группироваться в две различные грамматические единицы: *гао шань* —«высокие горы» и *шань гао* —«горы высоки».

Отсутствие внешних признаков принадлежности к грамматической категории способствует развитию грамматической конверсии слов одной грамматической категории в другую под влиянием грамматического окружения.

Порядок слов в предложении, служебные слова составляют главные опоры при грамматическом анализе предложения изолирующего языка. В некоторых изолирующих языках, например в тайском, порядок слов в предложении может быть изменен с помощью грамматических или просодических средств. Так, в китайском языке прямое дополнение стоит обычно после переходного глагола, однако с помощью предлога *ба* или при паузе оно может быть поставлено перед глаголом. Однако во вьетнамском и китайском языках такое изменение порядка слов невозможно. Грамматика изолирующих языков дает возможность для выражения любого содержания, а сами изолирующие языки способны служить эффективным средством общения.

Следует иметь в виду, что в действительности не существует языков, грамматическая структура которых полностью соответствовала бы определению «изолирующие языки» в существующих морфологических классификациях.

В китайском языке имеются сложные слова, построенные по определенным словообразовательным моделям, а также слова, состоящие из знаменательных морфем в сочетании со словообразующими и формообразующими суффиксами. Однако сочетание знаменательных морфем с суффиксами и префиксами не образует того устойчивого единства, которое отличает сочетание основы и аффикса в индоевропейских языках. Для передачи одного и того же значения слово может выступать в одних случаях со словообразовательным или

формообразовательным суффиксом, в других — без них. Так, например, определительные отношения в современном китайском языке образуются с помощью суффикса - *ды*. Однако наличие этого суффикса в составе определительного словосочетания зависит от его количественной характеристики, т. е. от числа слогов, составляющих его. Можно говорить, что имеются языки, которые в большей или меньшей степени соответствуют этому определению. К ним в первую очередь относятся вьетнамский и древнекитайский. С. Е. Яхонтов показал, что ближе всего к этому определению стоит язык китайской классической поэзии VII—X вв.

ИЗОМОРФИЗМ

Лингвисты привыкли фонетику изучать — отдельно, грамматику — отдельно, лексику — отдельно, как будто это разные обособленные области. Но все они составляют единое целое — язык. Нет ли таких закономерностей, которые объединяют все стороны языка, создают его целостность? Во всей остроте этот вопрос встал перед лингвистами XX в. Стали искать сходство, изоморфизм, подобие между разными сторонами языка.

Выдающийся польский языковед Е. Курилович обнаружил, что много общего в строении слога (фонетической единицы) и предложения (грамматической единицы).

1. Есть единица, которая составляет минимум, необходимый для предложения: глагол (*Иду! Светает... Спишь?*).

И есть единица, которая составляет минимум, необходимый для слога: гласный звук.

2. Глаголу-сказуемому могут сопутствовать другие члены предложения, необязательные его компоненты: подлежащее, дополнение и т. д. (как видим, здесь, как и во многих других современных грамматических теориях, подлежащее исключено из числа главных членов предложения; см. *Математика и язык*).

Слоговому гласному могут сопутствовать другие звуки — согласные и неслоговые гласные, необязательные компоненты слога.

3. Иногда возможное предложение осуществляется без глагола (*Да!* или *Эх...*), но это для языка периферийные, не основные типы предложения.

Иногда возможен слог без гласного (*«Гм-гм,* читатель благородный...»). Но это — периферийные, не основные типы слога.

4. Есть языки, в которых предложение должно оканчиваться его главной частью — глаголом.

Есть языки, в которых все слоги — открытые, т. е. оканчиваются гласным, главной частью слога. К таким языкам принадлежал древнерусский (до падения редуцированных гласных в XII в.).

Наоборот, неизвестны языки, в которых предложение непременно начинается глаголом.

И нет языков, где все слоги — неприкрытые, т. е. начинаются с гласного...

Предложение и слог оказались изоморфны.

Казалось бы, что может быть более несходного, чем звук и значение определенного падежа? Но Р. О. Якобсон показал, что некоторые научные приемы, которые позволяют в звуке выделить его основные признаки, могут быть использованы для определения основных «составляющих» падежного значения. Значение падежа (например, дательного) представляется нам целостным, неразложимым («служит для обозначения адресата действия»), но по аналогии со звуком его удалось «расщепить» на составляющие, «атомарные» компоненты. Звук и падежное значение оказались изоморфны.

Изоморфизм — математический термин (от греч. *isos* — «равный, подобный» и *morphē* — «форма»). Лингвисты употребляют его метафорически: для обозначения подобия, неслучайного сходства в строении качественно раз-

личных единиц языка. Поиски изоморфизма не означают пренебрежения качественными различиями между единицами языка. Наоборот, установление изоморфных отношений имеет смысл только в том случае, если сопоставляемые единицы явно и определенно качественно контрастны.

Большинство исследований в области лингвистического изоморфизма вызывает споры и дискуссии. В этой молодой области лингвистического исследования бесспорные, общепризнанные достижения принадлежат будущему.

ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ ФОНЕТИКА

Инструментальная фонетика изучает произносительную сторону языка с помощью приборов.

К концу XIX в. языковеды научились очень тонко на слух определять и классифицировать звуки. Следующий шаг должен был состоять в том, чтобы еще более утончить звуковой анализ с помощью приборов. Русский языковед И. А. Бодуэн де Куртенэ писал в 1881 г.: «Весьма важную услугу могут оказать фонетике физические снаряды».

Ученик Бодуэна де Куртенэ — выдающийся языковед В. А. Богородицкий был первым, кто создал в России экспериментально-фонетическую лабораторию (при Казанском университете, в 1884 г.; одновременно — в 1886 г. в Париже начала работать лаборатория аббата Руссло; эти две лаборатории были первыми в мире). В. А. Богородицкий широко поставил инструментальное изучение русской фонетики, воспитал много фонетистов-эксперименталистов.

Современная инструментальная фонетика оперирует десятками точных приборов, она добилась такой детальности в анализе звука о которой раньше лингвисты не могли и мечтать.

Расскажем о методе палятограмм. Язык в ротовой полости при произношении звуков прикасается к нёбу. Изучая области касания, их последовательную смену, мы можем многое узнать об изменении формы языка в момент произношения и вследствие этого о самом звуке. Из тончайшей пластмассы изготовляется искусственное нёбо — как раз по размеру и форме нёба информанта (т. е. того человека, чье произношение исследуется). На поверхности искусственного нёба помещают миниатюрные электроды; просверливают гнезда для них и канавки для проводников. На электроды, расположенные в левой половине пластинки, подается напряжение в те мгновения, когда язык, хороший проводник, прикасаясь к тем или иным электродам, замыкает цепь. На электродах, расположенных в правой половине, возникает сигнал. И аппарат отмечает, что в данный момент ток идет от таких-то электродов, значит, такая-то часть языка, точно определенная, соприкасается с нёбом. Изменение области соприкосновения может фиксироваться каждую сотую долю секунды. Изменения положения языка регистрируются непрерывно и с высокой степенью точности.

Сейчас широко используется рентгенография движения языка во время артикуляции. Язык прозрачен для рентгеновских лучей, поэтому его покрывают тонким слоем окиси бария — он оставляет следы на снимке. Иногда совмещают рентген с киносъемкой, получают киноснимок движения языка в момент артикуляции.

Приемы анализа звуковой стороны речи с помощью аппаратов сейчас исключительно разнообразны.

В нашей стране кроме В. А. Богородицкого особенно большие заслуги в области инструментальной (экспериментальной) фонетики имеют А. И. Томсон, создатель лаборатории при Одесском университете, Л. В. Щерба, М. И. Матусевич. Для изучения русских говоров и литературного языка очень много сделал С. С. Высотский и его ученики.

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ

Интерференция — ошибки в иностранном языке, причиной которых является родной язык. Например, типичная ошибка немца, говорящего по-русски: «Я видел никого». Почему? Да потому, что по-немецки здесь нужно только одно отрицание: *Ich habe niemanden gesehen*. Вот немец и «забывает» поставить второе отрицательное слово — *не*.

Вьетнамец, говорящий по- русски, иногда го-

ворит: «Я считаю его есть друг». Откуда эта ошибка? Предложение *Я считаю его другом* именно так и выглядит по-вьетнамски: «Я — считать — он — есть — друг».

Когда вы, строя английскую фразу, вместо *Do you read this book*? («Вы читаете эту книгу?») говорите *Read you this book?* — это интерференция вашего родного русского языка.

Интерференция может быть и в лексике, т. е. при употреблении слов, и в морфологии, и в синтаксисе: например, тот, кто изучает немецкий язык, «забывает», что в этом языке глагол часто стоит в конце предложения. Когда интерференция проявляется в фонетике, ее обычно называют акцентом и говорят о немецком, французском, английском акцентах в русском языке или о русском акценте в речи на этих языках.

ИНТОНАЦИЯ

Любое высказывание произносится с какой-либо интонацией. Различия в интонации зависят от изменений четырех акустических компонентов: основного тона голоса (чем чаще колебания голосовых связок, тем выше основной тон — в дальнейшем изложении просто: тон); интенсивности звучания (чем больше напряженность и амплитуда колебаний голосовых связок, тем больше интенсивность); длительности звучания (чем больше звуков произносится в единицу времени, тем меньше их длительность, тем быстрее темп речи); степени отчетливости тембра, т. е. качества звуков (чем напряженнее артикуляция, тем отчетливее тембр и его изменения, зависящие от эмоционального состояния говорящего, например в момент гнева, радости, недоумения, удивления).

Изменение этих первичных компонентов интонации улавливают на слух и более точно вычисляют на специальной аппаратуре: осциллографах, интонографах, сонографах. Количественные измерения интонации дают линию бесконечных различий: выше—ниже, быстрее—медленнее, плавно—резко и т. д. Прислушаемся к звучащей речи. Нам встретятся предложения, которые могут иметь одинаковое синтаксическое строение и лексический состав, но разные значения, выражаемые интонацией. Например: *Он здесь.— Он здесь?; Какой сегодня день?— Какой сегодня день!* Такие оппозиции (противопоставления) предложений служат основанием для выделения того или иного типа интонации, количества их, подобно тому как оппозиции слов *дом — дам*, *дам — там* являются доказательством существования фонем ⟨о — а⟩, ⟨д — т⟩ (см. *Фонема*).

При сравнении таких предложений ярко проявляются действия интонационных средств.

Первым таким средством являются типы интонации — интонационные конструкции (ИК). В русском языке можно выделить семь основных типов ИК. При их различении важно обратить внимание на интонационный центр (ударный слог главного по смыслу слова) и сравнить уровень тона и другие характеристики центра с предцентровой и постцентровой частью фразы, например:

ИК-1: гласный центра выделен нисходящим тоном:

Он вернулся. И Па́вел вернулся. Что передаст ра́дио?

ИК-2: гласный центра выделен нисходящим тоном и усилением словесного ударения:

КогдА это было? КАк он плавает? Что передаст рАдио?

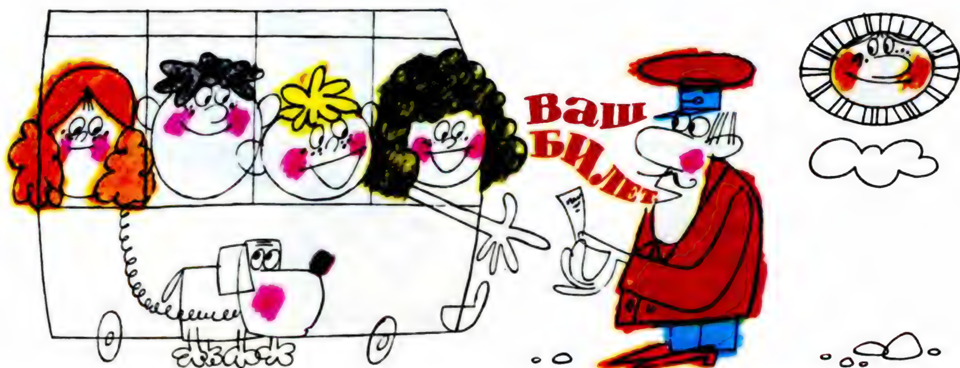
ИК-3: гласный центра выделен высоким восходящим тоном:

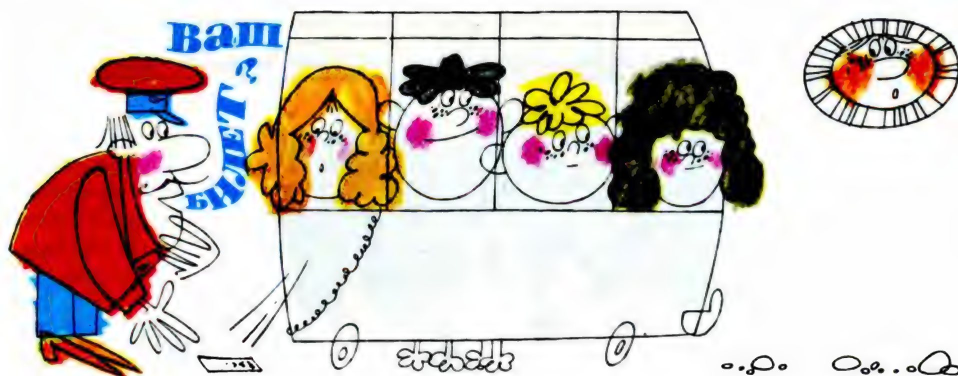
Он верну́лся? И Па́вел вернулся? Как он пла́вает? (Повтор.)

ИК-4: на гласном центра понижение тона, на постцентровой части повышение:

А де́вушек? А сколько там де́вушек? (Сопоставительный вопрос.)

Вместо схем можно использовать интонационную транскрипцию, в которой цифра обозначает тип ИК и место центра ИК:





          1   3   3
Он вернулся.— Он вернулся? Ваш билет? —
4
Ваш билет? (Покажите.)

Вторым интонационным средством является изменение центра одного и того же типа ИК:

    1
И тогда она отказалась ехать. (Т. е. не только сейчас.)

                          1
И тогда она отказалась ехать. (Т. е. в результате.)

            3
Разве мне переплыть? Все боятся.— Разве
        3
мне переплыть? Я не смогу.

Различное членение предложения на ИК является третьим интонационным средством (обозначается косой чертой):

3   3
В августе он уходит в отпуск? — В августе /
           1
он уходит в отпуск.

               1   2
Судья подумал: / футболист неправ! —
3   2
Судья, подумал футболист, / неправ!

Один и тот же тип ИК в разных предложениях используется для выражения разных значений и воспринимается слушающими неодинаково. Так, для ИК-3 может быть вопрос, незавершенность, просьба, высокая степень признака; например:

      3   3
Хороший фильм? Если хороший фильм, /
    1   3
я пойду. Сотрите с доски!

   3   3
Ну, насмешил! Такой вечер теплый!

Можно проделать простой опыт, показывающий разное употребление и восприятие одного и того же типа ИК. Надо произнести и записать на пленку два предложения:

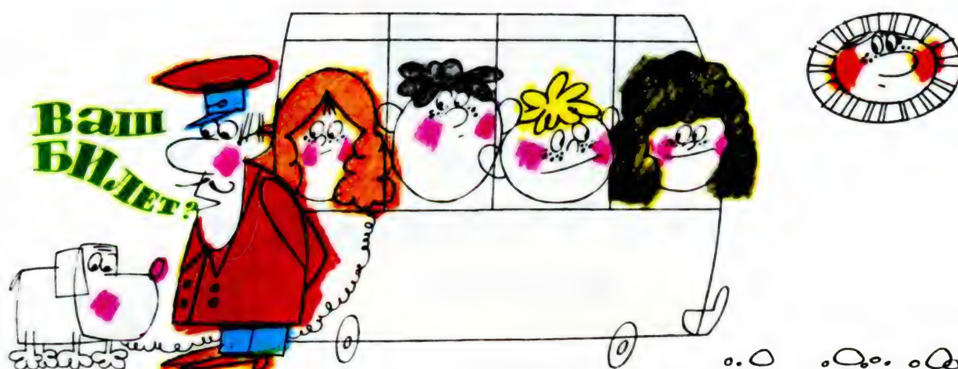
                       3   1
Товарищ Николаев — директор этого заво-
                                3
да? и: Товарищ Николаев, директор этого заво-
      1
да, в отпуске.

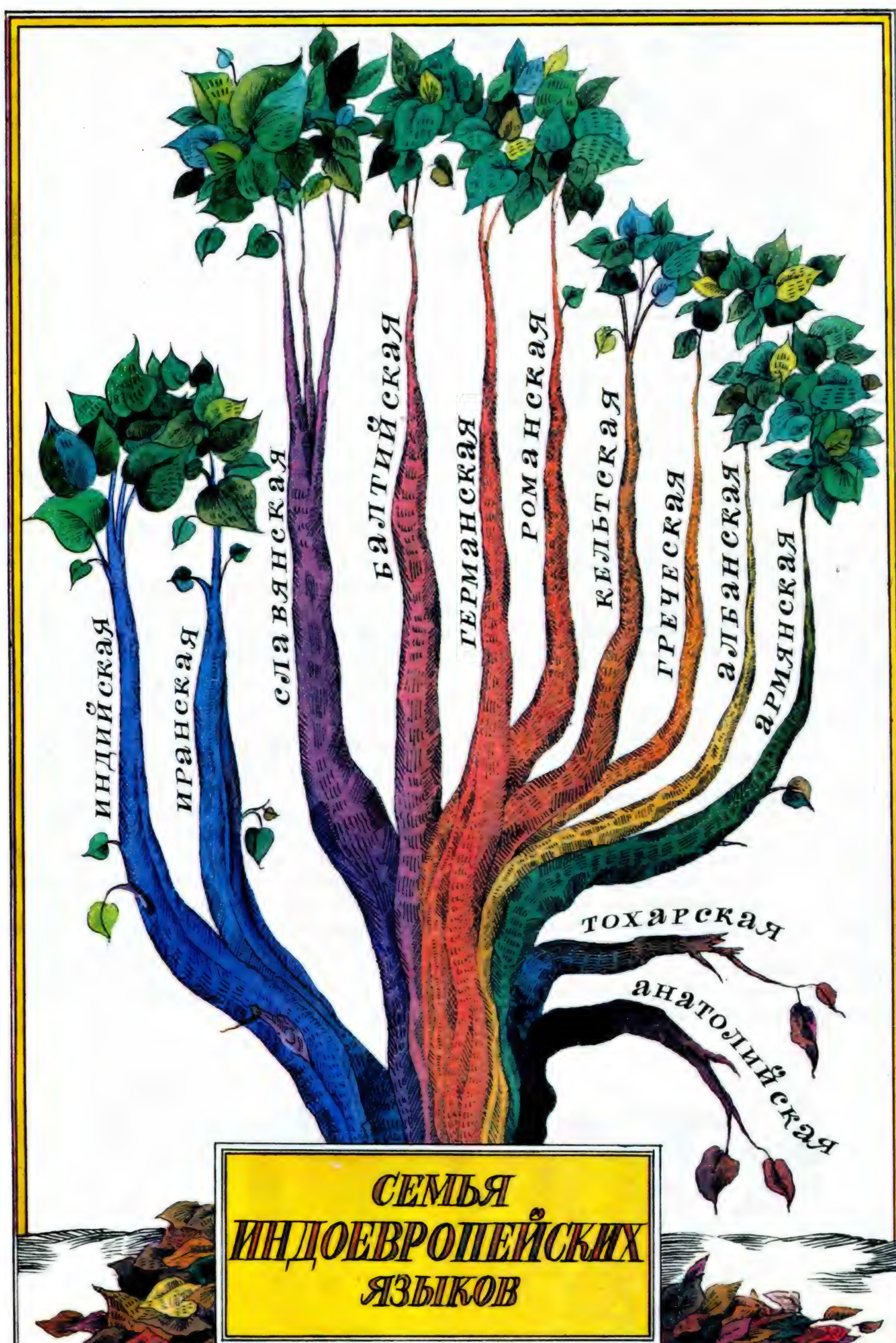
Затем отрезать «в отпуске» и подклеить к вопросительному предложению. При прослушивании окажется, что первоначальный вопрос звучит как повествовательное предложение с обособленным приложением, а второе предложение звучит как вопрос.

Основные типы ИК используются для выражения не только смысловых, но и эмоционально-стилистических оттенков; сравним:

         2   4
Почему ты опоздала? — Почему ты опоздала! (Назидание, недовольство.)

Прислушаемся к последним известиям по радио. В неконечных частях предложения будут звучать ИК-3, ИК-4 — средства выражения незавершенности речевой ситуации. Возможен выбор. Наиболее официальные части сообщения диктор прочитает с ИК-4, прогноз погоды прочитает с чередованием ИК-3 и ИК-4 и т. д.




индийская
иранская
славянская
балтийская
германская
романская
кельтская
греческая
албанская
армянская
тохарская
анатолийская
СЕМЬЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Устанавливаются разнообразные связи формы и содержания в звучащей речи, нарушение этих связей воспринимается как неестественность и в сценической речи используется как прием комического.

Многообразные возможности интонации регулируются общей закономерностью. Если лексико-синтаксические сре́дства выражают лишь часть возможных значений, то усиливается смыслоразличительная роль интонации — в этом случае замены одного типа ИК на другой ограниченны; например: *Глубоко здесь*[1]. *Глубоко́*[3] *здесь?* Напротив, если лексико-синтаксические средства полностью выражают значение предложения, то интонация передает эмоционально-стилистические различия, возможна замена одного типа ИК на другой. Так, в предложении ***Ух и глубоко же здесь!*** сочетание ***ух, и, же + глубоко*** выражает высокую степень признака («очень»), поэтому допустимо употребление всех типов ИК: каждая из интонаций передает тонкие эмоционально-стилистические различия, но не сможет снять значение «очень».

ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ СЕМЬЯ ЯЗЫКОВ

Индоевропейские языки — одна из наиболее крупных лингвистических семей Евразии. Состав семьи:

1. Хетто-лувийская (анатолийская) группа: хеттский клинописный, лувийский, иероглифический хеттский, ликийский, лидийский и др. — все мертвые.
2. Индийская группа: санскрит — мертвый; живые: хинди, урду, бенгали, пенджаби и др.
3. Иранская группа: авестийский и древнеперсидский — мертвые; живые: персидский, таджикский, курдский и др.
4. Армянский язык.
5. Фригийский язык — мертвый.
6. Греческая группа: древнегреческий и современный греческий.
7. Фракийский язык; известен по нескольким кратким надписям.
8. Албанский язык; возможно, он — продолжение фракийского.
9. Иллирийский язык — мертвый.
10. Венетский язык — мертвый.
11. Италийская группа: латинский, оскский, умбрский и др.— все мертвые. Развившиеся из латинского романские языки: испанский, португальский, французский, провансальский, итальянский, сардинский, ретороманский, румынский, молдавский.
12. Кельтская группа: гэльский, бретонский, валлийский, корнуэльский, ирландский, шотландский.
13. Германская группа: восточногерманский — готский — мертвый; северогерманские — шведский, датский, норвежский, исландский, фарерский; западногерманские: английский, немецкий, нидерландский, фламандский, африкаанс, идиш.
14. Балтийская группа: литовский, латышский, а также вымершие в XII—XIII вв. голядский, в XVII в. прусский и ятвяжский.
15. Славянская группа (см. *Славянские языки*).
16. Тохарская группа: тохарский А и тохарский Б — мертвые.

ИСКУССТВЕННЫЕ ЯЗЫКИ

На современной карте мира можно насчитать несколько тысяч естественных языков. И каждый — гордость своего народа, пусть даже самого немногочисленного, как достояние, воплощение и средство развития его культуры. На той же карте мира уже давно можно обнаружить очаги и значительные области распространения языков искусственных. Это — особые языки, сконструированные по определенному плану для определенных целей, например для общения с машиной при автоматической обработке информации в ЭВМ или для международного общения. Информационными, машинными и т. п. языками занимается специальная отрасль языкознания — прикладная лингвистика. Вспомогательные международные языки, такие, как эсперанто (и некоторые его менее удачливые, но достойные конкуренты — волапюк, идо, интерлингва, новиаль и др.), исследует другая, тоже недавно сложившаяся дисциплина — интерлингвистика.

Эсперанто исключительно легок в изучении, а развивается он уже как своеобразный, почти естественный язык. Его создатель, варшавский врач-окулист (и полиглот!) Людвик Заменгоф (1859—1917), сумел сконструировать язык, в котором всего 16 основных правил грамматики, а падежей только два — именительный и винительный. Исключений из правил нет: например, ударение всегда на предпоследнем слоге. Словарный состав эсперанто в массе своей интернационален: *ideo, teleqrafo, revolucio, mašino*. Есть в нем и слова русского происхождения: *brovo* — «бровь», *clopodi* — «хлопотать» и др. Достаточно простые правила словообразования позволяют создавать прозрачные по структуре и значению слова: *patro* («отец») — *patrino* («мать»), *lerni* («учиться») — *lernejo* («школа, училище»). Вместе с тем эсперанто не закрыт ни для неологизмов, ни для заимствований. На базе разных естественных

языков он развивает свою систему переносных значений, синонимов, фразеологии, терминологии. Все это сделало первоначальный проект Заменгофа, опубликованный в виде небольшой брошюры в 1887 г., уникальным лингвистическим экспериментом, который осуществляют сейчас уже сотни тысяч людей в десятках стран мира. За богатством и единством этого языка наблюдает особая Академия эсперанто.

Свое название эсперанто получил от псевдонима его создателя: эсперанто значит «надеющийся». Полностью ли осуществятся эти надежды? В самом деле человечество уже сумело запустить искусственный лингвистический спутник или эсперанто останется лишь пробой сил, а будет создан более совершенный проект? Вопросы это не простые. Социологи и сами языковеды очень по-разному относятся к эсперанто. Так, выражались сомнения в его способности (или праве) быть орудием художественного творчества. Эсперантисты в ответ на это распевают свои эсперантские песни, издают сборники оригинальной поэзии и прозы, переводят на эсперанто все новые произведения мировой художественной литературы — от басен Эзопа до «Гамлета» и «Ревизора».

Эсперанто медленно и неуклонно накапливает опыт речевой и нормализаторской деятельности, ежегодно звучит на всемирных конгрессах, летних слетах, а повседневно — в многочисленных клубах эсперантистов. В специальном журнале «Paco» («Мир»), во многих других своих изданиях эсперантисты активно участвуют в борьбе за мир во всем мире, разоблачая империалистов и шовинистов любых мастей, самим фактом своего движения показывая, что людям мир и дружба необходимы.

Ĉu vi ekinteresiĝis pri Esperanto? (*ĉ* = ч, *ĝ* = дж) — «Заинтересовались ли вы эсперанто?»

Vivu interlingvistiko!—«Да здравствует интерлингвистика!»

Estu sana kaj bonstata. — «Будьте здоровы и благополучны».

Vi estas tre afabla. — «Вы очень любезны».

Mi dankas vin. — «Благодарю вас».

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

Грамматика, особенно морфология, является наиболее устойчивой стороной языка, но изменяется и она. Каждая грамматическая форма имеет две стороны: грамматическое значение и грамматическое средство, которым оно выражается. Исторические изменения касаются и самих грамматических значений, и их выражения.

Любая грамматическая форма существует не сама по себе, а в ряду других форм, которым она противопоставлена. Этот ряд грамматических форм имеет, таким образом, общее грамматическое значение (оно называется грамматической категорией), которое как раз и проявляется в противопоставлении этих форм. Например, категория времени в русском языке проявляется в противопоставлении настоящего, прошедшего и будущего времени. Благодаря такой связи всякое изменение в составе грамматических форм отражается на других формах той же категории, а иногда может привести к утрате самой категории. Например, французский язык, возникший на базе народной латыни, унаследовал из нее пять падежных форм: именительный и четыре косвенных падежа. Но уже в старофранцузском языке число падежей сократилось до двух (именительный и косвенный). Значение этого косвенного падежа, который заменил собой четыре утраченных, конечно, не равнялось значению ни одного из прежних падежей. Оно стало более широким и абстрактным. Косвенный падеж указывал лишь на зависимость существительного от других слов, в отличие от независимого именительного падежа. Другие, более конкретные значения (например, значение принадлежности, которое прежде выражалось генитивом, адресата действия, выражавшееся ранее дативом) стали передаваться предлогами. На протяжении XIV—XV вв. утратилось различие между этими двумя падежными формами, а тем самым утратилась и категория падежа вообще. В современном французском языке падежей нет.

Но грамматические категории не только упрощаются и исчезают. Существуют и противоположные изменения. Возникают новые грамматические категории. Так, например, в современном русском языке есть грамматическая категория одушевленности — неодушевленности, которой не было в древнерусском языке. Категория одушевленности — неодушевленности проявляется в том, что у одушевленных существительных винительный падеж совпадает с родительным, а у неодушевленных — с именительным (*Я вижу брата*, но *Я вижу стол*). В древнерусском языке названия живых существ и неживых предметов первоначально склонялись одинаково, следовательно, одушевленности и неодушевленности как грамматической категории не было. Она сложилась в XV—XVII вв.

Некоторые изменения касаются только средств выражения грамматических значений, не затрагивая самих значений. Эти изменения разнообразны по характеру и масштабам. Здесь возможны и отдельные изолированные изменения. Например, местоимения *я* и *ты* прежде имели в родительном и винительном падежах окончание *-е* (*мене, тебе*). Впослед-

ствии его заменило окончание -я (*меня, тебя*) под влиянием кратких местоимений (*мя, тя*), которые затем исчезли из языка. Формы *мене, тебе* сохранились только в говорах. Но такие изолированные изменения редки. Не только сами грамматические значения, но и средства их выражения образуют систему (таковы, например, словоизменительные типы: типы склонения и спряжения). Поэтому изменения окончаний одних форм часто влекут за собой изменения всей системы словоизменительных типов.

Сейчас слова *плод* и *мед* принадлежат к одному склонению. В древнерусском языке эти существительные принадлежали к разным склонениям. В родительном падеже было *плода*, но *меду*, в дательном — *плоду*, но *медови*. Но некоторые формы у них совпадали: именительный и винительный падежи — *плодъ, медъ*. Под влиянием одних падежных форм объединились и другие, два склонения слились в одно (см. *Аналогия в грамматике*).

Изменения могут затрагивать и сам способ выражения грамматических значений. Например, формы числа существительных во французском языке когда-то различались при помощи окончаний. Затем окончания множественного числа утратились, сохранившись только на письме, а показателями числа существительных стали служебные слова — артикли (сравните: *le talon* — «каблук», *les talons* — «каблуки»; *la maison* — «дом», *les maisons* — «дома»» (конечное *s* не произносится).

Чтобы продемонстрировать различные типы

И

ПЕТР САВВИЧ КУЗНЕЦОВ (1899—1968)

Профессор Московского государственного университета Петр Саввич Кузнецов был одним из самых разносторонних советских лингвистов. Он знал много языков, современных и древних; имел глубокие познания не только в самых разных областях лингвистики, но и в литературе, психологии, философии, математике; увлекался научной фантастикой, писал стихи.

П. С. Кузнецов был прежде всего диалектологом и историком русского языка. Широко известны его вузовские курсы русской диалектологии и исторической морфологии русского языка. Но он много занимался и другими языками. Среди его работ есть статьи по фонологии французского и сербохорватского языков, по грамматике африканских языков ваи и суахили, очерки морфологии праславянского языка, русско-коми-пермяцкий словарь.

Петр Саввич неутомимо и скрупулезно изучал древнерусские рукописи, ездил на Пинегу, в Карелию и в другие районы записывать диалектную речь. Он оперировал в своих работах большим фактическим материалом и был внимателен к каждому конкретному факту. Но при этом он всегда имел в виду язык в целом, его устройство, законы его развития. Насколько разнородны темы его работ, настолько цельным был его подход к явлениям языка. Это и объединяло все его творчество.

На разнообразном материале Петр Саввич решал большие теоретические вопросы, которые выдвигала наука в его время. А это было время, когда складывалась новая область лингвистики — фонология. Ее задача изучать звуки речи с точки зрения той роли, которую они играют в различении слов (или их форм). Вокруг фонологической единицы — фонемы — возникли споры, которые продолжаются до сих пор. П. С. Кузнецов вместе с Р. И. Аванесовым, В. Н. Сидоровым и А. А. Реформатским разрабатывал теорию фонем, исходя из принципа, что нельзя определять фонемы, не обращаясь к морфемам. Как бы ни были различны звуки по своей природе, они принадлежат к одной фонеме, если замещают друг друга в одной морфеме в зависимости от фонетических условий. Например, звуки [о], [а], [ъ] в словах *водный, вода* и *водовоз* замещают друг друга в корне *вод-* в зависимости от положения гласного по отношению к ударению: в[ó]дный, в[а]дá, в[ъ]довóз. Значит, эти звуки принадлежат к одной фонеме. Такой подход хорошо отражает соотношение фонетических и морфологических единиц. Он оказался полезным и для теории письма. Например, он помог лучше понять основной принцип нашего письма (см. *Орфография*).

П. С. Кузнецов разрабатывал общие принципы изучения грамматики. Он настаивал на едином подходе к выделению частей речи в языках разного типа: только прилагая единую мерку, можно уяснить действительные различия языков.

Петр Саввич живо интересовался новыми идеями в языкознании. Когда в 50-х гг. возникло новое направление в языкознании, связанное с математическими методами в изучении языка, Петр Саввич активно его поддержал и содействовал его развитию.

грамматических изменений, мы отдельно рассмотрели изменения в самих грамматических категориях и в средствах их выражения. Но в действительности эти изменения часто совмещаются и переплетаются: изменения в выражении грамматических значений вызывают и изменения грамматических категорий, а изменение грамматических категорий оказывает влияние на перестройку словоизменительных типов.

Так обстояло дело с возникновением в русском языке категории одушевленности — неодушевленности. Что же послужило причиной возникновения новой категории? Причина была в совпадении окончаний именительного и винительного падежей у существительных мужского рода. В индоевропейском праязыке (предке многих европейских языков, в том числе и славянских) эти падежи различались. В результате различных фонетических процессов в праславянском языке и тот и другой падеж у существительных некоторых типов склонения оканчивался на редуцированные гласные ъ и ь (*плодъ, сынъ, гость*), которые потом утратились. Совпадение именительного и винительного падежей создавало то неудобство, что мешало различать субъект действия (того, кто совершает действие) и объект, на который направлено действие. Особенно неудобно было совпадение этих форм в названиях живых существ (и прежде всего людей), потому что они могли быть и субъектом, и объектом действия: *Иван победил Петр* — кто кого победил? Избавляясь от этого неудобства, русский язык пошел по такому пути: вместо прежней формы винительного падежа стала употребляться новая форма, совпадающая с родительным (как у личных местоимений): *Иван победил Петра*. Сначала такая форма употреблялась только у существительных, обозначающих лицо мужского пола, но потом распространилась на названия других живых существ. Сложилась категория одушевленности — неодушевленности.

Другой пример влияния изменений в грамматических средствах на сами грамматические категории. Уже говорилось, что количество типов склонения в русском языке сократилось. В частности, слились два типа склонения существительных мужского рода: представителем одного типа является, например, слово *лес*, а другого — *мед*. Эти существительные в родительном, дательном и местном (впоследствии предложном) падежах имели разные окончания. После слияния двух типов склонения одно окончание у каждой падежной формы оказалось лишним.

Что же произошло?

Из двух окончаний дательного падежа (*-у* и *-ови*) сохранилось только окончание *-у*. Оба окончания родительного падежа (*-а* и *-у*) сохранились, но стали употребляться в разном значении. Окончание *-у* стало выражать значение части целого (наряду с некоторыми другими); например: *вкус меда*, но *стакан меду, дай мне меду* (какое-то количество). В современном языке окончание *-у* постепенно вытесняется окончанием *-а* и в этом значении. Оба окончания предложного падежа (*в лес-е* и *в мед-у*) тоже сохранились (хотя и в небольшой группе слов) и также стали различаться по значению; сравните: *быть в лесу* и *понимать толк в лесе*.

Так появились новые падежные значения. Система падежей усложнилась.

Как видно из приведенных примеров, в исторических изменениях словоизменительных типов большую роль играет аналогия, т. е. изменение форм одних слов под влиянием других, в чем-то схожих (см. *Аналогия в грамматике*). Однако аналогия только тогда становится активной действующей силой, когда она помогает осуществить полезные для грамматической системы преобразования, например освободить язык от излишнего многообразия в средствах выражения одних и тех же значений.

Однонаправленные изменения в выражении различных категорий могут изменить грамматический строй языка. Так, французский и английский языки из синтетических языков, у которых грамматические значения выражаются преимущественно внутри слова, превратились в аналитические, для которых характерно выражение грамматических значений вне слова, при помощи служебных слов и порядка слов (см. *Аналитические и синтетические языки*).

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЛЕКСИКЕ

Лексика — наиболее подвижная, изменчивая часть языка. Она чутко откликается на все изменения во внешней, неязыковой действительности: в материальной и культурной жизни общества, в социальном укладе, в отношениях между людьми. Но значит ли это, что словарь текуч, неустойчив, что темп изменений в нем параллелен темпу общественных перемен? Если бы это было так, то мы бы не понимали не только Пушкина и Гоголя, но и Чехова, и даже Горького. А ведь Пушкин писал более полутора столетий назад. Тем не менее «нам внятно все», о чем и как он сказал в своем творчестве.

Больше того: если нам попадется в руки какой-либо текст XVIII в. или даже более раннего времени, мы способны кое-что понять из этого текста. Правда, это понимание иногда обманчиво, иллюзорно: ведь некоторые слова изменили значение — несколько веков назад

смысл их был иным. Так, например, *красным* называли то, что сейчас мы обозначаем словами *красивый, прекрасный.* Это значение сохранилось в былинах и в пословицах, в народных песнях: *красная девица; Не красна изба углами, а красна пирогами* — и в топонимических наименованиях: *Красное село* — это красивое село, а не село красного цвета; *Красная площадь* значило «красивая площадь».

И все же если в текстах двухсотлетней давности сопоставить процент полностью непонятных или же отличающихся по смыслу слов с процентом слов, значения которых ясны нашему современнику, соотношение будет явно в пользу вторых: понятного в таких текстах больше. А ведь времени прошло немало, и сколько событий свершилось в русской действительности! Историк, сравнивая XX в. с XVIII в., найдет гораздо больше различий, чем сходства,— в общественном устройстве, в укладе, наконец, просто в быту русских людей. А лингвист, проделывая подобное сравнение столетий, обнаружит в русском языке XX в. и в русском языке XVIII в. больше сходства, чем различий. Как это объяснить?

Дело в том, что язык по своей природе консервативен. Это хорошо видно по сохраняющимся в языке названиям. Например, мы продолжаем называть пером то, что совсем не похоже на гусиные перья (которыми писали наши предки); нож называем перочинным, хотя никакие перья им давно не чинят. Вот совсем свежий факт: электрический прибор, подающий горячий воздух и используемый для сушки рук после их мытья, называют... полотенцем, хотя на полотенце он совсем не похож.

И подобных фактов множество. Они свидетельствуют об одном: изменения в словаре происходят медленнее, чем изменения в окружающей нас жизни. Такой консерватизм языка (даже наиболее подвижной его части — словаря) — одно из его достоинств: относительная стабильность его средств, в том числе лексических, обеспечивает взаимопонимание между поколениями, преемственность культуры.

И все-таки изменения в словаре происходят. Появляется в жизни новое — оно требует нового слова (см. *Неологизмы*). И наоборот, выходит из употребления слово, если перестает существовать то, что оно называло (см. *Архаизмы, историзмы*).

Неологизмы и историзмы — примеры непосредственного, прямого влияния перемен, происходящих в жизни, на словарь. Происходят в лексике и такие изменения, в которых это влияние косвенно, опосредствовано другими процессами. Так, например, в послереволюционную эпоху к русскому литературному языку стали приобщаться массы крестьян (раньше они владели только местными говорами). Они не только осваивали новый для них литературный словарь, но и сами привносили в этот словарь свои, диалектные слова. Так в русском языке XX в. появились слова: *баламут, глухомань, доярка, замшелый, затемно, изморозь, кондовый, муторно, новосел, обеднять, отгул* и другие, которые уже утратили свой диалектный характер, сделались общеупотребительными.

Таким образом, социальный фактор — Октябрьская революция — повлиял на изменение состава носителей русского литературного языка, а уж это привело к новшествам в литературном словаре.

Другой пример. Бурное развитие науки и техники в XX в. приводит к тому, что некоторые научные и технические термины начинают употребляться очень широко. И не только в своем специальном значении, но и переносно, метафорически: *орбита славы, вирус равнодушия, дай мне свои координаты* (телефон или адрес), *я зациклился* и т. п. Это также обогащение литературной лексики — путем переосмысления специальных терминов.

В словаре могут происходить и такие изменения, которые обусловлены внутренним развитием самого словаря, языковыми закономерностями, которые управляют жизнью слов. Таковы, например, закономерные, регулярно происходящие в языке изменения значений слов: по сходству функций предметов (*перочинный, полотенце*);

по внешнему сходству предметов; такое изменение значения называется метафорой: *глазное яблоко, резиновая груша, рукав реки;*

по смежности предметов в пространстве; такой перенос значения называется метонимией: *класс* — помещение и группа учащихся, *бумага* — материал и официальный документ, *большое ведро* и *в мешке — два ведра картошки* и т. п.

Одни закономерные изменения смысла слов приводят к его расширению: например, рядом со значением «действие» появляется значение «результат действия» (*передача движения* — *цепная передача*). Другие изменения, напротив, ведут к сужению смысла. Так, в древности пивом называли вообще все, что можно пить. Постепенно, однако, значение этого слова сузилось: им стали называть только особый вид напитка (см. *Исторические изменения в лексической системе*).

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

Словарь языка изменяется путем обновления лексики (см. *Неологизмы; Архаизмы, историзмы*), накопления новых выразительных средств. Находит в нем отражение история изменений в жизни народа, общества. Одновре-

менно и в тесной связи с этими процессами, меняющими состав словаря, происходит внутреннее развитие лексики как системы: перестройка некоторых ее участков, изменение связей между соотносительными по смыслу словами, перемещение слов из одних рядов и групп в другие и т. п.

Сравнивая, например, лексическую систему современного русского языка со словарем древнерусского языка, мы обнаруживаем не только количественные различия, но и более глубокие, качественные. Эти изменения нескольких типов.

1. Изменения в способах называния предметов.

Раньше, в древности, названия предметам часто давались по особенностям их формы, по материалу, по смежности с другими предметами и т. п. Например, если обратиться к этимологии русских названий посуды, то можно узнать, что, скажем, *стакан* назван так по материалу: в старину стаканы изготавливались из досок (первоначально *достоканъ*); *ведро* оказывается родственным слову *вода* (т. е., если огрубить эту связь, *ведро* — сосуд для воды); слово *горшок* возникло в результате переноса наименования с одного предмета на другой, смежный: этимологически *горшок* — это маленький *горн* (приспособление для изготовления горшков).

С развитием языка начинает преобладать — и чем ближе к нашему времени, тем отчетливее — принцип наименования предмета по его функции, назначению. Слово как бы сигнализирует, для какой цели служит обозначаемый им предмет: *выключатель, пылесос, фиксатор, звукосниматель* и т. п.

2. Изменения в родо-видовых отношениях между понятиями и их отражение в словаре.

В древнерусском языке существовали названия *стол, скамья, лавка, кресло, кровать* и другие обозначения видов мебели, но самого слова *мебель* или какого-либо другого, которое бы объединяло все видовые названия, не было. К середине XVIII в. ряд таких «частных» наименований увеличивается: появляются заимствованные из других языков *диван, шкаф, буфет; табурет(ка)* и др. Необходимость в общем наименовании становится настоятельной, и в русском языке укрепляется слово *мебель* (заимствованное из французского через немецкий), которое обозначает родовое понятие.

Таким образом, в русском языке вместо разрозненных наименований формируется группа слов, между которыми устанавливаются родо-видовые отношения.

Тенденция к организации слов в подобные множества с одним родовым наименованием возрастает на последующих этапах развития русского языка. Исследователи современного его состояния отмечают такие лексические группы со сравнительно недавно появившимися родовыми обозначениями: *шапка, шляпа, кепка, папаха, фуражка,...→ головной убор; магазин, лавка, ларек, палатка, лоток,...→ торговая точка; поезд, самолет, автомобиль, пароход,...→ транспорт* и т. п.

3. Изменение синонимических отношений между словами. Увеличение синонимических рядов.

Развитие синонимии, увеличение арсенала синонимических средств — один из главных показателей совершенствования языка, его выразительных возможностей. На смену отношениям дублетности, свободной вариантности постепенно приходят такие отношения между словами, которые основываются на принципе функциональной необходимости: в языке сохраняются лишь такие единицы, которые отличаются от других по значению и употреблению. Если эти отличия малы, то слова объединяются в синонимические ряды. Каждое слово ряда, называя то же действие или качество, подчеркивает в нем какой-либо особый оттенок (см. *Синонимы*).

Так, в древнерусском языке глаголы *помышляти, размышляти, думати* имели общее значение «думать»; в языке XVIII—XIX вв. и в современном это слова хотя и близкие по смыслу, но обладающие самостоятельными значениями, которые реализуются в разных контекстах (сравним: *Я и не помышлял о таком успехе! Что тут долго размышлять — надо ехать! Прежде чем делать — подумай*). Еще в начале XIX в. прилагательные *особый* и *отдельный* различались по смыслу не очень

четко. А. С. Пушкин писал своему другу П. А. Плетневу: «...во сколько комнат нужна мне квартира? Был бы *особый* кабинет — а прочее мне все равно» (мы бы сейчас сказали: *отдельный*).

4. Изменение лексической сочетаемости. С развитием языка возрастает избирательность слова в его сочетании с другими словами, тем самым усиливается идиоматичность (особость, своеобразие) самих словосочетаний.

Так, например, глаголы *сделать, сделаться* в своих переносных значениях в языке XIX в. сочетались с существительными гораздо более широко, чем теперь. Сделать можно было не только замечание или упрек, но и, скажем, вопрос. В повести Пушкина «Выстрел» офицеры «*сделали* ему [Сильвио] этот *вопрос*» (мы бы сказали: *задали*). В «Капитанской дочке»: «Пошел мелкий снег — и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; *сделалась метель*». Подобное употребление глаголов *сделать, сделаться* не было индивидуальной особенностью стиля Пушкина — сравним такую фразу из романа Лермонтова «Герой нашего времени»: «*Тревога* между тем *сделалась* ужасная».

Но, может быть, такая сочетаемость была характерна лишь для этих двух глаголов? Нет, и другим словам была свойственна бóльшая, чем сейчас, свобода сочетаний: писали, например, *произвести влияние, производить панику* (сравним современные *оказать влияние, сеять* или *поднимать панику*); говорили не только *случилась беда*, но и *случилась радость*. *«Очень помню вас», «совершенно понимал своего приятеля», «слишком знаю их точку зрения», «пачка ключей», «безвыходное уныние»* — эти и подобные обороты мы можем встретить не только у А. И. Герцена, Д. И. Писарева, Г. И. Успенского, раннего Л. Н. Толстого, произведения которых отделены от нашего времени более чем столетием, но и в письмах А. Блока, рассказах А. И. Куприна, повестях А. Н. Толстого. В современном языке эти же мысли выражаются иначе: *очень хорошо (отчетливо) помню, хорошо (вполне) понимал, слишком хорошо знаю, связка ключей, безысходное уныние*.

Таким образом, механизм лексической сочетаемости становится тоньше, а словесные средства, обеспечивающие работу механизма, разнообразнее (см. *Лексическая сочетаемость*).

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СТИЛИСТИКЕ

Стилистическая система языка, так же как все другие части общей системы языка, с течением времени изменяется.

Легче всего заметить изменения, происходящие в стилистической окраске отдельных слов — функционально-стилистической, экспрессивно-стилистической и оценочно-стилистической. Для этого достаточно сравнить пометы при одних и тех же словах в словарях, отдаленных друг от друга несколькими десятилетиями.

Так, в первом русском толковом словаре — «Словаре Академии Российской» 1789—1794 гг., завершившем эпоху реформ М. В. Ломоносова с его теорией «трех штилей» (см. *Михаил Васильевич Ломоносов*), противопоставляются слова и формы с пометами *сл.* (т. е. славянское — возвышенное), *простое* (т. е. нейтральное) и *просторечное* или *простонародное* (т. е. сниженное), например: *есень*, сл., просто же — *осень; крава*, сл., просто же — *корова; хожду..., ходити*, сл., просто же — *хожу..., ходить* и т. д.

Сравнивая слова и их стилистические пометы в этом словаре с пометами «Словаря церковнославянского и русского языка» 1847 г. и, далее, со словарями, близкими к нашему времени, мы видим, что ряд слов из «крайних стилей» — возвышенного и сниженного — уходит за пределы литературного языка. Например, *есень, крава* и т. п., с одной стороны, и *ась, вдругорядь, щепеткий* («узкий; жеманный») и т. п., с другой. Утрачивают свою сниженную, просторечную окраску и входят в широкое нейтральное употребление такие слова, как *молодежь, раздумье, свадьба, накануне, тотчас* и другие. Напротив, нейтральные для «Словаря Академии Российской» слова типа *охочий* (до чего-нибудь), *колупать, сопли, похабный* и т. п. впоследствии приобретают окраску сниженности.

Если попытаться обобщить стилистические изменения, затронувшие отдельные слова, можно увидеть некоторые общие тенденции сти-

листической эволюции языка: на протяжении XIX в. идет сложная перестройка стилистической системы «трех штилей», расширяется сфера применения среднего, нейтрального стиля. Это теперь уже не одна из трех равноправных стилистических разновидностей языка, но основа, фундамент всей стилистической системы.

И вместе с тем можно увидеть, как постепенно формируется стилистическая система русского литературного языка в том ее виде, в каком мы ее знаем сейчас. В начале XX в. в общих чертах определяются такие функциональные разновидности русского языка, как газетно-публицистический и научный стили. Кроме того, утрачивает свойства функционального стиля язык художественной литературы — употребление явлений языка в художественных текстах зависит теперь только от замысла и эстетических задач писателя или поэта, а не от ограничений, накладываемых стилистическими нормами литературного языка на эту область употребления языка.

Стилистическое развитие русского языка продолжалось и в XX в., и на него оказали влияние те огромные социальные сдвиги, которые произошли в нашей стране после Великой Октябрьской социалистической революции. Так, литературный язык после революции получает более широкое распространение и охватывает и такие слои говорящих, которые раньше использовали местные диалекты или городское просторечие. Отражая новые отношения между государством и трудящимися, демократизируется официально-деловой стиль, сближается с обиходно-бытовым. Растет удельный вес научного и профессионально-технического стилей.

Расширяется сфера обиходно-бытового стиля — в него проникают и, утрачивая иностилевую окраску, нейтрализуются явления других функциональных стилей, в частности официально-делового, научного, профессионально-технического. Мы говорим: *посетить выставку* (сравним: *сходить на выставку*), *планировать вернуться домой к 5 часам* (сравним: *собираться вернуться...*), *окопаться в институте* (избегая чего-нибудь, *укрыться, найти* себе где-нибудь *удобное, спокойное пристанище*, разговорное ироническое и т. п.).

Некоторые из этих слов и словосочетаний проникли в обиходно-бытовой стиль не непосредственно из этих стилей, а через газету и радио, т. е. через газетно-политический стиль, роль которого также возрастает.

В области экспрессивно-стилистических явлений продолжается расширение границ нейтрального стиля, который пополняется как за счет слов высоких, так и за счет слов сниженных. При этом высокие слова как бы сдвигаются вниз, а сниженные как бы продвигаются вверх. В обычном повседневном общении мы говорим, например, *принять решение* (пойти в кино), *на высшем уровне* (провести школьный вечер), *проявить заботу* (о заболевшем товарище) и т. п., а с другой стороны — *зарезать* (проект), *угробить* (идею), *зашиться* (с экспериментом) и т. п. Особенно сильно этот процесс захватывает книжную и так называемую общенаучную лексику, слова типа *проблема, концепция, адекватный, глобальный, альтернатива* и т. п. В некоторых случаях такие слова вообще теряют стилистический ореол «книжности» и «учености», проникают в обиходно-бытовую речь и даже подвергаются стилистическому снижению, изменяя при этом свое значение. Так, в словаре Д. Н. Ушакова пометой «книжное» характеризовались слова *принцип, проблема, перспектива, элементарный* («простой») и др.

В последних изданиях словаря С. И. Ожегова ни одно из них помету «книжное» не сохранило.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ФОНЕТИКЕ

На известном памятнике Петру Первому в Ленинграде есть надпись: «Петру Перьвому Екатерина Вторая». *Перьвому* — это не ошибка: так говорили в XVIII в. Мягкий звук [р'] произносили и в таких словах, как: се[р']п, ве[р']ба, уще[р']б, ве[р']х, четве[р']г, зе[р']кало, це[р']ковь. Мягкость [р'] была здесь не случайна. Мягкость [р'] была обязательной в положении после [е] перед губным или заднеязычным согласным.

На протяжении XIX и начала XX в. это произношение в литературном языке постепенно утрачивалось, мягкий [р'] в этих словах заменялся твердым [р]. Но даже в 40-х гг. нашего столетия со сцены столичного театра можно было услышать из уст актера, игравшего в «Горе от ума» Чацкого:

А тетушка? все девушкой, Мине[р']вой?
Все фрейлиной Екатерины Пе[р']вой?

Тогда и в живой московской речи старшего поколения можно было еще изредка встретить такое произношение. Сейчас его уже нет.

Всякий живой язык характеризуется непременной особенностью — он изменяется.

В современном русском языке в сочетаниях двух мягких согласных первый отвердевает. Это отвердение очень медленное, оно сначала осуществляется в одних сочетаниях, потом в других, в одних словах раньше, в других — позднее, но направление его вполне определенно. Вот некоторые детали проявления этого процесса.

Исследователи русского языка конца XIX —

начала XX в. отмечали, что в литературном языке той эпохи губные согласные перед мягкими заднеязычными тоже произносились мягко: я[м']ки, сё[м']ги, тря[п']ки, ла[п']ки, ро[п']кие (робкие), ло[ф']кие (ловкие), ла[ф']ки (лавки). Сейчас такое произношение полностью ушло из литературного языка и его можно встретить только в диалектах. Мы говорим: я[м]ки, сё[м]ги, тря[п]ки, ла[п]ки и т. п.

Стихотворные рифмы могут поддерживаться тонкими звуковыми соответствиями:

Ты видишь мир сквозь ветви
Задумчивых берез.
Живешь на этом свете,
Как будто в царстве грез.

Поэт произносит ве[т']ви, [с']вете. Это легко увидеть по тому, как он рифмует слова. Мягкость [с'] в слове *сквозь* подчеркивает [с'] в *свете*. А мягкость [т'] в *ветви* соотносится с [т'] в *свете*. Последние слова первой и третьей строки произносятся так: [сквос'в'э̂т'в'и] и [с'в'э̂т'и].

Так говорит сейчас старшее поколение. Губные и зубные согласные перед мягкими губными представители этого поколения произносят мягко: [д']верь, [в']бить. Но младшее поколение уже произносит первый согласный твердо: [с]вет, ве[т]ви, [д]верь. Эти нормы еще сосуществуют, равноправны. Но тенденция развития языка ясна: «старшая» норма рано или поздно уступит дорогу «младшей».

Современные фонетические процессы обнаружить сравнительно нетрудно. А можно ли обнаружить и описать звуковые процессы, которые происходили в древнерусском языке? Услышать этот язык невозможно. И все-таки ученые нашли способ узнавать о древних языковых процессах.

В современном русском литературном языке ударному [о] соответствует предударный [а]: с[ó]ль — с[а]ли́ть, г[ó]ры — г[а]ра́, ск[ó]т — ск[а]ти́на, пр[ó]сто — пр[а]стáя. Такое произношение называется аканьем. В древности все русские окали, говорили с[о]ли́ть, г[о]рá, ск[о]ти́на, пр[о]стáя. Аканье пришло на смену оканью. О времени, когда шел процесс перехода от оканья к аканью, свидетельствовали письменные документы. Первые следы аканья в московских памятниках письменности относятся к XIV в. Но возникло аканье раньше, как думают многие ученые, в конце XII или в XIII в. Нормой же в говоре Москвы оно стало лишь в XVI в. или даже в XVII в. Вот сколько времени длился этот процесс перехода от одной системы произношения — оканья к другой системе — аканью.

Современные фонетические чередования — свидетельство происходивших некогда в языке звуковых процессов. Например, в русском языке чередование звонких согласных с глухими на конце слова и перед глухими: зу[б]ы — зу[п] — зу[п]ки, ля[г]у — лё[к] — улё[к]ся, боро[д]а — боро[т] — боро[т]ка, ма[ж]у — ма[ш]ь — ма[ш]ьте, гла[з]а — гла[с] — гла[с]ки. Такое чередование сложилось в результате того, что звонкие на конце слова и перед глухими оглушились. Процесс этот прошел в XII—XIV вв.

Фонетические процессы не универсальные, они своеобразны в различных языках. В украинском языке оглушения звонких перед глухими не произошло. Русские скажут: ры[п]ка, ука[с]ка, украинцы — ры[б]ка, ука[з]ка.

Фонетический процесс заканчивается, когда ему уже не на что распространяться. Тогда на смену фонетическому процессу приходит фонетическое чередование. Фонетический процесс — это замена одного звука другим в одной и той же позиции, но в следующую эпоху. Фонетическое чередование — это замена одного звука другим в другой позиции и в ту же эпоху.

И

ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

История языка изучает, во-первых, конкретные изменения в языке определенной эпохи. См. статьи: *Праславянский язык, Закон открытых слогов, Падение редуцированных, Берестяные грамоты, Диалекты как свидетели истории народа, Ять в русском языке, [О] закрытое.*

Во-вторых, эта наука устанавливает такие исторические процессы, которые могут быть свойственны любой эпохе в жизни языка (см. *Исторические изменения в лексике*).

В-третьих, история языка изучает преобразование языка определенной эпохи как целостной системы в языковую систему, принадлежащую следующей эпохе. Такие исследования стали реальностью в XX в. (см. *Исторические изменения в лексической системе, Исторические изменения в грамматической системе*).

Исследование языка как системы не отменяет изучения отдельных, «атомарных» изменений. Сведения о них даются в статьях: *Исторические изменения в лексике, Исторические изменения в фонетике.*

Кроме названных смотри еще статьи об истории языка: *Аналогия в грамматике, Балтославянская языковая общность, Заимствование лексическое, Изменение норм, Ларингальная гипотеза, Относительная и абсолютная хронология в языкознании, Прародина индоевропейцев по данным языка, Прародина славян по данным языка, Праславянский язык, Праязык, Родословное древо языковой семьи, Семья языков, Смешение языков, Сравнительно-исторический метод, Этимология, Языковой союз.*

ФЕДОР ИВАНОВИЧ БУСЛАЕВ (1818—1897)

Ф. И. Буслаев — один из самых ярких русских филологов середины XIX в. Он занимался широким кругом вопросов языкознания, литературоведения, фольклористики и искусствоведения, был блестящим педагогом и лектором, академиком, профессором Московского университета.

Детские годы Ф. И. Буслаева прошли в Пензе, где его первым гимназическим преподавателем русского языка был В. Г. Белинский. После окончания Московского университета в 1838 г. Ф. И. Буслаев и сам в течение ряда лет работал учителем русского языка и литературы. Его методический опыт обобщен в книге «О преподавании отечественного языка» (1844), где он провозгласил необходимость сравнительно-исторического изучения родного языка после усвоения основных его правил. Высоко оцененное современниками, это первое отечественное научно-методическое пособие по преподаванию русского языка было переиздано спустя почти столетие — в 1941 г., что свидетельствует о жизненности научных и педагогических идей его автора.

Не менее блестящую судьбу имела и следующая книга Ф. И. Буслаева — «Опыт исторической грамматики русского языка» (1858), первоначально созданная как учебное пособие по русскому языку и развивающая намеченную еще в первой книге идею о необходимости исторического изучения языка, которое он считал единственно научным. Эта книга при жизни автора выдержала пять изданий под названием «Историческая грамматика русского языка», а в последний раз была переиздана в 1959 г. — спустя столетие после первого издания; название книги со временем стало общепринятым наименованием курса истории русского языка, читаемого в университетах и педагогических институтах. Ф. И. Буслаеву принадлежит и первая «Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков» (1861), включающая важнейшие письменные памятники средневековой Руси. А. А. Шахматов в статье, посвященной памяти Ф. И. Буслаева, отмечал, что именно его работы положили основание историческому преподаванию русского языка в учебных заведениях России.

В своих языковедческих трудах Ф. И. Буслаев отразил очень характерный для европейского языкознания середины XIX в. романтический взгляд на древнее состояние языка как необычайно богатое по составу звуков и форм; а последующую историю языка расценивал как постепенную утрату им того богатства, которое «язык имел искони». Объяснял он это тем, что, являясь орудием выражения поступательно развивающейся человеческой мысли, язык непрерывно обогащается словами и новыми синтаксическими конструкциями, но теряет прежнее богатство морфологических форм, ибо, по мнению ученого, из «живого организма» все более становится «условным знаком для выражения мысли». В этой идее для нас ценна убежденность Ф. И. Буслаева, что «история языка неотделима от истории его носителей», и прежде всего их духовной жизни и непрерывно развивающегося мышления.

В 60-е гг. Ф. И. Буслаев, ставший к этому времени академиком, все более увлекается историей литературы и устным народным творчеством. В 1861 г. выходит сборник исследований Ф. И. Буслаева «Исторические очерки русской народной словесности и искусства», содержащий статьи о русском эпосе, о поэзии XVII в., о древнерусской народной литературе и искусстве, где изложены интересные наблюдения, основанные на сопоставлении русского средневекового искусства с византийским и западноевропейским. Вопросам древней славянской мифологии и ее отражению в народном искусстве посвящены многие работы Ф. И. Буслаева.

В 70-е гг. интересы ученого все более переключаются на изучение иконографии, стенной живописи, книжного орнамента и других видов древнего искусства, где ему принадлежат капитальные исследования, считающиеся основополагающими в этой области знаний. В 1888 г. за эти труды Московский университет присвоил Ф. И. Буслаеву звание доктора теории и истории искусств. Эти научные интересы для Ф. И. Буслаева не были случайностью: он и в языке всегда высоко ценил его эстетическую, образную силу.

АЛЕКСАНДР АФАНАСЬЕВИЧ ПОТЕБНЯ (1835—1891)

Александр Афанасьевич Потебня — выдающийся украинский и русский филолог. От своих ученых-современников А. А. Потебня отличался необычайной широтой научных интересов и энциклопедизмом знаний. Это отчетливо проявилось в его трудах: они посвящены русской грамматике (основной труд — «Из записок по русской грамматике» в 4-х томах), звуковому строю русского языка, различиям южных и северных русских говоров, истории украинского и русского языков, их сравнительному анализу, истории основных грамматических категорий. Особенно значительны результаты, полученные А. А. Потебней при сопоставительном изучении им синтаксиса восточнославянских языков.

В этих работах использован обширный материал, который разобран с такой основательностью, даже дотошностью, с привлечением столь многочисленных источников, что в течение многих десятилетий труды А. А. Потебни оставались непревзойденным образцом лингвистических исследований.

И это лишь часть научного творчества талантливого ученого. Язык он рассматривал как компонент культуры, духовной жизни народа. Отсюда интерес А. А. Потебни к обрядам, мифам, песням славян: ведь здесь язык воплощается в разнообразных, порой причудливых формах. И Потебня тщательно изучает поверья и обычаи русских и украинцев, сопоставляет их с культурой других славянских народов и публикует несколько капитальных работ, составивших вклад не только в языкознание, но и в фольклористику, искусствоведение, этнографию, историю культуры.

А. А. Потебню живо интересовала связь языка и мышления. Этой проблеме посвящена одна из первых его книг — «Мысль и язык» (1862). Здесь А. А. Потебня — а было ему всего 26 лет — не только показал себя думающим и зрелым философом языка, не только обнаружил поразительную начитанность в специальных исследованиях (отечественных и зарубежных авторов), но и сформулировал ряд оригинальных и глубоких теоретических положений. Так, он пишет об органическом единстве материи и формы слова, в то же время настаивая на принципиальном разграничении внешней (звуковой) формы слова и внутренней (лишь многие годы спустя это положение было оформлено в языкознании в виде противопоставления плана выражения и плана содержания). Исследуя особенности мышления, которое, по мнению Потебни, может осуществляться только в слове, он различает поэтический (образный, символический) и прозаический типы мышления. С развитием мышления связывал А. А. Потебня эволюцию языка.

В творческом методе А. А. Потебни внимание к мельчайшим фактам языковой истории органически сочеталось с интересом к фундаментальным, коренным вопросам языкознания. Его глубоко интересовала история образования категорий существительного и прилагательного, противопоставления имени и глагола в русском и других славянских языках. Он размышляет над общими вопросами происхождения языка, над процессами обновления языка в ходе его исторического развития и причинами смены одних способов выражения другими, более совершенными. «Новые языки, — писал он в одной из своих работ, — вообще суть более совершенные органы мысли, чем древние, ибо первые заключают в себе больший капитал мысли, чем последние».

Во времена А. А. Потебни преобладал «атомарный» подход к изучению языка; иными словами, каждый факт, каждое языковое явление нередко рассматривались сами по себе, в отрыве от других и от общего хода языкового развития. Поэтому поистине новаторской, опережающей время была мысль Потебни о том, что «в языках есть система», что то или иное событие в истории языка надо изучать в его связях и отношениях с другими.

Слава Потебни-ученого намного пережила Потебню-человека. Некоторые его работы были изданы посмертно (например, «Из записок по теории словесности» — в 1905 г., 3-й том «Записок по русской грамматике» — в 1899 г., а 4-й — совсем недавно, в 1941 г.). И до сих пор ученые открывают в творческом наследии великого филолога свежие мысли, оригинальные идеи, учатся методической тщательности анализа языковых фактов.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ШАХМАТОВ (1864—1920)

А. А. Шахматов — выдающийся языковед и историк конца XIX — начала XX в. Научные склонности Шахматова проявились очень рано: в 1881 г., семнадцатилетним юношей, он публикует в крупнейшем европейском славистическом журнале свою первую научную статью «К критике древнерусских текстов». В следующем году, будучи гимназистом выпускного класса, выступает как неофициальный оппонент на защите диссертации будущим академиком А. И. Соболевским, поразив московскую профессуру глубиной критического анализа.

Став студентом историко-филологического факультета Московского университета, Шахматов занимается научной деятельностью под руководством виднейших ученых-языковедов того времени Ф. Ф. Фортунатова и Ф. Е. Корша. Будучи студентом, А. А. Шахматов пишет «Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV вв.» (издано в 1886 г.), которое до сих пор остается образцом научного описания и публикации древних текстов, критического анализа их языка с целью выявления особенностей местного диалекта. Весной 1894 г. Совет историко-филологического факультета Московского университета при защите диссертации сразу присуждает 29-летнему А. А. Шахматову ученую степень доктора наук. В 1899 г. он становится самым молодым в истории русской филологии академиком.

Научные интересы А. А. Шахматова были сосредоточены в области истории и диалектологии русского и других славянских языков. Ему принадлежит серия авторитетных исследований по реконструкции древнейшей славянской и древнерусской системы звуков и форм, которые были обобщены в фундаментальном «Очерке древнейшего периода истории русского языка» (издан в 1915 г. в серии «Энциклопедия славянской филологии») и в «Курсе истории русского языка», прочитанном в 1908—1911 гг. в Петербургском университете.

А. А. Шахматов обосновал в своих реконструкциях древнего языкового состояния необходимость широкого привлечения диалектологических данных, которые после его работ становятся основным источником исторического изучения языка. Именно в свете диалектологических данных приобретают новое значение показания древних письменных памятников для восстановления особенностей живой древнерусской речи.

Особые заслуги принадлежат А. А. Шахматову в разработке проблем происхождения восточнославянских народов и их языков, чему он посвятил около двух десятков работ. Первая («К вопросу об образовании русских наречий») была опубликована в 1894 г., а последняя (брошюра «Древнейшие судьбы племени») увидела свет в 1919 г. Им была впервые создана стройная и логически строгая концепция, опирающаяся на идею неразрывной связи истории языка с историей говорящего на нем народа.

Хотя частные характеристики и выводы А. А. Шахматова в настоящее время не сохраняют своего значения (материал, на который он опирался на рубеже XIX—XX вв., был еще очень скудным), однако основы и принципы построения его концепции остаются актуальными и позволяют на новом материале разрабатывать поставленные А. А. Шахматовым проблемы.

Как историк, А. А. Шахматов особенно много занимался происхождением и составом русских летописей. Ему принадлежит прочно вошедшая в науку концепция русского летописания, раскрывающая сложные взаимоотношения разных редакций и списков дошедших до нас и даже неизвестных (но предсказанных ученым и позднее обнаруженных) летописей. Им установлено время создания и источники старейших летописных сводов, и в частности «Повести временных лет» — основного летописного сочинения, созданного монахом Киево-Печерского монастыря Нестором в начале XII в. Проблемам летописания посвящен ряд работ ученого, среди которых капитальные труды «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» (1908) и «Повесть временных лет» (т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания, 1916), где воспроизводится восстановленный текст «Повести» с выделением в нем текста «начального» свода (XI в.).

В последний период своей деятельности А. А. Шахматов читал в Петербургском университете курс современного русского литературного языка, а затем отдельно — курс синтаксиса русского языка. По рукописным материалам эти курсы были изданы посмертно. «Синтаксис русского языка» А. А. Шахматова оказал огромное влияние на последующее развитие отечественных синтаксических учений.

К

КАВКАЗА ЯЗЫКИ

Многоязычный Кавказ уже давно привлекает к себе пристальное внимание лингвистов. Однако далеко не все представленные на его территории языки принято называть кавказскими: последний термин объединяет только коренные, т. е. не индоевропейские и не тюркские, языки Кавказа. Тем не менее насчитывается примерно 40 кавказских языков. Они распадаются на три группы: абхазско-адыгскую (западнокавказскую), картвельскую (южнокавказскую) и нахско-дагестанскую (восточнокавказскую) (см. схему).

Двенадцать кавказских языков являются письменными: грузинский, абхазский, абазинский, адыгейский, кабардино-черкесский, чеченский, ингушский, аварский, лакский, даргинский, лезгинский, табасаранский. Лишь один из них — грузинский — располагает многовековой литературной традицией (его наиболее древние памятники восходят к V в. н. э.). Установлено, что некогда имел свою письменность один из лезгинских языков дагестанской группы — удинский (см. *Агванское письмо*). Остальные языки являются младописьменными, так как стабильную письменность они получили только в пореволюционное время, хотя эпизодические опыты письменной фиксации таких языков, как аварский, лакский, даргинский и лезгинский, относятся еще к XIV—XVI вв.

Различия между группами кавказских языков очень велики. Так, яркую особенность абхазско-адыгских языков составляет их исключительное богатство согласными звуками при крайней бедности гласных, сложное спряжение глагола при слабой развитости именного склонения. Картвельские языки выделяются высокой насыщенностью текста согласными, наличием категории залога, развитостью сложноподчиненных предложений. Для нахско-дагестанских языков типичны богатые системы согласных, богатейшие в мире падежные системы (насчитывающие иногда более 40 падежей), системы именных классов.

Генетические взаимоотношения отдельных групп кавказских языков до сих пор остаются невыясненными. Одни ученые полагают, что они родственны друг другу, и рассматривают их, следовательно, как единую языковую семью. Другие считают такое родство вероятным, но недоказанным и поэтому говорят о трех разных семьях. Трудности доказательства взаимного родства этих групп связаны с большими различиями входящих в них языков по своему грамматическому строю и особенно в лексике. Из-за отставания этимологических исследований, наиболее заметного в области нахско-дагестанских языков, все еще невозможно приступить к поиску закономерных звукосоответствий в праязыковом материале всех трех групп, которые показали бы объективно их родство. Негативно сказывается в этом плане тот факт, что только грузинский язык располагает здесь многовековой письменной фиксацией. Наконец, кавказоведам далеко не всегда удается отделить исконные факты этих языков от возникших в процессе их контактов.

Что касается внешних генетических связей кавказских языков, то они представляются еще менее определенно. Уже в старой ориенталистике не было недостатка в фантастических гипотезах, увязывавших эти языки со многими

языковыми семьями и не выдержавших испытание временем. Из современных гипотез последнего плана, по существу, лишь одна — так называемая эскаро-кавказская (предполагающая родство кавказских языков с баскским языком Испании) — все еще оперирует, подобно многим старым построениям, всей совокупностью этих языков. Другие гипотезы обычно связывают с внешним миром какую-либо одну из этих групп. Сравним ностратическую гипотезу (см. *Праязык*), сближающую картвельские языки с несколькими другими семьями Старого Света, а также гипотезы о родстве абхазско-адыгских языков с хеттским языком древней Анатолии и о родстве нахско-дагестанских с хурритско-урартскими языками древней Передней Азии. Слабости этих построений вытекают из того обстоятельства, что они разрабатываются, как правило, не кавказоведами.

Хотя науке известен целый ряд примеров длительного и интенсивного языкового контактирования на Кавказе (сравним, в частности, сильное воздействие грузинского языка на остальные картвельские), результаты межгруппового взаимодействия оказываются весьма скромными. В целом еще более слабым в силу конкретных исторических условий жизни носителей этих языков должно было быть их взаимодействие в отдаленном прошлом. Не удивительно поэтому, что выдвинутое еще в XIX столетии понятие так называемого кавказского языкового союза остается фактически не обоснованным.

На основании сопоставления ряда черт фонетического и грамматического строя картвельских и индоевропейских языков высказано предположение о том, что в древности они могли входить в единый языковой союз.

КАЛАМБУР

Слышали ли вы такую шутку: «Шел дождь и два студента. Один в пальто, другой в университет»? Эти фразы содержат каламбур. Каламбур — это игра слов, основанная на столкновении в одном контексте различных значений слова или омонимов (см. *Омонимы*). Ведь ясно, что глагол *шел* имеет различные значения, когда мы говорим: *шел дождь* и *шел студент*. Соединили их в одной фразе, и получилось смешно.

Чаще всего каламбуры используются как средство комического: «Ноздрев был в некотором отношении исторический человек. Ни на одном собрании, где он был, не обходилось без истории» (Н. В. Гоголь). Сопоставление прилагательного *исторический* («относящийся к науке истории») и бытового значения слова *история* («неприятный случай») создает комический эффект.

Каламбур часто используется в таких жанрах художественной литературы, как эпиграммы и шутливые стихи. Вот примеры из стихотворений известного поэта XIX в. А. К. Толстого, любившего эти жанры художественной литературы.

Из эпиграммы:

Раз архитектор с птичницей спознался...
И что ж? в их детище смешались две натуры
Сын архитектора, он строить покушался;
Потомок птичницы, он строил только куры.

Столкновение фразеологизма *строить куры* («ухаживать») с глаголом *строить*, употребленным в прямом значении, получает каламбурное осмысление. Фоном для каламбура служат слова *птичница* (ассоциируется со словом *куры*) и *архитектор* (ассоциируется со словом *строить*).

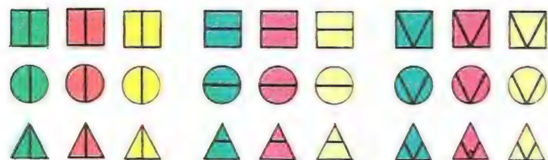
Особый вид каламбуров — составные рифмы. Очень широко такие рифмы использовал русский поэт XIX в. Д. Минаев. Вот его шутливые стихи:

Не ходи, как все разини,
Без подарка ты к Розине,
Но, ей делая визиты,
Каждый раз букет вези ты.

Однако каламбур не всегда вызывает смех. Он может присутствовать в серьезных, даже трагических произведениях.

КОД И ТЕКСТ

Представим, что у нас есть набор таких знаков:



27 знаков; они, скажем, передают какие-то звуки. Из знаков можно составлять слова, например такие:

Мы не знаем, какой именно звук обозначается каждым знаком, поэтому вслух мы не можем прочесть этот текст (но нам это и не нужно).

Пример показывает, что такое код и текст. Код — набор знаков (у нас в коде 27 знаков); чтобы задать код, надо сообщить, что каждый знак обозначает. Следовательно, здесь код дан не полностью: нам не сказали, какой звук стоит за знаком △, какой — за знаком □ и т. д.

Текст — то, что можно составить из знаков кода, некая осмысленная последовательность знаков.

Можно дать другой код, совершенно равноценный предыдущему. Будем особыми значками передавать признаки тех единиц, которые составили предыдущий код. Тогда знаков будет меньше — не 27, а всего 9:

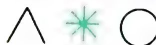
— эти значки передают форму знаков из первого кода,

— передача цвета,

— передача линии внутри фигуры.

Вместо знака □ теперь будет такое изображение:

Вместо знака ○ будет у нас вот что:



Наше прежнее «слово» можно переписать так:

Код оказался короче (в нем меньше знаков), а тексты длиннее (в них больше знаков). Это обычное, закономерное отношение между кодом и текстом. Можно уменьшить число единиц в коде — и тогда (при остальных общих условиях) придется увеличить длину текстов; хотим сократить тексты — надо увеличить код.

Есть письменности, у которых код огромен. Например, китайские иероглифы. Но иероглифические тексты, сравнительно с текстами других систем письма, кратки. У нас тоже есть иероглифы. Например, если буквами написать: номер двадцать пять — понадобится 17 букв. А если иероглифами — каждый знак передает слово, — то нужно всего три знака: № 25. Текст короче. Однако если бы мы для всякого слова имели свой иероглиф, то код был бы у нас, как в китайском письме, многотысячный.

Выработка коротких кодов — важная задача. Например, нужен туристский язык. Вы отправляетесь на короткий срок в чужую страну, надо знать язык для самых неотложных дел. Много слов учить некогда. Нельзя ли сократить код, словесный запас? Пусть тексты (высказывания) будут длинными. Во время кратковременной поездки это терпимо. Надо выбрать минимум слов так, чтобы из них можно было в случае нужды создавать опи-

сательные формулы. Нет, например, в этом кратком наборе слов глагола *бриться*, но можно сказать (в парикмахерской): — *Сделайте мне лицо гладким* (или *приятным*). Парикмахер поймет. Для иностранца-туриста такой оборот простителен.

Опытом создания такого языка — с коротким кодом, т. е. с ограниченным словарем, — является бейсик инглиш (*Basic English*). Название составлено из начальных букв таких слов: *British American Scientific International Commercial English* (британско-американский научный интернациональный коммерческий английский язык). Создал этот язык английский философ Огден в 20-х гг. нашего века. Было отобрано 850 нужнейших слов, грамматика ограничена самыми необходимыми конструкциями.

То есть код был очень сокращен сравнительно с «нормальным» английским языком. И за это пришлось расплачиваться: тексты (письменные, устные) пришлось очень удлинять. Многих слов в бейсик инглиш нет, и их смысл приходится передавать описательно. Вместо *позавтракали* надо говорить *получили утреннюю еду*; вместо *продают — дают в обмен на деньги*; вместо *кивнул — сделал движение головой* и т. д. Такие перефразировки приходится делать часто, речь получается громоздкой. Бейсик инглиш не стал всемирным языком науки и коммерции, как было задумано при его создании, но туристским языком он может быть.

В нашей стране существенна такая задача: отобрать лексический минимум для национальных нерусских школ. Он должен включать примерно 2000 слов, таких, чтобы их хватило «на первый случай», но кое-что, конечно, придется называть описательно, сочетанием нескольких слов. И надо так отобрать эти 2000 слов, чтобы, владея ими, можно было самостоятельно продолжать изучение русского языка: увеличивать код (словесный запас), тогда тексты сократятся, примут вид, обычный для русской речи.

КОМПОНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ

Компонентный анализ — это метод лингвистического изучения смысла слов.

Смысл слова можно описывать с помощью синонимов или же развернутых толкований. Компонентный анализ предлагает еще один способ такого описания. Значение слова разлагается на составляющие компоненты (иногда их еще называют семантическими множителями). Это как бы минимальные кусочки смысла, неразложимые на части: «предмет», «человек», «мужской (женский) пол», «взрослость» и т. п. Слова (и разные значения одного слова) отличаются друг от друга набором таких компонентов. Так, значения слов *мальчик* и *девочка* в результате компонентного анализа приобретают такой вид:

мальчик — человек, мужской пол, невзрослость;

девочка — человек, женский пол, невзрослость.

Как видим, различие между этими словами — в одном компоненте (мужской пол — женский пол). У слова *ребенок* компонент «пол» отсутствует: ведь говоря, например, *Ребенок играет*, мы ничего не сообщаем о том, кто имеется в виду — мальчик или девочка.

От слова *ребенок*, в свою очередь, отличается слово *детеныш*: в его значении есть компонент «животное» и нет компонентов «человек» и «пол», а по признаку «невзрослость» эти два слова соотносительны.

Слова *мальчик* и *мужчина* различаются по одному компоненту (невзрослость — взрослость), а *мальчик* и *женщина* — по двум (невзрослость — взрослость и мужской пол — женский пол). Следуя методике такого сопоставления значений разных слов, читатель сам может установить, в чем разница между словами *девочка* и *женщина*, *девочка* и *мужчина*, *детеныш* и *мужчина*.

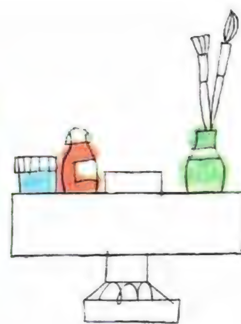
Метод компонентного анализа нагляден: значения разных слов легко сопоставимы по наличию или отсутствию одинаковых «кусочков» смысла. А так как набор их во много раз меньше числа слов в живом языке, то описание лексических значений с помощью компонентного анализа кажется очень удобным, экономным: бесконечное разнообразие словесных значений, оказывается, можно систематизировать и представить в виде разных комбинаций одних и тех же единиц.

Особенно хорош этот метод при описании смысловых отношений между словами, которые образуют более или менее замкнутые группы, например при изучении терминов родства. В исследовании значений слов, не образующих столь определенные группы, компонентный анализ применяется реже.

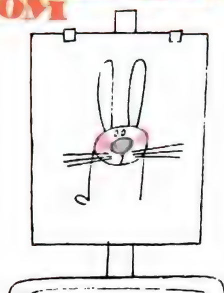
КОНВЕРСИВЫ

Конверсивы — это слова, которые одно и то же событие показывают с разных точек зрения, как бы поворачивают его разными сторонами. На это указывает и само название: в переводе с лат. *convertere* значит «поворачивать», «обращать».

Наиболее простые примеры конверсивов — глаголы действительного и страдательного залогов: *Рабочие строят дом. — Дом строится ра-*



бочими. Оба предложения описывают одну и ту же ситуацию — строительство дома. В этой ситуации два участника: субъект действия «строить» (рабочие) и объект того же действия (дом). В первом предложении роль подлежащего выполняет слово *рабочие*, а роль дополнения — слово *дом*. Во второй же фразе подлежащее и дополнение меняются местами. И это не простая смена мест, но и некоторое изменение в логической структуре предложения.



Первая фраза сообщает нам нечто о доме (рабочие его строят), а вторая — о рабочих (дом строят рабочие).

Конверсивами могут быть не только глаголы действительного и страдательного залогов, но и другие слова. Так же как и в рассмотренном случае, они обычно составляют пару (в отличие от синонимов, которые обычно составляют ряды). Например, *выиграть* и *проиграть*: *Московский «Спартак» выиграл финальный матч у киевского «Динамо». — Киевское «Динамо» проиграло финальный матч московскому «Спартаку»*; *купить* и *продать*: *Мама купила у старика большую корзину. — Старик продал маме большую корзину*; *занимать* и *одалживать*: *Я занял у приятеля десять рублей. — Приятель одолжил мне десять рублей.*

Свойством конверсии обладают не только глаголы, но и другие части речи: прилагательные (*старше — моложе: Брат старше меня на два года. — Я моложе брата на два года*); существительные (*покупатель — продавец; причина — следствие: Лень — причина всех его неудач. — Все его неудачи — следствие лени*), предлоги (*над — под, перед — после: Над озером* (возвышается) *гора. — Под горой* (лежит) *озеро; Перед обедом — прогулка. — После прогулки — обед*) и др.

Конверсивы — важное языковое средство: с их помощью мы можем преобразовывать одни высказывания в другие, синонимические, усиливая, подчеркивая по своему усмотрению разные стороны событий, о которых идет речь.

КОНВЕРСИЯ

Это такой способ образования новых слов, при котором основа слова не меняется, но новое слово относится к другому грамматическому классу. Сравните две пары слов: *студент — студентка* и *супруг — супруга*. В обеих парах существительное женского рода образовано от мужского, но в первом случае в образовании нового слова играл роль суффикс (*студент — студент-к-а*), а во втором случае единственным словообразовательным средством явилась смена системы окончаний, связанная с принадлежностью существительного *супруга* к иному грамматическому роду, чем *супруг*.

В других случаях не только основа, но и окончания остаются материально теми же, изменяется лишь парадигма (система форм) слова. Так, существительное *столовая* имеет те же окончания, что и прилагательное, от кото-

рого оно образовано (*столовая посуда*). Но у существительного *столовая* имеется только часть той парадигмы, которая есть у прилагательного: ведь прилагательное изменяется по родам (*столовый сервиз — столовая посуда — столовое серебро*), а существительное *столовая* по родам не изменяется.

Конверсия широко используется в немецком и английском языках. В немецком языке от глаголов свободно образуются путем конверсии существительные: *lesen* (читать) — *das Lesen* (чтение) и т. п. В английском конверсия используется еще шире, например: *wet* (мокрый) — *a wet* (влажность) — *to wet* (мочить); *a telephone* (телефон) — *to telephone* (звонить по телефону).

КОНСОНАНТНОЕ ПИСЬМО

Алфавит, которым мы пользуемся (а также латинский алфавит), включает как буквы, соответствующие согласным звукам (например, *п, т, к*), так и буквы, соответствующие гласным звукам (например, *а, и, у*). Системы письма, основывающиеся на подобных алфавитах, принято называть консонантно-вокалическими, т. е. согласно-гласными. Наряду с консонантно-вокалическим существуют и другие виды письма, в частности консонантное письмо, т. е. письмо, в котором есть буквы для всех согласных звуков и обычно нет специальных букв для гласных звуков, хотя, как известно, они имеются во всех языках.

Некоторое представление о консонантном письме мы можем получить, если из предложения *Книга лежит на столе* исключим все буквы, обозначающие гласные звуки. В результате возникает очень странное, непроизносимое предложение *Кнг лжт н стл*, которое мы скорее всего воспринимаем как зашифрованное высказывание. Чтобы прочесть это высказывание, нужно, воспользовавшись ключом к шифру, восстановить все пропущенные буквы. Таким образом, чтение текстов, написанных консонантным письмом, всегда включает элемент дешифровки. Из сказанного ясно, что консонантно-вокалическое письмо, в котором ничего не нужно дешифровывать, более удобно, чем консонантное письмо.

Вместе с тем в истории письменности консонантному письму принадлежит выдающаяся роль. Это древнейшая разновидность буквенно-звукового письма. Впервые отдельные консонантно-звуковые знаки появились еще в египетском идеографическом письме, а в чистом виде консонантное письмо возникло со второй половины II тысячелетия до н. э. у западносемитских народов: финикийцев, угаритян и хананеев, населявших восточное побережье Средиземного моря. Одновременно или чуть позже консонантное письмо появилось у южносемитских народов, проживавших на Аравийском полуострове в царствах Маин, Катабан, Хадрамаут.

Довольно широко консонантное письмо распространено и в современном мире. Им пользуется примерно 10% населения Земли, в частности арабские народы, живущие в странах Азии и Африки (Ирак, Сирия, Ливан, Палестина, Саудовская Аравия, Йемен, Египет, Ливия, Алжир, Тунис, Марокко и др.), а также евреи, живущие в государстве Израиль.

Насколько можно судить, консонантное письмо не случайно возникло именно у семитских народов. Этому способствовало специфическое звуковое своеобразие семитских языков.

Во-первых, в семитских языках относительно много согласных и мало гласных. Например, в арабском языке 28 согласных и 6 гласных. Во-вторых, семитское слово, как правило, начинается с согласного, а не с гласного. В-третьих, корень семитского слова обычно состоит из согласных, преимущественно из трех, и, следовательно, лексическое значение любого знаменательного слова выражается только согласными, тогда как грамматические значения выражаются гласными и немногими согласными. Рассмотрим трехсогласный корень на примере арабского корня К Т Б, имеющего лексическое значение «писать». Этот корень является общим для многих слов и словоформ, в том числе для таких, как КаТаБа — «он написал», КуТиБа — «он написан», йаКТуБу — «он пишет», йуКТаБУ — «он пишется», Ка̄ТиБун — «пишущий», *маКТӯБун* — «написанный», ʼаКТаБа — «он заставил написать», КиТа̄Бун — «книга», КуТуБун — «книги».

В-четвертых, для семитских языков мало характерна омонимия корней типа арабских РиДЖЛун — «нога» и «стая», т. е. каждый корень имеет обычно одно значение, что определяется широкими возможностями образования различных корней, состоящих из соглас-

Образец древнейшего консонантного письма.

ных. Если, например, принять, что арабские корни состоят только из трех согласных, то тогда теоретически в арабском языке может быть столько корней, сколько существует различных комбинаций из 28 согласных, взятых по три.

На основе консонантного письма возникли и развились все известные консонантно-вокалические системы письма, и в частности греческое письмо, от которого ведут происхождение все системы письма европейских народов.

КРИТСКОЕ ЛИНЕЙНОЕ ПИСЬМО. ЕГО ДЕШИФРОВКА

На территории Греции и острова Крит была найдена древнейшая цивилизация Европы, предшественница античной культуры. Колыбелью ее был остров Крит, а первооткрывателем — великий английский археолог А. Эванс. В течение нескольких десятилетий, начиная с 1900 г., он вел раскопки на острове и обнаружил легендарный дворец царя Миноса, другие дворцы и города древних жителей Крита и письмена, которые сам Эванс тщетно пытался расшифровать.

В 1936 г. седовласый старец Эванс читал лекцию в музее Барлингтон-хауз в Лондоне. Он рассказывал об открытии великой цивилизации на Крите и о загадочных письменах, которыми пользовался легендарный народ царя Миноса. Среди слушателей был 14-летний школьник по имени Майкл Вентрис. Услышав рассказ ученого о письменах Крита, Вентрис поклялся, что разгадает их тайну... и исполнил клятву 16 лет спустя!

Майкл стал читать все написанное о Крите и его культуре, начал переписываться со специалистами. Отец Вентриса был англичанин, а мать — полька. С раннего детства Майкл говорил по-английски и по-польски; учиться он начал в Швейцарии, где овладел немецким и французским языками; в семилетнем возрасте купил и изучил книгу о египетских иероглифах, написанную на немецком языке. Переехав в Лондон, мальчик стал изучать древнегреческий и латинский языки, а позднее обучился новогреческому, итальянскому, шведскому, русскому... Первую статью, посвященную письменам Крита, Вентрис написал, будучи школьником. Она была напечатана в крупнейшем американском археологическом журнале. Но Майклу пришлось скрыть свой «несолидный» для такого серьезного журнала возраст: ему было в ту пору лишь 18 лет.

Однако учиться Вентрис пошел не на историка или языковеда, а на архитектора — и проявил незаурядные способности. Когда началась война, Вентрис записывается добровольцем в армию и четыре года воюет с фашистами в должности авиационного штурмана в эскадрилье бомбардировщиков... и все время не расстается с копиями письмен, найденных на Крите Эвансом и на территории материковой Греции, в «песчаном Пилосе», где, согласно Гомеру, находилась столица царства мудрого старца Нестора.

После войны Вентрис возвращается в архитектурный институт, блестяще его заканчивает и становится одним из самых перспективных архитекторов страны. Вместе с тем он остается верен детской клятве и все свободное время посвящает работе над письменами. Вновь и вновь просматривает Вентрис копии надписей, штудирует специальную литературу. Отчеты о результатах своих работ Вентрис размножает на машинке и рассылает в виде рабочих заметок ведущим ученым мира.

Еще в начале века А. Эванс смог установить три вида (и три этапа) развития письма на острове Крит. Первый — «рисуночные» знаки на печатях, чей возраст равен 40—45 векам; второй — развившееся на их основе «письмо А» (1750—1450 гг. до н. э.), третий и последний — «письмо Б», памятники которого обнаружены были не только на Крите, но и на территории материковой Греции, в «песчаном Пилосе» и «златообильных Микенах» (так как, в отличие от иероглифов на печатях, знаки «письма А и Б» имели контурную, схематическую форму, то письмена эти называют линейными).

В 1943—1950 гг. американский математик А. Кобер провела исследование загадочных письмен Крита, Пилоса и Микен под новым углом зрения: составив таблицу из устойчивых сочетаний знаков, она смогла обнаружить окончания для мужского и женского рода, а также установить грамматические окончания. Исследования Кобер, умершей в 1950 г., продолжил и развил Вентрис, чей мозг, по словам очевидцев, «работал с поразительной быстротой, так, что он успевал всесторонне обдумать предложение и понять все, что оно может дать, чуть ли не раньше, чем собеседник успевает его высказать».

На основе подсчетов повторяемости знаков и сочетаний одного знака с другим, умело используя достижения своих предшественников, в сентябре 1951 г. Вентрис смог составить сетку, которая включала все основные знаки линейного «письма Б». Из 88 различных знаков в эту сетку попало 66. Теперь предстояло примерить эту абстрактную сетку к конкретным языкам, чтобы узнать, на каком же из них говорили древние жители Крита и материковой Греции.

В течение следующего, 1952 г. Вентрис работал над этой примеркой. Сам он с давних пор был убежден, что язык этот родствен языку загадочных жителей Италии, этрусков. Но тщетны были все попытки Вентриса втиснуть в неумолимую сетку грамматические формы

этрусского языка. 1 июня 1952 г. Вентрис задался вопросом, который сам назвал «легкомысленным отклонением от дела», а именно: «Не могут ли таблички линейного «письма Б» быть написаны по-гречески?»

Вентрис был абсолютно убежден, что греческий язык постигнет судьба этрусского. Но вскоре эта убежденность сменилась не менее сильным изумлением: греческий язык, его структура отвечали строгим требованиям абстрактной грамматической сетки · языка текстов Крита, Пилоса и Микен!

Чем дальше шли исследования Вентриса, тем больше греческих слов он получал. Правда, многие слова эти звучали странно, ведь язык, на котором они написаны, был древнее языка поэм Гомера чуть ли не на тысячу лет!

Вентрис не был специалистом по истории греческого языка. Иногда он не узнавал тех или иных греческих форм, так как ему не приходилось раньше иметь дела с архаическим греческим: пройдя многовековой путь до гомеровского, классического языка, эти формы успели сильно видоизмениться. На помощь молодому исследователю приходит языковед Дж. Чедвик (ныне академик), специалист по древнейшим греческим диалектам. Объединенными усилиями блестящий дуэт «дешифровщик — филолог» публикует в 1953 г. расшифровку 65 знаков и формулирует правила орфографии текстов линейного «письма Б».

Один за другим крупнейшие специалисты в области древних письмен и греческой филологии признают правильность выводов Вентриса и Чедвика (в том числе и те, кто ранее выступал с собственными теориями, например болгарский академик В. Георгиев). Десятки ученых из разных стран, в том числе Советского Союза, включаются в исследования линейного «письма Б». Рождается новая научная дисциплина — микенология, изучающая культуру, язык, письмена греков, живших задолго до эпохи расцвета классической цивилизации Эллады. К сожалению, самому М. Вентрису недолго пришлось участвовать в создании микенологии. 6 сентября 1956 г. машина Вентриса, которому было всего лишь 34 года, столкнулась с грузовиком. Смерть гениального ученого наступила мгновенно. Но имя его живет в памяти человечества, как имена других великих дешифровщиков — Шампольона, Гротефенда, Роулинсона, Грозного. Язык, расшифрованный Вентрисом и Чедвиком,— именно тот язык, на котором говорили герои гомеровского эпоса, «Илиады» и «Одиссеи», хотя сам Гомер жил гораздо позже греков-ахейцев.

Умело комбинируя сообщения гомеровского эпоса, археологические данные и свидетельства линейного «письма Б», ученые получают ценные сведения об общественном строе и быте ахейской Греции.

КРЫЛОВ И. А. ЯЗЫК ЕГО БАСЕН

Современники Ивана Андреевича Крылова любили отгадывать, по какому поводу написана каждая его басня.

И действительно, конкретный повод часто удавалось найти. Например, басня «Волк на псарне» связана с нашествием Наполеона на Россию. Кутузов прочитал басню «после сражения под Красным собравшимся вкруг него офицерам и при словах: «А я, приятель, сед» — снял свою белую фуражку и потряс наклоненною головою»,— свидетельствует очевидец.

Таких басен, с конкретным адресом, у Крылова много. Современники читали их вслух и весело поглядывали друг на друга: знаем, о ком это сказано!

Всякая басня — иносказание. Говорится о животных, понимай: о людях. И если даже говорится о людях — все равно иносказание: повествуется про уху, приготовленную Демьяном, но смысл не в этой именно ухе и не в этом Демьяне. У любой басни тысячи разгадок.

Но особенность басен И. А. Крылова в том, что многие из них имеют еще и первую, исторически-конкретную разгадку. По чему читатель об этом догадывается? (Современники, во всяком случае, догадывались.) По конкретным деталям, по общей выразительности нарисованной картины, по верной передаче значения события. Для всего этого нужен особо точный, выразительный, конкретный язык. И его создал Крылов-баснописец.

Конкретность языка, точность описаний в басне нужны не для характеристики персонажей. Если, например, волк был бы описан так, что точь-в-точь получился бы живой волк («хищное животное из семейства собачьих»), он не годился бы для басни: ведь нужен не настоящий волк, а иносказательный, такой, который ассоциировался бы с человеком. Поэтому вся конкретность характеристик, их выразительность, картинность, жизненная меткость у Крылова перенесены на изображение движения, действия. Движение у него живописно, образно, выразительно-динамично.

Вот рассказ о рыбаке:

...он, в чаянье награды,
Закинет уду, глаз не сводит с поплавка;
Вот, думает, взяла! в нем сердце встрепенется,
Взмахнет он удой: глядь — крючок без червяка;
Плутовка, кажется, над рыбаком смеется,
Сорвет приманку, увернется
И, хоть ты что, обманет рыбака.

(Плотичка)

Чувствуете, как увертливы последние строки?

Всюду торжествует динамичный, точный и меткий глагол. Глагольно, с помощью действия, рисует Крылов взаимоотношения персонажей. Вот как изображено отношение Лягушек к их Царю:

Царь этот был осиновый чурбан.
Сначала, чтя его особу превысоку,
Не смеет подступить из подданных никто:
Со страхом на него глядят они, и то
Украдкой, издали, сквозь аир и осоку;
Но так как в свете чуда нет,
К которому б не пригляделся свет,
То и они сперва от страху отдохнули,
Потом к Царю подползть с преданностью дерзнули:
Сперва перед Царем ничком;
А там, кто посмелей, дай сесть к нему бочком;
Дай попытаться сесть с ним рядом;
А там, которые еще поудалей,
К Царю садятся уж и задом.
Царь терпит все по милости своей.
Немного погодя, посмотришь, кто захочет,
Тот на него и вскочит.
(Лягушки, просящие Царя)

Умение рисовать действие особенно пригодилось Крылову для изображения речи героев. Речь — тоже действие. Его герои говорят самым естественным, самым живым языком, крайне активным, крайне действенным. Они действуют с помощью речи. Вспомните хотя бы «Демьянову уху».

Стихи Крылова выразительны в самом своем звучании. О басне «Лягушки, просящие Царя» В. А. Жуковский писал: предметы представлены поэтом так живо, что «они кажутся присутственными». Например:

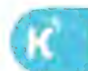
Что ходенем пошло трясинно государство...

«Живопись в самих звуках! Два длинных слова: ходенем и трясинно — прекрасно изображают потрясение болота.

Со всех лягушки ног
В испуге пометались,
Кто как успел, куда кто мог...

В последнем стихе, напротив, красота состоит в искусном соединении односложных слов, которые... представляют скачки и прыганье».

И. А. Крылов. Портрет работы О. Кипренского.



Действительно, понаблюдайте, что делает ваш язык, когда вы произносите последний стих. Его движения представляют копию лягушиного скакания.

Звук, артикуляции сами процессуальны. Они — действие и его результат. И не удивительно, что Крылов, пристрастный к действию, привлек и звук для изображения действия.

Динамичность описаний у Крылова, их живая картинность, наблюдательность поэта заставляли читателя верить басенному рассказу и разгадывать его реальный источник. Недаром Крылова считают предвестником реализма в России. Академик В. В. Виноградов, вероятно, прав, когда он говорит, что реалистические тенденции в литературе требуют определенного уровня развития языка — и общенацио-

Иллюстрация В. Серова к басне И. А. Крылова «Лев и осел».

нального, и языка самой художественной литературы. Реалистические образы в баснях Крылова могли возникнуть только потому, что поэтом был создан поэтический язык, позволивший воплотиться этим тенденциям реализма.

Сравним басни Крылова и его непосредственного предшественника — И. И. Дмитриева. И у того, и у другого есть басня «Лев и Комар» с одинаковым сюжетом. Вот отрывок из басни Дмитриева. Комар говорит:

«Ты царь зверей,
Согласен;
Но мне нимало не ужасен:
Я и Быком верчу, а он тебя сильней».
Сказал и, став трубач, жужжит повестку к бою;
Потом с размашкою, приличною герою,
Встряхнулся, полетел и в шею Льву впился:
У Льва глаз кровью налился;
Из пасти пена бьет, зубами он скрежещет,
Ревет, и все вокруг уходит и трепещет!
От Комара всеобщий страх!
Он в тысяче местах,
И в шею, и в бока, и в брюхо Льва кусает,
И даже в глубь ноздри влетает!
Тогда несчастный Лев, в страданье выше сил,
Как бешеный вкруг чресл хвостом своим забил
И начал грызть себя; потом... лишившись мочи,
Упал и грозные навек смыкает очи

Отрывок из басни Крылова:

Льву смех, но наш Комар не шутит:
То с тылу, то в глаза, то в уши Льву он трубит!
И, место высмотрев и время улуча,
Орлом на Льва спустился
И Льву в крестец всем жалом впился.
Лев дрогнул и взмахнул хвостом на трубача.
Увертлив наш Комар, да он же и не трусит!
Льву сел на самый лоб и Львину кровь сосет.
Лев голову крутит, Лев гривою трясет;
Но наш герой свое несет:
То в нос забьется Льву, то в ухо Льва укусит.
Вздурился Лев,
Престрашный поднял рев,
Скрежещет в ярости зубами
И землю он дерет когтями.
От рыка грозного окружный лес дрожит.
Страх обнял всех зверей; все кроется, бежит:
Отколь у всех взялися ноги,
Как будто бы пришел потоп или пожар!
И кто ж? Комар
Наделал столько всем тревоги!

Басни Дмитриева отражают иную эпоху в развитии языка художественной литературы, чем басни Крылова.

Для Дмитриева басня — прежде всего и главным образом аллегория. И Лев у него аллегорический. Для поэта важно, что это общезначимая, всем понятная аллегория могущества. И Дмитриев об этом Льве пишет, используя общепринятые формулировки, устойчивые образные выражения (аллегория опирается на традицию и любит традиционно-затвердевшие выражения). Про Льва, впавшего в неистовство, у Дмитриева сказано: у Льва «глаз кровью налился», «из пасти пена бьет», «зубами он скрежещет», «вкруг чресл (т. е. бедер) хвостом своим забил»... Это все потому, что его Комар кусает. Наконец Лев

Иллюстрация Е. Рачева к басне И. А. Крылова «Две собаки».

издыхает: «навек смыкает очи». Здесь нет правдоподобия: невозможно, чтобы настоящий, реальный лев погиб, закусанный одним-единственным комаром. Но Дмитриев и не ищет правдоподобия (никто не требует, чтобы аллегорический лев, например на гербе, был изображен в наиболее естественной позе). Напротив, аллегорический лев так поступить мог: он символизирует мощь, полностью побежденную мелким врагом. Чтобы победа над ним *была полной, он и должен издохнуть.*

О ссоре Льва и Комара Дмитриев рассказывает шутя. Всю прелесть его басне придает именно улыбка, с которой он рассказывает свою небылицу.

Крылов же как будто видит бешенство Льва. Он сам упивается картинной достоверностью рассказа. Улыбка тоже есть, но мудрый баснописец прячет ее от читателя. Видно, как неистовство Льва растет — поэтому оно в глазах читателя приобретает убедительность. Конечно, у Крылова Лев вовсе не издыхает; это было бы неестественно, а Крылов дорожит правдоподобием рассказа. Ему нужно, чтобы читатель, не веря, конечно, басенно-сказочному рассказу, все-таки поверил в него. Басне были даны такие критерии, как правдивость, естественность, достоверность.

Наибольшей достоверностью обладает в баснях Крылова образ самого рассказчика. Ему

свойственно «какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться» (А. С. Пушкин).

Сотни строк из басен Крылова стали пословицами и поговорками. Почему? Потому что они образны, метки, выразительны? Да, и еще потому, что они действенны. Заметьте: стихом Крылова мы не только украшаем нашу речь — «крылатыми словами» из басен мы доказываем, обосновываем свое мнение, опровергаем чужое, предупреждаем возможное возражение. Нам нужна действенность, «глагольность», активность слов из басен Крылова: мы ими воздействуем на собеседника.

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Культура речи — это умение, во-первых, правильно говорить и писать и, во-вторых, употреблять языковые средства в соответствии с целями и условиями общения.

Правильной признается речь, которая согласуется с нормами литературного языка — произносительными, грамматическими, лексическими (см. *Норма в языке*). Эти нормы предписывают, например: надо говорить *вада́*, а не *вода́, го́ры*, а не *γо́ры* (знак γ — изображение особого — фрикативного — согласного звука на месте буквы *г*), *идет*, а не *идеть, класть* и *положи́ть*, а не *ложить* и *покласть* и т. д. Речь, в которой встречаются факты, противоречащие литературной норме, нельзя назвать культурной.

Однако правильность лишь первая ступень подлинной речевой культуры. Можно говорить (или писать) правильно, но однообразно, бесцветно, вяло. Такой речи недостает выразительности. А она достигается умелым и уместным употреблением лексики разных стилей (см. *Стилистическая окраска слова*), разнообразием синтаксических конструкций; в устной речи особенно ценно богатство интонаций.

Владение выразительными средствами языка и умение использовать их в зависимости от ситуации общения — второе, помимо правильности, условие культурной речи.

Чтобы это условие соблюдалось, надо иметь ясное представление о стилистической градации языковых элементов, об их различном предназначении (см. *Стилистика*). Так, книжные слова уместны в жанрах книжно-письменной речи — научной статье, докладе, тексте закона, газетной корреспонденции — и мало употребляются в бытовых ситуациях общения. Например, в бытовой речи неуместны слова *идентичный* вместо *одинаковый, таковой* вместо *этот, такой, нежели* вместо *чем, ибо* вместо *потому что*. Особенно вредит бытовому языку канцеляри́т — неуместное употребление канцелярских слов и оборотов. Вот, например, фраза, которую произнес один незадачливый охотник, рассказывая друзьям о своей встрече с медведем: «Ввиду повышенной разъяренности животного я был вынужден спасаться на дереве».

С другой стороны, в деловом документе или в научном сочинении не употребляются слова и обороты стилистически сниженные, разговорные (*докопаться, остолбенеть, дошлый, аж* вместо *даже, как бы не так* и под.).

Стилистическая целесообразность употребления языковых средств, их соответствие потребностям общения — важные принципы культуры речи. Эти принципы лежат в основе и нормализаторской деятельности лингвистов — при разработке ими справочников и пособий по стилистике и культуре речи, в пропаганде лингвистических знаний в печати и по радио. Школьное обучение русскому языку также направлено на формирование у ребят подлинной речевой культуры.

Культура речи — часть общей культуры человека. По тому, как человек говорит, можно судить об уровне его духовного развития, о его внутренней культуре.

Л

ЛАРИНГАЛЬНАЯ ГИПОТЕЗА

Ларингальная гипотеза — гипотеза существования в общеиндоевропейском праязыке фонем, позднее утраченных, но косвенно отраженных в чередованиях гласных.

Эта гипотеза была высказана Ф. де Соссюром в написанном им в молодости сочинении (1878) о первоначальной системе индоевропейских гласных. Соссюр исходит из предположения о том, что индоевропейские чередования гласных первоначально были однотипными. В древних индоевропейских языках выделяется два главных типа чередований гласных. Сочетание краткого гласного *ĕ* и сонанта (*r*, *l*, *m*, *n*, *i*, *u*) в полной (основной) ступени может чередоваться с сонантом без краткого гласного в нулевой ступени, причем сонант («сонантный коэффициент» — в терминах Соссюра) выступает в качестве элемента, образующего слог, например **ĕr* чередуется с **̥r* слоговым. Соссюр предположил, что этот тип чередований является основным для общеиндоевропейского праязыка. К этому типу он свел и чередования долгих гласных, образующих второй тип индоевропейских чередований. Соссюр обнаружил, что — наряду с чередованиями типа **er* : **r* слоговое — в той же самой функции, т. е. в тех же самых морфологических категориях, выступает чередование долгого гласного **ā* с загадочной фонемой, им условно обозначенной как **A*, и долгого гласного **ō* — с фонемой **O̬*. Например, в корне (санскритское *sthā*— «стоять», родственно русскому *ста-ть*) в нулевой ступени (например, в причастии с суффиксом **-tó-*) обнаруживается **stA-*: санскритское *sthi-tá* — «поставленный», греческое *sta-tó-s*, латинское *stă-tu-s*; в корне **dō-* (греческое *di-do-mi* — «даю», родственно русскому «дать») обнаруживается в нулевой ступени **dO̬-*: греческое *dŏ-tó-s* — «данный».

Соссюр предположил, что чередования **ā* : **A*, **ō* : **O̬* должны быть аналогичны чередованиям типа **ĕr* : *r* слоговое. В таком случае **A*, **O̬* нужно было понимать как слоговые варианты тех фонем, неслоговые варианты которых выступают в сочетании с предшествующим *ĕ* в полной ступени чередований: **ā-ĕA*, **o-ĕO*. Следовательно, чередования **ā *A*, **o* : **O̬* нужно понимать как **ĕA* : **A*, **ĕO̬* : **O̬*. Чередования **ĕA* : **A*, **ĕO̬* : **O̬* ничем не отличаются от **er* : *̥r*. Элементы **A*, **O̬*, которые ведут себя при чередованиях точно так же, как другие сонанты, Соссюр считал также «сонантными коэффициентами». Соссюр отметил и наличие третьего ряда чередований, где с некоторым сонантным коэффициентом *x* чередуется **ē*, как в корне **dhē-* санскритское *dhā-*, русское *деть*, греческое *ti-thē-mi* — «кладу»: *the-tó-s* — «положенный».

Для доказательства своей гипотезы о происхождении долгих гласных из сочетаний **ĕ* с сонантными коэффициентами Соссюр использовал сравнение двух классов глаголов в санскрите: глаголов с суффиксом *-nā-* (например, *pu-nā-ti* — «он очищает») и глаголов, характеризующихся вставкой инфикса *-na-* перед последней согласной корня (например, *yu-ná-k-ti* — «он соединяет» — от корня *yug-yuk-*, родственного русскому *иго*, латинскому *yugum* — «ярмо, иго»). Согласно предположению Соссюра, в *pu-nā-ti* перед конечной фонемой *-A* вставляется инфикс *-ne-*, так же как этот инфикс (дающий *-na-* в санскрите, где индоевропейское **ĕ* перешло в *a*) вставляется перед конечным *-k* (из *-g* перед глухим *-t*) в *yu-ná-k-ti*. Доказательством того, что корень в **pu-ne-A-ti* > *pu-nā-ti* действительно оканчивался на сонантный коэффициент **A*, является отражение этого **A* > санскрит *i* в таких именных производных от этого корня, как инфинитив *pávitum*, где *pávi-* < **peu̯ A-*.

При описании корней типа *pavi-* Соссюр основывался на той классификации, которая была намечена еще в древнеиндийском языкознании.

Древнеиндийские грамматики, в частности, при описании санскритских чередований гласных и структуры корня впервые дали представление о языке как системе; эта сторона древнеиндийской науки о языке нашла продолжение в исследованиях Соссюра. Гипотеза о существовании в общеиндоевропейском языке особой фонемы **A* позволила Соссюру дать объяснение истории корней, которые в санскрите могли оканчиваться на *-i*, как *pavi-*. Древнеиндийские ученые назвали такие корни «корнями *set*» (т. е. имеющими *-i*) в отличие от корней *anit* (т. е. не имеющих *-i*). Согласно теории Соссюра, различие между корнями этих двух типов определяется тем, что корни *set* некогда оканчивались на фонему *A*, отразившуюся в санскрите как *i*. В корнях этого типа обычно видели долгие сонанты, например долгое **ū* в *pavi-*, хотя это трудно согласовать с формой корня *pū-* в *pu-nā-ti*. Согласно Соссюру, следует говорить не о долгих сонантах, а о сочетаниях слогового сонанта с фонемой **A*, например **puA-*.

Другое подтверждение гипотезы о существовании в индоевропейском праязыке фонем **A* и **O̬* Соссюр видел в том, что в некоторых

формах, где можно предположить эти фонемы, в санскрите обнаруживаются глухие придыхательные из сочетаний типа *tA > th, например в форме *ti-ṣṭhā-ti* — «он стоит» (удвоение от корня *sthā*— «стоять»). Эта гипотеза привела позднее к устранению серии глухих придыхательных фонем из систем индоевропейских смычных, реконструировавшихся преимущественно на основе санскрита. В свою очередь исключение серии глухих придыхательных способствовало радикальному пересмотру всей системы смычных,. который производится в настоящее время в работах по индоевропейской сравнительно-исторической фонологии.

Замечательной особенностью теории Соссюра было то, что она основывалась на внутреннем анализе фактов общеиндоевропейского праязыка и санскрита. Соссюр мог реконструировать исчезнувшие сонантные коэффициенты только на основании исследования соотношений в языке, рассматривавшемся им как целостная система. Поэтому он смог дать единое описание всей индоевропейской системы чередований с сонантами, как подчиненной одному общему принципу.

Из того, что определенные морфологические типы образования (например, имена с суффиксом *-tó-*) характеризуются всегда только одним видом огласовки (скажем, нулевым), следовало, что любую фонему в этой позиции нужно описывать как след старого нулевого типа огласовки. Точно так же разные типы глагольных носовых аффиксов в санскрите Соссюр сводит к одному типу. Он не только выигрывает в однообразии и простоте описания, но при этом с помощью внутренней реконструкции открывает существование исчезнувших фонологических элементов, оставивших только косвенный, едва заметный след. На основании проанализированных им соотношений Соссюр не мог и не хотел давать более конкретного фонетического определения фонемам *A, *O: они были определены им только на основании их функций. Соссюр восстановил абсолютную систему отношений между индоевропейскими фонемами, для фонетического истолкования которой требовалось привлечь дополнительные факты.

Вскоре после выхода книги Соссюра датский лингвист Г. Меллер развил его идеи, придя к мысли о наличии трех таких фонем: *ē < *ĕ E, *ā < *ĕ A, *ō < ĕ O (где E = x у Соссюра, O = O у Соссюра); эти фонемы влияли не только на долготу (количество), но и на качество гласных: *Eĕ > ĕ, *Aĕ > ă, *Oĕ > ŏ; соответственно корни, начинающиеся позднее на гласный, когда-то начинались с этих исчезнувших фонем: *ĕs- < *Eĕs-. Фонемы *E, A, O*, объясняющие происхождение индоевропейских гласных (долгих и кратких) из комбинаций этих фонем с предшествующим или последующим ĕ, Меллер предложил считать гортанными — ларингальными, мотивируя это рядом индоевропейско-семитских этимологий, в которых этим фонемам соответствовали семитские ларингальные. Эта линия исследования ларингальных с помощью внешней реконструкции была продолжена в начале XX в. французским ученым А. Кюни, который первый предложил единообразную схему индоевропейского корня CVC (согласный + гласный + согласный), где C могло быть и ларингальной фонемой.

Окончательное доказательство идеи Соссюра, признававшейся лишь немногими учеными, было дано через 50 лет после ее выдвижения польским лингвистом Е. Куриловичем, который показал, что в незадолго до того прочитанном хеттском языке (см. ***Хеттская письменность***) в тех словах, где ожидаются *A, *O, по Соссюру, реально представлена фонема ḫ. Как показали дальнейшие исследования, в хеттском сдвоенное написание *-ḫḫ-* (передающее, очевидно, напряженный заднеязычный щелевой) встречается в корнях, соответствующих индоевропейскому *ā < *ĕA по Соссюру: хеттское *paḫ(ḫ)š* — «хранить»; санскритское *pā*— «пасти, хранить»; латинское *pā-sc-ō* (перфект *pāvī*) — «пасу»; русское *пасти*. Хеттское несдвоенное написание ḫ (передающее, очевидно, ненапряженный заднеязычный щелевой) встречается в корнях, где в других индоевропейских языках представлено *ē долгое (из сочетания *ĕ с фонемой E по Меллеру, x по Соссюру, $*E\text{-}x\text{-}*ə_1\text{-}*H_1$, $*A\text{-}*ə_2\text{-}*H_2$, $*O\text{-}*ə_3\text{-}*H_3$ в более новых обозначениях): хеттское *meḫur* — «время»: санскритское *mā́-ti* — «он измеряет»; русское *мера, месяц*. Открытие в хеттских ḫ, ḫḫ соответствия сонантным коэффициентам Соссюра, которые он установил благодаря методу внутренней реконструкции, явилось триумфом этого метода. Позднее наличие соответствий названным фонемам в заднеязычных типа *h, kh* было установлено и в других древних индоевропейских языках Малой Азии (анатолийский или хетто-лувийский), а также в древнеармянском *h*. В балтийских и некоторых славянских языках ларингальные нашли отражение в виде особой (акутовой) интонации.

ЛАТИНИЦА

В настоящее время латинским письмом (латиницей) пользуются около 30—35% населения земного шара: почти вся Европа (кроме Греции, Болгарии и отчасти Югославии; в СССР на латинице пишут литовцы, латыши и эстонцы), Америка, Австралия и почти вся Африка; в Азии на латиницу перешли Турция, Индонезия и отчасти Филиппины.

Готическое письмо.

Однако в начале своего существования латинское письмо было лишь у жителей Рима и маленькой области вокруг Рима (Лациум). Причем латинское письмо не было изобретением самих римлян. Оно явилось результатом занесенного сюда греческими колонистами западногреческого алфавита и местного,этрусского письма.

С ростом Римского государства расширялись границы распространения латинского письма. Римские завоеватели, насаждая в завоеванных областях свою культуру, приносили с собой римский образ жизни, латинский язык и латинскую письменность, которые распространились на территории всей Римской империи.

После разделения Римской империи на Восточную и Западную латинский язык и латинская письменность остались средством общения в Западной Римской империи. А после ее падения (476 г.) латинское письмо было воспринято всеми молодыми «варварскими» народами, основавшими (IV—V вв.) на территории бывшей Западной Римской империи свои государства.

За свою долгую историю латинское письмо не раз менялось под влиянием самых разных факторов: территориальных, местного письма (если оно было), изменений материала письма (камень, металл, восковые таблички, папирус, пергамен, бумага), изменений орудий письма (резец, стиль, калам, перо) и т. д.

Первые памятники латинской письменности, дошедшие до нас, относятся к VIII—VI вв. до н. э. Это надписи, сделанные на твердом материале: камне, металле и т. п. И только к I в. относятся тексты на папирусе, к IV—V вв.— на пергамене и лишь к XIII в. — на бумаге.

Древнейшей формой латинских надписей является «капитальное» письмо на камне. Техника высекания на камне определила большие размеры и форму букв. Это как бы наши большие печатные буквы. Для латинского письма такой тип называется «маюскул» (от лат. *majus* — «больше»). Буквы в таком письме не связаны друг с другом и занимают пространство между двумя мысленно проводимыми горизонтальными линейками: A B C D E F G.

Противоположный маюскулу тип письма — минускул (от лат. *minus* — «меньше»), т. е. письмо строчными (маленькими) буквами. В минускуле часть букв располагается уже не между двумя, а между четырьмя линейками; петли и линии, отходящие от строчных букв вверх и вниз, называются выносными, а та часть буквы, которая остается в пределах двух средних линеек, называется корпусом (телом) буквы. В латинском минускуле буквы с выносными — это b d f g h l p q t y.

Минускул можно сравнить с нашими печатными строчными буквами. Минускул в латинском письме появился гораздо позднее, чем маюскул. Античность знала только маюскульное письмо; потом капитальное маюскульное письмо, созданное для твердого материала (камня и резца), было перенесено и в книги: на папирус, а затем на пергамен и бумагу.

Для делового письма использовался другой тип латинского письма — курсив (от лат. *cursus* — «бег»), т. е. беглое письмо, где главным было стремление к быстроте и удобству писания; отсюда — связывание букв одним непрерывным движением пера, сильный наклон их вправо и обилие лигатур (слитных букв). Курсив можно сравнить с нашими письменными буквами, т. е. с текстом, написанным от руки, в отличие от печатного текста.

В ранний классический период курсив — это небрежное и трудное для чтения письмо черновиков, неважных и недолговечных записей на восковых табличках, свинцовых пластинках, на черепках и даже на стенах домов в Помпеях — так называемые «заборные» надписи. Помпейские «заборные» надписи иногда по содержанию очень напоминают наши современные самодеятельные надписи типа «Здесь был Коля» и т. п., сделанные на стенах, заборах и т. д.

Лишь в императорскую эпоху, при росте канцелярской документации, курсив упорядочивается и совершенствуется как письмо деловой переписки, документов, грамот.

С течением времени преобразовалось и книжное латинское письмо, и деловое, т. е. и маюскул, и курсив. На всем протяжении эволюции латинского письма можно проследить общую

тенденцию сближения этих двух видов письма.

Самые древние дошедшие до нас памятники книжного письма — это папирусы, написанные капитальным письмом и содержащие в основном произведения античных авторов: Вергилия, Цицерона, Плавта.

Хронологически следующим после капитального типа письма является унциал, книжное письмо IV — VIII вв. на пергамене. В основном это уже христианские тексты, поэтому унциал иногда называют «христианским» типом письма. Происхождение термина «унциал» спорно. Возможно, унциальные буквы — это искаженное *initiales* (т. е. начальные), так как в последующие эпохи, вплоть до наших дней, унциал наряду с капитальным письмом используется только для заглавных букв текста, для начала книг, для заголовков. Общее впечатление от унциала по сравнению с капитальным письмом — большая округлость и мягкость: они объясняются переходом к пергамену (более мягкому и податливому материалу, чем папирус); в то же время это первый шаг к курсиву. В унциале, хотя в целом это маюскульный тип письма, впервые появляются выносные, но они еще коротки и немногочисленны.

Письмо, «как один из деликатнейших отделов истории культуры», является отражением эстетических вкусов той или иной эпохи. Вкусы эти меняются с течением времени. Вероятно, именно изменением эстетических вкусов эпохи можно было бы объяснить переход (в XI — XII вв.) к новому типу письма, получившему позднее название «готическое письмо».

Характернейшей чертой готического письма является излом букв. Постепенно усиливается разница между жирными и волосными (очень тонкими) линиями; первые значительно утолщаются, вторые становятся тоньше. В местах их соединения буква как бы слегка изламывается, вертикали и выносные получают угловатые окончания. В буквах с закругленными очертаниями корпуса (b, d, o, p, q) овалы превращаются в ромбики. Постепенность в развитии излома может быть объяснена лишь такой же постепенностью в изменении заточки пера, его особой формы.

Несомненна соотнесенность готического письма с искусством готики в целом. Но в то же время причины графических изменений в письме XI — XII вв. следует искать и в другом. Удлиненные пропорции и их тесное расположение внутри слова давали возможность более экономно расходовать писчий материал (раннеготическое письмо — на 12—15%, а развитое готическое письмо — на 50%). А ведь именно с XI в. во всех странах Западной Европы в связи с ростом городов ощущается потребность в развитии школ и образования. В XII в. начали появляться первые университеты. Развитие и расширение образования увеличило спрос на книги. Писчим материалом по-прежнему оставался лишь дорогой пергамен. Нехватка писчего материала, которая стала ощущаться уже очень отчетливо, вела к поискам более экономных форм письма. В этом отношении очень характерно то обстоятельство, что по мере распространения бумаги с конца XIII в., особенно в XIV—XV вв., в готическом письме стали утрачиваться именно те черты, которые делали его экономным, т. е. вытянутость, сжатость и тесное слияние букв, а также минимальное расстояние между словами и строчками. Готическое письмо становится «раскидистым», свободным, с длинными выносными, хотя и сохраняет те черты, которые соответствуют уже сложившимся в ту пору эстетическим нормам готического стиля в целом, т. е. сохраняет свой излом. Не случайно одно из первоначальных названий этого типа письма было «фрактура» (т. е. перелом), а «готическим» или «монашеским» его назвали итальянские гуманисты, противопоставив этот тип письма как средневековый своему новому письму эпохи Возрождения.

В XIII—XV вв. готическое письмо стало универсальным во всей Западной Европе, хотя почти каждая страна обладала своим национальным вариантом этого письма.

В XV в. деятели эпохи Возрождения задались целью возродить не только античную культуру, но и это античное письмо, *littueral antiquae* (т. е. древнее письмо), как они его называли.

С изобретением книгопечатания именно это письмо послужило основой для создания первого печатного итальянского шрифта (в 1465 г. в монастыре Субиако близ Рима, где была создана первая в Италии типография) и его названия — антиква. Между прочим, первая Библия была напечатана И. Гутенбергом в 1450—1456 гг. готическим шрифтом.

В XVI в., когда книги обычно уже не пишутся, а печатаются, шрифт, который усваивают типографии,— тот самый, которым в каждой стране писались книги в XV в.: это готический шрифт в Германии и возрожденная антиква в Италии.

Готический печатный шрифт и готическое обычное письмо существовали длительное время, особенно в Германии, и вышли из употребления лишь в середине XX в. Шрифт антиква применяется и в наши дни.

ЛЕКСЕМА И ФОРМА СЛОВА

Рассмотрим понятие лексемы на примере предложения *Белка прыгает с ветки на ветку.* Об этом предложении можно сказать, что оно состоит из шести слов и что слово *ветка* упот-

реблено в нем два раза. Эти утверждения как будто противоречат друг другу. Первое из них предполагает, что *ветки* и *ветку* — разные слова, а второе — что это одно слово. Причина такого мнимого противоречия в том, что существительное «слово» многозначно, и в приведенных утверждениях оно употреблено в разных значениях. В научном языке, который стремится избегать многозначности, для каждого из этих значений существует свой термин. Слово в конкретной форме, в которой оно предстает в предложении, называется словоформой. *Ветки* и *ветку* — это разные словоформы. Слово в совокупности его форм (*ветка, ветки, ветку, веткой* и т. п.) называется лексемой. Что же объединяет формы слов, которые относятся к одной лексеме? Их объединяет общее лексическое значение или, точнее, общая система лексических значений, потому что лексема может быть многозначной.

В предложении *Белка прыгает с ветки на ветку*, следовательно, использовано 5 лексем, и одна из них представлена двумя словоформами: *ветки, ветку*.

Каждая лексема принадлежит к определенному грамматическому классу (например, *ветка* — существительное женского рода, 1-го типа склонения).

Система словоформ, относящихся к одной лексеме, называется ее парадигмой (см. *Парадигма и синтагма*).

Парадигмы разных грамматических классов лексем различаются по своей структуре. Самые простые из них состоят из одного ряда противопоставленных форм, например: *кто — кого — кому — кого — кем — о ком* (местоимение *кто* изменяется только по падежам). Чем больше грамматических значений выражается в формах лексемы, тем сложнее ее парадигма. Наиболее сложную парадигму в русском и других индоевропейских языках имеют глаголы. Парадигма глагола состоит из ряда частных парадигм (формы каждого наклонения образуют свою парадигму), которые в свою очередь членятся на более мелкие части (например, парадигмы разных времен изъявительного наклонения). У неизменяемых слов лексема и словоформа совпадают (*давно, здесь, если* и т. п.).

В словарях каждая лексема представлена одной из словоформ, которая называется словарной (или исходной). В русском языке словарными формами являются: для существительных — им. п. ед. ч., для прилагательных — им. п. ед. ч. мужского рода, для глаголов — инфинитив. При этом во многих словарях (толковых, грамматических, двуязычных) даются сведения и о других формах лексемы, по которым, зная грамматику языка, можно восстановить всю парадигму.

ЛЕКСИКА КАК СИСТЕМА

Слова в языке не живут изолированно, но объединяются в группы — системы — разных объемов (см. *Система языка*).

Из всех систем, которые мы обнаруживаем в языке, лексическая система самая подвижная.

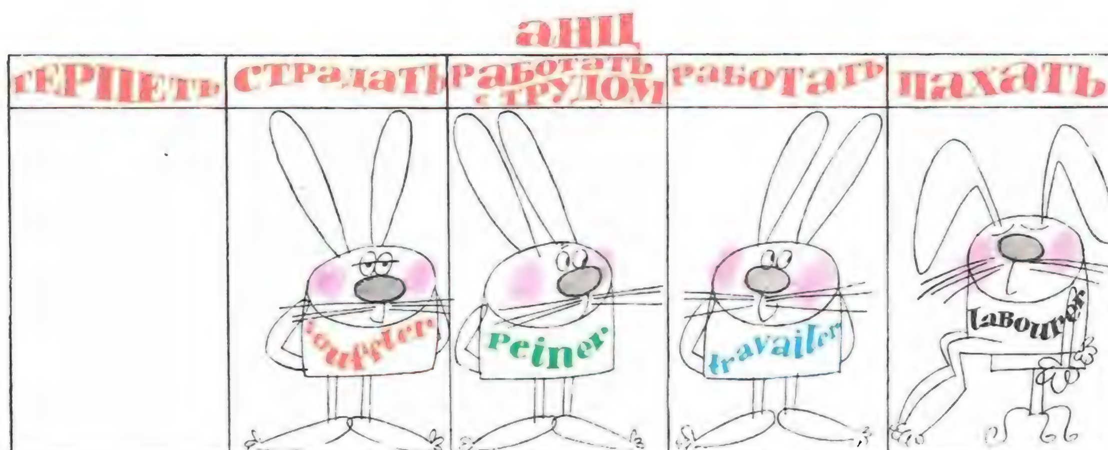
Нередко в языке образуются системы слов, в которых общности значений соответствует и параллелизм форм. Например, глаголы, обозначающие движение, в русском языке образуют стройную систему, элементы которой различаются по трем основным признакам: способ движения (*идти, ехать, плыть* и т. п.), *самостоятельный* или *несамостоятельный* характер движения (сравните *идти, ехать*, с одной стороны, и *вести, везти, нести*, с другой) и направление движения (выражается приставками: *в-* — «внутрь», *вы-* — «изнутри», *вз-* — «вверх», *с-* — «вниз» и т. п.) Эту систему можно представить в виде таблицы (см. табл.).

Даже в этой стройной системе мы обнаруживаем непоследовательности. Так, движение «вверх» в одних случаях обозначается приставкой *вз-* (*взойти*), в других — *в-* (*въехать на*), вследствие чего образуется многозначность глагола (*въехать в город* и *въехать на гору*).

Более разнообразны лексические системы,

Система глаголов движения в русском языке

Направление движения	Способ передвижения					
	независимое движение				*зависимое движение*	
	идти	ехать	бежать	лететь	нести	везти
в-	войти	въехать	вбежать	влететь	внести	ввезти
вы-	выйти	выехать	выбежать	вылететь	вынести	вывезти
вз-	взойти	взъехать	взбежать	взлететь	взнести	взвезти
с-	сойти	съехать	сбежать	слететь	вознести	свезти
под-	*подойти*	*подъехать*	подбежать	подлететь	поднести	подвезти
от-	отойти	отъехать	отбежать	отлететь	отнести	отвезти
при-	прийти	приехать	прибежать	прилететь	принести	привезти
у-	уйти	уехать	убежать	улететь	унести	увезти



основывающиеся только на значениях. Элементами таких систем являются лексические единицы — слова и словосочетания. Между этими элементами могут быть такие семантические отношения: 1) смысловое подобие (синонимия: *путь — дорога*); 2) смысловая противоположность (антонимия: *холодный — горячий*); 3) отношение включения (родовой термин — видовой термин: *дерево — сосна*); 4) отношение соположения (соподчиненные видовые понятия, входящие в одно родовое: *сосна — ель — лиственница — кедр*, входящие в группу хвойных деревьев); 5) присущность (предмет и его часть, признак, связываемое с ним действие и т. п.: *сосна — шишка, хвоя, расти* и т. п.; *скрипка — скрипач*).

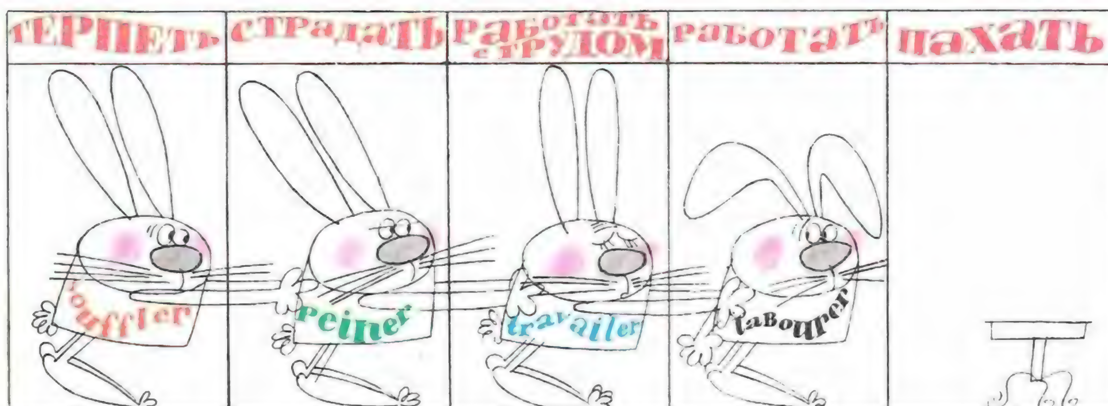
Уже всякая пара слов, связанная такими отношениями, составляет лексическую микросистему. Между этими словами, как и между элементами любой системы, могут реализоваться различные связи, происходить процессы притяжения и отталкивания (по смыслу). Например, *скрипка* — «инструмент» → *скрипка* — «музыкант» (*первая скрипка в оркестре*).

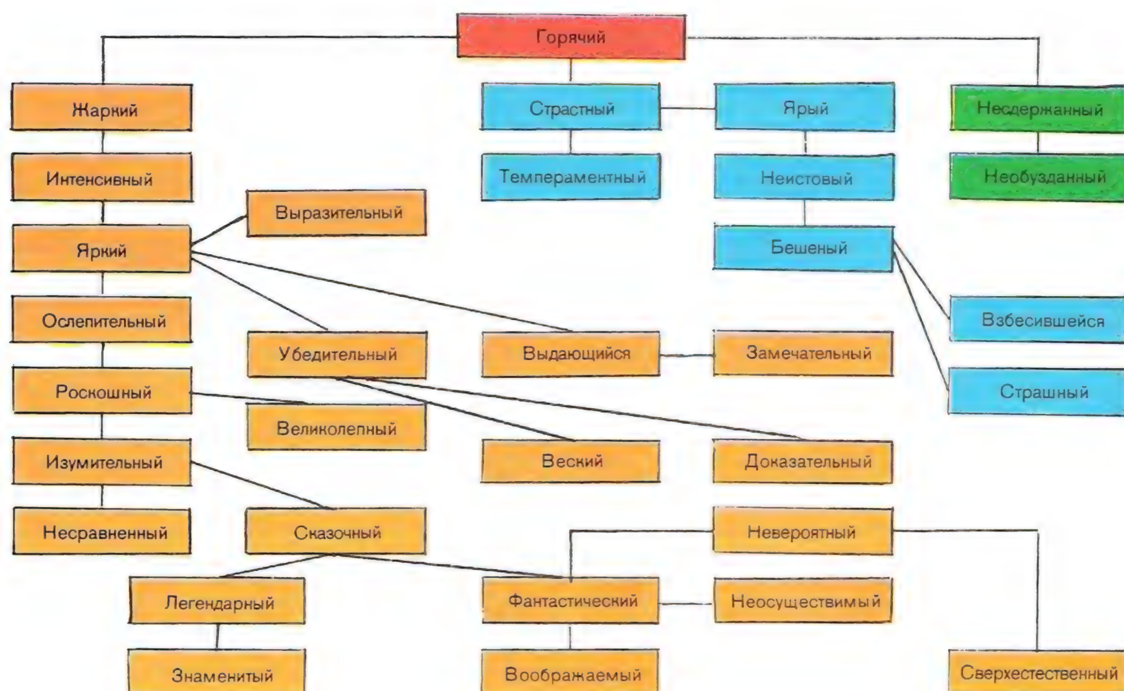
Сходные по значению слова в разных языках образуют различные микросистемы, которые и создают специфику данного языка в лексической области. Например, в русском языке различаются три лексические единицы: словосочетание *сельское хозяйство* (родовой термин общего значения) и два соподчиненных термина *земледелие* и *животноводство*. Во французском языке слово *agriculture* выступает одновременно и как родовой термин («сельское хозяйство»), и как видовой («земледелие»), противопоставляющийся другому видовому термину — *élevage* («животноводство»).

Пары и тройки слов, связанные перечисленными выше отношениями, образуют более крупные системные единства: синонимические ряды и семантические поля.

Например, прилагательные *горячий, жаркий, раскаленный, обжигающий, жгучий, знойный* и т. п. образуют синонимический ряд, в котором в качестве основного слова (доминанты) выступает *горячий*. Ряды синонимов со значениями «горячий», «холодный», «теплый» образуют лексико-семантическую группу — семантическое поле — с общим значением «температурное ощущение».

Многие слова языка многозначны; своими разными значениями они относятся к различным семантическим полям. Так образуются дополнительные отношения, скрепляющие семантические поля. Опираясь на все смысловые





связи, мы переходим от одного семантического поля к другому, так что можно в конце концов охватить значительную часть всего словаря данного языка. При этом связываются цепочкой отдаленные и даже противоположные значения. Например, синонимом слова *теплый* является в одном из значений *утепленный*, в другом — *мягкий*. В свою очередь, в другом значении *мягкий* имеет в качестве синонима *ласковый* и др. Так образуется цепочка слов и значений: *утепленный — теплый — мягкий — ласковый — нежный*.

Слова, связанные такими цепочками, нередко вытесняют своих соседей, употребляются вместо них, так что в этих микросистемах постоянно идут перегруппировки и сдвиги значений. Например, глагол *souffrir*, означавший в старофранцузском языке «терпеть, ждать», получил значение «страдать», глагол *peiner*, означавший «страдать», стал значить «работать с трудом», глагол *travailler*, имевший это значение, обозначает теперь «работать вообще», глагол *labourer*, некогда значивший «работать», значит теперь только «пахать». В этой цепочке каждый из первых трех глаголов вытеснил своего соседа и занял его место. Хотя глаголы сохранились (если не принимать во внимание закономерных фонетических изменений), но их системные отношения резко изменились.

Системные связи в лексике играют важную роль не только в историческом развитии словарного состава языка, но и в повседневном пользовании языком. Выбирая слова в процессе речи, мы намеренно или непроизвольно всякий раз учитываем эти связи, присутствующие в нашем языковом сознании.

ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Однажды молодой (а впоследствии знаменитый) французский поэт Шарль Бодлер пришел к другому поэту, маститому Теофилю Готье. Готье спросил его: — Читаете ли вы словари?

Бодлер ответил, что да, читает охотно. И Готье стал говорить ему, как необходимо это занятие писателю, сколько полезного можно почерпнуть из чтения словарей.

Читать словари?! Что за странность! Ведь это не роман, не детективная повесть. Как же можно их читать?

И все-таки Готье был прав: без постоянной работы со словарями у писателя не может быть подлинной филологической культуры. И такая работа необходима не только писателю: каждый культурный человек постоянно обращается к словарю.

Создание словарей — задача особой отрасли лингвистической науки — лексикографии (от греч. *lèxis* — «слово» и *gráphō* — «пишу»). Лексикография обычно определяется как теория и практика составления словарей.

Все словари делятся на энциклопедические и филологические. Энциклопедия описывает мир, объясняет понятия, явления, дает биографические справки о знаменитых людях, сведения о городах и странах, о выдающихся событиях (скажем, о войнах, революциях). Ничего этого в филологических словарях нет: в них содержится информация о словах.

Существуют многочисленные типы филологических словарей. Большинству людей извест-

ны словари двуязычные. Они создаются для целей перевода и особенно активно используются при изучении иностранных языков. Среди двуязычных масса словарей отраслевых — по той или иной отрасли знания, техники, например: англо-русский словарь по электронике, французско-русский физический словарь и т. п.

Одноязычные словари еще более разнообразны.

Сведения о правильном написании слова вы можете получить в орфографическом словаре, о том, как слово надо произносить,— в словаре орфоэпическом (т. е. словаре правильного, литературного произношения); происхождение слова, его путь в языке, все изменения, которые с ним происходят на этом пути, описываются в словарях этимологических и исторических. Употребительность языковых единиц, их частоту в тексте регистрируют частотные словари, устойчивые словесные сочетания — словари фразеологические.

Есть словари грамматические, содержащие информацию о морфологических и синтаксических свойствах слова; обратные, в которых слова расположены по алфавиту их конечных букв (а это необходимо для различных специальных целей, в частности для лингвистических исследований), терминологические, диалектные, словари языка писателей, словари речевых неправильностей и трудностей. Есть словари, посвященные описанию отдельных групп лексики; таковы, например, словари синонимов, антонимов, омонимов.

Этот перечень был бы неполон без двух типов словарей, имеющих наиболее давнюю лексикографическую традицию. Это словари толковые и идеографические. И в тех, и в других описывается смысл слов. Но в толковом словаре слова располагаются по алфавиту, а в идеографическом — по группам, которые выделяются на основании некоторых общих свойств (например, таких: Человек, Животное, Действие, Физическое свойство, Чувство и т. п.).

Современная лексикография развивается по двум основным направлениям. Одно — создание специализированных словарей, в которых содержалась бы информация только одного типа (например, только о написании слова либо о его происхождении и т. д.). Другое — создание «комплексных» словарей, которые включали бы по возможности все сведения о слове: не только давали бы толкование его значения, грамматические характеристики, правила произношения и написания, но и описывали смысловые связи его с другими словами (синонимами, антонимами), особенности его употребления в разных стилях речи. Иногда для полноты в такие комплексные словари включают и энциклопедические сведения о вещи, которую называет слово.

Разрабатываются различные типы словарей и в зависимости от того, кому они адресуются. Так, например, есть словари академические (в которых информация о слове — наиболее полная) и учебные, которые преследуют цель научить человека, овладевающего языком, правильно использовать слово; словари для широкого пользования (таков, например, знаменитый «Словарь русского языка» С. И. Ожегова) и словари-справочники, адресованные представителям определенных профессий (например, существуют «Словарь ударений для работников радио и телевидения» и «Словарь жаргонных слов и оборотов для работников уголовного розыска»). Особый тип составляют словари для различных технических, прикладных целей, например для автоматической обработки текста, для машинного перевода, информационного поиска и т. п.

Словом, современная лексикография представляет собой словарную индустрию, которая удовлетворяет потребность в самых разнообразных типах информации о слове.

Составление словарей — дело трудное, кропотливое и долгое. Над своим «Толковым словарем живого великорусского языка» В. И. Даль трудился всю жизнь.

Многолетним подвигом И. И. Срезневского, выдающегося русского ученого, была работа над словарем древнерусского языка. В нем собраны несметные сокровища нашей древней речи. Да и целые коллективы составителей работают над созданием словарей многие годы, десятилетия. Академический словарь современного русского языка в 17 томах выходил с 1950 по 1965 г. (в 1970 г. он был удостоен Ленинской премии).

В наше время помощь лексикографам оказывают машины: они могут копировать и размножать цитатный материал, выполнять другие вспомогательные операции, но основная, творческая работа, конечно, остается людям (см. *Словарь В. И. Даля; Словарь под редакцией Д. Н. Ушакова*).

ЛЕКСИКОЛОГИЯ

Лексикология — отрасль лингвистики, которая изучает словарный состав языка: системную организацию словаря, состав его с точки зрения происхождения и стилистической окраски слов, исторические изменения в лексике и т. п.

См. статьи: *Антонимы, Архаизмы, историзмы, Заимствование лексическое, Исторические изменения в лексике, Исторические изменения в лексической системе, Конверсивы, Лексика как система, Лексическая сочетаемость, Многозначность слова, Неологизмы, Окказионализмы, Омонимы, Паронимы, Синонимы, Слово, Стилистическая окраска слова, Терминология.*

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ

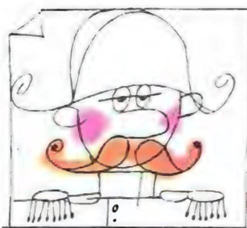
Слова в предложении связаны друг с другом грамматически и по смыслу. Грамматические связи обеспечивают грамматическую правильность речи. Примеры грамматических связей: согласование прилагательного-определения с определяемым существительным в роде, числе и падеже (*спелый колос — спелая вишня — спелое яблоко — спелые плоды*), глагольное управление существительными (*забиваю гвоздь, вышел на улицу, занимались спортом*).

Смысловые связи обеспечивают правильность высказывания по смыслу.

В отличие от грамматических связей, которые, как правило, обнаруживают себя в форме связываемых слов (например, в окончаниях), смысловые отношения слов редко выражаются в их облике. Тем не менее, употребляя слово в речи, мы должны согласовывать его по смыслу с другими словами. Это смысловое согласование выражается в двух типах словесной сочетаемости — семантической и лексической.

Семантическая сочетаемость слова — это его способность вступать в сочетания с целыми классами слов, объединяемых общностью смысла. Например, глаголы *думать, полагать, радоваться, смеяться, грустить* и другие описывают различные состояния человека; значит, и сочетаться они могут лишь с такими словами, которые обозначают человека (это и есть один из семантических классов): *мальчик, старик, прохожий, врач, учительница* и т. п. Только в сказке или в фантастической повести возможны выражения вроде *коза задумалась* или *шкаф засмеялся*.

Лексическая сочетаемость слова — это его способность вступать в сочетания не с любым словом из какого-либо семантического класса, а только с некоторыми. Например, существует



класс слов, объединяемых общим смыслом 'множество, совокупность': *стадо, табун, стая, рой, косяк* и т. п. При необходимости обозначить множество каких-нибудь животных мы не можем сочетать название любого животного с любым из этих слов. Говорят: *стадо коров, табун лошадей, стая птиц, рой пчел, косяк рыбы* (но не «стая рыбы или рыб», «стадо пчел», «рой лошадей» и т. п.).

Причину подобного разнообразия можно усмотреть в реальном многообразии обозначаемых предметов, веществ и явлений: так, коровы и птицы, лошади и пчелы, пчелы и рыбы столь различны по самой своей природе, что и удивляться нечего разному «поведению» соответствующих слов в сочетаниях с другими словами.

Но и в случае, когда речь идет не о конкретных вещах, а, скажем, об отношениях или действиях (т. е. о лексике отвлеченной, абстрактной), сочетаемость слов лексически обусловлена. Пишут: *совершить нападение, произвести осмотр, оказывать сопротивление, дать совет*. Очевидно, что глаголы *совершить, произвести, оказывать, дать* в этих сочетаниях играют одну и ту же роль — «оглаголивают» существительное, которое при необходимости легко превратить в глагол, равный по смыслу всему словосочетанию: *напасть, осмотреть, сопротивляться, посоветовать*. Однако язык четко разграничивает сочетаемость этих глаголов (и существительных с глаголами), и ни один человек, владеющий русским языком, никогда не скажет и не напишет «совершить совет» или «производить сопротивление».

Поистине поразительна та избирательная сила, которой наделено языковое сознание человека, говорящего на родном для него языке он не ошибется, не спутает обороты *потерять терпение* и *утратить спокойствие*. Но как же должно быть сложно то устройство в мозгу, которое управляет лексической сочетаемостью!

Избирательность языка в словесных сочетаниях порождает его идиоматичность, национальную самобытность и выразительность. Эти свойства формируются веками, в процессе длительного употребления слова. Они отличают один язык от других и составляют главную трудность при овладении языком.

Так, например, не исключено, что француз, изучающий русский язык, восхищаясь чем-нибудь, может воскликнуть: «Сильно хорошо!» Ведь французское выражение *fort bien*, соответствующее нашему *очень хорошо*, буквально переводится именно так: «сильно хорошо». Клочок земли он может назвать «углом земли» (таков буквальный перевод французского выражения *coin de terre*), виновника пожара — «автором пожара» (*l'auteur de l'incendie*).

Различия в лексической сочетаемости могут быть не только между языками, но и внутри одного языка — в разные эпохи его развития.

ЛЕРМОНТОВ М. Ю. ЯЗЫК ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Чтобы ощутить своеобразие лермонтовского языка, начнем с одного очень характерного для поэта слова-символа и подумаем, что значит слово *буря* в памятном всем с детства «Парусе» (1832). Очень часто говорят, что в этом стихотворении выражен призыв к буре. И в самом деле: «А он, мятежный, просит бури, Как будто в бурях есть покой». Но, с другой стороны, буря в своем прямом значении ведь только что описана («Играют волны, ветер свищет, И мачта гнется и скрипит»). И лирическим откликом на нее было вовсе не выражение радости, а грустное, скептическое «увы!». Значит, буря здесь — это прежде всего борьба, неприятие того, что есть, в том числе и реально происходящей бури.

Но ведь борьба должна всегда вестись за что-то определенное. К чему же стремится лирический герой «Паруса»? И на этот вопрос не так легко ответить. Вспомним: «Увы! Он счастия не ищет И не от счастия бежит». Не зря здесь выделено дважды повторенное и ритмически усиленное слово *счастие*, не зря подчеркнуты поставленные на самую сильную в стихе конечную позицию глаголы движения. Как же связаны эти смысловые центры, какое движение развертывается перед нами: стремление к счастью или отказ от него? Обе эти возможности равно отвергаются прямым значением этих стихов. И получается, что стремление это вообще неопределимо через какую-то объективную, вне его находящуюся и конкретную цель. А буря в «Парусе» — это прежде всего «бессменная тревога духа» (А. Блок), романтическая борьба — стремление к недостижимому идеалу и отказ от всего достигнутого и достигаемого.

Мы начинаем с «Паруса», потому что в этом стихотворении можно увидеть по-юношески резко и ясно намеченный «чертеж» лермонтовского художественного мира, а именно им определяются законы и своеобразие поэтического языка, в котором этот мир только и существует. Мир этот антагонистически противоречив, и одно из наиболее характерных его языковых воплощений — романтическая антитеза, содержащая в себе одновременно и контрастное противопоставление, и уподобление двух противоположных частей навсегда потерянного гармонического целого.

Я говорю с подругой юных дней;
В твоих чертах ищу черты другие;
В устах живых уста давно немые,
В глазах огонь угаснувших очей.

Противоречия наполняют собою буквально каждую клеточку стихотворения. «Нет, не тебя так пылко я люблю» — что это: утверждение или отрицание? Двойное отрицание («Нет, не»)

М. Ю. Лермонтов. Портрет работы Ф. Константинова.

и столь же напряженное утверждение любви («Пылко... люблю») совмещены в едином интонационном движении, и главное здесь не сами по себе противоречия и контрасты, а стремящаяся возвыситься над каждым из них мятежная личность. И если в страшном мире николаевской реакции равно неприемлемыми окажутся даже жизнь и смерть, могучий дух этой личности будет стремиться возвыситься и над ними:

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!
Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь...

Язык Лермонтова и воплощает прежде всего внутренний мир и историю души этой мятежной личности. Поэтому в самых различных его разновидностях: и в ораторском пафосе «Смерти поэта», и в балладном повествовании «Трех пальм», и в лирической напевности «Казачьей колыбельной песни», и в сложном сплаве различных речевых стилей «Героя нашего времени» — общим свойством лермонтовского языка является пронизывающая его энергия, патетическая напряженность, внутренняя неуспокоенность при внешней четкости и ясности выражения.

Рисунок М. Ю. Лермонтова.

Последнее противоречие очень важно для языка Лермонтова и в поэзии, и в прозе. Скажем, в «Парусе» все многочисленные контрасты охвачены четкой трехчастной организацией: три четверостишия по многим структурным признакам образуют своего рода «триаду» — вторая строфа противопоставлена первой, а третья возвращается к ней. И эта строгая и стройная трехчастность, несущая в себе отзвук гармонического строя и гармонического разрешения противоречий, соединяется с внутренней антитезностью, так что поэтическое слово совмещает в себе внутреннюю напряженность и замкнутость этого напряжения в четких и стройных внешних границах.

А вот, казалось бы, совсем другой пример: монолог Печорина из «Княжны Мери» — рассказ о том, как конфликт героя и общества порождает внутренние противоречия в его характере. Речевая структура монолога, выражая эти многочисленные антитезы, опять-таки объединяет внутреннюю противопоставленность частей с внешней стройностью трехчленных фраз, особая организованность которых подчеркнута даже авторской пунктуацией (тире и двоеточие): «Я был скромен — меня обвиняли в лукавстве: я стал скрытен... Я был готов любить весь мир — меня никто не понял: и я выучился ненавидеть... Я говорил правду — мне не верили: я начал обманывать...» Проявляющаяся и здесь четкость построения обостряет выражение внутренних противоречий героя и вместе с тем «заковывает» в рамки четкой организованности огромную энергию неостановимого внутреннего движения.

С этим противоречием можно соотнести и еще одно свойство языка Лермонтова. Один из самых характерных для него тропов — сравнение. В многочисленных и зачастую весьма развернутых сравнениях обращает на себя внимание не только мастерство изобразительности (Лермонтов ведь был одаренным живописцем), но — в еще большей степени — стремление выявить связи самых различных явлений и сторон и человеческой и природной жизни в мировом целом. Но в то же время едва ли не основным лейтмотивом всего творчества Лермонтова является одиночество личности: недаром слово «один» — самое частое из всех знаменательных слов в языке Лермонтова. Стремление к связи с миром -- и одиночество. Снова перед нами содержательное противоречие, которое реализуется в лермонтовском слове и наполняет его огромной энергией. Энергией отрицания реальной действительности с ее «мелкими страстями», раздробленностью и разобщенностью людей. Энергией утверждения недостижимого в этой действительности идеала всеобщей связи, всеединства жизни, мировой гармонии.

К выражению этой всеобщей гармонии причастна и музыкальность стиха и прозы Лермонтова, их интонационно-звуковая выразительность, которая проявляется и в ритмико-мелодической организации речи (особенно в трехсложных размерах, которые у Лермонтова

Иллюстрация Л. Пастернака к поэме М. Ю. Лермонтова «Мцыри».

Иллюстрация М. Врубеля к поэме М. Ю. Лермонтова «Демон».

развиваются гораздо интенсивнее, чем у всех его предшественников, включая Пушкина), и в звуковой насыщенности стиха разнообразными повторами (вспомним: «Я без ума от тройственных созвучий и влажных рифм, как, например, на «ю»). И опять противоречие. Вслушаемся, например, в замечательное стихотворение «И скучно, и грустно» (1840): ритмико-интонационная монотония амфибрахия со строгой симметрией и четким следованием друг за другом регулярных ритмических акцентов и внутренние ритмико-синтаксические перебои, вопросы и восклицания, осложняющие мерное течение речи. А в результате опять-таки огромная напряженность и энергия бесстрашного и беспощадного исповедального размышления — энергия, и усиливающая итоговый вывод стихотворения, и противостоящая его прямому значению («А жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, Такая пустая и глупая шутка...»).

Романтическая личность у Лермонтова не только выражает себя в слове, но все в большей степени становится предметом художественного исследования. В языке это отражается, во-первых, нарастанием аналитических элементов, а во-вторых, все более активным взаимодействием в художественном целом различных жанров и стилей речи. Особенно показателен в этом смысле «Герой нашего времени» (1841), где печоринский самоанализ сопряжен с бытовым сказом Максима Максимыча, о котором В. Г. Белинский писал: «Не знаем, чему здесь более удивляться: тому ли, что поэт, заставив Максима Максимыча быть только свидетелем... так тесно слил его личность с этим событием... или тому, что он сумел так поэтически, так глубоко взглянуть на событие глазами Максима Максимыча и рассказать это событие языком простым, грубым, но всегда живописным, всегда трогательным и потрясающим даже в самом комизме своем».

Важную роль в творческом развитии Лермонтова играет обращение к фольклору, освоение различных форм народного творчества и народной жизни. Свой сборник 1840 г. Лермонтов начинает «Песней про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» (1837), воссоздающей стиль народной поэзии. А романтические тирады, которыми изъясняется солдат в юношеском стихотворении «Поле Бородино» (1830—1831), преображаются в более зрелом «Бородино» (1837) в подлинно народную речь. И здесь снова проявляется доминирующая способность Лермонтова «на все налагать оригинальную печать своей личности, своего духа» — мятежного духа, отрицающего сегодняшний день и официальные ценности «страны рабов, страны господ» и утверждающего «странную любовь» к родной земле: вспомним, как «низкие» реалии народной жизни интонационно преображаются и возводятся в ранг самой высокой поэзии в стихотворении «Родина» (1841).

Неоспоримо значение Лермонтова в развитии литературного языка. «Он производит не только оригинальный отбор стилистических средств, выработанных русской и западноевропейской поэзией, не только осуществляет своеобразный синтез романтической культуры художественного слова, но и создает новые формы литературного выражения, продолжает начатое Пушкиным дело образования национального русского языка» (В. В. Виноградов). Опыт Лермонтова очень важен для последующего развития русской поэзии и прозы, для Некрасова и Блока, для Толстого, Достоевского и Чехова, который говорил: «Я не знаю языка лучше, чем у Лермонтова. Я бы так сделал: взял его рассказ и разобрал бы, как разбирают в школах, — по предложениям, по частям предложения... Так бы и учился писать».

Но есть в языке Лермонтова нечто и еще более важное, чем школа мастерства. В нем живет гордый дух личности, жажда истины и деятельности, соответствующей хранимому в душе высокому идеалу любви и красоты. Освоить лермонтовский язык — это значит пройти ничем не восполнимую школу духовного развития, подлинно человеческого самоутверждения, рождения и становления личности.

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

Что такое текст? На первый взгляд кажется, что на этот вопрос совсем не трудно ответить. Текст есть текст. Он состоит из предложений, имеет начало и конец. Но так ли это? Зачем тогда понадобилось лингвистам выделить особую область изучения языка и назвать ее лингвистикой текста?

Привычное всегда представляется понятным, но самое трудное в познавательной деятельности человека — в давно известных, привычных понятиях, процессах увидеть нечто новое, ранее не замеченное. Вот и понятие «текст» еще не до конца раскрыто и познано.

Долгое время наука о языке ограничивалась изучением отдельных единиц языка — звуков, слов, словосочетаний и предложений.

Теперь лингвисты начали изучать более крупные отрезки речи: сочетания предложений, сложное синтаксическое целое, абзац и целый законченный текст. Выяснилось, что текст имеет свои особенности построения. В нем проявляются черты, не свойственные предложению. Наблюдение над характером связи между частями текста показало, что отдельные части текста объединяются не только привычными формами связи — союзами, союзными словами, но и другими, менее четко выделяемыми в ткани текста. К ним относятся повторения слов, словосочетаний, предложений, однотипных структур. Кроме того, даже ассоциации могут служить средствами связи отдельных частей, следующих одна за другой, а также расположенных на некотором расстоянии друг от друга. Такие средства связи получили название когезии (от лат. *cohaereo*, *cohaesum* — «быть связанным»).

В процессе дальнейших наблюдений ученые выяснили, что текст — это цельность и завершенность, а предложения в большинстве случаев этими свойствами не обладают. Текст заключает в себе разные виды сообщений, а предложение обычно содержит только один их вид. В зависимости от того, что именно сообщается, можно выделить три вида сообщений, которые будем называть информациями: фактуальной, концептуальной и подтекстовой.

Фактуальная информация текста — это описание фактов, событий, места действия и времени протекания этого действия, рассуждения автора, движение сюжета и пр.

Концептуальная информация (от лат. *conceptio* — «концепция», т. е. «понимание», «система взглядов») — это выражение мировоззрения автора, основной мысли, идеи произведения. Этот вид информации раскрывает замысел писателя, рисует картину мира такой, какой он ее себе представляет. Концептуальная информация не всегда ясно и четко выражена словами. Она часто выводится из взаимодействия разных видов фактуальной информации. Больше того, концептуальная информация, в особенности в художественных произведениях, предполагает различное толкование, поскольку она словесно не уточняется.

Подтекстовая информация также не выражена словами, она только подразумевается. Эта информация возникает благодаря способности слов, словосочетаний, предложений в отдельных небольших отрезках текста таить в себе скрытый смысл.

Выявление особенностей соотношения этих видов информации представляет собой увлекательное и весьма плодотворное занятие. Здесь уместно привести интересную и глубокую мысль Марины Цветаевой о том, что представляет собой сам процесс чтения текста: «А что есть чтение — как не разгадывание, извлечение тайного, оставшегося за строками, за пределами слов... Чтение — прежде всего сотворчество». Чтение раскрывает перед читателем идею всего произведения, показывает авторское понимание явлений и событий нашей жизни, но, чтобы «разгадать» текст и извлечь из него то, что «осталось за строками, за пределами слов», необходимо понять, как текст организован.

Текст может быть и очень маленьким (например, справка), и очень большим (например, роман). Самая малая единица текста — сложное синтаксическое целое. Следующая единица — абзац, который иногда совпадает с синтаксическим целым (границы здесь размыты). Текст может делиться и на другие части: так называемые отбивки (пропуски ряда строк), главки, главы, части — и даже может состоять из нескольких книг. Это деление называют объемным.

Существуют различные формы изложения, например: повествование, описание, авторские рассуждения, диалоги или вообще беседы персонажей. Такое деление текста назовем контекстным, т. е. делением на контексты повество-

вания, контексты описания и т. д. Эти контексты в художественных произведениях перемежаются, вливаются один в другой и образуют развертывание сюжетной линии, не нарушая (а иногда и сознательно нарушая) последовательность изложения.

Текст характеризуется своей завершенностью; разве только писатель в стилистических или каких-либо иных целях намеренно оставляет текст незавершенным. Это свойство текста разительно отличает его от предложения или от синтаксического целого. Завершенность текста — понятие относительное, поскольку оно связано в некоторой степени с индивидуальным представлением автора о том, где надо поставить точку.

В текстах отражается жизнь во всех ее многообразных планах: общественном, культурном, личном, художественном. Тексты поэтому соотносятся с разными функциональными стилями языка. Каждый такой стиль имеет свои жанры и особенности, которые определяют характер текста.

Для того чтобы проиллюстрировать, как работают различные свойства текста, подвергнем анализу короткое стихотворение в прозе И. С. Тургенева «Воробей». Вот этот текст:

«Я возвращался с охоты и шел по аллее сада. Собака бежала впереди меня.

Вдруг она уменьшила свои шаги и начала красться, как бы зачуяв перед собой дичь.

Я глянул вдоль аллеи и увидал молодого воробья с желтизной около клюва и пухом на голове. Он упал из гнезда (ветер сильно качал березы аллеи) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки.

Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед самой ее мордой — и весь взъерошенный, искаженный, с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой раскрытой пасти.

Он ринулся спасать, он заслонил собою свое детище... но все его маленькое тело трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою!

Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака! И все-таки он не мог усидеть на своей высокой, безопасной ветке... Сила, сильнее его воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезор остановился, попятился... Видно, и он признал эту силу.

Я поспешил отозвать смущенного пса — и удалился, благоговея.

Да; не смейтесь. Я благоговел перед той маленькой, героической птицей, перед любовным ее порывом.

Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь».

Л

Сначала посмотрим, как различные виды информации реализуются в этом произведении.

Фактуальная информация реализуется последовательным развертыванием сюжета в описании поступков, состояний, характеристик персонажей: самого рассказчика, собаки, воробьев (молодого и старого), а также прямым указанием на место действия (аллея сада) и косвенным указанием на время протекания этого действия (вдруг). Вот сочетания слов, представляющих этот вид информации: «Я возвращался с охоты... собака бежала впереди меня... уменьшила свои шаги... начала красться... увидала молодого воробья... упал из гнезда... собака медленно приближалась... старый воробей камнем упал... заслонил собой свое детище» и так далее, до слов: «Да; не смейтесь».

Концептуальная информация выражена словами: «Любовь сильнее смерти и страха смерти. Только любовью держится и движется жизнь». Этими словами Тургенев утверждает свое понимание (концепцию) движущей силы мира.

Прослеживая развертывание сюжета, можно обнаружить разную подтекстовую информацию. Обратите внимание на словосочетание «камнем упал». В нашем сознании невольно возникает образ ястреба или сокола. Ведь именно эти хищные птицы камнем падают на добычу. Следовательно, воробей здесь уподобляется им по своей смелости, стремительности, решимости. Это подкрепляется и такими словами, как «ринулся», «отчаянный», «порыв» и т. д. Подтекстовую информацию можно обнаружить также в словах: «...прыгнул раза два в направлении зубастой пасти». Здесь явно подразумевается угроза этому «чудовищу». Это подтверждается и тем, что автор называет воробья не птичкой, а «героической птицей».

Как проявляется в рассматриваемом тексте когезия? Сопоставим следующие словосочетания: «уменьшила свои шаги» и «медленно при-

ближалась», «с отчаянным и жалким писком» и «голосок одичал и охрип»; «зубастая открытая пасть» и «громадное чудовище». В этих парах реализуется определенная связь: они по смыслу близки, они почти синонимичны.

Присмотритесь к форме организации текста. Он разбит на небольшие абзацы. Чтение замедляется, поскольку между абзацами пауза всегда больше, чем между предложениями внутри абзаца. Такая структура текста создает впечатление о замедленном течении действия и времени в произведении.

Это повествование прерывается словом «вдруг», словами «ринулся», «сорвавшись», упомянутым выше сочетанием «камнем упал».

Таким образом, само название этого стихотворения в прозе «Воробей» вобрало в себя значения «смелость», «самопожертвование во имя любви» и другие. Конечно, эти значения текстовые, поскольку навязаны слову «воробей» лишь в данном тексте.

ЛИНКОС

В начале 60-х гг. нашего века голландский математик Г. Фрейденталь опубликовал монографию под названием «Линкос», имевшую подзаголовок «Построение языка для космической связи».

Мысль о том, что на основании общности законов мира, в котором мы живем, земляне могут войти в контакт со своими звездными братьями,— логическая основа языка линкос (сокращенное название «лингвистика космоса»). Фрейденталь сразу же вносит существенную оговорку: линкос является абстрактной схемой языка, а не его конкретной, «физической» формой. Однако, по мнению автора, первые «буквы» линкоса должны быть наглядными, их значение должно быть тесно связано с физическим воплощением, наподобие междометий вроде *динь-динь-динь* или *кукареку*.

Общение с разумными существами Фрейденталь предлагает начать с передачи набора первых знаков линкоса — в различном порядке и очень много раз. Изложение основ математики начинается следующим образом. Вначале передается космический знак-образ — короткая вспышка света или по радио — *бип* и т. п., иными словами, знак-образ точки. Затем вслед за тремя такими точками вводится знак > («больше»). Он может передаваться долгой вспышкой, за ней следуют две точки: ...>.. две точки: ... > ..

Тот же самый знак следует между пятью и двумя точками, десятью и семью, двумя и одной и так далее. Аналогично вводится знак < («меньше»): .. < ...

Затем вводится знак = («равно»): .. = .. или ... = ...

Объяснив знаки «больше», «меньше», «равно», Фрейденталь переходит к объяснению двоичной системы счисления (как наиболее простой), излагает правила сложения, вычитания, деления, умножения. После основ арифметики автор линкоса переходит к алгебре. И с помощью алгебры вводит «человеческий элемент» математики — понятие вопроса. Глава «Математика» заканчивается введением в математический анализ.

Изложение основ человеческого поведения Фрейденталь начинает с того, что вводит понятие «действующего лица», абстрактного существа, ведущего разговор с другими абстрактными «действующими лицами» на математические темы. Одно действующее лицо — A — ставит задачу, второе — B — решает ее верно, третье — C — решает неверно. Каждому действующему лицу, таким образом, приписывают определенные правила поведения. Причем, подчеркивает автор линкоса, нужно привести десятки различных примеров, чтобы разумное существо другого мира восприняло систему человеческих понятий.

Изложение правил морали Фрейденталь начинает с объяснения понятий «хорошо» и «плохо» — человеческих оценок, которые лежат в основе всякого морального суждения. Вот как это делается с помощью «космического языка». Лицо A ставит задачу, лицо B решает ее правильно, C — неправильно, D — решает правильно, но длинно. Такое решение оцени-

вается знаком «плохо» (но не знаком «ложно», потому что решение хотя и длинное, но верное). Короткое и правильное решение, которое сделал В, оценивается знаком «хорошо».

Благодаря этим оценкам на линкосе удается изложить целый ряд человеческих понятий и представлений. Вот, например, как излагается на «космическом языке» одно из правил вежливости: действующее лицо А ставит задачу перед В; лицо D решает эту задачу, причем решает правильно. А говорит: «Плохо», ведь спрашивал он В, а не D. Отсюда вывод: не отвечай, даже если отвечаешь правильно, на вопросы, которые задаются не тебе.

В главе «Поведение» Фрейденталь вводит понятие «доказать» — «более или менее точное утверждение», приводит примеры «непонимания» (неправильного понимания) и «ошибок в произношении» — столь же остроумным способом, математической беседой действующих лиц. Причем изложение на линкосе содержит такие тонкости, как, например, объяснение неведомым существам того, что «существуют ситуации, в которых лицо не желает отвечать, хотя и может ответить на задаваемый вопрос». Много внимания в главе «Поведение» уделяется разъяснению того факта, что на нашей планете число «двигающихся», «желающих», «воспринимающих» превышает число «говорящих». «Животное» — это нечто отличное от человека, «желающее», но не «говорящее». А человек — это «тот, кто умеет говорить».

Автор линкоса разъясняет преимущества коллектива людей перед отдельным человеком (например, «большой объект, который не может быть передвинут одним человеком, могут передвинуть несколько людей»).

Кроме биологических законов Фрейденталь излагает и основные физические законы, постигнутые людьми. Последний параграф книги — это изложение основ теории относительности, знаменитая формула взаимосвязи массы и энергии: $E = mc^2$.

Линкос — первая попытка создания «космического языка», который помог бы землянам обмениваться информацией с разумными существами других миров, это серьезный научный труд, посвященный проблеме внеземного общения. Вполне возможно, что в будущем, когда нам удастся принять сигналы из космоса, которые пошлют неведомые звездные братья, наши земные радиостанции начнут свои передачи на языке линкос или на другом, еще более совершенном космическом языке. И какими бы трудными ни были проблемы космического разговора со звездными братьями, эти проблемы, в принципе, разрешимы, как разрешимы проблемы общения народов, населяющих нашу Землю.

Л

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

Литературный язык — язык официально-деловых документов, школьного обучения, письменно-бытового общения, науки, публицистики, художественной литературы, всех проявлений культуры, выражающихся в словесной форме.

Трудно указать другое языковое явление, которое понималось бы столь различно, как литературный язык. Одни убеждены в том, что литературный язык есть тот же общенародный язык, только отшлифованный мастерами языка, т. е. писателями, художниками слова; сторонники такого взгляда прежде всего имеют в виду литературные языки нового времени, и притом у народов с богатой художественной литературой. Другие считают, что литературный язык есть язык письменности, язык книжный, противостоящий живой речи, языку разговорному. Опорой такого понимания являются литературные языки с давней письменностью. Третьи полагают, что литературный язык есть язык, общезначимый для данного народа, в отличие от диалекта и жаргона, не обладающих признаками такой общезначимости. Сторонники такого взгляда иногда утверждают, что литературный язык может существовать и в дописьменный период — как язык народного словесно-поэтического творчества или обычного права.

Изучение литературного языка, как бы его

ни понимать, тесно связано с изучением литературы, истории языка, истории культуры данного народа. Литературный язык является одним из самых действенных орудий просвещения, соприкасаясь с задачами образования, школы. Все это свидетельствует о первостепенном научном и практическом значении проблемы литературного языка.

Среди общих закономерностей развития литературного языка народов Запада и Востока отмечается важная закономерность, характерная для эпохи феодализма, предшествующей образованию национальных литературных языков,— это употребление в качестве письменного литературного языка не своего, а чужого языка. В эту эпоху границы литературного языка и народности не совпадают. Литературным языком у иранских и тюркских народов долгое время считался классический арабский язык; у японцев и корейцев — классический китайский; у германских и западнославянских народов — латинский; у южных и восточных славян — язык старославянский, древнеболгарский. Письменно-литературный язык мог быть при этом языком совершенно иной системы (китайский для корейцев и японцев), мог быть, наконец, не только языком той же системы, но и языком чрезвычайно близким, родственным (латинский для романских народов, старославянский для южных и восточных славян).

К концу феодального периода в одних государствах с XIV—XV вв., в других с XVI—XVII вв. народный язык в разных европейских странах в той или иной степени вытесняет чужие языки из многих сфер общения. Так, королевская канцелярия в Париже пользуется французским языком в отдельных документах уже во второй половине XIII в., но окончательный переход на французский язык совершается здесь на протяжении XIV в. Латинский язык в конце XVI — начале XVII в. постепенно теряет в Польше функции делового и административного языка.

Единство национальных литературных норм складывается в эпоху формирования и развития нации чаще всего сначала в письменной разновидности литературного языка, но иногда параллельно и в разговорной. Характерно, что в Русском государстве в XVI—XVII вв. идет усиленная работа по упорядочению и канонизации норм государственного делового приказного языка параллельно с формированием единых норм общего разговорного московского языка. Тот же процесс наблюдается и в других славянских языках.

Основными признаками национального литературного языка являются его тенденции к всенародности или общенародности и нормативность. Понятие нормы — центральное в определении национального литературного языка, как в его письменной, так и в разговорной форме. На основе объединения диалектов, под регулирующим влиянием национального письменного литературного языка формируется общая разговорно-литературная форма национальной речи.

Только в эпоху существования развитых национальных языков, особенно в социалистическом обществе, литературный язык как высший нормированный тип общенародного языка постепенно вытесняет диалекты и интердиалекты и становится как в устном, так и в письменном общении выразителем подлинной общенациональной нормы.

ЛОМОНОСОВ М. В. ЯЗЫК ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Мы представляем себе XVIII в. медлительным, малоподвижным. Но людям XVIII в. он казался неистово-стремительным. Они свое время сравнивали с предыдущей эпохой — и видели, как резко убыстрился темп общественной жизни. Эта энергия времени отразилась в произведениях М. В. Ломоносова. Он любил в стихах неудержимо-яростное движение:

Там кони бурными ногами
Взвивают к небу прах густой,
Там смерть меж готфскими полками
Бежит, ярясь, из строя в строй,
И алчну челюсть отверзает,
И хладны руки простирает,
Их гордый исторгая дух...
Там тысящи валятся вдруг...

Так М. В. Ломоносов рисует полтавскую битву — битву русских войск со шведскими («готфскими») полками.

В уста России Ломоносов вкладывает такие слова:

«В моей послушности крутятся
Там Лена, Обь и Енисей,
Где многие народы тщатся
Драгих мне в дар ловить зверей;
Едва покров себе имея,
Смеются лютости борея,
Чудовищам дерзают в след.
Где верх до облак простирает,
Угрюмы тучи раздирает,
Поднявшись с дна морского, лед.

Всадница на коне:

Ей ветры вслед не успевают,
Коню бежать не воспрещают
Ни рвы, ни чистых ветвей связь:
Крутит главой, звучит браздами
И топчет бурными ногами,
Прекрасной всадницей гордясь...

В художественном языке начала и середины XVIII в. господствовала эмблема. Она оживляла общественные празднества, она создавала разные украшения в одежде, в повседневном быту; она главенствовала в поэзии. Эмблема — это сравнение, но особое: дано отвлеченное понятие; ему в соответствие («в параллель») ставится конкретный, вещный образ. Надо изобразить доблесть русского войска — изоб-

М. В. Ломоносов. Гравюра Н. Уткина.

ражается гордо парящий орел; орел как выражение доблести — это эмблема.

Источником эмблем была геральдика (например, луна означала Турецкую державу: на знамени турок — луна), античная мифология (Фортуна означала счастье, Марс — войну), устойчивые традиционные представления (змея — эмблема коварства, заяц — эмблема трусости и т. д.).

Оды Ломоносова часто представляют собой вереницы эмблем. Вот как рисует Ломоносов победу русских над турецким войском при Хотине:

Как в клуб *змия* себя крутит,
Шипит, под камень *жало* кроет,
Орел когда шумя летит,
И там парит, где ветр не воет;
Превыше *молний, бурь, снегов,*
Зверей он видит, рыб, гадов.
Пред Росской так дрожит *Орлицей,*
Стесняет внутрь Хотин своих.
Но что? в стенах ли может сих
Пред сильной устоять царицей!

Выделены слова, которые имеют эмблемный смысл: представляют некие отвлеченные, обобщенные понятия.

Ломоносов умел создавать поэтичные, выразительные эмблемы:

И меч твой, лаврами обвитый,
Не обнажен, войну пресек...
Рифейских гор верхи неплодны,
Оденьтесь в нежный цвет лилей...
Твое прехвально имя пишет
Неложна слава в вечном льде...
На месте брани и раздора
Цветы свои рассыплет Флора...

Эмблема сама по себе статична. Она опирается на твердую традицию, на привычку. Недаром в XVIII в. неоднократно издавались словари эмблем: как надо изображать те или иные отвлеченные понятия. Ломоносов хочет преодолеть статичность эмблемы; читатель постоянно присутствует при борьбе поэта с неподвижностью, «косностью» его поэтического материала.

Эмблему он включает в действие. Змея не просто застывшее изображение коварства: она «в клуб себя крутит, шипит, под камень жало кроет». Смерть могла быть изображена просто в виде скелета с косой — у Ломоносова она «бежит, ярясь, из строя в строй... и алчну челюсть отверзает». Отсюда, от стремления преодолеть статику эмблемы, идет ломоносовская динамичность в стихах.

Другой путь преобразования эмблемы — включение в нее живых, реальных наблюдений:

Взойди на брег крутой высоко,
Где кончится землею Понт,
Простри свое чрез воды око,
Коль много обнял горизонт;
Внимай, как юг пучину давит,
С песком мутит, зыбь на́ зыбь ставит.
Касается морскому дну,
На сушу гонит глубину,
И с морем дождь и град мешает;
Так Росс противных низлагает.

Геройство России («Так Росс противных низлагает») приводит на память поэту детское впечатление: когда Ломоносов жил на берегу Ледовитого океана, он часто видел, как южный ветер гнал крутую волну на берег.

Так в эмблему входит описание, выразительно-живописная картина; в поздних стихах

Фрагмент мозаики «Полтавская битва», выполненный по рисунку М. В. Ломоносова.

Фрагмент мозаики «Полтавская битва», выполненный по рисунку М. В. Ломоносова.

Фрагмент мозаики, выполненный по рисунку М. В. Ломоносова.

Ломоносова их особенно много. Прославляя отечественных исследователей Тихого океана, он пишет:

Там влажная стезя белеет
На всток плывущих кораблей:
Колумб Российский через воды
Спешит в неведомы народы
Сказать о щедрости твоей.
Там тьмою островов посеян,
Реке подобен океан;
Небесной синевой одеян
Павлина посрамляет вран.
Там тучи разных птиц летают,
Что пестротою превышают
Одежду нежныя весны,
Питаясь в рощах ароматных,
И плавая в струях приятных,
Не знают строгия зимы.

Иногда пристальная наблюдательность Ломоносова заставляет вспомнить поэзию XX в.:

Волна, о берег ударяя,
Клубится пеною в траве.

В начале — середине XVIII в. русские люди владели двумя близкими, но все же различными языками: «славенским» (он господствовал в книгах, в церковных проповедях, в торжественных речах) и русским, бытовым, повседневным языком. Ломоносов в своих произведениях искусно соединил оба языка: и славенские, и русские слова поставил рядом.

Славенские слова были пригодны для выражения отвлеченных понятий, они имели торжественную стилистическую окраску. Русские слова называли массу реальных, конкретных предметов и явлений, они были достоянием нейтрального стиля. М. В. Ломоносов слил эти две стихии.

Объединить славенские и русские слова в одном речевом потоке пытались и до Ломоносова, но больших удач не было. В стихах современника Ломоносова читаем (в рассказе о Хароне, перевозчике мертвых в царство Аид): он тени усопших, «от челна пхая, отревает». Здесь неискусно поставлены рядом русское *пхая* (от глагола *пхать*) и *отревает* (славянское *отревати* — «отталкивать»).

Ломоносов соединил отвлеченное и конкретное в эмблеме, дав простор конкретным, образно-живописным картинам. Он же умело соединил славенские и русские лексические пласты, и здесь предоставив простор для слов русских, рисующих реальность.

Современники восхищались умением поэта соединить противоположности в гармоническую целостность. Мы уже плохо чувствуем это искусство — именно потому, что опыт Ломоносова блестяще удался, был усвоен русской культурой, стал обычной и потому незаметной для нас нормой.

ЛИЦО И ЧИСЛО У ГЛАГОЛОВ

Благодаря формам лица и числа глаголов выражается связь между действием и тем, кто это действие производит (производителем действия).

В русском языке различается три лица, каждое из которых имеет единственное и множественное число, — всего шесть личных форм. Личные формы распадаются на две группы. Одни формы (1-е и 2-е лицо) указывают, что действие относится к участникам речи: к говорящему (автору речи) или его собеседнику (собеседникам). Форма 1-го лица при этом показывает, что автор речи говорит о своем дейст-

вии (*я иду*), а форма 2-го лица — что он говорит о действии своего собеседника (*ты идешь*). В отличие от 1-го и 2-го лица 3-е лицо указывает, что автор речи говорит о действии, которое не относится ни к нему самому, ни к его собеседнику. Форма 3-го лица, таким образом, может обозначать действие любого лица (или предмета), кроме участников речи: *мальчик идет, машина идет* (мальчик, верблюд, время и т. п.). Этой же формой обозначается и такое действие, которое происходит как бы само собой (без производителя действия): *рассветает, меня знобит* и т. п.

Формы числа глагола указывают на число производителей действия. Формы лица у глаголов (так же как у личных местоимений) по-разному указывают на отношение действия к участникам речи в единственном и во множественном числе.

Так, если местоимение *я* обозначает говорящего, то *мы* — это вовсе не два или более говорящих. Местоимение *мы* обозначает группу лиц, куда входит говорящий и другие. А форма 1-го лица мн. ч. глагола обозначает действие этой группы лиц: *Мы (с тобой, с ним) пойдем в кино.* Говорящий же всегда один. Даже если колонна демонстрантов одновременно скандирует: «Мы хотим мира», то и здесь 1-е лицо мн. ч. не указывает на множество говорящих. В устах каждого это *мы* означает: «Я вместе с ними, с теми, кто со мной».

Форма 2-го лица мн. ч. обозначает действие группы лиц, куда входит собеседник (или собеседники) говорящего, но не он сам. Эта группа может состоять из одних собеседников (*Миша и Володя, вы пойдете в кино?*) или включать кроме них лиц, не участвующих в речи (*Скажи, Петя, вы с отцом поедете на рыбалку?*).

Таким образом, во множественном числе выбор личной формы определяется прежде всего участием в действии говорящего. Если говорящий участвует в действии, то употребляется форма 1-го лица независимо от того, кто еще участвует в действии. Но так не во всех языках. Есть языки, где нашей форме 1-го лица мн. ч. соответствуют две формы. Одна из них употребляется, когда в действии участвуют и говорящий и собеседник. Эта форма называется инклюзивной (от французского *inclusif* — «включающий»). Другая форма употребляется, если в действии принимает участие говорящий и еще кто-либо, но не собеседник. Эта форма называется эксклюзивной (т. е. исключающей собеседника, от французского *exclusif* — «исключающий»). Инклюзивные и эксклюзивные формы различаются в дравидских языках Индии, в некоторых языках Кавказа, Африки и др.

Только в формах 3-го лица отношение действия к участникам речи одинаково как в единственном, так и во множественном числе: в обоих случаях производитель действия не участвует в речи. Форма числа у глагола зависит в этом случае от формы числа подлежащего (*лошадь бежит — лошади бегут*; *он поет — они поют*). Но при отсутствии подлежащего единственное и множественное число 3-го лица противопоставлены иначе. Единственное число обозначает безличность действия: *Куда его несет? Вам везет* и т. п. А множественное число указывает на неопределенность действующих лиц (и самого их числа): *Куда несут знамена? Вам везут дрова* и т. п. Так можно сказать и об одном лице и о многих.

Иначе во французском и немецком языках. И безличное действие, и действие неопределенного лица (или лиц) обозначаются там одной и той же формой: 3-м лицом ед. ч. А различается безличность действия или неопре-

деленность действующего лица местоимениями. Сравните во французском: *il pleut* — «дождь идет» (буквально «дождит», безличный глагол, на что указывает местоимение *il*) и *on parle* — «говорят» (на неопределенность лица указывает местоимение *on*); в немецком: *es regnet* — «дождит», *man sagt* — «говорят».

Основные значения личных форм глагола в определенных условиях могут видоизменяться. Так, например, форма 2-го лица ед. ч. в русском языке может употребляться в обобщенном значении, без указания на конкретное лицо (*С таким командиром не пропадешь*; *Что посеешь, то и пожнешь*).

Одна личная форма может употребляться вместо другой по правилам речевого этикета. Эти правила для разных языков неодинаковы. Так, в русском языке правила вежливости требуют употреблять форму множественного числа, обращаясь к одному лицу, если это не близкий знакомый или родственник (*Иван Петрович, когда вы уезжаете?*). В немецком языке в этих случаях также употребляется форма множественного числа, но не 2-го лица (как в русском), а 3-го (*Sie*, а не *ihr*; *Genosse Müller, Sie spielen gut!* — Вы играете хорошо, товарищ Мюллер!).

В русском языке формы лица различаются только в настоящем и будущем времени. У глагола в прошедшем времени форм лица нет.

Откуда же такое различие между формами прошедшего времени и других времен? Это различие объясняется исторически. В древнерусском языке было несколько форм прошедшего времени (как и сейчас во многих европейских языках). Были среди них простые и сложные формы. Все они изменялись по лицам, но в сложных формах по лицам изменялся только вспомогательный глагол *быти*, а спрягаемый глагол имел форму причастия с суффиксом *-л-*. Вот как спрягался глагол в перфекте (форма муж. рода):

1)	я есмь зналъ	1)	мы есмь знали
2)	ты еси зналъ	2)	вы есте знали
3)	он есть зналъ	3)	они суть знали

Впоследствии все другие формы прошедшего времени утратились, а перфект из сложного времени превратился в простое. Таким образом, прошедшее время современного русского языка — это по происхождению своему краткое причастие. Вот почему в прошедшем времени глагол изменяется по родам и числам, но не по лицам. Это преобразование оказалось возможным потому, что значение лица выражается в русском языке двумя способами: при помощи личных местоимений и личных форм глагола. В прошедшем времени утратилось одно средство (личные формы), но осталось другое (местоимения). А в настоящем и будущем времени, где есть личные формы, необязательным является употребление личных местоимений (1-го и 2-го лица). Чаще всего местоимения опускаются в разговорной речи (*— Знаете, что сегодня случилось? — Знаем*) и в поэзии, например:

О, весна без конца и без краю, —
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!

(А. Блок)

М

МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф., ЛЕНИН В. И. О ЯЗЫКЕ

Советское языкознание, как и любая другая конкретная наука в нашей стране, строится, живет и развивается, опираясь на принципы марксизма-ленинизма. Эти общие принципы помогают ученым выработать или избирать оптимальные, т. е. наилучшие, методы, способы, приемы исследования любого предмета или явления, будь то живая или мертвая природа, устройство общества, психика человека, экономика, политика, искусство или язык.

Великие мыслители К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин всегда проявляли обостренный интерес к языку, высказали ряд прозорливых суждений о его природе, функциях, назначении, роли не только в обществе, но и в жизни отдельного человека, очертили круг проблем, связанных с его происхождением и развитием, заложили основы социологии языка, имеющие первостепенное значение для понимания этапов истории языка как общественного явления и для осуществления языковой политики в эпоху социалистического развития нации и национально-освободительных движений в современном мире.

Высказывания классиков марксизма-ленинизма о языке, яркие, емкие, афористичные, собранные воедино, составляют, с одной стороны, внушительный свод добытых знаний, а с другой — стройную программу дальнейшего изучения языка и практического применения достижений языкознания в постоянно развивающемся обществе. К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин свободно владели многими иностранными языками. Например, П. Лафарг пишет в своих воспоминаниях:

«Маркс читал на всех европейских языках, а на трех — немецком, французском и английском — и писал так, что восхищал людей, знающих эти языки; он любил повторять фразу: «Чужой язык есть оружие в жизненной борьбе». Он обладал огромным лингвистическим талантом... Когда Марксу было уже 50 лет, он принялся за изучение русского языка и, несмотря на трудность этого языка, овладел им через каких-нибудь шесть месяцев настолько, что мог с удовольствием читать русских поэтов и прозаиков, из которых особенно ценил Пушкина, Гоголя и Щедрина».

Ф. Энгельс — «настоящий полиглот, он знает не только литературные языки, но и диалекты... И его знание языков далеко не поверхностное. В Испании и в Португалии я читал письма к тамошним товарищам, которые находили, что они написаны на прекраснейшем испанском и португальском языках, и я знаю, что он пишет по-итальянски» (Лафарг П. Письмо к Н. Даниельсону.— Летопись марксизма. Т II. М., с. 115).

Классики марксизма-ленинизма стали создателями новой философской терминологии; авторами существенно важных понятий и слов, остроумными этимологами, выдающимися писателями, давшими миру великолепные образцы научного, эпистолярного, агитационного стиля. Своей языковой практикой классики марксизма-ленинизма блестяще раскрыли самую суть языка как орудия мысли, познания и совместной деятельности людей.

Из сокровищницы мыслей классиков марксизма-ленинизма о языке приведем несколько их высказываний о происхождении и сути языка как социального явления:

«Язык так же древен, как и сознание; язык *есть* практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми» (Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология.— Соч., Т. 3, с. 29).

«...формировавшиеся люди пришли к тому, что у них появилась *потребность что-то сказать* друг другу. Потребность создала себе свой орган: неразвитая гортань обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась путем модуляции для всё более развитой модуляции, а органы рта постепенно научались произносить один членораздельный звук за другим» (Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 489).

«Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг...» (там же, с. 490).

«Даже основной элемент мышления, элемент, в котором выражается жизнь мысли — *язык* — чувственной природы» (Маркс К. Подготовительные работы для «Святого семейства» — Архив, т. III, с. 257—258).

«Язык есть важнейшее средство человеческого общения» (Ленин В. И. О праве наций на самоопределение. — Соч., т. 25, с. 258).

«Признание равноправия наций и языков дорого для марксистов не только потому, что они самые последовательные демократы. Интересы пролетарской солидарности, товарищеского единства классовой борьбы рабочих требуют самого полного равноправия наций для устранения самомалейшего национального недоверия, отчуждения, подозрительности,

вражды. А полное равноправие включает и отрицание всяких привилегий за одним из языков, включает признание *права* на самоопределение всех наций» (Ленин В. И. Развращение рабочих утонченным национализмом. — Соч., т. 25, с. 145).

«И мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку» (Ленин В. И. Нужен ли обязательный государственный язык? — Соч., т. 24, с. 295).

МАТЕМАТИКА И ЯЗЫК

В языке все подчиняется строгим правилам, нередко похожим на математические. Например, отношения между фонемами напоминают математические пропорции: в русском языке [б] так относится к [п], как [д] к [т] (см. *Артикуляционная классификация звуков*). По трем членам такой «пропорции» можно «вычислить» четвертый. Точно так же по одной форме слова удается обычно «вычислить» остальные его формы, если известны все формы каких-либо других «похожих» слов; такие «вычисления» постоянно производят дети, когда учатся говорить (см. *Аналогия в грамматике*). Именно благодаря своим строгим правилам язык может служить средством общения: если бы их не было, людям трудно было бы понимать друг друга.

Сходство этих правил с математическими объясняется тем, что математика произошла в конечном счете из языка и сама представляет собой особого рода язык для описания количественных отношений и взаимного расположения предметов. Такие языки, специально предназначенные для описания каких-то отдельных «частей» или сторон действительности, называют специализированными в отличие от универсальных, на которых можно говорить о чем угодно. Люди создали много специализированных языков, например систему дорожных знаков, язык химических формул, нотную запись музыки. Но среди всех этих языков математический язык ближе всего к универсальным, потому что отношения, которые выражаются с его помощью, встречаются повсюду — и в природе, и в человеческой жизни; и притом это самые простые и самые важные отношения (*больше, меньше, ближе, дальше, внутри, вне, между, непосредственно следует* и т. п.), по образцу которых люди научились говорить и о других, более сложных.

Многие математические выражения напоминают по своему строению предложения обычного, естественного языка. Например, в таких выражениях, как $2 < 3$ или $2 + 3 = 5$, знаки $<$ и $=$ играют такую же роль, как глагол (сказуемое) в предложениях естественного языка, а роль знаков 2, 3, 5 похожа на роль существительного (подлежащего). Но особенно похожи на предложения естественного языка формулы математической логики — науки, в которой изучается строение точных рассуждений, в первую очередь математических, и при этом используются математические же методы. Наука эта сравнительно молода: она возникла в XIX в. и бурно развивалась в течение первой половины XX в. Примерно в то же время возникла и развилась абстрактная алгебра — математическая наука, изучающая всевозможные отношения и всевозможные действия, которые можно производить над чем угодно (а не только над числами и многочленами, как в элементарной алгебре, которую изучают в школе).

С развитием этих двух наук, а также некоторых других, тесно связанных с ними разделов математики стало возможным применение математических средств для исследования строения естественных языков, и начиная с середины нынешнего столетия математические средства действительно применяются для этой цели. Готовых методов, пригодных для лингвистических приложений, в математике не было, их пришлось создать заново, и образцом для них послужили прежде всего методы математической логики и абстрактной алгебры. Так возникла новая наука — математическая лингвистика. И хотя это математическая дисциплина, разрабатываемые ею понятия и методы находят применение в языкознании и играют в нем все большую роль, становясь постепенно одним из его главных инструментов.

Для чего же используются в языкознании математические средства? Язык можно представить себе как своеобразный механизм, с помощью которого говорящий преобразует имеющиеся в его мозгу «смыслы» (т. е. свои мысли, чувства, желания и т. п.) в «тексты» (т. е. цепочки звуков или письменных знаков), а затем преобразует «тексты» обратно в «смыслы». Эти-то преобразования удобно изучать математически. Для их изучения служат формальные грамматики — сложные математические системы, совсем не похожие на обычные грамматики; чтобы по-настоящему понять, как они устроены, и научиться ими пользоваться, желательно сначала познакомиться с математической логикой. Но среди применяемых в языкознании математических методов есть и довольно простые, например различные способы точного описания синтаксического строения предложения с помощью графов.

Графом в математике называют фигуру, состоящую из точек — их называют узлами графа, — соединенных стрелками. Графами пользуются в самых разных науках (и не только в науках), причем роль узлов могут играть какие угодно «предметы»; например, родослов-

ное дерево — это граф, узлы которого — люди. При использовании графов для описания строения предложения проще всего брать в качестве узлов слова и проводить стрелки от подчиняющих слов к подчиненным. Например, для предложения *Волга впадает в Каспийское море* получаем такой граф:

Волга впадает в Каспийское море.

В формальных грамматиках принято считать, что сказуемое подчиняет себе не только все дополнения и обстоятельства, если они есть, но и подлежащее, потому что сказуемое — «смысловой центр» предложения: все предложение в целом описывает некоторую «ситуацию», и сказуемое, как правило, есть имя этой ситуации, а подлежащее и дополнения — имена ее «участников». Например, предложение *Иван купил у Петра корову за сто рублей* описывает ситуацию «покупки» с четырьмя участниками — покупателем, продавцом, товаром и ценой, а предложение *Волга впадает в Каспийское море* — ситуацию «впадения» с двумя участниками. Считают, кроме того, что существительное подчинено предлогу, потому что глагол управляет существительным через предлог. Уже такое простое математическое представление, казалось бы немного добавляющее к обычному, «школьному» разбору предложения, позволяет подметить и точно сформулировать много важных закономерностей.

Оказалось, что для предложений без однородных членов и не сложносочиненных построенные таким образом графы являются деревьями. Деревом в теории графов называют такой граф, в котором: 1) существует узел, и притом только один — называемый корнем,— в который не входит ни одна стрелка (в дереве предложения корнем, как правило, служит сказуемое); 2) в каждый узел кроме корня входит ровно одна стрелка; 3) невозможно, двигаясь из какого-нибудь узла в направлении стрелок, вернуться в этот узел. Деревья, построенные для предложений так, как сделано в примере, называются деревьями синтаксического подчинения. От вида дерева синтаксического подчинения зависят некоторые стилистические особенности предложения.

В предложениях так называемого нейтрального стиля (см. *Функциональные стили языка*) соблюдается, как правило, закон проективности, состоящий в том, что если в дереве синтаксического подчинения все стрелки проведены сверху от той прямой, на которой записано предложение, то никакие две из них не пересекаются (точнее — можно провести их так, чтобы никакие две не пересекались) и ни одна стрелка не проходит над корнем. За исключением небольшого числа особых случаев, когда в предложении имеются некоторые специальные слова и словосочетания (например, сложные формы глаголов: *Здесь будут играть дети*), несоблюдение закона проективности в предложении нейтрального стиля — верный признак недостаточной грамотности: «Собрание обсудило выдвинутые предложения Сидоровым».

В языке художественной литературы, особенно в поэзии, нарушения закона проективности допустимы; там они чаще всего придают предложению какую-либо особую стилистическую окраску, например торжественности, приподнятости:

Еще одно последнее сказанье -
И летопись окончена моя.

(А.С. Пушкин)

или, наоборот, непринужденность, разговорность:

Какой-то Повар, грамотей,
С поварни побежал своей
В кабак (он набожных был правил . . .

(И.А. Крылов)

Стилистическая окраска предложения связана также с наличием в дереве синтаксического подчинения гнезд — последовательностей стрелок, вложенных друг в друга и не имеющих общих концов (число стрелок, образующих гнездо, называется его глубиной). Предложение, у которого дерево содержит гнезда, ощущается как громоздкое, тяжеловесное, причем глубина гнезда может служить «мерой громоздкости». Сравним, например, предложения:

Приехал собирающий нужные для новой книги сведения писатель (в дереве которого есть гнезда глубины 3) и

Приехал писатель, собирающий сведения, нужные для новой книги (в дереве которого нет гнезд, точнее — нет гнезд глубины, большей 1).

Исследование особенностей деревьев синтаксического подчинения может дать много интересного для изучения индивидуального стиля писателей (например, нарушения проективности встречаются у А. С. Пушкина реже, чем у И. А. Крылова).

С помощью деревьев синтаксического подчинения изучают синтаксическую омонимию — явление, состоящее в том, что предложение или словосочетание имеет два разных смысла — или больше, — но не за счет многозначности входящих в него слов, а за счет различий в синтаксическом строении. Например, предложение *Школьники из Костромы поехали в Ярославль* может означать либо «костромские школьники поехали откуда-то (не обязательно из Костромы) в Ярославль», либо «какие-то (не обязательно костромские) школьники поехали из Костромы в Ярославль». Первому смыслу отвечает дерево *Школьники из Костромы поехали в Ярославль*, второму — *Школьники из Костромы поехали в Ярославль.*

Существуют и другие способы представления синтаксического строения предложения с помощью графов. Если представить его строение с помощью дерева, составляющими узлами будут служить словосочетания и слова; стрелки проводятся от более крупных словосочетаний к содержащимся в них более мелким и от словосочетаний к содержащимся в них словам.

Применение точных математических методов дает возможность, с одной стороны, глубже проникнуть в содержание «старых» понятий языкознания, с другой — исследовать язык в новых направлениях, которые прежде трудно было бы даже наметить.

Математические методы исследования языка важны не только для теоретического языкознания, но и для прикладных лингвистических задач, в особенности для тех, которые связаны с автоматизацией отдельных языковых процессов (см. *Перевод автоматический*), автоматическим поиском научных и технических книг и статей по заданной теме и т. п. Технической базой для решения этих задач служат электронные вычислительные машины. Чтобы решить какую-либо задачу на такой машине, нужно сначала составить программу, четко и недвусмысленно определяющую порядок работы машины, а для составления программы необходимо представить исходные данные в ясном и точном виде. В частности, для составления программ, с помощью которых решаются лингвистические задачи, необходимо точное описание языка (или хотя бы тех его сторон, которые важны для данной задачи) — и именно математические методы дают возможность построить такое описание.

Не только естественные, но и искусственные языки (см. *Искусственные языки*) можно исследовать с помощью средств, разрабатываемых математической лингвистикой. Некоторые искусственные языки можно этими средствами описывать полностью, что не удается и, надо полагать, никогда не удастся для естественных языков, устроенных несравненно сложнее. В частности, формальные грамматики используются при построении, описании и анализе входных языков вычислительных машин, на которых записывается вводимая в машину информация, и при решении многих других задач, связанных с так называемым общением между человеком и машиной (все эти задачи сводятся к разработке некоторых искусственных языков).

Уходят в прошлое времена, когда языковед мог обходиться без знания математики. С каждым годом эта древняя наука, соединяющая в себе черты наук естественных и гуманитарных, становится все более необходимой ученым, занимающимся теоретическим исследованием языка и практическим применением результатов этого исследования. Поэтому в наше время каждый школьник, который хочет основательно познакомиться с языкознанием или собирается сам заниматься им в будущем, должен уделять изучению математики самое серьезное внимание.

МАЯКОВСКИЙ В. В. ЯЗЫК ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Автобиография Маяковского «Я сам» открывается такими строками: «Я — поэт. Этим и интересен. Об этом и пишу. Об остальном — только если это отстоялось словом».

В. В. Маяковский. Рисунок Е. Кругликовой.

Литературная деятельность Маяковского отмечена обостренно внимательным отношением к языку, необычайно активной позицией поэта, для которого слово — орудие работы, поэтическое оружие.

В молодые футуристические годы писатель выступает с требованием создать совершенно новый язык — в противовес пошлым, привычным, затасканным словесам литературного обихода, которые, по его мнению, давно уже себя изжили. Наряду с другими футуристами он подписывает манифест «Пощечина общественному вкусу» (1912), один из параграфов которого «приказывал» чтить право поэтов «на непреодолимую ненависть к существовавшему до них языку». Форма прошедшего времени — «существовавший» — еще больше подчеркивала обреченность современного общепринятого языка на гибель и полную замену. Здесь же говорилось о «словоновшестве» как увеличении словаря «произвольными и производными словами», т. е. о процессе, лишенном целевого задания.

В статье «Два Чехова» (1914) Маяковский развивает, в сущности, ту же точку зрения: «Для писателя нет цели вне определенных законов языка». Задачу писателя поэт видит в «связывании словесных корзин, в которых вы можете по желанию передать любую идею другому. Таким образом, слова — цель писателя». Не раз повторяются определения: «Слово, взятое само по себе, является для писателя самоцелью»; «Не идея рождает слово, а слово рождает идею». Однако в той же статье, опровергая собственные декларации, Маяковский утверждает: «Задача писателя — найти формально тому или другому циклу идей наиболее яркое словесное выражение». Так что формалистические положения раннего Маяковского никак не могут быть названы продуманной, сформировавшейся системой взглядов. В них нет внутренней прочности. А главное, они решительно опровергаются творчеством самого Маяковского. В поэме «Облако в штанах» (1914—1915) поэт создает два резко несхожих, непримиримых, взаимно враждебных образа. С одной стороны, «безъязыкая улица» — ей «нечем кричать и разговаривать». С другой — пиликающие рифмами поэты, они «выкипячивают» из любвей и соловьев какое-то варево. С гневом и презрением говорит автор «Облака» о тех, кто привык «чирикать, как перепел», о тех, кого пугает грубость и тяжеловесность языка улицы.

Таким образом, уже в творчестве раннего Маяковского можно различить то начало, «зерно», в котором были заложены возможности дальнейшего роста, все более последовательного сближения языка поэзии и жизни.

Октябрь выдвинул совершенно новые задачи, заставил полностью отказаться от представлений о «самовитом» слове. В программной статье «Как делать стихи?» (1926) Маяковский пи-

«Окна РОСТА». Рисунки В. В. Маяковского.

Иллюстрация А. Дейнеки к поэме В. В. Маяковского «Левый марш».

шет: «...революция выбросила на улицу корявый говор миллионов, жаргон окраин полился через центральные проспекты; расслабленный интеллигентский язычишко с его выхолощенными словами: «идеал», «принципы справедливости», «божественное начало», «трансцендентальный лик Христа и Антихриста» — все эти речи, шепотком произносимые в ресторанах, — *смяты. Это — новая стихия языка.* Как его сделать поэтическим? Старые правила с «грезами, розами» и александрийским стихом не годятся. Как ввести разговорный язык в поэзию и как вывести поэзию из этих разговоров?»

О чем бы ни писал Маяковский, он стремится широко распахнуть ворота поэзии, сломать средостения между словом и жизнью, между литературой и революцией. Мало сказать, что он употребляет слова, связанные с революционной повседневностью, — они становятся у него основой для создания поэтических образов и уподоблений. Стихотворение «Атлантический океан» (1925) *строится на последовательно* развивающемся двуедином образе: океан — революция. Он определяет всю «работу слова», отбор метафор, сравнений и эпитетов. На пересечении двух основных, настойчиво сопрягающихся понятий возникают двуоборотные, как выражался Маяковский, образы и образишки: «воднячий Ревком», «гвардия капель», «воды партизаны», «всеводный ЦИК», «волновий местком». И все это увенчивается образом океана: «По шири, по делу, / по крови, / по духу — / моей революции / старший брат».

Такова первоопределяющая черта лучших стихотворений и поэм Маяковского — они вырастают на образной основе, воплощающей революционное видение поэта. Даже когда он непосредственно не думает о революции, она прорывается то словом, то оборотом. В одном из последних отрывков: «Уже второй. Должно быть ты легла. / В ночи Млечпуть серебряной Окою...» Самое слово «Млечпуть» несет отпечаток нашего времени с его характерными сокращениями вроде «главуголь» или «начдив». *Если можно так сказать,* слово «Млечпуть» намагничено нашим временем, овеяно его общественной атмосферой.

Ранний Маяковский говорил, что надо писать не о войне, а «войною». Зрелый Маяковский мог бы сказать: надо писать не о революции только, но *революцией.* Эта особенность отражена, как видим, и в образной системе, и в отборе слов, подсказанном ею.

Стремясь сделать поэтическим «говор миллионов», Маяковский смело вводит в стихи новые речевые пласты. Это «расширение словесной базы» (так называлась статья поэта) связано с *сознательным обращением к новому,* массовому читателю, с разговорностью, определяющей строй и интонацию повествования.

В лучших произведениях Маяковского слово становится многомерным, оно вбирает в себя все богатство соединяющихся образных значений. Например: «Мы *открывали* / Маркса/ каждый том, / как в доме / собственном / мы открывали ставни...» («Во весь голос»). В выделенном слове перекрещиваются разные смысловые оттенки. «Открывали», во-первых, в значении «открыть книгу». И, во-вторых, каждый том был «открытием». И еще: открывали, *как ставни. Раскрытые, распахнутые страницы* тома были как окно в большой и светлый мир.

Нередко соединение разных значений в одном слове приводит к каламбуру, далеко не всегда у Маяковского комическому. В «Письме Татьяне Яковлевой» (1928): «Иди сюда, / иди на перекресток / моих больших / и неуклюжих рук» — слово «перекресток» многозначно, оно связывает воедино представления о скрещенных руках и перекрещенных улицах, в результате чего возникает образ огромных рук. Каламбур, воплощающий в слове разные понятия, перекликается с метафорой, его природа образна.

Маяковский-поэт чрезвычайно активен и решителен по отношению к слову. Если оно кажется ему недостаточно выразительным, он смело изменяет его, придает ему подчеркнуто обновленный вид. Лучшие из созданных им неологизмов доходчивы, общепонятны, не требуют никаких специальных разъяснений. Каждый знающий русский язык сразу поймет, что значит «*молоткастый, серпастый* советский паспорт», «*громадье*» наших планов, «размаха шаги *саженьи*», «коммунистическое *далеко*», что значит «бронзы *многопудье*», что такое

«капитал — его *препохабие*» и кто такие «*прозаседавшиеся*». Эти слова созданы поэтом по образцу других слов. Но не сконструированы путем механического соединения корня слова и суффиксов, как это нередко делал Хлебников, непосредственный предшественник и учитель Маяковского в «словоновшестве». Маяковский стремится к тому, чтобы новорожденное слово сразу входило в стих свободно и непринужденно, чтобы оно не казалось надуманным, а воспринималось бы как незаменимое.

Слово «препохабие», адресованное к капиталу, построено по образцу «преподобия», но его смысловое содержание взрывает ту внешне почтительную форму, в которую оно саркастически заключено, и слову придается разоблачительный, откровенно издевательский характер. Неологизм, как и каламбур, метафоричен, связан с совмещением в слове разных значений, то близких друг другу, то контрастных.

Маяковский любит «сдвигать» иностранные слова, которые в русском языке не склоняются, и склонять их вопреки грамматическим правилам. Сатирически-сниженно воспринимаются слова: «Пуанкарою», «керзоните», «муссолиниться», «церетелить», «гучковеет и откеренщивается».

Решительно вводит поэт и новые обороты, связывая их со старыми, привычными выражениями, пословицами, поговорками. Он сам точно сказал об этом: «Переводить мои стихи особенно трудно еще и потому, что я ввожу в стих обычный разговорный (например, «светить — и никаких гвоздей» — попробуйте-ка это перевести!), порой весь стих звучит как такого рода беседа. Подобные стихи понятны и остроумны, только если ощущаешь систему языка в целом...» (Польскому читателю, 1927).

Ранние стихи и поэмы Маяковского построены на принципе «единодержавия» авторской речи. В творчестве советских лет на первый план выдвигается народ как многоликая масса. Его обобщенный образ сочетается с мгновенными зарисовками отдельных людей. Особенно интересна с этой точки зрения поэма «Хорошо!» (1927), которая строится на резкой смене «речевых портретов» героев — участников истории.

Высокого мастерства достигает поэт в речевой характеристике сатирических персонажей. В стихотворении «Искусственные люди» (1926) авторская речь неожиданно перебивается подчеркнуто бюрократическими формулировками высмеиваемого персонажа: «Ничего», «Выравниваем линию», «Неувязка», «Продвижка!», «Использóвываем», «В общем и целом».

В работе Маяковского по обновлению поэтического языка были свои издержки, те «крайности», без которых вообще трудно представить себе облик поэта. Когда, например, в поэме «150 000 000» (1919—1920) мы читаем: «Баарбей! Баарбань! Баарабан!», слова эти не воспринимаются как поэтически незаменимые, потому что их трудно осознать в системе языка. Или когда в той же поэме автор вместо «бежит по берегу» пишет: «бежит, побережит», это новообразование кажется просто непонятным — корни двух разных слов, вставленные один в другой, приобретают неузнаваемый вид.

Даже в таком отточенном, непревзойденном стихотворении, как «Левый марш» (1918), находим одно не очень понятное словообразование «стальной извиваются лéевой». Корень слова *леева*, очевидно, тот же, что и в словах *литься, лейка*. Но он так изменен ради рифмы *леевой — левой*, что эта связь неологизма с другими родственными по происхождению словами почти не ощущается.

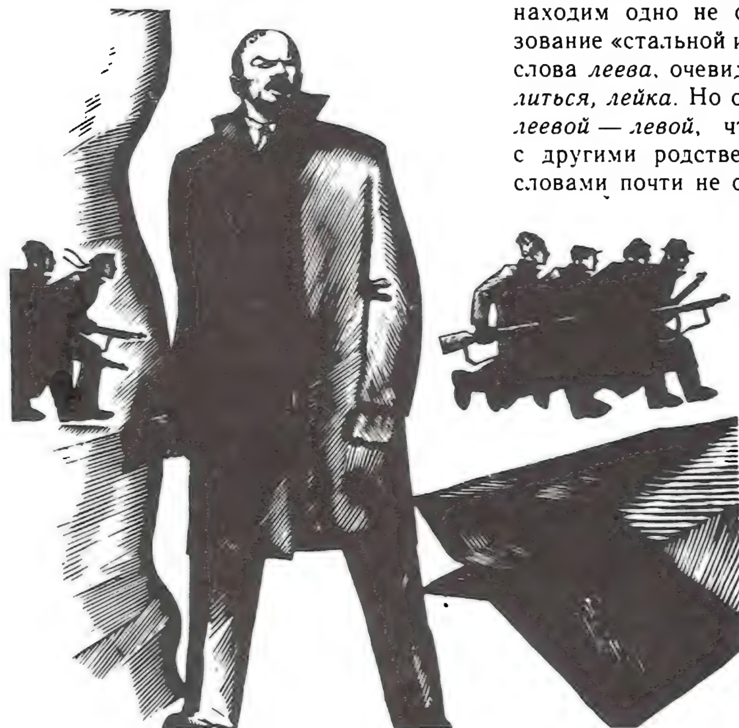


Иллюстрация Д. Бисти к поэме В. В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин».

М

Путь Маяковского отмечен преодолением этой насильственности по отношению к языку, постепенным, хотя и не окончательным отказом от языковых переборов и «чрезмерностей».

М. Горький говорил, что у Маяковского «предельное чувство русского языка». А. Т. Твардовский, нередко полемически отзывавшийся о поэте, также отмечал неоспоримую разговорность его стиха: «Вы ушли, как говорится, в мир в иной» — это не просто написано, это записано, услышано, это живая речь».

Трудные и смелые поиски нового языка поэзии, неотделимого от языка революции, — одна из самых важных, неотъемлемых особенностей новаторской деятельности Маяковского.

МЕСТОИМЕНИЕ

Все имена можно разделить на знаменательные и местоименные слова.

Знаменательные — это слова с определенным постоянным лексическим значением, называющие различные явления познавательного опыта, например: *дом, коллективный, пятнадцать, рано* и т. п. Подавляющее большинство слов относится к этой группе — они исчисляются тысячами.

Местоименные — это слова, не имеющие постоянного лексического значения, а получающие его в зависимости от того, на какое явление действительности или на какое слово в речи они указывают, например: *Я давно тебя ищу.* Словом *я* обозначен говорящий, словом *ты* — собеседник. *Принеси зонтик, он висит в коридоре.* Слово *он* указывает на слово *зонтик*, названное в предыдущем тексте, как бы заменяя его. Местоименных слов немного — они исчисляются десятками. Но значение их в языке огромно, потому что они очень часто употребляются.

Местоименные слова объединяются не только общим значением указания на явление действительности (ситуация) или на слово (контекст), но и рядом частных значений, которые в знаменательных словах не встречаются.

Так, бывают местоимения личные (*я, ты, мы, вы, мой, наш* и др.), возвратные (*себя, друг друга, свой* и др.), лично-указательные (*он, она, они, оно* и др.), указательные (*тот, этот, такой, тут, столько, туда* и др.), вопросительные (*кто, какой, сколько, где* и др.), неопределенные (*некто, некоторый, что-то, где-нибудь* и др.), отрицательные (*негде, некуда* и др.), усилительно-отрицательные (*никто, никакой, нисколько, никогда* и др.), определительные (*другой, весь, всякий, везде* и др.).

Основными семантическими разрядами являются местоимения личные, вопросительные и указательные. Остальные семантические разряды по форме или по значению выводятся из этих трех разрядов. Так, отрицательные, усилительно-отрицательные и неопределенные местоимения представляют собой соединение вопросительных местоимений со словообразовательными частицами *-то, -либо, -нибудь, кое-, не-, ни-: что-то, кто-нибудь, какой-либо, кое-где, нечего, никогда* и т. п.

Рассмотрим подробнее указательные местоимения в русском языке: *это, то; этот, тот, такой, этакий, таков, сей, оный; столько, оба; там, здесь, тут, туда, сюда, оттуда, отсюда, так, этак, потому, поэтому, оттого, тогда, сейчас, теперь.*

В определенной ситуации эти местоимения могут указывать непосредственно на предмет или явление действительности (дейктическое значение) и в этом случае обычно сопровождаются жестом: движением руки, пальца, головы, подбородка, глаз. Например, в магазине покупатель спрашивает: — *А этот галстук шелковый?* — и указывает рукой или движением глаз на приглянувшийся ему галстук. Дейктическое значение указательных местоимений свойственно устной разговорной речи.

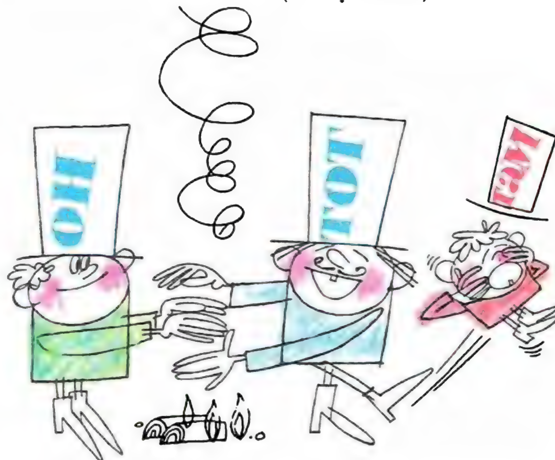
В определенном контексте эти же местоимения могут указывать на слово или группу слов предыдущего, реже — последующего текста (анафорическое значение), например: *После дождя пошли в лес. Там было много грибов. Там* означает «в лесу».

Анафорическое значение указательных местоимений не сопровождается жестом и в равной степени свойственно и устной и письменной речи.

Некоторые указательные местоимения различают указание на близость или отдаленность в пространстве или во времени: *это — то, этот — тот, здесь — там, сейчас — тогда, сюда — туда* и др.

И прожитому я подвел черту,
жизнь разделив на эту и на ту,
и полужизни опыт подытожил:
та жизнь была беспечна и легка,
легка, беспечна, молода, горька,
а этой жизни я еще не прожил.

(О. Чухонцев)



Общих грамматических признаков (форм), которые были бы характерны для всех местоимений, нет. По морфологическим (и синтаксическим) признакам одни из них примыкают к существительным (*я, вы, никто, что-нибудь* и под.), другие — к прилагательным (*чей, какой, свой, чей-то, никакой, таков* и под.), третьи — к числительным (*сколько, столько, оба* и под.), четвертые — к наречиям (*где, там, никуда, когда-нибудь, как-то* и под.) (см. *Части речи*).

А раз у местоимений нет единства грамматических форм, то они и не представляют собой части речи. На это обращали внимание многие ученые XIX и XX вв. (Г. П. Павский, И. И. Давыдов, А. А. Потебня, Ф. Ф. Фортунатов, А. М. Пешковский и др.).

Итак, местоимениям свойственна двойная, перекрещивающаяся классификация: по грамматическим разрядам (частям речи) и по семантическим, местоименным разрядам. Группировать их при изучении можно по-разному в зависимости от цели изучения.

В школьной грамматике местоимения изучаются по семантическим разрядам — так удобнее понять и общую специфику местоимений, и частные особенности отдельных местоименных слов. Только не надо бы называть их частью речи. И уж, конечно, не надо забывать, что есть местоименные наречия.

Местоимения очень древний и сравнительно замкнутый круг слов. Но все же они могут пополняться новообразованиями. Например, не так уж давно появились неопределенные местоименные прилагательные *энный* и *энский*: *энная сумма денег, на энском заводе* и под.

Приближаются к неопределенным местоимениям разных грамматических разрядов и соединения вопросительных местоимений с частицами *угодно* и *попало* (пишутся раздельно), например: *Не бросай свои тетради где попало. Думай о чем угодно, но не забывай о деле.*

МЕСТОИМЕНИЕ (ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Способность местоимений наполняться различным содержанием, соотносясь с полнозначными словами (другими частями речи), создает богатые возможности использования их в речи.

1. Равнозначны ли предложения *Я приду вечером* и *Приду вечером*? И да, и нет. Да, потому что смысл их совпадает и наличие местоимения *я* в первом из них не обязательно: ведь при сказуемом-глаголе с личным окончанием *-у* подлежащим может быть только местоимение *я*, и наоборот, при местоимении-подлежащем *я* глагол-сказуемое может иметь только окончание *-у*(*-ю*). Наличие местоимения как бы избыточно.

В то же время мы вправе ответить «нет» на поставленный вопрос. Дело в том, что пропуск личного местоимения 1-го и 2-го лица в роли подлежащего меняет стилистическую окраску предложения: речь приобретает динамичность, ускоряется ее темп, появляется разговорный оттенок, например: «Не согласен! Не могу! Не желаю!» (А. Чехов).

Подлежащее-местоимение обычно опускается при форме повелительного наклонения, этим подчеркивается категоричность, например: «Идите, выполняйте приказание. Спите» (К. Симонов). Наоборот, наличие местоимения-подлежащего смягчает высказывание, например: «Ты мне скажи откровенно... Ты мне дай совет...» (Л. Толстой).

2. При употреблении личного местоимения 3-го лица нужно учитывать контекст: местоимение обычно заменяет ближайшее к нему предшествующее существительное в форме того же рода и числа. Так, в предложении *Мать Оли, когда она заболела, стала очень нервной* — *она* относится к существительному *Оля*, но нет уверенности в том, что все одинаково поймут эту фразу и не отнесут местоимение к слову *мать*. Лучше было бы сказать: *Когда Оля заболела, мать ее стала очень нервной.*

3. В русском языке возвратное местоимение *себя* может соотноситься с любым из трех грамматических лиц: *я вижу себя в зеркале — ты видишь себя в зеркале — он видит себя в зеркале.* Поэтому при наличии в предложении двух существительных может возникнуть неясность, с каким из них соотносится *себя*, например: *Мать попросила дочь отнести покупку к себе.* Как понять это предложение? К кому будет отнесена покупка? По правилам грамматики возвратное местоимение относится к слову, называющему производителя действия. В нашем примере действие матери выра-

жается в том, что она попросила (простое глагольное сказуемое), а действие, выраженное инфинитивом *отнести*, приписывается дочери. Так как сочетание *к себе* синтаксически зависит от этого инфинитива *отнести к себе*, то тем самым возвратное местоимение соотносится со словом *дочь*. Однако при чтении подобных предложений все же возникает неясность, и для устранения возможной двузначности используются синонимические замены: 1) *Мать попросила, чтобы дочь отнесла покупку к себе;* 2) *Мать попросила, чтобы дочь отнесла покупку к ней.*

4. Аналогичное положение может возникнуть при употреблении возвратно-притяжательного местоимения *свой*, которое в русском языке тоже соотносится со всеми тремя грамматическими лицами: *я беру свою книгу — ты берешь свою книгу — он берет свою книгу.* В этом случае остается в силе указанное выше правило: *свой* соотносится со словом, называющим производителя действия. Так, в предложении *Мать попросила дочь принести свое платье* — слово *свой* следует соотнести со словом *дочь* (ведь именно она совершит действие, выраженное инфинитивом *принести*). Но и в этом случае для внесения полной ясности используются синонимические замены: 1) *Мать попросила, чтобы дочь принесла свое платье;* 2) *Мать попросила, чтобы дочь принесла ее платье.*

5. Близки по значению неопределенные местоимения, образованные при помощи аффиксов *-то, -нибудь, -либо, кое-, не-* и входящие в ряды:

что-то, что-нибудь, что-либо, кое-что;
кто-то, кто-нибудь, кто-либо, кое-кто;
какой-то, какой-нибудь, какой-либо, кое-какой;
чей-то, чей-нибудь, чей-либо, кое-чей;
нечто, некто.

Различие между словами внутри каждого ряда имеет смысловой или стилистический характер.

Мать попросила дочь принести своё платье.

Местоимение *что-то* (*кто-то* и т. д.) указывает на неизвестное как для говорящего, так и для слушающего, например: *Что-то промелькнуло в воздухе. Кто-то постучался в дверь.*

В отличие от *что-то* местоимение *кое-что* указывает на неизвестное слушающему, но известное говорящему, например: *Я кое-что знаю об этом.*

Если *что-то* обозначает «неизвестно что», то *что-нибудь* имеет значение «безразлично что», «все равно что». Сравните: *Он расскажет что-то интересное* (неизвестно что).— *Расскажи что-нибудь интересное* (безразлично что). Сравните в диалоге:

— Меня спрашивал *кто-нибудь* по телефону?
— Да, вас *кто-то* спрашивал.

Местоимение *что-либо* близко по значению к местоимению *что-нибудь*, но имеет более общее значение. Сравните: *Попросить кого-нибудь* (одного из немногих неизвестных людей).— *Попросить кого-либо* (любого из неизвестных людей). Местоимения с аффиксом *-либо* имеют книжный характер.

Книжный характер присущ также местоимениям *нечто* и *некто*, которые обычно сопровождаются определением: *нечто неожиданное, некто в черном.*

МИРОВЫЕ ЯЗЫКИ

Мировыми языками называются некоторые наиболее распространенные языки, употребляемые между собой представителями разных народов за пределами территорий, населенных людьми, для которых они изначально родные.

Функции этих языков не ограничиваются жизнью внутри нации и охватывают международные сферы — дипломатию, мировую торговлю, туризм, глобальные системы коммуникаций — от телеграфа и радиосвязи до авиа- и космических сообщений. На них общаются ученые разных стран, они хранят в переводах и научно-технических рефератах массивы общечеловеческого знания. Они принимаются как «рабочие языки» ООН и других международных организаций и съездов, а также как «иностранные языки», т. е. обязательный предмет обучения в вузах и школах большинства государств мира.

Абсолютное число говорящих на мировом языке как на родном не главный его признак: на несомненно мировом французском языке как на родном говорит около 80 млн. человек, тогда как на китайском — свыше 900 млн. Важнее всемирность расселения людей, знающих эти языки (причем не обязательно в совершенстве: часто достаточно, скажем, уметь читать и переводить), охват максимального числа стран и влиятельных слоев общества (научно-технической и творческой интеллигенции, административного аппарата и т. д.), сознательно считающих овладение мировыми языками полезным и выгодным.

Состав мировых языков изменчив. В настоящее время в него входят английский, русский, французский и др. Ведущее место принадлежит английскому языку, родному для 350 млн. человек. Его изучают почти во всех странах — около 180 млн. человек ежегодно, и его международные функции общеизвестны; однако еще в XVIII в. он не имел престижа французского или португальского (последний в наше время вышел из состава мировых языков) и стал языком широкого межгосударственного употребления лишь в XIX в.

Русский язык, родной для 190 млн. человек, издавна служил средством межнационального сотрудничества народов нашей страны и стал общепризнанным мировым языком с середины XX в. В 1982/83 учебном году его изучали в 101 стране 23 млн. школьников, студентов и прочих; общее число владеющих им в той или иной мере превышает сейчас в мире полмиллиарда человек. Войдя в состав мировых языков, он сразу опередил собратьев по ряду общественных функций, например только на нем и на английском кодируется до 70% всей мировой научной информации, только на нем во всей полноте имеется марксистско-ленинская литература. Его общечеловеческая ценность связывается с богатейшей русской классической и советской художественной литературой и непревзойденными по качеству и количеству переводами на русский язык литературы всех языков мира.

Принятие человечеством данного языка как мирового связано с авторитетом, ролью страны этого языка в истории и современности. Русский язык обязан своим «званием» мирового языка выдающимся свершениям русского и всего советского народа в революционной мысли и действии, в построении социализма, в развитии мировой культуры и цивилизации.

Наряду с социально-историческими причинами существенны и лингвистические. Никоим образом не возводимые к природным, «врожденным» свойствам языка (идея превосходства того или иного грамматического строя над другими наукой отвергнута), эти лингвистические причины обладают самостоятельностью и могут содействовать или мешать действию социальных факторов. Речь идет о том, насколько данный язык пригоден, удобен для выполнения мировых коммуникативных функций, насколько он обработан, раскрыт в своих выразительных потенциях, насколько подготовлен к преподаванию носителям иных языков и культур. Он должен быть сформировавшимся национальным (см. *Национальный язык*) литературным (см. *Литературный язык*) языком, обладающим длительной письменной традицией, установившимися нормами, хорошо исследованным и описанным в грамматиках, словарях, учебниках.

МЛАДОПИСЬМЕННЫЕ ЯЗЫКИ НАРОДОВ СССР

В СССР младописьменными называются языки, впервые в советскую эпоху получившие общенародную письменность с изучением родного языка в школах, изданием на нем книг, газет, журналов, развитием национальной культуры, профессиональных искусств, художественной литературы. После победы Великого Октября около 50 ранее бесписьменных языков стали письменными, литературными. Это был беспримерный подвиг в культурном языковом строительстве. Достаточно напомнить, что указанное число национальных письменностей превышает число письменностей, созданных, например, в Европе за все известные науке предшествующие эпохи. Так было практически реализовано одно из важнейших положений ленинской национально-языковой политики.

Отвергая реакционную политику и практику подавления культур и языков национальных меньшинств, В. И. Ленин провозгласил лозунг свободы любого языка и его беспрепятственного развития. Он выступал как великий гума-

нист, заботящийся о судьбах всех народов — больших и малых, об их культурах и языках. Не подавление культур и языков угнетенных народов и национальных меньшинств, а всемерное развитие и взаимообогащение больших и малых наций и народностей, их культур и языков в возможных пределах их жизненных интересов и потребностей — таковы были принципиальные установки В. И Ленина, легшие в основу культурно-языкового развития малых народностей в нашей стране.

Указанные ленинские установки исходили из признания бесспорного факта, что всякое познание наиболее доходчиво и понятно народу на его родном языке, если он — этот народ — не владеет другим развитым языком. В то время 99,9% носителей каждого из подавляющего большинства языков малых народов страны владели только своим родным языком. Поэтому письменность на родном языке явилась мощным орудием в руках Советской власти для наиболее быстрого приобщения ранее отсталых народностей к современной передовой социалистической культуре, достижениям науки, техники, искусства, литературы, к овладению сокровищницей человеческих знаний.

Вот почему народные массы проявляли огромный интерес к овладению письменностью на родном языке.

В середине 20-х гг. участники культпохода по ликвидации неграмотности в Киргизии прибыли в населенный пункт. Население встретило их с ликованием. Вечером в помещении сельского Совета собралось много людей, и все же большинству пришлось остаться во дворе, так как в помещении уже не хватало места. Двери и окна были открыты настежь. Здесь собрались представители всех поколений — молодежь, старики, дети. Когда стали читать отрывки из книги, все слушали затаив дыхание. Затем присутствующим были розданы буквари, книги для чтения, карандаши, тетради. Первый урок продолжался около 5—6 ч, до поздней ночи, при тусклом свете керосиновой лампы. Никто не хотел уходить. И участники культпохода не чувствовали усталости: они были покорены огромным интересом и энтузиазмом тех, которые пришли, чтобы как можно скорее научиться писать и читать на родном языке. Этот день сохранился в памяти всех как один из самых ярких, значительных дней жизни. Сейчас трудно найти не только неграмотного, но и малограмотного в кишлаках и аулах советской Средней Азии.

НИКОЛАЙ ФЕОФАНОВИЧ ЯКОВЛЕВ (1892—1974)

Николай Феофанович Яковлев вошел в историю отечественной науки и культуры как кавказовед и специалист по теоретической и прикладной лингвистике, хотя он окончил (в 1916 г.) историко-филологический факультет Московского университета по славяно-русскому отделению. Молодой Яковлев самым усердным образом изучал русскую этнографию и фольклор, совершил несколько экспедиций в Московскую, Архангельскую, Саратовскую и Вологодскую губернии и намеревался и в дальнейшем посвятить себя этнографии.

К счастью для лингвистики, собранная им в экспедициях и сданная в Румянцевский музей коллекция предметов крестьянского быта и одежды не произвела никакого впечатления на посетителей, а вот отчеты, которые Н. Ф. Яковлев сделал в Московской диалектологической комиссии и в Московском лингвистическом кружке, обратили на себя внимание языковедов Д. Н. Ушакова, Н. Н. Дурново и других: их поразила высокая профессиональная точность диалектологических записей и глубина теоретического осмысления материала.

Но именно в это время в жизни Н. Ф. Яковлева произошел крутой поворот: по рекомендации академика А. А. Шахматова он «решил переменить специальность и заняться языками и этнографией народов Северного Кавказа, изучением которых русская наука к этому времени почти перестала заниматься» (из автобиографии). Начиная с 1920 г. Н. Ф. Яковлев практически ежегодно организует широкие этнолингвистические экспедиции в Кабарду, Чечено-Ингушетию, Дагестан, Адыгею, Абхазию. Результатом экспедиций явились многочисленные (свыше 80) лингвистические труды, в том числе 15 книг, почти каждая из которых была событием в кавказоведении.

Однако эти работы ученого важны для нас не сами по себе, а благодаря той роли, которую они сыграли в советской культурной революции, в советском языковом строительстве. С выходом в свет книги Н. Ф. Яковлева под «скучным» названием «Таблицы фонетики кабардинского языка» (М., 1923), содержавшей подробное описание звукового строя лишь одного языка, в распоряжение участников языкового строительства в стране поступила теория фонем (см. *Фонема*) — теория, способная осветить практику этого строительства, под-

С первых дней Советской власти в нашей стране была проведена огромная работа по созданию алфавитов, составлению орфографических правил, разработке терминологических систем, изучению диалектов, расширению сфер применения младописьменных языков, по их нормированию. Дело осложнялось еще и тем, что подавляющее большинство языков и диалектов, функционировавших на окраинах царской России, еще не были изучены (языки народов Крайнего Севера, Сибири, Дальнего Востока, Поволжья, Средней Азии, многоязычного Кавказа).

Алфавит создается на основе учета особенностей звукового строя языка. Поэтому ученые-языковеды должны предварительно исследовать диалекты и определить в необходимых случаях диалектную базу младописьменного языка. Важную роль в издании алфавитов сыграла «Математическая формула построения алфавита» Н. Ф. Яковлева.

Для создания алфавита важно использовать наиболее совершенную графику. Несовершенные средневековые графические основы были отвергнуты еще в первый период Советской власти. К наиболее совершенным относятся русская (славянская) и латинская графические основы. Для младописьменных народов, живущих в СССР, где функционирует русский язык как язык межнационального общения, наиболее жизненно необходимым является русский язык. Использование латинской графики удвоило бы нагрузку учащихся и всех, изучающих родной и русский языки. Переход младописьменных народов с латинской к русской графике в 30-е гг. устранил этот недостаток. Переход на русскую графическую основу был обусловлен для народов СССР рядом других важных причин: учитывались политические, экономические и культурные связи между народами нашей страны, их братское сотрудничество, огромная бескорыстная помощь русского народа всем нациям и народностям. Основные орфографические правила для младописьменных языков разрабатывались одновременно с составлением алфавитов (в отличие от старописьменных языков, научно обоснованные орфографии которых создавались спустя несколько столетий после возникновения письменности). При создании правил орфографии исходили в основном из произносительных норм живой речи. Новые заимствования из русского языка пишутся с сохранением в основном форм, бытующих в русском языке (*Совет, социализм, колхоз, совхоз* и т. д.). При разработке орфографий младописьменных языков учитывались достижения русской орфографии.

Терминология является основным разделом лексики, за счет которой интенсивно обогащался и обогащается словарный состав младописьменных языков. Разработка терминологии младописьменных языков была организована с первых же дней оформления их письмен-

вести под нее теоретический фундамент.

Фонемы выделяются не потому, что они сознаются каждым отдельным говорящим, говорил Н. Ф. Яковлев, но они потому и сознаются говорящими, что в языке эти звуки выполняют особую грамматическую роль. Именно эта единица подлежит передаче на письме.

Эта теория фонем выдвинула ее создателя на капитанский мостик национального языкового строительства — сначала в качестве ученого-эксперта в Главнауке Наркомпроса, на конференциях и научных заседаниях, а затем как ведущего работника Научного совета Всесоюзного Комитета нового Алфавита при ЦИК СССР (1926—1937). Н. Ф. Яковлев возглавил дело научного обеспечения стихийно возникшего (прежде всего в среде широких масс тюркоязычных народов) движения за создание рациональных письменностей для народов Северного Кавказа, Дагестана, Абхазии, для тюркских, финно-угорских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языков, а также для языков народностей советского Крайнего Севера. Создание таких письменностей было необходимо в интересах приобщения масс к печатному слову, в интересах образования и культуры, а также для устранения графического барьера на пути овладения населением национальных республик Союза русским языком как средством межнационального общения.

Сформулированный Н. Ф. Яковлевым фонемный принцип письма позволил создать письменности для 70 языков народов СССР.

Исключительно большую роль в утверждении научных принципов построения алфавитных и орфографических систем для письменностей народов СССР сыграла обоснованная Н. Ф. Яковлевым «Математическая формула построения алфавита (опыт практического приложения лингвистической теории)»: она позволяла создателям конкретных национальных письменностей находить наиболее экономные способы передачи фонем на письме.

Деятельность Н. Ф. Яковлева и его соратников — среди них были такие ученые, как Н. А. Генко и А. М. Сухотин, — не ограничивалась одной лишь разработкой систем графики и орфографии: она охватывала всю совокупность вопросов, входящих в понятие «национальный литературный язык».

ности. Около 70—80% новых терминов в рассматриваемых языках заимствованы из русского языка и через него из других языков. У таких терминов в основном сохраняется исходная русская звуковая форма. Это относится как к общественно-политической лексике (*политика, интернационализм, капитализм, капитал, империализм, колониализм* и т. д.), так и к научно-технической терминологии (*математика, физика, химия, космос, космонавт, атом, электроника, молекулярная биология* и т. д.). При разработке терминологии для младописьменных языков полностью учитываются внутренние резервы каждого языка для создания новых терминов из своего собственного материала, используется словарное богатство данного языка и его словообразовательные возможности.

В соответствии с жизненными потребностями народов расширялись сферы применения младописьменных языков. Последние функционируют в средних общеобразовательных школах, в общественно-политической и культурной жизни: их используют в радиовещании, телевидении, на них издаются газеты, журналы, развиваются национальная культура, искусство, профессиональная, политическая, экономическая, художественная литература. Все это показывает значительное расширение сфер применения национальных младописьменных языков.

МНОГОЗНАЧНОСТЬ СЛОВА

Слово в языке может иметь не одно, а несколько значений. Вот перед нами стихотворение М. Цветаевой «Поэт». Оно начинается так:

Поэт — издалека заводит речь.
Поэта — далеко заводит речь.

Заметьте: в каждой строке почти одни и те же слова, но смысл они передают очень разный.

Достигается эта разница главным образом с помощью различия значений глагола *заводить*. В первой строке он значит «начинать», а во второй — «ведя, направить куда-нибудь очень далеко, не туда, куда надо».

Многозначность отличается от омонимии (см. *Омонимы*) тем, что разные значения одного слова сохраняют некоторую общность — это обнаружится, если мы попытаемся истолковать значения. Например, в разных значениях глагола *заводить* присутствует смысл «движение». Вот толкования этих разных значений (по словарю Ожегова): «*Заводить (завести)*. 1. Ведя (т. е. заставляя двигаться), доставлять куда-нибудь мимоходом, по пути. *Заводить детей в школу*. 2. Ведя, направлять куда-нибудь очень далеко, не туда, куда следует. *Заводить в болото. Такие рассуждения могут далеко завести*. 3. Оттаскивая (здесь также, правда в «скрытом виде» присутствует смысл «движение») в сторону конец чего-нибудь, ставить. *Заводить невод*. 4. Приводить в движение, пускать в ход (механизм). *Заводить часы. Заводить мотор*».

Значения слова бывают прямые и переносные. Конкретность, реальность — вот важный отличительный признак прямого значения.

Говоря *ровная дорога*, мы представляем себе дорогу без рытвин и ухабов, гладкую (конкретный зрительный образ), а хваля чей-нибудь характер и называя его ровным, имеем в виду качества, которые нельзя ни увидеть, ни потрогать рукой. Представление свойства «ровный» в этом случае отвлечено от конкретных предметов и перенесено на обозначение чего-то более абстрактного (поэтому и называют: переносное значение).

Разность значений слова проявляется в его сочетаемости: в одном значении у слова одно окружение, в другом — иное. Если значение конкретно, вещно, то и от смысла единиц, сочетающихся с данным словом, требуется вещность: *железный гвоздь, железная подкова*. То же слово в переносном, отвлеченном значении сочетается со словами, которые имеют абстрактный смысл: *железная воля, железный характер*.

Многозначное слово часто и синтаксически ведет себя по-разному — в зависимости от того, в каком значении оно употребляется. Например, когда глагол *идти* используется в его прямом смысле, то обычно указывают направление движения: *иду домой, идут из леса*. Если же говорят о часах, то указание места бессмыс-

ленно (нельзя сказать «Мои часы идут домой»), зато важно отметить, как часы идут: хорошо, плохо, точно и т. д. В значении «быть к лицу» этот глагол должен иметь обязательное дополнение в дательном падеже без предлога: *Платье вам идет*; в значении «расходоваться» *идти* употребляется с дополнением в винительном падеже с предлогом *на: На костюм идет три метра* и т. д.

В разных значениях слово нередко имеет разных «родственников». Если мы говорим о глухом человеке, то этот его физический недостаток называется глухотой; если же речь идет о глухом согласном звуке, то употребляют другое название свойства — глухость. А этому прилагательному в значении, проявляющемся в сочетаниях *глухая стена, глухой лес*, нельзя поставить в соответствие ни то, ни другое существительное: не говорят «глухота стены», «глухота леса», говорят *лесная глушь*.

МОДАЛЬНОСТЬ

Модальность — это отношение к тому или иному событию говорящего (или действующего лица этого события), выраженное или грамматически, или лексически, или каким-нибудь другим способом.

Какое это может быть отношение?

Во-первых, это степень достоверности описываемого события: *Петр уехал.* (Все ясно.) *Говорят, Петр уехал.* (Вы не берете на себя ответственности за сказанное.)

Во-вторых, это степень уверенности говорящего в реальности данного события: *Петр уехал.* Уверенности или неуверенности не выражено: просто констатируется факт. Но сравните:

Петр, по-видимому, уехал. (Неуверенность.) *Петр действительно уехал.* (Вы на этом настаиваете.)

В-третьих, это оценка ситуации: *Петр уехал!* Даете понять, что или обрадованы этим, или возмущены, но во всяком случае вам не безразличен отъезд Петра.

В-четвертых, это запрос информации у собеседника: *Уехал ли Петр?*

В-пятых, это желание (или нежелание), чтобы событие совершилось: *Петр, уезжай! Хорошо бы, Петр уехал.*

Уже из этих простейших примеров видно, что модальность часто выражается лексически, т. е. при помощи специальных модальных слов вроде *по-видимому* или служебными словами — частицами вроде *же*. Но ее можно выразить и интонацией (как в третьем случае), а можно и особой формой глагола. Тогда обычно говорят не о модальности, а об особой грам-

матической категории, например наклонения.

В большинстве языков, в том числе и в русском, существуют особые модальные слова, которые способны выразить еще более тонкие оттенки отношения к ситуации. Например, можно сказать: *Петр должен уехать*. Это значит, что, по моему мнению, обстоятельства заставляют Петра уехать. Или: *Петр может уехать*. Здесь ситуация иная: обстоятельства складываются так, что, на мой взгляд, Петр свободен поступать, как ему заблагорассудится: хочет — уедет, не хочет — не уедет. Или наконец: *Петр хочет уехать*. Здесь мое участие минимально, зато четко выражено отношение самого Петра к своему отъезду.

Во многих языках есть особые грамматические категории, сходные отчасти с категорией наклонения и обозначающие, что кто-то заставляет или побуждает кого-то совершать действие. В грузинском языке, например, это категория контакта. В переводе с грузинского «вэткви» значит «скажу», а «ваткмэвинэд» — «заставлю его сказать». Такая форма может быть «многоэтажной», например: *вацер-инэб-инэб-церилс* — «я заставлю его заставить кого-то писать письмо».

В очень многих языках можно выразить, для кого, в чью пользу совершается действие. В грузинском языке для этого служит специальная грамматическая категория — версия.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ЯЗЫКА

Слово *модель* в переводе с французского значит «образец». Понятие модели хорошо известно в производственных процессах, в науке и технике. Например, в литейном производстве моделью называют образец того предмета, который нужно отлить. В физике известна модель атома. Да и в быту это понятие не редкость: сапожники шьют модельную обувь.

Во всех этих случаях один предмет создается как бы в подражание другому, по образцу его, и в этом образце отражаются существенные физические, структурные и другие признаки моделируемого объекта.

А что означают слова «модель» и «моделирование» применительно к языку? Разве можно создать вещь, похожую на язык? Ведь язык не дан нам в непосредственном наблюдении: мы воспринимаем речь — либо звуковую, либо письменную (см. *Язык и речь*). Но как происходит «рождение» речи, как человек воплощает мысль в высказывание, каков механизм этого процесса, увидеть нельзя.

Однако изучить этот механизм необходимо: только так мы можем проникнуть в сущность языка, понять структуру, свойства языка и различных его компонентов, их взаимодействие.

Основным путем для такого понимания и является моделирование языка (или, точнее, того, как человек владеет языком). При этом ученые не ставят перед собой задачу создать нечто, внешне похожее на те процессы, которые происходят в мозгу человека (при порождении речи). Они поступают иначе: создают такие аналоги языка, которые были бы похожи на него по функции (а, скажем, не по форме или материалу). Опираются они при этом на два рода данных: на смыслы, которые человек хочет выразить, и на тексты, в которых эти смыслы выражаются. Можно уподобить человеческий мозг кибернетической машине: на «вход» ее поступает мысль, а на «выходе» получается речь; сам же процесс превращения мысли в речь, происходящий внутри машины (мозга), невидим.

Моделируя этот процесс, лингвист пытается построить такое описание языка, которое могло бы правильно объяснить основные языковые явления. Чтобы достигнуть наилучшего результата, лингвисты предъявляют к создаваемым ими моделям определенные требования.

Первое: модель не может включить все свойства языка — она должна отбирать лишь существенные из этих свойств (если же стремиться к тому, чтобы охватить абсолютно все, даже самые мелкие и частные, качества языка — объекта чрезвычайно сложного! — то задача создания модели окажется невыпол-

нимой). А раз так, то модель по сравнению с самим языком в большей или меньшей мере схематична. Заметим, что схематичность не исключительный признак лингвистических моделей: и в других областях знания модели обладают этой особенностью.

Второе требование к модели языка: элементы, из которых она строится, и правила их сочетания друг с другом должны быть описаны однозначно, в явной и логически непротиворечивой форме. Ничто не должно подразумеваться, умалчиваться как очевидное и т. д. — все надо выразить (лингвисты называют такое описание формальным). Лишь при этом условии моделью может пользоваться не только ее создатель, но и другие исследователи языка.

Третье и, пожалуй, главное требование: модель должна обладать объяснительной силой, т. е. объяснять такое «поведение» языка (или каких-либо его элементов), которое до того не имело удовлетворительного объяснения, и предсказывать неизвестные раньше, но возможные формы его «поведения».

Моделирование языка имеет два вида, различающиеся по задачам, которые ставит перед собой исследователь.

Если он задается целью понять, как происходит «говорение», воплощение мысли в речь, он строит модели, которые принято называть синтезирующими или моделями синтеза. На «входе» таких моделей — смыслы, записанные на специальном, искусственном языке смыслов, а на «выходе» — тексты, которые строятся из тех элементов и по тем правилам, которые и составляют модель.

Если исследователь ставит противоположную задачу: понять механизм «слушания», т. е. понимания высказываний на данном языке, то он создает модели анализа (или анализирующие). Это как бы перевернутые модели синтеза: на «входе» у них тексты, а на «выходе» — смыслы; переход же от текстов к смыслам происходит в соответствии с содержащимися в модели правилами.

Моделирование языка лишь сравнительно недавно стало осознаваться как одна из главных задач лингвистики. Оно связано с новым подходом к языку — как к кибернетическому устройству, преобразующему мысль в речь. Сейчас как в нашей стране, так и за рубежом ведется интенсивная разработка языковых моделей.

МОНГОЛЬСКАЯ И ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКАЯ СЕМЬИ ЯЗЫКОВ

К монгольской семье относятся языки: монгольский, бурятский (в Бурятской АССР), калмыцкий (в Калмыцкой АССР), ойротский, дагурский и другие, а также мертвый письменный язык киданей IX—X вв. Письменные памятники на монгольском языке существовали уже в XIII в. Бурятский и калмыцкий языки получили свою собственную письменность после Великой Октябрьской социалистической революции. До этого в качестве письменного языка использовался несколько видоизмененный классический монгольский.

Взаимная родственность монгольских языков полностью доказана.

Эвенки (тунгусы), эвены (ламуты), негидальцы, орочи, удэгейцы, ороки, ульчи, нанайцы говорят на тунгусо-маньчжурских языках. Все эти языки — на территории Советского Союза. (В Китае живут маньчжуры, в большинстве утратившие свой язык.)

Эти народы не имели письменности до Великой Октябрьской революции. Только феодальная знать у маньчжуров с XVI в. пользовалась письменным литературным языком (на основе монгольского); но этот язык уже в XIX в. перестал употребляться в живой речи — феодальная верхушка маньчжурского общества перешла на китайский язык.

«Родство языков, образующих тунгусо-маньчжурскую семью, давно уже не вызывает каких-либо серьезных сомнений. Все необходимые доводы в пользу близкого родства тунгусо-маньчжурских языков могли быть представлены только в советский период, когда исследование отдельных языков этой семьи и их сравнительное изучение развернулось особенно интенсивно»,— пишет советский лингвист О. П. Суник.

Существует предположение, что тунгусо-маньчжурские, монгольские, тюркские языки, а также корейский образуют одну большую алтайскую семью языков. Это предположение остается гипотезой.

МОРФЕМА

Морфема — значимая часть слова. Например, глагол *перепрыгивать* членится на такие значимые части: *пере-прыг-ива-ть*. Каждая из них имеет смысл. Докажем это. *Пере-прыгивать, пере-летать, пере-скакивать, пере-плывать, пере-ползать*... Во всех словах есть *пере-*, все они имеют значение «преодолевать препятствие или пространство». Сравним с другими глаголами: *от-прыгивать, от-летать, от-скакивать, от-плывать, от-ползать*... Вывод: если есть морфема *пере-*, то существует значение «преодолевать препятствие». Нет *пере-*, значит, нет и такого значения. Отсюда следует, что значение «преодолевать препятствие или пространство» передается частью слова *пере-*, она, таким образом, имеет значение.

Так же можно доказать, что значимы *-прыг-*,

-ива- (сравним: *перепрыгнуть*; *-ива-* обозначает несовершенный вид глагола), *-ть* (сравним: *перепрыгива-л*; *-ть* обозначает неопределенную форму глагола). Итак, в слове *пере-прыг-ива-ть* четыре морфемы.

Морфема может выступать в нескольких разновидностях: *пере-прыг-ива-ть — прыж-ок*; здесь одна и та же морфема, корень, представлена двумя разновидностями: *-прыг-* и *прыж-*. Разновидности морфемы называются морфами. Морфы *прыг-* и *прыж-* представляют одну и ту же морфему.

Сравним: *ход-ить — хож-у, пере-сад-ить — саж-у, завод-ить — завож-у, город-ить — горож-у, налад-ить — налаж-у, колоброд-ить — коаоброж-у, уд-ить — уж-у, стыд-ить — стыж-у*... Каждый корень представлен в двух видах, и ясна закономерность: перед *-ить*, показателем неопределенной формы, корень с *д* в конце, перед *-у*, показателем 1-го лица, — с *ж*. Последующая морфема, *-ить* или *-у*, определяет выбор того или иного морфа. Морфы, таким образом, позиционно чередуются. Позицию определяет следующая морфема. Это чередование грамматическое: чередуются морфы по приказанию следующей морфемы, грамматической единицы. Позиционно чередующиеся морфы объединяются в одну морфему. Так, например, морфы *ход-* и *хож-* представляют одну и ту же морфему, один и тот же корень.

Морфемы бывают такие: корень, главная часть в слове (корень может быть один в слове, без других морфем), и аффиксы — морфемы, которые находятся при корне. Аффиксы делятся на словообразовательные и словоизменительные (см. *Словообразование и словоизменение*). Аффиксы уточняют, ограничивают, дополняют смысл корня: *медвеж-онок* (не просто медведь, а маленький детеныш: *-онок* уточняет, дополняет значение корня); *черн-ик-а* (названо этим словом не все, что черно, а ягода: *-ик-* дополняет, уточняет, ограничивает значение корня); *анти-обледенитель* (не всякое вещество, имеющее отношение к обледенению, а только то, которое направлено против обледенения: *анти-* ограничивает и уточняет значение корня).

Другие морфемы показывают связь между словами: *глубок-ую рек-у, глубок-ой рек-и, глубок-им рек-ам*... Без помощи морфем *-ую* и *-у*, *-ой* и *-и*, *-им* и *-ам* нельзя выразить грамматическую связь между существительным и прилагательным.

Аффиксы первого типа лексико-грамматические, их значение важно и для лексики, и для грамматики. Все аффиксы второго типа (служат для связи слов) грамматические.

Если аффиксы стоят перед корнем — они префиксы (или приставки); если аффиксы стоят после корня — они постфиксы. Словообразовательные постфиксы называются суффиксами, словоизменительные постфиксы — флексиями или окончаниями (см. *Способы грамматические*).

Понятие «морфема» введено в науку русским ученым И. А. Бодуэном де Куртенэ. Он писал о термине «морфема»: «Считать подобный термин лишним — это то же самое, что считать лишним объединяющий термин «дерево» и довольствоваться частными названиями: «дуб», «береза», «ель», «ива» и т. д.». В современной лингвистике появилась особая научная отрасль — морфемика, она изучает морфемы.

Н

НАКЛОНЕНИЕ

Наклонение — одна из грамматических категорий глагола. Эта категория обозначает, насколько реально действие, о котором говорится в предложении (и которое обозначено глаголом). Например, в русском языке есть три наклонения: изъявительное — *пишу, писал, буду писать* (здесь действие вполне реально); сослагательное — *писал бы* (здесь действие могло или может совершиться, но только при определенных условиях, но условий этих не было или нет) и повелительное — *пиши!* В этом, последнем случае я хочу, чтобы действие совершилось, стараюсь, чтобы оно стало реальным.

Как мы видим, в русском языке наклонений мало. А в алжирском диалекте арабского языка их еще меньше — только два (там нет сослагательного).

Но их может быть и много больше, чем в русском. Если мы не говорим в русском языке о «вопросительном» наклонении, то только потому, что у него нет никаких особых грамматических признаков — ни специальных суффиксов или окончаний, ни приставок, ни чередования звуков. Мы не говорим и об «отрицательном» наклонении — ведь отрицание у нас выражается специальными словами (*не, никто, никогда*), а не входит в состав формы глагола. Очень легко, однако, представить себе язык, в котором есть специальная «вопросительная» и специальная «отрицательная» формы глагола. «Вопросительное» наклонение есть, например, в абхазском языке: «Дца-ма?» — «(Он) ушел?» Есть в нем и «отрицательное» наклонение: «Дтэа-м» — «(Он) не сидит». Но самое интересное наклонение в абхазском языке — так называемое призрачное. Глагол, стоящий в такой «призрачной» форме, обозначает, что данное действие кому-то снится, или он о нем мечтает, или ему это кажется...

В очень многих языках есть различные наклонения, чтобы выразить прямой приказ, просьбу, желание. Есть так называемый адгортатив — «разрешительное» наклонение, а есть прохибитив — запретительное наклонение. В папуасском языке таирора есть аволиционалис — это наклонение обозначает действие, которое почему-либо не устраивает говорящего, и он не хочет, чтобы оно совершилось.

В другом папуасском языке шесть наклонений. Одно из них, конечно, изъявительное, например: «*па-уа*» — «он ел». Но оно употребляется только в том случае, если говорящий сам видел, что «он ел». Если говорящий этого не видел, но, скажем, слышал, как «он жевал», употреблять нужно другое наклонение: «*па-уиа*». Если он и не слышал ничего, но остались объедки, говорят «*па-yi-da*». Если объедки были, но к моменту разговора их уже убрали, говорят «*па-yi-уа*». Возможна еще форма для случая, когда остались какие-то косвенные признаки того, что «он ел» (например, очаг еще теплый), и, наконец, форма, утверждающая, что «он не мог не есть» (скажем, если «он» целый день был в дороге, а дома у него было много еды). Для всех этих значений у нас нет специальных наклонений, нет специальных форм глагола. Чтобы, скажем, запретить что-нибудь кому-нибудь, мы просто прибавляем к форме повелительного наклонения частицу «не»: *пиши — не пиши*. Можно по-русски выразить и просьбу, хотя специального, «просительного» наклонения в русском языке нет (а во многих других языках оно есть): *Может быть, ты пойдешь? Не пойдешь ли ты? Пошел бы ты! Хорошо бы ты пошел!* и много-много разных других вариантов.

Значит, основное различие между разными языками при выражении наклонения не в том, что́ именно выражается, а в том, есть ли для

данного оттенка специальная форма. И о наклонении мы говорим только в том случае, если для него такая специальная форма в языке существует.

НАРЕЧИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

На лингвистических картах, отражающих распространение диалектов русского языка, можно увидеть два противопоставленных друг другу наречия — северное и южное, между которыми полосой пролегают среднерусские говоры (см. карту «Наречия русского языка»). Каждое из этих наречий характеризуется несколькими типичными языковыми особенностями, по которым всегда можно узнать северноруса и южноруса. Наречия эти складывались на протяжении нескольких столетий, а начало их формирования относится к эпохе Киевской Руси.

Одним из древнейших диалектных явлений, с которых началось образование южного и северного наречий русского языка, было произношение щелевого звука [γ] («звонкого х») на месте взрывного [г]: [γ]*олова́*, [γ]*о́род*, [γ]*лубо́кий*, *о*[γ]*о́нь*, *доро́*[γ]*а*. При этом если [г] чередуется на конце слова с [к]: *подру́*[г]*а — дру*[к], *но*[г]*а́ — но*[к], *кру́*[г]*лый — кру*[к]), то [γ] чередуется с [х]: *подру́*[γ]*а — дру*[х], *но*[γ]*а́ — но*[х], *кру́*[γ]*лый — кру*[х]. Хорошо известна пословица: «Старый друг лучше новых двух». Возникла эта пословица в южнорусской среде, где слова *дру*[х] и *дву*[х] составляют точную рифму.

Явление это зародилось в XI—XII вв. где-то на Черниговской земле, а затем проникло в соседние Киевскую и Рязанскую земли, постепенно захватывая все большие и большие территории. Произношение щелевого звука на месте взрывного [г] свойственно сейчас не только южному наречию, но и украинскому и белорусскому языкам.

Следующим явлением, имевшим очень важное значение в формировании русских наречий, было аканье. Возникло оно, как считают многие ученые, в конце XII — первой половине XIII в. Первоначальная область его распространения — бассейны верхней и средней Оки и междуречье Оки и Сейма, т. е. современные Курская, Орловская, Тульская и Рязанская области. Волна этого явления, постепенно распространяясь на север, захватила Смоленские и Полоцкие земли (в XIV—XV вв.), затем отсюда проникла в Псковскую землю и на остальную территорию современной Белоруссии. В говоре Москвы аканье утвердилось с XVI в. К северу от границы аканья продолжало сохраняться оканье. Граница полного оканья сейчас почти везде совпадает с границей северного наречия. Поэтому по произношению [г] взрывного и различению [о] и [а] во всех безударных слогах, когда говорят *п*[о]*д*[о]*йду́* и *з*[а]*п*[а]*су́*, *по́р*[о]*х* и *про́м*[а]*х*, сразу можно узнать северноруса.

Еще одна яркая южнорусская черта — окончание *-е* в родительном падеже единственного числа существительных 1-го склонения: *был у сестре́, добежал до меже́, жил без родне́, вытащил из реке́*. Такое окончание часто можно встретить в сочетании существительного с предлогом *у*: *у жене́, у козе́, у ма́ме*. Эту диалектную черту отражает возникшая на южнорусской территории известная поговорка: «У голодной куме все хлеб на уме». Особенность эта проникала раньше и в московское просторечие. В первоначальной редакции пушкинского романа в стихах Онегин говорит Ленскому:

...В чертах у Ольги жизни нет.
Как у Вандиковой мадонне:
Кругла, красна лицом она,
Как эта глупая луна
На этом глупом небосклоне.

В литературном языке правильно «у мадонны», и Пушкин позднее изменил эту строку.

Но языковые новообразования распространялись не только с юга. С северных территорий возникало встречное движение языковых волн.

Если посмотреть древнейшие памятники русской письменности XI и XII вв., то можно обнаружить глагольные формы *он несеть, сядеть, держить, они возьмуть, летять, ходять* с *-ть* в 3-м лице единственного и множествен-

ного числа настоящего и простого будущего времени. Так говорили все русские в то время. В XIII в. в новгородском диалекте зарождается произношение твердого [т] в этих формах. К концу XIV в. это явление охватывает и говоры Ростово-Суздальской земли.

Многие знают пословицы: «Без зубов лесть, а с костьми съест»; «Много говорить — голова заболит»; «Не учи хромать, у кого ноги болят». Пословицы эти рифмованные. Но чтобы рифма была точной, нужно вместо *съест*, *заболит*, *болят* сказать *съесть*, *заболить*, *болять*. Именно такое произношение — с мягким [т'] глаголов 3-го лица характерно сейчас для южного наречия. Эти пословицы были созданы в южной России, а потом распространились на более широкой территории.

Примерно к тому же времени — XIII — XIV вв. относится распространение и еще одного новгородского новообразования — совпадения форм дательного и творительного падежей множественного числа прилагательных и местоимений: *подошел к нам, к вам* и *говорил с нам, с вам* (вместо *с нами, с вами*), *к большим (молодым)* деревьям и *с большим (молодым)* деревьям (вместо *с большими (молодыми)* деревьями). Позднее совпадение этих форм произошло и у существительных. Появились сочетания: *пирог с жареным грибам*, *вернулась с пустым вёдрам*, *кошка с маленьким котятам*, *пошел за новым сапогам*. Это диалектное явление отражает севернорусская пословица: «Ходит хам по горам, берет ягоды с грибам» (о смерти).

Возникают новообразования и в других севернорусских областях.

По-видимому, в XIV в. в ростово-суздальских говорах происходит утрата [j] между гласными с последующей ассимиляцией и стяжением гласных: *быв*[áje]*т* > *быв*[áэ]*т* > *быв*[áa] *т* > *быв* [á] *т*, *ста́р* [aja] > *ста́р* [aa] > *ста́р* [a]. Отсюда это явление идет на север, на северо-запад. В говорах, знающих это явление, можно услышать: *ты зна́эшь*, *зна́ашь* или

знашь, *он умéэт* или *умéт*, *мы дýмаэм*, *дýмаам* или *дýмам*. Черта эта характерна для северного наречия. Северяне же сложили пословицу: «Парень тороват (т. е. ловкий), да дела не знат».

Одни и те же понятия могут в северном и южном наречиях обозначаться разными словами:

Понятия	В северном наречии	В южном наречии
Посуда для приготовления теста	квашня́ квашóнка	дежá дёжка
Приспособление для вынимания сковороды из печи	сковорóдник	чáпля
Всходы ржи	óзимь озимя́	зéлени зеленя́
Брезговать	брéзговать	грéбовать
Лает (о собаке)	ла́ет	брéшет

Волны диалектных явлений, шедшие с юга и с севера, не останавливались у одной и той же границы. Они перехлестывали через эту границу, в результате чего образовалась область, где совмещаются южные и северные черты. В этих говорах могут сочетаться аканье с [г] взрывным, мягкое [т'] в 3-м лице глаголов с утратой [j] между гласными, формы «у сестрé» и «с моим дочеря́м». Своеобразие этих говоров не в наличии каких-то особых языковых явлений, а именно в совмещении южных и северных диалектных особенностей. Поэтому эти говоры и не составляют особого наречия. Это среднерусские говоры.

НАРОДНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

Приходилось ли вам замечать, что некоторые люди говорят «полуклиника» (вместо *поликлиника*), «спинжак» (вместо *пиджак*)? Чем это объясняется? Дело в том, что, когда человек встречает незнакомое слово, у него возникает стремление его осмыслить, сопоставляя с известными ему словами родного языка. Поступая так, он неосознанно действует как ученый, который устанавливает происхождение слова — его этимологию. Однако если этимолог проводит научный анализ, исследует историю слова, то несведущий человек довольствуется случайными сопоставлениями, не имеющими опоры в реальных фактах истории языка. Он просто соотносит непонятное слово со словами, ему хорошо известными, пытаясь понять внутреннюю форму слова. Так, заимствованное из французского языка слово *бульвар*, не имеющее связей в русском языке и потому лишенное внутренней формы, непонятное, превращается в «гульвар», сближаясь с глаголом *гулять*. В слове *поликлиника* заимствованная пристав-

ка *поли-* (от греч. *poly* — «много», сравним: *поливитамины*, *политехникум*, *полигамия*) заменяется русским элементом *полу-* (сравним: *станция* — *полустанок*; *час* — не прошло и *получаса*). А «полуклиника» — это уже слово понятное: она как бы не вполне клиника, не настоящая клиника, а так себе, «полу-клиника». Неясное слово *пиджак* получает объяснение, сближаясь со словом *спина*.

Это явление — сближение слов на основании их внешнего, обманчивого сходства и достигаемое при этом осмысление непонятного слова — называется народной этимологией (в отличие от научной этимологии). Народная этимология распространяется чаще всего на слова заимствованные или устарелые, т. е. непонятные рядовому носителю языка. Она действует преимущественно в диалектах и просторечии, т. е. в среде лиц, не владеющих нормами литературного языка. Однако народная этимология может использоваться писателями (или обычными людьми) как сознательный прием, ведущий к шутливому осмыслению слова, к каламбуру. Мастером игры в народную этимологию был Н. С. Лесков. В повести «Левша», например, встречаются слова: *мелкоскоп* (микроскоп), *буреметр* (барометр), *кислярка* (слово *кислярка* подчеркивает кислоту вина).

Создание слов в духе народной этимологии используется писателями как особый стилистический прием, служащий целям художественной выразительности.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК

Национальный язык — вместе с общей территорией, экономикой и духовным складом — создает нацию. Для этой исторической общности людей «необходимо государственное сплоче-

ние территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 258).

Национальный язык тяготеет стать единым и единственным средством общения всех людей данной нации. Хотя качества единства и единственности часто относительны, они принципиально отличают национальный язык от племенного языка, языка народности и делают его ярким признаком современной нации, особенно социалистической.

Обычно одна нация — один язык: у русских — русский, у венгров — венгерский, у датчан — датский. Но бывает и так, что нация одна, а языков, служащих национальными, больше: бельгийская нация говорит на французском и валлонском языках. Швейцарцы — единая нация, но в Швейцарии национальными признаны немецкий, французский, итальянский и ретороманский языки. И наоборот: несколько наций могут пользоваться одним языком, например в США, Англии, Австралии и других англоязычных странах оформляются национальные варианты одного языка — британский английский, американский английский и др.

Несмотря на стремление к единству, национальный язык обычно не равен литературному языку и реально включает в себя разговорную речь, народные диалекты, жаргоны. Объединяя не только общие элементы, но и подвижные, свойственные отдельным разновидностям или формам своего существования, он постепенно сближает их, сглаживает местные говоры, устраняет жаргоны. Литературно-языковая норма, возникающая обычно из речи центра — объединителя нации (для русского языка — Москвы), скрепляет даже столь противопоставленные формы, как книжная и разговорная, создавая литературную устную речь.

Образование и развитие национального языка — сложный, длительный, часто болезненный процесс, идущий неравномерно и разными путями у разных народов. Когда возникла Германия как единое государство, ни один из многочисленных немецких диалектов (хотя на некоторых из них уже была и сейчас есть литература) не мог претендовать на то, чтобы стать национальным языком. Для него была найдена норма, искусственно сформированная на базе верхненемецких диалектов. Ее фонетическая сторона была установлена лишь в конце XIX в.

Своеобразно складываются национальные языки у народов, задержавшихся в своем историческом превращении в нацию. В Анголе, например, множество бесписьменных племенных языков, причем малоисследованных, и выбрать из них опорный диалект для формирования общего национального языка затруднительно; приходится в национальной государственной, политической, хозяйственной жизни, в науке и литературе пользоваться португальским языком. Отказ от английского языка в бывших колониях (а он становится ненавистным по воспоминаниям) приводит к издержкам в просвещении, ибо родной язык пока не может обслужить все общественные потребности.

В нашей стране у ранее отсталых народов и народностей национальные языки создавались стремительно и сознательно: на научной основе разрабатывались алфавиты, нормализовалась грамматика, обогащался словарь (см. *Младописьменные языки народов СССР*).

С каждым годом на Земле появляется все больше языков, становящихся национальными и литературными. Многие народы, например в Африке, поднимаются до уровня национальной жизни. Разделение стран, обладающих уже сформировавшимся национальным языком с устойчивой литературной традицией, не приводит к образованию новых языков: например, существует единый корейский язык в Северной и Южной Корее. Креольский язык (первоначально колонизаторский язык, измененный под влиянием родного) иногда становится национальным языком, как, например, на Гаити, где он вытесняет своего французского прародителя.

История русского национального языка начинается с XVII в. Творчество А. С. Пушкина положило начало высшей его форме — высокоразвитому литературному языку с разветвленной системой стилей.

Русский язык всегда отличался удивительной устойчивостью во времени и пространстве. В него до сих пор входят кроме письменной литературной формы бытовая разговорная речь, диалекты, просторечие и т. д. Советское общество стремится к единообразию, чистоте, культуре языка. Это особенно важно, потому что русский язык выступает средством межнационального общения и сотрудничества всего многонационального советского народа как новой исторической общности людей, а также общепризнанным мировым языком (см. *Мировые языки*).

НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ

Чтобы правильно написать последнюю букву в слове *су*[п], мы должны посмотреть, что произносится на месте [п] перед гласным или сонорным согласным. Произносим: *су*[п]*а*, *су*[п]*ница*. Значит, надо писать *супа*, *супница* и *суп*. Зачем мы производим эту проверку? Чтобы не ошибиться. Ведь есть слова, в которых на конце тоже произносится [п], но пишет-

ся *б*, — *хлеб*, *гриб*. У этих слов конечный [п] чередуется с [б] перед гласным и сонорным согласным: *хле*[б]*а*, *хле*[б]*ница*, *гри*[б]*а*, *гри*[б]*ной*. Поэтому-то здесь и пишется *б*.

На конце слова *оркестр* тоже произносится глухой звук [р̭]. Но надо ли его проверять? Нет, мы никогда не ошибемся в написании буквы *р*. Почему же глухой согласный в словах *су*[п], *хле*[п], *гри*[п] нужно проверять, чтобы узнать, какую букву писать, а глухой согласный в слове *оркест*[р̭] проверять не нужно? Объясняется это особенностями чередования звуков.

Фонетические позиционные чередования бывают двух типов: 1) чередования, образующие параллельные ряды, не имеющие общих членов; 2) чередования, образующие пересекающиеся ряды, имеющие общие члены. Вот схематическое изображение этих двух типов чередования в позициях P_1 и P_2:

Например, фонемы ⟨р⟩ и ⟨л⟩ образуют параллельные ряды звуков, чередующихся в разных позициях:

⟨р⟩ — *смот*[р]*ы* — *смот*[р°]*у* — *смот*[р̭];
⟨л⟩ — *смыс*[л]*ы* — *смыс*[л°]*у* — *смыс*[л̭].

Фонема ⟨р⟩ представлена рядом позиционно чередующихся звуков [р] — [р°] — [р̭]. Фонему ⟨л⟩ представляет ряд [л] — [л°] — [л̭]. При этом в каждой позиции ⟨р⟩ и ⟨л⟩ представлены разными звуками; ⟨р⟩ и ⟨л⟩ различаются во всех позициях.

Фонемы ⟨б⟩ и ⟨п⟩ образуют пересекающиеся ряды чередующихся звуков:

⟨б⟩ — *стол*[б]*ы* — *стол*[б°]*у* > *стол*[п].
⟨п⟩ — *стол*[п]*ы* — *стол*[п°]*у*

Фонемы ⟨б⟩ и ⟨п⟩, различаясь в позициях перед гласными, не различаются на конце слова.

«Я не буду больше тесать, надоела мне эта тёска». «Сколько тёзок собралось в нашем классе! А у меня вот нет тёзки». В словах *тёска* и *тёзка* разные фонемы ⟨с⟩ и ⟨з⟩ совпали перед глухим согласным в звуке [с]. «Здесь лежит много скаток. Возьми одну скатку». «Этот зверь такой большой, у него голова — с кадку». В словах *скатку* и *с кадку* ⟨т⟩ и ⟨д⟩ перед глухим согласным совпали в звуке [т]. В русском языке все шумные звонкие и глухие согласные фонемы не различаются, совпадают перед шумными согласными и на конце слова.

Совпадать, не различаться в какой-нибудь позиции может и большее количество фонем. Например, в русском литературном языке во втором предударном слоге после твердого согласного совпадают в звуке [ъ] три фонемы — ⟨о⟩, ⟨а⟩ и ⟨е⟩: *б*[ъ]*ровúк* (но *б*[ó]*р* — здесь фонема ⟨о⟩), *с*[ъ]*довóд* (но *с*[á]*д* — здесь фонема ⟨а⟩), *т*[ъ]*ннисúст* (но *т*[é]*ннис* — здесь фонема ⟨е⟩). В безударных слогах после мягкого согласного совпадают в звуке [и] 4 фонемы — ⟨и⟩, ⟨е⟩, ⟨о⟩, ⟨а⟩: [с'и́]*ла* — [с'и]*лáч*, *х*[л'é]*б* — *х*[л'и]*бá*, [в'ó]*л* (вёл) — [в'и]*лá* (вела), *г*[р'á]*зный* (грязный) — *г*[р'и]*знýля* (грязнуля).

Совпадение, неразличение нескольких фонем в определенной позиции называется нейтрализацией. В позиции нейтрализации фонемы реализуются одним и тем же звуком. Позиция, где данные фонемы различаются, называется сильной; позиция нейтрализации — слабая.

Нейтрализация может наблюдаться не только при фонетических чередованиях, но и при чередованиях морфологических. Какому глаголу принадлежит форма *лечу*? Двум глаголам — *лететь* и *лечить*. На письме мы не различаем и формы 1-го лица единственного числа глаголов *платить* и *плакать* — *плачу*. Фонема ⟨ч⟩ перед окончанием 1-го лица ед. ч. может соответствовать трем разным фонемам других глагольных форм: ⟨т'⟩ — *крутить* — *кручу*, *тратить* — *трачу*, *хотеть* — *хочу*, *пыхтеть* —

пыхчу; ⟨к⟩ — *скакать* — *скачу*, *накликать* — *накличу*, *мурлыкать* — *мурлычу*, *хныкать* — *хнычу*; ⟨ч⟩ — *учить* — *учу*, *строчить* — *строчу*, *кричать* — *кричу*, *молчать* — *молчу*. Три ряда чередующихся фонем пересекаются, совпадают в фонеме ⟨ч⟩:

⟨т'⟩

⟨к⟩ ⟨ч⟩

⟨ч⟩

Чередования эти зависят от морфологических позиций: в сильной позиции (не перед окончанием 1-го лица ед. ч. *-у*) различаются ⟨т'⟩, ⟨к⟩, ⟨ч⟩, в слабой позиции (перед окончанием 1-го лица ед. ч. *-у*) они совпадают в фонеме ⟨ч⟩. Это совпадение — тоже нейтрализация. Но здесь нейтрализуются не ряды чередующихся звуков, принадлежащих одной и той же фонеме в каждом ряду, как бывает при фонетических чередованиях, а ряды чередующихся фонем.

По окончанию глагола можно узнать о его спряжении. По окончании учебы мы поедем в горы — в первом предложении слово *окончание* стоит в форме дательного падежа, во втором — предложного. Об этом говорят разные флексии (окончания) этих форм: *-ю* и *-и*. А в каком падеже стоит слово *осень* в предложении «Цыплят по осени считают»? По флексии узнать нельзя: *-и* здесь характеризует и форму дательного, и форму предложного падежей. Формы дательного и предложного падежей во втором склонении различны, а в третьем склонении совпадают, нейтрализуются.

Нести и *тащить* — это разные слова. Но в некоторых случаях нам безразлично, какое из них употребить. Можно сказать: «Они с трудом *несли* тяжелое бревно» — и точно так же: «Они с трудом *тащили* тяжелое бревно». Но в предложении «На вытянутых руках она *несла* только что выглаженное платье» слово *несла* никак нельзя заменить словом *тащила*. Дело в том, что *тащить* — значит «нести с усилием» (слишком тяжелое или от недостатка сил). У слова *нести* более широкое значение. Если в каком-нибудь контексте (словесном окружении) выступает значение, общее для обоих слов, мы можем употребить и слово *нести*, и слово *тащить*. Если же в другом контексте выступает значение, характерное только для одного из этих слов, то заменить его другим словом нельзя.

Таким образом, есть слова (их называют синонимами), у которых в одних контекстах значения не совпадают, а в других совпадают. Совпадение значений таких слов и есть нейтрализация синонимов. Контекст выступает в роли позиции. В позиции нейтрализации синонимы могут заменять друг друга. В позиции, где значения синонимов не совпадают, такая замена невозможна.

Итак, нейтрализация — это неразличение, совпадение в какой-либо позиции нескольких лингвистических единиц одного и того же уровня — фонем, морфем, значений слов и т. п.

НЕКРАСОВ Н. А. ЯЗЫК ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Язык произведений Некрасова иногда называют однообразным. (Вспомним слова Маяковского о Некрасове: «Воет, воет!») Мнение неверное. Некрасов — это и поэт-лирик, и поэт-трибун, и поэт-рассказчик, и поэт-сатирик, обличитель. Разнообразие стиля Некрасова-поэта станет очевидно, если сравним, с одной стороны, такие стихотворения, как «Мы с тобой бестолковые люди...», и, с другой — «Н. Г. Чернышевский», или «Кумушки», или, скажем, «Нравственный человек». Поэт постоянно искал такой стиль, который бы наиболее соответствовал содержанию стихотворений.

Однако при всех этих различиях у языка произведений Некрасова есть общие черты. Именно в этих чертах кроется причина глубокого воздействия поэтического слова Некрасова на читателей-современников и на потомков.

Идейно-образное и эмоциональное содержание поэзии связано с богатством «напоминаю-

Н. А. Некрасов. Литография И. Крамского.

щих» (ассоциативных) свойств слов, выражений, образов, использованных в произведении. Ведь ни один поэт не начинает все заново, его творчество, и в первую очередь его язык, всегда заключает в себе элемент прошлого, момент традиции. Как же использует традиционные поэтические средства Н. А. Некрасов?

Слова и обороты, известные донекрасовской поэзии, в произведениях Некрасова часто изменяют свой смысл. Примером этому может служить стихотворение «Душно! Без счастья и воли...». Его глубинное содержание (подтекст) связано с расширением значений слов *ночь, буря, чаша*:

Душно! Без счастья и воли
Ночь бесконечно длинна.
Буря бы грянула, что ли?
Чаша с краями полна!
Грянь над пучиною моря,
В поле, в лесу засвищи,
Чашу вселенского горя
Всю расплещи!..

Слово *ночь* с определением «без счастья и воли» не просто называет только время суток, оно говорит об условиях жизни в России. Слово *буря* не только обозначение бури в природе, но и образ общественного потрясения...

Главная особенность изменения смысла слов в поэзии Некрасова состоит в том, что слова обогащаются и изменяются в одном направлении: в них углубляется социальное содержание. К. И. Чуковский писал, что слово *дело* у Некрасова «почти всегда означало революционное служение народу», слово *терпение* (а также *терпеть, терпеливый*) «почти всегда имело укоризненный смысл и было синонимом примирения с действительностью». В приведенном стихотворении и слово *чаша* осмысливается в социальном плане. Его содержание и традиционно, и в то же время ново: использован традиционный фразеологизм *чаша терпения, горя,* но речь идет о переполненной чаше терпения народного.

Изменение содержания старых средств поэзии осуществляется Некрасовым наряду с широким вовлечением в поэтический язык нового словесного материала. Особенное, некрасовское здесь — это обилие слов социально-бытовой речи: наименований предметов, явлений и бытовых процессов, трудовых будничных дел различных слоев населения. Особенно много таких слов в произведениях о народной жизни. Эти слова не только сообщали колорит простоты, безыскусственности, «живой» жизни. Они обрастали новыми образными значениями, получали возможность передавать не свойственное им в бытовой речи содержание. Например, в стихотворении «Друзья» слова *проторить, лапти* устанавливают своеобразную перекличку с высокой темой пушкинского «Памятника», с темой народной памяти о поэте.

Языковая палитра Некрасова содержит и совсем новые краски. Поэт черпает их из народной жизни, из устного народного творчества. Они-то в большей мере и характеризуют неповторимую некрасовскую манеру. Чрезвычайно важно при этом, что образные и речевые средства из народного источника используются не только в произведениях о жизни народа, таких, как «Забытая деревня», «Притча о Ермолае трудящемся». Здесь их применение можно объяснить самим предметом изображения. Они употребляются и в глубоко «личных» лирических стихотворениях, раскрывающих внутренний духовный мир поэта. В них звучит голос самого поэта-лирика — явление новое в развитии поэтической речи.

Тема нравственного страдания раненного клеветой человека и тема посмертной памяти о поэте предельно просто и глубоко выражены в стихотворении «Что ты, сердце мое, расходилося?..»:

Что ты, сердце мое, расходилося?..
Постыдись! Уж про нас не впервой
Снежным комом прошла-прокатилася
Клевета по Руси по родной.
Не тужи! пусть растет, прибавляется,
Не тужи! как умрем,
Кто-нибудь и об нас проболтается
Добрым словцом.

Здесь решительно преобладают средства разговорные (*расходиться* — о сердце, *проболтаться, словцо,* союз *как* в значении «когда») и

Иллюстрация С. Герасимова к поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

народно-поэтические (*прошла-прокатилася, по Руси по родной, растет, прибавляется, тужить, доброе словцо*). Поэт полностью отказывается от специфичных для языка поэзии словесных украшений и отдает предпочтение словам народного речевого источника.

Лирический текст как бы пропитан фольклорным духом. В нем налицо многие приметы поэтики фольклора: и постоянные эпитеты (*словцо доброе, Русь родная*), и форма творительного падежа для выражения сравнения (*снежным комом* в значении «как снежный ком»), и разнообразные повторы (здесь повторение и одного и того же слова с народно-поэтической окраской: *не тужи... не тужи,* и близких по смыслу слов: *прошла-прокатилася* и т. д.). Разговорный и народно-поэтический стиль стихотворения создают и синтаксические средства: нет длинных, сложных фраз, предложений с причастными и деепричастными оборотами. Строй стихотворения простой, разговорный; прямое обращение, формы повелительного наклонения глаголов *постыдись, не тужи* в значении просьбы, употребление частиц *уж, пусть* способствуют возникновению доверительного тона, задушевности.

Особенно характерно для поэзии Некрасова сложное переплетение книжно-литературных и устно-разговорных форм речи. Они сочетаются в одном и том же стихотворении, переосмысляя и обогащая друг друга. Примером может служить стихотворение «В полном разгаре страда деревенская...»:

В полном разгаре страда деревенская...
Доля ты! — русская долюшка женская!
Вряд ли труднее сыскать.
Немудрено, что ты вянешь до времени
Всевыносящего русского племени
Многострадальная мать!

Высокий собирательный образ русской женщины — матери русского племени,— создаваемый с помощью характерных книжных эпитетов (*многострадальная мать, всевыносящее русское племя*), поэтический глагол *вянуть* (в переносном значении) выступают в составе непринужденно-разговорного оборота *Немудрено, что*... Так уже в самом начале стихотворения сочетаются книжность и разговорность.

Зной нестерпимый: равнина безлесная,
Нивы, покосы, да ширь поднебесная —
Солнце нещадно палит.
Бедная баба из сил выбивается,
Столб насекомых над ней колыхается,
Жалит, щекочет, жужжит!
Приподнимая косулю тяжелую,
Баба порезала ноженьку голую —
Некогда кровь унимать!
Слышится крик у соседней полосыньки,
Баба туда — растрепалися косыньки,—
Надо ребенка качать!

Эта часть текста стилистически однородна и строится исключительно разговорно. Наименования предметов деревенского быта, эмоционально-оценочная лексика, бессоюзная связь внутри сложных предложений — вот что создает эту разговорность.

Иллюстрация Д. Шмаринова к поэме Н. А. Некрасова «Крестьянские дети».

На фоне реалистического изображения крестьянского труда слова *слезы, пот* воспринимаются в прямом конкретном значении:

Слезы ли, пот ли у ней над ресницею,
Право, сказать мудрено.
В жбан этот, заткнутый грязной тряпицею,
Канут они — все равно!

Однако уже начало следующей, заключительной строфы, очень «литературное» по строю речи: инверсия эпитета и притяжательного местоимения, причастие в роли определения сообщают тем же словам дополнительный, переносный смысл:

Вот она губы свои опаленные
Жадно подносит к краям...

Возникающая ассоциация с чашей, к краям которой кто-нибудь приник, припал и т. п., как бы возвращает словам *слезы* и *пот* их привычное в поэзии символическое значение: *слезы* — символ страдания и горя, *пот* — символ тяжкого труда.

В двух заключительных стихах:

Вкусны ли, милая, слезы соленые
С кислым кваском пополам?..—

читатель слышит не только конкретный, но и общий вопрос о жизни, о судьбе женщины, ответ на который дается всем стихотворением в целом... Так взаимодействуют в стихотворениях Некрасова книжная и устно-народная стихии русского слова.

Выражению мыслей и чувств поэта с помощью средств народной речи служит и распределение звуков в стихе — стихотворный размер и рифма. В области звуковой организации стиха Некрасов тоже выступил новатором. В донекрасовской поэзии было почти безраздельное господство размеров с двусложной стопой, преимущественно ямба, и точной рифмы, мужской и женской. Такие стихи есть и у Некрасова. Однако специфичны для Некрасова-поэта трехсложные размеры, особенно анапест, и дактилическая рифма (ударение на третьем слоге с конца слова), которые ориентированы на народную поэзию. Некрасов создал «особенную, специальную некрасовскую пульсацию стиха, очень национальную, самую русскую, в которой главное очарование его лирики» (К. И. Чуковский).

НЕОЛОГИЗМЫ

Слова, как и люди, бывают старые и молодые. Слова и словосочетания, созданные для обозначения новых явлений действительности, новых предметов или понятий, называются неологизмами (от греч. *neós* — «новый» и *logos* — «слово»).

Язык постоянно пополняется неологизмами. Неологизмы возникают двумя путями — с помощью словообразования: *продленка, водолазка, семиборье, вьетнамки, состыковаться, состыковка, безразмерный, безнаборная* (печать), *бескондукторный;* путем заимствования: *хобби, биатлон, дизайн, дизайнер, мотобол, фломастер, дельтаплан, электромобиль, уикэнд* и др.

Иногда говорят об особом виде неологизмов — семантических неологизмах. В таких случаях речь идет о появлении новых значений у старых слов: *стенка* (шкаф, занимающий всю стену), *платформы* (туфли на толстой подошве), *дворник* (очистительное устройство на переднем стекле автомашин), *дипломат* (род портфеля), *шпильки* (вид каблуков).

Семантические неологизмы сопоставимы с семантическими архаизмами — устаревшими значениями слов (*позор* — «зрелище»).

Неологизмы — это новые слова общенародного языка. Они отличаются от слов индивидуально-авторских, которые принято называть окказионализмами (см. *Окказионализмы*).

Между неологизмами и окказионализмами имеются важные различия. С течением времени неологизмы перестают восприниматься как новые слова и переходят в разряд обычных слов. Так произошло со словами *колхоз, колхозник, комсомол, комсомолец, телевизор, телевидение, вертолет* и другими в русском языке советской эпохи.

В отличие от неологизмов окказионализмы, даже образованные очень давно, не устаревают, сохраняя свою необычность и свежесть независимо от времени их рождения.

Окказионализмы живут лишь в том контексте, в котором они родились, и сохраняют свою связь с автором, их породившим. Они не входят в общенародный язык. Их роль другая — стилистическая. Иное дело — неологизмы. Их роль номинативная, «назывательная». Неологизмы воспринимаются и функционируют вне связи со своим творцом, даже если их придумал какой-то определенный человек. Так произошло со словом *промышленность.* Это слово, в наше время обычное, широкоупотребляемое, создал Н. М. Карамзин, но никто (кроме специалистов) этого не знает, слово потеряло своего автора.

Окказионализмы создаются с нарушением законов словообразования:

Рати стрекозовые
Чертят яси облаков,
Чистых облаков.
(В. Хлебников)

Сравним обычное: *стрекозиные.*

Значительные события общественной жизни, научно-технические открытия способствуют порождению целых серий неологизмов. Такую роль в русском языке второй половины XX в.

сыграло освоение космоса. Русский язык пополнился словами *космодром, ракетодром, прилуниться* (по образцу *приземлиться*), *луноход* (по образцу *пароход*), *спутник* (семантический неологизм), *космофизика, космобиология* и др.

НОРМА В ЯЗЫКЕ

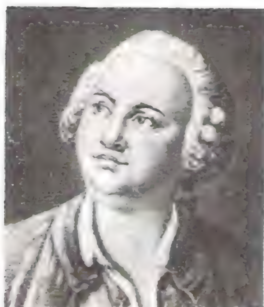
Языковая норма — это то, как принято говорить и писать в данном обществе в данную эпоху. Иначе: норма — это совокупность правил выбора и употребления языковых средств (в данном обществе в данную эпоху). Норма неразрывно связана с понятием литературного языка, который иначе называют нормированным.

Норма стоит на страже целостности и общепонятности литературного языка. Она определяет, что правильно и что неправильно, она рекомендует одни языковые средства и способы выражения как «законные» (например, *докуме́нт, а́вторы, в клубе, печёт*) и отвергает другие как противоречащие языковому обычаю, традиции (запрещает, например, говорить «доку́мент», «автора́», «в клубу», «пекёт»).

Языковые нормы не придумываются кем-то (скажем, лингвистами), а объективно складываются в процессе многовековой языковой практики культурных людей. Нормы исторически изменчивы, но меняются они медленно (см. *Изменение норм*). В развитых литературных языках норма остается стабильной на протяжении многих десятилетий.

Литературные языки формируются на основе народной речи во всем ее разнообразии. Они отбирают из языка народа наиболее ценный и выразительный материал. Уже сложившись в строгую целостную систему, литературный язык продолжает черпать выразительные средства из диалектов, просторечия, профессиональных жаргонов. Норма играет в этом про-

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛОМОНОСОВ (1711—1765)



М. В. Ломоносов был не только великим естествоиспытателем и блестящим поэтом, но и замечательным филологом. Он создал первую научную грамматику русского языка («Российская грамматика», 1757). Исследуя язык, наблюдая его в разных речевых проявлениях, Ломоносов устанавливал его произносительные и грамматические нормы. Они не предписывались языку искусственно, на основе умозрительных построений, а выводились из наблюдений. Это видно из подготовительных материалов Ломоносова к «Российской грамматике» (впервые они были опубликованы в 1752 г.). Он раздумывает: «Почему *шире, слабее* лучше, чем *ширее, слабе?*» Он записывает свои фонетические наблюдения: «Говорят *жжался*, а не *сжался*». Он выбирает, следуя за речевой практикой: «*Он цветом голуб* — худо, но: *голубой*; для разности от имени *голубь*». Таких наблюдений у М. В. Ломоносова — тысячи; из них и выросла его грамматика.

Особенно большое значение имела ломоносовская теория трех стилей. В России издавна сосуществовали два языка: славянский (по происхождению — старославянский), язык книжной культуры, и обиходный русский. В начале — середине XVIII в. они стали беспорядочно смешиваться. Не было соглашения, «конкордата», который регулировал бы их участие в новом русском языке. М. В. Ломоносов, с его абсолютным чутьем языка, создал основу для их синтеза.

Все виды речи делятся на три стиля: высокий, посредственный и низкий. Высокий стиль — для героических поэм, од, торжественных слов «о важных материях». В этом стиле употребляются славянские слова (но не обветшалые, всем понятные) и русские. Средний стиль — для театральных пьес, сатир, дружеских писем. В этом стиле уместны слова, «больше в российском языке употребительные», а высокие, славянские надо использовать «с великою осторожностию». В низком стиле используются слова русские, которых нет в славянском языке. Это стиль для комедий, песен, для «обыкновенных дел». Здесь могут иметь место даже «простонародные низкие слова», однако они не должны мешать «чистоте российского штиля».

Теория Ломоносова была не кабинетной выдумкой, а действенным руководством для создания нового литературного языка. Под влиянием идей Ломоносова находились все крупные деятели русской культуры XVIII в. Огромным было влияние филологических трудов Ломоносова на развитие русского языка.

цессе роль фильтра: она пропускает в литературное употребление наиболее яркое, меткое, сочное из того, что есть в живой народной речи, и задерживает, отсеивает все случайное, блеклое, невыразительное.

Если бы нормы не было, литературный язык не смог бы существовать. Струя литературной речи смешалась бы с потоками диалектной речи, социальных арго, просторечия. А это значит, что утратилась бы основная функция литературного языка — культурная.

Представьте себе: газеты начинают печататься не на едином русском языке, а на разных диалектах: в Вологде — с особенностями северного говора, в Краснодаре — на кубанском диалекте, в Харькове — с примесью украинского языка. Эфир — радио и телевидение — также наполнен разнодиалектной, арготической, хаотически неупорядоченной речью.

Это, конечно, фантастическая картина. Но она ярко показывает роль литературного языка в культурной жизни общества, значение нормы в литературном языке.

Но не только в охранении целостности литературного языка, не только в тщательном отборе новых языковых средств заключены функции нормы. Это, так сказать, внешняя ее задача. А кроме того, есть и не менее важные внутренние.

Лингвисты часто подчеркивают, что литературный язык — организованная система: все средства в нем разграничены в соответствии с потребностями общения. Норма не делит средства языка жестко на хорошие и плохие, не предписывает: первые надлежит употреблять всегда, а вторые — не употреблять никогда. Правильное и уместное в одних условиях речи (например, в бытовом диалоге) может выглядеть нелепым в других (например, в научной статье). Зависимость литературной нормы от условий, в которых осуществляется речь, называют коммуникативной целесообразностью нормы.

Потребности человеческого общения настолько сложны и многообразны, что для каждой из них нужны свои слова и конструкции, которые лучше других выполняют данную функцию. Поэтому литературная норма тонко градуирует средства языка по различным шкалам — смысловой, стилистической, ситуативной.

Смысловая шкала предусматривает правильное употребление слов по смыслу, умение чувствовать и использовать оттенки их значений.

Стилистическая шкала характеризует особую окраску слова (см. *Стилистика*). Стилистические пометы слов указываются в толковых словарях, в справочниках по стилистике, в учебниках. Загляните в одну из таких книг, например в словарь. Вы увидите там пометы: «разг.», «высок.», «техн.», «проф.» и другие, которые стоят возле многих слов. Так, слова *норовить, насмарку, нытик, мастак, миндальничать* снабжены пометой «разг.», т. е. разговорное. Слова *година, грядущий, карать, свершиться, воссиять, восславить, встарь* характеризуются как торжественные, высокие (помета «высок.») и т. д.

Некоторые воспринимают эти словарные пометы как запретительные. Но это не так. Пометы отражают действительное употребление слов в речи, их реальную стилистическую окраску. Никакого запрета, никакой хулы в словарных пометах «разг.», «прост.» (просторечное) или в каких-либо других не содержится: они лишь фиксируют объективно существующие в языке стилистические различия и, таким образом, составляют основу стилистической нормы литературного языка. Они помогают правильно использовать слово, согласуя его окраску с целями речи: высокое слово неумест-

но в обыденном разговоре, но вполне может подойти для торжественной речи. В научном тексте как-то неудобно, ссылаясь на работы Иванова или Петрова, называть его *мастаком* или *трудягой*, который всегда сумеет *распатронить* своих оппонентов, но мы нисколько не удивимся, услышав те же самые слова в беседе друзей.

Ситуативная шкала подсказывает говорящему, какие средства выбирать в зависимости не только от стиля, но и от условий общения, от ситуации.

Владея нормой, т. е. умея правильно выбирать и употреблять средства языка в зависимости от целей и условий речи, носитель литературного языка может позволять себе сознательные отступления от принятой нормы, языковую игру. Этим человек обращает внимание на предмет речи, или передает свое отношение к нему, или обнаруживает перед слушателем свое эмоциональное состояние, свою социальную позицию и т. д. Если отступление от нормы оправдано какой-либо из подобных целей, то перед нами не ошибка, а речевой прием, свидетельствующий о свободе, с которой человек обращается с языком, о его языковом вкусе. (Ошибка же возникает в случае неосознанного, автоматического употребления неправильной формы или нелитературного слова.)

Нормы не оковы языка, а великое благо: они сохраняют литературный язык, тонко разграничивают его средства в зависимости от целей общения. Норма консервативна: ею, по словам советского языковеда А. М. Пешковского, «при-

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ УШАКОВ (1873—1942)

Дмитрий Николаевич Ушаков больше всего известен как один из авторов и главный редактор знаменитого «Толкового словаря русского языка».

Однако лексикографом Д. Н. Ушаков стал, уже будучи не просто зрелым, но и широкоизвестным ученым-лингвистом. Известность ему принесли его работы по языкознанию, его разносторонняя педагогическая и общественная деятельность.

В науке Д. Н. Ушаков был человеком «одной страсти»: он беззаветно, преданно любил русский язык, прекрасно знал его и сам был образцовым носителем литературной речи.

Всю жизнь Д. Н. Ушаков изучал, пропагандировал, защищал живое русское слово в разных его обличьях: и диалектное, и просторечное, и литературное. Под его руководством — сначала как члена Московской диалектологической комиссии, а затем как ее председателя — издавались труды по диалектологии. Деятельность Д. Н. Ушакова как диалектолога подготовила почву для другой его ипостаси — исследователя и преподавателя современного русского языка. Здесь Дмитрий Николаевич был постоянно обращен лицом к практике.

Практический характер интересов Д. Н. Ушакова определил и их профиль: больше всего он занимается вопросами орфографии и произношения. Он автор многих учебников и учебных пособий по правописанию; один только «Орфографический словарь», созданный им в соавторстве с С. Е. Крючковым, выдержал тридцать с лишним изданий. Он теоретически разрабатывает и практически внедряет, пропагандирует — в лекциях, в выступлениях перед массовой аудиторией — основы правильного русского произношения. Почему Д. Н. Ушаков придавал такое большое значение задачам разработки орфоэпических норм русского языка? Потому что для него было очевидно: единое, нормативное литературное произношение — основа речевой культуры, без которой немыслима и общая культура человека.

Современники и ученики Дмитрия Николаевича свидетельствуют: он не только глубоко знал историю и современное состояние русского языка, не только мог просто, доходчиво рассказывать о сложных языковых явлениях — сама речь его была настолько изящна, колоритна, что доставляла слушателям эстетическое наслаждение.

Было у Д. Н. Ушакова одно увлечение: он любил и умел рисовать. Удивительным образом манера, в которой были выполнены его картины,— точная, тщательная, перекликалась с манерой, характерной для его лекций. «Две координаты: практическая направленность и ювелирная манера изложения, — писал А. А. Реформатский, - и определили все поведение Ушакова как лектора, педагога, учителя...»

Душевно щедрый, внимательный к коллегам и ученикам, доброжелательный, Д. Н. Ушаков остался в истории науки как образец большого ученого и подлинно интеллигентного русского человека.

знается то, что было, и отчасти то, что есть, но отнюдь не то, что будет». Но этот консерватизм способствует устойчивости литературного языка, благодаря чему облегчается передача культурных ценностей от поколения к поколению. «Если бы литературное наречие, — писал А. М. Пешковский,— изменялось быстро, то каждое поколение могло бы пользоваться лишь литературой своей да предшествовавшего поколения, много двух. Но при таких условиях не было бы и самой литературы, так как литература всякого поколения создается всей предшествующей литературой. Если бы Чехов уже не понимал Пушкина, то, вероятно, не было бы и Чехова. Слишком тонкий слой почвы давал бы слишком слабое питание литературным росткам. Консерватизм литературного наречия, объединяя века и поколения, создает возможность единой мощной многовековой национальной литературы».

Кроме литературного языка существуют диалекты, просторечие, социальные и профессиональные жаргоны. Есть ли норма и в них? Ведь люди, говорящие, например, на северном «окающем» диалекте, используют его также в соответствии с неким установившимся порядком, в согласии с многовековой традицией.

Отличие нормы литературного языка от нормы диалекта в том, что литературная норма сознательно культивируется: ее пропагандируют *в книгах, по радио и телевидению*, ей обучают в школе, всякое культурное общение людей происходит в строгом соответствии с нормами литературного языка. В диалектах (а тем более в просторечии и жаргонах) этого нет: есть традиции использования диалектных средств, но никто и не думает оберегать диалект от каких-либо влияний, культивировать диалектную речь.

Так мы приходим к выводу, что норма литературного языка — это не только объективно существующая традиция использования языковых средств, но и результат сознательного сохранения этой традиции.

НУЛЕВЫЕ ЕДИНИЦЫ В ЯЗЫКЕ

Нулевые единицы в языке — это такие единицы, которые не имеют звукового выражения, например нулевые окончания в словоформах *рыбак, стран, сеть* (под словоформой понимается слово в одной из его форм; см. *Лексема и формы слова*). На первый взгляд может показаться, что выражение «нулевое окончание» означает, что окончания у данной словоформы нет. Однако это не так. Говоря о нулевом *окончании* в словоформе *рыбак*, лингвисты не просто отмечают отсутствие окончания, а при этом еще утверждают, что у данной словоформы есть такие значения, которые нельзя связать с *основой, а только с окончанием*. Что же это за значения?

Как известно, окончания существительных указывают на число и падеж. Но ведь и в словоформе *рыбак*, где окончания нет, и число и падеж можно установить совершенно точно: это им. падеж ед. числа. Как мы об этом узнаем? По основе? Конечно, нет. Ведь основа остается неизменной в любом падеже как единственного, так и множественного числа (сравним: *рыбак-а, рыбак-ом, рыбак-и, рыбак-ами* и т. п.). О значении числа и падежа словоформы *рыбак* сообщаю отсутствием окончания.

Чтобы нагляднее представить себе, как может отсутствие знака (в данном случае окончания) что-нибудь выражать, можно обратиться к световой сигнализации. Сравним устройство сигнализации светофора и лифта. И светофор, и лампочка лифта передают два противоположных значения. Светофор сигнализирует: «Путь свободен» или «Путь закрыт», а лампочка лифта: «Лифт свободен» или «Лифт занят». Но у светофора для каждого значения имеется свой световой сигнал (зеленый или красный), а лампочка лифта вспыхивает только одним светом (красным), который означает, что лифт занят. А о том, что лифт свободен, мы узнаем по отсутствию света.

Так же и в языке: отсутствие окончания может выражать определенное грамматическое значение по контрасту с окончаниями других форм слова. Сравним, например, как выражаются значения числа в следующих парах существительных:

лодка — лодки;
весло — весла;
рыбак — рыбаки.

В первой и второй парах единственное и множественное число выражены разными окончаниями (*лодк-а* и *лодк-и; весл-о* и *весл-а*). Так у светофора противоположные по значению сигналы передаются разным светом. А в третьей паре противостоящие друг другу значения числа выражены отсутствием окончания (ед. ч.) и окончанием — *и* (мн. ч.): *рыбак* и *рыбак-и*. Так по наличию или отсутствию света в лампочке лифта мы узнаем, занят он или свободен. Отсутствие окончания в словоформе *рыбак* выражает не только значение числа, но и падежа.

И. *рыбак*	В. *рыбак-а*
Р. *рыбак-а*	Т. *рыбак-ом*
Д. *рыбак-у*	П. *о рыбак-е*

На фоне косвенных падежей, каждый из которых выражен определенным окончанием, именительный падеж выделяется отсутствием окончания.

Значит, в словоформе *рыбак* отсутствие окончания играет такую же роль, какую в других

словоформах играют окончания. Иначе говоря, в словоформе *рыбак* выделяется нулевое окончание: *рыбак*-□, где □ — знак нулевого окончания.

И в языке, и в световой (или любой другой) сигнализации нулевые знаки могут существовать лишь на фоне ненулевых (материальных) знаков, с которыми они образуют одну систему.

Это общая закономерность. А вот какие конкретные условия необходимы для выделения нулевых единиц — на этот вопрос возможны разные ответы.

Сравним словоформы *рыбак* и *мисс*. В словоформе *рыбак*, как уже было доказано, само отсутствие окончания указывает, какой это падеж и число. Ну а *мисс*? У этого существительного по отсутствию окончания нельзя определить ни числа, ни падежа. Ведь во всех падежах как единственного, так и множественного числа будет *мисс*: это неизменяемое существительное. Есть ли основания и в *мисс* выделять нулевое окончание?

Здесь возможны два подхода.

1. Нулевые окончания (или другие аффиксы) выделяются только тогда, когда есть противопоставление форм с аффиксами и без аффиксов. Такой ряд противопоставленных форм можно построить, например, для словоформ *рыбак*, *стран* (сравним: *стран*-□ и *стран-ы́; стран*-□ и *стран-ам, стран-ами* и т. п.), *сеть* (сравним: *сеть*-□ и *сет-и, сет-ей, сет-ям* и т. п.), но не для *мисс, кенгуру, пони* и других неизменяемых существительных. У них отсутствие окончания не служит сигналом, по которому можно определить форму. Поэтому нет оснований выделять в словоформах *мисс, кенгуру* и *пони* нулевое окончание, как не выделяется оно в словах *здесь, так* и т. п.

2. Пусть ни по окончанию, ни по его отсутствию нельзя определить число и падеж словоформы *мисс*. Но ведь значения падежа и числа у этого существительного есть. Как это доказать, если само существительное не изменяется? Сравним предложения: *Пришла мисс Грей* (1) и *Пришли мисс Грей* (2); *За юной мисс Грей зашел ее брат* (3) и *В парке мы встретили юную мисс Грей* (4). Существительное *мисс* употребляется в этих предложениях в разных формах, а в связи с этим по законам согласования изменяется и форма глагола, и форма прилагательного. Если бы существительное *мисс* не имело форм числа и падежа, нельзя было бы объяснить изменение форм прилагательных и форм числа глаголов, которые указывают на свойства и действия *мисс* в разных предложениях.

Итак, существительное *мисс* имеет формы числа и падежа, но это формы-омонимы: разные грамматические значения выражены здесь одинаково. К чему же относится в данном случае понятие омонимов? Не к основе — во всех формах это слово означает одно и то же: незамужнюю женщину в Англии или Америке. Остается считать, что здесь ряд нулевых омонимичных окончаний, с которыми и связаны значения числа и падежа существительного *мисс*.

Действительно, омонимичные окончания встречаются и у изменяемых существительных, например в словоформах *рыбак-а*, где *-а* может указывать как на род. п., так и на вин. п., или *сет-и*, где *-и* — омонимичные окончания целых пяти форм (род., дат. и предл. п. ед. ч.; им. и вин. п. мн. ч.). Но у обычных существительных омонимична только часть форм, а у неизменяемых существительных — все формы. Оба подхода закономерны. При первом подходе отсутствие окончания как реальный сигнал, по которому определяется форма слова (*рыбак*-□, *стран*-□, сеть-□), отделяется от таких случаев, как *мисс, пони, колибри*, где такого сигнала нет. Разграничиваются явления разного порядка. Второй подход позволяет дать единое объяснение согласованию прилагательных и глаголов с любыми существительными, как изменяемыми, так и неизменяемыми.

Нулевые единицы в грамматике встречаются не только среди аффиксов. Сравним предложения: *Записка на столе. Записка была на столе. Записка будет на столе.*

Во всех трех предложениях говорится о местонахождении *записки*, но время, для которого указывается это местонахождение, различно. Об этом сообщают формы времени глагола *быть*; отсутствие глагола сообщает о форме настоящего времени. Таким образом, нулевой единицей здесь является словоформа.

О

[О] ЗАКРЫТОЕ

В начале XX в. открыли в русском языке один звук, о котором раньше никто из исследователей не слыхал. Каждый знает, что есть русский звук [о]. И вдруг открыли: есть еще один гласный — [ô] — [о] закрытое. Он произносится как звук, средний между [о] и [у], как у-образное *о*.

Услышал его впервые известный ученый-славист, знаток славянских языков Олаф Брок. Изучая один из говоров Тотемского уезда (по реке Сухоне), он заметил, что в одних словах произносится [о] (такой звук, который мы все знаем), например: *бок, бой, гость, дом, ложь, сто, мост, ночь;* в других словах — [ô], например: *кôт, кôнь, нôж, рôй, хвôст, завôд, восхôд, мôй, твôй, дôбрый...*

О. Брок пытался понять: нет ли какой закономерности в распределении [о] и [ô]? Его вывод был неутешительным. «По-видимому, — писал он, — распределение [о] и [ô] зависело не от каких-то других правил, как от «прихоти»...», т. е. под влиянием каких-то случайных причин в одних словах возобладало [о], в других — [ô]. Закономерность установлена не была. Л. Л. Васильев, прекрасный знаток русских диалектов и, кроме того, эрудированный историк языка, изучал в древнехранилищах старинные русские рукописи. Внимание его остановили два письменных памятника XVI в. В них употреблялся знак «кам*о*ра», дужка над буквами, вот такая: ^ Л. Л. Васильев заметил: в некоторых словах над буквой *о* стояла камора, а в других словах над *о* не было каморы. И притом это было систематично: если в слове пишется *ô*, то всегда пишется, а в других словах всегда *о* без каморы.

Л. Л. Васильев сравнил эти написания со словами в говоре Тотемского уезда, который изучал О. Брок. В тех словах, где в говоре произносили ô закрытое, в рукописях стояла камора ô, а там, где произносили [о], не было в рукописях каморы. Так живой говор пролил свет на таинственные знаки в памятниках старинной письменности.

Но и древние рукописи по-новому осветили фонетику говора: стало ясно, что [о] и [ô] распределены не по прихоти, а по какому-то закону.

Академик А. А. Шахматов писал: «Я не мог даже помыслить о том, что в рукописи XVI в. можно отыскать различение [о] и [ô], столь поразившее меня, так же как и Л. Л. Васильева, впервые в описании тотемского говора, данном проф. О. Броком».

В начале нашего века на высоком уровне находилось изучение диалектов; много успехов было в исследовании древнерусского языка по рукописям. Но это были две разобщенные научные области, их изучали разные специалисты, и не было традиции перекрестного изучения: диалектов — в свете истории языка, отраженной в рукописях; языка старинных рукописей — в свете современных диалектов. Никто не думал, что современный диалект может разъяснить загадки русского языка трехсотлетней давности. Л. Л. Васильев был среди тех ученых, кто впервые объединил эти две области знаний, кто умел одну область освещать светом другой. Таким же (редким тогда) умением обладал и А. А. Шахматов.

В древнерусском языке в давнюю эпоху ударение было двух типов: нисходящее (на ударном гласном тон понижался) и восходящее (на ударном гласном тон повышался). Это установлено с помощью сравнения и анализа славянских языков. Л. Л. Васильев открыл: звук [ô] находится там, где в древности было восходящее ударение.

Различие между [о] и [ô] сохранилось только в немногих русских говорах. Мы с вами одинаково произносим [о] и в слове *мост*, и в слове *хвост*.

А в сербском и словинском языках различие (значительно изменившись) дошло до нашего времени. И оказывается: там, где у нас в говорах [ô], в сербском и словинском языках ударение одного типа; там, где у нас [о] открытое, в этих языках ударение другого типа. Сопоставляя русские факты с сербскими и словин-

скими, можно восстанавливать недостающие звенья древних славянских языков, глубоко проникнуть в их историю. Так многосторонне оказалось связано с разными языковыми явлениями и [ô] в тотемском говоре!

Историки языка установили, что у нисходящего ударения в определенную (очень давнюю) эпоху было такое изменение: оно передвигалось на предыдущий слог. Если раньше оно стояло на третьем слоге, то перетягивалось на второй, если было на втором — перемещалось на первый. В результате сдвигов такое ударение, разумеется, всегда оказывалось на первом слоге. А если был у существительного предлог (с гласным), то это ударение — нисходящее — ускользало на этот предлог.

Такое свойство ударения — сдвигаться на предлог — сохранилось до сих пор (хотя ударение уже не нисходящее). Возьмем слова: *бок (пó боку, бок ó бок, пóд боком), год (бéз году неделя, нá год), дом (нá дом), сто (делить нá сто)*. Ударение сдвигается на предлог. А у других слов нет такого сдвига: *стол (на стóл, под стóл, у столá), двор, конь, сноп, хвост, нож*. Почему? У первых слов было нисходящее ударение — оно «гуляет» по слову, стремясь к самому первому слогу в предложно-падежной форме; у вторых слов — восходящее (в прошлом) ударение, не сдвигающееся вперед. Различие в ударениях было давным-давно, а след этого различия — сдвиг ударения — остался и сегодня.

Но ведь то ударение, которое не переходит (в прошлом восходящее), когда оно падает на *о*, должно породить в тотемском говоре [о] закрытое. Проверить бы! Проверили. Да, именно те слова, которые имеют несдвигающиеся ударения, в тотемском говоре выступают всегда с *о* закрытым. Одно с другим сошлось.

Постепенно множились наблюдения. Тот же звук [ô] нашли в других говорах — отдельных вятских, воронежских, курских, костромских, рязанских, тульских. Но в море народных диалектов эта особенность — различение [о] и [ô] — все-таки большая редкость. И каждый такой говор вызывает внимание исследователей.

В 1912 г. академик А. А. Шахматов изучал говор деревни Лека (к востоку от Шатуры). В говоре этой деревни тоже различались [о] и [ô]. У Шахматова оказался хороший помощник. А. А. Шахматов пишет: «Мне случайно пришлось познакомиться и затем сблизиться с одним из жителей деревни Леки — Иваном Степановичем Гришкиным.

И. С. Гришкин имеет от роду 29 лет, окончил Лекинское начальное училище; чтением и размышлением достиг весьма значительного развития, отхожий промысел — он плотник — дал ему случай побывать на работе и в Москве, и в Саратове, и в Твери, и даже в Сибири; он не утратил жажды к просвещению и знанию; интересуется особенно естественными науками, начал изучать немецкий язык.

Когда я обратил внимание И. С. Гришкина на то, что в его произношении я в двух словах *кофта* и *почта* слышу на месте [о] дифтонг уо̆ (ку̍о̆фта, пу̍о̆шта), он выразил удивление по поводу того, что я не слышу [у̍о̆] и в ряде других слов, например в словах *куожа, наруод*, в противоположность словам *вода, поля, сон, кость*, где слышится простое [о]. Долго я не мог охватить этого звука в произношении Гришкина...»

«И. С. Гришкин сообщил мне, — пишет А. А. Шахматов, — что наблюдение над существованием двух [о], одного «настоящего», другого «фальшивого», в своем произношении он сделал давно, еще в школе, причем его удивляло, почему два разных звука изображаются одной буквой».

А. А. Шахматов убедился в том, что «фальшивое» *о* произносится жителями Леки в тех именно словах, в которых было замечено О. Броком [ô] в тотемском говоре. Значит, дифтонг [у̍о̆] — это другое выражение для того же [ô].

А. А. Шахматов пишет о И. С. Гришкине: «Без его помощи я не разобрался бы в особенностях лекинского говора». А ведь Шахматов и сам был тонкий наблюдатель! Так, в результате совместного труда двух наблюдателей — ученого и плотника — явилось в свет точное описание говора с удивительной чертой — различием о и ô [у̍о̆].

Для своего времени это исследование было образцовым. Но время идет, научные требования становятся все строже; что было идеально вчера, то сегодня требует проверки, дополнения, уточнения.

Поэтому летом 1945 г. в Леку отправилась экспедиция языковедов под руководством С. С. Высотского. Вы помните образ профессора Хиггинса из «Пигмалиона» Б. Шоу? Того Хиггинса, который мог по мельчайшим особенностям произношения определить, из какого района Лондона его собеседник? Замечательный советский лингвист С. С. Высотский — живой, реальный (не выдумка!) профессор Хиггинс. Разговаривая с вами, он после нескольких ваших фраз может сказать: «А вы из Замоскворечья!» (это — район Москвы). Или: «Ваши родители —— кимряки» (т. е. из города Кимры). И всегда своим определением попадает в цель. Но славу свою он получил, конечно, не потому, что так безошибочно определяет говоры, а потому, что прекрасно умеет разобраться в закономерностях языка.

С. С. Высотскому и его спутникам удалось «перепроверить» записки А. А. Шахматова, некоторые из них уточнить, весь материал наблюдений значительно дополнить. Старое [ô] оказалось живым! Мальчик-школьник говорит: «Не люблю я «Сказку о попе» Пушкина. В ней рифма плохая!» — «Какая же плохая?» —

«Жил-был поп — толоконный лоб...» У лекинцев здесь разные гласные: *поп* с *о* закрытым, *лоб* с *о* открытым. Вот мальчик и считает, что Пушкин с рифмой не справился...

С. С. Высотский с большой точностью описал произношение [ô], все его разновидности... Эти варианты [ô] описаны с той точностью, которой требует современная фонетика. Дается подробный, доскональный «портрет» звуков. Исследован этот звук [ô] в эмоциональной речи (в ней он произносится по-особому); влияние его на соседние звуки в слове; сходства и различия [ô] с другими типами [о] в говоре (их оказалось несколько). Новые факты открыли дорогу новым теориям и гипотезам.

ОКАНЬЕ И АКАНЬЕ

Сколько ошибок может сделать ученик I класса в слове *борода*? Кажется, что ответ простой — две: «барада». Действительно, такие ошибки может сделать ученик рязанской школы или воронежской, тамбовской, орловской, курской, смоленской. Но ученик вологодской или кировской, костромской или архангельской школы никогда таких ошибок не сделает, он всегда правильно напишет это слово: *борода*. И вовсе не потому, что в этих школах учителя лучше или ученики способнее.

Ошибки на письме отражают наше произношение. В русском литературном языке на месте предударного *о* произносится звук [а]: говорят *в*[а]*дá*, *д*[а]*мá*, *ст*[а]*лы́*, *б*[а]*льнóй*. Так же говорят и в Рязанской, Воронежской, Тамбовской областях и в ряде других мест. Такое произношение называется аканьем. Аканье — это неразличение безударных *о* и *а*, совпадение их в одном звуке. Если учительница московской школы просит ученика написать на доске слово *с*[а]*мá*, то ученик может написать *сама* и *сома*; оба эти слова произносятся одинаково: *Я с*[а]*мá поймала с*[а]*мá*. Слова *бáчóк* и *бочóк* в литературном языке звучат одинаково. Предложение *Подставь б*[а]*чóк под б*[а]*чóк* можно записать четырьмя способами: *Подставь бачок под бачок. Подставь бачок под бочок. Подставь бочок под бачок. Подставь бочок под бочок.*

Для тех, кто акает, придуманы правила проверки безударных гласных: если слышишь безударное *а*, проверь ударным в той же морфеме (т. е. в той же приставке или в том же корне, суффиксе, окончании). Если на месте безударного *а* под ударением *о*, пиши и там и там *о*: *ст*[а]*лы́* — *ст*[о]*л* — *столы* — *стол*. Если на месте безударного *а* под ударением *а*, пиши и там и там *а*: *тр*[а]*вá* — *тр*[á]*вка* - *трава* — *травка*.

Звуком, в котором совпадают при аканье безударные ⟨о⟩ и ⟨а⟩, может быть [а], как в тех примерах, которые мы рассмотрели. Но не обязательно [а]. В безударных слогах, кроме первого предударного, при аканье может произноситься звук, средний между [а] и [ы]. В фонетической транскрипции (точной передаче звуков) он обозначается [ъ]: *в*[ъ]*дянóй* — *тр*[ъ]*вянóй*, *вы́м*[ъ]*лю* — *вы́м*[ъ]*ню*, *кóл*[ъ]*к*[ъ]*л* — *вы́л*[ъ]*к*[ъ]*л*. Но пишем мы либо *о*: *водяной, вымолю, колокол*, либо *а*: *травяной, выманю, вылакал*.

Оканье — это различение безударных ⟨о⟩ и ⟨а⟩. При оканье говорят *в*[о]*дá*, *л*[о]*мá*, *ст*[о]*лы́*, *б*[о]*льнóй*. И при этом *тр*[а]*вá*, *д*[а]*лá*, *к*[а]*дýшка*. Скажут: *Я с*[а]*мá п*[о]*ймáл*[а] *с*[о]*мá*. Поэтому окальщики и не ошибаются в написании этих слов. Для них писать эти слова так же легко, как для акальщиков — слова *дом* и *дам*, *ток* и *так*, *стол* и *стал*. Заметьте, что слова *трава, дала, кадушка* окальщики и акальщики произнесут одинаково.

Есть две разновидности оканья — полное и неполное. При полном оканье ⟨о⟩ и ⟨а⟩ различаются во всех безударных слогах. Говорят *п*[о]*л*[о]*жý*, *г*[о]*р*[о]*дскóй*, *зóл*[о]*т*[о] и *н*[а]*д*[а]*вáть*, *з*[а]*в*[а]*ри́ть*, *вы́ст*[а]*вк*[а]. При неполном оканье ⟨о⟩ и ⟨а⟩ различаются только в первом предударном слоге, а в других безударных слогах не различаются, совпадая в звуке [ъ]: *п*[ъ]*л*[о]*жý*, *г*[ъ]*р*[о]*дскóй*, *зóл*[ъ]*т*[ъ] — *н*[ъ]*д*[а]*вáть*, *з*[ъ]*в*[а]*ри́ть*, *вы́ст*[ъ]*вк*[ъ].

Полное оканье характерно для севернорусского наречия, аканье — для южнорусского. Неполное оканье как бы промежуточная система между полным оканьем и аканьем: оно включает и различение безударных ⟨о⟩ и ⟨а⟩, и

их неразличение. Это отражается и территориально: неполное оканье характерно для части среднерусских говоров, расположенных между северным и южным наречиями.

Хорошо, когда современные школьники пишут грамотно: это свидетельствует о высоком уровне их образованности, культуры. Но высокограмотный древнерусский писец приносит мало радости ученым. Наоборот, они радуются, когда обнаруживают памятник письменности с ошибками против орфографических правил того времени. Ошибки позволяют понять произношение писца.

Наиболее древние русские письменные памятники отражают оканье — строгое, безошибочное различение ⟨о⟩ и ⟨а⟩ не только под ударением, но и без ударения. Очевидно, что все русские люди в те времена (X, XI, XII вв.) окали. Первые достоверные примеры аканья обнаруживаются в XIV в. Так, в московских рукописях этого времени находим: *в апустѣвшии земли, Симанъ, прикаснуся* и др.

Наряду с этими примерами в тех же рукописях обнаруживаются и случаи написания безударного *о* вместо исконного *а*: *Колуга, привязоно, обязон* и др. Что это — свидетельство оканья? Но при оканье [о] произносится только на месте исконного *о*, в этих же словах и при оканье должно произноситься [а]. Нет, эти примеры тоже свидетельствуют об аканье писца.

Дело в том, что безударному [а] при аканье соответствуют две буквы: *а* и *о*. И писец может ошибаться: вместо буквы *о* написать *а* или, наоборот, вместо буквы *а* написать *о*. Ведь в произношении безударные *а* и *о* не различаются.

ОККАЗИОНАЛИЗМЫ

Окказионализмы — слова, созданные в противоречии с законами словообразования, вопреки этим законам. Это «слова-правонарушители», «слова-беззаконники». Вспомните известные пушкинские стихи: «И кюхельбекерно, и тошно». Слово *кюхельбекерно* — окказионализм. Это наречие, созданное вопреки законам словообразования. Оно образовано от фамилии друга Пушкина поэта Вильгельма Кюхельбекера. Между тем наречия от имен собственных в русском языке не образуются. Они образуются от основ прилагательных: *веселый — весело, быстрый — быстро, честный — честно* и т. д.

Окказионализмы создаются не только писателями, но и обыкновенными людьми. Часто их создают дети. «Прикнопкай мне картинку», — говорит пятилетняя девочка маме. Девочка создала окказионализм, вставив основу

существительного *кнопка* в тип глаголов с приставкой *при-*: *при-шей, при-бей, при-колоти, при-вяжи* и т. д. Получился выразительный и понятный глагол.

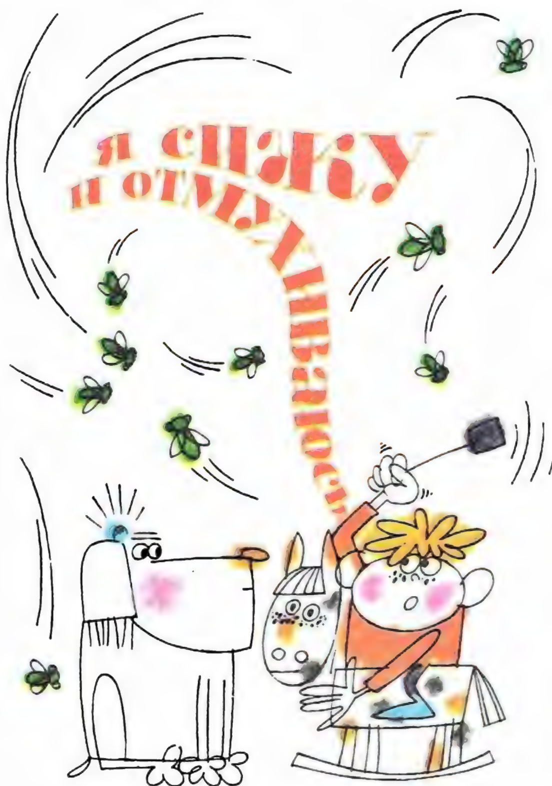
Возьмем еще пример. В современном языке действует суффикс *-дром*, с помощью которого создаются пространственные названия типа *космодром, ракетодром, лунодром*. Это слова научные, книжные. Суффикс этот настолько выразителен по форме и активен, что с его помощью родилась целая серия окказионализмов: *поэтодром* (место поэтических соревнований), *собакодром, змеедром* (место испытаний собак, змей), *рюходром* (место игры в рюхи и др.). Это слова не книжные, шутливые. Нарушена стилистика модели.

Окказионализмы возникают и тогда, когда получает активность непродуктивный элемент языка. Таков, например, заимствованный непродуктивный суффикс *-есс-(а)*, встречающийся в словах *принцесса, баронесса* и т. д. Использование этого непродуктивного суффикса по-

рождает шутливые окказионализмы: *критикесса, гидесса, аспирантесса* (вместо обычного *аспирантка*).

Окказионализмы обычно не становятся фактами общенародного языка, а живут лишь в том контексте, который их породил. Таково слово *канцелярит*, созданное К. Чуковским. Вне контекста оно непонятно. Этим словом К. Чуковский назвал в книге «Живой как жизнь» болезнь языка, при которой язык засоряется канцелярскими оборотами, т. е. излишними в общелитературном языке словами и выражениями официально-делового характера. В слове *канцелярит* использован обычный суффикс *-ит*, но присоединен он не к названию части человеческого организма (*бронхи, плевра — бронхит, плеврит*), а к основе существительного совсем иной семантической сферы — *канцелярия* (см. *Семантика*). Слово, получившееся в результате нарушения законов словообразования, очень выразительное, можно сказать бичующее. Как же здесь нарушены законы словообразования? Взята основа иной семантической группы, чем принято в языке.

Очень часто окказионализмы не отличают от новых слов языка — неологизмов. Неологизмы, войдя в язык, постепенно устаревают и перестают восприниматься как новые. Окказионализмы, даже давние, рожденные в прошлом веке и ранее, по-прежнему дышат свежестью и новизной. Таково и пушкинское слово *кюхельбекерно*, с которого мы начали эту статью.



ОМОНИМЫ

Омонимы — это слова, которые звучат и пишутся одинаково, а по смыслу не имеют ничего общего (от греч. *homos* — «одинаковый» и *onyma* — «имя»). Примеры омонимов: *лук* — растение и *лук* — оружие для метания стрел, *топить* печку и *топить* корабли.

Некоторые слова пишутся одинаково, а произносятся по-разному: *за́мок — замо́к, па́рить* (белье, овощи) — *пари́ть* (в облаках). Это омографы (т. е. в буквальном переводе с греч. «одинаково пишущиеся»).

Бывает и наоборот: слова одинаково произносятся, а писать их надо по-разному: *пруд* и *прут, метал* и *металл, пять* и *пядь* (*семи пядей во лбу*). Это — омофоны (т. е. «одинаково звучащие»).

Среди омофонов много таких пар, которые совпадают не во всех своих формах, а в некоторых или даже в одной. Действительно, стоит начать изменять слова *пруд* и *прут* по падежам и числам, как сразу же обнаружится разница в их звучании: *у пруда, к пруду — два прута, ударил прутом.* Если вы произносите: «Три!»,

то это можно понять и как числительное (*три* рубля, *три* книги), и как глагол (*Три* сильней). Но совпадают не все формы этих слов: *тереть, тер — трех, тремя*. Одинаковые формы разных слов называются омоформами.

Считается, что омонимия — помеха в языковом общении, в понимании людьми друг друга. В самом деле, услышав (или увидев написанными) слова *клуб* или *простой*, вы можете не понять, идет ли речь о клубе дыма или об учреждении культуры, о простоте или простое вагонов. Однако в естественной речи слова редко употребляются изолированно — обычно они сочетаются с другими, образуя контекст. По контексту же легко догадаться, какой смысл имеется в виду: *Это совсем простой пример.— За простой вагонов налагается штраф.*

ОРФОГРАФИЯ

Орфография (греч. *orthographia*: от *orthós* — «правильный» и *grápho* — «пишу») — это система правил, определяющая, как надо писать слова.

Орфография связана с графикой. Графика, например, говорит, что сочетание звуков [шы] надо передавать буквами *ши*: *ширь, спеши*. Сочетание [шы] именно так, и только так, передается в любом слове; написание *ши* «всесловное». Правилами таких «всесловных» написаний ведает графика.

Дано сочетание звуков [цы] (после [ц] мы всегда произносим [ы], не [и]) — как передать его буквами? Это зависит от слова, от морфемы. В слове *цыпочки* для звуков [цы] использованы буквы *цы*, в слове *цинк* для тех же звуков — буквы *ци*. Значит, чтобы верно обозначить [цы] буквами, недостаточно знать «всесловные» правила (графические), надо знать правила правописания отдельных слов и их грамматических частей — морфем. Такими правилами и ведает орфография. Другими словами: орфография, диктуя свои правила, принимает во внимание значимые единицы языка (слова, морфемы); графика устанавливает правила для всех письменных единиц, невзирая на их типы или разряды.

Орфографических правил много. Иначе и не может быть. Ведь они устанавливают и правильное написание букв в словах, и слитные, дефисные и раздельные написания слов, и употребление прописных букв, и перенос слов.

Не случайно вначале названы правила о написании гласных и согласных букв. С них начинается орфография. По этим правилам определяется главный, ведущий принцип орфографии языка. Какой же это принцип?

Как написать слово [вада́]? Надо безударный гласный проверить — поставить под ударение: *во́ды*. Значит, писать надо *вода*. Как писать окончание слова *Маша* в дательном падеже: *Пришел к Маше?* Или «к Маши»? Проверим: *к сестре*. То же самое окончание — под ударением. Значит, *к Маше*.

Колючий еж... или, может быть, нужна буква *ш*? Произносим: [још]. Проверка: *ежи*. Поставили согласный перед гласным...

Грустный... Как доказать, что в середине слова надо писать *т*? Произносится: [гру́сный]. Но есть проверка: *грустить, грустен*...

Трудно объединить столь разные правила. Но можно. Оказывается, во-первых, все правила требуют, чтобы мы не доверяли слуху и не писали так, как слышится; во-вторых, все правила требуют искать проверку для написания нужной буквы; в-третьих, проверка возможна только в той же морфеме — в том же корне, в том же окончании, и, в-четвертых, для проверки годится не все. Нужна сильная позиция, в которой все звуки четко друг от друга отличаются. Для гласных это положение под ударением, для звонких и глухих согласных — положение перед гласными, для обозначения мягкости — положение перед твердыми согласными.

Получается, что все наши главные правила покоятся на одинаковых основаниях. Они и определяют основной, ведущий принцип русской орфографии. Такой принцип письма, когда звук проверяется сильной позицией, называется фонематическим (см. *Фонема*). Этот принцип удобен для русского письма.

Но ни одна исторически сложившаяся орфография не может быть построена только на одном принципе. Ведь нормы орфографии создавались и перестраивались не только сознатель-

но, но и стихийно. И в русском письме, имеющем тысячелетнюю историю, есть некоторые написания, основанные на фонетическом, звуковом, не на фонематическом принципе: пишем, как слышим, букве соответствует реально произносимый звук. Например, так пишутся приставки на *-з*: *разбить*, но *расписать*. Используются и другие принципы.

Правила орфографии не всегда были полными, четкими и однозначными. Дореволюционная орфография не имела единого руководства.

Отсутствие в ряде случаев орфографических правил и наличие многих противоречащих друг другу рекомендаций, естественно, создавали разнобой в написании.

Словари рекомендовали писать: *мачеха* и *мачиха*, *снегирь* и *снигирь*, *склянка* и *стклянка*, *вязига* и *визига*, *бутерброд* и *буттерброд*, *юбка* и *юпка*, *кощей* и *кащей*, *паром* и *пором*, *мущина* и *мужчина*, *сбруя* и *збруя*, *ветчина* и *вядчина*, *крапива* и *кропива*, *цыфра* и *цифра*, *рассчет* и *расчет*, *расписка* и *роспиcка*, *желоб* и *жолоб* и т. д.

Отсутствие твердых правил приводило к разнобою и в официальных документах, и в периодических изданиях, и в произведениях писателей. Современному школьнику, от которого требуется строгое соблюдение правил, такая свобода может показаться заманчивой. Но только на первый взгляд.

Хорошо и верно сказал об этом В. Г. Белинский: «Запутанность и затруднительность русской орфографии происходит от произвольности правил. Скажите ученику общее правило, он скоро поймет его и скоро привыкнет писать сообразно с ним; ему небольшого труда будет стоить упомнить и немногие исключения из правила. Но скажите ему, что вот-де на это нет правила, но уж так принято писать — и тогда для него ваша грамматика и ваша орфография обратятся в мучения. Головоломны ложные правила, но произвол еще хуже их».

Современная орфография стандартна. Есть единственное руководство — свод правил («Правила русской орфографии и пунктуации», 1956), есть «Орфографический словарь русского языка». Рекомендации этих документов обязательны для всех составителей учебников и словарей, для всех пишущих.

Требование единообразного, правильного написания распространяется не только на слова литературного языка, но и на слова диалектные, просторечные, разговорные.

Иногда упрекают составителей орфографических словарей — зачем они включают в словарь просторечные слова? Действительно, в «Орфографическом словаре русского языка» есть такие слова, как *окромя*, *опосля*, *отсюдова*, *нонешний*, *калякать*, *взаправдашний* и др. Усматривается отрицательное влияние словаря в первую очередь на тех, кто учится, на школьников. Но все дело в том, что орфография едина для всех слоев лексики; орфография, правописание — это правильное написание слов русского языка: правильных (литературных) и неправильных (нелитературных). Орфография не учит, как правильно употреблять слова, она учит, как правильно их писать. А писать приходится и слова, которые сам не употребляешь, когда, например, передаешь чужую речь. Одинаково ошибочны написания «сомниваться» (вместо *сомневаться*) и «сумливаться» (вместо *сумлеваться*). Одинаково надо писать с мягким знаком и форму *можешь* и «могешь».

Сейчас в русской орфографии случаев разночтений немного. И это понятно: «Упорядоченность орфографии расценивается как важный показатель высокой культуры нации» (С. И. Ожегов).

Декоративный кустарник *азалея* в разных источниках пишется по-разному: *азалея* и *азалия*. Сохраняются колебания в написании слова *камфора — камфара* (по первоисточнику *camphora* — «камфора»; под ударением [а] — «камфа́рный»).

А новые слова? В каких только вариантах не встречалось написание слова *поролон* (*паролон*, *паралон*, *поралон*)! *Фломастер* и *фламастер*. *Колготки* и *калготки*. *Дизайнер* и *дезайнер*. *Коррида* и *корида*. *Нейлон* и *найлон*. *Пастижер* и *постижер*. *Кремплин* и *кремплен*, *кримплен*. *Макраме — мокраме — макроме — макрамэ*. *Каратэ — карате* и ряд других. Большинство этих слов, однако, уже нашло свою законную орфографическую форму.

ОРФОЭПИЯ

Орфоэпия — область фонетики, занимающаяся изучением норм произношения. Точные орфоэпические нормы, как и нормы грамматические, лексические, орфографические, характеризуют литературный язык — язык культуры. Человек, соблюдающий все нормы, владеет литературным языком, и речь его воспринимается как речь культурного человека.

Ошибки произношения всегда являются орфоэпическими. К произносительным ошибкам относят также дикционные (картавость, косноязычие, заикание), которые к культуре речи не имеют отношения, хотя и затрудняют речевое общение. От них желательно избавиться уже в детстве, прибегая, если необходимо, к помощи логопеда.

Орфоэпия в первую очередь изучает варьирование произносительных норм, возникающее в результате исторических изменений, когда нормы произношения бытуют одновременно в старом и новом варианте.

Так, в предударном слоге после твердых ши-

пящих на месте *а* может произноситься два звука: [а] и [ыэ]. В одних словах, раньше звучавших со звуком [ыэ], произошла замена этого звука на [а]: вместо *ж* [ыэ] *ра*, *ш* [ыэ] *гать* стали говорить *ж* [а] *ра*, *ш* [а] *гать*. Обе нормы, старая и новая, считаются литературными. Старое произношение называется иногда сценическим: оно прочнее всего сохраняется на сцене; но сохраняется в речи старшего поколения.

Театр, сберегая наше культурное наследие, сознательно культивирует старые нормы, чтобы они не казались архаичными и не забывались. Полный отказ от традиционных, устоявшихся норм означал бы разрушение русского классического стиха, тогда многие стихотворные строки, рифмы которых инструментованы по старой норме, распались бы.

К таким орфоэпическим вариантам относится, например, твердое и мягкое произношение *г, к, х* в окончаниях прилагательных.

Так пел нам странник одинокий
В виду лионских стен.
Где юноше судьбой жестокой
Назначен долгий плен.
(В. А. Жуковский)

Старое, твердое, произношение обеспечивает здесь точную рифму (*одинокий* произносится так, словно написано *одинокой*). Новое же произношение, с мягким *к*, исказило бы стих. Поэтому произношение *гром* [к'и] *й* — *гром*- [къ] *й*, *слад* [к'и] *й* — *слад* [къ] *й* считаются одинаково правильными, но они различаются как новое, все более распространяющееся в бытовой речи молодого поколения, и традиционное, сохраняющееся в первую очередь на сцене.

Вариативность нормы приводит к тому, что старая и новая нормы противопоставляются как сценическая и обычная или как высокая и нейтральная. Отсюда и характер орфоэпических рекомендаций: даются норма рекомендуемая (или высокая, стилистически приподнятая, сценическая) и норма допустимая (стилистически сниженная, применяемая в обычной речи).

В таком же соотношении находятся две нормы произношения возвратных частиц *-ся, -сь*. Твердое произношение, старое (*бою* [с], *признаю* [с], *простил* [са]) — отличительная черта актерского и отчасти дикторского произношения — это стилистически приподнятая норма, в то время как мягкое произношение возвратных частиц — стилистически нейтральная норма. Защита старой нормы диктуется теми же требованиями сохранения культурного наследия:

И лавр, и темный кипарис
На воле пышно разрослись.
Была покрыта чешуей
Ее спина — она вилась
Над головой моей не раз.
(М. Ю. Лермонтов)

(А. С. Пушкин)

Эти стихи должны быть прочитаны только с твердым вариантом возвратной частицы.

Кроме противопоставления старой и новой орфоэпических норм в произносительных вариантах различают произношение нормативное и противоречащее норме. Так, например, буквенное сочетание *чн* может произноситься по-разному: как [чн] (*цветочный, избыточный, красочный*), как [шн] (*горчичник, яичница, пустячный, скучно*) и вариативно, т. е. как [чн] и как [шн] — оба произношения в равной степени правильны (*копеечный, булочная, прачечная, пряничный, молочница*). Произношение [чн], а не [шн] в слове *конечно* считается неправильным.

По такой же трехзначной шкале распределяются и некоторые другие орфоэпические варианты. Например, смягчение согласных перед мягкими согласными представляется сейчас явлением довольно неустойчивым. Можно слышать, как голос диктора в метро произносит: «Осторожно, [дв'] ери закрываются», а на другой линии слово *двери* другой диктор произносит с мягким [д']. Оба варианта (*че* [т] *верг* — *че* [т'] *верг*, [д] *ве* — [д'] *ве*) считаются правильными. Сочетания с мягким зубным (перед мягким . убным) преобладают в речи актеров и дикторов. В бытовой речи чаще звучат сочетания [дв'], [тв'], [св'] с твердым ·убным согласным перед мягким ˙убным.

Большие изменения происходят сейчас в произносительных нормах заимствованных слов. Существовавший раньше фонетический закон смягчения согласных перед *е* перестал действовать повсеместно, и тенденция к смягчению значительно ослабела. Некоторые слова укрепились в произношении с твердыми согласными (*партер, термос, бутерброд*), у других произносительная норма утвердила мягкое произношение согласных (*термин, музей, консервы*), третьей группе слов опять-таки разрешено вариантное произношение, т. е. с твердыми и мягкими согласными перед *е* могут произноситься слова *темп, сессия, конгресс*.

Внимательного отношения требуют и гласные звуки в безударной позиции. Замена [у] на [ъ] воспринимается как просторечие. Режет слух реплика, услышанная в буфете: «Дай мне [бърат'и́нъ]» (имеется в виду напиток «Буратино»), а свой комический эффект слово [къл'ина́рнъјь] (училище) получило исключительно за счет этой как будто бы безобидной замены [у] редуцированным звуком. Сами редуцированные гласные тоже должны звучать, их выпадение совсем не безобидно, оно тоже приводит к просторечию: [пкажы́], [гвар'у́], [пч'иму́], [птаму́].

Таким образом, орфоэпия, защищая старые, но еще живые нормы произношения, сознательно сдерживая процессы фонетических изменений, продлевая жизнь произносительным нормам, охраняет наше культурное поэтическое наследие.

Стремление к правильности речи, требовательное отношение к культуре произношения, обостренное чувство языковой нормы приводят к тому, что неорфоэпическое произношение становится оскорбительным для слуха. Оно вызывает осуждение в любой культурной среде.

Наиболее авторитетное руководство по современной орфоэпии — книга Р. И. Аванесова «Русское литературное произношение» (любое издание).

А. Н. Островский. Гравюра П. Павлинова.

ОСТРОВСКИЙ А. Н. ЯЗЫК ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Два человека говорят об одном и том же. Только что окончилось представление мелодрамы «Жизнь игрока» с участием Мочалова; обоим очень понравилась игра прославленного артиста. Но один скажет об этом так:

— А как хорош был сегодня Мочáлов!

А другой эту же самую мысль выразит совсем по-иному:

— Ай да Мочалóв! Уважил.

Всего две коротенькие реплики. Но за каждой из них — тип, характер. Людей, произнесших эти реплики, уже не спутаешь друг с другом. В самом деле, приведем еще по одной реплике каждого из них:

— Только жаль, что пьеса плоха.

— Как написано, что «жизнь игрока», так он точно игрока и представил.

И хотя эти реплики не столь уж характерны, мы не усомнимся, что первая из них принадлежит тому, кто сказал, что Мочáлов был сегодня хорош, а вторая — тому, кого Мочалóв «уважил».

Если бы нам кто-нибудь сказал, что первую реплику произнес замоскворецкий купец, мы бы удивились тому, что купец так складно, литературно изъясняется. И уж совсем бы не поверили, если бы нас стали уверять, что вторая реплика принадлежит студенту, да еще окончившему курс. Когда же мы читаем в «Пучине» Островского, что фразу: «А как хорош был сегодня Мочáлов!» — говорит студент Погуляев, а восклицание: «Ай да Мочалóв! Уважил» — принадлежит купцу, мы не только верим в это, но и тотчас ясно представляем себе степень образованности, темперамент и даже биографию (в самых общих чертах, разумеется) каждого из них.

И дело не только в том, что один произносит фамилию актера правильно, а другой делает неверное ударение. Дело еще и в различной эмоциональной окрашенности этих реплик. И в том, что фразу: «Как хорош был сегодня Мочалов!» — может сказать только театральный завсегдатай, а «уважил» скажет об актере человек, уверенный в том, что высшее назначение актера — ублаготворять публику, и привыкший к тому, что ему «за его денежки повсюду уважение оказывают». Если степень эстетической подготовленности студента позволяет ему отделить оценку исполнения актера от оценки пьесы, то купец видит заслугу актера как раз в том, что он «представил» так точно, «как написано».

В пьесах Островского можно встретить почти буквальные «переводы» с одного социально-речевого стиля на другой. Негина отчитывает Дулебова, рискнувшего сделать молодой актрисе двусмысленное предложение («Таланты и поклонники»). «Да с чего вы вздумали? — возмущается она.— Я вам никакого повода не подавала... Как вы осмелились выговорить?»

Домна Пантелеевна недовольна, что дочь перед бенефисом побранилась с влиятельным лицом. Она поучает Александру Николаевну, как та должна была, по ее мнению, отвечать князю: «Ты бы как можно учтивее старалась. «Мол, ваше сиятельство, мы завсегда вами оченно довольны и завсегда благодарны... только подлостев таких мы слушать не желаем. Мы, мол, совсем напротив того, как вы об нас понимаете». Вот как надо сказать! Потому честно, благородно и учтиво».

Разумеется, Домне Пантелеевне только кажется, что предложенная ею редакция более учтива. По существу же она говорит примерно

Иллюстрация Д. Кардовского к драме А. Н. Островского «Лес».

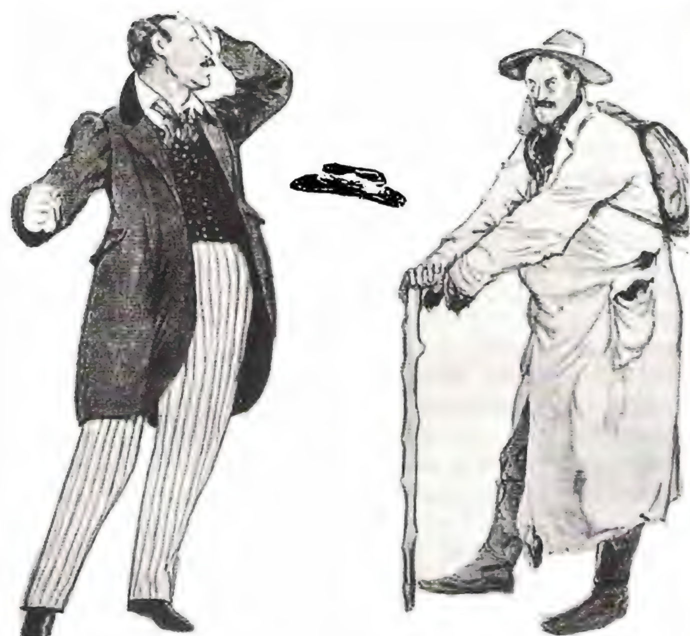


Иллюстрация В. Васнецова к сказке А. Н. Островского «Снегурочка».

то же самое, что и дочь, только переводит литературную речь молодой актрисы в мещанский просторечный стиль. В самом деле, фраза: «...только подлостев таких мы слушать не желаем» — в точности соответствует по смыслу фразе Негиной: «Как вы осмелились выговорить?» «Мы, мол, совсем напротив того, как вы об нас понимаете» — это примерно то же самое, что «Я вам никакого повода не подавала...»

Такие «переводы» позволяли Островскому с предельной наглядностью и убедительностью не только сопоставлять, но и сталкивать между собой различные социально-речевые стили.

Когда читаешь пьесы Островского, создается впечатление, что действующие лица сами говорят, а драматургу остается только записывать за ними. Однако рукописи Островского неопровержимо свидетельствуют о том, что драматургу не раз приходилось как бы «переспрашивать» своих героев, прежде чем окончательно зафиксировать реплику, которая теперь кажется нам единственно возможной.

Кабанова провожает сына в путь. По русскому обычаю перед отъездом все должны присесть. «Присядемте»,— говорит Кабаниха. Может она так сказать? Безусловно. Но драматургу мало, чтобы она могла так сказать, ему важно, как она должна сказать. Реплика «Присядемте» вычеркивается из рукописи «Грозы», и появляется новая реплика, которую мы все знаем: «Садитесь все!» Насколько же точнее и ярче эти слова, этот оборот речи характеризуют властный и деспотичный «образ выражения» Кабанихи.

В «Грозе» Катерина в ответ на слова Варвары: «А по-моему: делай, что хочешь, только бы шито да крыто было» — первоначально говорила: «Я не умею так-то». Драматург вычеркивает эту реплику и вписывает другую: «Не хочу я так». Другой нюанс? Пожалуй, это больше, чем нюанс. Одно дело — не умею, другое — не хочу. Катерина именно не хочет так. И прямо, гордо об этом говорит; это соответствует ее характеру, ее «образу выражения» куда больше, чем уклончивое «не умею».

Так Островский добивается не только социальной, но и глубокой индивидуальной характеристики персонажей. Часто уже в первой реплике, которую произносит герой, «заявлен» его характер. Снова обратимся к «Грозе». Вспомним первые реплики, с которыми входят в драму некоторые из действующих лиц.

«Если ты хочешь мать послушать, так ты, как приедешь туда, сделай так, как я тебе приказывала».

«Да как же я могу, маменька, вас ослушаться!»

«Не уважишь тебя, как же!»

«Баклуши ты, что ль, бить сюда приехал! Дармоед! Пропади ты пропадом!»

«Бла-алепие, милая, бла-алепие!»

Первая реплика принадлежит, разумеется, властной Кабанихе. Вторая — бесхарактерному Тихону. Третья — строптивой и лукавой Варваре. Четвертая — «ругателю» Дикому, который, по словам Шапкина, «ни за что человека оборвет». Пятая — страннице Феклуше, прикидывающейся святой.

Пять реплик — пять характеров.

Речь того или иного действующего лица

в пьесах Островского не есть нечто неподвижное, всегда себе равное. Персонаж характеризуется не только тем, как он говорит, но и своей способностью (или неспособностью) приноравливать образ выражения к обстоятельствам, к ситуации.

Вот, например, Досужев в пьесах «Тяжелые дни» и «До̀ходное место». «Я теперь всего себя посвятил на пользу чело̀вечеству», — говорит он в самом начале пьесы. Такую фразу может произнести либо пылкий романтик, либо закоренелый лицемер. Василий Дмитрич Досужев ни то ни другое. «Ты ведь шут гороховый»,— говорит ему приятель. «Я веселый человек»,— аттестует он сам себя Жадову в «Доходном месте». Вот Досужев и оправдывает эту свою репутацию (которая справедлива лишь отчасти), ёрничая и иронически посмеиваясь не то над самим собой, не то над своим собеседником. Не желая дальше мистифицировать приятеля, он «переводит» нарочито напыщенную фразу на подчеркнуто обыденную речь: «Ну, я объяснюсь проще: я оставил службу и занимаюсь частными делами».

С Настасьей Панкратьевной Досужев разговаривает, приноравливаясь к уровню невежественной купчихи. Например: «Надобно франта-то этого видеть, физику-то его посмотреть». Совершенно ясно, что Досужев употребляет здесь просторечное выражение «физика» вместо «физиономия», подлаживаясь к речи своей собеседницы. (В «Доходном месте» тот же Досужев говорит Жадову: «Мне ваша физиономия понравилась». «Физиономия», а не «физика»!)

Способность Досужева найти верный тон с каждым собеседником особенно явственно обнаруживается в его диалоге с самодуром Титом Титычем Брусковым. Задача не из простых. Нелегко вести разговор с человеком, который «никого не слушает». «Еще в чужом доме с ним, говорят, можно разговаривать; а уж к нему-то прийти, все равно, что к медведю в берлогу. Главное, не робеть!» — подбадривает себя Досужев. Надо суметь заставить себя слушать. Тут не дай бог стушеваться. На фамильярность он тотчас же отвечает фамильярностью, на резкость — резкостью.

Тит Титыч, застав у себя в доме Досужева, незнакомого ему человека, «садится в кресло и несколько времени мрачно смотрит». Молчит Тит Титыч — молчит и Василий Дмитрич, твердо выдерживая мрачный взгляд хозяина. Титу Титычу приходится первым прервать молчание: «Здравствуй!» — «И ты здравствуй!» — в тон ему отвечает Досужев. И дальше, на протяжении всего диалога, он ведет себя так же независимо: «Ты не очень командуй!»; «Ну, будет о пустяках-то! Пора и о деле. Мне ведь некогда»; «Да ты потише!» Досужев знает из опыта: только так можно внушить уважение к себе, имея дело с Тит Титычем. Он говорит с ним на его языке. Тит Титыч, например, желает, чтобы его оправдали по

Иллюстрация Н. Дмитриева к пьесе А. Н. Островского «Бесприданница».

делу о нанесенном им оскорблении: «...оправить совсем, чтобы я чист был».— «Да как же тебя оправить, когда ты виноват!» — возражает Досужев. Юрист Досужев знает, разумеется, что надо говорить не «оправить», а «оправдать». Но он знает, с кем говорит.

«Ты приходи почаще, я тебя полюбил» — этими словами Тита Титыча заканчивается сцена.

Так житейский опыт, насмешливый нрав, независимость, которую приходится постоянно отстаивать в «темном царстве», подсказывают Досужеву в каждом случае особый склад речи.

Островский умеет нарисовать, как под влиянием житейских условий, немилостивой судьбы меняется речь персонажа. Жизнь пригибает Кисельникова («Пучина»), и под влиянием непомерной тяжести социальных условий от сцены к сцене меняется его речь. В речи показана неумолимая жестокость социальных условий, которые способны раздавить человека.

Глубоко постигнув самый дух родного языка, драматург мог уже не цитировать народную речь, а уверенно творить ее, безошибочно угадывая, как должен был бы говорить тот или иной персонаж.

В дневнике своего путешествия по Волге Островский записывает разговор с ямщиком: «А вы, барин, давеча сразу угадали; это точно, меня девушки очення любят».

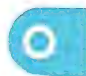
В драме «Не так живи, как хочется» молодой купеческий сын Вася в ответ на вопрос Даши: «Любят девушки?» — говорит: «Меня девушки очення любят».

Казалось бы, перед нами еще один случай использования драматургом подслушанного в жизни выражения. Но все дело в том, что запись в дневнике сделана в мае 1856 г., а драма «Не так живи, как хочется» опубликована в сентябре 1855 г. На полях дневника, против слов ямщика, Островский отмечает: «Совершенно теми же словами, как Вася в драме «Не так живи, как хочется». Драматург, следовательно, не подслушал реплику Васи в жизни. Он ее угадал. И сама жизнь подтвердила догадку: с подлинным верно.

ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ

В своих основах гипотеза американских ученых Сепира — Уорфа («теория лингвистической относительности») восходит к положению, высказанному еще В. Гумбольдтом, согласно которому отношение человека к предметам целиком обусловлено языком, и таким образом язык как бы замыкает человека в некий волшебный круг: «Каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступаешь в другой круг». Аналогичные представления послужили основой гипотезы лингвистической относительности, в соответствии с которой нормы мышления и поведения определяются структурами языков. В своей крайней форме она устанавливает, что если бы Ньютон говорил не на английском языке, а, например, на языке американских индейцев хопи, то построенная им концепция Вселенной выглядела бы совершенно иначе.

Фундаментальные положения этой теории были высказаны двумя американскими учеными — Эдуардом Сепиром (1884—1939) и Бенджамином Уорфом (1897—1941). Э. Сепир ограничился лишь общей формулировкой сущности гипотезы относительности и в дальнейшем не углублялся в ее разработку. По его утверждению, «язык служит руководством к восприятию социальной действительности... Люди живут не в одном только объективном мире и не в одном только мире общественной деятельности, как это обычно полагают. В значительной степени человек находится во власти конкретного языка, являющегося средством выражения в данном обществе... Факты свидетельствуют о том, что «реальный мир» в значительной мере бессознательно строится на языковых нормах данного общества... Миры, в которых живут различные общества,— отдельные миры, а не один мир, использующие разные ярлыки».



Б. Уорф посвятил себя главным образом разработке и конкретизации высказанного Э. Сепиром положения. Б. Уорф не был профессиональным лингвистом, но много занимался изучением языков американских индейцев, и в особенности языка хопи; он увлекся лекциями Э. Сепира в Йельском университете, а позднее сам читал лекции в этом университете. Повторяя высказанные Э. Сепиром мысли, Б. Уорф толкует их расширительно, придавая им характер целого мировоззрения.

Пожалуй, наиболее полным образом сущность концепции Б. Уорфа выражает следующая цитата из его работы: «Люди, использующие языки с чрезвычайно различными грамматиками, приходят под влиянием этих грамматик к типически различным наблюдениям и различной оценке внешне схожих явлений. Поэтому в качестве наблюдателей они не эквивалентны и обретают различные представления о мире».

Свои взгляды Б. Уорф обосновывает тем, что грамматические структуры (в их значимой стороне) языков могут значительно различаться и вся семантическая сторона языков в своей совокупности по-разному членит, по-разному представляет реальный мир. Это и приводит к тому, что языки оказывают прямое воздействие на «нормы поведения и мышления» лю-

дей. В частности, языки неодинаково представляют даже такие общие категории, как время, материя, пространство. Этот свой тезис Б. Уорф иллюстрирует детальным сопоставительным анализом языка хопи с европейскими языками (они выступают в его работах в обобщенном виде как «среднеевропейский стандарт»). Б. Уорф при этом утверждает, что языку хопи абсолютно чуждо понятие времени, а это приводит к весьма специфической модели общественных установлений у этого народа.

Гипотеза Сепира — Уорфа вызвала большой интерес, но вместе с тем и скептическое отношение к ней в ученом мире. В 1954 г. была созвана представительная конференция, специально посвященная рассмотрению основных положений гипотезы Сепира — Уорфа и собравшая представителей разных наук — лингвистики, антропологии, психологии. Один из участников этой конференции — Гарри Хойер предложил ответить на такой вопрос. Предположим, сказал он, что на Луну (следует учесть, что конференция происходила в «докосмическую» эпоху) попадают американец и русский, где они сталкиваются с миром, отличающимся от земного. По возвращении на Землю они дают описание лунного мира, каждый на своем языке. Если следовать гипотезе Сепира — Уорфа, то в этом случае в описаниях, сделанных на двух различных языках, перед человечеством предстанут два различных лунных мира. Правомерно ли такое заключение? Если далее продолжать развивать идеи лингвистической относительности, то придется признать, что каждый говорящий на том или ином языке попадет в трудное положение, так как он не может быть убежден, в какой степени его язык способен адекватно описывать реальность. Наконец, гипотеза лингвистической относительности устанавливает принципиальную невозможность перевода с одного языка на другой, поскольку разные языки отражают неравнозначные и несопоставимые миры или мировоззрения.

Совершенно очевидно, что из некоторых бесспорных фактов гипотеза Сепира — Уорфа делает неправомерные и противоречащие действительности выводы. Никто не станет возражать, что язык способен оказывать воздействие на людей — именно на этом его качестве строится вся художественная литература. Такое воздействие возможно и помимо художественной литературы при простой переформулировке одного и того же содержания (сравним выражения: *Зал был наполовину полный* и *Зал был наполовину пустой*). Но такого рода воздействия вовсе не требуют выхода за пределы того или иного языка и осуществляются средствами данного языка. Кроме того, нельзя (как это делает Уорф) на основании данных о воздействии языка на «нормы поведения» человека делать заключения о влиянии языка на «нормы мышления» людей. Не подлежит сомнению также, что и в своей грамматической структуре и в лексике различные языки по-разному «членят» реальную действительность и неодинаково ее представляют. Если для примера сравнить грамматики английского и русского языков, то мы увидим, что видовые значения русского глагола или родовая классификация русских имен отсутствуют в английском, который в свою очередь обладает особенностями, не свойственными русскому языку. Точно так же обстоит и с лексикой различных языков, которые, например, измеряют длительность пространства верстами, милями или километрами.

Употребляя аналогию, можно сказать, что различные системы языков подобны различным системам денежных знаков, имеющим единое золотое обеспечение — реальную действительность. И так же, как единое золотое обеспечение позволяет производить перерасчет с франка на доллар и обратно, так и единая реальная действительность позволяет по установленному «курсу» производить перерасчет ценностей с одного языка на другой. Поэтому и в описаниях Луны, сделанных на разных языках, мы получим единую Луну, как это имеет место и в отношении земных объектов. Мы можем говорить о милях, километрах или верстах, но, переходя от одной из этих мер к другой, мы будем производить их взаимный перерасчет по реальному пространству.

Что же касается тезиса о непереводимости языков, то весь наш опыт говорит о его неправомерности. И это является дополнительным и весьма веским аргументом против положений гипотезы лингвистической относительности.

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ И АБСОЛЮТНАЯ ХРОНОЛОГИЯ В ЯЗЫКОЗНАНИИ

В языкознании различают абсолютную хронологию и относительную хронологию. Абсолютная хронология пользуется единицами астрономического времени, астрономическим календарем, т. е. системой счета больших промежутков времени, основанной на периодичности видимых движений небесных тел.

Языковедение обращается к абсолютному времени, когда соотносит историю языка с историей народа. Так, мы определяем время существования древнерусского языка как общего языка восточных славян, как языка, обслуживавшего единую древнерусскую народность, периодом XI—XIV вв. Начальный период формирования русского национального языка определяем как середину XVII—XVIII в. и т. п.

Единицами абсолютной хронологии пользуется история книжно-литературного языка, связанная с книжными текстами разного вре-

мени, рукописными и печатными. Таким же образом может быть представлена история отдельных слов. Например, можно сказать, что слово *уйма* в значении «множество», «очень большое количество» проникло в литературный язык из диалектов не раньше середины XIX в. Оно еще не зарегистрировано в Академическом словаре 1847 г., но внесено в опыт областного словаря 1852 г.

Для языковеда, изучающего древние изменения звуковой или грамматической системы языка, более существенным оказывается иное понятие времени, которое обычно выражается в терминах относительной хронологии. Это время наполнено собственно языковыми событиями и может быть названо лингвистическим временем. В истории русского языка это такие события, как утрата носовых гласных, утрата редуцированных гласных, изменение гласного [е] в гласный [о] после мягких согласных перед твердыми согласными, появление видовых различий у глагола (совершенный вид и несовершенный вид) и многие другие. При изучении истории звуков и грамматических форм слов важнее всего определить, какие изменения предшествовали друг другу или происходили одновременно.

В праславянском языке была эпоха изменения закрытых слогов в открытые. Закрытые слоги — те, которые оканчиваются неслоговым звуком, большей частью согласным. Открытые слоги оканчиваются слоговым звуком, большей частью гласным. Например: *тон, дай* — закрытые слоги, *мне, на* — открытые.

В праславянскую эпоху слово **konjos* (предок современного слова *конь*) изменилось в **kon'ь*. (Здесь *n'*— звук [н'] мягкий.) Твердый [н] и йот слились в один звук, объединивший качества обоих согласных.

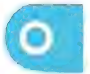
Слово **konjos* членилось на слоги так: **kon-jos*. Оба слога были закрытые. После изменений оно членилось на слоги по-другому: ** ko-n'ь*. (Здесь *ь* — гласный переднего ряда.) Оба слога стали открытыми. Так же изменились все другие слова с сочетанием *nj*.

В ту же эпоху произошло изменение слов типа **meton* (сравните современную форму *мету*): последний слог был закрытый, он оканчивался согласным *n* носовым. Вместо сочетания гласного с носовым согласным появился носовой гласный: ** me-to*^{n} (Здесь *o*^{n} — носовой гласный, [о] с носовым призвуком.) Оба слога стали открытыми.

Все эти процессы происходили в праславянском языке. Письменности он не имел. Будь у нас письменные памятники — мы бы могли установить, какого века каждый памятник, и определить время, когда были эти процессы. Но памятников нет, и абсолютная хронология невозможна. Возможна, однако, относительная хронология. Можно установить, что хотя оба процесса происходили в одну эпоху — в эпоху превращения закрытых слогов в открытые, но сначала твердые согласные слились с йотом, а потом уже сочетания гласный *о* (или *е*) + носовой согласный дали носовые гласные.

Действительно, предположим, что изменение *on* → *o*^{n} происходило до того, как *nj* → *n'*. Тогда бы в слове **konjos* сочетание *on*, образующее закрытый слог, изменилось бы в *o*^{n}, согласный *n* исчез бы как отдельный звук, он стал бы призвуком носового *o*^{n}. Но на самом деле он не исчез, об этом говорит его потомок — современное слово *конь*. Притом, конечно, исчезло бы и сочетание *nj*. И когда наступила эпоха смягчения согласных, эпоха их слияния с йотом (по нашему «пробному» допущению, она была позже), то в слове **konjos* (и во многих подобных) смягчаться было бы уже нечему! Согласный *n* был бы уже уничтожен предшествующим процессом. Очевидно, порядок исторических процессов был иной.

Вот какой. Было время, когда *nj*→*n'*. (А время изменения *on*→*o*^{n} еще не наступило.) Тогда **konjos*→**kon'ь*. Открытыми стали оба слога: *ko-n'ь*, Первый — потому что исчезло сочетание *nj*, остался один согласный *n'*; второй — потому что исчез конечный *s*. Потом наступило время изменения *on*→*o*^{n} в закрытых слогах. Но слов типа *kon'ь* этот процесс не коснулся: в *kon'ь* не было уже закрытых слогов.



Следовательно, явно сначала был процесс изменения *nj*→*n'*, а потом — процесс *on*→*o*^{n}. В каком веке они были? До начала славянской письменности. Точная абсолютная хронология невозможна. Относительную, как видно из рассказанного, установить удалось.

Другой пример. В праславянском языке протекали два фонетических процесса: 1. Перед гласными переднего ряда заднеязычные согласные изменялись: *к* → *ч'*, *г* → *ж'*, *х* → *ш'*. 2. Гласный *ē* (т. е. долгий гласный *е*), когда он находился после звуков *ч', ж', ш'*, изменялся в *а*. Можно доказать, что первый процесс уже имел место в языке, когда стал активным второй. Сравните формы прилагательных: *старейший, простейший*, но *крепкий — крепчайший, строгий — строжайший, тихий — тишайший* (а не «крепчейший», «тишейший», «строжейший»). Раньше во всех этих формах был суффикс *ējьs*. Понимаете, почему эти формы свидетельствуют об очередности процессов? Могли бы они появиться, если бы начальным был второй процесс?

В лингвистике разработаны очень тонкие методы восстановления относительной хронологии тех процессов, которые переживали языки в глубокой древности, задолго до начала письменности на этих языках. С помощью этих методов удается реконструировать, восстановить многие языковые явления, к нашему времени изменившиеся до неузнаваемости или же совсем исчезнувшие из языка.

П

ПАДЕНИЕ РЕДУЦИРОВАННЫХ

Присмотритесь к древним написаниям известных вам слов: *домъ, кънига, къто, чьто, бьрьвьно.* Хотя все буквы вам известны, вы затруднитесь прочесть эти слова. Затрудняет странное для современного читателя употребление букв *ъ* и *ь*. Дело в том, что первоначально эти буквы обозначали особые гласные, которые были в древних славянских языках. Многие слова содержали тогда больше слогов, чем сейчас: слово *дом* состояло из двух слогов: *до-мъ, книга* — из трех: *къ-ни-га, бревно* — из четырех слогов: *бь-рь-вь-но.*

Изучив происхождение гласных [ъ] и [ь] и их дальнейшую судьбу, ученые установили, что эти звуки произносились короче и слабее, чем все остальные гласные, и назвали их редуцированными или гласными неполного образования. Если не считать особой краткости, то гласный [ъ] был в древнерусском языке близок по произношению к [о], а [ь] — к [е].

Редуцированные гласные были самостоятельными фонемами: они противопоставлялись остальным гласным и друг другу, служа различителями словоформ (словоформа — это слово в одной из его грамматических форм). Сравните *колъ* («кол») и *коло* («колесо»), *събьрати* («собрать») и *събирати* («собирать»), *чистъ* («чист») и *чисть* («росчисть»).

В дальнейшем редуцированные гласные в одних положениях еще больше ослаблялись и исчезали, а в других, напротив, усиливались и изменялись в гласные полного образования: [ъ] → [о], [ь] → [е]. Исчезали редуцированные на конце слова *(столъ → стол, конь → кон')* и перед гласным полного образования: *къто → кто, чьто → что, весьна → весна.* Если же перед исчезнувшим редуцированным был другой редуцированный, то он изменялся в гласный полного образования: *сънъ → сонъ, плъть → плот', дьнь → ден'.* В слове *бьрьвьно* из трех редуцированных один (перед [о]) исчез, второй от конца изменился в [е], третий исчез: *бьрьвьно→бревно.* Таким же образом *пътеньць→птенец, вънъзити→вонзить.*

Исчезнув в одних положениях и изменившись в [о] и [е] в других, редуцированные к XIII в. утратились как особые фонемы. Это и называют падением редуцированных.

Итак, число гласных фонем уменьшилось на две. Само по себе изменение не такое уж значительное. Но язык — это система, элементы которой связаны друг с другом, и изменение одних из них приводит к большей или меньшей перестройке других. Падение редуцированных вызвало такую перестройку фонетической системы русского языка, как ни одно другое историческое изменение.

Прежде всего, изменился характер слога. До этого слоги были, как правило, открытыми, т. е. оканчивались на гласный. После падения редуцированных появились закрытые слоги на конце многих словоформ. Сравните *пло-дъ* и *плод, гла-зъ-къ* и *гла-зок, жь-нь-ць* и *жнец.*

Многие согласные, оказавшись на конце слова, претерпевали разные изменения. Например, звонкие согласные изменились в глухие: *плодъ → плод → пло*[т], *рогъ → рог → ро*[к], *рыбъ → рыб → ры*[п] (род. п. мн. ч.) и т. п.

Если на конце слова возникало сочетание: согласный + [л], оно упрощалось. Так, форма прошедшего времени без *-л-* (*нес* и т. п.) получилась из формы с *-л-* (*нес-л-ъ*): *неслъ → несл → нес.*

И в середине слова возникали разные дотоле непривычные сочетания, например рядом оказывались глухой и звонкий. Происходила ассимиляция, т. е. уподобление одного звука другому: глухой становился звонким, если дальше шел звонкий *(къдъ → кдв →* [г]*дв; съборъ → сбор →* [з]*бор*), и наоборот (*лодъка → лодка → ло*[т]*ка; ногъти → ногти → но*[к]*ти).*

Изменения согласных, происходившие после падения редуцированных, привели к перестройке системы фонем. Так, звонкие и глухие согласные фонемы раньше никогда не совпадали. Теперь они стали совпадать на конце слова и перед шумными согласными. Например, слова *плодъ* и *плотъ* раньше различались во всех падежах, а после падения редуцированных они совпали в форме им. и вин. падежей ед. числа: *пло*[т] – *пло*[д]*а* и *пло*[т] – *пло*[т]*а*. Сравните также *ка*[т]*ка* (из *кадъка*) — *ка*[д]*ок* и *ка*[т]*ка* (из *катъка*) — *ка*[т]*ок* (орудие).

Большие изменения произошли в отношениях между твердыми и мягкими согласными. Раньше твердость и мягкость согласных (у тех из них, которые составляли пары по твердости и мягкости) была тесно связана с характером следующего гласного. Так, перед [ъ] мог быть только твердый согласный, а перед [ь] — только мягкий. Сравните *путъ* (род. п. от *пута* — «путы») и *путь.* До падения редуцированных они различались не только твердостью или мягкостью согласных, но и конечными гласными: [ъ] и [ь]. Противопоставлялись друг другу не твердые и мягкие согласные, но целые слоги. После падения редуцированных твердые и мягкие согласные стали возможны на конце слова, где их твердость или

мягкость не зависела от соседей: *пу*[т] и *пу*[т'], *ко*[н] и *ко*[н'], *по*[л] и *по*[л'] («полей»). Следовательно, твердые и мягкие согласные стали самостоятельными фонемами.

Так после падения редуцированных в системе фонем роль гласных уменьшилась, а роль согласных возросла. Это отвечало общему направлению истории фонетической системы русского языка (см. *Внутренние законы языка*).

Падение редуцированных затронуло и морфологию.

Во-первых, появились окончания нового типа. Раньше все окончания имели звуковое выражение, а после падения редуцированных появились нулевые окончания (см. *Нулевые единицы в языке*):

Было: стол-ъ — стол-а — стол-у...; рыб-ы — рыб-ъ

Стало: стол-□ — стол-а — стол-у...; рыб-ы — рыб-□

Во-вторых, в грамматических формах многих слов возникли чередования фонем ⟨о⟩ и ⟨е⟩ с нулем (беглые гласные):

Было: сън-ъ — сън-а — сън-у...; весьн-ъ — весьн-ы.

Стало: сон-□ — сн-а — сн-у...; весен-□ — весн-ы.

Таким образом, у части слов чередования ⟨о⟩ и ⟨е⟩ с нулем стали дополнительным (помимо окончаний) способом противопоставления грамматических форм.

Падение редуцированных происходило во всех славянских языках, но протекал этот процесс в них по-разному.

ПАДЕЖ

Поэт Семен Кирсанов писал: «Повстречательный есть падеж, узнавательный есть падеж, ожидательный и томительный, расставательный и мучительный, и ревнительный есть падеж!» Шутка поэта не так далека от действительности. Каких только падежей нет в языках! Есть сопроводительный падеж, отвечает на вопрос: в сопровождении кого — чего? Есть заступительный падеж (вместо кого?). Тождественный падеж (равный кому — чему, тождественный с кем-чем?). Лишительный падеж (без чего?). Превратительный падеж (становится кем — чем?). Целевой падеж (для чего, с какой целью?). Срединный падеж (среди чего?). Поверхностный (по поверхности чего?). Боковой-поверхностный (по боковой поверхности чего?). Верхнеприблизительный падеж (вверх по направлению к чему?). Нижнепространственный падеж (через пространство, находящееся под чем?). И множество других есть падежей в языках мира.

По-русски можно сказать: *Я хожу без зонтика*. Тем не менее никто не говорит, что в русском языке есть лишительный падеж. Почему? Потому что нет особых грамматических средств для выражения этого значения, нет особых окончаний, передающих именно это значение. Что же такое падеж?

Сравним: *вижу сестру — дарю сестре — нет сестры — горжусь сестрой*... У существительного меняются окончания. Это нужно для того, чтобы связать существительное с другим словом, особенно часто — с глаголом. Сочетание *горжусь сестры* бессвязно, окончание *-ы* не протягивает руку слову *горжусь*, не соединяет эти слова. Для связи здесь нужно другое окончание: *-ой*. Такие изменения слова называются склонением; изменяемые словоформы называются падежными.

Следовательно, падеж — это грамматическая форма, которая показывает связь существительного (или слова, грамматически подобного существительному) с другими словами.

Бывают и такие случаи: *нет ржи — обрадовался ржи*... Как будто падеж один: слово *нет* и слово *обрадовался* вызывают появление у слова *рожь* окончания *-и*, которым оно и показывает свою связь с главным словом. Но, с другой стороны: *нет весны — обрадовался весне*... Окончания разные, значит — разные падежи? Да, разные; у слова *ржи* окончания род. и дат. падежей омонимичны, и можно только по другим склонениям понять, что они разные.

В качестве такого другого, проверочного склонения хороши местоимения *кто — что*. Стоит запомнить склонение этих местоимений, и легко будет различать падежи. Но все-таки не надо забывать, что это вспомогательное средство; вопрос кто — что? поставить легко, но следует понимать, какая грамматическая суть скрывается за этим внешним, чисто механическим способом. Суть такая: каждый падеж представляет собою особую грамматическую форму (см. *Форма грамматическая*).

В английском языке — два падежа (языков с одним падежом быть не может; см. *Грамматика как система*), в венгерском — двадцать два падежа. А сколько в русском? Как будто ясно: их шесть. Но некоторые падежи как бы двойные, например предложный — *говорили о лесе — растут в лесу*. Существительное в обоих случаях отвечает на один вопрос: (в) ком — (в) чем? и (о) ком — (о) чём? Но вопрос, как сказано, ненадежное свидетельство. Может быть, местоимение в своем склонении не передает, не схватывает той разницы, которая есть в формах существительного. Иными словами, может быть, вопросительные местоимения здесь плохие судьи, им не по силам различить то, что различно в существительных? Обратимся к понятию грамматической формы.

Чтобы была особая грамматическая единица (особый падеж), нужны: особое грамматическое значение и особый способ его выражения. Значение у форм *в лесу — о лесе* разное: одна показывает место (*растут в лесу*), другая говорит о предмете мысли-речи (*говорили, писали, думали, пели, показывали пьесу о лесе*). Есть и особое средство выражения — разные окончания.

Но разные грамматические единицы (и вообще — разные единицы языка, см. *Фонема*) должны встречаться в одном контексте, «в одной позиции». Только тогда их можно считать разными единицами. Это условие здесь как будто не соблюдается: *в лесу* встречается при одних глаголах, *о лесе* — при других, и предлоги разные. Поэтому долго господствовало мнение, что это один и тот же падеж, это его видоизменения в разных условиях, «в разных позициях». Р. О. Якобсон показал, что это не так. Сравните: *Воро́ны чего-то ищут в снегу. Художники чего-то ищут в снеге, но живописности в снеге нет*. Значения различны: *в снегу* — говорится о конкретном месте поисков; *в снеге* — об объекте творческих поисков. Контекст один: глагол *ищут*. Следовательно, это два разных падежа.

Есть и другие сложные вопросы, связанные с определением количества падежей в русском языке. Поэтому на вопрос: сколько же у нас падежей? — следует отвечать: не меньше шести.

Значение падежей очень изменчиво. У каждого из них есть много значений. Например, творительный падеж может называть орудие: *рубит топором*; или время: *приехал зимой*; или пространство: *иду лесом*; или предмет, похожий на другой предмет: *выглядит стариком, несется стрелой*.

Однако все эти различия обусловлены контекстом. При глаголе *рубит* любое существительное, у которого осно́ва называет вещь, будет в творительном падеже обозначать орудие действия. Не только *рубит топором*, но и *рубит ладонью, носом, осетром, огнем, утесом, пароходом* — во всех таких сочетаниях существительное будет иметь орудийное значение. Некоторые из этих сочетаний странны, предполагают какое-то сказочное, фантастическое осмысление, но это не мешает существительному обозначать орудие. При том же глаголе (и при любом другом) существительное, у которого основа обозначает отрезок времени, в творительном падеже будет иметь временно́е значение: *рубит что-то весной, утром, осенью* и т. д.

При глаголе *выглядит* любое существительное будет обозначать предмет, которому уподобляется другой предмет: *что-то или кто-то выглядит лисой, ботинком, облаком, дымом, мыслью, творчеством*...

Итак, значение словоформ творительного падежа, действительно, очень изменчиво, но изменения обусловлены позицией, контекстом: «внутренним» — значением основы существительного и «внешним» — значением главного слова. Это позиционные изменения значения.

А с позиционными изменениями дело обстоит так: как бы ни были они значительны, они не порождают особых единиц; единица остается той же самой (см. *Фонема*). Следовательно, творительный падеж, хотя его значение сильно варьируется, все тот же самый падеж, во всех своих смысловых изменениях.

Так же и другие падежи сохраняют свое единство, несмотря на разнообразные изменения их значения под влиянием позиции. «Каково бы ни было разнообразие семантических вариаций, зависящих от чисто синтаксических и лексических условий, все же единство падежа остается реальным и ненарушимым»,— писал по этому поводу Р. О. Якобсон.

ПАЛЕОАЗИАТСКИЕ ЯЗЫКИ

К палеоазиатским языкам относятся: чукотский, корякский, алюторский, керекский, ительменский (чукотско-камчатская группа); эскимосский, алеутский (эскимосско-алеутская группа); изолированные языки (с неустановленным родством): нивхский, юкагирский, кетский. Всего на палеоазиатских языках гово-

рит около 27 тыс. человек; самая большая народность — чукчи (около 12 тыс. человек), самая малая — кереки (около 100 человек).

Палеоазиатские языки не представляют единой языковой семьи. Название их связано с гипотезой, выдвинутой еще в XIX в. Предполагается, что все эти народы — остатки древних обитателей Сибири, которые были ассимилированы в связи с миграцией тюркомонголов. Они распространены на Севере и Дальнем Востоке нашей страны, а также за ее пределами (эскимосско-алеутская группа — в Аляске, Канаде и Гренландии).

Типологически эти языки тоже различны.

Все они — младописьменные, только в советскую эпоху получили эти народы свою письменность, школу, печать.

В 30—40-е гг. нашего века началось систематическое изучение палеоазиатских языков (хотя и в XIX в. были отдельные работы, посвященные им, например исследование русского ученого В. В. Радлова о чукотском и корякском). В настоящее время идет детальное изучение этих языков. Советский лингвист А. П. Дульзон за работы, посвященные кетскому языку, в 1979 г. получил Государственную премию.

ПАЛЕОГРАФИЯ

Палеография — специальная научная дисциплина, исследующая памятники древней письменности. Термин «палеография» появился в XVII в. и происходит от греч. *palaios* — «древний» и *grapho* — «пишу».

Первоначально в палеографии изучались те памятники письменности, текст которых был написан от руки красящим веществом (чернилами, красками), особыми орудиями письма (пером, тростью) на специально подготовленной мягкой поверхности. Изготовление древних рукописей было сложным и трудоемким делом. Текст писали специально обученные писцы, художники украшали рукописи красочными заглавными буквами (инициалами), заставками, концовками и иллюстрациями к тексту. Особые ремесленники занимались приготовлением писчего материала: особым образом обработанной шкуры животных (пергамена), ткани, бумаги и т. д. На протяжении многовековой истории в изготовлении рукописей происходили значительные изменения: менялся тип почерка и характер письменных знаков, изменялись украшения, орудия письма, писчий материал и т. д. Менялся внешний облик рукописи.

Палеография изучает древние рукописи прежде всего с внешней стороны: каким почерком написан текст, чем написан, на каком материале, каков внешний вид рукописи, как

Миниатюра из рукописи XVI в. «Лицевой летописный свод».

расположен текст и т. д. Эти сведения позволяют сделать выводы о том, на каком языке написан текст, о времени и месте создания исследуемой рукописи и установить ее подлинность. Кроме того, палеографическое исследование текста обеспечивает его правильное чтение и понимание.

Общей палеографии не существует. В зависимости от системы письма, алфавита и языка рукописи палеография подразделяется на греческую, латинскую, армянскую, грузинскую; китайскую, арабскую, славянскую и др. Однако можно говорить о едином методе палеографического исследования. Первоначально изучаются те, обычно немногие, рукописи, в которых имеются записи писцов с указаниями на время и место их написания. Такие рукописи называются датированными и локализованными. Эти рукописи изучаются в хронологической последовательности их изготовления, затем устанавливаются палеографические приметы, свойственные рукописям определенного времени и определенной территории. Далее комплекс примет применяют при исследовании тех памятников письменности, в которых время и место их написания не обозначены. Среди сохранившихся рукописных источников преобладают в основном такие.

Славянская палеография изучает рукописи, написанные собственно славянскими азбуками — глаголицей и кириллицей. Глаголических рукописей сохранилось сравнительно немного, к ним относятся древнейшие недатированные рукописи X—XI вв. Бо́льшая же часть рукописей написана кириллицей. Довольно точно по языковым приметам рукописи древнерусские

Миниатюра из рукописи XVII в. «Житие Антония Сийского».

(восточнославянские) отграничиваются от болгарских и сербских.

Непрерывный ряд сохранившихся датированных и часто локализованных древнерусских рукописей, с XI в., позволил выявить эволюцию почерков и орнамента, смену писчего материала, орудий письма и т. д., т. е. установить необходимый комплекс палеографических примет. Самые ранние, или, как их называют палеографы, старшие, древнерусские рукописи написаны на пергамене, особым почерком — уставом.

Устав — письмо медленное, выполненное геометрически правильными линиями, прямыми и округлыми; каждая буква имела один установленный графический облик, индивидуальные особенности почерков не имели существенного значения. Буквы размещались всегда на равном расстоянии друг от друга. В древнерусской письменности устав господствовал до конца XIV — начала XV в. По соотношению высоты и ширины букв, расстоянию между ними различают уставные почерки разных времен. В уставе XI—XII вв. у большинства букв ширина и их высота были равны между собой, а расстояние между буквами соответствовало их ширине.

С середины XIV в. на Руси появляется новый тип почерка — полуустав, новый писчий материал — бумага, иной тип орнамента. Появление полуустава объясняется ростом потребности в письменности делового и светского содержания. В сравнении с уставом начертания букв полуустава проще, они лишены каллиграфической строгости: прямые линии допускают некоторую кривизну, а округлые не представляют собой правильной дуги. Одна буква в пределах одного почерка может употребляться в нескольких вариантах.

Старший русский полуустав XIV в. еще сохраняет традиции устава, однако в нем встречается больше разнообразных сокращений. С середины XV в. появляется новый, младший тип полуустава, развившийся в результате так называемого второго южнославянского влияния. Для младшего полуустава характерны наклон письма к концу строки, увеличение количества вариантов букв, появляются буквенные знаки, не свойственные русскому письму. Полууставом писали в основном на бумаге. Шрифт первопечатных русских книг XVI в. (от Ивана Федорова) сложился на основе лучших образцов полууставных почерков. Полууставные почерки широко употребительны в рукописных книгах и после первых печатных изданий, вплоть до конца XVII в.

С появлением бумаги на Руси возникает еще один способ датировки рукописей — основанный на показаниях бумажных водяных знаков (филиграней). Изучением водяных знаков бумаги, их распространения, систематизацией и классификацией занимается особая дисциплина — филиграноведение.

Почти одновременно с полууставом в русской письменности (с середины XIV в.) появляется скоропись. Первоначально скоропись употреблялась только в деловой письменности, однако в XVI—XVII вв. скоропись встречается и как книжное письмо. Ранняя скоропись еще очень близка к полууставу. Постепенно она усложняется, буквы утрачивают свой привычный облик, появляются многочисленные варианты одной буквы, часто близкие (иногда совпадающие) с начертанием других букв. В скорописи XVI и XVII вв. широко употребляются связные написания строчных букв между собой, а также строчных букв с надстрочными. По особенностям графики различаются скорописные почерки: московские (северо-восточные, XV—XVII вв. и начало XVIII в.); белорусские, или виленские (западные, XV — XVI вв.), и киевские (юго-западные, XVII в.).

До XVI в. в написанном тексте пробела между словами не существовало. В XVI—XVII вв. в полууставном письме и в скорописи появляется раздельное написание слов.

С 50-х гг. XX в. русская палеография расширила круг своих источников древнерусскими берестяными грамотами XI—XV вв. В них текст процарапывался на обработанной березовой коре (бересте), по характеру букв почерки берестяных грамот соответствуют уставу и полууставу.

ПАРАДИГМА И СИНТАГМА

«Дай мне белый бумагу» — так сказать нельзя. Надо: *белую бумагу*. Словоформа *бумагу* требует, чтобы с ней была связана словоформа *белую*. Значит, есть законы связи грамматических единиц.

Нельзя сказать «темно-коричневые глаза», говорят *карие*. Здесь законы связи уже не грамматические, а лексические: одно слово не хочет быть соседом «неположенного» слова.

Есть законы синтаксических связей. Нельзя сказать: «Танцуя, музыка была слышна во всех концах зала». Здесь синтаксически неверно употреблено деепричастие.

Есть законы фонетических связей. В русском языке не могут быть рядом [з] + [к]. А *перевозка*? *Нагрузка*? *Морозко*? Везде сочетание [ск], а [зк] нигде нет.

Итак, в тексте единицы могут быть связаны правильно или неправильно. Следовательно, есть языковые законы связи единиц в тексте. Эти законы называются синтагматическими (от греч. *syntagma* — «вместе построенное»). Сочетания словоформ (т.е. грамматических форм слов), сочетания морфем, сочетания частей предложения, сочетания слов — это синтагмы.

Но связи между единицами языка могут быть не только синтагматическими. Словоформа *дом* связана со словоформами *дома*, *дому*, *домом*... Эта связь основана не на том, что единицы «соседствуют», образуют в одном контексте единство. А на чем?

В одних случаях друг с другом связаны единицы, которые встречаются в одинаковой, в одной и той же позиции — в одном окружении.

Например, падежные формы:

посылаю хлеб	вин. п.
посылаю хлеба	род. п.
посылаю отцу	дат. п.
посылаю почтой	тв. п.
посылаю на самолете	предл. п.

Обратите внимание: все падежные формы отличаются друг от друга и по звучанию, и по значению. Например, *послал хлеб* — в значении «весь»; *послал хлеба* — в значении «часть»; и та и другая форма называет объект действия; *посылаю отцу* — форма падежа называет адресат.

Все формы косвенных падежей, как видно, могут быть при одном глаголе — в одной позиции. Потому они и выступают как разные падежные формы, что мы можем их сравнить и противопоставить при одном и том же окружении — в одной позиции. Это — парадигма (от греч. *paradigma* — «образец»).

В других случаях единицы связаны потому, что они не могут быть в одной позиции. Например: *я иду — ты идешь — он идет*. Формы *иду — идешь — идет* требуют разных подлежащих, разного окружения, т. е. разных позиций. В одной позиции, при одном подлежащем они невозможны. И это тоже парадигма. В этом понимании парадигма — это совокупность единиц, которые меняются в зависимости от позиций (см. *Дистрибутивный анализ*).

В чем различие между этими парадигмами? Одинаково ли их отношение к синтагмам? Единого мнения на этот счет сейчас у лингвистов нет. Дело требует изучения.

Издавна принято парадигмой называть серии падежных форм или личных форм у глагола. Современное языкознание распространило это понятие на другие единицы языка. Например, возможны парадигмы звуков, предложений и т. д.

Противопоставление парадигматических и синтагматических связей было введено в науку Ф. де Соссюром; оно многое объяснило в строении языков, но и само пока еще нуждается в дальнейшем уточнении.

Один студент-филолог так объяснял другому, что такое синтагма и парадигма: «Все, что хочется написать в строку,— синтагма. Все, что хочется написать столбиком или в виде таблицы,— парадигма». Смешное и простодушное объяснение, но для самого первого знакомства с синтагмой и парадигмой оно годится.

ПАРОНИМЫ

Паро́нимы (от греч. *para* — «около» и *ónyma* — «имя») — это слова, сходные по строению, но имеющие разный смысл, образованные от одного корня с помощью разных аффиксов, например: *надеть — одеть*, *экономный — экономичный — экономический*, *сыто — сытно* и т. п.

Близость паронимических слов по звучанию — источник ошибок в их употреблении. Так, говорят «одел пальто» вместо *надел пальто*. Эти глаголы различаются по смыслу: надевают *что*, а одевают *кого* (*надел пальто*, *шапку — одел ребенка*, *больного*). На этом примере мы видим, что паронимы различаются сочетаемостью с другими словами. По этому признаку — разнице в сочетаемости — и можно разграничивать значения паронимических слов.

Например, в заявлении надо писать: «Прошу *предоставить* мне отпуск» (т. е. дать возможность пользоваться отпуском), а директор может начертать на этом заявлении: «*Представьте* сначала отчет о работе» (т.е. он велит,

приказывает предъявить ему отчет о работе). На собрании докладчику *предоставляют* слово, т. е. разрешают высказаться. А если кого-либо признают достойным высокой похвалы, то его могут *представить* к награде. Гостя собравшимся также *представляют*, но бывают такие нерадивые хозяева, которые *предоставляют* гостей самим себе. Внешнее различие этих двух глаголов — всего на одну букву, а по смыслу разница весьма существенная.

Паронимы можно различать еще так: вместо каждого паронима подставлять близкое ему по смыслу слово. Эти подстановочные слова никогда не совпадут. Например, вместо *экономный хозяин* можно сказать *рачительный хозяин*, вместо *экономичный способ литья* — *выгодный способ литья*. Прилагательное *рачительный* по значению явно отличается от прилагательного *выгодный*. Тем самым делается очевидной разница между паронимическими словами *экономный* и *экономичный*.

В речи паронимы могут использоваться для выразительности, для подчеркивания какой-либо мысли. Особенно характерно это для художественной литературы, для поэзии. Например: «Служить бы рад — прислуживаться тошно!» (А. С. Грибоедов); «Одно дело — слушать. А другое — слышать» (М. Цветаева).

ПЕРЕВОД АВТОМАТИЧЕСКИЙ

Впервые идея машинного перевода была высказана в 1933 г. советским инженером П. П. Троянским. Однако прошло более 20 лет, прежде чем был осуществлен эксперимент по переводу с помощью ЭВМ: это произошло в 1954 г. в Джорджтаунском университете (США), где машина перевела несколько фраз с русского языка на английский. Этот год и считается началом работ в области машинного перевода (позже его стали называть также автоматическим).

Лингвисты и математики, взявшиеся за эту работу, прежде всего задались вопросом: что значит научить машину переводить с одного языка на другой? Ведь переводчик-человек, переводя текст, скажем, с английского языка на русский, использует свое знание этих языков: умеет выбирать слова с нужными значениями, строить из них предложения, может отличить точный перевод от неточного или неправильного. Кроме того, он обращается и к

неязыковым знаниям: например, о той области науки и техники, к которой относится текст, о жизни той страны, которой принадлежит язык, о ее культуре и т. п.

Очевидно, что всему этому машину научить невозможно. Но, может быть, ей доступно понимание хотя бы только языка — его словаря и грамматики?

И словари, и грамматики разных языков существуют. Однако оказалось, что они не пригодны для непосредственного ввода в ЭВМ: они описывают значения слов и грамматические закономерности в нестрогой форме, никак не приемлемой для «машинного» использования. Следовательно, нужна формальная грамматика языка, т.е. логически непротиворечивая и явно выраженная (безо всяких подразумеваний и недомолвок).

Как только начали появляться формальные описания различных областей языка — прежде всего морфологии и синтаксиса, — наметился прогресс и в разработке систем автоматического перевода.

Правда, первые системы были очень несовершенны. Они умели делать лишь грубый перевод, без детального анализа грамматических связей слов в предложении. Конечно, и подобный перевод — большое подспорье для человека, не знакомого с иностранными языками, но лишь в простых случаях. А случаев непростых в языке гораздо больше. Поэтому необходим автоматический перевод, дающий грамматически правильную фразу, в которой слова связаны друг с другом синтаксически (как в обычной речи).

Синтаксический анализ, которому надо научить машину, можно сравнить с грамматическим разбором предложения, который делают на уроках русского языка в школе. При таком разборе ученик находит члены предложения, определяет, какие слова зависят от других, как выражается эта зависимость в облике слов (например, в окончаниях).

В школьном грамматическом разборе предложения мы опираемся и на значения слов, составляющих предложение (например, отыскивая подлежащее, задаем вопрос: о чем говорится в предложении?). Для машины же совмещение двух этих операций — и грамматического разбора, и обращения к смыслу слов — задача трудная. Лучше сделать синтаксический анализ не зависящим от смысла слов, а словарь использовать на других этапах перевода.

Что такое независимый синтаксический анализ, можно понять, если попытаться разобрать фразу, из которой «убраны» значения конкретных слов. Блестящим образцом фразы такого рода является придуманное академиком Л. В. Щербой предложение: *Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокрёнка.*

Бессмысленная фраза? Как будто да: в русском языке нет слов, из которых она состоит (кроме союза *и*). И все же в какой-то степени мы ее понимаем: «куздра» — это существительное (мы даже можем предположить, что оно обозначает какое-то животное), «глокая» — определение к нему, «будланула» — глагол-сказуемое (похожий на *толканула, боднула*), «штеко» — скорее всего, обстоятельство образа действия (что-то вроде *сильно, резко*), «бокра» — это прямое дополнение («будланула» кого? — «бокра») и т. д.

Смотрите: не зная ни одного слова, мы смогли не только грамматически разобрать фразу Щербы, но и уловить в ней некоторый смысл.

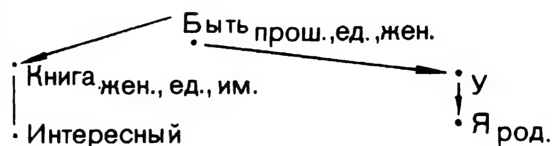
Синтаксический анализ, который осуществляет машина,— это грамматический разбор предложения без опоры на значения составляющих его слов, с использованием информации только об их грамматических свойствах.

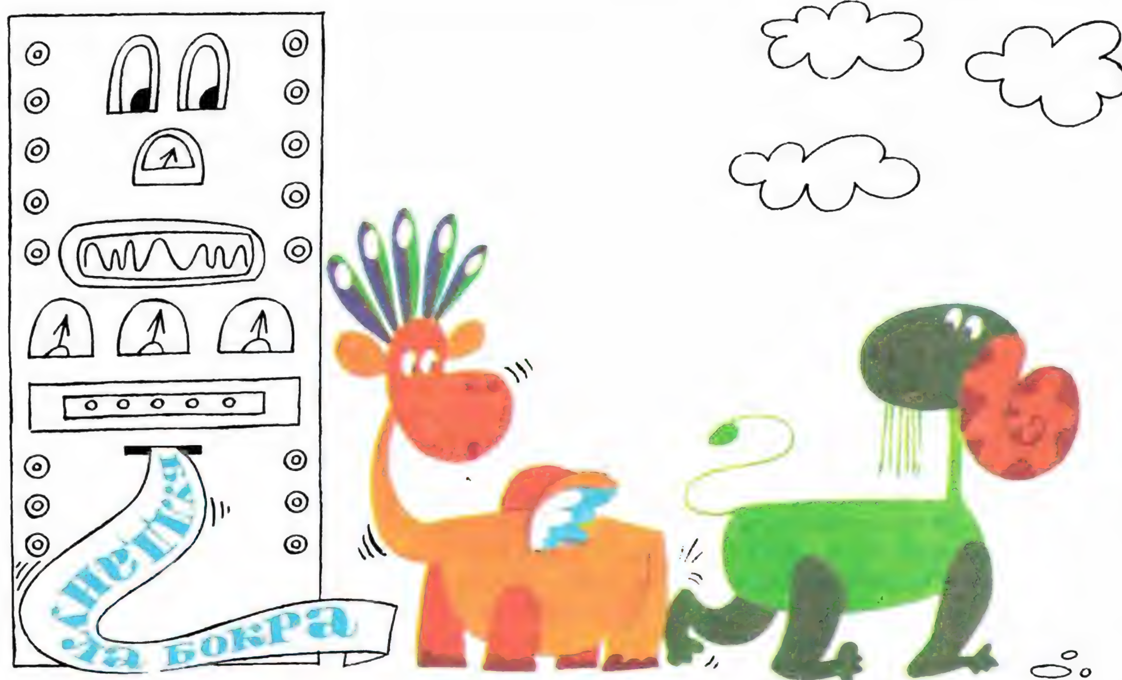
В результате синтаксического анализа возникает синтаксическая структура. Она изображается в виде так называемого дерева зависимостей. «Корнем» такого дерева является сказуемое, а «ветвями» — синтаксические отношения его с зависимыми словами (см. *Математика и язык*). Каждое слово предложения записывается в своей словарной форме, а при ней указываются те грамматические характеристики, которыми обладает это слово в анализируемом предложении.

Теперь полученную синтаксическую структуру необходимо преобразовать в структуру предложения того языка, на который осуществляется перевод.

На первый взгляд кажется, что такое преобразование сделать очень просто: заменить русские слова, стоящие в «узлах» дерева, их переводами (скажем, английскими или французскими эквивалентами). Однако синтаксис каждого языка устроен на свой лад: то, что в русском предложении — подлежащее, в другом языке может (или должно) быть выражено дополнением, а дополнение, наоборот, должно преобразоваться в подлежащее; то, что в одном языке обозначается группой слов, переводится на другой всего одним словом и т. д.

Так, при переводе русской фразы *У меня была интересная книга* на английский язык глагол *быть* надо перевести глаголом *to have* — «иметь», сочетание *у меня* — преобразовать в подлежащее *I* («я»), а слово *книга*, которое в русском языке — подлежащее, по-английски должно стать прямым дополнением: *I had an interesting book* (буквально: «Я имел интересную книгу»).





Выходит, что преобразование синтаксических структур — это отдельная и совсем не простая операция, которой необходимо научить машину. Для этого в машинную память, помимо наборов синтаксических правил для каждого языка «вкладывают» и правила преобразования синтаксических структур. К этому добавляют правила перехода от уже преобразованной структуры к предложению того языка, на который делается перевод. Такой переход от структуры к реальному предложению называется синтаксическим синтезом.

Кроме грамматических правил в ЭВМ «вкладываются» и словари, которые содержат разнообразные сведения — о значении слова, его грамматических характеристиках, о сочетаемости с другими словами и т. п.

Системы автоматического перевода, содержащие перечисленные компоненты, либо уже существуют и действуют (правда, экспериментально, не в промышленных масштабах), либо находятся в стадии разработки. Это, например, системы французско-русского перевода, созданные в Институте прикладной математики АН СССР и в московском институте «Информэлектро», системы англо-французского, русско-французского и франко-английского перевода, разработанные в Гренобльском (Франция) и Монреальском (Канада) университетах. Исследования в области автоматического перевода и работа по созданию действующих систем продолжаются: совершенствуются старые системы, разрабатываются новые, в которых используется более богатая информация о языке. Все эти системы ориентированы на перевод научно-технических текстов.

ПЕРЕВОД ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

Слова «перевод художественной литературы», или, короче, «художественный перевод», означают два тесно связанных понятия: 1) творческий процесс, в ходе которого произведения, существующие на одном языке, воссоздаются на другом, и 2) результат этого процесса — соответствующее литературное произведение на другом языке.

Перевод произведений художественной литературы всегда играл огромную роль в развитии мировой культуры, и его значение с усилением международных связей и контактов все возрастает. Сейчас говорят и о том, что «XX век — век перевода». Литература — искусство слова, и в ней, по определению М. Горького, «первоэлементом» является язык. Путем перевода литературное произведение становится достоянием читателей, не знающих того языка, на котором оно написано.

В XX в. возникла и продолжает интенсивно развиваться особая филологическая дисциплина, изучающая особенности и закономерности перевода как явления языка и литературы, — теория и история перевода (иначе — переводоведение).

Художественная литература как искусство ставит переводчику огромные требования: здесь необходимо не только рассказать, о чем говорится в подлиннике, передать его смысл, но и отразить особую манеру писателя (его стиль), его особый взгляд на мир. А для этого недостаточно знать (даже очень хорошо) дру-

гой язык, мало обычного грамотного владения родным языком — необходимо знание языка подлинника во всех его тонкостях и владение родным языком в той степени, в какой им владеет писатель; здесь мало простого понимания того, что сказано в оригинале,— надо глубоко знать жизнь страны, историю ее литературы, творчество переводимого автора в целом. И еще одно важное условие — понимание того, в каком соотношении находятся два языка, умение лингвистически разбираться в их особенностях.

Те, у кого подобных данных нет, легко допускают ошибки и домыслы, вносят «отсебятину» либо впадают в буквализм, переводят ремесленным «суконным» стилем. Яркий образчик этого стиля — в рассказе Чехова «Дорогие уроки», где учительница-француженка, занимаясь со своим взрослым учеником, следующими фразами переводит французскую книгу: «О мой молодой господин, не разрывайте эти цветы в моем саду, которые я хочу давать моей больной дочери»; «Он ходил на улице и встречал господина своего знакомого и сказал: «Куда вы устремляетесь, видя ваше лицо такое бледное, это делает мне больно».

При передаче лексики и в особенности фразеологизмов, которые так часто встречаются в языке художественной литературы, буквализм нередко приводит к самым нелепым и плачевным результатам. Английскую идиому «*cats my dogs*» (дословно — «кошки мои собаки») или немецкую «*du heiliger Bimbam* (дословно — «святой Бимбам!»), выражающие удивление по поводу какой-либо неожиданности, конечно же, нельзя переводить буквально — им соответствуют по смыслу такие русские выражения, как «вот те раз!», «вот те на!», «ну и ну!», «елки-палки». Французское фразеологическое выражение «*il pleut des hallebardes*» (дословно «дождь льет алебардами») и английское «*it rains cats and dogs*» («дождь льет кошками и собаками») получают в русском языке нормальное соответствие «льет как из ведра». Фразу Г. Гейне «*...die schöne Marianne hat... jetzt noch alle ihre Zähne behalten und noch immer Haare darauf*» известный в XIX в. переводчик П. И. Вейнберг передал так: «Прекрасная Марианна сохранила все свои зубы и волосы на них», что, конечно, бессмысленно для нас. Между тем немецкий фразеологизм: «*alle Haar eauf auf den Zähnen behalten* (*haben*)» означает «быть острым на язык, зубастым, не лезть за словом в карман».

Произведение литературы всегда отражает обстановку, национальную и общественную среду, в которой творил писатель. Воссоздание в переводе национального и исторического фона оригинала предполагает такой выбор и такое сочетание словесных средств, которые позволили бы читателю увидеть и понять характер материального и общественного быта другого народа.

Есть вещи (в том числе предметы одежды, домашняя утварь, кушанья и напитки, учреждения, должности, обычаи и т. д.), существующие у одного народа и отсутствующие у другого. Названия таких реалий постоянно встречаются в языке художественной литературы и требуют отражения при переводе. Для многих из них уже более или менее давно установились определенные соответствия путем заимствования слова (например, кортесы — парламент в Испании, коррида — бой быков в Испании же, ранчо — небольшое поместье в Латинской Америке и в США и др.) или приблизительной передачи с помощью слов своего языка. Но есть местные реалии, настолько специфические, что требуется описательный, распространенный перевод их названия: в США существуют кинотеатры под открытым небом и с огромным экраном, в которых водители и пассажиры автомобилей могут смотреть фильмы, не выходя из машин. Их название *drive-in* (драйв-ин) может быть переведено как «кино под открытым небом для автомобилистов». Подобных случаев много.

Индивидуальный стиль прозаика или поэта никогда не сводится к простой сумме тех или иных особенностей языка — это всегда сложная система взаимосвязанных и взаимодействующих словесных средств, образующих единство с содержанием. В своей работе над словом переводчик творчески решает сложные художественные, стилистические задачи, как и автор оригинальных произведений, но в отличие от него не создает характеры и внешний облик героев, не развертывает цепь событий, а перевоплощает, «перевыражает» то, что запечатлено в словах и образах подлинника, воссоздает изображенную в нем картину действительности. Индивидуальный стиль имеет свои конкретные языковые приметы: например, предпочтение, оказываемое писателем словам конкретным либо отвлеченным, чисто литературный и современный характер словаря или использование просторечия, старинных либо нарочито поэтических слов или же производственно-технических терминов — все это, разумеется, в зависимости от темы. Необходимо иметь в виду соотношение этих особенностей с нормой языка в оригинале и в переводе и их функции (смысловую и художественную) там и здесь.

С необходимостью воссоздания стилистического своеобразия оригинала (при неизбежности тех или иных отклонений от прямого смысла слов) переводчик сталкивается, встречаясь с игрой слов, с каламбурами, к которым нередко прибегают писатели. Отказ от передачи каламбура обедняет смысл, вызывает утрату стилистического эффекта. Чтобы сохранить этот эффект, переводчику приходится подби-

рать слова с другими значениями, но совпадающие или близкие по звуковой форме. В принадлежащем М. Л. Лозинскому переводе повести Р. Роллана «Кола Брюньон» ее герой говорит: «Но кто мне объяснит, для чего заведены на земле все эти скоты, эти *хари-стократы*, эти политики, эти феодалы, нашей Франции *объедалы*». В подлиннике же употреблены слово-неологизм «*gens-pille-hommes*», обозначающее «грабители», но близкое к «*gentilhomme*» (дворянин), и «*saigneurs*», по звукам совпадающее с «*seigneur*» (аристократ, знатный господин) и означающее «кровопийца», «пускатель крови». Характерен также обмен репликами из новеллы М. Сервантеса «Подставная тетка» в переводе Б. А. Кружевского: «...эта мерзавка дерзнула поднять руку на то, чего ни одна рука не касалась с тех пор, как господу богу угодно было *извергнуть* меня в мир!» — «Это вы правильно сказали, что он вас *изверг*... так как вы только в *изверги* и годитесь».

С подобными трудностями переводчик встречается, конечно, не в каждом произведении, но примеры успешного их преодоления поучительны, так как говорят и о богатстве возможностей, которые таятся в языке, и о необходимости различать форму и функцию каждого языкового средства, о важности поисков функциональных соответствий оригиналу.

ПЕРЕРАЗЛОЖЕНИЕ (ДЕЭТИМОЛОГИЗАЦИЯ)

Термином переразложения (деэтимологизации) называют процесс утраты словом его первоначального этимологического значения, т. е. забвение его этимологии (см. *Этимология*).

Слова меняются, как все в мире. Одно из таких изменений, специфичных именно для слова,— изменение его состава: слово, членимое на части, упрощает свой состав. Обычно это происходит в результате разрыва связей между родственными словами. Так произошло со словом *белка* — названием маленького пушного зверька. В Древней Руси было два слова для названия этого животного: *веверица* и *белка*. Последним называли зверьков с белой шкурой. В ходе истории языка слово *веверица* утратилось, и словом *белка* стали называть всех животных этого рода, независимо от их цвета. Однако белыми белки бывают крайне редко, поэтому внутренняя форма слова перестала осознаваться: связь с прилагательным *белый* утратилась. В результате этого слово *белка* перестало выделять корень *бел-*. В современном языке корень этого слова *-белк-*. Суффикс *-к-* слился с корнем.

Итак, при деэтимологизации слово теряет свою внутреннюю форму (см. *Внутренняя форма слова*). «Зарастают» швы на границе морфем — приставка и суффиксы сливаются с корнем, сложные слова становятся простыми.

Наречие *сегодня* в современном языке не членится на составляющие его части, хотя исторически это форма род. п. ед. ч. сочетания *сей день*: *сего* + *дня*. Прилагательное *сей* (*этот*) — устарелое, сочетание *сего дня* употреблялось ранее в значении «в этот день». В ходе частого употребления две части слились в одно целостное, неделимое слово.

Изменения в составе слова могут быть связаны с утратой слов, послуживших базой для данного. Так, в современном русском языке нет слова *коло*. В результате этого слово *кольцо* (первоначально уменьшительное от *коло*, содержащее суффикс *-ц-*, сравните: *сенцо, винцо, мясцо*) утратило значение уменьшительности и суффикс перестал в нем выделяться.

Процессу переразложения — деэтимологизации — способствует изменение фонетического состава слова. Так, современное слово *обоняние* произошло в результате упрощения группы согласных из *объвоняние*, оно включало приставку *объ-* и корень *-вонь-* (запах). Корень *-вонь-* перестал выделяться. К тому же изменилось и значение производящего слова. В современном языке *вонь* обозначает не просто запах, но дурной запах.

Явление переразложения — деэтимологизации свойственно словам разных языков.

Вот несколько примеров. Санскритское (древнеиндийское) слово *alamkāra* —«украшение»— результат упрощения сложного слова *alam* + *kāra* (буквально «делающий ровным, гладким, подходящим», отсюда: *украшающий* → *украшение*).

Немецкие существительные *Meerkatze* — «мартышка», *walfisch* — «кит» значат буквально «морская кошка», «кит-рыба».

ПИКТОГРАФИЯ

Пиктография (от лат. *pictus* — «рисованный, живописный» и греч. *grapho* — «пишу») — древнейший вид письма, письмо рисунками.

Для пиктографии не нужен алфавит, т. е. набор определенных знаков, необходимо только похоже изображать предметы и ситуации (например, человека, лодку, охоту и т. п.). «Читающий» пиктограмму не связан какими-либо правилами чтения (как, например, в буквенном письме) — он должен лишь узнать, правильно опознать изображенное. Так, приведенная здесь эскимосская пиктограмма читается следующим образом: «Человек пошел на охоту, добыл шкуру зверя, затем другую, охотился на моржа, поехал на лодке с другим охотником, заночевал».

Некоторые виды пиктографии используются и в наши дни. Например, на вывесках: изображены ботинки,— значит, здесь чинят обувь, нарисованы часы,— значит, здесь мастерская по ремонту часов и т. д. Иногда пиктограммы рассчитаны на людей, не знающих языка: например, в гостиницах для иностранцев у кнопок звонков в номере — изображение уборщицы, официанта и т. п.

Как видим, пиктография годится лишь для передачи всего конкретного, вещного, а обозначение отвлеченных понятий возможно с помощью более сложных систем письма (см. *Буквенное письмо*, *Идеография*, *Консонантное письмо*, *Слоговое письмо*).

ПИСЬМЕННОСТЬ МАЙЯ. ЕЕ ДЕШИФРОВКА

Четыре столетия назад испанские конкистадоры огнем и мечом истребили самобытную культуру индейцев майя в Центральной Америке. В 1562 г. францисканский монах Диего де Ланда, организатор инквизиции на полуострове Юкатан, где в ту пору находились основные города и поселения майя, сжег библиотеки майя. На кострах погибли древние рукописи, написанные волосяной кисточкой на бумаге из луба фикуса, покрытые рисуночными знаками и разноцветными рисунками.

«Книги эти не содержат ничего, кроме суеверий и вымыслов дьявола»,— объявил Ланда. До нашего времени дошло только три чудом сохранившиеся рукописи. Об этих рукописях наука узнала лишь в середине прошлого века. А через несколько лет французский ученый Брассер де Бурбур отыскал в запыленных архивах рукопись самого Диего де Ланда. В ней приводились подробные сведения о культуре и письменности майя.

Археологи обнаружили свыше тысячи надписей на зданиях, алтарях, стелах и других памятниках архитектуры майя, а также на сосудах, подвесках, пластинках и других мелких предметах. Расшифровать письмена, насчитывающие около полутысячи различных иероглифов, долгое время не могли. Достоверно читались лишь цифровые и календарные знаки. Остальные иероглифы оставались загадкой. Неясно было даже, что они передают — понятия, слова или отдельные слоги.

Но вот из Советского Союза в начале 50-х гг. приходит сенсационная весть о том, что молодой ученый Юрий Кнóрозов сумел найти ключ к письменам индейцев майя. «В 1951 году мне удалось доказать наличие в письме майя алфавитных знаков,— писал он. — В первых прочтенных мною словах — «куц» (индюк) и «цул» (собака) — звук «ц» был передан одним и тем же знаком».

Ряд ученых безоговорочно признали правильность дешифровки Кнорозова. Другие исследователи высказали сомнение как по поводу самого метода, так и конкретного прочтения знаков. Письмена жителей Древнего Востока имели билингву — параллельный текст, написанный на языке, известном ученым. Рукописи майя таких «дублирующих» текстов не имели. Дешифровка их могла основываться только на логическом анализе самой внутренней структуры текста, на анализе статистических данных о частоте знаков, их распределении в тексте... или на фантазии дешифровщика, пытающегося толковать значение того или иного иероглифического знака.

В начале 60-х гг. сотрудники Новосибирского института математики Сибирского отделения АН СССР Ю. Евреинов, Э. Косарев, В. Устинов провели обработку текстов майя с помощью электронных вычислительных машин (ЭВМ). В печати появились сообщения о том, что компьютер прочитал иероглифы майя... Но это было далеко не так. На самом деле была показана лишь принципиальная возможность применять кибернетику в дешифровке древних письмен. До прочтения рукописей майя с помощью компьютера было еще далеко. Так, например, новосибирские дешифровщики считали, что решают своеобразный кроссворд, где, с одной стороны, имеются неизвестные знаки, а с другой — слова языка майя XVI в., с помощью которого и будут найдены компьютером значения этих знаков. Однако рукописи майя написаны раньше, примерно в XII—XIV вв., да и в те времена жрецы писали тексты на архаичном, древнем языке. Так что ставить знак равенства между языком рукописей и языком майя, известным по записям XVI в., нельзя.

Статистика — наука точная, и ЭВМ с фан-

Письменность майя

тастической быстротой могут проделать все необходимые подсчеты. Но тексты майя надо превратить в «язык цифр», закодировать иероглифы числами. Это не так-то просто. Иероглифы могут иметь различные варианты написания (до сих пор точно неизвестно, 300 или 500 иероглифов употребляли писцы майя). Многие тексты майя повреждены, знаки написаны нечетко, и легко можно спутать один иероглиф с другим. Словом, нужна большая предварительная «гуманитарная» работа с текстами, прежде чем поручить работу над ними «электронному мозгу» компьютера.

В 1963 г. вышла в свет фундаментальная монография Ю. В. Кнорозова, подводящая итог его многолетней работы над письменами майя. Монография содержит все известные науке тексты майя: три рукописи и огромное число надписей на древних памятниках культуры. В ней дано и краткое описание содержания рукописей майя: списки периодов года с краткими указаниями, какие религиозные обряды, метеорологические явления и сельскохозяйственные работы должны в это время происходить.

В 1975 г. вышел том «Иероглифические рукописи майя», в котором Ю. В. Кнорозов дает перевод текстов рукописей майя. По его словам, это были «справочники сельских жрецов», и, несмотря на краткость и монотонность изложения, они «дают богатый материал для изучения культуры древних майя». В рукописи майя имелись еще и рисунки — различные сцены; они также нашли свою «дешифровку» в монографии Кнорозова.

Приведем образцы текстов из рукописей майя в переводе Кнорозова и описание нескольких сцен, сопровождающих эти тексты. Текст: «Благой правитель, бог огня Мош, будет дождь, сделает хорошими поля кукурузы». Сцена: бог огня Мош сидит у храма перед пылающим алтарем и принесенными ему жертвами — ящерицей игуаной и едой. Текст: «Охраняет Красное дерево на востоке бог солнца, большая придет на посевы засуха». Сцена: бог солнца приносит обезглавленного индюка богу дождя, находящемуся на Красном дереве на востоке.

Ю. В. Кнорозов посвятил изучению письменности майя более 20 лет. Его труд был удостоен Государственной премии СССР.

Кроме майя иероглифами писали еще два народа Центральной Америки — сапотеки и ольмеки. Немногие дошедшие до нас памятники письма этих народов и по сей день остаются загадкой для исследователей. Ясно лишь, что наиболее древними являются письмена ольмеков,— видимо, именно этот народ создал в Центральной Америке своеобразную систему письма и календарь, которые были затем заимствованы индейцами майя и сапотеками. На одном из ольмекских памятников высечена дата, которая на современное летосчисление переводится 31-м г. до н. э. Это самая древняя письменная дата в Новом Свете.

ПИСЬМЕННОСТЬ ОСТРОВА ПАСХИ. ПОПЫТКИ ЕЕ ДЕШИФРОВКИ

Остров Пасхи, затерянный в просторах Тихого океана, справедливо называют таинственным. Кем была создана удивительная и своеобразная культура острова Пасхи? Кто воздвиг каменных гигантов на этом клочке суши? О чем говорят изображения, покрывающие скалы и стены пещер острова?

Нерешенных вопросов, связанных с историей и культурой острова Пасхи, множество. До нас дошло два десятка табличек с острова Пасхи, покрытых рисуночными знаками, вырезанными зубом акулы на дереве. Может быть, расшифровка этих письмен, называемых кохау ронго-ронго — «говорящее дерево», послужит ключом к тайнам острова Пасхи?

Проблема расшифровки кохау ронго-ронго является и по сей день основной загадкой «таинственного острова».

Русский ученый-путешественник Миклухо-Маклай, доставивший в нашу страну две дощечки с острова Пасхи, приводит в своих записках разговор со знаменитым английским ученым Т. Гексли, который считал, что кохау ронго-ронго — это всего лишь «своеобразный штемпель при выделывании тканей». Маклай, в свою очередь, полагал, что «ряды значков

Письменность острова Пасхи.

действительно изображают письмена». Нигде больше в Океании не удалось найти следов письма, похожего на письменность острова Пасхи. Быть может, и в самом деле, кохау ронго-ронго являются не письменами, а чем-то вроде орнамента?

И уже в наше время, когда по-прежнему велись споры специалистов, ленинградский школьник Борис Кудрявцев сделал открытие, убедительно показавшее, что кохау ронго-ронго было письменностью, а не декоративным шрифтом или «заметками для памяти». Кудрявцев обнаружил, что тексты на дощечках, привезенных Маклаем и хранящихся в Музее антропологии и этнографии в Ленинграде, почти полностью совпадают один с другим. Вслед за тем был обнаружен и еще один текст-дублер, начертанный на дощечке, хранящейся в музее столицы Чили, городе Сантьяго. Это открытие убедительно говорило о том, что на кохау ронго-ронго записывались определенные тексты. Находка текстов-дублеров позволила реставрировать поврежденные части текста дощечек, привезенных Миклухо-Маклаем.

Открытие Кудрявцева дало возможность составить полный каталог знаков: ведь прежде, когда считалось, что тексты на дощечках различные, трудно было решить вопрос о «похожих» знаках (являются ли они вариантом одного и того же иероглифа, или же это различные иероглифы).

Трагическая смерть в начале Великой Отечественной войны оборвала жизнь молодого исследователя. Конечно, Кудрявцеву не удалось прочитать тексты кохау ронго-ронго... Они остаются не расшифрованными и по сей день, несмотря на то что в помощь современным исследователям привлекаются компьютеры, а наши знания об острове Пасхи неизмеримо выросли со времени гибели Кудрявцева.

Еще с конца XIX в. не раз появлялись сенсационные сообщения о том, что кохау ронго-ронго наконец-то расшифрованы.

На самом деле мы до сих пор не знаем чтения ни одного слова и даже знака этих письмен. Неизвестно, как и зачем на крохотном островке у людей, имевших орудия из камня, появилось письмо, было ли оно создано на месте или же привезено извне, кто был создателем этого письма.

Наиболее серьезные работы, посвященные кохау ронго-ронго, проведены в Советском Союзе членом-корреспондентом АН СССР Д. А. Ольдерогге, докторами исторических наук Н. А. Бутиновым и Ю. В. Кнорозовым (в 1956 г. им удалось показать, что в текстах можно найти своеобразную «генеалогию», список имен), кандидатом исторических наук И. К. Федоровой и кандидатом филологических наук А. М. Кондратовым (три последних автора принимали участие в обработке материалов — рукописей с иероглифами и фольклорными текстами, — найденных на острове Пасхи экспедицией знаменитого норвежского исследователя Тура Хейердала, столь красочно описанной им в книге «Аку-аку»).

Анализ текстов с помощью математики показал, что письмо острова Пасхи основано на принципах, отличных от тех, которыми пользовались жрецы Древнего Востока. Служебные части речи в письме островитян пропускались, слова передавались с помощью одного знака-иероглифа, а не нескольких слоговых, фонетических знаков. На таком принципе строилось древнейшее письмо человечества, родившееся около 5—6 тыс. лет назад у шумеров в Двуречье. Пропускаются служебные слова и в своеобразном письме, которым и по сей день пользуются индейцы Перу и Боливии. Письмо же это восходит ко временам, предшествовавшим правлению инков и испанскому завоеванию Перу. Но сходство принципов письма не говорит еще о родстве жителей острова Пасхи с индейцами Южной Америки, а уж тем более — с создателями древнейшей цивилизации планеты — шумерами.

По принципам графики письмо кохау ронго-ронго ближе всего к иероглифике Египта, по материалу письма — дереву — к письменам хеттов, древних жителей Малой Азии; по направлению письма, так называемому перевернутому бустрофедону (одна строчка читается справа налево, следующая — слева направо и т. д., причем каждая строка должна быть перевернута по отношению к предыдущей!), — к древней письменности, существовавшей в районе Анд до прихода инков.

По внешней форме знаков письмо острова Пасхи имеет аналоги в самых различных иероглификах мира: в египетской, раннекитайской, андской, протоиндийской, критской. Вполне понятно, что знаки кохау ронго-ронго, имеющие стилизованную геометрическую форму, а также знаки, изображающие луну, звезду, гору и т. п., совпадают со знаками других иероглифик. Это, так сказать, универсалии, общие законы «языка рисунков».

Некоторые исследователи полагают, что и по сей день в тайных родовых пещерах хранятся тексты кохау ронго-ронго, неизвестные науке. Находка их, безусловно, облегчила бы расшифровку письмен острова Пасхи.

ПОДЧИНЕНИЕ И СОЧИНЕНИЕ

Подчинение и сочинение — это две формы синтаксической связи: либо слов в простом предложении, либо предикативных конструкций в сложном. Сложное предложение с подчинительной связью называется сложноподчиненным, сложное предложение с сочинительной связью — сложносочиненным. Грамматическая, в том числе и синтаксическая, форма — это единство значения и того грамматического средства, которым это значение выражается (см. *Форма грамматическая*).

Сначала о значении сочинения и подчинения. При подчинительной связи один компонент (слово или предикативная конструкция) является главным, а другой — зависимым от него. Эта зависимость и есть значение подчинительной связи. От главного компонента к зависимому (но не наоборот!) можно поставить вопрос. Подчинительная связь соединяет не более двух компонентов.

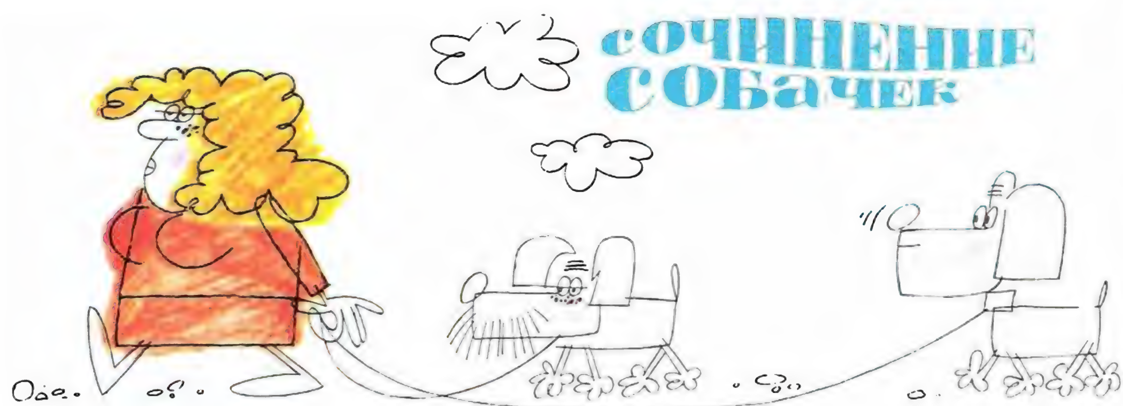
Сочинительной связью соединяются два и более компонента, выполняющие в предложении некоторую одинаковую роль и являющиеся поэтому равноправными. В этом и заключается значение сочинительной связи.

Основной одинаковой ролью сочиненных компонентов является такая: два (и более) сочиненных компонента находятся в одинаковых подчинительных отношениях к третьему компоненту. В простом предложении это синтаксическое значение сочинительной связи проявляется вполне ясно, потому что всегда налицо тот третий член предложения, с которым сочиненные члены находятся в одинаковых отношениях. Сочиненные члены предложения, находящиеся в одинаковых отношениях к третьему члену, называются однородными. Однородные члены предложения могут быть или главными по отношению к третьему члену: *Петя и Маша пошли в зоопарк,* или зависимыми: *В зоопарке они видели слона и бегемота.*

Неосновные одинаковые роли у сочиненных членов предложения встречаются реже. Сочиняться могут вопросительные (в вопросительности и заключается одинаковость ролей) местоимения, являющиеся, однако, разными членами предложения: *Кто* (подл.) *и когда* (обст.) *поедет в командировку?* Сочиняются также неопределенные местоимения, отрицательные местоимения, местоимения со значением всеобщности: *Кто-то и когда-то мне об этом уже говорил. «Я теперь ничего и никогда не забуду»* (М. Булгаков). В сложном предложении проявляется только основная роль компонентов. Обнаружить эту роль в сложном предложении труднее, чем в простом, потому что обычно сложносочиненное предложение состоит из двух сочиненных конструкций и никакой третьей предикативной конструкции, к которой бы сочиненные находились в одинаковых отношениях, нет. Важно, однако, принять во внимание, что к любым сочиненным предикативным конструкциям можно присоединить такую третью предикативную конструкцию, которой две сочиненные будут одинаково соподчинены: *Светит солнце, но все-таки холодно. — Он сказал, что светит солнце, но что все-таки холодно.*

Отличие сочинительной связи между однородными членами в простом предложении от сочинительной связи в сложносочиненном предложении, следовательно, только в том, что в простом предложении всегда есть третий член, к которому одинаково относятся однородные, а в сложносочиненном предложении такого третьего компонента может и не быть.

Теперь о средствах выражения сочинения — подчинения. Средства выражения подчинения в простом и сложном предложениях различны. В простом предложении в выражении подчинения принимают участие разные морфологические словоизменительные формы (см. *Лексема и форма слова*). Подчинительная связь в сложном предложении выражается с помощью подчинительных союзов *что, если, потому что* и т. п., а также союзных слов *который, кто* и т. п. Сочинительная же связь и в простом и в сложном предложении выражается одними и теми же средствами: или сочинительными союзами *и, а, но, или* и др., или особой перечислительной интонацией, отличающейся подчеркнутой однотипностью инто-



нирования соединяемых компонентов. В перечислительные ряды может быть введен повторяющийся или одиночный завершающий союз *и*: *«Он рощи полюбил густые,/Уединенье, тишину,/ И ночь, и звезды, и луну»*... (А.С. Пушкин).

Сочинительные союзы могут связывать морфологически разнооформленные однородные члены предложения: *Он работает много и с увлечением.*

Среди сочинительных союзов есть только один — союз *и*, — который может выражать значение сочинительной связи «в чистом виде»: *Он сказал, что кот уже спит и что звонили приятели,* где предикативные конструкции соединены союзом *и* только потому, что они находятся в одинаковых — изъяснительных — отношениях к предикативной конструкции *Он сказал*... Другие сочинительные союзы помимо того, что они показывают одинаковую роль соединенных компонентов, устанавливают еще между этими компонентами некоторые отношения: союз *но* — противительные, союз *или* — разделительные и т. д.

Долгое время синтаксисты, изучающие сложное предложение, различали сложносочиненные и сложноподчиненные предложения не на основе того, одинаково или неодинаково относятся их части к третьей предикативной конструкции, а на основе конкретных значений союзов или союзных слов. Считалось, что предложения с определительными, причинными отношениями — сложноподчиненные, а предложения с противительными, разделительными отношениями — сложносочиненные. Так было до тех пор, пока известный советский лингвист М.Н. Петерсон не обратил внимания на то, что подобным образом различать сложносочиненные и сложноподчиненные предложения нельзя, потому что при типично сочинительном союзе *и* могут выражаться типично подчинительные — следственные — отношения: *Было холодно, и гулять не хотелось.* И сделал вывод: противопоставления сложносочиненных и сложноподчиненных предложений не существует. Такой вывод был подобен взрыву в синтаксической науке. Известный советский лингвист А. М. Пешковский сказал по этому поводу: «М. Н. Петерсон отрицает нечто такое, что до сих пор молчаливо и почти без доказательств признавалось всеми синтаксистами всего мира и клалось в основу всех синтаксических систем, как бы они ни были различны между собой. Выдергивая эту полуосознанную или почти неосознанную основу, М. Н. Петерсон рушит все здание современного синтаксиса. Но если бы удалось укрепить эту основу, здание осталось бы на своем месте и потребовало бы, может быть, только частичного ремонта».

Сам А. М. Пешковский и занялся ремонтом синтаксического здания. Он открыл важное свойство сложносочиненных предложений, отличающее их от сложноподчиненных, — обратимость отношений: предикативные конструкции в сложносочиненном предложении можно менять местами: *Было поздно, и шел дождь. — Шел дождь, и было поздно.* Правда, иногда такая перемена мест оказывается невозможной: мешает реальное содержание предикативных конструкций: *Ветер пригнал тучи, и начался дождь,* но нельзя: «Начался дождь, и ветер пригнал тучи». Сложноподчиненные же предложения всегда необратимы.

То, что сочинение — подчинение в сложном предложении существует, можно доказать и иначе, прямо основываясь на синтаксической форме сочинения — подчинения: если данные соединенные предикативные конструкции можно соподчинить одной третьей, отношения между данными конструкциями сочинительные, нельзя — подчинительные. Таким образом, синтаксическое здание не рухнуло: ремонт удался.

ПОЗИЦИЯ

Батарея заняла выгодную позицию. Здесь *позиция* — «местоположение». *Если уверен в этом, то отстаивай свою позицию.* Здесь *позиция* — «мнение, поведение человека, его

место сравнительно с иными мнениями, иным поведением».

Значение лингвистического термина «позиция» связано с указанными значениями. Это тоже местоположение лингвистического объекта среди других объектов: фонемы — в звуковом окружении, морфемы — рядом с другими морфемами, слова — с другими словами.

Коза. Здесь произносится согласный [з]. *Много коз*. На конце слова произносится не [з], а [с]. Почему? Позиция иная: на конце слова, перед паузой. У лингвистического термина «позиция» есть важная особенность. Если батарея будет переведена на соседний холм, позиция ее станет иной. Но произойдет ли что-нибудь с самой батареей? Будут ли заменены какие-либо части, изменится ли ее внешний вид? Нет, смена позиции не означает обязательных изменений в самой батарее. Лингвистически же разные позиции — это такое различное окружение, в кото́ром языковой объект предстает в особом облике. Согласный [з] на конце слова превращается в [с] (пример — выше).

В словах *бросить, бросать, выбросить* корень один и тот же и гласная фонема корня одна и та же — ⟨о⟩. Но звуки, произносящиеся на месте гласной фонемы корня, разные: бр[о́]сить — бр[а]са́ть — вы́бр[ъ]сить. Разница эта обусловлена тремя разными фонетическими позициями. Под ударением произносится [о]. Без ударения [о] не может остаться неизменным. Оно заменяется в предударном слоге звуком [а] (бр[а]са́ть), в заударном — звуком [ъ] (вы́бр[ъ]сить).

Слова *бросить* и *выбрасывать* также однокоренные. И тоже есть чередование [о]‖[а]. Но здесь это чередование в одной и той же фонетической позиции — под ударением. Раз фонетическая позиция одна, — значит, не ее приказ менять [о] на [а]. Чтобы причина мены была фонетической, нужны разные фонетические позиции (конец слова — середина слова, ударный слог — безударный слог и т.д.). Почему же здесь, в глаголах *бросить и выбрасывать*, меняются гласные? Обусловлено это чередование позицией уже не фонетической, а морфологической: [о] перед суффиксом *-и-*, [а] перед суффиксом *-ыва-*. В словах *бро-*

сить и *выбрасывать* в разных позициях выступают разновидности корневой морфемы (*брос-* и *брас-*) с разными фонемами: ⟨о⟩ и ⟨а⟩.

У слова *склониться* есть значение «нагнуться, наклониться» (*Ива склонилась над водой*) и значение «обдумав что-нибудь, прийти к какому-либо мнению, выводу» (*Склонился к этому решению вопроса*). Каждое из этих значений выступает в своей особой позиции: первое — если после слова *склониться* идет предлог *над* и существительное в творительном падеже, второе — если идет предлог *к* и существительное в дательном падеже. Увидев в тексте слово *склониться*, мы, не глядя на его «соседей», еще не можем сказать, в каком значении оно употреблено. Но, увидев *склониться над*... или *склониться к*..., мы не сомневаемся: о значении слова нам сказала его позиция — следующий за словом предлог.

Таким образом, позиция — это условия реализации лингвистической единицы (см. *Единицы языка*). Условия эти могут быть благоприятными или неблагоприятными для проявления этой единицы. Лингвистические позиции могут быть сильными и слабыми. Сильные — это «светлые» позиции. В этих позициях разные лингвистические единицы отличаются друг от друга. Так, ⟨з⟩ и ⟨с⟩ различаются перед гласными. Мы говорим: *ко*[з]*а*, *ро*[з]*а*, *Ли*[з]*а* и *ко*[с]*а*, *ро*[с]*а*, *ли*[с]*а*. Это сильная позиция для ⟨з⟩ и ⟨с⟩. Но на конце слова эти фонемы не различаются, совпадают в одном звуке [с]: ко[с], ро[с], ли[ċ]. Конец слова — слабая позиция для [з] и [с], как и для всех других звонких и глухих согласных фонем русского языка.

Итак, позиция — это условия выявления одной из сторон многоликого языкового объекта. В разных фонетических позициях чередуются звуки; одни и те же морфемы в разных морфологических позициях имеют неодинаковый фонемный состав; слова в различных окружениях выступают в своих разных значениях. Во всех этих случаях позиция определяет, в какой своей разновидности появится языковая единица.

Сильные позиции способствуют полному различению языковых единиц. Слабые позиции — это позиции неразличения двух или нескольких языковых единиц (см. *Нейтрализация*).

ПОЗИЦИОННЫЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ

На одном и том же месте в одной и той же морфеме могут произноситься разные звуки. В формах слова *коза, козе, козу, коз*, в словах *козлы, козёл, козерог* корень один и тот же. Но мы произносим то [з] (*коза, козлы*), то [з'] (*козе, козёл, козерог*), то [с] (*коз*), то [з°], огубленный согласный, при произнесении которого губы напряжены и вытянуты в трубочку (*козу*). Гласные произносятся тоже не одинаково: *к*[ó]*злы*, *к*[о]*з* — *к*[а]*зá*, *к*[а]*зёл*, *к*[а]-*зé* — *к*[ъ]*зерóг*. Не одинаков и первый согласный: перед [а,ъ] это [к]: [ка]*зá*, [къ]*зерóг*, перед [о] это [к°]: [к°]*озлы*, [к°]*оз*. Такая мена звуков называется чередованием. Чередование бывает только в одних и тех же морфемах. Заменив [з] на [с] или наоборот в словах *ко*[з]*а*, *ко*[с]*а*, мы не получим чередования: корни здесь разные.

Чередование может быть связано с определенным положением звуков в слове. Так, в русском языке звук [г], попав на конец слова, заменяется звуком [к].

Чередование [г// к] в русском языке — позиционное чередование. Позиционным чередованием называется такое чередование, которое происходит в какой-либо позиции и не знает

исключений в данной языковой системе. Чередование [г//к] — фонетическое. У фонетических чередований позиции, т.е. условия появления того или иного звука, фонетические: начало и конец слова или слога, соседство других звуков, положение в ударном или безударном слоге.

Но вот еще пример — чередование [г//ж]: *подру*[г]*а — дру*[ж]*ный, бума*[г]*а — бума*[ж]*ный, тай*[г]*а — таё*[ж]*ный, дви*[г]*ать — подви*[ж]*ный, мо*[г]*у — возмо*[ж]*ный*. Чередование это осуществляется во многих словах, и можно подумать, что оно обусловлено позицией перед [н]. Это значило бы, что оно тоже фонетическое. Но это не так: [г] перед [н] не обязательно заменяется на [ж]: [г]*он* — [гн]*ать, ми*[г]*ать — ми*[г]*нуть; ша*[г]*ать — ша*[г]*нуть*. Фонетической позиционной обусловленности здесь нет. Но есть другая позиционная обусловленность: чередование [г//ж] не знает исключений в позиции перед суффиксом прилагательных *-н-*. Позиция здесь морфологическая, чередование — морфологическое позиционное.

Кроме позиционных чередований бывают и такие, которые не имеют ни фонетической, ни морфологической обусловленности: *друг — друзья, невежа — невежда, смерть — мор — вымаривать*. Такие чередования связаны только с конкретными словами.

По правилам русской орфографии фонетические чередования на письме обычно не отражаются. Мы пишем одинаково корень слова *нога — ног*, хотя все три звука в первой форме и во второй разные. Нефонетические чередования обычно на письме передаются разными буквами: *нога — подножка*.

Фонетическое чередование — это чередование звуков, относящихся к одной фонеме. Нефонетическое чередование — это чередование фонем.

ПОЛЕ СЕМАНТИЧЕСКОЕ

Группировки слов по близости значений называются семантическими или понятийными полями. В эти поля слова входят независимо от внешней формы, иногда даже в одно поле объединяются слова разных частей речи. Все языковые элементы вообще могут сближаться на основании либо сходства, либо смежности. Семантические поля также могут объединять слова по сходству или по смежности их значений. Первые группировки называются лексико-семантическими, а вторые — тематическими полями.

Лексико-семантические поля объединяют слова, имеющие общность значения. Все слова, входящие в данное поле, как бы конкретизируют одно общее понятие, добавляя к нему частные значения. Например, семантическое поле глаголов движения охватывает глаголы *передвигаться, идти, ехать, бежать, приходить, убегать, проезжать, отплывать* и др.

Подобные семантические поля, впервые описанные немецким ученым Й. Триром (1931), организованы по иерархическому принципу, они отражают родо-видовые отношения между понятиями, отображающими предметы и явления действительности. Слово, обозначающее более широкое, родовое понятие, называется гиперонимом (буквально «над-имя»); слово, обозначающее более узкое, видовое понятие, называется гипонимом (буквально «под-имя»). В приведенном примере гиперонимом является глагол *передвигаться*, гипонимами — *идти, бежать, лететь, плыть* и др. В свою очередь, эти глаголы оказываются гиперонимами по отношению к словам еще более узкого значения, например глагол *ходить* по отношению к *приходить, входить, выходить* и др. В семантическом поле «домашние животные» гиперонимом является словосочетание *домашнее животное*, гипонимами — наименования отдельных животных: *лошадь, корова, собака, овца* и т. п. Каждое из этих слов выражает понятие, в свою очередь охватывающее названия разновидностей и пород животных.

Во многих семантических полях каждое слово представляет собой совокупность пересекающихся различительных признаков — элементарных значений, которые называются семантическими компонентами или семами. И подобно тому как химическая формула вещества обозначает, из каких атомов состоит молекула этого вещества, так и семантическую структуру слов, образующих определенное семантическое поле, можно представить в виде формулы, показывающей, какие элементарные смыслы, неразложимые далее, входят в значение этого слова. Например, для семантического поля «термины родства» можно выделить ряд основных значений — сем: пол (мужской, женский), линия родства: восходящая или нисходящая, прямая или побочная, родство по крови или браку и некоторые другие. Каждое слово (член поля) в своем содержании может быть представлено определенной формулой, например *сын:* мужской пол + нисходящая линия + прямая линия + родство по крови.

В своем семантическом поле слово живет не изолированно. Подобно тому как физическая частица в физическом поле взаимодействует с другими частицами, сближается с ними, отталкивается от них, а иногда и вообще уходит из пределов данного поля, так и слово в своих значениях может сближаться или отталкиваться от других слов. В предложениях *Машина прошла через город без остановок* и *Машина проехала через город без остановок* глаголы

пройти и *проехать* сближаются по значению, выступают как синонимы. В предложении *Тут не пройти, но можно проехать на машине* они отталкиваются друг от друга, превращаясь почти в антонимы. В выражении *Это у вас не пройдет* глагол *пройти* значит не «передвигаться», а «удаваться», «получаться» и выходит за границы поля «движение».

Помимо отношений иерархии и подобия слова в языке могут быть связаны отношениями смежности значений (немецкий ученый В. Порциг, впервые обративший на них внимание, назвал их существенными смысловыми отношениями). Таковы отношения: часть — целое (*палец — рука*), действие — орудие (*видеть — глаз*), деятель — действие (*собака — лаять*), предмет — характерный признак (*зуб — острый*), содержащее — содержимое (*хлев — скот*) и т. п. Слова, связанные такими отношениями, образуют особые — тематические смысловые поля. Например, со словом *лошадь* связаны такие слова, как *жеребенок, ржать, подковать, конюшня, конюх, копыто, запрягать, всадник.* Эти слова по форме могут быть связаны с центральным словом (сравните: *конь* и *конюх, конюшня*), но могут происходить от совершенно различных корней. Между словами здесь отношения, обусловленные связью предметов в объективной действительности. Тематические поля могут быть обширными, объединяя несколько лексико-семантических групп и тематических полей меньшего объема. Например, поле «животноводство» может быть представлено схемой (см. внизу).

Здесь по горизонтали — лексико-семантические группы (названия детенышей, помещений для животных и т. п.), а по вертикали — тематические микрополя. Так же как и в лексико-семантических группах, в тематических полях слова могут сближаться и взаимозаменяться в определенных контекстах. Например, можно сказать *Она работает коровницей* или *Она следит за коровами.*

Семантическое поле неоднородно. В нем можно различать центр и периферию. К центру относятся слова, отражающие основные значения, составляющие данное поле. Очень часто это наиболее употребительные слова. Например, в семантическом поле глаголов движения центр составляют глаголы типа *ходить, бежать, лететь* и др. Глаголы же устаревшие, стилистически окрашенные, как, например, *шествовать* или *тащиться,* могут быть отнесены к периферии. В семантическом поле «термины родства» ядро составляют наименования основных родственников: *отец, мать, брат, сестра, сын, дочь, жена* и др. Слова вроде *шурин, золовка, деверь,* которые в настоящее время выходят из употребления, относятся к периферии.

Семантические поля нежестко отграничены друг от друга. Весь язык можно представить себе как совокупность частично перекрывающих друг друга семантических полей. Одно и то же слово может в своих разных значениях или употреблениях относиться к разным соседним полям или переходить из одного поля в другое. Например, различаются два больших поля: глаголы движения и глаголы местоположения (*находиться, стоять, лежать* и др.). Нередко один и тот же глагол указывает на движение или местоположение в зависимости от одушевленности или неодушевленности субъекта. Например, в предложении *Мальчик*

животное	лошадь	корова	овца	свинья	куры
самец	жеребец	бык	баран	хряк	петух
самка	кобыла	корова	овца	свиноматка	курица
детеныш	жеребенок	теленок	ягненок	поросенок	цыпленок
помещение	конюшня	коровник	овчарня	свинарник	курятник
животновод	конюх	коровница	пастух	свинарь	птичница
		пастух	чабан		
мясо	конина	говядина	баранина	свинина	курятина

идет вдоль реки глагол *идет* обозначает движение, в предложении же *Дорога идет вдоль реки* тот же глагол (но в другом своем значении) обозначает местоположение. Во фразе *Солдаты окружают дом* глагол обозначает движение, во фразе *Деревья окружают дом,* — местоположение (они находятся, растут вокруг дома). Соотношение между семантическими полями можно изобразить в виде находящих друг на друга кругов:

В разных языках одно и то же семантическое поле членится по-разному. Возьмем три значения, связанные с идеей передвижения: «передвигаться пешком», «с помощью транспорта», «верхом на лошади». В основных европейских языках соответствующее семантическое поле подразделяется так:

Язык	Способ передвижения		
	пешком	на транспорте	верхом
немецкий	*gehen*	*fahren*	*reiten*
английский	*to go*	*to go*	*to ride*
русский	*идти*	*ехать*	*ехать*
французский	*aller*	*aller*	*aller*

В пределах данного смыслового поля немецкий язык отграничил три участка, за каждым из которых закреплен особый глагол. Английский и русский разделили поле на две полосы, но разных очертаний. Французский язык не делит это поле на участки и употребляет один и тот же глагол для обозначения всех трех видов передвижения. Если же значение необходимо уточнить, то это достигается с помощью словосочетания. Сравните русское *ехать на автомашине* и *ехать верхом,* французское *aller en voiture* — «ехать на машине» и *aller à pied* — «идти пешком».

Организация лексики в виде семантических полей — парадигматических и синтагматических — позволяет людям легче запоминать слова и их значения, быстрее подбирать слова при их сочетании в предложении. Но, с другой стороны, возникают и ошибки: смешиваются значения соседних слов данного поля.

ПОРОЖДАЮЩАЯ ГРАММАТИКА

Порождающая грамматика (ПГ) — это система описания языка, предложенная современным американским лингвистом Н. Хомским. По замыслу ее автора, она призвана установить правила, при помощи которых говорящие порождают предложения.

Принято различать следующие три этапа в развитии ПГ — автономного синтаксиса, представленного работой «Синтаксические структуры», стандартной теории, изложенной в книге «Аспекты теории синтаксиса», и расширенной стандартной теории, которая трактуется в ряде статей.

На одном из начальных этапов ПГ состояла из базисного и трансформационного компонентов. Базисный компонент включает а) некоторый набор синтаксических символов: S — символ предложения, NP — именная группа, VP — глагольная группа и т. п.; б) неограниченное множество слов и морфем: *мальчик, этот, пугать, -л* (глагольный суффикс прошедшего времени) и т. п.; в) набор правил, оперирующих этими единицами; правила имеют вид подстановок: $S \rightarrow NP + VP$ (т. е. предложение развертывается в именную и глагольную группы), $NP \rightarrow A + N$ (т. е. именная группа состоит из прилагательного и существительного, например: *маленький мальчик*) и т. д.

На основе подобных правил из начального символа предложения (S) выводится глубинная структура этого предложения.

Трансформационный компонент ПГ содержит различные правила размещения слов в предложении: например, правила согласования, глагольного управления, вставки какого-либо элемента или его опущения и т. п.

В результате операций, производимых по правилам, которые содержатся в трансформационном компоненте, глубинная структура предложения превращается в реальное предложение.

На более поздних этапах развития ПГ в нее вводится семантический компонент — в виде содержательных интерпретаций, которым должны были подвергаться глубинные структуры предложений и их составляющие. Использование семантики наложило определенные ограничения на трансформации глубинных структур: так, они могли преобразовываться только в такие поверхностные структуры, которые давали бы семантически связанные (согласованные) предложения (например: *Темнота пугает маленького мальчика*, но не «Маленький мальчик пугает темноту»).

Создавая свою грамматику, Н. Хомский исходил из положения, согласно которому владение языком разделяется на компетенцию (по-английски *competence*), т. е. знание совокупности правил, по которым строятся предложения, и использование (по-английски *performance*), т. е. умение при построении предложения учитывать внеязыковые факторы (например, ситуацию, стиль речи, характер отношений с собеседником и т. п.).

Если с этой точки зрения характеризовать ПГ, то надо сказать, что она лишь в незначительной степени затрагивает ситуативные условия использования языка — в основном ее

правила ориентированы на описание языковой компетенции. В этой односторонности многие критики ПГ увидели основной ее недостаток. Серьезные возражения вызвали и другие стороны теории Н. Хомского, например: его постулат о врожденном характере языковой способности, недостаточное внимание, которое уделяет ПГ живой речи, со всеми ее отклонениями от грамматических правил, и т. п.

Однако несомненно, что созданная Н. Хомским и его последователями система описания языка сыграла определенную роль в развитии американской лингвистики.

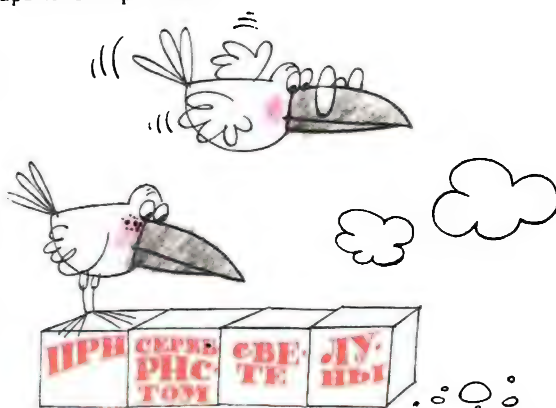
Исследования, проводившиеся в рамках порождающей грамматики, ввели в научный оборот много нового и при этом лингвистически интересного материала. Для анализа этого материала стали привлекаться не только собственно лингвистические методы, но и методы, свойственные другим наукам, в частности формальной логике. Это позволило глубже проникнуть в механизм взаимодействия словесных значений в пределах предложения.

Если до Хомского для американского языкознания был характерен «приземленный», чисто эмпирический анализ разрозненных фактов, принадлежащих разным языкам, то теория ПГ заставила лингвистов обратиться к исследованию вопросов о том, как устроен язык вообще, как действует его механизм в процессах порождения и понимания речи, т. е. к проблемам, имеющим для лингвистики первостепенное значение.

ПОРЯДОК СЛОВ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

Порядком слов называют место в предложении по отношению друг к другу словесных групп и отдельных категорий слов (членов предложения, частей речи). В русском языке порядок словесных групп определяется актуальным членением предложения (см. *Актуальное членение предложения*).

В спокойном, ясном изложении сначала должен быть назван предмет речи (тема), а потом — то, что о нем сообщается (рема). Такой порядок называется объективным или стилистически нейтральным, например: *Летние ночи не долги*. Но в речи взволнованной, эмоциональной объективный порядок может нарушаться. Говорящий стремится сначала сказать главное, а потом к главному в сообщении присоединяется предмет речи. В эмоциональной речи рема предшествует теме. Такой порядок называется субъективным или экспрессивным, например: «Не долги летние ночи!» (И. С. Тургенев). Экспрессивный порядок слов часто встречается в разговорной речи. Поскольку она по природе своей эмоциональна,



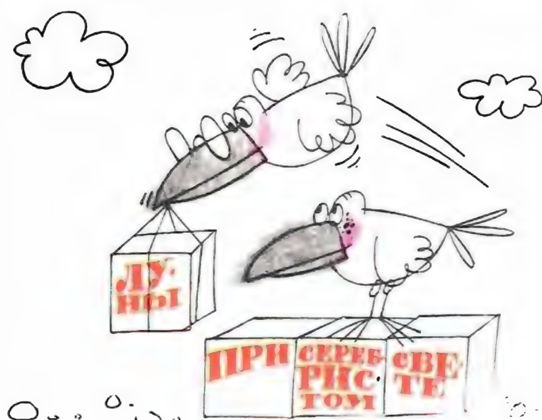
такой порядок темы и ремы воспринимается как нормальный для этого типа речи.

Главная часть высказывания — рема — всегда выделяется интонационно: интонационный центр предложения (так называемое фразовое ударение) сосредоточен на реме. При объективном порядке, когда тема предшествует реме, фразовое ударение падает на последнее слово в составе ремы, т. е. на последнее слово в предложении. В спокойной речи фразовые ударения в конце предложений носят автоматический характер и почти не замечаются. При экспрессивном порядке происходит нарушение интонационного автоматизма: фразовое ударение оказывается уже не в конце, а в начале (или в середине) предложения, и таким способом главная часть предложения — рема — заметно выделяется. Так порядок слов в предложении и его интонация функционируют в неразрывной связи друг с другом.

Для каждого из двух вариантов расположения темы и ремы — стилистически нейтрального и экспрессивного — существует своя система правил.

При стилистически нейтральном порядке действуют следующие основные правила. Если в предложении есть указание на место и время, относящееся к событию, обозначенному целым предложением, то обстоятельство места и времени занимает первое место в предложении. Такое обстоятельство бывает самостоятельной темой: *В этом лесу водятся медведи*. Если подлежащее является темой, а сказуемое — ремой, сказуемое следует после подлежащего: *Каштаны цветут*. Если подлежащее и сказуемое вместе образуют рему, сказуемое предшествует подлежащему: *...водятся медведи*. Этому же правилу подчиняются самостоятельные нерасчлененные высказывания: *Цветут каштаны* (см. *Актуальное членение предложения*). Все эти правила расположения охватывают целые синтаксические группы. Синтаксическая группа — это член предложения со всеми распространяющими его словами, например: *В этом большом лесу* — группа обстоятельства, *издавна водятся* — группа сказуемого, *бурые медведи веселого нрава* —

П



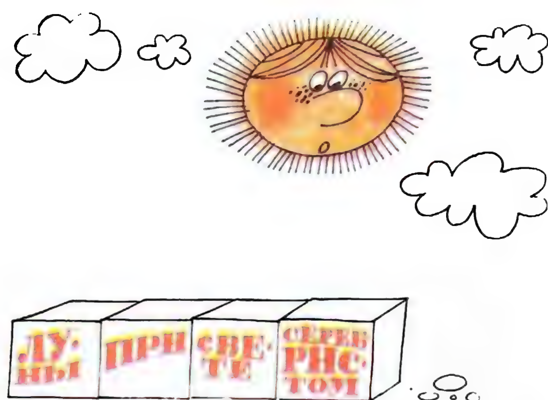
группа подлежащего. Если компонентам актуального членения соответствуют целые синтаксические группы, то порядок слов внутри этих групп подчиняется правилам расположения слов в словосочетаниях разных типов. Например, в словосочетании существительного с прилагательным прилагательное стоит перед существительным: *бурые медведи*, в словосочетании качественного наречия с глаголом наречие стоит перед глаголом: *весело смеется* и др.

Все описанные правила в пределах стилистически нейтральной речи нарушаются только в том случае, если в дело вмешивается актуальное членение предложения. Актуальное членение — это главная сила, действующая на порядок слов. Оно оставляет в покое порядок слов в синтаксических группах только тогда, когда этот порядок не противоречит его насущным задачам (например, группа подлежащего — тема, группа сказуемого — рема), и безжалостно его разрушает, если он этим задачам не соответствует. Не обязательно темой и ремой становятся целые синтаксические группы — ведь темой и ремой может быть любой член предложения, любое слово и сочетание слов. Актуальное членение может сдвинуть синтаксическую группу с ее привычного места, оно даже может разрушить цельность синтаксической группы, выхватить из нее слово и отправить его в конец предложения, если это слово должно стать ремой, или в начало предложения, если оно должно стать темой. Оно может разлучить прилагательное с существительным, «повысив» прилагательное в «ранге», т. е. сделав его ремой всего высказывания: *Обеды в этой столовой вполне приличные*. Обычный порядок: *вполне приличные обеды*. То же самое может произойти с определяющим глагол наречием: *Нравился мне этот голос необыкновенно*. Обычный порядок: *Мне этот голос необыкновенно нравился*. Актуальное членение может извлечь из группы сказуемого зависящее от глагола слово (например, прямое дополнение) и направить его в начало предложения, чтобы это слово стало темой или частью темы: «Воинственное шествие наше возглавлял кишинский осел Федор Иванович. Это благородное животное в рассказе своем я сознательно называю человеческим именем» (И. С. Соколов-Микитов). Если восстановить цельность синтаксических групп, то эти предложения примут следующий вид: «Кишинский осел Федор Иванович возглавлял наше воинственное шествие. В своем рассказе я сознательно называю это благородное животное человеческим именем».

Экспрессивный порядок слов также имеет свои закономерности. Постановка темы и ремы в обратном порядке называется инверсией. Инверсия темы и ремы бывает полной и частичной. При полной инверсии все слова и синтаксические группы выстраиваются в обратном порядке по сравнению с их расположением в стилистически нейтральном высказывании. Происходит перестановка слов по принципу зеркального отражения. Сравните экспрессивный и нейтральный варианты: «Чудеса делает вода в пустыне!» и «В пустыне вода делает чудеса».

При частичной инверсии в начало предложения выносится только часть синтаксической группы, составляющей рему: «Прибежал чертенок на овсяное поле». Здесь разъединена группа сказуемого, и тема («чертенок») обрамлена ремой («прибежал на овсяное поле»). Такие высказывания имеют повествовательную окраску.

В стихотворной речи порядок слов более свободен, чем в прозаической речи, поскольку стихотворный ритм требует возможности варьировать порядок слов. В стихах даже предлоги могут занимать необычное место: «...в поле чистом / Луны при свете серебристом, / В свои мечты погружена / Татьяна долго шла одна» (А. Пушкин). Вот пример перевода поэтической речи в прозаическую. Мать М. Цветаевой читала детям вслух «Кто он» А.Н. Майкова и, чтобы объяснить слова «на счастие Петрово», сказала: «На счастие Петрово значит на Петрово счастье».



Сложная система правил, которой подчиняется порядок слов, и различная степень обязательности этих правил для письменной литературной, устной разговорной и стихотворной речи долгое время создавали иллюзию свободы порядка слов в русском языке. Но представление о свободе порядка слов легко опровергнуть, переставив в любом тексте слова в произвольном порядке. Получится бессмысленный набор слов. В истории науки мысль о свободе порядка слов была окончательно снята теорией актуального членения предложения. Эта теория позволила раскрыть сложную систему иерархически соподчиненных правил порядка слов в русском языке.

ПРАРОДИНА ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ ПО ДАННЫМ ЯЗЫКА

Прародина народа — это территория, где данный народ сформировался как отличный от соседних. Идея прародины является очень древней: она развивается в мифах и легендах народов, находящихся на очень ранних стадиях развития.

И это естественно. Древнее племя, замечая, что и по языку, и по обычаям оно отличается от окружающих его племен, стремится как-то объяснить причины этого отличия. А поскольку до образования государств племена, как правило, меняют территорию обитания, иногда перемещаясь на очень значительные расстояния, то самым естественным объяснением отличия от соседних народов им кажется то, что они пришли откуда-то издалека — с территории реальной или мифической прародины.

Это «объяснение» универсально: исследователи встречаются с ним в легендах всех народов, которых цивилизация застала на стадии общинно-родовых отношений.

Определение прародины индоевропейцев конкретно сводится к установлению пространственных и временны́х границ существования общеиндоевропейского праязыка в его наиболее полном составе и наиболее едином виде и, следовательно, самих индоевропейцев как целостного этноса. Требование единства пространства и времени связано с тем, что теоретически возможна ситуация, когда одно и то же пространство, но в разные эпохи выступает то как прародина единого этноязыкового комплекса, то как территория, где существуют хотя и близкородственные, но уже не единые диалекты.

Аргументы в пользу того или иного решения вопроса о прародине индоевропейцев очень разнообразны и неоднородны. Чаще всего они основываются на анализе фактов, которые относятся к более поздней эпохе, когда индоевропейское языковое единство распалось или уменьшилось. Это, например, данные о конкретных индоевропейских языках, уже выделившихся из общеиндоевропейского, их отношениях друг к другу и к реконструируемому языку, о местоположении этих обособившихся языков, их миграциях, хронологических характеристиках, контактах с другими языками и т.п.

На основании аргументов подобного типа временны́е рамки прародины индоевропейцев относили к III тысячелетию до н.э., а после открытия хеттского языка — к IV или даже V тысячелетию до н.э.

В качестве материала, доказывающего родство различных индоевропейских языков и их общее происхождение из единого праязыка, обычно фигурируют слова, которые обозначают растения, животных, металлы, минералы, элементы ландшафта, формы хозяйственной деятельности и социальной организации и т. п. В многочисленных попытках определения прародины индоевропейцев некоторые из этих слов играли и играют особую роль. Тако́в, например, знаменитый «аргумент бука». Наличие индоевропейского *bhāgó-s — «бук» (сравним: древнегреческий *fēgós*, *fāgós* — «дуб», латинский *fagus* — «бук», галльский *bāgos*, древнеисландский *bok* и т. п.) в сопоставлении с ареалом этого дерева исключает возможность локализации прародины индоевропейцев к востоку и северо-востоку от западного Причерноморья. Не менее известен «аргумент лосося». Индоевропейское обозначение этой рыбы *lakʷso-s (русское *лосось*, литовское *lašis*, *lašišà* древневерхненемецкое *lahs*, тохарское *laks* —«рыба») отсылает к бассейнам рек, впадающих в Балтийское и Северное моря, а также к Аральскому морю, отсекая, следовательно, территорию, где эта рыба неизвестна.

Более надежное определение прародины индоевропейцев получается при совместном использовании доказательств этого типа, хотя при этом нередки противоречия. Особый и очень важный круг аргументов составляют гидронимы (т. е. названия рек, озер и т. п.), которые обладают особой устойчивостью и консерватизмом. Немецкий лингвист Г. Краэ и его последователи установили единство индоевро-

пейского гидронимического пласта в Западной и Центральной Европе, вплоть до Южной Прибалтики, и видели в этом обстоятельстве возможное свидетельство нахождения прародины индоевропейцев в Европе.

При всей важности подобных аргументов («лососевого», «букового» и т. п.) они никогда не имеют абсолютного характера. Мена значения, перемена реалии, к которой относится данное название, случаи параллельного развития и другие подобные явления могут сильно исказить исходное состояние. Кроме того, не всегда совершенны и данные палеоботаники и палеозоологии.

Если в определении пространственных границ древней родины индоевропейцев основную роль играют «природные указатели», то при установлении временных рамок ее существования аналогичная роль принадлежит «культурным» указателям, прежде всего тем, которые имеют отношение к прогрессу техники и форм экономики. Так, например, хронологически прародину индоевропейцев (во всяком случае перед ее концом) иногда относят к неолитическому периоду на основании общеевропейского характера двух важных терминов, этимология которых вскрывает технологические мотивы называния — **ȧies* — «медь», потом «бронза» (от индоевропейского *ai* — «разжигать огонь») и **ȧkmen* — «наковальня» и «камень» (от индоевропейского **ak* — «острый», в связи с технологией обточки). Такого же типа аргументами считают языковые данные, относящиеся к терминам для пахоты, плу-

га, боевых колесниц, отдельных видов оружия, утвари и т. п.

В целом хронологические рамки прародины индоевропейцев определяются значительно четче, чем пространственные. Большинство специалистов согласны считать V—IV тысячелетия до н. э. тем временем, когда существовала древнейшая индоевропейская цивилизация. В отношении пространственной локализации в настоящее время целесообразно считаться с очень немногими вариантами разной значимости. Один из них рассматривает в качестве прародины индоевропейцев широкое пространство Центральной Европы — от Рейна на западе до Западной Украины, на котором в V тысячелетии до н. э. сложилась достаточно однородная неолитическая культура. Другой вариант реконструируемой прародины индоевропейцев охватывает еще более широкие пространства — от Рейна до Верхней Волги (включая даже Финляндию) — и опирается в своих заключениях практически только на археологические данные, отсылающие к концу III тысячелетия до н. э.

Более перспективны разные варианты локализации прародины индоевропейцев в северном Причерноморье и Приволжье («курганная», или «древнеямная», культура), где в V—IV тысячелетиях до н.э. формируется единая культура (сравним, в частности, одомашнивание лошади, употребление колесниц, мифологические представления: обожествление солнца, бог-громовик, культ коня и т. п.). Реалии материальной и культурной жизни «курганного» населения относительно полно соответствуют фрагменту индоевропейского словаря, реконструируемому для индоевропейской цивилизации этого типа. Также существенно, что позже носители этой культуры устремлялись с этой территории по разным направлениям — в балкано-дунайский ареал (в 1-й половине IV тысячелетия до н.э.) и далее в Центральную и Северную Европу, в Закавказье, Иран и Анатолию (во 2-й половине IV тысячелетия до н.э.); в Восточное Средиземноморье и, возможно, в Египет. Эта концепция, развиваемая М. Гимбутас, бесспорно, обладает рядом преимуществ перед другими точками зрения. Одно из них — в установлении связей культуры южнорусских степей V—IV тысячелетий до н.э. с культурами Балкан, Малой Азии, Закавказья.

В последнее время новая теория прародины индоевропейцев выдвинута Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Ивановым. Основанная прежде всего на языковых данных, она отождествляет прародину индоевропейцев с областью в пределах Восточной Анатолии, Южного Кавказа и Северной Месопотамии в V—IV тысячелетиях до н. э. Достоинство новой теории — в полноте лингвистической аргументации, при этом целый ряд языковых данных привлекается учеными впервые.

Проблема локализации прародины индоевропейцев по языковым данным, несмотря на гипотетичность всех предложенных до сих пор решений, является и мощным стимулом для дальнейших исследований в области индоевропеистики, в которых языковое и историческое начала взаимно проверяют и поддерживают друг друга.

ПРАРОДИНА СЛАВЯН ПО ДАННЫМ ЯЗЫКА

Древнерусский летописец, отметив единство происхождения славянских народов, рассказывает об их прародине: он сообщает легенду о том, что в давние времена единый славянский народ жил по берегам Дуная, где ныне Венгрия и Болгария, а затем разные группы этого народа расселились на новых землях, назвавшись по-разному. Так древнерусские историки XI—XII вв. решали проблему прародины славян.

Научное решение этой проблемы не может опираться на древние легенды. Народ, или этнос, осознает свое своеобразие прежде всего потому, что замечает своеобразие своего языка. Но отличается он от других народов еще и физическими (расовыми) и культурно-этнографическими признаками: обычаями и обрядами, особенностями быта, одежды, домостроительства и т. д. А формирование народа — это не только формирование его языка, но и свойственных ему культурно-этнографических признаков.

Между тем установлено, что история языка и история этноса не совпадают. Язык современных венгров, например, ближайше родствен языкам ханты и манси, живущих к востоку от Урала (в Ханты-Мансийском автономном округе в Тюменской области); и объясняется это тем, что племена угров (языковых предков современных венгров) пришли в IX в. на средний Дунай из-за Урала. Но физический облик и этнографические особенности венгров не имеют прямого отношения к культуре тех угорских племен, которые ушли с берегов Оби более тысячи лет назад, ибо племена эти растворились среди коренных жителей (автохтонов) Дуная, передав им свой язык и усвоив их культуру.

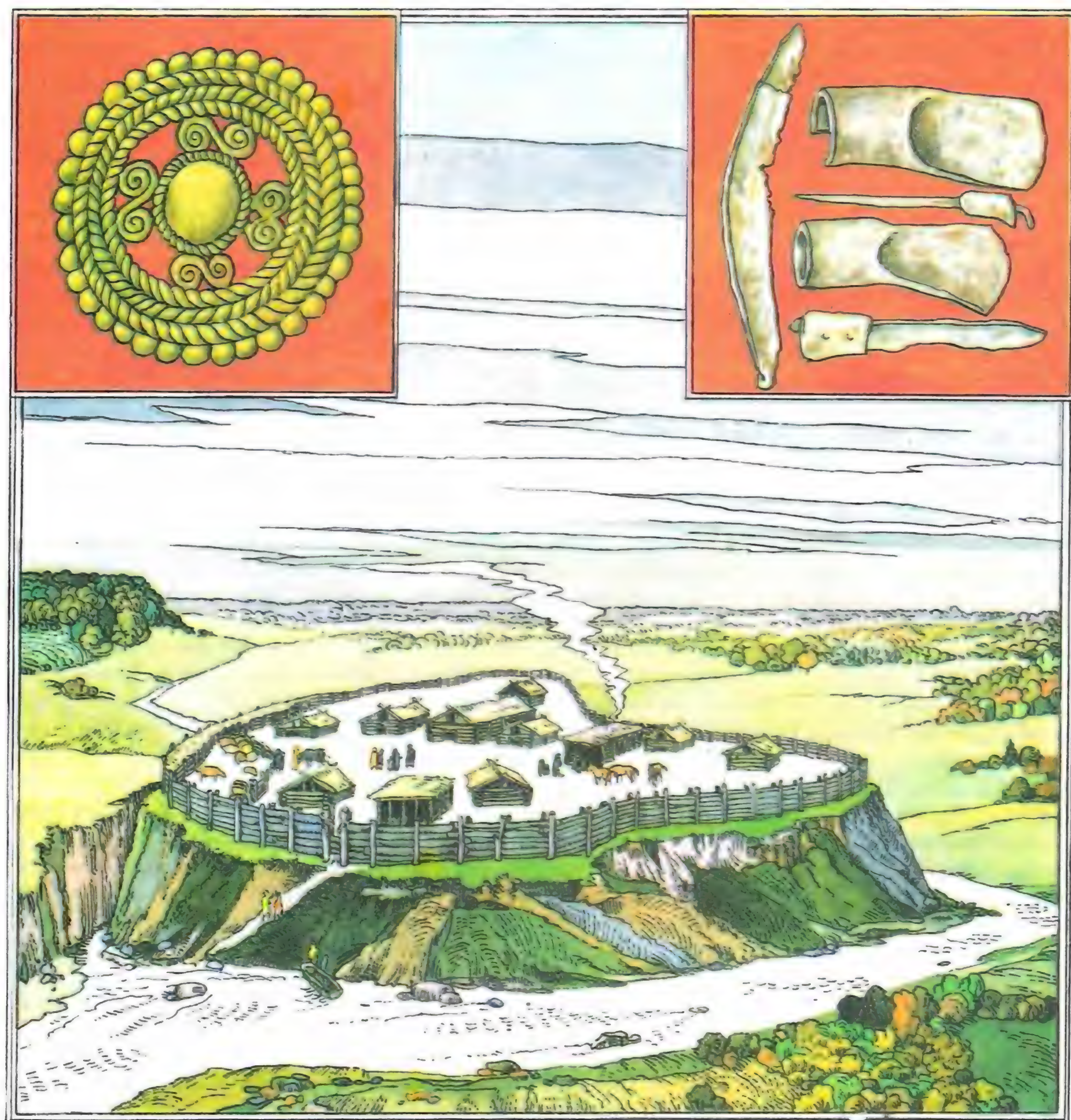
Когда современные археологические исследования обнаруживают, что в том или ином районе Европы за тысячи лет не происходило существенных перемещений населения и культурно-этнографические признаки современных жителей исследуемого района — результат развития культуры автохтонов, это не означает, что и язык автохтонов был тем же, что и язык современного населения этого района. Вот почему при строго научном подходе к проблеме

образования современных народов история языка оказывается не равнозначной истории сложения физических и культурно-этнографических особенностей носителей этого языка. Соответственно и проблема прародины должна решаться отдельно для языка и для других особенностей его носителей.

Сравнительно-историческое языкознание XIX в., установив факт происхождения славянских языков из единого источника — праславянского языка, выдвинуло проблему славянской прародины как историко-языковую. Праславянский язык должен был оформиться в зоне соприкосновения с балтийскими языками, иранскими, а также германскими, с которыми его объединяют очень древние общие особенности в словаре и в грамматике.

Географические выводы в этом случае были очень общими, поскольку точное расположение балтов и германцев в период формирования праславянского языка (II—I тысячелетия до н. э.) не было определено, и лишь в отношении древних иранцев было известно, что они жили в то время вдоль северного побережья Черного моря (к ним относились скифы и сменившие их позднее сарматы). Славянская прародина определялась в этом случае где-то к северу или северо-западу от северного Причерноморья.

На рубеже XIX—XX вв. в разработке проблемы прародины славян особое внимание было уделено ботанической терминологии. Было замечено, что названия деревьев, произрастающих в умеренном поясе Центральной и Восточной Европы, являются общеславянскими (береза, верба, дуб, ель, липа, ольха, сосна, ясень), следовательно, они существовали в праславянском языке до его распада. Названия же деревьев, не растущих восточнее бассейнов Вислы и Днестра, в славянских языках являют-



ся заимствованными из западных европейских языков (бук, тис и др.). Отсюда был сделан вывод, что в эпоху своего единства праславяне не были знакомы с этими деревьями: основная часть их прародины находилась к востоку от границы распространения дикорастущего бука и охватывала лесные районы, изобиловавшие озерами и болотами; терминология именно такой географической среды является также общеславянской.

В то же время слова, обозначающие особенности морской среды, в разных славянских языках формировались самостоятельно, т. е. после того, как отдельные группы распавшегося праславянского объединения вышли к морю.

В начале XX в. было понято, что общеславянские названия объектов окружающей природы не могут характеризовать весь более чем тысячелетний период развития праславянского языка, а отражают лишь географическую среду, в которой праславяне находились накануне распада. Учитывая это, А. А. Шахматов (см. *А. А. Шахматов*) развивал идею двух славянских прародин: района, в пределах которого праславянский язык сложился («первая прародина»), и района, который праславянские племена занимали накануне расселения по Центральной и Восточной Европе («вторая прародина») и который, по его мнению, находился в бассейне Вислы.

В определении «первой прародины» А. А. Шахматов колебался; однако необходимо иметь в виду, что она не могла быть значительно удалена от «второй прародины»: нет никаких сомнений в том, что праславянский язык сформировался из индоевропейских диалектов срединной Европы, следовательно, в пределах территории, которая занята славянами и в настоящее время.

Именно на основе вывода об автохтонности славян ведутся в последние десятилетия широкие археологические поиски. Благодаря им сейчас уже хорошо известны особенности жизни и быта славян начального периода расселения из «второй прародины». Они представлены археологическими памятниками так называемого пражско-корчакского типа V—VII вв. н. э., территория распространения которых целиком совпадает с предполагаемым районом поздних праславянских поселений. Где-то в пределах этой территории и должно было задолго до середины I тысячелетия н.э. сложиться объединение племен, языком которого постепенно стал праславянский.

Эту уверенность подтверждают новейшие результаты обобщения древних связей праславянского языка с соседними европейскими. Они показали, что по наиболее древним особенностям праславянский язык связан с балтийскими, германскими, балканскими (фракийским и иллирийским) и индоиранскими диалектами древней Европы. А это значит, что в состав первоначального праславянского союза вошли племена, диалекты которых содержали особенности, указывающие на эти связи. Область распространения пражско-корчакских археологических находок соответствует этим выводам.

Поскольку, по археологическим данным, до начала I тысячелетия н. э. в этом районе Европы существенных перемещений населения не происходило, археологи пытаются установить, какие именно культуры II—I тысячелетий до н. э. могли постепенно перерасти в ту культуру I тысячелетия н. э., которая сейчас представляется несомненно славянской.

ПРАСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

Славянские языки восходят к одному источнику. Этот общеславянский язык-предок условно называют праславянским; условно потому, что неизвестно, как называл себя в глубокой древности народ, говоривший на этом языке.

Хотя праславянский язык существовал очень давно и от него не осталось никаких письменных текстов, тем не менее мы имеем о нем достаточно полное представление. Мы знаем, как развивался его звуковой строй, знаем его морфологию и основной фонд словарного состава, который унаследован от праславянского всеми славянскими языками. Наши знания основываются на результатах сравнительно-исторического изучения славянских языков: оно позволяет восстанавливать первоначальный облик (праформу) каждого исследуемого языкового факта. Реальность восстановленной (исходной) праславянской формы может быть проверена и уточнена показаниями других индоевропейских языков. Особенно часто соответствия славянским словам и формам встречаются в балтийских языках, например в литовском. Это можно проиллюстрировать корнями, в состав которых входят сочетания звуков, по-разному изменявшиеся в разных славянских языках после распада праславянского, но сохранившиеся без изменения в литовском языке (см. табл. с. 237).

Указанные в таблице (и многие другие) слова являются общими для всех славянских языков, следовательно, они были известны уже праславянскому языку. Общая для них праформа претерпела в разных славянских языках неодинаковые изменения; а оформление этих слов в литовском (и в других индоевропейских языках) подсказывает, что первоначально гласный находился во всех корнях перед *l* или *r*. В праславянском языке корни этих слов предположительно должны были звучать: **bolt-o* из более раннего **ba°lt-d̆°n*, **golv-a*, **kolt-iti*, **vort-a*, **gord-ъ*, **korva*. Установленные отно-

Русские, украинские и белорусские	болото	голова	колотить	ворота	город	корова
болгарские	блато	глава	клатя	врата	град	крава
сербо-хорватские	блато	глава	клатити	врата	град	крава
словенские	*blàto*	*glava*	*klàtiti*	*vrata*	*grâd*	*krava*
чешско-словацкие	*blato*	*hlava*	*klátiti*	*vrata*	*hrad*	*krava*
польские	*bloto*	*glowa*	*kločić*	*wrota*	*grod*	*krowa*
сербо-лужицкие	*bloto*	*glowa*	*kločić*	(*w*)*rota*	*grod*	*krowa*
литовские	*báltas* «белый»	*galvá* «голова»	*kalti* «ударяю»	*vartái* «ворота»	*gãrdas* «ограда»	*kárve* «вол»

шения позволяют сформулировать историко-фонетический закон, в соответствии с которым можно и во всех других подобных случаях реконструировать (предположительно восстановить) исходную праформу: русское *норов*, болгарское *нрав* и т. д. дают основание для реконструкции праславянского **norv-ъ* (сравните литовское *narv̀-ytis* — «упрямиться»), *горох*, *грах* и т. д. — праславянское **gorx-ъ* (сравните литовское *gar̃šva* — вид травы) и т. п. Именно таким путем восстанавливается облик распавшегося праславянского языка.

О праславянском как своеобразном индоевропейском языке можно говорить постольку, поскольку он характеризуется комплексом особенностей, присущих только ему и сочетающихся с серией особенностей, в той или иной степени известных другим языкам Европы и Южной Азии.

На каком-то этапе своей жизни группа европейских племен, говоривших на диалектах, близких древним балтийским, иранским, балканским, германским, объединилась в достаточно прочный союз, внутри которого в течение длительного времени происходило сближение (нивелировка, выравнивание) диалектов, необходимое для выработки взаимопонимания между членами племенного союза. Можно предполагать, что в I тысячелетии до н. э. уже существовал индоевропейский язык, характеризовавшийся особенностями, впоследствии известными только славянским языкам, что и позволяет нам, современным исследователям, называть его праславянским.

Своеобразие праславянского языка в значительной степени объясняется тем, что его исторические изменения обусловливались присущими только ему тенденциями развития. Самой общей из них была тенденция к слоговому членению речи. На позднем этапе развития праславянского языка оформляется однотипное строение слогов, ведшее к перестройке прежних слогов таким образом, чтобы все они заканчивались гласными (см. *Закон открытых слогов*). Именно тогда в рассмотренных выше случаях *bă°l-tă°n* (и др.) изменилось в *blo-to*, *бо-ло-то* или *бла-то* (с открытыми слогами).

Праславянский язык существовал до середины I тысячелетия н.э., когда говорившие на нем племена, расселившись на обширных территориях Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, начинают утрачивать связи друг с другом. Язык каждой из обособившихся групп племен продолжал развиваться изолированно от других, приобретая новые звуковые, грамматические и лексические особенности. Это обычный путь образования «родственных» языков из единого языка-источника (праязыка), подмеченный еще Ф. Энгельсом, который писал: «Племена, расчленяясь, превращаются в народы, в целые группы племен... изменяются языки, становясь не только взаимно непонятными, но и утрачивая почти всякий след первоначального единства».

ПРАЯЗЫК

Сравнительно-историческое изучение индоевропейских языков выявило регулярные соответствия между их звуками, словами и формами. Это можно объяснить тем, что все они потомки одного исчезнувшего древнего языка, из которого они произошли (см. *Сравнительно-исторический метод*). Такой язык-источник принято называть праязыком (сравним: пра-дед, пра-родитель).

Реалистичность теории праязыка была еще в прошлом столетии подтверждена сравнительно-историческим изучением группы романских языков (итальянского, французского, испанского, португальского, румынского): восстановленные для них исходные слова и формы (праформы, или архетипы) совпали с письменно засвидетельствованными фактами так называемой народной (или вульгарной) латыни — обиходно-разговорного языка древних римлян, из которого эти языки произошли.

В середине XIX в. на базе теории праязыка оформилась схема «родословного древа», в соответствии с которой считалось, что все языки индоевропейской семьи произошли в результате последовательного двучлененного распада индоевропейского праязыка; создатель этой схемы немецкий ученый А. Шлейхер написал даже басню на индоевропейском праязыке, который он считал несомненной исторической реальностью. Однако у многих языковедов возникли сомнения: восстанавливаемые факты праязыка в действительности

могли относиться к разным его историческим состояниям, а не сосуществовать. Изменения, отраженные современными языками одной семьи, могли относиться к разным древним эпохам.

К началу XX в. теория праязыка была поставлена под сомнение, а «родство» языков было сведено к системе языковых соответствий. Следствием этого скепсиса явилось последующее переосмысление понятия праязыка: научной реальностью обладает ряд отношений, установленных с помощью сравнительно-исторического метода, а во всей своей конкретности праязык не может быть восстановлен.

Например, с помощью сравнительно-исторического метода устанавливается такой ряд соответствий между потомками праиндоевропейского языка: санскритское *u* ‖ авестийское *u* ‖ древнеславянское ъ ‖ литовское *u* ‖ армянское *u* ‖ древнегреческое ν ‖ латинское *u* ‖ ирландское *u* ‖ готское *u*. Все они восходят к какому-то одному звуку праиндоевропейского языка. Является ли **u* только условным указанием на приведенный ряд соответствий? Или соответствия дают нам право заключить, каков был этот звук в праиндоевропейском языке? Например, что это был звук типа [u]? Об этом идет спор, с той и другой стороны обоснованный рядом доводов и доказательств.

Вывод должен быть неодинаков для реконструкции праязыков разных «уровней»: вполне реальна реконструкция праязыка отдельной какой-нибудь ветви языков — упомянутого выше прароманского, т. е. вульгарной латыни, или праславянского — предка современных славянских языков, существовавшего еще в начале новой эры. Менее достоверно восстановление более ранних праязыковых состояний, в частности праиндоевропейского, к которому исторически восходят праславянский, прагерманский и другие праязыки отдельных групп современных индоевропейских языков.

Теория праязыка сложилась в индоевропейском языкознании в XIX в. В XX в. она стала использоваться и при сравнительно-историческом изучении других языковых семей (тюркской, финно-угорской и т. д.).

ПРЕДИКАТИВНОСТЬ И ПОЛУПРЕДИКАТИВНОСТЬ

Конструкция *Он решил трудную задачу* — это предложение, а конструкция *Его решение трудной задачи* — не предложение. Почему? Все дело в предикативности. В предложении есть предикативность, в не-предложении ее нет. Однако долгое время понятие предикативности толковалось столь по-разному и столь противоречиво, что еще совсем недавно известный советский филолог М. И. Стеблин-Каменский уподобил понятие предикативности бытовавшему во времена М. В. Ломоносова таинственному понятию флогистона, которым «объясняли» горение.

Понятие предикативности не будет таинственным, если подойти к нему как к грамматической форме, лежащей в основе предложения. Грамматическая форма — это единство грамматического значения и средства его выражения (см. *Форма грамматическая*). Грамматическое значение предикативности — это отношение к действительности. *Он решил задачу* — говорится о том, что реально. *Реши задачу*! Действие «решить задачу» требуется, оно должно быть, оно — еще не реальность. Как видно, отношение к действительности передается с помощью времени и наклонения. Основное средство выражения предикативности — глагол в спрягаемой форме: *решил*, *реши* и т.д. Именно такие глаголы и передают время и наклонение, следовательно, они — хорошие передатчики значения предикативности.

Конструкция *Его решение трудной задачи* не содержит значения предикативности. Нет глагола — средства передачи этого значения.

Заметим, однако, что и конструкция *Его решение трудной задачи* тоже может стать предложением, если она — заглавие к соответствующему тексту. В этом случае данная конструкция — сказуемое к скрытому подлежащему; сравним: *Изложенное далее — это его решение трудной задачи*. Здесь есть нулевая глагольная связка (см. *Нулевые единицы в языке*).

Теперь сравним предложения: (1) *Туча была*

большая и мрачная, (2) *Туча, большая и мрачная, медленно приближалась к городу*, (3) *Большая и мрачная туча медленно приближалась к городу*.

Прилагательные *большая* и *мрачная* во всех трех предложениях зависимы от одного и того же члена предложения — подлежащего *туча*. И тем не менее роли этих прилагательных в данных предложениях различны. В чем?

В (1) прилагательные — это именная часть сказуемого, оно в предложении вместе с подлежащим обычно на первых ролях: ради того, чтобы выразить отношения между подлежащим и сказуемым, как правило, и бывает задумано предложение; без сказуемого как носителя предикативности вообще быть не может предложения.

В (3) прилагательные выполняют далеко не такую важную роль, предложение задумано совсем не для того, чтобы сообщить о признаках предмета, к выражению предикативности (предикативных категорий времени и наклонения) прилагательные в этом предложении никакого отношения не имеют. Без данных прилагательных предложение не только не разрушится, но даже и смысл его не очень пострадает.

Во (2) прилагательные хотя и не так важны, как в (1), но все же существенно важнее, чем в (3). Среди всех других неглавных (второстепенных) членов предложения данные определения — прилагательные выделены особо. По своей значимости они занимают промежуточное положение между сказуемым, которое вместе с подлежащим — самый значимый член предложения, и обычным второстепенным членом предложения.

Наиболее значимые в предложении отношения — между подлежащим и сказуемым — называются предикативными. Отношения, подобные отношениям между прилагательными и существительным в предложении типа (2), называются полупредикативными. Отношения, в которые вступают в предложении обычные второстепенные члены предложения, по своей значимости характеризуются как непредикативные.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Подсчитано, что количество определений предложения приближается ни много ни мало к тысяче. Только в русском языкознании изучению предложения много внимания уделяли такие замечательные лингвисты, как М. В. Ломоносов, Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, А. М. Пешковский, В. В. Виноградов и многие другие. И не только языковедов интересовало предложение, но и логиков, и философов, и психологов, и даже математиков. Этот интерес разных наук к предложению вполне объясним.

Множественность определений предложения свидетельствует только о том, что это очень сложная по своему устройству единица, которая может и должна исследоваться в разных направлениях. Для понимания предложения важно определить, с одной стороны, его устройство, структуру (именно на эту сторону предложения обращено основное внимание в школьном учебнике), а с другой стороны, показать жизнь, работу этой структуры в процессе общения.

I. Структура предложения.

Предложение — грамматическая единица. Грамматической является такая единица, которая имеет грамматическую форму. Грамматическая форма — это единство грамматического содержания и того средства, которое это содержание выражает. Грамматическим (синтаксическим) содержанием предложения является предикативность (см. *Предикативность и полупредикативность*). Выражается предикативность формами наклонения и времени глагола, полнознаменательного или глагола-связки *быть*: *Он рисовал картину. Он был художник.*

Предложение — синтаксическая цепочка членов. Синтаксическая цепочка членов предложения построена на основе подчинительной связи; это легко обнаружить, задавая вопросы от одного члена предложения к другому. Подлежащее — начальный член синтаксической цепочки, сказуемое — носитель предикативного значения и главный распорядитель синтак-

сической цепочки — главные члены предложения.

Члены предложения, распространяющие главные, называются второстепенными (см. *Члены предложения*).

Предложение — интонационно оформленная единица. Синтаксическая цепочка членов, в которой выражено предикативное значение и распределены роли членов предложения,— это еще не предложение, а только его структурная основа. Ее называют еще предикативной конструкцией. Чтобы предикативная конструкция стала предложением, она должна быть интонационно оформлена. Соответствующая интонация, оформляя предложение, позволяет тем самым отделить одно предложение от другого: обычно в читаемом тексте ясно «слышны» точки, вопросительные знаки, восклицательные знаки, т. е. все то, чем на письме одно предложение отделяется от другого.

Простое и сложное предложение. Сложное предложение состоит из двух и более предикативных конструкций, но только последняя предикативная конструкция имеет интонацию завершения (оформлена так же, как простое предложение). Другие предикативные конструкции в составе сложного предложения — интонационно незавершенные, что передается на письме запятой или другим знаком препинания: *Он пришел* (простое предложение) и *Он пришел домой, когда стемнело* (сложное предложение).

II. Предложение в процессе общения.

Модус и пропозиция в предложении. Обычно в предложении что-то сообщается и вместе с тем выражается отношение говорящего к сообщаемому. Говорящий не просто о чем-то извещает, но так или иначе показывает, для чего он это делает. Сообщаемое — это пропозиция предложения, отношение к сообщаемому — модус. Модус — это наше «я» в предложении.

Что такое модус и пропозиция, легко видеть, когда эти два значения выражаются раздельно, в разных предикативных конструкциях сложного предложения: *Я прошу* (модус), *чтобы он не приходил* (пропозиция). В другом случае модус выражается вместе с пропозитивным значением в одной предикативной конструкции: *Иди домой = Я требую, чтобы ты шел домой.*

В пропозиции предложения отражено движение мысли. Мысль в предложении может развиваться по-разному, в зависимости от значения сообщения.

1. Предложения характеризации. Предложения характеризации развиваются от субъекта-подлежащего, называющего то, что подлежит характеризации, к предикату-сказуемому, дающему саму характеризацию: *Он был талантливый художник*; *Липовый стол недавно был выскоблен и вымыт* (И. Тургенев); *Легкий ветерок пробежал по степи* (А. Чехов).

Для того чтобы осмыслить субъект-подлежащее в предложениях характеризации, мало знать лексическое значение слова, обозначающего субъект, надо непременно знать, к какому конкретному предмету действительности отнесено это слово. Поэтому при субъекте-подлежащем обычны определения, цель которых — выделить один конкретный предмет из всех других предметов.

Так как имена собственные существуют специально для обозначения единичных предметов, то они особенно подходят для выражения субъекта-подлежащего. Субъект-подлежащее в предложении *Петров — ученый* понятно без всяких определений, если, конечно, говорящим известно, кто носит фамилию Петров.

Сказуемое-предикат в предложении характеризации не соотнесено прямо с действительностью, а представляет собой некоторое обобщение реальной действительности, признаков и свойств предметов. Другими словами, сказуемое-предикат соотнесено не с конкретной действительностью, а с понятием о действительности. Для осмысления предиката-сказуемого *ученый* в приведенном примере не надо представлять себе никакого конкретного ученого, надо иметь представление об ученом как о человеке, профессия которого — научные исследования.

2. Предложения бытия.

В предложениях бытия утверждается или отрицается существование предметов, событий, явлений: *У них есть дача*; *В зале собрание*; *На улице дождь*; *В книге нет ничего интересного.* Предложения бытия включают три компонента: обстоятельство места, показывающее, где бытует предмет, глагол бытия и имя бытующего предмета. Имя бытующего предмета — это существительное в именительном падеже, с

которого начинается синтаксическая цепочка, т. е. это подлежащее.

Но это совсем не то подлежащее, что в предложениях характеризации. В предложениях характеризации подлежащее-субъект соотнесено с представлением о действительности.

В бытийных же предложениях подлежащее соотнесено с понятием. Когда говорят *У нас в саду есть яблони*, то слушающий не должен представлять себе конкретные яблони, он должен только понять, что в саду есть растения, принадлежащие к классу деревьев по имени яблоня. Доказательством того, что имя бытующего предмета не показывает конкретного предмета, является то, что это имя нельзя определить словом *это* (не говорят *У нас в саду есть эти яблони*) именно потому, что такое слово возможно только при имени, называющем конкретный предмет. Подлежащее бытийных предложений в этом плане очень похоже на сказуемое предложений характеризации. К действительности же предложения бытия привязывают обстоятельства места, которые, подобно подлежащим в предложениях характеризации, всегда соотнесены с каким-либо компонентом (местом) действительности.

Обстоятельство может называть как конкретное место в мире, так и мир в целом: *В мире много таинственного.* Обычны предложения, в которых в качестве обстоятельства места представлен человек: *На нем было старое, довольно невзрачное пальто* (И. Тургенев). Во многих подобных случаях другие индоевропейские языки используют предложения характеризации: русский говорит *У меня есть брат* а немец — *Ich habe einen Bruder* (буквально: *Я имею брата*).

В художественной литературе возможны бытийные предложения без обстоятельства места: *Шепот, робкое дыханье, трели соловья,/ Серебро и колыханье сонного ручья* (А. Фет). Такие предложения получили название номинативных.

3. Предложения именования.

Предложения именования отличаются от предложений характеризации и бытийных предложений тем, что в них сказуемое не имеет понятийного значения. Сказуемое предложений именования показывает, как можно назвать тот или иной предмет, обозначенный подлежащим. Когда говорят *Этого мальчика зовут Петя*, то не сообщают о мальчике ничего, кроме того, что при дальнейшем общении, слыша слово *Петя*, необходимо знать, что речь пойдет о данном мальчике. В предложениях именования сообщается о коде, с помощью которого далее будет происходить общение: «Ее сестра звалась Татьяна» (А. Пушкин); *Обозначим треугольник ABC*. В предложениях именования, следовательно, мысль идет от действительности (или понятия о ней) к кодированию действительности или понятия.

4. Предложения тождества.

В предложениях тождества составляющие их имена соотнесены с одним и тем же предметом, или понятием, или именованием предмета или понятия. В этих предложениях устанавливается равенство смысла имен: *Зевс — это то же, что Юпитер*; *Багровый — это темно-красный.* Мысль развивается от первого члена к члену, по отношению к которому устанавливается равенство.

Движение мысли в предложении зависит не только от значения пропозиции, но и от актуального членения предложения (см. *Актуальное членение предложения*).

ПРОДУКТИВНОСТЬ

Сравним такие формы 1-го лица ед. числа глагола: *Я иду, пишу, кричу, бегу*, с одной стороны, и *Я ем, Я дам*, с другой. Окончание *-у* иногда изображается буквой *-ю*: *читаю, думаю, сплю.* Это окончание — универсальный показатель значения «1-е лицо ед. числа». Его получит даже намеренно изобретенный, фантастический глагол в 1-м лице ед. числа: — *Что ты там делаешь? — Турумбарю, чепурышу, фуркачу...* Любой человек, знающий русский язык, поймет, что это формы глагола.

Иное дело — окончание *-м*. Оно встречается лишь у двух глаголов и их производных. Новые глаголы не выражают значения 1-го лица ед. числа с помощью этого окончания. Если вы к этим же придуманным глаголам прибавите окончание *-м*, никто не поймет, что это формы 1-го лица: что такое — «Я турумбарюм»? «Я чепурышум»? Скорее подумают, что это какие-то неслыханные существительные.

Те языковые модели, которые в языке определенной эпохи служат образцом для построения новых слов, форм, синтаксических конструкций и т. д., называются продуктивными.

Различие в продуктивности — непродуктивности характеризует не только глагольные окончания *-у* и *-м*. Оно пронизывает весь язык и составляет очень важное свойство его единиц.

Продуктивные единицы нельзя сосчитать, они составляют открытый список, который всегда может быть продолжен. Непродуктивные явления можно задавать списком, перечислить, ибо новые единицы языка по непродуктивной модели не создаются.

Понятие продуктивности применяется ко всем уровням языка (фонетике, морфологии, синтаксису, лексике), но не ко всем его элементам. Оно может быть применено лишь к тем единицам, которые имеют какую-то формальную организацию, структуру. Иными словами это можно выразить так: продуктивностью

обладают модели, конструкции языка, а не простые неразложимые элементы. Так, например, в фонетике имеются продуктивные сочетания звуков, в морфологии — продуктивные формы слов, т. е. сочетаний основ с окончаниями, в синтаксисе — продуктивные типы словосочетаний и предложений.

Важное значение понятие продуктивности имеет в словообразовании. Продуктивным или непродуктивным является словообразовательный тип.

Словообразовательный тип — это формула, модель, по которой происходит построение новых слов. К одному словообразовательному типу относятся слова, обладающие общностью трех элементов: 1) средств словообразования, 2) частей речи производящей основы, 3) словообразовательного значения.

Примеры продуктивных типов: существительные с суффиксом *-ость*, имеющие значение отвлеченного признака: *яркость*, *стойкость*, *радость*; отглагольные существительные с суффиксом *-ка*: *разноска*, *прибавка*; образуемые от прилагательных наречия с суффиксом *-о*: *быстро*, *легко*, *мило*. Слова, создаваемые по этим типам, нельзя пересчитать, так как их число постоянно пополняется.

Пример непродуктивных словообразовательных типов: отглагольные существительные со значением отвлеченного действия, образуемые суффиксом *-ёж*: *делёж*, *грабёж* — или *-ба*: *косьба*, *молотьба*.

Словообразовательные типы живут в языке сложной жизнью. Они могут обнаруживать продуктивность не во всех сферах языка, а лишь в некоторых. Таковы, например, существительные со значением отвлеченного признака типа *синь*, *глушь*, *новь*; они продуктивны в поэтической речи:

Неумь, разумь и безумь —
Три сестры плясали вместе...
(В. Хлебников);
...Я аукалось с дальним эхом,
Неуместным смущая смехом
Непробудную сонь вещей...
(А. Ахматова);
Запретный плод, не сорванный никем,
На землю пал, зарылся в прель глубоко...
(А. Межиров)

В других сферах языка по этим типам производные слова не образуются.

Могут быть два внешне похожих друг на друга словообразовательных типа, но один из них продуктивен, а другой — нет. Например, суффикс *-ец* продуктивен в образовании имен лиц от основ существительных: *кировец*, *стахановец*, *суворовец*, *мхатовец*, *горьковец*... Слова этого типа легко образуются по мере надобности. Непродуктивен суффикс *-ец* в производстве имен лиц от глаголов: *борец*, *творец*, *косец*, *поилец*, *кормилец*, *жилец*. Новые слова по этому словообразовательному типу не образуются. Это лишний раз доказывает, что характеристика «продуктивен» или «непродуктивен» относится не к атомарным единицам языка, например не к суффиксам самим по себе, а к словообразовательным типам.

Продуктивность разных образований в языке меняется на протяжении истории. То, что было продуктивно в одну эпоху, становится непродуктивно в другую.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯЗЫКА

Почему возникла необходимость в языке? Ф. Энгельс объяснил это так: «У формирующихся людей появилась потребность что-то сказать друг другу». А почему в таком случае появилась эта потребность? Да потому, что люди начали трудиться вместе, коллективно.

Тогда что значит «трудиться вместе»? Ведь муравьи или пчелы тоже трудятся вместе? Так, но не совсем. Ни один муравей, ни одна пчела не думают об общем благе и не планируют своих действий совместно с другими муравьями и пчелами. Они трудятся рядом, но не вместе.

Иначе у человека. Первобытные люди отличались от животных прежде всего тем, что они подчиняли свое поведение, свои действия общим интересам. Первобытный человек, думая, как бы загнать и убить, например, мамонта, с самого начала знал свое место в коллективной охотничьей деятельности и понимал, что только строгое разделение трудовых обязан-

ностей и умение временно поступиться своими непосредственными, личными интересами приведут охоту к успеху и обеспечат его пищей.

Итак, совместный, коллективный труд. Но чтобы его организовать, людям необходимо было общаться друг с другом.

Конечно, общаться — это еще не значит «что-то сказать». Пока человек смог что-то сказать, прошло много времени; а сначала, по-видимому, люди общались жестами, телодвижениями, нечленораздельными выкриками.

Но уже этот первый человеческий язык, внешне еще совсем не похожий на наш, был похож на него в главном: в своей основной функции. Он служил для общения людей в совместном труде. Позже возникла и другая основная функция языка — он стал орудием мышления. Человек научился сознательно планировать свои действия — для этого-то прежде всего ему и нужен был язык.

В какой-то момент развития человеческого общества труд, общение и сознание развились уже настолько, что стал необходим новый качественный скачок. Появилось особое, специальное средство общения, которое стало базой и дальнейшего развития сознания,— это был язык в полном смысле слова.

Развиваясь далее, язык претерпел две серьезнейшие перестройки. Одна из них заключалась в том, что люди научились располагать слова одно за другим и понимать их во взаимосвязи. Это очень важная, специфически человеческая способность: ни одно животное не может «понять» больше одного сигнала сразу. Так появилась грамматика.

Вторая перестройка была следствием первой. Овладев самим принципом последовательного расположения, человек смог распространить этот принцип и на организацию звуков в слове. Речь стала членораздельной, слово стало «собираться» из отдельных звуков и слогов.

Из последовательностей слов возникали сначала простейшие, а затем все более сложные синтаксические конструкции. Сами слова приобрели способность изменяться в зависимости от своей синтаксической функции, своего места в предложении — появилось склонение и спряжение. Словарь мог расширяться как угодно. Усложнилась фонетика. И — что самое важное — у языка появились новые функции, например магическая: первобытный человек думал, что словом он может непосредственно воздействовать на мир, например вызвать дождь или наслать «порчу» на своего врага.

Сейчас на земном шаре нет ни одного языка, который сохранил бы нам память об этих ранних этапах развития: все они, даже языки самых «первобытных», архаичных по своей культуре народов, отражают один и тот же этап развития человеческой речи. Но если так, откуда мы знаем, что язык формировался именно описанным образом?

С полной точностью мы этого не знаем. Но в нашем распоряжении есть данные многих наук: палеоантропологии, изучающей, как возник биологический вид «человек» со всеми его анатомо-физиологическими особенностями; археологии, раскрывающей перед нами «дело рук» первобытных людей и позволяющей по остаткам их орудий, предметов быта восстановить уровень развития их сознания, особенности их мышления; нейрофизиологии и нейропсихологии, способных определить, какие из участков коры головного мозга сформировались раньше, какие — позднее.

ПРОСТОРЕЧИЕ

Вы слышали, иногда говорят: «Какой вкусный яблок!» (вместо *яблоко*). «У ей дочка замуж вышла» (вместо *у нее*), «транвай» (вместо *трамвай*), «тролебус» (вместо *троллейбус*). Подобного рода особенности речи свойственны людям, не владеющим нормами литературного языка.

В русском языкознании принято называть подобные слова термином «просторечие».

Просторечие отличается и от литературного языка, и от диалектов (народных говоров), на которых говорят сельские жители разных областей и районов. Оно имеет целый ряд типических особенностей в области лексики, морфологии, фонетики и синтаксиса. Так, например, к просторечию относятся наречия: «вчерась», «завсегда», «оттудова» и «оттедова», «супротив» (в значении «напротив» и в значении «по сравнению»); формы существительных типа «местов», «делов», «братьёв»; ударения: «свекла́», «стаканы́»; склонение заимствованных существительных, несклоняемых в литературном языке: «в кине», «без пальта», «на пианине»; иная, чем в литературном языке, родовая принадлежность ряда существительных: «Как твое фамилие?»; «Какая мяса жирная!»; «Та лета была жаркая»; «С какой пути наша электричка?»; местоимения: «ихний (ихный)», «ейный»; формы местоимений с предлогом без начального *н*: «у их», «к ей», «с им» и под.; употребление форм деепричастий в функции сказуемого: «Они комнату шкафами перегородивши»; «Николай выпимши»; «Он заболемши». Многие слова в просторечии имеют иную фонетическую форму: «транвай», «пинжак», «встренемся», «телевизир», «лабалатория», «колидор» и др.

В наше время просторечие активно вытесняется литературным языком и сохраняется преимущественно в речи людей старых и пожилых. Однако отдельные его черты очень живучи.

В отличие от диалектов, для которых характерна территориальная закрепленность, про-

сторечие внетерриториально. Хотя и существуют некоторые особенности, свойственные тем или иным городам (Москве, Ленинграду, Перми и т. д.), основная часть просторечных черт является общерусской. Просторечие не имеет своих строго определенных норм, чем отличается и от литературного языка, и от диалектов. Просторечно говорящим свойственна непоследовательность в употреблении форм. Так, один человек на протяжении пятиминутного разговора может сказать то *он хочет*, то *он хотит*, то *вы хочете*, то *вы хотите*.

Термин «просторечие» имеет в языкознании и другое значение (назовем его П-2). Так называют особый тип экспрессивных слов, имеющих стилистическую окраску грубости и употребляемых для большей выразительности (*отлупить* — «сильно избить», *наклюкаться* — «напиться пьяным», *расфуфыриться* — «нарядиться сверх меры», *измытарить* — «измучить», *образина* — грубо: о человеке; *морда* — грубо: о лице человека).

Подобные слова получают в словарях помету «прост.» — просторечное. Их могут употреблять и лица недостаточно культурные, и носители литературного языка. И П-1 и П-2 встречаются в языке художественной литературы как стилистическое средство.

П-1 обычно используется для характеристики речи малокультурных персонажей, как, например, в рассказах М. Зощенко, где не редкость формы типа «пóльта», «становь», «завсегда» и под.

П-2 может использоваться не только для характеристики персонажей, но и в авторской речи: «Идут, расфуфырясь в собачий мех, жены, дочки, сестры» (В. Маяковский).

Отличие П-1 от П-2 состоит в том, что П-1 ни один культурный человек не употребляет всерьез, хотя отдельные элементы могут быть использованы как шутка, средство иронии. Вспомните такие распространенные в наши дни шутливые фразы: «Кина не будет», «Местов нет». Подобные фразы звучат шутливо именно потому, что их неправильность резко осознается на фоне строгой нормированности речи. Употребление же П-2 является экспрессивным само по себе, а не по сравнению с нормами литературного языка: слова типа *расфуфыриться* сами по себе обладают выразительностью, чего нельзя сказать о формах типа «ихний», «к ей», «он поемши».

ПУНКТУАЦИЯ

Все, что напечатано в этой книге, как и все вообще, что печатается и пишется,— это текст. Тексты состоят из букв. Но для понимания текстов одних букв недостаточно. Чтобы буквы (и образованные из них слова) не слились в сплошное, непроглядное пятно, текст нужно расчленить и установить связи между его элементами и частями. Для этого используются поля, интервалы между строками, отступы, заглавные (прописные) буквы и другие средства. Все эти способы и приемы организации текста так привычны для нас, что мы их просто не замечаем, а значит, и не можем по достоинству оценить.

Цепочки букв в строках разделяются на отдельные звенья-слова при помощи пробелов. Не будь этих разделителей, нам при чтении пришлось бы все время спотыкаться в поисках границ между словами. В подобном тексте мы чувствовали бы себя, как в густом, темном лесу, где деревья стоят стеной, где нет ни дорог, ни тропинок и уверенно может идти только хорошо знающий его человек. Именно такими — без пробелов! — были тексты в Древней Руси. Правда, и писали тогда старательно, крупными четкими буквами (уставом), и письменный язык был другим — с цепочками коротких предложений, и текстов было сравнительно немного. И все же их чтение было медленным и трудным. Чтобы облегчить его, нужно было прежде всего отметить границы предложений и отдельных их частей. Так появилась точка — первый и основной знак членения текста, а вместе с ней и пробел как место для точки. С развитием в XIV в. скорописи, быстрого слитного письма, когда чтение вновь осложнилось, пробелом стали разделять также и слова. Тексты просветлели, как прореженный лес. В них можно было дальше видеть, их стало легче читать, а значит, быстрее добираться до цели — полного и точного понимания.

Но жизнь шла вперед, все более глубоким становилось познание мира. Сложнее становился письменный язык, особенно синтаксис и его основная единица — предложение, которое должно было отражать всю глубину, все повороты и оттенки мысли. Двух знаков — пробела и точки — для руководства чтением теперь оказалось недостаточно. Разделенные пустыми пробелами, тексты стали распадаться на отдельные слова. В таком текстовом «лесу» было светло и просторно, но не было указателей движения и надежных ориентиров. Они стали необходимы, и их создали.

На основе точки возникли такие знаки, как запятая, точка с запятой, двоеточие и многоточие. Вошли в употребление вопросительный и восклицательный знаки, тире, скобки и кавычки. В начале предложения стала обязательной заглавная буква, в начале абзаца — красная строка.

Так постепенно к концу XVIII в. сложился основной состав небуквенных знаков русского письма и печати для организации — членения и связи — целого текста и его частей. Эти знаки принято называть знаками препинания или — от латинского названия точки «пунктум» — знаками пунктуации. Каждый из них имеет свою историю. Не сразу получили они современную форму и привычные нам названия. Трудом многих поколений пишущих и читающих, печатников, типографов, писателей, педагогов и ученых для каждого знака были выработаны и определены его функции, условия и правила употребления, связи и отношения с другими знаками.

Обоснованные наукой, утвержденные и закрепленные государством («Правила русской орфографии и пунктуации», 1956 г.), правила пунктуации едины и обязательны для всех. Именно поэтому их изучают в школе. Владея ими, пишущий может выразить все, даже самые тонкие, оттенки смысла, читающий же сумеет правильно понять его. Пунктуация служит взаимопониманию, и это очень важно. Ведь от правильного понимания текстов (от текста государственного закона до текста частного письма) зависит очень многое: работа учреждений, отношения между людьми, их поведение, настроение, здоровье, а иногда даже и жизнь. Как же пунктуация служит этой высокой цели? Как «работают» знаки пунктуации?

Оказывается, они выполняют в тексте две важные операции — разделения и выделения. Знаки-разделители работают в одиночку, знаки-выделители — парами. Одиночные знаки пунктуации разделяют целое на части, отделяют эти части друг от друга и отмечают границу между ними. Парные, или двойные, знаки пунктуации выделяют ту или иную самостоятельную часть из целого и отмечают ее границы с двух сторон.

Но граница границе рознь: есть границы между членами предложения и есть границы абзацев; есть границы открытые и замкнутые. Разные границы — разные и знаки границ. Каждый знак говорит нам, какие смысловые части он разделяет или выделяет, в какое смысловое целое они входят, в каких смысловых отношениях находятся и т. д. Так, красная строка разделяет текст на абзацы, отмечает их границы и обозначает конец одного смыслового единства и переход к другому. Точка указывает конец предложения и вместе с тем обозначает его смысловую законченность (в отличие от многоточия — знака незаконченности или обрыва). На границе частей сложного предложения или на границе членов предложения различаются запятая — знак их равноправия по смыслу (одновременности, однородности и т. п.) — и такие знаки смыслового

неравноправия, как двоеточие и тире. Кавычки выделяют все, что пишущий считает нужным обозначить как «чужое» (чужая речь, цитаты и др.), а скобки — все, что пишущий отводит на второй план и что читающий должен осмыслить как второстепенное, как вставку. Разные знаки — разные и смыслы.

Но разных смыслов больше, чем знаков, которые могут их выразить. Поэтому некоторые знаки пунктуации вынуждены брать на себя несколько смысловых нагрузок. Тире, например, отмечает границы резкого противопоставления, быстрой смены событий, перехода от перечисления к обобщению и многое другое. Нагружено разными смыслами и многоточие. Такие знаки пунктуации подобны многозначным словам.

Другие знаки, подобно словам-синонимам, имеют одинаковый смысл, а различаются лишь силой его выражения и условиями употребления. Пример пунктуационных синонимов — запятая и точка с запятой. Разделяя однородные члены или однородные части в сложных предложениях, они имеют одинаковый смысл (однородность), но различаются силой и «весом». Точка с запятой — это «усиленная запятая». Она разделяет единицы большего объема (более распространенные) и более далекие по смыслу, чем те, которые разделяются запятой. Именно поэтому, разделяя предложения, точка с запятой оказывается синонимом точки. Точка с запятой — это «ослабленная точка» (недаром когда-то ее называли полуточием). Получается трехчленный усилительный синонимический ряд: запятая — точка с запятой — точка. Есть и другие такие ряды.

Разделяя и выделяя единицы текста, знаки пунктуации одновременно еще и связывают их. Они позволяют пишущему выразить, а читающему — правильно понять, как единицы текста связаны друг с другом, каков характер, направление и границы смысловых связей. Так, знаки-разделители указывают на смысловые отношения между разделяемыми частями и, значит, связывают их в единое смысловое целое («однородные члены перед обобщающим словом», «бессоюзное предложение с причинно-следственной связью» и т. п.). Разделяя одни единицы, знаки пунктуации помогают объединению и сплочению других. Так объединяются предложения в составе абзаца, простые предложения в составе сложных и т. д.

Итак, знаки пунктуации — это знаки границ смыслового членения текста и связи его частей. Чтобы правильно пользоваться ими, нужно овладеть правилами пунктуации. Правила пунктуации — это правила употребления знаков в зависимости от смысла, который нужно обозначить, и тех синтаксических условий, которые складываются в тексте на его границах. Смысл, условия на границе и знаки пунктуации — три составные части любой пунктуационной задачи. Читающему даны знаки пунктуации и условия. По этим двум данным, пользуясь правилами пунктуации, он находит искомое — смысл. Пишущему даны смысл и условия. По этим двум данным, пользуясь правилами пунктуации, он находит искомое — знаки пунктуации. Правила пунктуации позволяют пишущему ответить на два вопроса: нужен ли на данной границе знак, и если нужен, то какой? Отвечая на первый вопрос, мы делаем выбор между знаком пунктуации и пустым пробелом. Отвечая на второй вопрос, мы делаем выбор между разными знаками. Одни правила приказывают: «Ставь такой-то знак!» Другие запрещают: «Никаких знаков». Третьи рекомендуют: «Выбирай из нескольких возможных».

На этом же языке с нами говорит и орфография. Но она гораздо более жестка. Она не допускает выбора. Орфография говорит: «Проверь и пиши такую-то букву». Или: «Если не проверяется, запомни! Если забыл, справься в орфографическом словаре!» Пунктуационного же словаря нет, он невозможен и не нужен. Подобно правилам дорожного движения, правила пунктуации не могут описать каждый конкретный случай. Они предусматривают типичные условия, которые могут сложиться в бесчисленном множестве случаев, в бесчисленном множестве текстов, и позволяют пишущим находить единственно возможное или лучшее из возможных решений.

ПУШКИН А. С. ЯЗЫК ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Язык Пушкина... Он не был дан ему в готовом виде, а формировался на протяжении всего творчества сознательными усилиями поэта.

Крупнейшие писатели XVIII в. так или иначе придерживались теории трех штилей (см. *Михаил Васильевич Ломоносов*). Непосредственные предшественники Пушкина — Карамзин, Жуковский, Батюшков, Дмитриев — отказались от распределения языка по жанрам. У них возникли понятия «слог» и «вкус», обозначавшие новую ступень индивидуализации литературного языка.

Они в значительной степени пользуются языком XVIII в., употребляя славянизмы и книжные слова; но сменяется, становится иным соотношение жанров. Высокую оду сменяет господство элегической поэзии. Изменяется взгляд на старинные слова и обороты. Они становятся уже не признаками «великолепия» стиля, а признаками некоторой особенности поэтического языка — «поэтическими вольностями», поэтизмами.

Пушкин начал писать на языке Жуковского и Батюшкова. Заметно в раннем (лицейском) Пушкине и влияние Державина. В эту пору

А. С. Пушкин. Автопортрет.

в языке пушкинских стихотворений можно ясно различить особенности, присущие поэзии предыдущего века.

К языковой традиции, идущей от Ломоносова, относится, например, «усечение» прилагательных и причастий. В начальную пору нового стихосложения усечение помогало стихотворцам справиться со словами, не «влезавшими» в новые метры. Пушкин воспринимает эти усечения от Жуковского и Батюшкова как признаки поэтического стиля. Впрочем, уже в лицейский период усечения встречаются у него в два раза реже, чем у Батюшкова:

Бессмертны вы вовек, о *росски* исполины,
В боях *воспитанны* средь бранных непогод...

Усечения резко сокращаются у послелицейского Пушкина, однако никогда не исчезают совсем. «Мы слишком остерегаемся от усечений, придающих иногда много живости стихам», — замечает поэт.

Другой чертой традиции является употребление прилагательных с окончанием *-ыя* (*-ия*), старославянским по происхождению, вместо *-ой* (*-ей*) в род. п. ед. ч.: с рассветом *алыя* денницы; в дни резвости *златыя* и т. д.

Эта «вольность» у зрелого Пушкина встречается крайне редко и всегда обусловлена стилистическими задачами.

Характерно наличие полногласных и неполногласных слов в стихах поэта. Он одинаково употребляет: *глава* и *голова, брега* и *берега, глас* и *голос, золотой* и *златой* и т. д.

Еще одно наследие XVIII в. — звук [е] вместо [о] в рифме.

О скальд России вдохновенный,
Воспевший ратных грозный строй!
В кругу друзей твоих с душой воспламененной
Взгреми на арфе золотой.

Перечисленные признаки относятся к раннему периоду формирования пушкинского языка, и потому они наименее сохранились в ходе развития русской поэзии.

Более прочными оказались словари, заимствованные поэтом у своих предшественников, как одический (Державин), так и элегический (Жуковский): *брань, вотще, внемли, по стогнам, зефир, дубрава, лилея, мирты, струи* и т. д.

Резкий отход от языковых норм предшествующей поэзии происходит у Пушкина уже за год до окончания лицея (1816). «Сделать такой решительный поворот мог только великий поэт» (С. И. Бернштейн).

Суть этого поворота в том, что Пушкин начал усваивать и осваивать в поэзии различные стили разговорной речи того времени. Разговорная речь еще не устоялась, не существовало ее норм. «Грамматика наша еще не прояснена». На «разных языках» говорило образованное дворянство, мелкое чиновничество и городское мещанство.

Гениальность Пушкина состояла в том, что он сумел овладеть всей стихией действующего языка, выбрать из нее все живое и вошедшее в речь и соединить в органическое целое.

Нельзя сказать, что с самого начала это был сознательный план. Первоначально действовало замечательное языковое чутье поэта. В 10-е гг. XIX в. шел активный спор о путях русского общенационального языка. Очень ярко проявился он в полемике двух литературных обществ — «Арзамаса» и «Беседа любителей русского слова». В первое общество входили

П

Иллюстрация Н. Кузьмина к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

Иллюстрация В. Дудорова к произведению А. С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке».

старшие друзья Пушкина — Жуковский, Батюшков, Вяземский. Они отстаивали карамзинскую идею об европеизации русского языка, о включении в его состав слов и понятий, необходимых для выражения мыслей и чувств современного образованного человека.

Глава «Беседы» адмирал Шишков ратовал за очищение русской речи от иностранных заимствований, главным образом французских (галлицизмов). Он предлагал целые списки новых слов, изобретенных на славянской основе, для выражения понятий, которых не было прежде в России, он полностью отвергал практику формирующегося языка.

«Арзамасцы» остроумно высмеивали «беседчиков». «Беседчики» осмеивали «Арзамас». Образованной публике нравились те, кто остроумнее. Адмирал Шишков казался старомодным и смешным.

Однако тогда еще не было ясно, что оба общества решают одну и ту же задачу, оба не знают реального решения и «перехлестывают» в ту или иную сторону.

Восемнадцатилетний Пушкин, естественно, оказался в рядах «Арзамаса» и выступил против литературных «староверов». Он быстро усвоил «арзамасское наречие», язык кружка, и, может быть, это был первый пласт современной речи, вошедшей в его языковое сознание

Однако крайности двух направлений не соответствовали самой натуре Пушкина. Он позже заметил о литературе: «Все ее секты для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону».

«Истинный вкус, — говорил он, — состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности». Этим «вкусом», языковым чутьем, поэт обладал в высшей степени.

Процесс европеизации русского дворянства во второй половине XVIII в. привел к распространению французского языка в дворянском обществе и созданию своеобразного французско-русского жаргона. В светских салонах и будуарах господствовала французская речь. Ей старалось подражать провинциальное дворянство, создавая немыслимую смесь двух языков, пародированную И. Мятлевым в «Сенсациях и замечаниях госпожи Курдюковой».

Стиль салонно-будуарной речи отличался усложненностью, излишней изысканностью, жеманством.

Ненатуральность ее, искусственность почувствовал и осознал Пушкин уже в конце 10-х гг. С этой поры у него резко падает число трафаретов русско-французского наречия. С начала 20-х гг. он начинает борьбу с ними. «Позиция Пушкина в борьбе между французским и русско-славянским языками гениальна. Пушкин, содействуя укреплению форм европейского мышления, в то же время преодолевает узость великосветского жаргона и сближает литературный язык с разными национально-бытовыми стилями» (В. В. Виноградов). Идеалом языка для него служит речь людей «честных, умных и образованных».

Язык этот в 20-е гг. не был еще реальностью. Но он уже был одним из пушкинских планов, успешно реализуемых.

Извиняясь, что письмо Татьяны в III главе «Онегина» — лишь «бледный, слабый перевод», автор как бы признает недостаточность русской лексики для передачи тонких чувств. Но письмо написано по-русски и тем образцовым языком, очищенным от галлицизмов, который характеризует Пушкина той поры. Он может высказать по-русски любую самую сложную мысль и сам лишь иногда пользуется французским в частной и деловой переписке, в литературных набросках.

Языковая реформа Пушкина происходит на базе «среднего» стиля. Это характерно для Пушкина, не любящего крайностей. Расширяется сфера литературного применения этого стиля, он оказывается пригодным и для трагедии, и для оды, и для элегии. В него вводятся новые слова и обороты из устоявшейся литературной традиции и одновременно устраняются многие формы, заимствованные из французского. Но Пушкин против крайностей «шишковизма», предлагающего изъять из языка слова *публика, актер, религия, героизм, мебель, симметрия*. Необходимость подобных слов аргументируется им просто:

Гравюра Г. Епифанова к повести А. С. Пушкина «Пиковая дама».

Но панталоны, фрак, жилет,
Всех этих слов на русском нет.

Нет. Но они вошли во всеобщее употребление и потому принадлежат уже стихии русского языка. Употребляемость, прочность в сознании говорящих — один из самых основных критериев Пушкина при отборе слов и выражений, пригодных для общенационального языка.

Пожалуй, самой трудной задачей, стоявшей перед Пушкиным, было освоение огромного массива просторечия и народных говоров. Без решения этой задачи нельзя было выполнить грандиозный пушкинский план создания единого национального литературного языка, лишенного сословной и местной ограниченности.

Просторечие — разговорная речь преимущественно городского населения: части дворянства, мелкого и среднего чиновничества, духовенства, разночинной интеллигенции, мещанства. Оно сильно отличалось и от архаизованного книжного языка, и от офранцуженной речи светского круга. Образцом просторечия Пушкин считал язык московских просвирен, старомосковского городского люда.

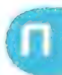
На народных диалектах говорили преимущественно крестьяне разных областей России, ремесленники, дворня, вообще — классы, не затронутые просвещением.

«С конца 20-х гг. все свободнее открывается доступ «грубым» простонародным выражениям в пушкинский язык» (В. В. Виноградов): *детина, девка, всхрапеть, маяться, преть, пятить, враки, во весь дух, грести лопатой* и т. д.

Не все в просторечии было приемлемо для Пушкина, да и оно в его время представляло собой довольно пестрое явление. Пушкин, например, решительно не принимал язык «дурных обществ», т. е. речь полупросвещенных купцов и мещан, «галантерейный» язык, столь же искусственный и жеманный, как речь дамского будуара.

Перед Пушкиным была очень разнообразная языковая действительность — наречия сословные, профессиональные, областные. Соотнести все это, выделить ценное, слить в единое целое — поистине титанический труд, требовавший огромных знаний и гениальной интуиции.

Как и в других областях, здесь проявляется соединение пушкинского ума и чутья с точным знанием явлений. Он хорошо знает, как говорят различные слои населения Москвы и Петербурга, псковской и нижегородской провинций, южных областей России, Приуралья — всех мест, где довелось ему побывать в многочисленных путешествиях по России.



В пестрой языковой стихии он находит несколько ориентиров: употребляемость слов и выражений, их необходимость, их свойственность русскому языку, их образность и емкость. Все более как основу ценит он народную речь, которая объединяется для него с языком народных песен, былин и сказок: «Читайте простонародные сказки, молодые писатели, чтоб видеть свойства русского языка». Результат этого чтения виден в сказках самого поэта.

Сохраняя все, что накопила литературная традиция к его времени, он видит перспективу развития литературного языка в его соединении с простонародностью. Бытовая речь с середины 20-х гг. XIX в. большим слоем входит в его поэзию, а в 30-х широко используется в его прозе.

Пушкин называл язык стихией, данной нам для сообщения мыслей. В этой стихии соединялось несколько потоков: литературная традиция XVIII в., речь культурного общества, городское просторечие, деревенско-фольклорная простонародность.

Гармонически соединивший все названные начала, язык Пушкина чрезвычайно богат и разнообразен.

Не сразу он был принят в своем высоком назначении.

Однако Пушкин преодолел время; его язык утвердился в качестве нормы и образца русского всенародного литературного языка. Он оставил нам великое сокровище — упорядоченную и смиренную стихию для сообщения любых мыслей и чувств. По его завету развиваются литературный язык и разговорная речь и в наше время.

Р

РАЗГОВОРНЫЙ ЯЗЫК

Как вы думаете, где во второй половине XX в. можно открыть новый язык? — Где-нибудь в Африке или на каких-нибудь далеких островах, ответите вы.

Вы ошиблись. Новый язык был открыт в нашей стране, в наше время. Что же это за язык? Разговорный язык. Да разве это особый язык? — удивитесь вы. Язык, и весьма своеобразный, непохожий на тот, которому учат в школах и институтах. Дело в том, что разговорный язык люди усваивают дома с детства, его своеобразие остается незамеченным. Получается, как с господином Журденом из пьесы Мольера: он не знал, что всю жизнь говорит прозой.

Так и мы не знали долгое время, что используем два литературных языка: один — на уроке в школе, на лекции, на собрании, по радио и т. д., на нем пишут книги, газеты и журналы; другой язык мы используем дома, в кругу друзей, в непринужденной обстановке, без предварительной подготовки и обязательно при непосредственном участии двух (или больше) собеседников. Он имеет преимущественно устную форму, но мы можем на нем и написать письмо, записку...

Чем разговорный язык отличается от языка, который ученые называют кодифицированным (или книжным) литературным языком?

В школе учат: подлежащее в русском языке выражается им. падежом существительного или местоимения: *Бежит мальчик. Он уехал. Журчат ручьи.* Так в литературном языке. А в разговорном языке иначе: *Над нами живет /на целое лето в Крым уехала//.* (В разговорном языке трудно определить границы предложения. Было даже высказано мнение, что в разговорном языке нет единицы, точно сопоставленной с предложением в литературном языке. Поэтому вместо указания границ средствами пунктуации при записи разговорной речи обозначают: знаком / — интонацию незаконченности, знаком // — интонацию законченности.) В этой фразе нет именительного падежа, но понятно, что сочетание *над нами живет* называет человека, живущего над нами, хотя нет ни имени, ни слов *женщина, девушка.* Назван только признак (при помощи сочетания спрягаемый глагол + косвенный падеж с предлогом). Какую синтаксическую роль играет это сочетание? Это обозначение действующего лица (субъекта действия), т. е. то, что в кодифицированном языке обозначается подлежащим. Такие конструкции, выражаю-

щие подлежащее, могут быть при именном сказуемом, которое обычно начинается частицей *это*: — *Через улицу переходит / это ваш учитель?; — В воротах стоит / это из вашего класса?; — С ребенком / это ваша соседка?; В очках / это брат Сергея.*

Разговорный и кодифицированный языки используются одними и теми же людьми, но в разных условиях. Между этими двумя языками существует значительное внешнее сходство, что и препятствует пониманию того, что это разные языки. Нередко различие между ними не в форме языковых единиц, а в их функции, в том, как они ведут себя в речи. В разговорном языке именительный падеж существительного имеет целый ряд функций, не свойственных ему в кодифицированном языке.

1. Именительный падеж широко употребляется при пояснениях разного рода, носящих характер добавления: — *А потом приехал какой-то офицер / не очень высокий чин //; У кого еще вторая часть есть / алгебра //.*

2. Именительный падеж качественного определения используется при другом существительном: *У них шкаф карельская береза* (сравним: *шкаф карельской березы*). Именительный падеж существительного в роли качественного определителя предмета часто является самостоятельной репликой диалога: — *С чем пирожки? — Мясо/ рис/ горячие//*; — *Брюки из какого материала? — Синтетика//.*

3. Именительный падеж может играть роль количественного определения предмета: *Там есть сыр / остаток//* (*остаток сыра*); *Он мне прочел письмо / отрывок //* (*отрывок письма*); *У вас есть сахар / маленькие пачки?* (*маленькие пачки сахара* или *сахар в маленьких пачках*).

4. Именительный падеж часто употребляется в вопросах: — *Какая порода / ваша собака?*; — *А какой цвет вам / сумку?*

5. Именительный падеж употребляется при глаголах, которые в книжном литературном языке непременно требуют косвенных падежей: — *Вам надо пересадку делать // Библиотека Ленина сойдете //; — Скажите / где находится Бауманский телефонный узел? — Вон на той стороне / любой троллейбус садитесь//.*

Разговорный язык проявляется лишь в определенных условиях, при неофициальности отношений между говорящими, его нельзя точно и всесторонне фиксировать на письме. Именно из-за этого он долго оставался не замеченным исследователями. Подлинное его открытие произошло в 60-х гг. нашего века. Первые систематические записи его произвели смятение: многим показалось, что это запись речи «некультурных» людей. Тогда лингвисты, сделавшие эти записи, сообщили, что записана речь людей с очень высокой культурой — профессоров, писателей, академиков. Понемногу филологи стали привыкать к мысли,

что такая система (одна из форм литературного языка) действительно существует.

Разговорный язык отличается от кодифицированного не только синтаксисом. У него своеобразны фонетические закономерности; у него свой набор морфологических единиц (например, не употребляются причастия и деепричастия — их роль выполняют другие единицы).

Итак, разговорный язык и книжный (кодифицированный) литературные языки противопоставлены как различные языковые системы, употребляемые в одном и том же языковом коллективе. Выбор между ними обусловлен отношениями между говорящими лицами и условиями общения.

РЕФОРМЫ РУССКОГО ПИСЬМА (XVIII—XX вв.)

Современный русский алфавит — это видоизмененная кириллица (см. *Возникновение письма у славян*).

Серьезная первая реформа русской азбуки была проведена Петром I в 1708 (первоначальный вариант) и в 1710 гг. (окончательный вариант). Совершенствуя азбуку, Петр I ввел в состав алфавита букву *э*, которая фактически уже употреблялась, но не была «законной», и изъял часть дублетных букв. Дублетные буквы (две буквы для обозначения одного и того же звука) были включены в кириллицу для обеспечения правильного произношения греческих звуков в греческих словах, заимствованных славянами, но они были ненужными для передачи звуков славянских языков. Петр I изъял одну из двух букв, обозначавших звук [з], одну из двух букв, обозначавших звук [ф], одну из двух букв, обозначавших звук [о]. В 1708 г. изъял букву ижицу, но в 1710 г. она опять вошла в алфавит и дожила до 1917 г.

Часть первоначально исключенных букв Петру I пришлось восстановить, как считают, под нажимом духовенства. Таким образом, даже борьба за рациональный алфавит не была свободной от идеологических влияний.

Не подверглись изменению такие нововведения Петра I, как установление разного начертания прописных и строчных букв (в церковной кириллице они не различались), отмена цифрового значения кириллических букв (введены арабские цифры), отмена обязательности постановки знака ударения в каждом слове, знаков сокращения слов (эти знаки — титлы — ставились над сокращенным словом).

Новый шрифт, введенный Петром I, получил название «гражданский» или «гражданица», так как этим шрифтом печатались книги светские, не церковные.

Реформа Петра I была лишь реформой алфавита, реформой графики, но не орфографии: она не затрагивала правописания слов и морфем. В грамматических пособиях того времени не было еще четких правил орфографии.

Даже в лучших грамматиках XVIII—XIX вв. орфография не была предметом систематического, полного рассмотрения. Этой потребности ответил появившийся в 1873 г. труд академика Я. К. Грота «Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне». Он составил эпоху в истории русского правописания. Это было историко-теоретическое освещение русской орфографической системы. Книга Грота впервые регулировала письмо. Написанное на его основе практическое руководство «Русское правописание» выдержало более 20 изданий. Книги все печатались в соответствии с этим руководством.

Однако «гротовское письмо» было сложным, многие его объяснения представлялись натянутыми и надуманными. Перед Я. К. Гротом и не стояла задача упрощения русского правописания. Актуальной задачей этого времени было описание русской письменной традиции и приведение письма к возможному единообразию. Именно только после обобщающего труда Я. К. Грота и стала очевидной задача упрощения русской орфографии.

В конце XIX — начале XX в. борьба за упрощение русской орфографии ведется в педагогических кругах. В 1904 г. вопросами реформирования и упорядочения орфографии занялась Академия наук — самая высокая научная инстанция. Работу возглавили академики Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов. В орфографической подкомиссии активно работали замечательные ученые И. А. Бодуэн де Куртенэ, Р. Ф. Брандт, В. И. Чернышев.

Уже в мае 1904 г. подкомиссия опубликовала свое предварительное сообщение, предлагавшее проект нового правописания.

Однако проект был встречен в штыки реакционными правительственными кругами и консервативной печатью. Царскому правительству реформа была ненавистна как прогрессивное нововведение. Противников реформы оказалось так много, что ее удалось провести лишь при Советской власти, и народ получил, наконец, упрощенное правописание.

23 декабря 1917 г. Народный комиссариат просвещения издал декрет о введении нового правописания. 10 октября 1918 г. Советом Народных Комиссаров был издан специальный декрет, подтвердивший декрет Народного комиссариата просвещения. Второй декрет был вызван необходимостью расширить сферу применения новой орфографии, утвердить ее во всей советской печати.

Реформа 1917 — 1918 гг. была актом первостепенного общественного и культурного значения. Она значительно упростила и осовременила наше письмо.

АВГУСТ ШЛЕЙХЕР (1821—1868)

Август Шлейхер — выдающийся немецкий языковед-индоевропеист. Впервые стал широко вводить в сравнительно-исторические исследования данные славянских и балтийских языков, был фактическим создателем сравнительно-исторической литуанистики (науки о литовском языке). А. Шлейхер считал, что историю и законы развития конкретных языков можно исследовать так же объективно, как и законы жизни живых организмов. Успехи естественных наук и в особенности идеи дарвинизма оказали большое влияние на мировоззрение Шлейхера, этим объясняется и его любовь к естественнонаучным терминам, перенесенным в языковедение («организм» языка, языковые «семьи», «ветви», «генеалогическое древо» и т. п.), подражание естествоиспытателям в методах исследования. Шлейхер считал, что флективный строй древних индоевропейских языков (и общеиндоевропейского праязыка) складывался постепенно и имеет такую же предысторию, как, например, в биологии сложные многоклеточные организмы животных и растений, возводимые к простейшим одноклеточным предкам. Самым простым типом языка Шлейхер считал изолирующий (см. *Изолирующие языки*), когда отдельные корни или соединения корней ставятся в определенном порядке, а морфологические формы, указывающие на связь слов в предложении, в языке отсутствуют, как, например, во вьетнамском языке. Более сложный тип — агглютинативный (буквально «склеивающий») — возник путем эволюции из изолирующего (как, например, в финно-угорских или тюркских языках, к корням механически «приклеиваются» различного рода грамматические показатели, произошедшие из служебных, а первоначально — из самостоятельных полнозначных слов корней). Из агглютинативного типа произошел флективный. Здесь грамматические показатели тесно срослись с корнем, корень никогда не выступает изолированно, его всегда сопровождают флексии (наиболее богато флексии представлены в санскрите). Эти периоды становления и совершенствования языкового организма относятся к доистории; собственно исторические этапы А. Шлейхер считал периодом распада, разрушения языкового организма: стареющий язык начинает упрощать и терять первоначально богатые флексии, звуковые изменения разрушают облик первоначального корня. Эти изменения в разных диалектах общеиндоевропейского праязыка происходят по-разному, при этом чем дальше носители индоевропейских диалектов отошли от первоначальной прародины, тем большему распаду подвергся сам языковой организм. Так, из диалектов общеиндоевропейского праязыка в результате его распада возникли отдельные индоевропейские языки; чем дальше они отстоят от индоевропейской прародины (которую Шлейхер предполагал в Средней Азии), тем меньше в языке сохранилось древних индоевропейских флексий. Ближе всего и территориально, и по своему богатому строю к общеиндоевропейскому флективному типу стоят санскрит и бактрийский (авестийский) язык. Индоевропейцы, ушедшие с прародины южным путем, дали начало языкам греческому, латинскому (который претерпел больше изменений и, следовательно, беднее греческого), кельтскому (дойдя до Атлантического побережья, кельты почти утратили древние флексии). Индоевропейцы, ушедшие с прародины северным путем, дали начало славянам (в языке которых еще сохраняются старые падежные и глагольные флексии) и литовцам (где также сохраняется богатое склонение), дальше на запад ушли предки германцев (чем западнее расположен германский язык, тем меньше у него сохранилось старых форм; английский язык совсем утратил падежи). Полнее всего теория А. Шлейхера изложена в его посмертно изданном труде «Компендий (т. е. краткое изложение) сравнительной грамматики индоевропейских языков». А. Шлейхер оставил после себя много учеников (Г. Курциус, А. Лескин, И. Шмидт, Г. Шухардт), которые создали свои научные работы, отбросив элементы примитивного биологизма и развив самые ценные идеи своего учителя — об объективности и познаваемости законов языковых изменений, о системном характере языкового «организма».

Так, были устранены написания церковнославянских окончаний *-аго, -яго* у прилагательных, причастий и местоимений (*добраго, пятаго, котораго, синяго* и т. п.): они были заменены на *-ого, -его* (*доброго, пятого, которого, синего* и т. п.). Было устранено разграничение местоимений *одни, они*, с одной стороны, и *однѣ, онѣ*, с другой (первые употреблялись для слов мужского и среднего рода, вторые — для слов женского рода. Притом это различие было только письменным: написано *онѣ* — читали [ан'и], т. е. так же, как *они*).

Было изменено правило написания приставок на *-з*, часть из которых — *без-, чрез-, через-* — писалась всегда с буквой *з*, а часть — *воз-, низ-, из-, раз-* — по фонетическому принципу. Все приставки на *-з* было решено писать только на основе одного принципа. Предпочтение отдали фонетическому принципу: пишем теперь во всех приставках на *-з* букву *з* перед последующими звонкими согласными и букву *с* — перед глухими.

Были упрощены правила переноса.

Изъяты из алфавита буквы ѣ (ять), θ (фита), *i* (десятеричное). Сравним дореформенные написания с этими буквами: *хлѣбъ, лѣсъ, орѳография*. Отменено употребление буквы ъ в конце слов и частей сложных слов. Сравним дореформенное написание: *контръадміралъ*.

Знание того, в каких словах нужно писать ѣ, являлось своего рода социальным цензом. Оно, как говорили, отделяло дворян от простолюдинов, образованных от необразованных. За сохранение этой буквы упорно боролись консервативно настроенные круги.

Реформа русского письма 1917—1918 гг. была его глубокой демократизацией. Именно в этом заключалось ее прогрессивное значение.

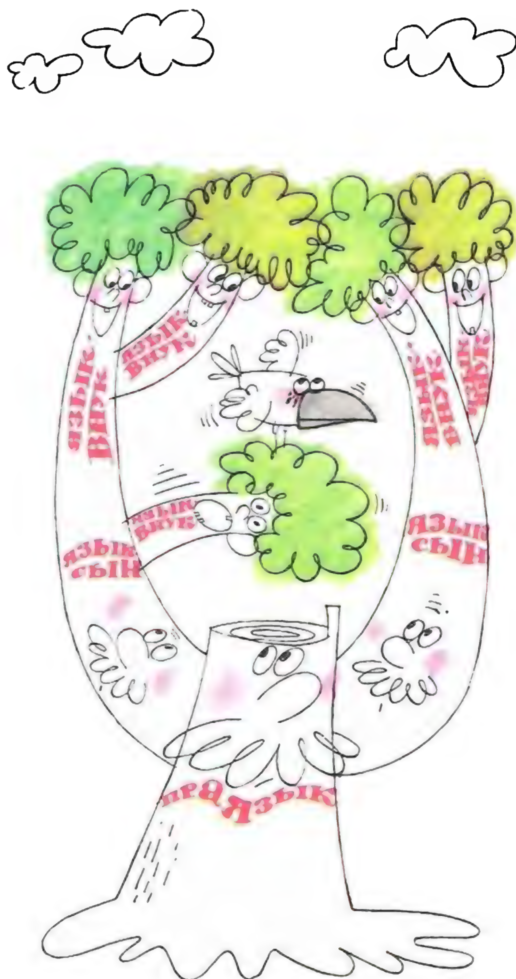
Она была подготовлена авторитетной академической комиссией. Этот факт положительно оценил Владимир Ильич Ленин. Его слова дошли до нас в изложении наркома просвещения Анатолия Васильевича Луначарского: «Я, конечно, самым внимательным образом советовался с Владимиром Ильичем Лениным перед тем, как ввести этот алфавит и это правописание. Вот что по этому поводу сказал мне Ленин. Я стараюсь передать его слова возможно точнее. «Если мы сейчас не введем необходимой реформы — это будет очень плохо, ибо и в этом, как и во введении, например, метрической системы и григорианского календаря, мы должны сейчас же признать отмену разных остатков старины... Против академической орфографии, предлагаемой комиссией авторитетных ученых, никто не посмеет сказать ни слова. Поэтому вводите ее (новую орфографию) поскорее...»

Такова была инструкция, которая дана была нам вождем. После этого мы немедленно законодательным путем ввели новый алфавит».

РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО СЕМЬИ ЯЗЫКОВ

Языки, между которыми установлены закономерные расхождения, являются родственными, восходят к одному языку-предку, к праязыку (см. *Сравнительно-исторический метод*). Степень родства языков может быть различной. Так, русский, украинский и белорусский языки восходят к древнерусскому языку. В свою очередь, древнерусский вместе с другими славянскими языками восходит к общеславянскому языку.

Более отдаленное родство славянские языки обнаруживают с балтийскими — литовским, латышским, германскими, кельтскими, греческим и т. д. Все эти языки восходят к общеиндоевропейскому праязыку. Эта различная степень родства между языками представлена на схемах в виде родословного древа, где ствол изображает ранний праязык, ветви — развивавшиеся из него более поздние промежуточные языки, отдельные ответвления — языки, уже засвидетельствованные в письменных памятниках.



С

САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН М. Е. ЯЗЫК ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Любивший свою родину, по его собственному выражению, до боли сердечной, М. Е. Салтыков-Щедрин тяжело переживал трагическую невозможность служить ей открытым, ясным, бесцензурным словом. Необходимость всевозможных ухищрений для того, чтобы донести до соотечественников свою мысль, угнетала его: «Писатель не знает, в какие чернила обмакнуть перо, чтоб выразить ее, не знает, в какие ризы ее одеть, чтоб она не вышла уж чересчур доступною (для цензурного ока). Кутает-кутает, обматывает всевозможными околичностями и аллегориями...

Ужели есть на свете обида более кровная, нежели это нескончаемое езопство, до того вошедшее в обиход, что нередко сам езопствующий перестает сознавать себя Езопом?»

В этой трагической битве Щедрин как великий художник часто оказывался победителем. Сам сатирик, при всем негодовании на свою «рабью», «эзоповскую», вынужденно иносказательную манеру письма, оговаривался: «Иногда, впрочем, она и не безвыгодна, потому что, благодаря ее обязательности, писатель отыскивает такие пояснительные черты и краски, в которых, при прямом изложении предмета, не было бы надобности, но которые все-таки не без пользы врезываются в памяти читателя».

Действительно, сама необходимость, часто требовавшая далеко «отступать» от реальных фактов, казалось, только способствовала возрастанию масштабности и мощи щедринских образных обобщений. Многие из его образных находок прочно вошли не только в обиход тогдашней публицистики, но и в фонд русского литературного языка. Таковы в первую очередь знаменитые «помпадуры» (кличка, в которой сплавились фамилия печально знаменитой фаворитки французского короля Людовика XV и меткое русское словцо *самодур* — прозвище тупых, невежественных и самоуверенных сановников), *хищники* (применительно к выступившей на историческую сцену буржуазии), *глуповцы* (символ запуганных, замордованных обывателей), «*человек, питающийся лебедой*» (крестьянство), а также *пенкосниматели, пустоплясы, шалопаи, государственные младенцы* и многие другие.

Характерная черта щедринского стиля — резкое нарушение нормальных жизненных пропорций, естественных представлений о вещах. Генералы, оказавшиеся на необитаемом острове и существующие там лишь благодаря неустанным трудам мужика, насытясь, размышляют: «Не дать ли и тунеядцу (т.е. мужику) частичку?» Среди глуповцев «находились смельчаки, которые предлагали поголовно пасть на колена и просить прощения». Так насилие, которому подвергается народ и вся его жизнь в несправедливо устроенном государстве, как бы отзывается и в языке удивительными метаморфозами, искажением смысла самых обычных слов. «Умник» оказывается опасной кличкой, «хуже, чем моветон». «Простоватый» означает «не столько умственную бедность, сколько отсутствие хищничества».

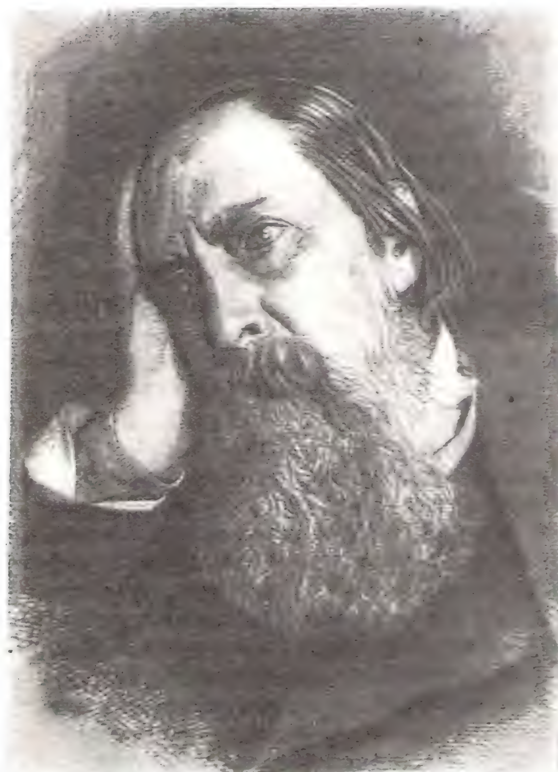
Образные характеристики, которые Щедрин давал изобличаемым им деятелям современности, необычайны по своей экспрессии и выразительности. Например, говоря о тех, кто «претендует на оседлание отечества» и считает его «лишь местом для получения присвоенных по штатам окладов», сатирик именует их «фанатиками казенного или общественного пирога», «знаменосцами кутерьмы».

Рисуя многих своих отрицательных персонажей, Щедрин высмеивает сам стиль их «длинноухих речей», выдающих воинствующее невежество и крайнюю примитивность «ораторов» и сочинителей «трактатов».

В сочиняемых ими проектах «уничтожения всего» зло пародируются не только тупоумные записки консерваторов конца прошлого века, но и мертвенно-бюрократический стиль законов Российской империи.

Пародия — вообще один из любимых сатирических приемов Щедрина, используемый им чрезвычайно разнообразно. Пародируется пристрастие дворянского общества к «милому французскому жаргону, посредством которого можно всякую пакость таким образом выразить, что от нее повеет совсем не пакостью, а благоуханием». Пародируется щегольство эффектными латинскими афоризмами вроде знаменитого: «*Veni, vidi, vici*» — «Пришел, увидел, победил». Щедрин язвительно переиначивает этот афоризм при характеристике реакционных «подвигов»: «налетел, нагрянул, ушиб», «ухватил, смял, поволок». «Этак всякий с улицы пришел, распорядился и ушел!..» — возмущается чиновник, высеченный обнаглевшим пройдохой. Даже признания помпадура в «нежных чувствах» таковы, что женщине, которой они адресованы, «казалось, что она выслушала какую-то неуклюжую канцелярскую бумагу, которой смысл был для нее еще не совсем ясен, но на которую необходимо, во что бы то ни стало, дать объяснение».

В другом же случае «единственный амурный разговор», состоявшийся между будущими



М. Е. Салтыков-Щедрин. Портрет работы И. Крамского.

супругами, беспощадно обнажает сущность людей новой, буржуазной складки:

«—Вы, может быть, думаете, что у меня денег нет? — сказала она, вдруг приступая к самому существу дела. — Нет, у меня есть деньги!

Велентьева бросило в жар при этом признании.

— Я недавно купила сто мужиков на своз, — продолжала княжна: — и если эта операция удастся, то я получу хорошую выгоду.

— Ваше сиятельство! — захлебнулся Велентьев.

— А когда я буду выходить замуж, то *ma tante* (тетя) даст мне еще десять тысяч. Эти деньги я думаю отдавать в рост.

— Ваше сиятельство! Осмелюсь доложить...

— Вы думаете, может быть, что отдавать деньги в рост — дело рискованное, но я могу сказать наверное, что тут никакого риску нет».

Однако далеко не всегда герои предстают в таком, выражаясь щедринским слогом, умственном и нравственном «неглиже». Наиболее опасными справедливо кажутся сатирику как раз те из них, которые склонны к словесной маскировке. Классический образец этого рода — елейная речь Порфирия Головлева, Иудушки, и некоторых других подобных героев. У них не сходят с языка ласковые обращения («милый друг маменька» — у Иудушки). «С просителями Софрон Матвеевич был вежлив необыкновенно, — повествуется о другом персонаже, — даже мужикам говорил не иначе, как «голубчик» и «дружок». Чрезвычайно характерны излюбленные Головлевым приторно-сладкие уменьшительные: «Кому темненько да холодненько, а нам и светлехонько, и тепленько. Сидим да чаек попиваем. И с сахарцем, и со сливочками, и с лимонцем», — умиляется он и тут же лицемерно вспоминает о тех, кто «в зипунишечке каком-нибудь, кушачке плохоньком, лаптишечках». У Иудушки на любой случай жизни существует «готовый афоризм, который представлял собой камень, поданный голодному человеку». Например, просьбы о помощи, с которыми обращаются к нему сыновья, вызывают целый «наплыв афоризмов»: «сам запутался — сам и распутывайся»; «умел кашу заварить — умей ее и расхлебывать»; «любишь кататься — люби и саночки возить».

Более сложный процесс словесной мимикрии происходит в общественно-политической жизни, где «хорошие слова» (на эзоповом щедринском языке это слова, несущие новые, гуманные, просветительные идеи) часто становятся добычей тех, кто не смеет выступать против этих слов и идей прямо и «обдумывает, как бы им примоститься к «хорошему слову», усыновить его».

Яркие молнии щедринского сарказма озаряли беспощадным светом истинные мотивы дей-

Иллюстрация В. Милашевского к роману М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы».

Иллюстрация художника В. Милашевского к сказке М. Е. Салтыкова-Щедрина.

ствий и поступков, задрапированных всевозможным лганьем и красивыми словами. Писатель выступает в роли своеобразного классификатора разных сортов лжи. «...Для того чтобы всех очаровать, нужно — не то, чтобы лгать, а так объясняться, чтобы никто ничего не понимал, а всякий бы облизывался», — комментирует он речи одного из помпадуров. О другом персонаже, отдаленном предшественнике Иудушки Головлева, отзывается так: «...говорил он плавно, мягко, словно змей полз». Уничтожающи его характеристики либерального краснобайства: «...сначала щелкнул слабо, потом сильнее и сильнее, и наконец заслушался самого себя» (ироническое уподобление соловью!), «заговорят — заслушаешься: ровно на гуслях играют!» Едко подчеркнута безобидность либеральной болтовни: «Такими, брат, статьями христосоваться с начальством можно...» Но с особенной силой изобличает Щедрин стиль народившейся продажной и угодливой «желтой прессы»: «...рядом с «рабьим» языком народился язык холопский, претендовавший на смелость, но, в сущности, представлявший смесь наглости, лести и лжи». О газетчиках этого типа, которым Щедрин дает недвусмысленную фамилию — Подхалимовы, можно с полным основанием сказать, что они «дерзки на услугу», а сам орган печати, в котором они подвизаются, получает название «Чего изволите».

Часто делались сатирику упреки в чрезмерной желчности его смеха, в беспросветной мрачности рисуемых им картин, в отсутствии у него «светлых идеалов». При этом игнорировались те лирико-патетические ноты, которые возникают у Щедрина, когда он говорит о России, о народе и его судьбе: «Отечество есть тот таинственный, но живой организм, очертания которого ты не можешь отчетливо для себя определить, но которого прикосновение к себе ты непрерывно чувствуешь, ибо ты связан с этим организмом неразрывною пуповиной. Он, этот таинственный организм, был свидетелем и источником первых впечатлений твоего бытия, он наделил тебя способностью мыслить и чувствовать, он создал твои привычки, дал тебе язык, верования, литературу, он обогрел и приютил тебя, словом сказать, сделал из тебя существо, способное жить». Страданием за участь народа, крестьянства проникнута сказка «Коняга»: «Для всех природа — мать, для него одного она — бич и истязание. Всякое проявление ее жизни отражается на нем мучительством, всякое цветение — отравою». А вот строки, посвященные русской крестьянке: «В продолжение всей ее жизни у нее постоянно что-нибудь да отнимают. Замужество отнимает у нее мать и отца, заработки — мужа, рекрутчина — сына, совершеннолетие дочери — дочь. И на все эти притязания слепой судьбы она может ответить только слезами! Кто видит эти слезы? Кто слышит, как они льются капля по капле, подтачивая драгоценнейшее человеческое существование? Их видит и слышит только русский крестьянский малютка, но в

нем они оживляют нравственное чувство и полагают в его сердце семена любви и добра. Школа материнских слез — добрая школа, и не утратит веры в свою силу тот, кто воспитался в этой школе».

Сердечная боль за народ придает совершенно особую, глубоко гуманистическую интонацию гневной и грозной щедринской сатире.

СВЯЗАННЫЕ КОРНИ

Корень — это главная, обязательная часть слова. Именно корень выражает основное значение слова. Сравним слова *дом* и *дом-ик* (суффикс обозначает размер — «маленький», а корень — сам предмет), *бежать* и *при-бежать* (приставка обозначает «приближение», а корень — само действие).

Но так бывает не всегда.

Возьмем глаголы *обуть* и *разуть*. На какие части они членятся? В них четко осознаются приставки *об-* (вариант приставки *о-*) и *раз-* (сравним аналогичное значение приставок в глаголах *одеть* и *раздеть*), показатель инфинитива *-ть*. Где же корень? Корень *-у-*. Этот корень выделяется как остаток после вычленения приставки и иных глагольных показателей. Его особенность состоит в том, что он не употребляется вне сочетания с приставками. Такие корни, которые употребляются лишь в сочетании со словообразовательными морфемами (приставками или суффиксами), называют связанными, отличая их от «обычных» — свободных корней.

В словах *теленок, жеребенок* корни связаны суффиксом *-онок* (сравним этот суффикс при свободных корнях: *тигр* — [тигр'-онок], *слон* — [слон'-онок], *волк* — [волч'-онок]).

Нередко в семантике целого слова значение связанного корня является неясным, ощущается слабо. Мы видели это в глаголах *обуть* и *разуть*, имеющих связанный корень *-у-*. Вот еще примеры: *отнять — отнимать, поднять — поднимать, снять — снимать, принять — принимать*. В этих словах значение приставок осознается четко, а значение связанного корня (*-ня-* в сов. в., *-ним-* в несов. в.) едва брезжит. Что означает этот корень? Какое-то действие, но какое именно — неясно.

Выделение связанных корней допустимо лишь, когда прочие части слова являются *морфемами*, имеющими в составе слова определенное, четко осознаваемое значение: *во-нз-и-ть, про-нз-и-ть* (сравним: *во-ткнуть, проткнуть*), *добав-и-ть, от-бав-и-ть* (сравним: *доли-ть, отли-ть*); *от-верг-ну-ть, в-верг-ну-ть* (*откинуть, от-бросить, в-ставить*). Если значение «соседей» неясно, нет оснований для вычленения и связанного корня. Так, в группе *отнять, поднять, принять, разнять* приставки имеют конкретные пространственные значения и осмысляются четко. В глаголе же *понять* («постигнуть умом») значение приставки неясно, поэтому нет оснований и для выделения в этом глаголе связанного корня.

Связанные корни выделяются при синхронном изучении языка (см. *Синхрония и диахрония*).

С точки зрения происхождения имеются две группы слов со связанными корнями:

1. Исконно русские слова, корень которых в прошлом был свободным. Таковы многие приставочные глаголы, в том числе уже знакомые нам слова с корнями *-верг-* и *-ня-*. В древнерусском языке был глагол *яти* — «брать», ушедший из языка; сохранились лишь его потомки — глаголы с приставками: *отнять, поднять, разнять* и др.; *-н-* — вставной звук между приставкой и корнем, в современном языке он выступает как часть связанного корня.

2. Заимствованные слова, которые в русский язык пришли целиком, но при сопоставлении с другими словами в них вычленяются суффиксы и приставки: *эго-изм, эго-ист; тур-изм, тур-ист; изол-ирова-ть, изол-яци-я,* [*изол-атор*].

СЕМАНТИКА

Семантикой называется наука о значениях единиц языка — слов, морфем, синтаксических конструкций, интонаций — и о законах, по которым из значений этих относительно простых единиц складывается смысл предложений и целых связных текстов.

Чтобы полностью понять истинный смысл предложения, а тем более целого текста, мало знать язык, на котором он написан или произнесен. Нужно располагать и огромной внеязыковой информацией. Например, необходимо знать намерения и характер автора текста, детали конкретной обстановки и общее физическое устройство мира, историю и культуру человечества, законы мышления и многое другое.

Ясно, что ни лингвистика в целом, ни тем более семантика не может заниматься всеми этими вещами. Семантика не может заменить собою все существующие науки.

Семантика занимается не полным, а лишь буквальным смыслом текста, т. е. тем слоем смысла, для понимания которого достаточно только знания языка и не требуется никаких других знаний.

Чтобы представить предмет семантики более конкретно, необходимо понять, в чем проявляется знание языка у говорящих.

Люди, хорошо знающие язык, умеют 1) строить на этом языке предложения, выражающие нужный смысл, и понимать смысл чужих высказываний; 2) видеть смысловое тождество внешне различных предложений (синонимию) и смысловое различие внешне совпадающих предложений (омонимию); 3) понимать, какие предложения в смысловом отношении правильны и связны, а какие — неправильны или несвязны. Семантика должна дать теоретическое объяснение этих способностей, т. е. описать объекты и правила языка, которые дают возможность выполнять перечисленные операции.

Если человек не умеет выбрать языковые единицы, выражающие требуемый смысл, он делает семантические ошибки. Один профессиональный репортер написал в газете: *Преступники угнали несколько государственных и собственных машин*. Если исключить из рассмотрения нелепый смысл (преступники обокрали самих себя, угнав свои собственные машины), то предложение неправильно. Репортер спутал два близких, но не совпадающих по значению слова — надо было сказать *частных*, а не *собственных*.

Как объяснить автору существо этой ошибки? Может быть, заглянуть в словарь? Попробуем. *Частный* — «принадлежащий отдельному лицу, отдельным лицам, а не общественный, не государственный». Но отдельным лицам, а не всему обществу принадлежат такие вещи, как зубные щетки, авторучки, костюмы и т. п. Выходит, можно сказать *частная зубная щетка; частная авторучка, частный костюм*? Ни в коем случае! В действительности *частный* обозначает не любую, а только достаточно крупную собственность. *Частная картина* сказать нельзя, а *частное собрание картин* — можно.

Слово *собственный* по словарю значит «являющийся чьей-либо собственностью». В соответствии с буквой этого словарного определения мы имеем право сказать: *В камере хранения находились собственные чемоданы, На столе лежали собственные авторучки* и т. п. Ведь и чемоданы, и авторучки являются чьей-то собственностью. Ясно, однако, что по-русски так не говорят. Слово *собственный* в действительности значит «принадлежащий такому определенному лицу (или лицам), которое упомянуто или подразумевается в данном высказывании». Например: *Где же ваши собственные чемоданы? У ребенка есть собственная авторучка*. Даже в объявлении *Пользоваться в больнице собственными лекарствами запрещено* подразумеваются вполне определенные, хотя и неназванные, лица — пациенты больницы.

Оказывается, истолковать значение слова не так-то просто. Даже словари, составленные очень квалифицированными лингвистами,

не всегда справляются с этой задачей. Тут нужна целая наука. Именно такой наукой является семантика.

Одна из ее задач состоит как раз в том, чтобы истолковать значения всех единиц языка. В число таких единиц входят, помимо слов, морфемы, синтаксические конструкции, интонации. Предложения *Он прострелил мне шляпу* и *Он прострелил мою шляпу* значат не вполне одно и то же. Первое из них предполагает, что шляпа была на мне, а для второго это совсем не обязательно: шляпа могла висеть на гвозде, валяться на полу или даже находиться на другом конце земли. Более точно в первом случае имеется в виду следующее. Происходит какое-то воздействие на предмет одежды или другую вещь, которую можно надевать. В момент воздействия вещь нормально используется ее владельцем. Эта довольно сложная мысль выражается не словами, а особой синтаксической конструкцией с дательным падежом: *прострелил мне шляпу, порвал Ивану рубаху, разбил ему очки.*

Истолковать значение любой единицы языка — значит представить его в виде комбинации более простых значений. Вспомним относительно простые смыслы «принадлежать», «отдельный», «человек», «крупный», «вещь», входящие в состав более сложного значения «частный».

Могут возразить: почему же «человек» — более простое значение, чем «частный»? А вот почему. Слово *человек* можно и нужно определить без обращения к понятию частной собственности. Слово *частный* нельзя определить без обращения к понятию «человек»: частное и общественное, собственное и чужое возможны только в мире людей.

Семантика сводит сложные значения ко все более простым до тех пор, пока не достигается уровень первичных, элементарных смыслов. Их нельзя истолковать через какие-либо другие смыслы. Например: *Петя сообщает мне все новости* = *Петя делает так, что я знаю все новости*. Смыслы «делать» и «знать» элементарны. Это первичные кирпичики семантической вселенной, своего рода смысловые атомы. К числу таких атомов относятся еще смыслы «не», «существует», «хотеть», «можно» и др.

Аналогия с атомами не случайна.

Во-первых, элементарных смыслов гораздо меньше, чем сложных значений, как разных атомов меньше, чем молекул.

Во-вторых, молекула не просто набор атомов. В молекуле каждого вещества атомы связываются в жесткую структуру — решетку, спираль и т. п. Похожим образом устроен и мир значений. Если мы знаем только набор простых смыслов, мы еще не можем сказать, какому сложному значению он соответствует. Например, из элементарных смыслов «не» и «можно» складывается смысл слова *нельзя*: *нельзя* = «не можно». Интересно, что раньше в русском литературном языке идея «нельзя» могла выражаться этими двумя словами. Вспомним пушкинское: «В одну телегу впрячь неможно / Коня и трепетную лань». Теперь изменим связи между смыслами. Если в первом случае «можно» зависело от «не», то теперь «не» будет зависеть от «можно»: «не можно (делать что-либо)» — «можно не (делать что-либо)». На наших глазах происходит удивительное превращение запрета в разрешение. Следовательно, характер значения определяется не только набором смыслов, но и их внутренней структурой. Различия между значениями могут создаваться исключительно за счет различий в отношениях подчинения, которые связывают смысловые атомы друг с другом.

Решая названные задачи, семантика должна вскрывать — и в этом состоит ее сверхзадача — национальное своеобразие системы значений каждого языка. Национальное своеобразие системы значений проявляется двояко.

Прежде всего, всякий язык делает обязательным для говорящих выражение некоторых значений, независимо от того, существенны они для содержания или нет. Так, русский глагол всегда несет в себе сведения о совершенном или несовершенном виде (см. *Вид глагола*); во многих других языках эти значения несвойственны глаголу.

Язык не только заставляет говорящих в обязательном порядке выражать какие-то изолированные значения. В словах языка, в его синтаксических конструкциях, в «мелочишке суффиксов и флексий» отражается определенный способ восприятия мира. Он вырабаты-

вается бесчисленными поколениями людей и навязывается в качестве обязательного всем носителям языка. В этом способе мыслить мир воплощена цельная коллективная философия, своя для каждого языка. Она получила название «наивного реализма». Наивной она называется потому, что образ мира, запечатленный в языке, во многих существенных деталях отличается от научной картины мира. Мы рассмотрим один пример из области «наивной геометрии» (а кроме нее есть еще «наивная физика», «наивная психология», «наивная юриспруденция» и т. п.).

Сравним два понятия высоты — научное (эвклидово) и наивное. Научное понятие отличается от наивного по крайней мере следующими свойствами: 1. Эвклидовых высот у геометрического объекта столько, сколько у него вершин. Наивная высота у физического предмета всегда одна (если, конечно, она в принципе ему свойственна; у шаров, например, высоты вообще нет). 2. Эвклидова высота остается высотой, даже если она расположена в горизонтальной плоскости. Наивная высота вертикальна или не слишком отклоняется от вертикали. 3. В эвклидовой геометрии любые треугольники и четырехугольники имеют высоты. В наивной геометрии осмысление одного из измерений предмета как высоты зависит от его внутреннего устройства, его формы, места крепления к другому предмету, соседства других тел, положения наблюдателя и т. п. Вертикальное измерение у полого предмета, например ящичка или шкатулки, осмысляется как высота. У предмета точно такой же внешней формы, но со сплошной внутренней структурой (книги, металлической отливки) оно, скорее, будет осмыслено как толщина. Окно определенной формы может быть высоким и узким, а картина с точно такой же внешней рамкой будет длинной и узкой. Предметам с компактной формой (ящикам, рюкзакам) высота может быть приписана независимо от того, опираются ли они своим низом на другой предмет или нет. Например, подвесной шкафчик или холодильник может быть высоким. Предметам с вытянутой формой (трубам, столбам, переносным лестницам) высота обычно приписывается тогда, когда они имеют снизу точку опоры. Деревянная лестница может быть высокой, а веревочная лестница всегда длинная, даже если она касается земли. Заводская труба скорее высокая, чем длинная, потому что она стоит автономно. Бегущий по ее стене громоотвод скорее длинный, чем высокий, потому что он примыкает к другому, более крупному телу. Если наблюдатель смотрит на очень большой контейнер снаружи, он может оценить его вертикальную протяженность как высоту. Если же наблюдатель изменит точку зрения и заглянет внутрь контейнера, он назовет тот же линейный размер глубиной. 4. Для эвклидовой высоты неважно, насколько она уступает другим линейным размерам тела. Даже если она во много раз меньше, чем основание фигуры, она остается высотой. Наивная высота, по крайней мере у некоторых предметов, не может слишком сильно уступать другим линейным размерам предмета. Если, например, уменьшать вертикальный размер высокого, но небольшого цилиндра, то в какой-то момент он утратит наивную высоту и право называться в русском языке цилиндром. С наивной точки зрения он приобретет толщину и превратится в круг. На языке эвклидовой геометрии этот объект будет по-прежнему называться цилиндром (монета с математической точки зрения — цилиндр) и будет по-прежнему характеризоваться высотой, какой бы малой она ни была.

Легко заметить, что «наивное» не значит «примитивное». Наивное понятие высоты гораздо тоньше и сложнее научного. Оно совершенно не исчерпывается общепринятым словарным определением: высота = «протяженность по вертикали снизу вверх».

Вскрыть в системе значений естественного языка наивные картины геометрии, физики, психологии и т.д.— значит понять семантическое сходство разных языков и их семантические различия на самом глубоком уровне, который только достижим в лингвистике.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРАВИЛА

Люди, хорошо знающие язык, умеют видеть смысловое тождество внешне различных предложений (синонимию) и смысловое различие внешне совпадающих предложений (омонимию), а также отличать семантически правильные предложения от семантически неправильных и семантически связные предложения от семантически несвязных (см. *Семантика*).

Если человеку, хорошо знающему русский язык, дать предложение (1) *Черепах погубило внезапное похолодание,* он сумеет выразить эту мысль многими другими способами. Например: (2) *Черепах погубило внезапное понижение температуры воздуха,* (3) *Черепахи погибли из-за внезапного похолодания,* (4) *Гибель черепах была вызвана внезапным похолоданием,* (5) *Причиной гибели черепах явилось внезапное похолодание.*

Как объяснить, что предложения (1) — (5) синонимичны, т. е. обозначают одну и ту же ситуацию? Ведь в них используются совсем разные слова, которые не являются синонимами. Значение, которое в первом предложении выражено одним словом, в других предложениях распадается на несколько частей, причуд-

ливо распределенных между двумя, а то и тремя словами. В предложении (1) есть слово *похолодание,* значение которого выражается в предложении (2) тремя различными словами — *понижение, температура* и *воздух.* Слово *погубило* в предложении (1) выражает, по крайней мере, четыре разных значения: причины (похолодание было причиной смерти), прекращения жизни, прошедшего времени и совершенного вида. В предложении (3) это сложное значение распределено между двумя словами — *погибли* и *из-за.* Первое выражает все смыслы, кроме причинного, который передается предлогом *из-за.* В предложении (4) значения причины и совершенного вида сосредоточены в глаголе *вызвать.* Идея прекращения жизни выражена существительным *гибель,* а идея прошедшего времени — словоформой *была.* В предложении (5) представлено новое перераспределение значений. Словоформа *явилась* стала носителем значений времени и вида. Идея смерти по-прежнему выражается существительным *гибель,* а причинное значение получает наиболее «чистое» воплощение в слове *причина.*

Как же при таких удивительных семантических метаморфозах в предложениях (1) — (5) сохраняется тождество смысла?

Казалось бы, ответ на этот вопрос несложен. При всех перераспределениях элементов смысла между различными словами набор смыслов в предложениях (1) — (5) остается одним и тем же. Но из одних и тех же смысловых деталей можно собрать разные конструкции. Например, из набора смыслов, входящих в предложения (1) — (5), мы могли бы собрать предложение *Внезапная гибель черепах привела к похолоданию.* Это предложение имеет совсем другой смысл, чем предложения (1) — (5).

Естественно предположить, что смысл целого предложения, как и значение отдельного слова,— это смысловая молекула (см. *Семантика*), только более крупная. А для смысловой молекулы важен и набор смыслов, и связывающие их отношения подчинения.

Глубокие тождества и различия отношений подчинения между элементами смысловых молекул можно выразить только на специальном языке. Назовем его семантическим. По замыслу он отличается от естественного языка тем, что всякий смысл выражается в нем одним стандартным способом — неизменным набором относительно простых смыслов, связи между которыми тоже раз и навсегда определены. Но как с помощью такого языка можно объяснить тот факт, что совсем разные предложения русского языка имеют один и тот же смысл (синонимичны?). Очень просто: все синонимичные предложения естественного языка переводятся в одно и то же предложение искусственного семантического языка.

В связи с этим и возникает следующая задача семантики — разработка правил перевода предложений с семантического языка на естественный и обратно. Часть таких правил представлена в статье «Семантика». Это толкования различных единиц языка. Однако только этих правил недостаточно. Когда в предложении слова сочетаются друг с другом, их значения сложно взаимодействуют между собой. Семантика должна вскрыть эти взаимодействия и сформулировать их в виде строгих правил. Без этого невозможно объяснить многие случаи омонимии предложений.

Вообще говоря, омонимия предложений имеет несколько источников. Возьмем предложение *Мы проехали остановку.* Для всякого носителя русского языка оно обозначает две разные ситуации: (а) «Мы покрыли расстояние, равное перегону между двумя остановками»; (б) «Мы миновали то место, где производится посадка и высадка пассажиров». Источник этой неоднозначности — многозначность слов *проехать* и *остановка.* При осмыслении (а) *проехать* понимается как «покрыть расстояние» (*Проехали триста километров*), а *остановка* — как «перегон, расстояние». При осмыслении (б) *проехать* понимается как «миновать» (*Ночью проехали Киев*), а *останов-*

ка — как «место посадки и высадки» (*На остановке стояли люди*).

Предложение *Наблюдения над языком маленьких детей очень интересны* тоже омонимично. Однако на этот раз источником омонимии являются не значения слов, а синтаксические конструкции. Слово *дети* может быть синтаксически связано с подлежащим: *наблюдения детей*. Тогда получается смысл: «Языковые наблюдения маленьких детей интересны». С другой стороны, оно может быть синтаксически связано со словом *язык*. Тогда получается смысл: «Чьи-то наблюдения над детским языком интересны».

В обоих случаях нам удалось объяснить происхождение омонимии без выхода за пределы известных нам средств. Имеются, однако, такие случаи омонимии, когда ни первое, ни второе объяснения не годятся. Возьмем предложение (6) *Вы не должны ходить туда*. Оно обозначает либо разрешение («Вам можно не ходить туда»), либо запрет («Вам нельзя ходить туда»). Эта омонимия возникает в результате взаимодействия значений на «субмолекулярном» уровне. Чтобы указать ее источник, нам надо прибегнуть к ряду специальных правил.

Разгадка омонимии — в строении значения слова *должен*. Нет ли какой-нибудь связи между *должен, можно* и *нельзя*?

Связь между словами *можно* и *нельзя* следующая: *нельзя* = «не можно». Чуть сложнее связь между *должен* и *нельзя: должен делать (что-либо)* = «нельзя не делать (что-либо)».

Попытаемся теперь преобразовать предложение (6) с помощью этих семантических равенств.

Вы не должны ходить туда = (по определению *должен*) «Вам не нельзя не ходить туда» = (по определению *нельзя*) «Вам не не можно не ходить туда».

В последнем предложении семантического языка идут подряд два отрицания. Но мы знаем из логики, что два отрицания уничтожают друг друга: они равносильны утверждению. *Неверно, что он не пришел = Он пришел.* Считается, что этот общий логический закон снятия двойного отрицания действует и в семантическом языке. Применив его, получаем: «Вам не не можно не ходить туда» =

В школьной библиотеке.

В читальном зале.

Вам можно не ходить туда, и первое осмысление предложения (6) объяснено.

Понять, как получается второе осмысление предложения (6), нам помогают некоторые другие факты русского языка. Отрицательная частица *не* в русском языке синтаксически всегда связана с тем словом, перед которым она стоит. В большинстве случаев она связана со своим соседом справа и по смыслу. Например, в предложении *Он решил не все задачи контрольной работы* частица *не* стоит перед словом *все* и именно это слово отрицает: «какие-то задачи он решил, а какие-то — нет». Это ситуация нормального отрицания. Бывают, однако, случаи, когда *не* по смыслу связано не со своим правым соседом, а с каким-то другим словом. Рассмотрим, например, предложение *Он не решил всех задач контрольной работы*. Оно синонимично только что рассмотренному предложению. Значит, частица *не* отрицает в нем не глагол *решил*, с которым она связана синтаксически, а слово *все*. Ситуация, когда отрицательная частица *не* связана синтаксически с одним словом, а отрицает другое слово, называется ситуацией смещенного отрицания.

Смещение отрицания возможно и в предложении (6) — относительно слова *должен*. Иными словами, частица *не*, находясь перед словом *должен*, может быть связана по смыслу с глаголом *ходить*.

Пользуясь этим правилом, мы можем преобразовать предложение (6) следующим образом: *Вы не должны ходить туда* = (по правилу смещения отрицания) «Вы должны не ходить туда» = (по определению *должен*) «Вам нельзя не не ходить туда» = (по правилу снятия двойного отрицания) *Вам нельзя ходить туда*. Таким образом, второе осмысление предложения (6) тоже объяснено — на основании правила смещения отрицания.

Перейдем теперь к правилам установления семантической правильности предложений. Необходимо сразу же подчеркнуть, что странные, неправдоподобные или даже абсурдные и противоречивые предложения нельзя считать неправильными с точки зрения языковой семантики. Сорок лет назад выражения *пакет молока* или *электрополотенце* показались бы нам дикими, а сегодня они уже никого не удивляют. Строки: «И месяц алмазной фелукой / К нам выплывет встречей-разлукой» (А. Ахматова) — содержат логическое противоречие, потому что встреча не может быть разлукой, а разлука — встречей. Но в них нет языковой неправильности. Естественный язык обладает счастливым свойством — он позволяет свободно творить новые неслыханные смыслы.

Противоречие может считаться не логической, а семантической неправильностью только тогда, когда оно приводит к языковой ошибке. Для всякого говорящего по-русски предложения *Даже Ваня пришел* и *Ваня-то пришел* вполне правильны, а предложение *Даже Ваня-то пришел* неправильно. Почему? Ясно, что не просто из-за того, что оно противоречиво (из него следует, что *Ваня* одновременно и оправдал, и не оправдал чьи-то ожидания).

Чтобы ответить на поставленный вопрос, надо познакомиться с одним относительно недавним открытием семантики. Это — открытие неоднородности, многослойности структуры значения.

Высказывание *Ваня пришел* фиксирует некий объективный факт, касающийся Вани. Высказывание *Даже Ваня пришел* уместно лишь тогда, когда кроме Вани пришли другие и когда приход Вани явился некоторой неожиданностью для говорящего. Говорящий считал, что Ваня не придет. Высказывание *Ваня-то пришел* тоже не простая констатация факта. Оно уместно тогда, когда говорящий не сомневался, что Ваня придет, а обманул его ожидания кто-то другой, не Ваня. Таким образом, частицы *даже* и *-то* порождают противоречие: *даже* выражает сомнение говорящего по поводу какого-то события, *-то* — его уверенность по тому же самому поводу.

В приведенных толкованиях значений *даже* и *-то* есть две части, или слоя. Одна описывает объективную ситуацию, а другая фиксирует мнение говорящего по поводу участника ситуации. Часть толкования, фиксирующая мнение говорящего о предмете речи, называется модальной рамкой.

Теперь можно сформулировать следующий общий закон, который объясняет, в частности, и неправильность предложения *Даже Ваня-то пришел*. Противоречие в модальных рамках порождает языковую ошибку.

Свойство семантической правильности предложения не надо путать со свойством его семантической связности. Предложение *Бабушка обдает теплом сухие отпавшие ветви на плоском куске твердого материала* семантически вполне правильно, хотя и не связно (абсурдно по меньшей мере в трех точках). Предложение *Бабушка жарит хворост на плите* и семантически правильно, и связно. Между этими двумя предложениями имеется интересная связь. Установив ее, мы сумеем уяснить механизм понимания и производства связных предложений.

Большинство слов, входящих во второе предложение, имеют более одного значения. *Жарить* — значит «изготовлять пищу нагреванием в масле» и «обдавать теплом» (*Солнце жарило нещадно*). *Хворост* — значит «сухие отпавшие ветви» и «печенье, изготовленное кипячением в масле». Наконец, *плита* — значит «плоский кусок твердого материала» (*могильные плиты*) и «нагревательное устройство для изготовления пищи» (*кухонная плита*).

Почему же предложение *Бабушка жарит хворост на плите* нельзя понять в смысле «Бабушка обдает теплом сухие отпавшие ветви на плоском куске твердого материала»? Ведь все необходимое для этого значения у слов есть.

Несвязность приведенного осмысления объясняется тем, что у значений «обдавать теплом», «сухие отпавшие ветви», «плоский кусок твердого материала» нет или почти нет ничего общего. Наоборот, те значения, которые сообщают предложению *Бабушка жарит хворост на плите* связность, обнаруживают много общих смысловых компонентов.

Выбор именно этих, а не каких-либо других значений слов *жарить, хворост* и *плита* обеспечивает максимальную повторяемость смысловых компонентов в пределах предложения. Никакая другая комбинация значений не содержит такого количества смысловых повторов. Закон «максимальной повторяемости смыслов» и есть основной закон, регулирующий понимание предложений носителями языка: они интуитивно выбирают такое осмысление, при котором повторяемость смыслов достигает предела.

Таковы основные типы правил, исследуемых семантикой.

СЕМИОТИКА

Семиотика — наука о том, как в человеческом обществе происходит общение, т. е. с помощью каких средств может передаваться информация, как устроены эти средства сами по себе, как они применяются, каким изменениям они подвержены. Во всяком общении можно вычленить какой-то смысл и какие-то средства его передачи. Если расчленить этот смысл на элементы и найти, какими средствами выражен каждый из них, перед нами окажутся знаки. Знаки — это соединение определенного смысла и определенного способа его выражения, т. е. означаемого и означающего. Семиотика и является наукой, изучающей различные системы знаков в их устройстве, функционировании и развитии.

У Г. К. Честертона есть рассказ, в котором повествуется о профессоре Чадде. Профессор сошел с ума, перестал разговаривать и начал странно приплясывать, выделывая непонятные движения ногами. Все думают, что он сумасшедший, пока его друг не обнаруживает, что фигуры, которые выделывает профессор, образуют определенные последовательности. Он догадывается тогда, что профессор совсем не сошел с ума, а придумал — для проверки своих научных гипотез — особый способ передачи информации (код) и испытывает, сумеют ли окружающие догадаться, что он таким образом общается с ними, и смогут ли они расшифровать его сообщения (тексты). Проблема, поставленная профессором, состоит на самом деле в следующем: как отличить знаки от незнаков, как отличить передачу смысла от произвольного нагромождения разрозненных

образов (слуховых, зрительных, обонятельных и т. д.).

Именно этой проблемой, проблемой чисто семиотической, заняты те научные общества, которые изучают средства коммуникации с гипотетическими инопланетянами: если бы было известно, как в принципе устроен знак и какими способами знаки могут группироваться в сообщение, можно было бы точно сказать, имеется или не имеется смысл в любой последовательности сигналов, идущих к нам из космоса.

На первый взгляд кажется, что с подобными проблемами мы сталкиваемся только в экстремальных, чрезвычайных ситуациях. Так кажется потому, что мы живем в привычной нам обстановке, в «своем» обществе. Мы усваиваем принятое в нем членение на осмысленное и бессмысленное: одни элементы поведения оказываются знаковыми, осмысленными, другие — незнаковыми, незначимыми. Окажись на нашем месте человек из другого общества, с другой культурой, он бы прочел наше поведение по-своему.

Когда в прошлом веке в Южной Америке высадился европейский путешественник и, встав утром, начал чистить зубы, наблюдавшие за ним индейцы убили его, решив, что он занимается страшным и неведомым им колдовством. Они, таким образом,— так же как и мы — сочли его действия осмысленными, но декодировали этот смысл иначе, чем это сделали бы мы. Они «прочли» это действие не как гигиеническое упражнение, а как магический ритуал, т. е. поместили его в свою знаковую систему и соответственно интерпретировали.

Носители смысла могут быть разными — это могут быть действия, понятия, предметы (иными словами, предметы материальные и идеальные). В разные эпохи и в разных обществах одно и то же означающее может наполняться существенно разным смыслом, включаться в разные знаковые системы.

Например, в русском обществе с последовательностью звуков *дол* связывается представление о равнине, тогда как приблизительно та же звуковая цепочка в английском обществе ассоциируется со смыслом «кукла».

Сколь бы различны ни были означающие, все знаки — в своем качестве знаков — имеют общую природу: они социальны и, соответственно, меняются от эпохи к эпохе и от общества к обществу. Смысл, а следовательно, и знаковая функция (возможность быть знаком) сообщаются предмету в результате его функционирования в обществе. Этот смысл складывается исторически, он передается от отца к сыну и от сына к внуку, входя в коллективную память общества. Хотя отдельные предметы меняют свой смысл, смысловая преемственность, как правило, существенно более значима, чем эти изменения; именно эта преемственность и создает историческое единство общества, объединенного одной культурой.

С помощью знаков образуются сообщения (тексты) разного рода. Могут быть тексты зрелищно-игровые, ритуальные, художественные, научно-информативные, тексты бытового поведения и т. д. Каждому роду текстов присуща своя знаковая система. Есть семио-

тика кино, семиотика языка (лингвистическая семиотика), семиотика бытового поведения, семиотика мифа и др.

Семиотическая система — это совокупность знаков. Существует, например, достаточно простая семиотическая система приветствий. В данной семиотической системе означающими могут быть разного рода поклоны, рукопожатия, поцелуи, помахивания рукой, похлопывания по плечу, соединенные с многообразными словесными формулами (типа «имею честь представиться», «рад познакомиться», «счастлив вас видеть», «здравствуй, товарищ», «привет, старик» и т.д.). Эти элементы по определенным правилам комбинируются в тексты (например, поцелуй не сочетается с «имею честь представиться», а официальный поклон — с «привет, старик»). Каждый из элементов соотносится с определенным смыслом, они указывают на близость отношений участников коммуникации, на различия в их социальном положении, возрасте и т. п. Сочетания отдельного смысла с отдельным способом приветствия и образуют знаки, составляющие целостную систему. Содержательной областью служат здесь социальные отношения, и всякая система приветствий по-своему членит эту область на отдельные смыслы. Если, например, одинаково приветствуют стариков и детей (но по-другому — людей среднего возраста), то значимой является дееспособность; если стариков приветствуют так же, как начальников, членение проходит по линии опытность — неопытность.

Все знаки в таких системах взаимозависимы. Если, например, имеется выбор между рукопожатием, поцелуем и похлопыванием по плечу, рукопожатие означает отсутствие интимности. Если же лица одного пола всегда жмут друг другу руку, то рукопожатие никак с понятием интимности не связывается — оно указывает лишь на одинаковый пол участников коммуникации. Таким образом, смысл рукопожатия может быть понят только в его соотношении с другими формами приветствия: знаки определяются по своему отношению к другим знакам.

Русские приветствуют друг друга иначе, чем американцы, американцы в Нью-Йорке иначе, чем американцы в Техасе. Сопоставляя такие системы, семиотика стремится понять, с чем связаны общие закономерности их устройства и чем обусловлены их специфические характеристики. Например, в большинстве систем мужчин и женщин приветствуют по-разному, и эта закономерность очевидно соотносится с фундаментальным значением противопоставления мужского и женского в представлениях человечества об устройстве мира. Но есть системы, где эта закономерность нарушается, т. е. мужчин и женщин приветствуют одинаково. Ясно, что такие системы могут функционировать лишь в обществе, в котором происходит демонстративная эмансипация женщин и в результате ряд знаковых систем выходит из употребления (например, система «знаков ухаживания»), а ряд переживает кардинальные изменения. Такие определяющие факторы легко обнаружить, когда исследуются относительно простые знаковые системы.

Когда анализируются системы более сложные, решение подобных задач требует обращения к самым запутанным вопросам истории человеческого общества и культуры. Достаточно указать, например, как по-разному пытаются объяснить, что стоит за несходством перспективных и композиционных приемов у Рафаэля и Рембрандта или у Дюрера и Рейсдаля. Ясно, что перспективные искажения, игра смещенными ракурсами, переход от внешних средств композиционной организации (симметрия, рамки) к внутренним (цвет, смешение планов) близко связаны с кризисом Ренессанса и становлением барокко: формальные изменения, таким образом, обусловлены изменениями мировоззренческими. Однако относительно того, какие именно черты идеологии эпохи барокко повлияли на систему живописных приемов, существует множество противоречащих друг другу мнений.

Очевидно, однако, что, сколь бы разным культурам ни принадлежали люди, для них всегда сохраняется потенциальная возможность взаимопонимания. Это значит, что наряду с биологическим единством человечества существует и его семиотическое единство. Соответственно, перед семиотикой встает задача обнаружить в различных семиотических системах такие общие принципы устройства и такие архетипические модели, которые это семиотическое единство обеспе-

А
Б
М
12
ЗИЛ
35 86 ММТ
С

чивают. Пример архетипической модели — универсальное представление о Земле как о человеческом организме (сравните метафоры-образы: *мать-Земля, сыновья*, или *дети Земли*).

Лингвистика и семиотика — две тесно взаимодействующие дисциплины, и это естественно, поскольку язык является одной из основных семиотических систем. Семиотика в значительной степени выросла из лингвистических исследований, поскольку именно в языкознании была конкретно продемонстрирована культурная относительность смысловых категорий. Как оказалось, разные языки предполагают разное членение смыслов. В разных языках проявляется разное представление о времени, о тождестве и различии, о классификации предметов и т. д. Обнаружив такие различия в языке, естественно было задаться вопросом: не проявляются ли они и в других аспектах культуры и быта общества? Представление о языке как о знаковой системе было распространено и на другие явления, и в результате язык оказался поставленным в контекст многообразных знаковых систем, во взаимодействии с которыми он функционирует.

СЕМЬЯ ЯЗЫКОВ

Семья языков — это группа языков, происходящая из одного общего праязыка. Так, романские языки (португальский, испанский, французский, итальянский, румынский, молдавский) произошли из латинского языка. В эпоху Римской империи (I—V вв. н. э.) латинский язык распространялся на огромном пространстве южной Европы, от Атлантического побережья на западе до устья Дуная на востоке. Литературная форма латыни была едина, но местные варианты разговорного языка и просторечие значительно различались. После падения империи влияние единых форм литературного языка ослабло. Вследствие иноплеменных нашествий, завоеваний различных областей северными (в основном — германскими) племенами, а также из-за феодальной раздробленности разобщенность между отдельными южноевропейскими областями усиливалась. Это привело к большому расхождению между диалектами латинского языка и постепенному их превращению в самостоятельные романские языки (от лат. *romanus* — «римский»).

Кроме романской семьи в Европе существуют и другие семьи: кельтская, германская, славянская, балтийская и др. Каждая из этих семей состоит из родственных языков (т. е. восходящих к одному исчезнувшему праязыку: общегерманскому, общеславянскому и т. д.).

Родственными признаются лишь такие языки, различия между которыми закономерны, где, прежде всего, можно установить регулярность в звуковых расхождениях. Так, в начале XIX в. русский ученый А. Х. Востоков установил ряд закономерных звуковых соответствий между славянскими языками. Например, в ряде похожих слов (с одинаковым или близким значением) русским сочетаниям *оро, оло* в польском соответствуют *ro*, *lo*, а в чешском, словацком и южнославянских — *ra*, *la*.

рус.	польск.	чешск.	серб.
корова	krowa	kráwa	крава
мороз	mróz	mráz	мраз
солома	słoma	sláma	слама

Для слов, обнаруживающих регулярные фонетические соответствия в родственных языках, можно восстановить праформы, т. е. определить тот облик, который эти формы имели в праязыке, в языке-предке. Так, для приведенных только что славянских слов восстанавливаются праформы общеславянского языка: **korva*, **mórzъ*, **solma*, **ronka* (знак * «астериск» означает реконструированную, не засвидетельствованную в письменных памятниках, форму слова).

В начале XIX в. были установлены некоторые закономерные звуковые соответствия между целыми семьями языков, было доказано родство славянских и балтийских языков с германскими, латинским, греческим, индийскими, иранскими. Мы можем, таким образом, говорить о большой индоевропейской языковой семье, распадающейся на малые семьи (более поздние по происхождению).

Существуют и другие большие языковые семьи: семитская, финно-угорская (или угро-финская), тюркская и др.

Для каждой семьи предполагается свой праязык (общеиндоевропейский, семитский, финно-угорский, общетюркский и др.). Эти праязыки существовали в эпоху первобытнообщинного строя; задолго до начала нашей эры они распались, породив своих потомков — индоевропейские, или семитские, или тюркские языки.

СИНОНИМЫ

Синонимы — это слова, которые звучат и пишутся по-разному, а по смыслу совпадают или очень близки (само это слово происходит от греч. *synonymos*, что значит «соименность» или «одноименность»). Примеры синонимов: *миг — момент, бранить — ругать, огромный — громадный, напрасно — зря*. Сино-

нимичными могут быть не только пары слов, но и целые ряды, например: *метель, метелица, вьюга, пурга, буран; кратко, коротко, сжато, лаконично, вкратце* и т. п.

Особенно многочисленны ряды таких синонимов, которые различаются оттенками значений или по стилистической окраске. Например, слово *обмануть* в русском языке имеет больше десятка синонимов, и большая их часть — яркие, эмоционально окрашенные слова и обороты: *перехитрить, объегорить, надуть, провести, одурачить, околпачить, обвести, облапошить, оставить с носом, втереть очки, оставить в дураках, обвести вокруг пальца* и др.

Стилистические различия слов — членов синонимического ряда (они могут иметь разную окраску: книжную, разговорную — или же быть стилистически нейтральными) часто связаны с различием смысловых оттенков. Например, глаголы *работать* и *трудиться* разнятся не только тем, что первый нейтрален, а второй имеет книжную стилистическую окраску: глагол *трудиться* значит «работать старательно, упорно» (поэтому можно сказать: *Он плохо работает*, но нельзя: *Он плохо трудится*). Просторечный глагол *вкалывать*, который синонимические словари помещают рядом со словом *работать*, употребляется обычно тогда, когда хотят подчеркнуть интенсивность и трудность выполняемой (чаще всего — физической) работы.

Стилистически нейтральный и наиболее общий по смыслу член синонимического ряда мы обычно сознаем как главное слово в этом ряду. Лингвисты называют его доминантой. Таков, например, глагол *упасть* среди синонимичных ему слов (большинство их имеет разговорную или просторечную окраску): *упасть, свалиться, бухнуться, шлепнуться, брякнуться, грохнуться, хлопнуться, трахнуться, полететь, ухнуться, загреметь* и др.

В речи синонимы служат для разных целей. Например, для того, чтобы не повторять несколько раз подряд одно и то же слово: К зиме строительство должно быть *закончено. Завершены* будут и отделочные работы. Или для тонкого разграничения оттенков смысла, для точного называния близких, но все же различающихся свойств: «*Сияло* солнце, вздыхала степь, *блестела* трава в бриллиантах дождя, и золотом *сверкала* река» (М. Горький).

Синонимичными могут быть не только слова, но и словосочетания, синтаксические конструкции, например: *шел берегом — шел по берегу, ждать поезда — ждать поезд, дали по пяти рублей — дали по пять рублей.* Деепричастный оборот может выражать тот же смысл, что и придаточное временное: *Переводя с французского, она почти не пользуется словарем. — Когда она переводит с французского, то почти не пользуется словарем.*

Синонимы — это богатство языка. Пользуясь разными способами обозначения одного и того же предмета, свойства или действия, человек как бы расцвечивает свою речь, делает ее более выразительной, гибкой. И чем лучше мы владеем синонимическими средствами языка, тем легче нам говорить и писать на этом языке.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

В словосочетании и предложении слова связаны между собой синтаксическими связями. С этой стороны предложение и словосочетание могут быть определены как цепочки связанных синтаксическими связями слов. В отличие от словосочетания, предложение — такая цепочка слов, которая обязательно включает показатели предикативности (см. *Предикативность и полупредикативность*), представленные глагольной формой. Однословные предложения — это цепочка, состоящая из одного звена, в котором потенциально заложена способность к развертыванию (сравним: *Светает.— В июне светает рано).*

Предположим, нам дан письменный текст без знаков препинания, например в памятниках древнерусской письменности, или в сборниках упражнений по пунктуации, или написанный малограмотным человеком, не умеющим ставить знаки препинания. О том, где кончается одно предложение и начинается другое, можно догадаться: граница между предложениями там, где цепочка синтаксических связей между словами прерывается.

Синтаксические связи бывают и за преде-

лами простого предложения. В сложном предложении есть связи между словом (в составе главного предложения) и предложением (придаточным) или связи между предложениями в целом (главным и придаточным или простыми предложениями в составе сложносочиненного предложения). Так, в сложноподчиненном предложении *Ты хочешь знать, что делал я на воле* (М. Ю. Лермонтов) придаточное предложение относится к слову *знать* в главной части; в сложносочиненном предложении «Редеет мгла ненастной ночи, и бледный день уж настает» (А. С. Пушкин) синтаксической связью связаны два составляющих его простых предложения.

Есть два вида синтаксических связей: подчинение и сочинение (см. *Подчинение и сочинение*).

В простом предложении основной вид синтаксической связи — подчинение; слова иерархически соотнесены по принципу: «хозяин — слуга». Степень сложности его синтаксической организации — синтаксическая глубина предложения — создается только на основе подчинительной связи.

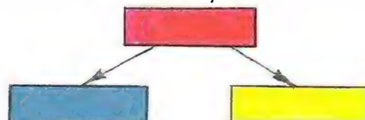
В сложном же предложении сочинение играет такую же роль, как и подчинение: сложные предложения строятся как на основе подчинения, так и на основе сочинения простых предложений. В синтаксических образованиях усложненной структуры, состоящих более чем из двух элементов, возможны три вида комбинаций синтаксических связей: последовательное подчинение, неоднородное подчинение и соподчинение.

Последовательное подчинение — такая комбинация двух (или большего количества) синтаксических связей, при которой первый зависимый элемент (зависимое слово или придаточное предложение) относится к главному, а второй зависимый элемент — к первому зависимому, являющемуся для него главным, т. е. «хозяином», и т. д. Таким образом, комбинация связи имеет цепной характер и может схематически быть изображена так:

Количество синтаксических единиц, связанных последовательно, может быть и больше трех.

По типу последовательного подчинения построены словосочетания: *книжка с рассказами об открытии Сибири, книжка с интересными картинками* (первое зависимое слово — *с картинками* — стоит не после своего «хозяина», главного слова, а после второго зависимого слова, т. е. после своего «слуги»); предложение *Люблю читать книжки об открытии Сибири;* сложное предложение *Я читаю книжку, в которой рассказано о том, как открывали Сибирь.*

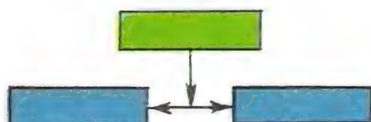
Неоднородное подчинение — это такая комбинация двух (или большего количества) подчинительных связей, при которой к одному главному элементу — «хозяину» (слову или главному предложению) относятся, по-разному его определяя, несколько зависимых — «слуг» (слов или придаточных предложений), как, например, в словосочетании *быстро идти вперед*, где главное слово (*идти*) окружено зависимыми, каждое из которых по-своему его определяет: *быстро* дает качественную характеристику, *вперед* обозначает направление; в простом предложении *Без труда не выловишь рыбку из пруда* или в сложном предложении *Хоть и было соблазнительно, я все-таки решил не пытаться переплыть реку, потому что течение очень сильное.* Схематически неоднородное подчинение можно представить так:



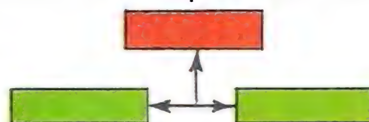
Однородное соподчинение — комбинация подчинительной и сочинительной связи. Есть два варианта однородного соподчинения.

Первый характеризуется тем, что к одному главному элементу относятся, одинаково его определяя, два зависимых, соединенных сочинительной связью, как, например, в словосочетании *книжки про путешествия и приключения;* в предложении *Увлекаюсь не хоккеем, а шахматами,* в сложном предложении *Мальчик просыпался, когда уже высоко стояло солнце и море пылало слепящим огнем.*

Схематически первый вариант соподчинения можно представить так:



Второй вариант соподчинения характеризуется тем, что зависимый элемент относится сразу к двум главным, соединенным сочинительной связью, как в словосочетании *наши отцы и матери;* в предложении *Замысел одобрили и поддержали* или в сложном предложении *На улице душно и пахнет липами,* где обстоятельство *на улице* относится ко всему сложносочиненному предложению, следующему за ним. Схематически второй вариант соподчинения можно представить так:



Синтаксические связи выражаются целым комплексом средств.

Существенно различаются средства выражения сочинительных и подчинительных связей. Основной показатель сочинения — сочинительные союзы (*и, а, но, или* и др.); они выражают сочинительную связь как между словами, так и между предложениями (срав-

ЛЮСЬЕН ТЕНЬЕР (1893—1954)

Люсьен Теньер — французский лингвист, автор трудов по славянским языкам, немецкому, по общему языкознанию. Нас Теньер привлекает прежде всего как исследователь и пропагандист преподавания русского языка за рубежом, как автор важных трудов по общей теории синтаксиса.

Теньер преподавал русский язык в Страсбургском университете, во Франции. Он говорил, что русский язык считают трудным и поэтому недостаточно широко преподают. Но дело заключается не в трудности языка, а в отсутствии рационального пособия по русской грамматике. Десять лет Теньер искал такой учебник, который, вместо того чтобы запутывать ученика в подчас ненужных деталях склонений и спряжений, давал бы ясное представление о системе русского языка в целом. И поскольку подобного учебника не нашлось, Теньер написал его сам и в 1934 г. выпустил свою «Краткую грамматику русского языка», оставившую заметный след в описании русского языка, особенно для нужд преподавания его иностранцам.

Теньер был превосходным педагогом, и в этой небольшой книжке, содержащей множество схем и таблиц, он предложил много полезных способов объяснения правил русской грамматики.

В этой же книге Теньер сделал одну из первых попыток дать активную грамматику русского языка — от содержания к формам выражения. Так, он показал, какими средствами в русском языке выражаются такие значения, как «цель», «причина», «количество», «тождество» и др.

Но наибольший научный интерес представляют синтаксические теории Теньера, развитые им впоследствии в его труде «Очерк структурального синтаксиса», изданном посмертно в 1959 г. Теньер рассматривает предложение как «маленькую драму», в центре которой находится действие с его участниками. (Теньер называет соответствующие слова актантами, т. е. действователями, и обстоятельства — сирконстантами. В предложении *Петя написал вчера письмо Игорю* слова *Петя, письмо, Игорю* — актанты, *вчера* — сирконстант.) Понятия актанта и сирконстанта, введенные Л. Теньером, широко используются в современной лингвистике.

В отличие от традиционной грамматики, которая усматривает в предложении два главных члена — подлежащее и сказуемое, Теньер считает главным членом только глагол, которому подчиняются все актанты, т. е. подлежащее и дополнения. Глагол является структурным центром, узлом предложения, от которого протягиваются нити к другим членам предложения. Каждый член, зависимый от глагола, в свою очередь может иметь зависимые от него члены (например, от актантов зависят определения). Поэтому теорию Теньера называют

ним: *маленький, а тяжелый* [чемодан] — *На свете счастья нет, а есть покой и воля* (А. С. Пушкин); *брат и сестра* — *По корням упругим топор застучал, И пали без жизни питомцы столетий* (М. Ю. Лермонтов).

У подчинительной связи между словами и между предложениями разные средства выражения.

Основной показатель подчинения между словами в русском языке — форма зависимого слова, основной показатель подчинения между предложениями — подчинительные союзы и союзные слова. Так, в предложении *Мы мечтали о поездке к морю* слово *поездке* определяет слово *мечтали*, обозначая объект, на который направлено действие; об этом нам говорит форма слова *поездке*, оно употреблено в предложном падеже с предлогом *о*. В сложном предложении *Мы мечтали, что поедем к морю* придаточное предложение относится к слову *мечтали*, определяя его по смыслу совершенно так же, как это делает слово *о поездке* в простом предложении; эта связь обозначена союзом *что*.

В выражении синтаксических связей между словами принимает участие порядок слов: зависимое слово обычно помещается рядом

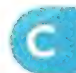
с главным. Так, в предложении *Яму у забора копал Саша* слово *у забора* определяет слово *яму* (к нему можно поставить вопрос *какую?*), а в предложении *У забора копал яму Саша* слово *у забора* определяет слово *копал* (и отвечает на вопрос *где?*).

Иногда синтаксические связи двузначны, и на этой основе возникает синтаксическая омонимия. Предложение *Торговка вяленой*

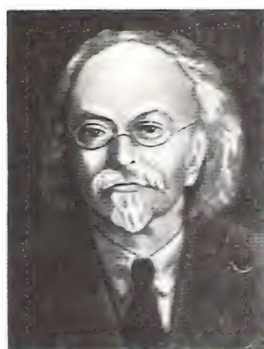
грамматикой зависимостей. Польза от этой теории состоит в том, что она ясно обнажает отношения членов предложения, которые затушевываются в обычной, линейно расположенной фразе. Например, в приведенной фразе слово *письмо* никак не связано с соседним *вчера*, но зависит от *написал*. Для наглядного изображения структуры предложения Теньер использует схемы, напоминающие, как он сам отмечает, схемы синтаксического анализа предложения в учебниках русского языка, с которыми он познакомился во время своего пребывания в СССР в 30-х гг. (Вспомним, что в 20—30-е гг. учебники русского языка для школы писали такие ученые, как Н. Н. Дурново, А. М. Пешковский, С. О. Карцевский, Д. Н. Ушаков.) Таким образом, синтаксический анализ, который советские ученики делали на уроках, отражает фактически глубокую научную теорию.

Важную часть синтаксиса Теньера составляет теория «функциональных переносов» слов различных частей речи, которую он называет трансляцией (буквально «перенос»). Каждой части речи свойственна определенная функция, но слово может употребляться и в функции другой части речи. Например, в словосочетании *дедушкин дом* определение выражено «своей» частью речи — прилагательным, а в *дом дедушки* оно выражено уже существительным, употребленным в функции прилагательного. На такой перенос частей речи ученые обращали внимание и до Теньера, но он впервые очень подробно описал этот процесс, выявил его различные формы. Замены в глагольном узле и функциональные переносы частей речи создают гибкость языка, безграничные возможности варьирования средств выражения. Заслуга Теньера состоит в том, что он показал механизм этих синонимических замен, благодаря которым, как он сам сказал, «человек никогда не оказывается бессловесным».

Капитальный труд Теньера не сразу нашел признание. Он был напечатан только после смерти автора, а когда вышел, то почти все рецензии на него были отрицательными. По-видимому, эта книга появилась раньше времени; прошло несколько лет, и она была признана. Теперь она вошла в число классических трудов в области современного синтаксиса.



АЛЕКСАНДР МАТВЕЕВИЧ ПЕШКОВСКИЙ (1878—1933)



ковского — освещения русской грамским, собрать в одну большую книгу, ее можно было бы назвать — «Русская грамматика в освещении Пешковского». А состоит это освещение в особом взгляде на русскую грамматику.

Грамматика Пешковского реалистична. Она начинается с формы, т. е. с того, что может слышать, видеть, сопоставлять каждый. А сопоставляя, мы держимся за смысл. Поэтому сразу видим, что в сочетании *разбитое стекло* совсем не то значение корня *стекл-*, какое появляется в формах глагола *стекать*. Грамматика Пешковского начинается с формы осмысленной, подкрепленной значением и им гарантированной.

Главная книга А. М. Пешковского (она издавалась 7 раз: первый в 1914 г., седьмой — в 1956 г.) — «Русский синтаксис в научном освещении».

Она родилась в результате восьмилетней учительской работы в московских гимназиях, из желания познакомить своих 14- и 15-летних учеников с настоящей, научной грамматикой родного языка. Это видно и из текстов Пешковского: в них постоянно — мы, но не авторское, единоличное, а мы — дуэта с читателем: «Возьмем слово *черный* и образуем от него ряд слов... станем вдумываться в значение слова *чернота*... укрепившись на такой позиции, мы сможем уловить и еще одну черту в значении глагола...»

Вместе со своим читателем Пешковский размышляет, наблюдает и экспериментирует. Это он придумал множество остроумных лингвистических экспериментов (уже потом о важности эксперимента в лингвистике писал Л. В. Щерба).

Наблюдения Пешковского расширяли круг фактов, относимых к грамматике: он первым показал, что интонация может быть грамматическим средством, она включается в работу там, где более ощутимые средства предлоги, окончания, порядок слов — «недорабатывают».

Грамматический реализм Пешковского — тот фильтр, сквозь который пропускались лингвистические идеи, имевшие хождение в начале нашего века. При разъяснении разных сторон грамматического строя русского языка Пешковский опирался на идеи своего учителя Фортунатова, а также Потебни и Овсянико-Куликовского. Эти иногда неожиданные объединения вместе с его настоящими открытиями и составляют существо его — Пешковского — освещения русской грамматики. Оно было принято выдающимися лингвистами: Шахматовым, Карцевским, Щербой — теми, кто ценил верность языковому факту.

Пешковскому не было свойственно постоянное следование однажды взятому за основу. Воспитанник формальной школы Фортунатова, он не боялся отойти от системы его представлений, когда к этому подводили собственные наблюдения или убедительные доводы других лингвистов. Он не боялся отказаться и от того, что было понято и написано им самим: переиздавая свою главную книгу в третий раз (1927), Пешковский, как он сообщает в предисловии, почти весь текст пишет заново.

Время жизни Пешковского, время его лингвистической работы было трудным временем формирования новой советской культуры, науки, школы. В это трудное время Пешковский писал учебники русского языка, исполненные веры в то, что наука должна быть понятна и нужна каждому маленькому гражданину нашего государства, каждому, кто хотел бы научить детей грамотно и любовно относиться к своему языку.

Пешковский считал, что лингвист должен «активной проповедью» вмешиваться в языковую жизнь общества, в практику школьного лингвистического образования. Сам он занимался этим всю жизнь — неустанно и страстно. Он разъяснял, что только сознательное владение грамматикой делает человека по-настоящему грамотным, помогает ему культурно и ясно говорить. Он обращал внимание на огромную социальную значимость языковой культуры: «Умение говорить — это то смазочное масло, которое необходимо для всякой культурно-государственной машины и без которого она просто остановилась бы».

Еще не все уроки Пешковского усвоены нами. Его книги, написанные для детей, читают внимательно все новые поколения взрослых лингвистов.

воблой торчала между ящиками может быть понято по-разному из-за того, что в нем не выражено, к какому слову относится слово *воблой*: к существительному *торговка* (торговка чем?) или к глаголу *торчала* (торчала как?); сравните предложения *Между ящиками торчала торговка вяленой воблой* и *Вяленой воблой торчала между ящиками торговка*, в которых ясно показано (с помощью порядка слов), к какому слову относится слово *воблой*.

СИНХРОНИЯ И ДИАХРОНИЯ

Закономерности в языке могут быть синхронические и диахронические.

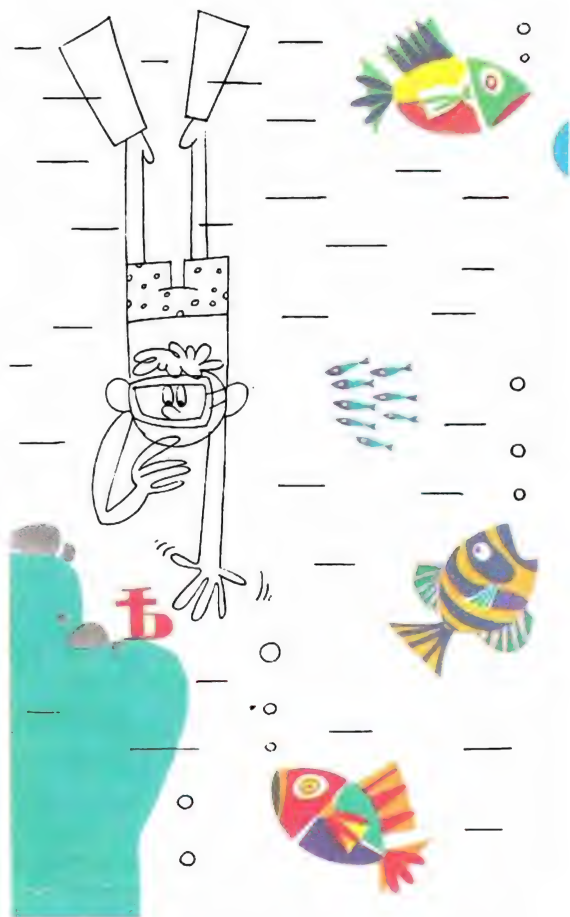
Диахрония — это изучение процессов, исторически присущих языку. Например, в XIII—XIV вв. в русском языке шел процесс изменения конечных звонких согласных в глухие. После падения редуцированных гласных (см. *Падение редуцированных*) впервые в русском языке на конце слова оказались звонкие согласные. Было: *морозъ, садъ* — с гласным [ъ] в конце. После исчезновения [ъ] осталось: *мороз, сад* — согласные [з], [д] произносились звонко. Постепенно, медленно, шаг за шагом шел процесс оглушения: [з] превращалось в [с], [д] превращалось в [т]. Вначале такое произношение появлялось редко, в виде оговорок. Постепенно оно становилось распространенным у часто употребляемых слов и лишь потом охватывало и другие. Возможно, артикуляция сперва была полузвонкой и лишь только после этого полностью глухой. Колебались нормы: одни произносили *моро*[з], другие — *моро*[с]. Постепенно возобладало произношение с глухими согласными в конце, которое существует и в современном языке: *моро*[с], *са*[т]. Диахроническая закономерность заключалась в том, что все звонкие согласные на конце слова превратились в глухие.

Синхрония — это изучение отношений между единицами языка в одну определенную эпоху (т. е. в пределах существования именно этой системы). Сравним: *роза — много роз, морозы — мороз, влезу — влез, грызу — грыз, два раза — много раз*... Мы замечаем: перед гласным — [з], на конце слова — [с]. Таков закон современного русского языка: на конце слова звонкие согласные чередуются с глухими. Процесса нет. Есть отношение: *роза — роз, кожа — кож, трава — трав*... Здесь одинаковые отношения: [з] : [с] = [ж] : [ш] = [в] : [ф]... иначе говоря: звонкий согласный перед гласным чередуется с глухим согласным на конце слова.

Сколько времени шло диахроническое изменение [з] в [с] в форме *морозъ — моро*[з] — *моро*[с]? С XIII по XIV в. Сколько времени занимает синхроническое чередование [з] — [с]? Этот вопрос не имеет смысла. Звуки чередуются всякий раз, как употребляются соответствующие формы; это чередование дано в модели языка как норма современного произношения.

Разграничение синхронии и диахронии возникло в процессе развития исторического изучения языка. Сравнительно-исторический метод (см. *Сравнительно-исторический метод*) дал возможность установить факты огромной давности. Ученые как бы пробурили скважину в толще времен; извлекли из каких-то глубин звук [х]. Из другой скважины извлекли звук [у]. Но являются ли эти два звука одновременными? Принадлежат ли одной эпохе? Ведь одна скважина (т. е. анализ, произведенный путем сравнения языков) может быть более глубокой, чем другая. А вдруг эти звуки — [х] и [у] — принадлежат разным эпохам в истории языка, разным глубинным пластам?

В конце XIX в. ученые — и именно блестящие историки языка И. А. Бодуэн де Куртенэ и Ф. Ф. Фортунатов — выставили требование: надо добиться доказательств, что факты, добытые сравнительно-историческим методом, современны, синхроничны друг другу. Так сама логика исторического исследования при-



вела к проблеме синхронии. Фортунатов писал: «Крупная ошибка — смешение фактов, существующих в данное время в языке, с теми, которые существовали в нем прежде».

Ф. Ф. Фортунатов огорчался, что в школьном преподавании его времени часто синхрония подменялась диахронией. Он говорил: «Важно, чтобы учащиеся не смешивали фактов, существующих в данное время в языке, с теми, какие открываются при изучении истории языка». По мнению Фортунатова, такое смешение особенно часто имело место в школе при изучении состава слова. Преподаватель помогает учащимся выделить в словах корни и суффиксы «в тех случаях, где они еще ясны при сопоставлении данных слов с родственными в языке образованиями, но никак не должен требовать от учеников, чтобы они находили некогда существовавшие части слов». Возьмем пример. Слово *председатель* (лат. *praesidens*) было образовано как существительное от глагола *председать* — «сидеть впереди». *Председатель* — это тот, кто сидит впереди собрания, пред ним; есть связь, соотношение между глаголом *сидеть, сесть* и существительным *председатель*. Выделяется корень *сед-*. Это — факт русского языка XVIII в. С тех пор системные отношения изменились. Исчез глагол *председать*. Изменилось значение слова *председатель*; появились названия: *председатель колхоза* или *председатель профкома*. Поэтому распалось отношение слов *председатель* и *сидеть*. Корень *сед-* уже не может быть выделен: корень — значимая часть слова, а в слове *председатель* часть со значением *сед-* неуместна. Слово *председатель* стало нечленимым на корень, приставку и суффикс. Если мы в современном слове *председатель* выделим корень *сед-*, то смешаем факты современности с фактами XVIII в. — смешаем синхронию и диахронию.

Многие лингвистические понятия имеют два разных значения — синхроническое и диахроническое, например понятие продуктивности (см. *Продуктивность в языке)*. Сравним количество слов с суффиксом *-льщик* в начале XX в. и сейчас. Мы обнаружим, что их стало больше. Значит, данная модель продуктивна. Это — диахроническая продуктивность.

В современном языке есть соотношения: *крепить — крепильщик, точить — точильщик, подметать — подметальщик, поливать — поливальщик*... По этой модели можно образовывать слова от любого переходного глагола.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ ПЕТЕРСОН (1885—1962)

Известный языковед, специалист в области сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков, общего языкознания, грамматики русского языка, санскрита, литовского и французского языков, истории языкознания, ученик главы московской лингвистической школы Ф. Ф. Фортунатова — Михаил Николаевич Петерсон продолжал последовательно развивать взгляды своего учителя, в частности в таких своих книгах: «Очерк грамматики русского языка» (1923) и «Русский язык» (1925). Работы М. Н. Петерсона оказали большое влияние на современную лингвистику.

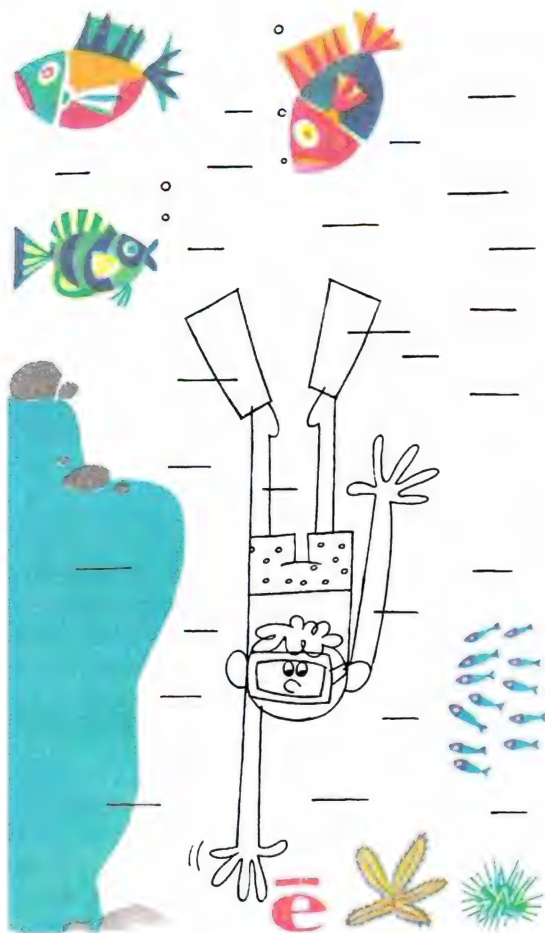
М. Н. Петерсона отличала крайняя последовательность в проведении в жизнь своих воззрений. Это был человек идеи. Если он признавал какую-нибудь идею, считал ее важной и необходимой для науки, он следовал ей всегда и во всем.

Одной из таких кардинальных идей было строгое разграничение синхронии и диахронии. Петерсон стремился проводить это разграничение и в научных исследованиях, и при повседневном обучении студентов. Разрабатывая проблемы синтаксической синонимии русского языка, Петерсон отделял действующие модели языка от пережиточных, потерявших активность.

М. Н. Петерсон первым применил статистический подход к изучению русского синтаксиса. Однако количественные соотношения разных явлений и единиц языка интересовали Петерсона не сами по себе, а как средство, с помощью которого можно отделить живые, развивающиеся элементы языка от элементов старых, «мертвых», сохраняющихся в языке как остаток прошлого, прежних периодов языка. Строгое разграничение синхронии и диахронии Петерсон прививал и своим ученикам.

Свойственная ему любовь к последовательности и точности обнаруживалась и в неприятии некоторых традиционно устоявшихся, но неточных формулировок. Так, Петерсон не терпел, чтобы студенты говорили: «Ударение переходит на такой-то слог». Он при этом всегда шутливо изображал пальцами ходьбу, приговаривая: «И́-дет, и́дет и переходит...» (Его языку была свойственна некоторая архаичность орфоэпических норм: он говорил *и́дут*, а не *иду́т*, *мужеский*, а не *мужской род* и т. д.)

Петерсон не принимал формулировку «ударение переходит...», ибо он считал, что различные формы слова



Если возникнет потребность в словах *перекладывальщик, обмазывальщик, подбивальщик,* они легко войдут в речь, и мы, скорее всего, даже не заметим, что они новые. Дана возможность свободно создавать отношения единиц: переходный глагол — существительное на *-льщик.* Такая продуктивность — явление синхроническое.

Синхроническое изучение языка не является внеисторическим. Это исследование связей, отношений в языке определенной эпохи, т. е. изучение исторически конкретное. Поэтому неверно рассматривать строго синхроническое изучение языка как неполное, недостаточное, поскольку его-де необходимо дополнить историческим взглядом. Оно возникло в ходе развития исторического языкознания и само обращено к конкретной языковой данности. И. А. Бодуэн де Куртенэ призывал: «Не мерить язык одной эпохи аршином другой эпохи!» — это и есть девиз синхронической лингвистики. Замечательный советский лингвист В. Н. Сидоров писал: «Не нужна диахрония, когда я изучаю язык в его структуре, то есть как вещь, которая реальна и находит свое употребление. Если вы, положим, хотите изучить шкаф, его назначение, вы будете говорить просто: вот эти полочки для того-то, эти для другого. А как его сделал столяр, вам совершенно не нужно знать. Это неверно говорят, что в синхронии будто бы всегда есть диахрония. Синхрония должна быть чиста от диахронии».

сосуществуют в синхронной системе языка, а выражение «переходит» наводит на мысль об изменении, об историческом процессе. Таким образом, правильная формулировка: «Ударение находится на основе (или на окончании) в таких-то формах».

М. Н. Петерсон много лет был профессором Московского университета. Он читал и общие курсы, такие, как «Сравнительная грамматика индоевропейских языков», «Введение в языкознание», и практически преподавал языки.

В преподавании языков М. Н. Петерсон применял своеобразную методику. Обучение он начинал не с упражнений, а прямо с чтения и анализа настоящего (неадаптированного) текста. Следуя тезису о том, что язык — это система, в которой все единицы взаимосвязаны и взаимообусловлены, Петерсон полагал, что система языка находит отражение в любом правильном, даже очень коротком тексте и может быть выявлена при его детальном, тщательном анализе. Эту научную идею о системности языка он последовательно проводил при обучении языкам. Поэтому, приступая к обучению студентов языку, которого они совершенно не знают, Петерсон сначала производил всесторонний анализ одного-двух слов, одной фразы. В начале занятий на разбор нескольких слов или одного предложения уходило очень много времени, но постепенно темп ускорялся. Студенты уже могли самостоятельно анализировать сложнейшие тексты.

Петерсон обучил санскриту — классическому древнеиндийскому языку — многие поколения филологов. Он читал и разбирал со студентами древнейшие санскритские поэтические творения «Махабхарата» и «Панчатантра». Обычно он начинал с поэмы о древнеиндийском царе Нале, которая известна русскому читателю в переводе Жуковского «Наль и Дамаянти». Литовскому языку Петерсон обучал по тексту сказок П. Цвирки. В изучении языков, как и в любых научных занятиях, Петерсон высоко ценил последовательность.

Общение с М. Н. Петерсоном вызывало желание трудиться. Он любил и умел систематически работать и благотворно действовал на окружающих уже одним своим примером.

М. Н. Петерсон воспитал целые поколения ученых. Многие из его учеников стали известными специалистами в области древних и новых языков и литератур.

СИСТЕМА ЯЗЫКА

Под системой следует понимать совокупность взаимообусловленных элементов, образующих нечто целое. При изучении системы исследователь выявляет отношения, существующие между элементами системы. Через эти отношения он определяет те элементы, которые входят в систему.

Если тот или иной элемент не обнаруживает никаких отношений к другим, он находится вне системы. Так, если брать для примера систему дорожных знаков, состоящую из красного, зеленого и желтого, мы можем сказать, что каждый из этих знаков обладает определенным значением лишь в силу того, что он сопоставляется с другим знаком. И в своей совокупности эта трехчленная система представляет нечто целое. Если мы к ней попробуем присоединить знак с другим цветом, например фиолетовым, то он окажется вне системы, так как не имеет никаких отношений к названным элементам системы. Но его также можно сделать элементом системы, если мы наделим его определенными отношениями к другим элементам: например, если через желтый цвет будем обозначать переход от красного цвета (со значением «Стоп») к зеленому (со значением «Путь свободен»), а через фиолетовый — переход от зеленого к красному.

Все сказанное относится и к элементам языка, если рассматривать его как систему. Так, каждый язык использует определенное количество фонем. Звуки, находящиеся за пределами фонетической системы данного языка, не имеют для говорящего на этом языке значения. Можно сказать, что он их «не слышит». Именно по этой причине языковое отображение криков петуха, собачьего лая или мяуканья кошки в разных языках —разное: соответственно фонетическим системам этих языков.

Системные отношения, существующие в лексике, можно хорошо показать на примере оценок успеваемости, которые в разное время использовались в школах и в вузах нашей страны. В 20-е гг. употреблялись лишь две оценки: удовлетворительно и неудовлетворительно. Ныне применяется (например, в вузах) четырехчленная шкала оценок: отлично, хорошо, удовлетворительно и неудовлетворительно. Обе шкалы включают «удовлетворительно», но в этих двух системах она имеет разную «весомость». Каждая система по-своему определяет значение этой оценки.

Иногда язык определяют как систему систем — фонетической системы, морфологической системы, лексической системы. Было бы неправильно, однако, полагать, что каждая из этих систем независима от других. Хотя каждая из этих систем обладает своими внутренними закономерностями, они также взаимосвязаны и взаимообусловлены. Так, замена одной фонемы другой может привести к изменению значений слов, или, точнее говоря, характеризовать разные слова. Если в русском языке твердые согласные фонемы заменить мягкими, мы получим разные слова: *кон — конь, мол — моль, кров — кровь* и т. д. (Более того, сама эта способность характеризовать разные слова используется для определения того, какие фонемы входят в фонетическую систему данного языка.)

На основании приведенных примеров мы можем утверждать, что русский язык располагает двумя рядами согласных, отличающихся качествами твердости и мягкости. А для английского и немецкого языков, например, различие по твердости и мягкости согласных не имеет никакого значения. Но смыслоразличительными качествами (выделяющими соответствующие фонемы) в этих языках обладают долгота и краткость гласных: нем. *ihm* [i:m] — «ему» и *im* [im] — предлог *в*; англ. *sit* [sit] — «сидеть» и *seat* [si:t] — «стул»,— что совершенно не свойственно русской фонетической системе.

Существующие в языке системные отношения позволяют выделить значащие элементы, которые не получают в языке прямого выражения. Примером таких невыраженных элементов может служить так называемая нулевая морфема или значащее отсутствие артикля (нулевой артикль). В системе склонения русского слова *река* его форма *рек*, противопоставляясь другим формам — с выраженным значением падежа (*река, реки, реке, рекой* и т. д.), самим отсутствием падежной морфемы (нулевой морфемой) указывает на родительный падеж множественного числа. В английском языке, где есть определенный и неопределенный артикли, употребление имени без всякого артикля придает ему значение отвлеченности: *water* — «вода» вообще, *snow* — «снег» вообще, *beauty* — «красота» вообще, в отличие, например, от *the snow*, т. е. снег, о котором в данном случае идет речь, или *a snow* — некий снег (см. *Нулевые единицы в языке*).

Принципом системности языка обусловлены и скрытые категории, обнаружение которых связано с более глубокими структурными особенностями языка. Так, в противоположность английскому, немецкому и французскому языкам, располагающим соответствующими средствами для выражения определенности и неопределенности (определенными и неопределенными артиклями), считается, что в русском языке нет категорий определенности и неопределенности. Однако они все же присутствуют в русском языке в «скрытом виде», получающим иногда свое особое выражение. Если сравнить такие выражения: *Лампа стоит на*

ФЕРДИНАНД ДЕ СОССЮР (1857—1913)

Есть ученые, которые своими трудами закладывают основы целых отраслей знания.

Выдающийся швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр стоял у истоков не одного, а нескольких научных направлений. Он — основатель так называемой социологической школы в языкознании. В то же время многие положения лингвистической концепции Соссюра послужили базой для формирования структурной лингвистики — другого направления в современном языкознании.

Его ранняя работа (он написал ее в 21 год) о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках явилась настоящим открытием. Именно здесь Соссюр высказал поразившую не только его современников, но и потомков знаменитую гипотезу: исследуя языки, произошедшие из единого, много веков назад исчезнувшего индоевропейского праязыка, Соссюр предположил, что в этом праязыке должны были быть определенные звуки. Более того, по тем «следам», которые сохранились в индоевропейских языках, он предсказал характер этих звуков (см. *Ларингальная гипотеза*). Через полвека, когда был дешифрован хеттский язык, это предсказание Соссюра полностью подтвердилось.

При жизни Соссюр опубликовал очень мало работ. Да и после его смерти, когда А. Сеше и Ш. Балли напечатали основной труд своего учителя — цикл лекций «Курс современной лингвистики»,— все работы Соссюра уместились в одном томе на 600 страницах. Но их оригинальность и глубина таковы, что до сих пор они питают идеями мировую лингвистику.

Лингвистическое кредо Ф. де Соссюра не свободно от недостатков и крайностей — это не раз отмечали многие его критики. Но то положительное, что сделал Соссюр в языкознании, с лихвой покрывает эти недостатки. Особенно велики заслуги Соссюра в разработке фундаментальных теоретических проблем языкознания. Вот соссюровское решение некоторых из этих проблем.

1. Соссюр рассматривает язык как целостную систему знаков, в которой каждый элемент определяется всеми другими. Он сравнивает язык с иными знаковыми системами и выражает мнение о необходимости создать науку, «изучающую жизнь знаков внутри жизни общества». Тем самым он высказал идею создания семиотики (см. *Семиотика*), т. е. стоял у колыбели еще одной отрасли знания.

2. Соссюр различает язык и речь. Речь — индивидуальна и конкретна; она полна случайных, несущественных особенностей (см. *Язык и речь*). Язык же — это абстракция, это «система чисто лингвистических отношений». Соссюр считал (сейчас это мнение не разделяется учеными), что лингвистика должна изучать только язык, а речь — это объект нелингвистических наук.

3. В дособсюровском языкознании преобладал исторический подход к фактам языка. Соссюр первым разделил и противопоставил два возможных аспекта изучения языка — диахронический (исторический) и синхронический. Поскольку язык — это система отношений, изучить и понять эти отношения можно лишь при синхроническом, «надвременном» взгляде на язык: время разрушает системные связи. Отстаивая этот взгляд, Соссюр сравнивал язык с шахматной игрой. Когда мы садимся играть в шахматы, нам не важно, из какого материала сделаны шахматные фигуры,— мы должны знать правила игры и значимость каждой фигуры. Чтобы понять, как устроен язык, как он функционирует, мы также должны знать систему его значимостей, правила организации этой системы. А то, как возникла эта система, какой исторический путь прошли ее элементы, несущественно.

Ф. де Соссюр был прекрасным педагогом. В течение двух десятилетий он преподавал в Женевском университете и воспитал целую плеяду талантливых учеников, ставших впоследствии замечательными лингвистами.

столе и *На столе стоит лампа, Закройте, пожалуйста, дверь* и *У каждого дома есть дверь,* то *лампа* и *дверь* в первом случае имеют определенное значение (когда мы, например, просим кого-либо закрыть дверь, то предполагается, что известно, о какой именно двери идет речь), а во втором случае — неопределенное значение (см. *Актуальное членение предложения).*

Понятие системности языка проникало в лингвистику и укреплялось в ней постепенно. Пожалуй, впервые это понятие наиболее явным образом было сформулировано выдающимся немецким лингвистом В. Гумбольдтом, который еще в 1820 г. писал:

«Для того чтобы человек мог понять хотя бы одно-единственное слово не просто как душевное побуждение, а как членораздельный звук, обозначающий понятие, весь язык полностью и во всех своих связях уже должен быть заложен в нем. В языке нет ничего единичного, каждый отдельный его элемент проявляет себя лишь как часть целого». Однако законченную теоретическую концепцию, целиком основывающуюся на понятии системности языка, создал значительно позднее швейцарский ученый Фердинанд де Соссюр (1857 — 1913). Научное творчество Ф. де Соссюра послужило основой для возникновения многих направлений в современном языкознании.

СЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Филология дословно значит любовь к слову. Славянская филология, соответственно, означает любовь к славянскому слову, изучение славянского слова во всех его проявлениях — чисто языковом (славянские языки и диалекты, литературные языки и стили языка), литературном (славянская словесность — письменность и литература) и фольклорном (славянское народное творчество). Таким образом, славянская филология образует единый комплекс наук, называемых славянским языкознанием, литературоведением и фольклористикой. Есть и более узкое понимание того же термина, как обозначающего науку о текстах, написанных на славянских языках, науку о славянской письменности, ее возникновении и развитии, о древних и новых рукописных и книжных памятниках славянских народов. В этом отношении помимо теоретического филология имеет и большое практическое значение, ибо по языку, манере письма (см. *Палеография*) и другим показателям можно определять время и место возникновения памятников письменности, нередко и их авторство. В то же время филология призвана устанавливать преемственность рукописной и книжной традиции, историю текста (во времени и в пространстве), его зависимость от других текстов или влияние на них. Наконец, эти же тексты являются прямыми источниками для истории славянских языков и литератур.

Филология предусматривает научную любовь к слову, требующую предельной точности, документированности и достоверности, не допускающей во имя «красоты» или «полноты» никаких дорисовок, вымыслов и подделок. Но такие подделки в истории филологии бывали, и на примере их разоблачения обнаруживалась сущность научных филологических методов и довольно разнообразных приемов исследования, дополняющих друг друга и связывающих филологию с другими гуманитарными науками — историей, этнографией, философией, социологией.

Едва ли не самой крупной и дольше всего остававшейся нераскрытой подделкой были так называемые древнечешские знаменитые рукописи — Краледворская и Зеленогорская. Чешский филолог Вацлав Ганка так мастерски исполнил эти подделки, выдав их за найденные им «самые древние славянские памятники», что не одно поколение славистов было введено в заблуждение. Даже такие ученые, как Добровский, Востоков, Срезневский, поверили в подлинность «найденных» Ганкой текстов.

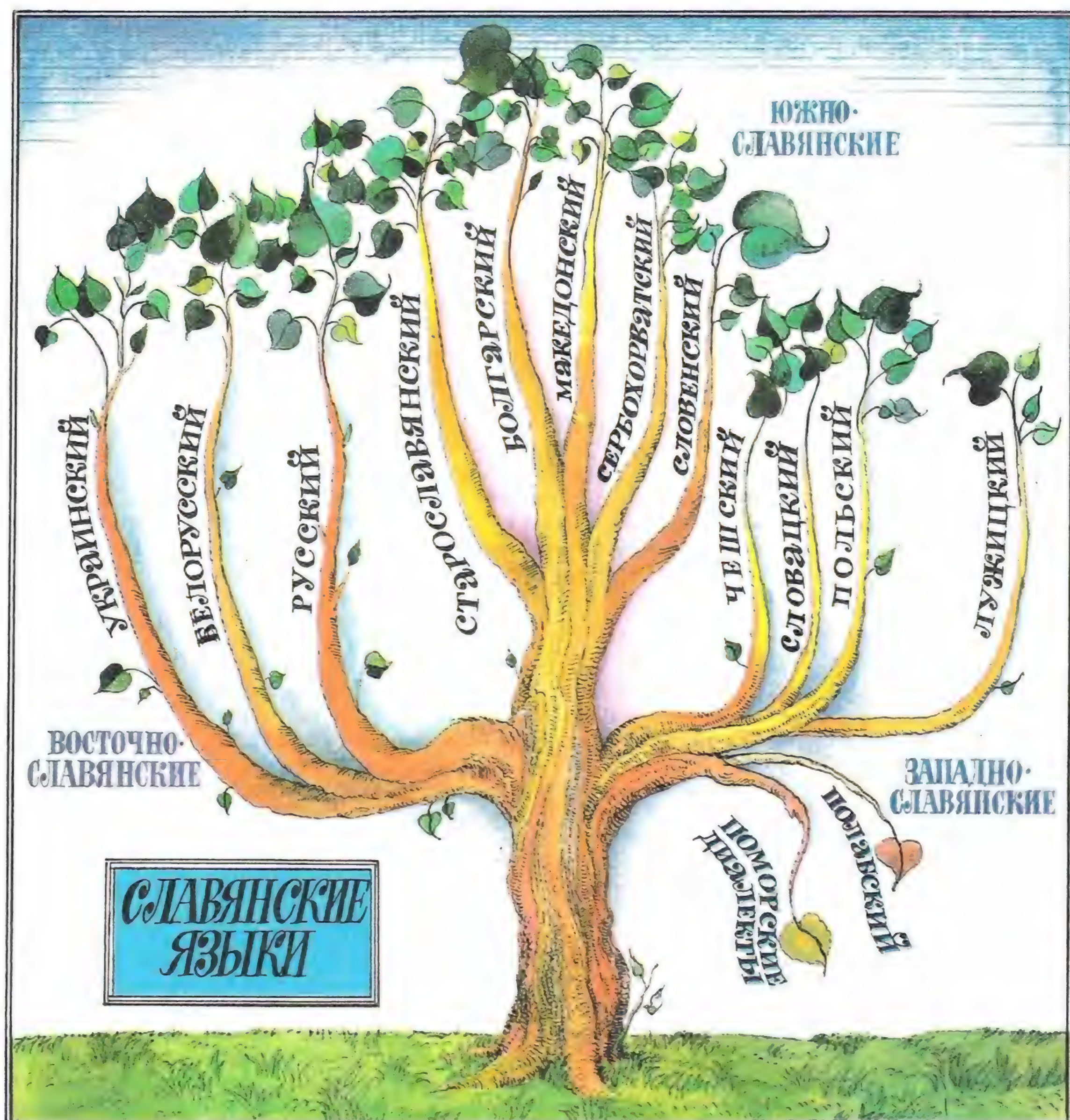
Постепенно, однако, обман раскрылся. Но для этого понадобились усилия не только лингвистов, но и историков, палеографов, даже химиков (они анализировали состав красок, использовавшихся при написании этих текстов).

В 1969 г. Краледворская рукопись была доставлена в Криминалистический институт в Праге. Тут и установили окончательно, как она делалась.

Эта любопытная страничка из истории славянской филологии напоминает нам не только об этике науки, о гражданском и профессиональном долге исследователя, но и о том, что подлинные, неподдельные, оригинальные тексты требуют такого же пристального внимания, как и тексты типа Краледворской рукописи. А текстом современная филология считает и записанную диалектную речь, и песню, и обряд, и художественно-литературное произведение, и, естественно, любую запись из прошлого — будь то новгородская берестяная грамота или «Повесть временных лет» киевского летописца Нестора.

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

Подобно тому как дерево вырастает из корня, ствол его постепенно крепнет, поднимается к небу и ветвится, славянские языки «выросли» из праславянского языка (см. *Праславянский*

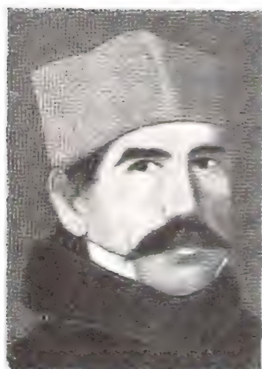


язык), корни которого уходят глубоко к языку индоевропейскому (см. *Индоевропейская семья языков*). Эта аллегорическая картинка послужила, как известно, основой для теории «родословного древа», которая применительно к славянской семье языков может быть принята в общих чертах и даже исторически обоснована.

Славянское языковое «древо» имеет три основные ветви: 1) восточнославянские языки, 2) западнославянские языки, 3) южнославянские языки. Эти основные ветви-группы разветвляются в свою очередь на более мелкие: так, восточнославянская ветвь имеет три основных ответвления — языки русский, украинский и белорусский, а ветка русского языка имеет в свою очередь две основные ветви — северно-русское и южнорусское наречия (см. *Наречия русского языка*). Если же обратить внимание на дальнейшие ответвления хотя бы южнорусского наречия, то будет видно, как в нем выделяются ветки-зоны смоленских, верхнеднепровских, верхнедеснинских, курско-орловских, рязанских, брянско-жиздринских, тульских, елецких и оскольских говоров. На них, если рисовать картину аллегорического «родословного древа» дальше, есть еще веточки с многочисленными листочками — говорами отдельных деревень и населенных пунктов. Можно было бы так же описать польское или словенское ответвления, пояснить, на каком из них веток больше, на каком — меньше, но принцип описания оставался бы тот же.

Естественно, что такое «древо» выросло не сразу, что оно не сразу так разветвилось и разрослось, что ствол и основные его ветви старше более мелких ветвей и веточек. Да и росло оно не всегда безбедно и ровно:

ОСНОВОПОЛОЖНИКИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ (СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ)



Йосип Добровский.

Вук С. Караджич.

Первый известный нам русский летописец Нестор интересовался происхождением славян, нравами и обычаями славянских племен, их историей. Его вполне можно назвать славяноведом, ибо он изучал язык, историю и быт славян.

Интерес к славянам, едва ли не самой многочисленной языковой и этнической группе в Европе, не ослабевал и после Нестора-летописца. Особенно заметным было усиление этого интереса в конце XVIII — начале XIX в.

XIX в. с самого своего начала пробудил интерес к живой народной жизни, к самопознанию, к своему культурному и историческому прошлому. У славян этот интерес был связан с борьбой за существование, за сохранение своего языка и своих традиций. Почти все южные и западные славяне и даже часть славян восточных были под иноземным игом — османо-турецким и габсбургско-австрийским. В условиях борьбы за свою национальную независимость началось славянское национальное возрождение, утвердился славянский романтизм в литературе, возникла славянская филология и история. Первые славистические научные центры образовались в Чехии и России, недавно пережившей Отечественную войну 1812 г. и декабрьское восстание 1825 г.

Почетное, хотя и не официальное, звание «патриарха славянской филологии» принадлежит чешскому ученому аббату Йосипу Добровскому (1753—1829), определившему надолго основной круг проблем, которыми занималась и занимается филологическая славистика. Это вопросы о деятельности Кирилла и Мефодия, о происхождении славянских азбук, о старославянском языке (см. *Славянские языки*), о грамматическом строе старославянского и других славянских языков (сам Й. Добровский был автором большой чешской грамматики), о славянских литературах — древних и новых. Вслед за Добровским выступила целая плеяда славистов, развивавших его идеи и методы исследования. Его младшими современниками были в Вене словенец Ерней Копитарь (1780—1844), исследователь старославянских памятников, древнеславянской письменности и словенской грамматики, а в Петербурге русский ученый А. Х. Востоков, чьи заслуги в создании сравнительной грамматики славянских языков очень значительны. В Чехии дело Й. Добровского продолжали историк литературы и лексикограф И. Юнгман (1773—1847), этнограф, археолог и литературовед П. И. Шафарик (1795—1861), фольклорист Ф. Л. Челаковский (1799—1852), историк Ф. Палацкий (1798—1876), филолог и палеограф В. Ганка (1791—1861), известный своими подделками «древнечешских» рукописей — Краледворской и Зеленогорской. В Вене учеником Копитаря был известный сербский фольклорист и лингвист, реформатор сербского литературного языка Вук С. Караджич (1787—1864).

В России славянская филология как наука началась с деятельности кружка графа Н. П. Румянцева (1754—1826), основателя музея и самой крупной общественной библиотеки Москвы, и А. С. Шишкова (1754—1841), известного писателя и любителя старины. Однако этот кружок, занимавшийся славянскими древностями и отечественной историей, не выходил за рамки меценатства и любительства.

Подъем славяноведения в России стал ощущаться лишь после 1835 г., после появления в России первых славистических кафедр в Москве, Петербурге и Казани, где ярко проявили свой талант исследователей и организаторов науки О. М. Бодянский (1808—1877), И. И. Срезневский (1812—1880), П. И. Прейс (1810—1846), В. И. Григорович (1815—1876). Все они, прежде чем начинать свою научно-педагогическую деятельность, совершили путешествия по зарубежным странам, знакомясь с учеными-славистами, библиотеками, научными обществами, с языком и бытом простых тружеников-крестьян. Во время путешествия они собирали рукописи и книги, изучали диалекты, записывали народные песни и пословицы, исторические предания, вели дневники. Собранные ими памятники языка, материалы и записи хранятся в наших древнехранилищах и архивах и имеют непреходящую ценность.

Среди основоположников русского славяноведения следует упомянуть еще одно лицо — молодого выпускника Московского университета Георгия Гуцу, известного под именем Юрий Венелин (1802—1839), автора книги «Древние и нынешние болгаре» (1829), сыгравшей большую роль в истории болгарского национального Возрождения.

какие-то ветки отсыхали, какие-то были обрублены. Но об этом позже. Пока же отметим, что представленный нами «ветвистый» принцип классификации славянских языков и диалектов относится к естественным славянским языкам и диалектам, к славянской языковой стихии вне письменного ее обличья, без нормативно-письменной формы. И если различные ветви живого славянского языкового «древа» — языки и диалекты — появились не сразу, то не сразу появлялись образованные на их основе и параллельно с ними бытующие письменные, книжные, нормированные, во многом искусственные языковые системы — литературные языки (см. *Литературный язык*).

В современном славянском мире существует 12 национальных литературных языков: три восточнославянских — русский, украинский и белорусский, пять западнославянских — польский, чешский, словацкий, верхнелужицкосербский и нижнелужицкосербский и четыре южнославянских — сербскохорватский, словенский, болгарский и македонский.

Помимо этих языков, языков поливалентных, т. е. выступающих (как и все современные национальные литературные языки) и в функции письменной, художественной, деловой речи, и в функции устной, бытовой, разговорной и сценической речи, у славян существуют и «малые» литературные, почти всегда ярко диалектно окрашенные языки. Языки эти с ограниченным употреблением функционируют обычно наряду с национальными литературными языками и обслуживают или относительно малочисленные этнические группы, или даже отдельные литературные жанры. Такие языки есть и в Западной Европе: в Испании, Италии, Франции и в германоязычных странах. У славян известны русинский язык (в Югославии), кайкавский и чакавский языки (в Югославии и Австрии), кашубский язык (в Польше), ляшский язык (в Чехословакии) и др.

На довольно обширной территории в бассейне реки Эльбы, по-славянски Лабы, жили в средневековье полабские славяне, говорившие на полабском языке. Этот язык — отрубленная ветвь от славянского языкового «древа» в результате насильственной германизации говорившего на нем населения. Он исчез в XVIII в. Все же до нас дошли отдельные записи полабских слов, текстов, переводов молитв и т. п., по которым можно восстановить не только язык, но и жизнь исчезнувших полабян. А на Международном съезде славистов в Праге в 1968 г. известный западногерманский славист Р. Олеш прочитал доклад на полабском языке, создав таким образом не только литературную письменную (он читал по машинописи) и устную формы, но и научную лингвистическую терминологию. Это свидетельствует о том, что почти каждый славянский диалект (говор) в принципе может быть основой литературного языка. Впрочем, не только славянской, но и другой семьи языков, как показывают многочисленные примеры младописьменных языков нашей страны.

В IX в. трудами братьев Кирилла и Мефодия был создан первый славянский литературный язык — старославянский. В его основе лежал диалект солунских славян, на нем были сделаны переводы с греческого языка ряда церковных и иных книг, а позже написаны и некоторые оригинальные произведения. Старославянский язык бытовал сначала в западнославянской среде — в Великой Моравии (отсюда и ряд присущих ему моравизмов), а затем распространился у южных славян, где особую роль в его развитии играли книжные школы — Охридская и Преславская. С X в. этот язык начинает бытовать и у восточных славян, где он был известен под именем словенского языка, а ученые называют его языком церковнославянским или древнеславянским. Древнеславянский язык был международным, межславянским книжным языком вплоть до XVIII в. и оказал большое влияние на историю и современный облик многих славянских языков, прежде всего русского языка. Старославянские памятники дошли до нас с двумя системами письма — глаголической и кириллической (см. *Возникновение письма у славян*).

СЛОВАРЬ В. И. ДАЛЯ

«Толковый словарь живого великорусского языка» (вышел в свет в 1863 — 1866 гг.), состоящий из 4 томов, включает более 200 тыс. слов и 30 тыс. пословиц, поговорок, присловий, загадок, которые приводятся как иллюстрации для пояснения значений слов.

Составитель этого словаря Владимир Иванович Даль (1801 — 1872) был талантливым и трудолюбивым человеком. Он получил образование сначала морского офицера (Петербургский Морской корпус — 1814 — 1819), затем врача (Дерптский, ныне Тартуский, университет — 1826 — 1829), с 1833 г. состоял государственным чиновником по различным ведомствам.

Интересы Даля были разнообразны; он преуспел во многих областях знаний: инженерии, ботанике и зоологии (член-корреспондент Академии наук по отделению естественных наук с 1838 г.), этнографии, фольклору (сб. «Пословицы и поговорки русского народа», 1861 — 1862 гг.). Писатель Даль (псевдоним Казак Луганский) создал множество произведений: сказок, рассказов, бывальщин, очерков, большей частью написанных в духе натуральной школы. Полное собрание сочинений Даля составляет 10 томов.

В. И. Даль. Портрет работы А. Перова.

Но самую широкую известность и признание принес Далю «Толковый словарь» — дело всей его жизни. Даль не был филологом, языковедом по образованию, он стал им по призванию, так как любил и понимал родной язык, умел вслушиваться, вдумываться в живое народное слово.

В. И. Далем написано несколько теоретических статей о словаре и о наречиях русского языка. Полвека посвятил он собиранию слов, вынашиванию замысла создания словаря и его осуществлению. Где бы он ни был: в военном походе, в госпитале, в служебной поездке — всюду записывал слова, недаром почти половина слов, вошедших в словарь, собрана самим автором. Были у Даля и многочисленные помощники, присылавшие сведения о словах из различных концов государства Российского. Трудно поверить, что гигантскую работу по составлению словаря проделал один человек. До Даля и после него столь большие по охвату материала словари в одиночку не составлялись, над ними работали целые коллективы специалистов. Поэтому Даля с полным основанием следует назвать энтузиастом-подвижником.

Даль первым назвал свой словарь толковым. В эпиграфе автор указывал: «Словарь назван толковым, потому что он не только переводит одно слово другим, но толкует, объясняет подробности значения слов и понятий, им подчиненных». Последующие словари подобного рода также стали называться толковыми.

Даль желал с помощью своего словаря познакомить современников с богатством и выразительностью существующего народного языка, «потому что язык этот силен, свеж, богат, краток и ясен...». Оттого-то и в заголовок автор вынес слова «живого великорусского языка». Живого,— значит, того, на котором говорят в настоящее время. Поэтому в словарь вошло огромное количество слов (по подсчетам Даля — около 80 тыс.), которые не были включены в другие словари, так как расценивались составителями как не стоящие внимания, простые, обиходные слова (в отличие от книжных). Под великорусским языком имелся в виду русский язык (в отличие от малорусского, или малороссского, как в те времена называли украинский язык).

Как же построен словарь? Словарный материал автор расположил по алфавитно-гнездовому принципу: в «гнездо» объединены слова, имеющие общий корень и начальную букву, а приставочные образования с этим же корнем следует искать на ту букву алфавита, с которой начинается приставка (в гнезде «ходить» находим слова *хаживать, хоженое, хожденье, ход, ходьба* и др., приставочные образования в гнездах на соответствующие начальные буквы: *выхаживать, выходить, заходить, переходить, уходить* и пр.).

Объяснение слов дается не только описательно, но большей частью с помощью синонимов, которые Даль называл «тождесловами». Среди них приводятся слова литературные, просторечные, диалектные (например, гнездо «февраль»: Февруарий, стар. сечень, лютый; ныне народн. бокогрей, широкие-дороги). О диалектных словах Даль делает пометы: где, в каких местах России они распространены. Например: новгородское, псковское, рязанское и т. п.

Далев словарь — прекрасное собрание не только лексического, но и этнографического материала. В словарных статьях содержатся разнообразные сведения о жизни народа: о жилище, способах ведения хозяйства, орудиях труда, быте, одежде, утвари, пище, семейном укладе, религии, суевериях, приметах, мифологии, обрядах, обычаях, нравах и пр.

Так, в словарной статье «Изба» находим следующие сведения: «*Изба (истопка, истпка, истба, изба)*... крестьянский дом, хата; жилой деревянный дом; жилая горница, комната, чистая (не стряпная) половина; людская или кухня, жилье для прислуги в барском дворе; стар. внутренний покой в деревянном дворце царском; стар. палата, приказ, присутственное место... В Сибири избой зовут отдельную стряпную, кухню, и переднюю избу, в отличие от *ку́ти*, задней, стряпной, бабьей избы. *Сборная изба*, наемная миром, для сходок и для приезжих старшин. Черная, или курная, изба, в которой печь без трубы. *Белая изба*, или

изба по-белому, в которой печь с трубою и потому нет копоти. *Красная изба,* с красным, т. е. большим или переплетным окном, не с одними волоковыми. Старинная изба делилась на три части: на *шолнуш,* или *кухню* и *спальню; избу,* столовую и жилую; *гóренку,* чистую, без печи или с голландкою; *горенка* украшалась картинами и ставилась иногда отдельным пристроем.

Вообще у нас изба бывает рубленая, бревенчатая; она обычно *четырехстенная;* если же разгорожена рубленою стеною, то *пятистенная,* или о шести рубленых углах;...*шестистенная,* если сени посредине и из них вход в обе половины, в зимнюю и летнюю...» Далее следуют пословицы, поговорки и загадки, в которых упоминается изба (например: *Всего дороже честь сытая да изба крытая. Чего в избе не видно?* тепла), а затем производные слова (например: *íзбничий* — стар. служитель при царской избе, комнате).

При описании многих реалий (предметов) Даль выступает как тонкий знаток народного быта. Так, из словаря мы узнаем не один десяток названий для ручки (за что берут, держат, подымают вещь): *топорище* — у топора, *дужка, перевясло* — у ведра, *черен, колодка* — у долота, ножа, *метловище* — у метлы, *грабловище* — у граблей, *скоба* — у сундука, *молотовище* — у молота, *удовище* — у удочки, *цепник, цеповище* — у цепа, *косье, косовище* — у косы, *древко* — у стяга, пики.

Великое множество лексического материала, связанного с промыслами и ремеслами, получило отражение у Даля: рыболовство, звероловство, охота, маслобитье, сыроварение, пивоварение, кожевенное, слесарное, плотницкое, сапожное дело, торговля, ткацкое, портновское ремесло, изготовление лаптей, ложек, шапок, корзин, различные игры и т. д. Вот почему называют словарь энциклопедией народной жизни XIX в.

Талантливый писатель, Даль и к словарной работе подошел как художник. Статьи написаны так живо и увлекательно, что многие из них воспринимаются как художественные миниатюры (см. слова *жизнь, животное, барка, круг, окно, обезьяна* и пр.).

Большой труд Даля был отмечен научной общественностью. За создание словаря Российская Академия наук присудила автору Ломоносовскую премию (1869), Географическое общество — золотую медаль (1862), Дерптский университет — премию за успехи в языкознании (1870). Даль был избран почетным академиком (1868).

Высока оценка, данная словарю Даля В. И. Лениным: «великолепная вещь» (из записки А. В. Луначарскому, 18. I. 1920). По воспоминаниям современников, словарь стоял в кремлевском кабинете В. И. Ленина. Н. К. Крупская отмечала: «Чтобы понять, какая образность близка крестьянству, Владимир Ильич, между прочим, особенно внимательно читал и изучал словарь Даля, настаивал на его скорейшем переиздании».

В настоящее время словарь не может быть использован как справочник по современному русскому языку, так как отражает состояние языка прошлого века и является, прежде всего, диалектным словарем. К тому же он не свободен от некоторых ошибок, неточностей, что вызвано лингвистическими взглядами автора (сюда относится написание отдельных слов, объяснение происхождения (этимология) слов, грамматические пометы, замена иноязычных слов русскими эквивалентами, иногда создаваемыми самим Далем, распределение слов по гнездам и внутри гнезд и т. д.).

Но, без сомнения, ценность словаря Даля не померкнет со временем. К нему постоянно обращаются специалисты: языковеды, историки, этнографы, фольклористы, писатели; он используется как источник при создании новых диалектных словарей, с ним сверяются, читая и изучая литературу XIX в.

Словарь Даля — неисчерпаемая сокровищница для всех тех, кто интересуется историей русского народа, его культурой и языком.

СЛОВАРЬ ПОД РЕДАКЦИЕЙ Д. Н. УШАКОВА

18 января 1920 г. В. И. Ленин в письме к А. В. Луначарскому, воздав должное «знаменитому словарю Даля», спрашивает: «Не пора ли создать словарь настоящего русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых теперь и классиками, от Пушкина до Горького? Что, если посадить за сие 30 ученых, дав им красноармейский паек? Как бы Вы отнеслись к этой мысли? Словарь классического русского языка?..»

В мае 1921 г. В. И. Ленин ставит цель: «Задание — краткий (...) словарь русского языка (от Пушкина до Горького). Образцового, современного. По новому правописанию». Он видел в таком словаре надежное оружие в войне с коверканьем языка, за приобщение широких масс к литературному языку, за сохранение и развитие этого образца и результата существующей культуры.

Работа над словарем началась в 1921 и прервалась в 1923 г. Завершить ее помешало многое: и недостаток необходимых средств, и неопытность составителей (среди них не было специалистов-лексикографов), и недопонимание важности этого дела руководством Наркомпроса, и состояние сильного брожения, в котором пребывал тогда литературный язык.

В числе авторов словаря был видный язы-

ковед Д. Н. Ушаков. Здесь он получил первый опыт словарной работы. Ему и суждено было возглавить в 1928 г. небольшую группу языковедов, которая создала четырехтомный «Толковый словарь русского языка», чаще и проще называемый словарем Ушакова. Первый его том вышел в 1935 г., последний — в начале 1941 г. Это был словарь современного (от Пушкина до Горького) образцового русского языка.

В словаре объяснены значения 85 289 слов. А ведь многие из этих слов имеют несколько значений. Человек, бывает, знает не все смыслы какого-либо слова, а словарь знает и хранит их все. Один писатель уверял, что употребление слова *оселок* в смысле средства испытания чего-либо — неправильность, рожденная в XX в., оселок, мол, всего-навсего точило. Заглянем в Ушакова: «*Осёло́к, лка,* и осело́к, *лка́*, м. 1. Точильный камень в виде бруска. 2. Камень для испытания драгоценных металлов (спец.). 3. перен. То, что служит пробой, средством для испытания чего-н. (устар.). *Не делай дружбы моей оселком.* Марлинский». Писатель сильно ошибся: устарелое счел новомодной неправильностью, как бы подтверждая афоризм «Новое — хорошо забытое старое». Когда В. И. Ленин написал в статье «Аграрная программа русской социал-демократии» (1902 г.):«... классовая борьба... должна быть тем оселком, на котором мы будем испытывать и принципиальные вопросы, задачи, и приемы пропаганды, агитации и организации», Г. В. Плеханов оставил на обратной стороне рукописи замечание: «...на оселке нельзя ничего испытывать. Оселок — это петля, которая душит». Плеханов принял оселок за силок...

Теперь вчитаемся в словарную статью об оселке. Помимо информации о значениях слова, их числе здесь содержатся сведения о вариантах ударения в нем (об акцентных вариантах), о форме род. п. ед. ч. (и, следовательно, о других падежах), о грамматическом роде, о принадлежности второго значения словоупотреблению специалистов, о переносности третьего значения, рожденного из метафоры.

Словарь Ушакова очень информативен, хотя и не знает еще этого слова: он толкует слова, сообщает их правильное ударение, произношение, очерчивает с помощью системы помет круг и время их применения, их выразительные свойства, дает краткую справку о происхождении слова, если оно было заимствовано из другого языка.

Фразеология тоже представлена в словаре. И подчас в нем есть то, чего не сыщешь во фразеологических словарях. Сотрудник Всесоюзного радио, переводя статью на современную тему, наткнулся на выражение *парфянская стрела*. Что оно значит, и есть ли оно в русском языке? У Даля нет. В словарях крылатых слов и «Фразеологическом словаре русского языка» тоже. Выручил Ушаков — словарной статьей «Стрела»: «Парфянская стрела (книжн.) — перен. меткий коварный удар, меткое сражающее слово противника, симулирующего поражение. (От военной хитрости древнего азиатского народа парфян — симулировать бегство и поражать через плечо меткими стрелами преследующего противника.)».

Говоря о словаре Ушакова, нельзя обойтись без слов *первый, впервые*. Это первый советский толковый словарь. Это первый советский нормативный словарь. Авторы словаря понимали литературный язык как язык образованных людей. И если в словарь включено некоторое число слов, явно находящихся за границами литературного языка, то это вовсе не значит, что их сочли литературными: они снабжены ограничительными или запретительными пометами, например: «Ряшка... 1. Шайка, ведерко (областное). 2. Лицо (просторечное, презрительное, вульгарное)».

Впервые в отечественной лексикографии разработана и применена столь детальная система стилистических помет. Впервые словарю предпослан (в I томе) очерк орфоэпии и морфологии. Это первый словарь, зарегистрировавший слова, вошедшие в язык в конце 10-х — начале 30-х гг. (их тут тысячи: *беспризорник, бесхозный, вертолет, зарплата, колхоз, комбриг, пятидневка, пятилетка, уклонист* и т. д.). Впервые наиболее употребительным морфемам посвящены словарные статьи (есть статьи о приставках *анти-, без-, за-* и некоторые другие, о первых частях сложных слов *дву-, двух-, бое-* и т. д., о частях сложносокращенных слов *агит-, гос-, гор-* и пр.). Впервые в отечественной лексикографии четко сказано об отличии словаря языка от энциклопедического (и это отличие соблюдено в словарных статьях).

Словарь Ушакова тепло встретили. Он быстро стал популярным. Как-то Ушаков шел домой по Сивцеву Вражку. Его увидели двое школьников. Один из них громко сказал:
— Гляди, Ушаков идет! А другой возразил:
— Ты что, Ушаков — это словарь...

Конечно, этот новаторский словарь имел недочеты, хотя бы потому, что был новаторским. В него не попали некоторые очень употребительные слова (например, *задиристый, незаурядный, салатный* и др.), но зато присутствует, скажем, *маремма:* «Болото, заболоченное место (в Италии, на побережье Тирренского моря)». Явные случаи омонимии представлены порой как полисемия, например: *пентюх, межень.*

Можно назвать еще несколько недочетов словаря. Но и с теми, которых можно было избежать тогда, и с теми, которых нельзя было избегнуть, словарь Ушакова — событие в культурной жизни 30 — 40-х гг. Для советского языкознания он послужил катализатором

исследований по русской лексике и теории составления словарей, образцом для лексикографов национальных республик, опорой в работе над известным однотомным «Словарем русского языка» С. И. Ожегова.

Даже хорошие словари стареют, потому что не стареет живой язык. Они становятся памятниками определенной эпохи в его жизни. Словарь Ушакова тоже постепенно превращается в памятник, но еще далеко не стал им полностью. И не скоро станет.

СЛОВО

Слово понадобилось человеку для того, чтобы дать имя всему, что есть в мире, и самому себе. Ведь чтобы о чем-то говорить и даже думать, надо его как-то называть, именовать.

Самые простые слова — имена того, что человек видит вокруг себя. Они как этикетки: «это кошка», «это куст», «это снег»... Такими словами-этикетками как бы увешано все вокруг нас. И «приклеены» они так накрепко, что кажутся нам уже частью самого мира. Очутившись в мире другого языка, а значит, «невидимых этикеток», мы — в растерянности. Вот, допустим, вы приезжаете в Армению, и оказывается, что весь мир иной. Потому что вода — не вода, а *джур* («журчит в этих камнях»), море — не море, а *цов* («в нем волна набегающая»)... А друзья задают все новые вопросы: «Скажите, что лучше: кав или глина? Арагил или аист? Журавль или крунк?» И вы вслушиваетесь в эти чужие слова, а заодно и в привычные свои.

Мы начинаем узнавать мир по его именам. Язык здесь — учитель, а каждое слово — небольшой урок «всеговедения». Особенно интересны уроки таких слов, в которых нам что-то уже знакомо. Вот *подорожник* — ясно: он растет вдоль по дороге. А *подберезовик* — под березой растет, а *опенок* — у пня... Сразу видно родство этих слов с другими, у них есть «родители»: у подорожника — дорога, у подберезовика — береза... Лингвисты называют такие слова мотивированными — в них видны мотивы приклеивания этикетки.

Извлекаем отсюда два важных знания о слове.

Первое. У слов есть устройство. Одни устроены проще *(куст)*, другие — сложнее *(подорожник)*. Но чем сложнее устроено слово, тем легче его понять: видны мотивы, а они — подсказка.

Второе. Слова можно получать. Из одних — другие. И для этого в языке есть целый «склад запасных частей». Наука, ведающая законами получения слов, — словообразование. Огромный механизм словообразования внушает спокойствие: как бы быстро и решительно ни изменялся мир, для всего в нем найдется, будет произведено слово. В этом язык неистощим.

У всякого языка свои привычки называть мир — двигаться от одного предмета к другим. Такие законы — в ведении сопоставительной лексикологии и теории номинации — науки, изучающей «технику» языкового именования мира.

Слово, как мы видели, состоит из морфем, главная из которых — корень. И поскольку морфема связана с понятием, то и слово связано с понятием, простым или сложным.

Есть в языке и такие слова, для которых называть — не главное. Они как будто что-то и именуют: *или* — приблизительно то же, что *выбор, альтернатива; в* — приблизительно то же, что *находится внутри*... Но задача их — помогать другим словам соединяться: *завтра или послезавтра, читать в библиотеке.* Эти слова называются служебными — они «гайки» и «винтики» в руках говорящего, когда он берется строить предложение. Разная работа лежит на «плечах» предлогов, союзов и частиц, но без них в языке не обойтись (а имя можно и забыть, заменить или просто новое выдумать).

Как мы видим, есть два типа слов. Первые называют мир, они — этикетки-имена. В них хранятся знания языка о мире. Вторые несут в себе знания не столько о мире, сколько

о языке: как с ним управляться, чтобы говорить. Это слова-организаторы. С их помощью говорящий из разрозненных знаний о мире организует свою связную речь.

Первые более изменчивы: они приходят и уходят вместе с вещами и понятиями, меняют свои значения, чутко отражая все изменения в жизни общества. Вторые более независимы и постоянны.

В жизни первых много причуд и загадок. Но есть в ней и законы. Например, теории номинации известен «закон двух миров». Он гласит: для языка существуют как бы два мира. Один — мир видимый, слышимый, осязаемый, мир природы и вещей. Другой — невидимый мир внутренней жизни человека, мир ума и сердца, настроений и идей... Второй мир представляется языковому воображению подобием первого. Оно устанавливает сходство разных фрагментов этих несходных миров. Сами линии сходства держатся языком «в секрете», а проглядывают они иногда в происхождении слов. Скажем, *стыд* происходит от *студ, стужа;* значит, для русского языка такое чувство похоже на ощущения от холода, мороза.

Еще красноречивее говорит о языковых представлениях поведение имен второго мира, их сочетаемость. *Память* и *груз* бывают тяжелы. *Огонь* и *любовь* могут вспыхивать и угасать. *Взгляд* и *камешек* можно бросить, поймать, перехватить. *Мысли,* как люди, могут приходить, не покидать, преследовать... Изучить эти неслучайные связи имен второго мира — значит выявить секретную языковую грамматику чувств, грамматику восприятия, грамматику умственной жизни. Этим заняты лингвисты, изучающие слова с «несвободным» поведением — разного типа фразеологизмы.

«Несвободны» и многие имена первого мира. Но это другая «несвобода» — прикрепленность к одному «владельцу», часто единственному в своем роде: *Михаил Васильевич Ломоносов, крейсер «Аврора», Ясная Поляна...* Такие имена называются собственными. Ведает зако-

ГРИГОРИЙ ОСИПОВИЧ ВИНОКУР (1896—1947)

Для современного лингвиста он прежде всего «классик» словообразования. Прочтя его «Заметки по русскому словообразованию» (1946), уже нельзя не понимать разницы между этимологическим и словообразовательным анализом, между словами, связанными языковым родством — реальным и утраченным, забытым. Он был зачинщиком спора о правилах проведения границ между морфемами в слове — знаменитого «спора о буженине», из которого вышел целый ряд понятий современной морфемики.

Но назвать Г. О. Винокура специалистом только по словообразованию несправедливо. Он был филологом в самом обширном смысле этого слова.

За свою очень недолгую для ученого жизнь он занимался едва ли не всеми видами филологической деятельности: был переводчиком, журналистом-газетчиком, редактором, издателем, а значит, текстологом, критиком (его первое выступление в печати — о поэме Маяковского «Облако в штанах»), неустанным лектором-пропагандистом филологической культуры, преподавал студентам добрый десяток филологических предметов. И это, конечно, не все...

Винокур всегда в центре филологической жизни. Посещает собрания футуристов, печатается в их сборниках, журналах Лефа. Делает доклады — со студенческих времен!— в Московской диалектологической комиссии, Московском лингвистическом кружке. Входит в коллектив составителей первого советского словаря, известного теперь как словарь Ушакова (ему было отдано 19 лет жизни). Организует работу по составлению Словаря языка Пушкина. Участвует в спорах об орфографии... И конечно, Винокур был филологом в своих исследованиях, книгах и статьях. С одной стороны, его занимали самые разные исследовательские сюжеты из лингвистики и литературоведения, что уже само по себе придает его труду филологическую широту и грандиозность. С другой стороны, Винокура всегда заботила мысль о самой филологической науке, ее месте среди других гуманитарных наук, ее назначении и внутренней структуре. Г. О. Винокур придумал специальный курс для студентов-филологов — «Введение в изучение филологических наук», читал его в 40-е гг., но выпустить книгу не успел (I часть была опубликована в 1981 г.).

Филология, по Винокуру,— это содружество наук, имеющих общую заботу — чтение и истолкование текста. Такая филологическая работа требует безупречного знания языка на уровне века и самых передовых лингвистических достижений, глубокого постижения культуры, литературных пристрастий той эпохи, в которую появился текст, и многого другого. Все эти знания должны соста-

нами их жизни наука ономастика. «Собственниками» чаще всего оказываются люди и места, где они живут.

Потому и главные разделы ономастики — антропонимика (наука об именах людей) и топонимика (наука о географических названиях). Имена собственные так связаны со своими «собственниками», что ономастике никак не обойтись без знаний из истории человеческого общества, разных земель и стран.

Строя каждую свою фразу, мы должны назвать нужные нам события, предметы, лица. Выбор имени для всего, о чем хочется сказать, — вещь сложная. Именно про это говорят «муки слова».

Поиск единственного слова — вот что составляет существо нашей номинативной работы. Чем лучше знает человек язык, его словарь, тем точнее и живее его речь, тем выше культура слова.

Итак, слово понадобилось человеку, чтобы назвать все в мире. И оно оказалось таким сложным, что к разным его сторонам устремлены исследовательские взоры целых отрядов лингвистов, разные лингвистические науки. Так велико и неисчерпаемо слово.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ

Почему *лиса — лисой* — это одно и то же слово, а *лиса — лисичка* — разные слова? Ответ кажется простым: потому что *лиса —лисой* — это падежные формы, а падежные формы, естественно, принадлежат одному слову. Такой ответ — пример порочного логического круга: ведь слова «это падежные формы» предполагают продолжение: «формы одного слова», и, значит, этот ответ — совсем не ответ. В полном виде он звучит так: *лиса — лисой* потому формы одного слова, что это падежные формы одного слова. Нет, такой ответ не годится.

Может быть, смысловое различие между *лиса — лисой* небольшое, а между *лиса — лисичка* — значительное? И это не так: *Лиса пробежала по снегу! — Семен Семенович так и ходит вокруг начальника лисой...* Ясно, что смысловая разница здесь большая. И напротив, почти нет разницы: *Лиса пробежала по снегу. — Лисичка пробежала по снегу.* Очевидно, дело в чем-то ином.

Лиса — именительный падеж. Это показывает окончание *-а*. *Лисой* — творительный па-

влять интеллектуальный багаж и исследовательский инструмент ученого-филолога.

Сам Винокур был виртуозным мастером такой труднейшей филологической работы. Любимейшими его текстами были тексты Пушкина. Он подготовил несколько томов Академического собрания сочинений Пушкина, изучал его язык, роль в формировании нашего национального литературного языка... Главная пушкинистская заслуга Винокура — это инициатива, разработка программы и подготовка Словаря языка Пушкина, который вышел уже после смерти Григория Осиповича (1956—1961), и сейчас это единственное в своем роде издание, без которого невозможно представить работу пушкиниста, будь он лингвистом, литературоведом или историком.

Винокур говорил о двух научных подходах к языку: «анатомическом», когда исследуется собственно языковое устройство, и «физиологическом», когда важно выявить, как это устройство проявляется «в интересах» какой-либо области культуры, преимущественно письменной. Сам Винокур был в большей степени склонен к «физиологическому» исследованию языка. Он усердно трудился над понятиями для описания этих разнообразных культурных проявлений языка — «языка газеты», «поэтического языка», «языка литературного произведения», «языка писателя». В результате появились особые филологические дисциплины — «нормативная стилистика», «историческая стилистика, или история литературного языка» (любимейшая сфера филологии Винокура) и др.

Вся филологическая деятельность Винокура отмечена значительностью. Так, например, с доклада в Московском лингвистическом кружке о только что вышедшей тогда «Общей лингвистике» Ф. де Соссюра начинается распространение его идей в нашей стране. В 1925 г. вышла книга Винокура «Культура языка», в которой теоретические вопросы лингвистики решаются в органической связи с языковой практикой.

Филологическая жизнь Винокура связана с Московским университетом. Здесь студентом он учился сразу в нескольких «семинариях», потом работал вместе со своими учителями Д. Н. Ушаковым, М. Н. Петерсоном, возглавлял кафедру русского языка, растил своих учеников.

Григорий Осипович всегда обращал внимание на единство творчества и личности писателя, ученого, считая, что слово — это поступок в личной жизни писателя. И сам Григорий Осипович был личностью огромного обаяния, а каждая его филологическая работа— поразительно умной, поучительной и вдохновляющей.

деж. Это показывает окончание *-ой*. Падеж — средство связи слов в предложении. Окончания *-а* и *-ой* как раз и есть морфемы (значимые части слова), которые выражают связи слов в предложении: *Лиса всегда останется лисой.* Окончание *-ой* показывает, что связаны слова *останется лисой.* Окончание *-а* показывает, что к слову *лиса* относятся другие слова в предложении (глагол-сказуемое, а через него — все остальные). Морфемы, которые показывают отношения между словами, называются реляционными (от лат. *relatio* — «отношение»).

Если две словоформы различаются только реляционными морфемами, то это словоформы одного слова, одной лексемы (см. *Лексема и форма слова*). *Лиса, лисе, лисы, лисой...* — это словоизменение одного слова, одной лексемы.

Слова *лиса — лисичка* отличаются морфемой *-ичк-*. Она не служит для связи слов. Она обогащает, уточняет значение корня. Морфемы, которые уточняют значение корня, называются деривационными (от лат. *derivatio* — «отклонение»).

Если две словоформы отличаются деривационными морфемами, то они принадлежат разным словам. *Лисичка* по отношению к *лиса* — это словообразование.

Из каких-то предложений были взяты глаголы-сказуемые: *летит, летим, летишь, летят*... Из тех же предложений взяты подлежащие: *муха, мы, ты, самолеты*... Можно ли догадаться, к какому подлежащему относятся сказуемые? Можно: *муха летит, мы летим, ты летишь, самолеты летят.* Сами формы глаголов показывают, с чем они связаны. Окончания их служат для связи слов. И только этими окончаниями отличаются наши глаголы. А это значит, что *летим, летит, летишь, летят* — формы одного и того же слова.

Возможно, это понятно и без всяких рассуждений. Действительно, интуиция нам подсказывает: *лечу — летишь — летит*... или *крутой — крутого — крутому*... или *лиса — лисы — лисой*... — каждый из этих рядов представляет одно слово. Но надо понять, на чем основана эта интуиция. Надо открыть ее секрет. И секрет состоит в том, что разные деривационные морфемы разводят словоформы по разным словам, запрещают им принадлежать одному слову, а разные реляционные морфемы не препятствуют им входить в одно слово, быть членами семьи одной и той же лексемы.

Изучать, как слово изменяется (склоняется, спрягается), как у словоформ меняются реляционные морфемы,— значит изучать словоизменение. Изучать, как образуются слова, как они различаются деривационными морфемами,— значит изучать словообразование.

СЛОГ

Ты переплыл речку, а твой товарищ остался на том берегу. Ты кричишь ему: «Пе-тя! Плыви сю-да!» Или ты звонишь по телефону и, чтобы лучше расслышали твою фамилию, медленно и громко диктуешь: «Пу-зы-рёв!»

В обоих случаях ты разделил слова на слоги. В обычной нашей речи слоги тесно сцеплены друг с другом, но вот возникает необходимость произнести слово или несколько слов громко и отчетливо, и тогда сцепление ослабевает, слово распадается на слоги, разделенные паузами. Значит, слог — потенциальная речевая единица, которая может быть выделена лишь при тщательном произношении.

В повседневной речи слог играет весьма скромную роль, как бы дожидаясь того момента, когда он может выйти на сцену и обратить на себя внимание.

Гораздо более заметная роль у слога в поэзии: ведь мы знаем, что стихотворный ритм строится на правильном чередовании ударных и безударных слогов.

Ядро слога, его вершину, обычно составляет гласный. Иногда в том же качестве выступают и согласные, чаще всего — сонанты. Например, отрывок из стихотворения В. Высоцкого:

Ловите ж ветер всеми парусами!
К чему гадать? Любой корабль — враг.
Удача — миф. Но эту веру сами
Мы создали, поднявши черный флаг.

Слово *корабль* здесь трехсложное, третий слог в нем — [бл̩'] (значком под буквой обозначается слоговость звука).

В некоторых языках даже односложные слова могут обходиться без гласных, слогообразующими в них выступают сонанты. Сравним: *прст* — «перст», *врх* — «верх» (сербск.), *prst*, *vrch*, а также *krk* — «шея», *vlk* — «волк» (чешск.).

Иногда и шумные (фрикативные) согласные могут создавать слог, например франц. *pst*. Можно привести пример из русского языка. Как мы подзываем кошку? Кс̩-кс̩-кс̩. И здесь слоговую вершину образует согласный *с*.

Есть языки, где слог может быть образован двумя гласными (такие сложные звуки называют дифтонгами). Так, немецкие слова *Faust*, *sein*, английские *round*, *dear* — слова односложные.

СЛОГОВОЕ ПИСЬМО

Слоговое письмо состоит из таких знаков (слоговых букв), которые соответствуют целому слогу, т. е. чаще всего нескольким звукам сразу. Если, пользуясь каким-либо слоговым письмом, написать слово *мама*, то оно будет состоять из двух одинаковых букв, каждая из которых обозначает слог *ма*.

Первые слоговые знаки возникают в процессе развития идеографического письма, в котором каждый знак соответствует значению слова. Постепенно отдельные идеографические знаки начинают утрачивать связь со значением слова, сохраняя лишь свое звучание (чтение), и превращаются тем самым в фонетические (звуковые) знаки. Такой процесс обычно возникает, если в языке, который обслуживается идеографическим письмом, довольно много односложных слов. Именно таким был, например, шумерский язык, и поэтому в шумерском идеографическом письме активно начинают возникать слоговые знаки. Как это происходило, можно понять из следующего примера. В шумерском письме был знак 𒋾 для слова *стрела*, которое по-шумерски произносилось [ti], т. е. было односложным. Со временем этот знак стал обозначать слог *ti* в разных словах. Слоговые знаки преимущественно использовались для обозначения грамматических показателей и служебных слов, т. е. наиболее часто повторяющихся элементов текста, тогда как основы слов, как и ранее, продолжали обозначаться с помощью идеографических знаков.

a	𐠀	e	𐠁	i	𐠂	o	𐠃	u	𐠄
ka	𐠊	ke	𐠋	ki	𐠌	ko	𐠍	ku	𐠎
ta	𐠭	te	𐠮	ti	𐠯	to	𐠰	tu	𐠱
pa	𐠞	pe	𐠟	pi	𐠠	po	𐠡	pu	𐠢
la	𐠏	le	𐠐	li	𐠑	lo	𐠒	lu	𐠓
ra	𐠣	re	𐠤	ri	𐠥	ro	𐠦	ru	𐠧
ma	𐠔	me	𐠕	mi	𐠖	mo	𐠗	mu	𐠘
na	𐠙	ne	𐠚	ni	𐠛	no	𐠜	nu	𐠝
ja	𐠅					jo	𐠈		
wa	𐠲	we	𐠳	wi	𐠴	wo	𐠵		
sa	𐠨	se	𐠩	si	𐠪	so	𐠫	su	𐠬
za	𐠼					zo	𐠿		
		xe	𐠸						

Появление слоговых знаков можно рассматривать как качественный и количественный скачок в истории развития письма. Качественный — потому, что слоговые знаки — это первые знаки, связанные только со звучанием и свидетельствующие тем самым, что уже начало осознаваться членение слов на слоги. Количественный — потому, что слогов в любом языке значительно меньше, чем слов и даже морфем, и, соответственно, в письме на смену очень большому числу идеографических знаков приходит ограниченное количество слоговых знаков.

Идеографическое письмо со слоговыми знаками в свое время было довольно широко распространено. Им пользовались, в частности, в Шумере, Вавилоне, Ассирии, Хеттском государстве, царстве Урарту (III— конец I тысячелетия до н. э.).

Однако идеографическое письмо не превратилось в чисто слоговое или хотя бы в преимущественно слоговое письмо. Существующее в наши дни слоговое письмо возникло иначе, а именно путем вокализации консонантного письма, т. е. тогда, когда уже осознавалось деление слов не только на слоги, но и на звуки.

Наиболее характерные черты слогового письма заключаются в следующем: 1) каждый письменный знак соответствует слогу, 2) основу слогового знака составляет графический элемент, обозначающий согласный звук, 3) гласные обозначаются графическими элементами, добавляемыми к основе слогового знака, причем одинаковые гласные обычно обозначаются одним и тем же графическим элементом.

Известны две разновидности слогового письма: эфиопское и деванáгари, используемое в Индии. Мы рассмотрим более подробно эфиопское письмо, которое появилось на базе южноаравийского консонантного письма у семитских племен, переселившихся в начале н. э. из Южной Аравии на территорию современной Эфиопии. Это письмо обслуживает эфиопский язык, иначе — геэз — язык эпиграфических и литературных памятников IV—XX вв. Разговорным эфиопский язык перестал быть уже к X—XI вв. В настоящее время этим языком пользуется

только церковь. В XVII в. эфиопское письмо было приспособлено для амхарского языка, ныне государственного языка Социалистической Республики Эфиопии.

Эфиопский алфавит состоит из 26 основных слоговых букв, соответствующих 26 согласным эфиопского языка. Каждая буква реализуется в виде семи вариантов (типа С + Г) — по числу эфиопских гласных (*a*, *u*, *i*, *ā*, *ē*, *e*, *o*). Всего, таким образом, эфиопский алфавит содержит 26×7 = 182 знака.

Основной, графически наиболее простой вариант каждой буквы обозначает С + *a* и служит названием буквы. Так, например, буква *pa* реализуется в виде основного варианта *pa* (ፐ) и остальных вариантов: *pu* (ፑ), *pi* (ፒ), *pā* (ፓ), *pē* (ፔ), *pe* (ፕ), *po* (ፖ). Неосновные варианты букв имеют добавочные графические элементы, при этом варианты с узкими гласными *u* и *i* и средними *e* и *o* обычно имеют одинаковый графический элемент, но присоединяемый на разной высоте основного варианта буквы. Сравним: ተ — *ta* (основной вариант), ቱ — *tu*, ቲ — *ti*, ቴ — *te*, ቶ — *to*.

По сравнению с консонантным южноаравийским алфавитом эфиопский слоговой является значительно более удобным, ибо в процессе чтения не нужно заниматься дешифровкой написанного. Однако он имеет свои недостатки. Во-первых, в нем нет знаков, обозначающих удвоение согласных, которое достаточно широко распространено в эфиопском языке, а во-вторых, нет специальных знаков для обозначения согласного, закрывающего слог. В последнем случае выходят из положения следующим образом: используется вариант буквы С + *e*, который, таким образом, альтернативно выполняет две функции: обозначает С+*e* и отсутствие гласного после согласного. Например, слово *medr* — «земля» пишется тремя буквами типа С+*e*: *me-de-re* (ፐ ኢ ር ቀ).

Будучи более совершенным, чем консонантное, слоговое письмо в свою очередь уступает в удобстве консонантно-вокалическому письму.

СЛОЖНОЕ СИНТАКСИЧЕСКОЕ ЦЕЛОЕ

Сложное синтаксическое целое — это речевая единица, отрезок речи, состоящий из нескольких предложений, объединенных по смыслу. Такой ряд предложений имеет и другое название — «сверхфразовое единство». Почему сверхфразовое? Потому что это единство выходит за пределы одного предложения. Чаще всего оно совпадает с абзацем. Абзац характеризуется единством темы. Переход к новой теме должен быть обозначен в письменной речи новым абзацем (отступом строки вправо). Но

бывает и так, что сверхфразовое единство распадается на несколько абзацев. Это происходит тогда, когда внутри одной темы появляются побочные темы, важные по смыслу и требующие поэтому специального графического выделения.

В связывании предложений и организации смысла в сложном синтаксическом целом непосредственно участвует актуальное членение предложения, т. е. членение его на тему — предмет речи и рему — то, что о теме говорится. Тема может повторяться в соседних предложениях, например: «Жестокость, злоба, озлобленность — ничего никуда не движет. Жестокость — это прежде всего самосожжение, самоистребление человека в самом себе». Темой предложения может быть рема предшествующего предложения: «Теперь вода имеет глубокий зеленоватый цвет. Точно такой цвет воды я видел когда-то у знойных берегов Африки, в Атлантическом океане» (см. *Актуальное членение предложения*).

Важным средством связи предложений служат местоимения. Местоимения замещают названия предметов и явлений, которые были даны в предшествующем предложении: «На улице нас кольцом окружили собаки. Они виляли хвостами и, по-видимому, ни малейшего желания не имели признавать в нас чужих». Местоимение *это* может указывать на все содержание предшествующего предложения и таким способом связывать его с последующим предложением: «Пока она вспоминала эти подробности, послышалась вдруг музыка, ворвавшаяся в окно вместе с шумом голосов. Это поезд остановился на полустанке» (А. П. Чехов). Местоимения можно уподобить нитям, сшивающим текст. Ряд предложений «сшивается» нитью одного цвета, если в них упоминается один и тот же предмет. Но при переходе к другому предмету и замене имени этого предмета местоимением «цвет» должен измениться.

Предложения связываются также повторением одних и тех же или близких по значению (синонимических) слов. Повторение слов (лексический повтор) может совпасть с повтором темы в соседних предложениях текста. Но такое

совпадение не обязательно. Вот пример, где слово повторяется в трех предложениях в составе их ремы: «Догматизм сам по себе есть формализм сознания. Ханжество — формализм совести. Педантизм — формализм долга, воли». В этом отрезке текста развивается единая мысль о том, что ряд отрицательных свойств человека основан на подражании положительным, на заимствовании формы их проявления, минуя суть. Предложения скрепляются в это смысловое единство лексическим повтором. Повторяющееся слово входит в характеристику трех разных предметов речи, обозначая сближающий их признак. Лексические повторы, как и местоимения, «сшивают» текст.

Предложения в тексте могут быть связаны союзами и союзными словами, как и части сложного предложения: «Змей держат в питомниках и время от времени берут яд. Но змеи плохо переносят неволю и скоро гибнут. Поэтому снова и снова идут смелые люди в пустыню. Рискуя жизнью, добывают дорогое лекарство».

Один из способов связи в поэтической речи — синтаксический параллелизм. Это симметричный порядок членов в соседних предложениях:

Но в камине дозвенели
Угольки.
За окошком догорели
Огоньки.
И на вьюжном море тонут
Корабли.
И над южным морем стонут
Журавли...
(А. Блок)

Каждое слово предложения оказывается связанным с соответствующим ему по месту словом другого предложения. Так предложения скрепляются не только по горизонтали, т. е. по их линейной последовательности, но и по вертикали: одинаковый порядок одинаковых членов как бы накладывает предложения друг на друга. Это теснее объединяет их по смыслу.

СМЕШЕНИЕ ЯЗЫКОВ

Смешение языков — явление, возникающее в условиях массового двуязычия, когда некоторые черты одного языка проникают в систему другого языка. Наибольшему иноязычному влиянию может подвергаться лексика, также фонетика (иноязычный акцент), в меньшей степени — синтаксис (возникновение сходных конструкций) и фонология. Почти не подвержена иноязычному влиянию морфология любого языка (в случаях, если меняется морфологическая система, мы имеем дело просто с фактическим переходом на другой язык: стройную систему можно целиком заменить другой системой, но нельзя смешать механически две системы и получить нечто среднее).

При смешении языков возникают явления субстрата, суперстрата и адстрата.

Субстрат (лат. *substratum* — буквально «подостланное») — следы исчезнувшего древнего местного языка (при принятии местным населением языка пришельцев). Таков, например, кельтский субстрат (следы древних галлов) во французском языке (романском по происхождению); элементы финно-угорского субстрата в севернорусских говорах.

Суперстрат (латинская приставка *super-* значит «над», «сверху») — следы исчезнувшего языка пришельцев, принявших язык местного населения. Таковы, например, элементы германского (франкского, бургундского) суперстрата во французском языке, французский суперстрат в английском языке.

Адстрат (от лат. *ad-* — «к, у, при») — результат влияния соседнего языка (при длительном двуязычии в пограничных районах). Например: тюркский адстрат в персидском и таджикском языках, иранский (таджикский) адстрат в узбекском, татарский адстрат в чувашском, марийском, удмуртском языках и т.п., турецкий адстрат в балканских языках.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

Социолингвистика — это отрасль языкознания, которая изучает закономерности развития и существования языка, определяемые конкретными социальными условиями жизни общества.

«Чистая» лингвистика исследует языковой знак сам по себе: его звуковую и письменную форму, его значение, сочетаемость с другими знаками. Социолингвистика делает упор на то, как используют языковой знак люди — все одинаково или по-разному?

Чтобы различие в задачах, стоящих перед социо- и «просто» лингвистикой, стало наглядным, рассмотрим примеры. Возьмем хорошо известное каждому слово *добыча*. Описывая его с точки зрения «чистой» лингвистики, надо указать следующее: существительное женского рода, 1-го склонения, в форме мн. ч. не употребляется, трехсложное, с ударением на втором слоге, обозначает действие по глаголу *добывать* (*добыча угля*) или результат действия (*Отец вернулся с богатой добычей*). Социолингвист отметит еще одно свойство этого слова: в языке горняков оно имеет ударение на первом слоге — *до́быча*; возможно здесь и употребление слова во мн. ч. (*несколько до́быч*).

Такие профессионально обусловленные отклонения от привычных форм слова — предмет изучения социолингвистики.

Другой пример. В языке моряков словом *конец* называют канат. Социолингвист, изучающий подобные факты, не пройдет мимо такого комментария к слову *конец*, которое мы находим в воспоминаниях К. Чуковского о Б. Житкове: Чуковский и Житков вдвоем оказались в бушующем море на утлой лодчонке, и ветер погнал их лодку на волнорез. «Житков с изумительным присутствием духа прыгнул с лодки на мол, на его покатую, мокрую, скользкую стену и вскарабкался на самый гребень. Оттуда он закричал мне: — Конец!

«Конец» — по-морскому канат. Житков требовал, чтобы я кинул ему веревку, что лежала свернутой в кольцо на носу, но так как в морском лексиконе я был еще очень нетверд, я понял слово «конец» в его общем значении и завопил от предсмертной тоски...»

Подобные различия могут обусловливаться не только профессией, но и возрастом человека, его социальным положением, уровнем образования и т. п. Во всех странах существуют молодежные жаргоны, которые отличаются от языка взрослых (русские школьники, например, называют шпаргалку *шпорой* и т. д.). Некоторые социально замкнутые группы также имеют свои жаргоны или групповые «языки» (см. *Арго. Жаргон*).

Члены таких групп в речевом отношении однородны и этим отличаются от людей, не входящих в группу. Языковые особенности в этом случае — символ принадлежности к группе, по ним опознается «свой», а по их отсутствию — «чужой». Изучение групповых «языков» — прямое дело социолингвистики.

В русском языке есть две формы обращения к другому человеку: на *ты* и на *Вы*. К незнакомому или малознакомому взрослому надо обращаться на *Вы*, а *ты* — знак более близких, сердечных отношений.

Изучение социальных условий, влияющих на выбор формы личного обращения,— также область интересов социолингвистики. Русский речевой этикет — лишь один, причем сравнительно простой, пример из этой области. В других языках, например в японском, корейском, существуют гораздо более сложные правила обращения к собеседнику.

Разные ситуации общения требуют различных языковых средств. Это хорошо понимали еще задолго до рождения социолингвистики. А. С. Пушкин писал: «В [светском] обществе вы локтем задели соседа вашего, вы извиняетесь — очень хорошо. Но, гуляя в толпе под качелями, толкнули лавочника — вы не скажете ему: *mille pardons*. Вы зовете извозчика — и говорите ему: пошел в Коломну, а не — сделайте одолжение, потрудитесь свезти в Коломну».

По наблюдениям одного учителя, до революции на Дону дети только в школе употребляли наречие *здесь* — дома же надо было говорить *тут*: *здесь* воспринималось коренными носителями говора как городское, чужое, в отличие от своего *тут*.

Это примеры речевых различий в зависимости от ситуаций общения. Но в каждой ситуации человек может занимать разное положение: быть собеседником на равных или чувствовать свое превосходство или же, напротив, зависимость. Общаясь друг с другом, люди как бы исполняют разные роли: отца, мужа, сына (в семье); начальника, подчиненного, сослуживца (в служебной обстановке), пассажира и кондуктора (в автобусе) и т. д. Тип роли обусловливает характер речи: с отцом вы говорите не так, как со сверстником, а с продавцом магазина — не так, как с учителем.

Представление о том, в каких ситуациях, при исполнении каких ролей каким языком надо говорить, формируется по мере того, как человек из ребенка превращается во взрослого. Называется этот процесс языковой социализацией, т. е. языковым «вхождением» в данное общество. И его изучает социолингвистика.

Бывают общества, где используется не один язык, а два. При этом почти каждый член общества может говорить и на том, и на другом (обычно один родной, а второй — государственный; такое положение, например, во многих странах современной Африки). Процесс языковой социализации в этом случае усложняется: ребенок должен усвоить разновидности языка и понять, когда и какие из них использовать,

впитать в свое сознание механизмы переключения с одного языка на другой.

Вопросы сосуществования двух языков в одном обществе — компетенция социолингвистики.

Социолингвисты ставят перед собой и еще одну задачу: регулировать развитие и функционирование языка, не полагаясь целиком на самопроизвольное течение языковой жизни.

Полезное и важное подспорье при выполнении этой задачи — изучение оценок, которые люди дают своему языку, отдельным его элементам. Факты речи говорящие оценивают по-разному: одни, например, легко принимают всякие новшества, другие же, напротив, отстаивают традиционные способы выражения; одним нравится строгость иностранных научных терминов, а их оппоненты ратуют за самобытность научной и технической терминологии и т.п. Изучение различий в оценках языковых фактов позволяет выделять социально более престижные и менее престижные формы речи, а это очень важно с точки зрения перспектив развития языковой нормы.

Разработка лингвистических проблем, направленных на то, чтобы управлять языковыми процессами, носит название языковой политики. Языковая политика — часть социолингвистики, ее «выход» в речевую практику.

ЕВГЕНИЙ ДМИТРИЕВИЧ ПОЛИВАНОВ (1891—1938)

Е. Д. Поливанов принадлежит к блестящей плеяде советских лингвистов старшего поколения. Он сочетал в себе яркий талант исследователя, необыкновенные способности полиглота и глубокие познания в области теории языка. Это счастливое и редкое сочетание во многом объясняет богатство и разнообразие языкового материала в его работах, тщательность анализа, оригинальность и смелость лингвистической мысли.

Е. Д. Поливанов обогатил языкознание многими работами, значение которых велико и в наши дни. Особенно несомненны его заслуги в области теории языка и его эволюции, сравнительной грамматики и фонетики индоевропейских языков, фонологии, акцентологии, теории слога, графики и орфографии, этимологии, русской лексикологии и фонетики, грамматики и фонетики японского, китайского, дунганского, грузинского, узбекского, турецкого и других языков, социальной диалектологии.

Е. Д. Поливанов был основоположником нашей отечественной социолингвистики.

Е. Д. Поливанов не был кабинетным ученым: он много ездил, общался с разными людьми, стремился изучать каждый новый язык или диалект в среде его носителей. Знание языков, культуры и быта разных народов позволяло Е. Д. Поливанову с успехом вести и чисто практическую работу: он был сотрудником Народного комиссариата иностранных дел, вел большую работу по созданию алфавитов и первых учебников для бесписьменных народов СССР, читал лекции, сотрудничал в лингвистических и общественно-научных журналах.

В истории советского языкознания Е. Д. Поливанов занимает особо почетное место не только как необычайно разносторонний и глубокий исследователь языка, но и как мужественный человек, который был бескомпромиссно предан научной истине и последовательно отстаивал ее. Идеи и положения, содержащиеся в трудах Е. Д. Поливанова, плодотворно разрабатываются в современном языкознании.

СПОСОБЫ ГРАММАТИЧЕСКИЕ

Грамматическая форма имеет две стороны: грамматическое значение и средства, которыми оно выражается.

Без грамматических средств выражения нет и самого грамматического значения. Например, услышав *Иду в кино*, мы понимаем, что в кино идет сам говорящий. Об этом нам сообщает окончание 1-го лица *-у* (сравним *ид-у* и *ид-ёшь, ид-ёт*). А если бы мы услышали *Шёл в кино*, то не могли бы понять, чье действие имеется в виду: у глагола в прошедшем времени нет грамматических средств, указывающих на действующее лицо, а значит, у него нет и самого грамматического значения лица.

Одни и те же грамматические значения в разных языках могут выражаться различными средствами. Так, в русском языке значения числа и падежа (если они есть в языке), а также мощью окончаний, а во французском — с помощью артикля: *la main* — «рука», *les mains* — «руки» (конечное *-s* не произносится, так что ед. и мн. ч. различаются только артиклем).

Грамматические способы языков очень разнообразны.

1. Аффиксация — выражение грамматических значений при помощи специальных морфем, которые называются аффиксами (см. *Морфема*). В русском языке аффиксация является основным грамматическим способом: окончания существительных, прилагательных и глаголов, суффикс прошедшего времени и суффиксы причастий — все это различные виды аффиксов.

2. Чередование фонем внутри корня. В русском языке чередование фонем всегда сопутствует аффиксации. Сравним, например: *пек-у, печ-ёшь, печ-ёт, печ-ём, печ-ёте, пек-ут*; здесь не только разные окончания, но и чередование фонем ⟨к⟩ и ⟨ч⟩ в корне глагола. Окончания — основное грамматическое средство, а чередование — дополнительное, потому что окончания выражают грамматические значения и без чередований (например: *пиш-у, пиш-ешь, пиш-ет* и т. д.), а чередования без окончаний — нет. В других языках чередование может быть самостоятельным грамматическим способом (например, в немецком: *die Mutter* — «мать», *die Mütter* — «матери», мн. ч.).

3. Способ удвоения. Он широко используется во многих языках Африки и Азии. При помощи удвоения может выражаться значение множественного числа существительных. Например, в бушменском языке *kwiri* — «про́пасть», *kwiri-kwiri* — «пропасти», в индонезийском *orang* — «человек», *orangorang* — «люди».

4. Ударение тоже может играть роль грамматического способа. См. *Ударение (грамматический аспект)*.

В русском языке ударение играет роль дополнительного грамматического способа при аффиксации. Но так как аффиксы разных форм иногда совпадают, то некоторые формы у части слов различаются только ударением; сравните: *опустите ру́ки — не опускайте руки́*; *к ле́су — в лесу́*.

5. Порядок слов. Во французском языке, где нет падежных форм, только порядок слов позволяет различить, кто производит действие (субъект) и кто ему подвергается (объект). Название субъекта действия предшествует глаголу, а название объекта следует за ним. Например, *La fille trouve le chien* означает «Девочка находит собаку», а *Le chien trouve la fille* — «Собака находит девочку».

6. Разнообразные грамматические значения выражаются при помощи служебных слов: предлогов, союзов, частиц, связок и др. В некоторых языках существуют особые служебные слова — артикли, которые употребляются при существительных и выражают значения рода, числа и падежа (если они есть в языке), а также определенности и неопределенности: если речь идет об известном предмете, употребляется определенный артикль (например, во французском *le livre* — «книга», *la table* — «стол»), а если о каком-то неизвестном предмете, то неопределенный артикль (*un livre, une table*).

Различные языки отличаются друг от друга тем, какие грамматические способы в них преобладают (см. *Аналитические и синтетические языки*).

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД

Сравнительно-исторический метод — совокупность приемов, позволяющих доказать родство определенных языков и восстановить древнейшие факты их истории.

Метод был создан в XIX в., его основоположники — замечательные ученые Расмус Раск (Дания), Франц Бопп (Германия), Якоб Гримм (Германия) и Александр Востоков (Россия).

Слова в нескольких языках могут быть похожи, потому что один язык их заимствовал у другого. Но есть слова, которые заимствуются редко: простейшие числительные, прилагательные, обозначающие самые обычные признаки, названия частей тела, близких степеней родства и т. д. Не заимствуются окончания спрягаемых и склоняемых слов. И они-то как раз бывают в языках очень похожими. Причина может быть одна: они являются развитием одного слова-предка, а языки, в которых существуют такие слова,— потомки одного праязыка (см. *Праязык*).

В каждом языке звуки развиваются и изменяются не хаотично, а закономерно. Напри-

мер, если в какой-то позиции звук [д] заменяется (в определенную эпоху) звуком [т], то такая замена осуществляется во всех словах данного языка. В результате этого родственные языки, изменяясь, сохраняют закономерные отношения между звуками исконных (незаимствованных) слов. Один язык сохранил [д], а другой во всех словах в данной позиции заменил его на [т]. Тогда существует такое соответствие: украинское [д] на конце слова соответствует русскому [т] в той же позиции.

Сопоставим слова: санскритское *tanúh* — «тонкий», древнегреческое *tanaós* — «вытянутый», латинское *tenuis* — «тонкий», старославянское и древнерусское *тьнъкъ* — «тонкий». Они похожи по звукам и по значению. Но существенно не сходство, а закономерные звуковые соответствия; соотношение: санскритское *t* ‖ древнегреческое *t* ‖ латинское *t* ‖ старославянское *t* — повторяется во многих словах, притом в таких, которые обычно не заимствуются. Сравните: санскритское *trayas*, древнегреческое *treis*, латинское *trēs*, русское *три* или санскритское *trâsat* — «дрожит», древнегреческое *trèo* «трепещу», латинское *terreo*, русское *трясу*. Не только первый согласный, а все звуки в этих родственных корнях родственных языков находятся в строгих соответствиях.

В двух родственных языках могут быть слова, совсем непохожие друг на друга, но звуки их находятся в закономерных соотношениях, и поэтому они несомненно продолжают одно и то же слово праязыка. Например, слова: древнегреческое *hólon* — «всё» и санскритское *sárvam* — «всё» — не имеют ни одного общего звука, и все же они родственны. Звуки этих слов находятся в закономерных регулярных соответствиях. Начальному санскритскому *s* соответствует древнегреческий звонкий соглас-

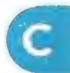
АЛЕКСАНДР ХРИСТОФОРОВИЧ ВОСТОКОВ (1781—1864)

В стихах А. Х. Востокова, по мнению Кюхельбекера, ясно сказался дух русского языка, «свободный и независимый». Современные исследователи называют Востокова поэтом-радищевцем: в его стихах отразился свободный и независимый дух самого поэта.

Научные труды Востокова тоже отражают его свободный, смелый и независимый дух. Наибольшую ученую славу принесли Востокову его исследования по истории славянских языков. В «Рассуждении о славенском языке» (1820) он сопоставляет разные славянские наречия, определяет звуковые соответствия между ними, показывает закономерный характер этих соответствий — и на основании этих соответствий впервые догадывается о звуковых значениях древних буквенных обозначений. Он впервые понял, что в славянских рукописях буквы ъ и ь обозначали краткие гласные. Он разгадал значение букв «юс большой» и «юс малый», сопоставив русские слова с польскими. Эти буквы обозначали носовые гласные: *о* носовое и *е* носовое.

Востоков написал знаменитую «Русскую грамматику» (1831). В этой книге он задумал «перебор всего русского языка», просмотр всех его грамматических особенностей на уровне науки своего времени. Книга издавалась множество раз, 12-е издание — в 1874 г.

В жизни А. Х. Востоков был очень деликатным, сговорчивым человеком. Случалось, что и его труды истолковывали как труды уступчивого ученого. Например, в «Русской грамматике» мало сравнений русского литературного языка с церковнославянским языком, с народной речью. Почему? Ведь Востоков много занимался диалектной лексикой (под его редакцией издан объемистый «Опыт областного великорусского словаря», 1852) и церковнославянским языком (его «Словарь церковнославянского языка», 1858 — до сих пор образец лексикографического труда). Полагали, что он не хотел раздражать читателя, не привыкшего к таким сопоставлениям. Но, скорее всего, причина была иная: Востоков научился четко разграничивать славянские языки и глубоко понял, что законы каждого языка надо изучать в их своеобразии, не смешивая с законами других языков.



«В то время, когда и на западе Европы еще не чуялось свежее дыхание нового исторического направления филологии и языкознания, — писал И. И. Срезневский, — Востоков сделал ряд открытий, которые должны были изменить понятия о славянском языке, дотоле господствовавшие; и вместе с тем угаданы отличительные признаки постепенных видоизменений славянских наречий при их переходе от строя древнего к новому. Этим взглядом на судьбы славянского языка, сошедшимся с последовавшими открытиями западноевропейских филологов, Востоков положил прочное основание славянской филологии».

ный *h*. Такое соответствие закономерно: в древнегреческом языке еще в дописьменную пору всякое начальное *s* перед гласными заменялось согласным *h*. Например: древнегреческое *heptá*, санскритское *saptá* — «семь».

В том же примере древнегреческому [о] соответствует санскритское [а]. Это тоже обычное соответствие. В санскрите нет краткого [о], и греческому [о] соответствует краткое [а]: древнегреческое *génos*, санскритское *jánah* — «род», греческое дорийское *phéronti*, санскритское *bháranti* — «берут».

Также и соответствие *r* ‖ *l* — его находим и в других морфемах: санскритское *rocate* — «блистает», древнегреческое *leykos* — «светлый», санскритское *sūryah*, древнегреческое *hēlios* — «солнце».

Согласный *v* в санскритском слове тоже вполне закономерно отвечает нулю звука в древнегреческом (в данной позиции).

Наконец, санскритскому *m* соответствует *n* в древнегреческом слове. Греческие слова не могли кончаться звуком *m*, поэтому конечному *m* других индоевропейских языков в греческом закономерно соответствует *n*.

Итак, оба слова при всем своем несходстве отвечают требованию: родственные слова находятся в закономерных звуковых соответствиях.

В прошлом веке ученые, сопоставляя романские языки и применяя строгие приемы сравнительно-исторического метода, восстановили для романского праязыка форму прилагательного со значением «тяжелый». Оказалось, что это форма *grevis*. Это был тяжелый удар для сравнительно-исторического метода. Показалось, что рушится вся эта скрупулезно и точно установленная система приемов. Потому что романский праязык известен, это — латынь. И в ней нет слова *grevis*, а есть *gravis* (вспомним международный термин *гравитация*, созданный на основе латинского слова). У многих лингвистов эта неожиданность вызвала отчаяние. Несовпадение теоретической реконструкции с фактами языка говорило о бессилии науки проникнуть в исторические глубины языка. Так по крайней мере казалось. Ведь тогда думали, что романские языки возникли непосредственно из классической латыни. Но постепенно шло исследование фактов народной латыни, наследницы классической. И становилось все яснее, что именно народная латынь — родительница романских языков. И в этой народной латыни есть именно слово *grevis*. Так подтвердилась точность сравнительно-исторического метода.

Примеры показывают, что сопоставляемые слова должны иметь сходство по смыслу. Давнее праязыковое значение может быть изменено, но остались какие-то мосты, ведущие к этому исконному значению. Эти значения «могут расходиться по законам полисемии. Так, в славянских языках *город, град, gród* и т. п. означают «населенный пункт определенного типа», а *берег, брег, бряг, brzeg, břeg* и т. п. означают «берег», но соответствующие им в иных родственных языках слова *Garten* и *Berg* (в немецком) означают «сад» и «гора». Нетрудно догадаться, как **gord*, первоначально «отгороженное место» могло получить значение «сад», а **berg* могло получить значение и всякого «берега» с горой или без горы или же, наоборот, значение всякой «горы» у воды или без нее» (А. А. Реформатский).

Сравнительно-исторический метод позволяет восстанавливать далекое прошлое языков тех эпох, когда еще не было письменности и до нас не дошло никаких документальных данных. Так, например, мы достаточно много знаем об индоевропейском праязыке, еще больше — о славянском праязыке.

Основатели сравнительно-исторического метода — Р. Раск и другие — полагали, что законы звуковых соответствий между родственными языками хотя и являются законами, но тем не менее могут иметь случайные, немотивированные исключения. Следующее поколение, работавшее во второй половине прошлого века (младограмматики), пришло к выводу, что законы звуковых соответствий имеют жесткий характер. То, что кажется исключением из них, на самом деле — результат взаимодействия нескольких законов. Например, фонетическое изменение может быть заторможено или вовсе «отменено» действием грамматической аналогии (см. *Аналогия в грамматике*). Этот взгляд на язык, как на строго закономерно изменяющуюся сущность, позволил сделать много ценных открытий, относящихся к древнейшим эпохам в развитии языка — к такой древности, от которой не осталось никаких письменных свидетельств.

СТИЛИ ЯЗЫКА

Экспрессивные стили языка вызваны к жизни тем, что язык употребляется в разных типах речевых ситуаций, нейтральных и не нейтральных: возвышенных или сниженных.

Соответственно различаются и три соотносительные между собой экспрессивно-стилистические разновидности литературного языка: нейтральный стиль и противопоставленные ему, с одной стороны, высокий стиль, а с другой — *сниженный*.

От чего зависит выбор того или иного экспрессивного стиля? Прежде всего от предмета речи.

В трудном 1942 г. И. Г. Эренбург писал: «Забвенью будут преданы имена немецких захватчиков, погибших на чужой земле... Но

бессмертны имена наших павших героев...» Здесь уместны и высокие слова и словосочетания (*бессмертный, пасть, герой, предать забвению* и т. п.), и эмоциональный непрямой порядок слов, и параллелизм синтаксических конструкций, и повторяющиеся противопоставления-антитезы (*забвенью будут преданы — бессмертны, погибших — павших, немецких захватчиков — наших героев*).

Но ведь часто об одном и том же предмете можно сказать по-разному, используя средства разных стилей: *храбрый солдат* (нейтрально) и *доблестный воин* (высокий стиль); *хороший человек* (нейтрально) и *мировой дядя* (сниженный стиль) и т. п. (см. *Стилистическая окраска слова*).

Значит, выбор стиля зависит не только от предмета речи, но и от общей обстановки, в которой происходит общение,— привычной, повседневной (нейтральный стиль), торжественно-приподнятой (высокий стиль) или, наоборот, непринужденно-дружеской (сниженный стиль), а также от многого другого.

Вот, например, какой «ненароком подслушанный разговор» приводится в книге Норы Галь «Слово живое и мертвое»: «... бегут двое мальчишек лет по десяти — двенадцати, спешат в кино. На бегу один спрашивает: — А билеты я тебе вручил? И другой пыхтя отвечает: — Вручил, вручил». Смешно? Да. А почему? Да потому, что глагол *вручить* («отдать в руки непосредственно») употребляется в русском языке в торжественных или официальных ситуациях: вручают награду или знамя, послы вручают верительные грамоты главам правительств. В описанной обстановке естествен был бы нейтральный глагол *отдать*. Кстати сказать, нейтральный, «средний» стиль почти всегда может заменить как стиль высокий, так и стиль сниженный.

В огромной степени выбор стиля зависит от стилистических возможностей самого языка. Экспрессивно-стилистическое богатство многих языков связано с наличием в них разных по происхождению слов, восходящих к разным источникам.

Одним из первых на это обратил внимание М. В. Ломоносов, создавший знаменитую теорию «трех штилей» (см. *Михаил Васильевич Ломоносов*). По этой теории каждому жанру отвечает свой стиль: высокий, посредственный или низкий. Интересные примеры применения этих рекомендаций дает творчество самого Ломоносова.

В оде:

Не льдисты ль мещут огнь моря? / Се хладный пламень нас покрыл!

В дружеском непринужденном стихотворении:

Жалея о несчастье, / Огонь я разложил... / Я теплыми руками / Холодны руки мял...

В современном русском литературном языке славянизмы составляют значительную часть лексики высокого стиля и противопоставлены исконно русским словам как высокие — нейтральным: *страж — сторож, врата — ворота, чрево — живот, влачить — волочить, чело — лоб, длань — рука* и т. п.

Источником слов сниженных часто являются диалекты и жаргоны — так образуется противопоставление «сниженное — нейтральное»: *шибко — очень, зенки — глаза, шамать — есть, силком — насильно* и т. д.

Помимо различий лексических экспрессивные стили характеризуются также различиями грамматическими (особенно в области синтаксиса) и фонетическими.

СТИЛИСТИКА

Стилистика — наука о системе стилистических средств языка. В отличие от других лингвистических наук, которые имеют свои собственные единицы (как, например, фонетика — фонемы, морфология — морфемы и т. п.), у стилистики нет своих особых единиц. Носителями стилистических значений являются единицы фонетические, морфологические, лексические и синтаксические — они выполняют стилистическую функцию «на общественных началах», «по совместительству», дополнительно к своим основным функциям.

Дополнительные значения, передаваемые единицами языка, включают сведения: 1) о сфере жизни, в которой происходит общение (функционально-стилистическое значение); 2) о типах ситуаций, в которых эти единицы, как правило, употребляются (экспрессивно-стилистическое значение), и 3) об общественной оценке явлений, обозначенных данными единицами языка (оценочно-стилистическое значение).

Эти стилистические значения в каждую эпоху закреплены за единицами языка как след, как отпечаток их преимущественного употребления в определенных ситуациях и контекстах. Хотя в общественно-речевой практике людей слова обогащаются новыми стилистическими оттенками, в каждую данную эпоху в языке существуют стилистические нормы, определяющие употребление языка. Эти нормы, хотя и менее жесткие и строгие, чем, например, нормы грамматики, существуют объективно и ощущаются говорящими, особенно в тех случаях, когда они нарушаются.

Отступление от стилистических норм может быть и намеренным. Так, рассказывая оХорезмской археолого-этнографической экспедиции, В. Берестов в книге «Приключений не будет» пишет: «Из всех обитателей лагеря остеологический материал больше всего привлекает

Кутьку. Беда, если щенок повадится ходить на раскопки. Возьмет да и утащит тысячелетнюю кость...» Юмористический эффект возникает здесь из-за соединения единиц с разной стилистической окраской — сугубо научной (остеологический материал, что, как разъясняет автор, значит, «попросту говоря, обглоданные кости животных»), с одной стороны, и сугубо бытовой, повседневной, сниженной, с другой (*Кутька, щенок, повадиться, утащить,* да еще в типичных разговорных конструкциях — *беда, если возьмет да и утащит...)* и т. д.

Стилистика — наука одновременно и очень старая и очень молодая. Старая потому, что варьирование языка в зависимости от сферы общения, ситуации, отношений говорящего и слушающего было замечено еще в античности. Но для древних греков и римлян стилистика имела прикладной характер и была учением о том, как надо использовать язык для достижения определенных целей (например, для наиболее эффективного воздействия на слушателей: недаром в Древней Греции и в Римской империи большое значение придавалось искусству публичной речи). Такой характер она сохраняла на протяжении многих веков, вплоть до XX в. И только в наши дни стилистика превращается в науку о стилистическом устройстве языка и его стилистических средствах.

Стилистика как лингвистическая наука изучает устойчивые стилистические значения единиц языка, закрепленные за ними согласно существующим стилистическим нормам,— те лексические, морфологические, синтаксические и фонетические явления, а также эмоционально-оценочные средства, которые используются в различных сферах человеческой деятельности (см. *Функциональные стили языка*) и в различных по возвышенности — сниженности ситуациях.

Стилистическую систему языка можно изучать в ее состоянии в тот или иной момент

ШАРЛЬ БАЛЛИ (1865—1947)

Шарль Балли — выдающийся швейцарский лингвист, писавший на французском языке. Балли был учеником Ф. де Соссюра (вместе с А. Сеше он издал его «Курс общей лингвистики»). Его основные труды: «Французская стилистика», «Язык и жизнь», «Общая лингвистика и вопросы французского языка». Особое значение эти труды имели для разработки трех проблем: теории стилистики, общей теории высказывания и теории сопоставительного изучения языков.

Балли показал, что задачей стилистики является прежде всего исследование распределения языковых средств по сферам (или средам) общения и изучение эмоционально окрашенной речи, способной выражать чувства человека.

Он выявил три основных источника выразительных, эмоционально окрашенных средств языка: отличающихся от их синонимов эмоциональным оттенком (сравните *щуплый* с нейтральным *худой*); социальной окраской (сравните общеязыковое *Я пропал* и арготическое грубое *Я накрылся* или *Мне хана*); третий источник выразительных средств — переносное употребление слов и грамматических форм.

Балли был одним из основоположников современной функциональной стилистики, он заложил также основы изучения разговорной речи. Разрабатывая теорию высказывания (т. е. предложения, соотнесенного с определенной ситуацией), Балли отмечает, что в высказывании можно выделить два элемента: то, о чем говорится (диктум, т. е. «сказанное»), и отношение говорящего к тому, о чем говорится (модус) (см. *Предложение*).

Ш. Балли одним из первых занялся сопоставительным описанием языков и показал, что на этом пути возможны настоящие научные открытия.

Многие идеи, выдвинутые Ш. Балли в его трудах, успешно разрабатываются в современной лингвистике.

истории и в ее развитии (или, как говорят лингвисты, в синхронии и в диахронии). Следовательно, существует стилистика описательная (синхроническая) и историческая (диахроническая). Кроме того, поскольку стилистические явления языка можно изучать не только внутри данного языка, но и в сравнении с другими языками, выделяется также и стилистика сопоставительная.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ОКРАСКА СЛОВА

В содержание слова кроме его основной части — лексического значения — входят еще некоторые компоненты. Сравним, например, слова *титанический* и *огромный*. Оба они значат «очень большой», но в целом по своему содержанию они различаются, и употреблять одно вместо другого, не учитывая эти различия, нельзя. Различие же между ними в том, что слово *огромный* может быть использовано в самых разных ситуациях общения, а слово *титанический* — только в ситуациях торжественных.

Противопоставление слов *огромный* и *титанический* показывает, что в языке существует различие единиц возвышенных и нейтральных. Анализ ряда *мертвый — безжизненный — бездыханный*, в котором слова объединены значением «лишенный жизни», показывает, что слову нейтральному могут противостоять слова разной степени «возвышенности»: *безжизненный* характеризуется слабой степенью возвышенности (книжной окраской), а *бездыханный* — сильной степенью возвышенности (имеет в словарях помету «высокое»).

Различие слов по признаку нейтральность — книжность — высокость есть различие по экспрессивно-стилистическому значению. Оно обобщенно указывает, в каких ситуациях уместно употребление слова.

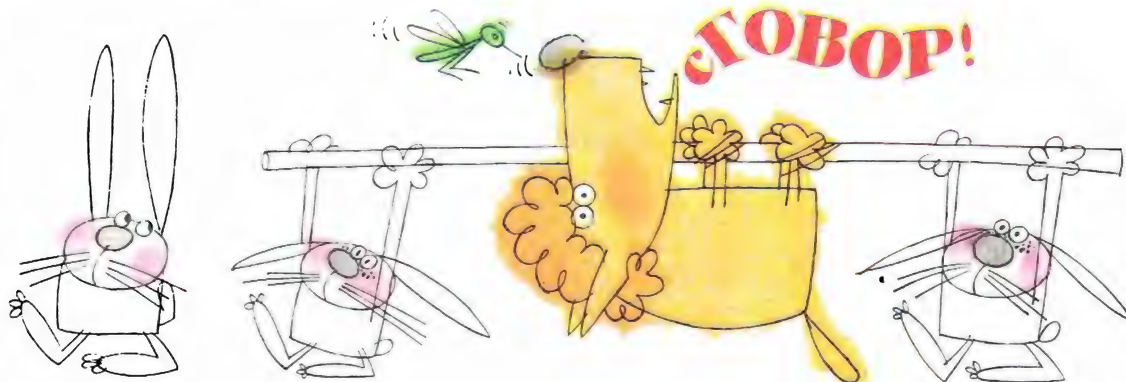
Продолжим сопоставление и рассмотрим ряд *надоесть — опостылеть — осточертеть*. Различие между ними лежит как бы по другую сторону от нейтральной, «нулевой» экспрессивно-стилистической отметки: нейтральному слову *надоесть* противопоставлены два стилистически сниженных слова — разговорное *опостылеть* и просторечное *осточертеть*, отражающие более слабую и более сильную степень сниженности.

Словам нейтральным, самым необходимым и частотным единицам языка (*говорить, знать, большой, время, человек* и т. п.), противостоят, с одной стороны, слова двух степеней возвышенности (книжные и высокие), а с другой — слова двух степеней сниженности (разговорные и просторечные): *скончаться* (высокое) — *упокоиться* (устаревшее книжное) — *умереть* (нейтральное) — *скопытиться* (просторечное); *ибо* (книжное) — *потому что, так как* (нейтральные) — *потому как* (разговорное) — *потому* (просторечное); *похитить* (книжное) — *украсть* (нейтральное) — *утащить* (разговорное) — *стянуть, спереть* (просторечные).

Место нейтрального члена в экспрессивно-стилистических рядах всегда заполнено, а место того или иного возвышенного или сниженного члена может пустовать.

Кроме различий слов по экспрессивно-стилистической окраске (возвышенные — нейтральные — сниженные) есть и другие их противопоставления. Сравнение слов *суд* и *судилище* показывает, что слова могут различаться значением, которое можно назвать оценочно стилистическим. Слово *суд* обозначает данное явление нейтрально, не давая ему никакой дополнительной оценки, тогда как слово *судилище*, называя явление, передает еще неодобрительную оценку его, закрепленную в языке и особо выраженную суффиксом (сравним также: *общаться — якшаться, вмешиваться — лезть* (во что), *соглашение — сговор* и т. д.).

На первый взгляд может показаться, что слова стилистически сниженные и есть слова с отрицательной эмоциональной оценкой, а слова возвышенные передают одобрительное отношение говорящих к обозначаемым явлениям. Но это не так: например, ироническую окраску имеют слова высокие (*блюститель, витать, перл*), и книжные (*тирада, синклит*), и нейтральные (*ораторствовать, новоявленный*), а не только сниженные разговорные и просторечные (*раздобриться, душещипательный* и т. п.).



Т

ТАНГУТСКОЕ ПИСЬМО. ЕГО ДЕШИФРОВКА

В XI—XIII вв. на территории нынешнего Китая (двух его провинций — Ганьсу и Нинся) существовало тангутское государство Си Ся. Тангуты были культурными людьми; в то время, как многие другие восточные народы были бесписьменными, тангутский язык имел письменность. До нас дошло несколько памятников этой письменности. В 60-х гг. прошлого века была найдена часть шестиязычной надписи на арке ворот в Великой китайской стене. В конце XIX в. была обнаружена еще одна надпись, а в 1900 г. во время подавления боксерского восстания в Китае французский ученый М. Морис нашел великолепно написанную — золотыми иероглифами на синей бумаге — книгу, которая оказалась переводом с китайского языка на тангутский очень известного буддийского текста — Лотосовой Сутры.

Так в руки востоковедов попали первые подлинные документы, написанные на языке могущественного государства Центральной Азии. Ученые видели в этих документах путеводную нить, которая приведет их к познанию языка, истории и культуры народа, полностью уничтоженного в результате монгольского завоевания (в середине XIII в.) и последующих исторических событий XV — XVI вв.

В 1908 г. русский ученый П. К. Козлов обнаружил мертвый город Хара-Хото и открыл усыпальницу, в которой находилась тангутская библиотека. Среди прочих в ней оказались книги учебного характера: фонетические словари и таблицы, учебное пособие по китайскому языку для тангутов. Находка П. К. Козлова, насчитывавшая несколько тысяч полностью или частично сохранившихся книг, вселила надежду на то, что история тангутского народа и его цивилизации будет введена в обиход современной мировой культуры. Поэтому востоковеды разных стран деятельно приступили к дешифровке тангутского письма.

Особенно больших успехов на этом пути добился советский исследователь Н. А. Невский. Начав заниматься дешифровкой тангутского письма в 20-х гг., он методично и скрупулезно читал тексты на тангутском языке и сравнивал их с соответствующими китайскими. Результатом этого титанического труда явилась дешифровка 3 тысяч тангутских иероглифов. Н. А. Невский составил тангутско-русский словарь, в котором не просто перевел тангутские иероглифы на русский язык, но и указал, как они должны читаться, а также описал грамматические особенности некоторых разрядов слов. В 1938 г. Н. А. Невский погиб, работа его прервалась. Но и то, что он успел сделать, было огромно. Труд его жизни вышел посмертно, в 1960 г., а в 1962 г. этот труд был удостоен Ленинской премии.

В 60-е гг. вышли новые работы, продолжающие исследования Н. А. Невского: перевод на русский язык тангутского толкового словаря «Море письмен», «Грамматика тангутского языка» М. В. Софронова; в Японии издана фундаментальная работа Т. Нисиды.

В результате сейчас ученые имеют достаточно хорошее представление о тангутской письменности и структуре тангутского языка.

Каждый знак в иероглифической письменности тангутов соответствует одной морфеме тангутского языка. Графические элементы, из которых состоят иероглифы, передают значение и звучание морфемы. Значение целого иероглифа не всегда равно сумме значений составляющих его элементов, а сложно соотносится с ними.

В зависимости от типа таких соотношений различают несколько видов иероглифов: 1) знаки-пиктограммы (лат. *pictus* — «рисованный»), в которых графические элементы не имеют собственного значения, а лишь служат для изображения соответствующего предмета, как, например, знак *men*^{1} — «ворота»; 2) знаки-идеограммы (их в тангутском письме большинство), каждый элемент которых имеет свое значение и выступает как часть целого знака. Так, *lo*^{1} — «соха» состсит из верхней части si^1 «дерево», левой части $kh\hat{a}^2$ «сошник» и правой части ldu^1 «рукоятка»; совокупность значений графических элементов составляет значение иероглифа в целом; 3) фонетические знаки, в которых один из составляющих элементов указывает, как надо читать весь знак-иероглиф. Фонетические знаки очень часто используются для обозначения синонимов.

Тангутское письмо — одна из самых сложных систем иероглифической письменности, известных современной науке.

ТЕОРИЯ ПИСЬМА

Звуковая форма языка — самая главная, естественная и первейшая. Но у нее есть два недостатка: она плохо преодолевает пространство — даже сильного крика не хватит, чтобы

докричаться до человека, скажем, на другом берегу большой реки. И еще хуже звуковая форма языка преодолевает время. Правда, издавна люди умели эти недостатки смягчать: фольклорные сказания преодолевают время, передача новостей из уст в уста преодолевает пространство. Еще лучше это делают радио, телевидение и телеграф (преодоление пространства) и патефонная пластинка или магнитная лента (преодоление и пространства и времени).

Но издавна существовало еще одно очень надежное средство преодолевать с помощью языка время и пространство — письменная речь.

Теория письма членится на частные дисциплины: графику, орфографию, пунктуацию (см. *Графика, Орфография, Пунктуация*).

Теории письма посвящены еще такие статьи: *Пиктография, Идеография, Буквенное письмо. Его происхождение, Консонантное письмо, Слоговое письмо, Латиница, Возникновение письма у славян, Палеография, Реформы русского письма, Устный и письменный язык.* Смотри также статьи, посвященные расшифровке древних письменностей.

ТЕРМИНОЛОГИЯ

В науке большое значение имеет эталон. Физики, например, заботятся, чтобы у них был эталон метра (и других физических единиц) и чтобы он, эталон, всегда строжайше сохранял свою неизменность. Любое измерение, любое исследование требует точно выверенного эталона.

Естественно, науке понадобились и слова-эталоны. Не те бытовые, обыкновенные слова, с колеблющимся, неопределенным, гибкоизменчивым значением (в бытовой речи именно такое значение нужно и хорошо), а со значением строго установленным, неизменным, признанным в качестве эталона. Термин передает точно определенное научное понятие. Недаром слово *термин* происходит от лат. *terminus* — «пограничный знак», «граница».

У доски с чертежом — двое ученых. Один говорит: «Вот эту линию хорошо бы посильнее влево отогнуть, вот так, на ширину ладони!» Другой говорит: «Вы хотите начертить угол в 135 градусов?» Один использовал неясные, неопределенные бытовые слова, другой — термин. В геометрии градус — 1/360 окружности. Значение это эталонно: оно сохраняется неизменным в любых научных контекстах.

В эталоне есть такие достоинства: он неизменен, его можно использовать в практике, сопоставляя с ним реальные объекты. Термин обладает этими достоинствами. Его значение стандартно — неизменно. За тем, чтобы оно не вздумало меняться, следят академии, научные съезды, авторитетные ученые. Например, в химии было сбивчивое употребление слов *атом, частица.* Съезд химиков в 1860 г. решил: должны употребляться слова *атом* и *молекула* — и дал им строго определенные значения. Эти слова стали терминами.

Каждый термин входит в терминологическую систему. Хорошая терминологическая система строится учеными сознательно, с чувством ответственности перед наукой. В хорошо построенной терминологии должен осуществляться принцип: «Зная термин, знаешь место в системе, зная место в системе, знаешь термин» (Н. В. Юшманов). Такова, например, терминология органической химии: термин — название вещества дает представление о его химической формуле. Ф. Энгельс писал: «В органической химии значение какого-нибудь тела, а, следовательно, также и название его, не зависит просто от его состава, а обусловлено скорее его положением в том ряду, к которому оно принадлежит. Поэтому, если мы находим, что какое-нибудь тело принадлежит к какому-нибудь подобному ряду, то его старое название становится препятствием для понимания и должно быть заменено названием, указывающим этот ряд (парафины и т. д.)».

ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ

Языки можно классифицировать в зависимости от того, как они устроены, к какому типу принадлежат. Такая классификация называется типологической. Широко известны в лингвистике, например, классификации языков (по их грамматическому устройству) на фузионные, агглютинативные, изолирующие, инкорпорирующие, на аналитические и синтетические.

Если генеалогическая классификация объединяет языки по их происхождению, ареальная классификация рассматривает языки, объединенные территориальной (географической) общностью, то типологическая классификация делит языки по признакам их структуры — безотносительно к их происхождению и расположению в пространстве.

Обнаруживая некоторое совпадение (сходство) между двумя языками и предполагая, что это совпадение не случайно, лингвист имеет три возможности объяснить это совпадение: генетическое родство (обнаруженное явление есть следствие общности происхождения языков), ареальная близость (вследствие контактов между языками) и, наконец, типологическое сходство (структурных закономерностей в строе этих языков).

По сравнению с генеалогической и ареальной

классификациями, типологическая классификация языков отличается наибольшей произвольностью критериев, которые лежат в основе сопоставления.

Чтобы уменьшить степень произвольности и чтобы сделать типологическое сравнение языков содержательным, необходимо решить вопрос, какие признаки структуры языка существенны при языковом сравнении, а какие менее существенны или вовсе случайны. Здесь, однако, возникает ряд трудностей.

Положим, нам требуется классифицировать какую-то совокупность объектов, например стульев в комнате. По всей вероятности, мы будем действовать примерно так: путем сопоставления объектов выявляем дифференциальные (различительные) признаки, выбираем из них существенные, объединяем объекты в типы. Подобным образом строил свою знаменитую биологическую классификацию Карл Линней. Можем ли мы так же действовать применительно к языкам?

Можем, но с существенными оговорками. Ведь стулья даны нам в реальности (мы даже можем передвигать их), а системы языков — нет, но и те, и другие надо классифицировать.

Лингвист обычно имеет дело не с самими *языковыми системами*, а с *описаниями* языков, с их моделями (см. *Моделирование языка*). Но при этом разные описания или модели даже одного языка могут отличаться друг от друга не меньше, чем сравниваемые языки. Поэтому, прежде чем приступать к типологической классификации языков, важно определить единый принцип их описания (или моделирования). Необходимо сформировать некоторое эталонное представление о языке вообще (не о каком-либо конкретном): какими свойствами он должен обладать, что в нем должно быть и что может отсутствовать и т. д.

В этом случае описание конкретных языков может получиться дифференциальным: данный язык сравнивается с языком-эталоном. А отсюда следующий шаг — к сопоставлению описа-

ВИЛЬГЕЛЬМ ГУМБОЛЬДТ (1767—1835)

Вильгельм Гумбольдт — выдающийся немецкий лингвист, основоположник общего языкознания и создатель теоретических основ исторического изучения языка.

Гумбольдт был разносторонне и блестяще образованный человек. Помимо языкознания он занимался *философией, литературоведением*, классической филологией, государственным правом. Ему принадлежит цикл сонетов, которые высоко оценивались его современниками. Он принимал активное участие в политической жизни своего времени (был дипломатическим представителем своей страны в Риме и Вене), много путешествовал. Его огромные познания, охватывавшие языки от баскского до туземных языков Америки — в одном направлении и до китайского и малайско-полинезийских — в другом, обеспечивали ему необычайную широту лингвистического кругозора и служили основой для точных и проникновенных наблюдений и выводов.

Одним из первых В. Гумбольдт всячески подчеркивал неразрывную связь и взаимопроникновение языка и мышления. Говоря его словами, «язык есть орган, образующий мысль... Деятельность мышления и язык представляют поэтому неразрывное единство». Однако эту связь не следует толковать как явление индивидуальной психики, потому что человек только тогда способен к развитию своих духовных сил, «когда свое мышление ясно и четко ставит в связь с общественным мышлением». Это обусловливается и тем, что «язык всегда развивается только в обществе».

В. Гумбольдт понимал язык как деятельность, между тем как в его время (да и в последующие десятилетия) распространена была точка зрения на язык как на застывший продукт человеческой деятельности.

Другое важное положение связано с понятием внутренней формы языка. В. Гумбольдт определял это понятие так: внутренняя форма языка «представляет собой сугубо индивидуальный способ, посредством которого народ выражает в языке мысли и чувства». Она не подлежит строгому и четкому определению, и в этом смысле она абстрактна, но она проявляется в каждом акте речи, и в этом смысле она конкретна. Сам В. Гумбольдт сравнивает внутреннюю форму языков с человеческими лицами: вглядываясь в них, «живо чувствуешь их различия и сходства, но никакие измерения и описания каждой черты в отдельности и в их связи не дают возможности сформулировать их своеобразие в едином понятии».

В. Гумбольдт — первый лингвист, который рассматривал язык как систему. Он не уставал повторять, что «в языке нет ничего единичного, каждый отдельный его элемент проявляет себя лишь как часть целого», что «языку в каждый момент его бытия должно быть свойственно все, что делает его единым целым».

ний разных конкретных языков. На этом пути лежит ключ к решению задачи о типологической специфике каждого языка.

Единый принцип, положенный в основу описания разных языков, позволяет обнаружить в каждом языке самые различные явления. Важно при этом определить место одного и того же явления в разных языках и правильно оценить, насколько оно существенно в каждом из них.

Типологическое сравнение языков целесообразно производить только по существенным (для каждого языка) признакам. Существенность же того или иного признака должна определяться предварительным внутриязыковым анализом. Таким образом, типологическому сравнению должно предшествовать предварительное исследование системы сравниваемых языков (по некоторой единой для всех языков процедуре).

Система языка становится тем самым естественным пунктом отправления, единицей отсчета при типологических сопоставлениях. Если не рассматривать явления в системе, в их отношении к другим явлениям того же языка, возникает опасность изучения и сопоставления случайных, атомарных фактов, которые сами по себе — вне их отношений к другим явлениям того же языка — не существенны для характеристики данного языка.

ТОЛСТОЙ Л. Н. ЯЗЫК ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Поиски Львом Николаевичем Толстым художественного языка начались с сомнений в возможностях литературы, с недоверия к слову: «Я думал: пойду, опишу я, что вижу. Но как написать это? Надо пойти, сесть за закапанный чернилами стол, взять серую бумагу, чернила; пачкать пальцы и чертить по бумаге буквы. Буквы составляют слова, слова — фразы; но разве можно передать чувство? Нельзя ли как-нибудь перелить в другого свой взгляд при виде природы?» В этой дневниковой записи 1851 г. Толстой как бы бросает вызов языку, мечтает найти способ контакта с людьми, минуя «слова» и «фразы», но в самой стилистике размышления содержатся черты нового индивидуального языка, новаторской словесной изобразительности. Когда человек пишет, он не обращает внимания на окружающие его мелочи, не видит себя со стороны. Толстой же сумел здесь сделать процесс писания ощутимым, увидеть то, что обычно не замечается. Он выбирает самые прозаичные слова: «закапанный чернилами стол», «серая бумага», но именно они оказываются наиболее выразительными.

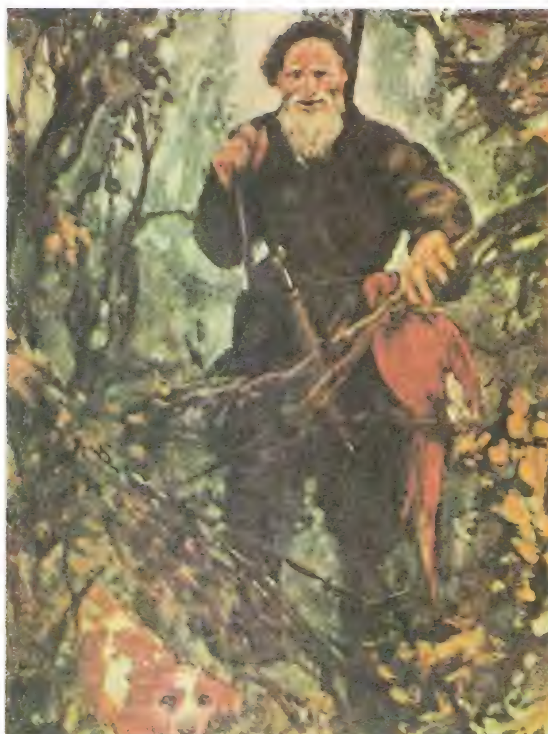
Молодой Толстой отстаивал свои художественные принципы в споре с романтизмом, решительно отвергая субъективно-мечтательное видение мира и противопоставляя ему взгляд трезвый и прямой: «Обед кончился; большие пошли в кабинет пить кофе, а мы побежали в сад шаркать ногами по дорожкам, покрытым упадшими желтыми листьями, и разговаривать» («Детство»). Здесь нет ни тропов, ни эмоциональных эпитетов, ни характерной для романтической прозы лирической интонации. Автор просто называет вещи своими именами, но для этого приходится искать слова свежие, незатасканные. Вместо обычного «гулять» Толстой дает совокупность действий: «побежали», «шаркать ногами», «разговаривать» — и создает тем самым живой, ощутимый образ прогулки. Новой оказывается сама пристальность и прозрачность взгляда. Этот характернейший для Толстого прием В. Шкловский назвал «остраннением» (от слова «странный», «сторонний») мира.

Л. Н. Толстой. Портрет работы Л. Пастернака.

У «остраннения» две основные функции. Первая — вернуть читателю живое восприятие окружающего. Толстой писал в своем дневнике в 1897 г.: «Я обтирал пыль в комнате и, обойдя кругом, подошел к дивану и не мог вспомнить, обтирал ли я его или нет. Так как движения эти привычны и бессознательны, я не мог и чувствовал, что уже невозможно вспомнить. Так что, если я обтирал и забыл это, т. е. действовал бессознательно, то это все равно, как не было... Если целая сложная жизнь многих людей проходит бессознательно,

Иллюстрация Е. Лансере к повести Л. Н. Толстого «Хаджи Мурат».

Иллюстрация Е. Лансере к повести Л. Н. Толстого «Казаки».



то эта жизнь как бы не была». И во всех своих произведениях Толстой стремился преодолеть автоматизм мышления и чувствования, который возникает вследствие того, что люди бессознательно пользуются словами, не переживая заложенного в них смысла.

Вторая функция толстовского приема — разоблачение зла, прикрывающегося словесными ярлыками. Изображая военные действия, писатель занимает позицию стороннего наблюдателя, воспринимающего происходящее непредубежденным взглядом. Война, которую патетически воспевали многие поколения поэтов и прозаиков, предстает в трактовке Толстого грубым и бессмысленным делом: «Миллионы людей совершали друг против друга такое бесчисленное количество злодеяний, обманов, измен, воровства, подделок и выпуска фальшивых ассигнаций, грабежей, поджогов и убийств, которого в целые века не соберет летопись всех судов мира и на которые, в этот период времени, люди, совершавшие их, не смотрели как на преступления».

Приведенный пример демонстрирует также своеобразие синтаксиса и композиции прозы Толстого. Его фраза (как и произведение в целом) создается сочетанием двух начал — «мелочности» и «генерализации» (термины принадлежат самому писателю). «Мелочность» — это постоянное расчленение изображаемого предмета на простые составляющие элементы. Синтаксически оно может реализоваться однородными членами предложения («злодеяний, обманов, измен...»); обширными сложноподчиненными предложениями с обилием однородных придаточных (повесть «Два гусара» начинается периодом из 192 слов с десятью придаточными предложениями); потоками сходных по интонации предложений: «Я люблю эту женщину настоящей любовью, в первый и единственный раз моей жизни. Я знаю, что со мной. Я не боюсь унизиться своим чувством, не стыжусь своей любви, я горд ею. Я не виноват, что я полюбил» («Казаки»). Во всех подобных случаях отдельные элементы быстро обнаруживают внутреннюю связь, основанную на единстве художественного взгляда (это Толстой называл «генерализацией»).

И «мелочность», и «генерализация» помогают Толстому разрушать автоматизм привычного восприятия. Писатель показывает отдельность того, что обычно воспринимают слитно, и слитность того, что обычно видят порознь.

По этой причине особенной художественной напряженностью отличаются толстовские сравнения, элементы которых сохраняют свою смысловую отдельность, самостоятельность — и вместе с тем прочно придвинуты друг к другу властной авторской интонацией. «Как хороший метрдотель подает как нечто сверхъестественно-прекрасное тот кусок говядины, который есть не захочется, если увидать его в грязной кухне, так и в нынешний вечер Анна Павловна сервировала своим гостям сначала

виконта, потом аббата, как что-то сверхъестественно-утонченное». «Вон смотрите, сидят задавленные мертвые ели...» Эти сравнения из романа «Война и мир» казались современникам Толстого чересчур странными и даже смешными. В сатирическом журнале «Искра» появились карикатуры, построенные на буквализации толстовских метафор: виконт был изображен лежащим на блюде, а ель слушала разговор Андрея Болконского со старым дубом, сидя на стуле. И все же рискованность толстовских образов оказалась оправданной: они надолго сохранили эмоциональную действенность.

Фраза Толстого тяготеет к изобразительности: она нередко вбирает в себя деталей и подробностей больше, чем может воспринять за время прочтения читательский взгляд. Ее нужно рассматривать как картину — сначала в целом, а потом по отдельным деталям: «Звук треска и гула заваливающихся стен и потолков, свиста и шипения пламени и оживленных криков народа, вид колеблющихся, то насупливающихся густых черных, то взмывающих светлеющих облаков дыма с блестками искр и, где сплошного, сноповидного, красного, где чешуйчато-золотого, перебирающегося по стенам пламени, ощущение жара и дыма и быстроты движения произвели на Пьера свое обычное возбуждающее действие пожаров». Живописная картина пожара создается множеством языковых красок: и скоплением шипящих звуков, и обилием утяжеляющих речь причастий, и прихотливо-беспорядочным синтаксисом. Даже иноязычный текст Толстой вводит в язык своих героев не столько с целью внешнего правдоподобия, сколько с целью портретно-психологической характеристики. Так, Наполеон в «Войне и мире» говорит то по-французски, то по-русски (чего, естественно, на самом деле быть не могло). Отвечая недоумевавшим читателям, Толстой определил двуязычную речь Наполеона как «лицо с светом и тенями»; тех же, кто этого не понимает, он сравнивал со зрителями, которые на портрете видят вместо положенной художником тени «черное пятно под носом».

Толстой часто пользовался необычными словами и фразеологизмами исключительно для того, чтобы оттенить нарисованную им картину, сделать ее восприятие более острым: « — Василий, — говорю я, когда замечаю, что он начинает *удить рыбу* на козлах, — пусти меня на козлы, голубчик». Автор «Детства» использует просторечное выражение («удить рыбу» в просторечии — «дремать сидя») и выделяет это выражение курсивом как непривычное в литературном языке. «Теневую» функцию могут выполнять у Толстого кавказские экзотизмы, военные термины и реалии, книжная и научная лексика. Это слова-сигналы, разрушающие автоматизм восприятия,

Иллюстрация М. Врубеля к роману А. Н. Толстого «Анна Каренина»

создающие эффект читательского присутствия в изображаемом писателем мире.

Творческий почерк Толстого неоднократно менялся, но это было не прямолинейное движение, а раскрытие все новых граней и возможностей художественной системы писателя. Резкие повороты в развитии поэтики и языка были необходимы Толстому, чтобы уберечься от опасности канонизации, механичности и «бессознательности» стиля.

«Неправильность» толстовского языка, о которой говорили некоторые современники писателя, — кажущаяся. Толстой вступал в конфликт не с внутренними законами языка, а с привычными нормами. Педантичное следование нормам делает речь неощутимой, что противоречило бы основному принципу толстовской поэтики — обновляющему «остраннению» мира. Толстому необходимо было выстраивать множество речевых плотин: длиннот, повторов, нестандартных словоупотреблений, чтобы раскрепостить энергию своей мощной, категорически-авторитетной, проповеднической интонации, претендующей на единое и единственное объяснение мира. Но, стремясь к всеобщности и всеохватности, язык Толстого сохранил в высшей степени индивидуализированный характер, живую конкретность человеческого голоса.

Опыт Толстого демонстрирует неисчерпаемость ресурсов художественного словоупотребления, безграничность возможностей интонационно-синтаксического построения, относительность всех языковых норм и запретов.

ТУРГЕНЕВ И. С. ЯЗЫК ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Вы думаете, может быть, что стихи тем отличаются от прозы, что им присуща привлекательная красота звука, их хочется запомнить и с ними жить, а повествовательную прозу нужно проглатывать поскорее, как разгрызают орех, чтобы добыть то, что прячется под его скорлупой?

В отношении художественной прозы это неверно. И особенно неверно в отношении прозы Тургенева. Звук ее переполняет. Она музыкальна. Это — мысленный звук при чтении про себя, но он легко выходит наружу. Вчитываясь в произведения Тургенева, нужно вслушиваться в их музыку: эта музыка составляет ту поэтическую форму, которая от содержания неотделима, она несет в себе и образы, и чувства, и мысли.

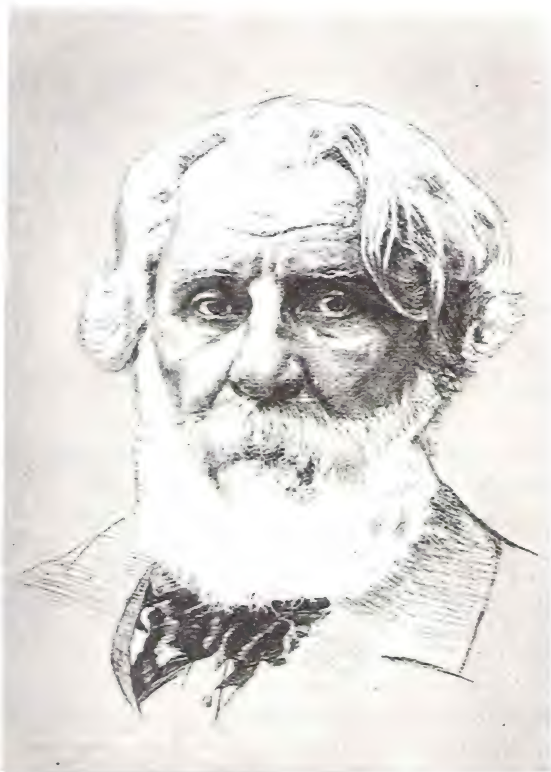
В лексике Тургенева много звонко и нежно звучащих слов. Особенно в глаголе: «Заря не пылает пожаром: она разливается кротким румянцем. Солнце мирно всплывает... свежо просияет и погрузится... хлынули играющие лучи...»

Глагол в прозе Тургенева и пушистый, и клейкий. «Пушистый» в том смысле, что в нем мягко даны оттенки — и много их вмещается в одном слове. «Клейкий» в том смысле, что он не прилагается к предмету, а входит в него и к нему пристает. И это — глагол, часто наделенный силой эпитета.

Это свойство вытекает из главного признака тургеневской поэтической речи — ее насыщенности качественными приметами, особо существенной в ней роли эпитета. Цветовой и световой эпитет занимает при этом особое место: «...алое сияние стоит недолгое время над потемневшей землей».

Тургенев очень часто не довольствуется одним эпитетом. В совокупности эпитетов — живое движение переливающихся красок: «...уловив глубокий, внимательный, вопросительный взгляд», «лицо Зинаиды — бледное, задумчивое... она посмотрела на меня большими холодными глазами». Двойной или тройной шутливый эпитет порой создает цельный образ, мимолетный, но характерный: «прерьяный и шумливый самоварчик», «сквозь дружное, назойливое и жалобное жужжание пчел».

Читая произведения Тургенева, нужно вслушиваться в их звучание и видеть создаваемые им образы и картины. Но их ви́дение не то же, что в реальной жизни: поэтическое слово все пронизывает, всему придает сияние смысла. Поэтому тургеневский эпитет особенно важно схватить во всей его полноте. «...Вся белая, легкая, стройная, Лиза остановилась на пороге». Вот три эпитета, создающие зримый образ. При слабом ночном освещении Лиза показалась на балконе. Каждое из трех прилагательных сочетает зрительный образ с проникновением в глубь этого образа. Зримый образ полностью выражаст духовный облик Лизы, ее состояние в данное время, главное в ее личности, в какой-то мере — ее судьбу. Ведь «белая» означает и то, что она была в белом платье, и душевную совершенную ее чистоту. «Легкая» означает не только свободу, непринужденность ее движений, но и духовную необремененность, свежесть ее души. «Стройная» значит не только характер ее фигуры, но и внутреннюю ее настороженность. За каждым из трех слов — большая глубина далеко уводящего чувства.


И. С. Тургенев. Офорт М. Рундальцова.

За тремя этими эпитетами и еще нечто: они обращены не только на изображаемое лицо, но и на автора. Живое лицо автора — в этой любви к «стройному», «легкому», «белому», женственному и ясному.

Тургеневский эпитет музыкально и живописно отчетлив, он сильно отличается от более плотных эпитетов в прозе Толстого, от более резких эпитетов Достоевского.

Пейзаж у Тургенева — не просто картины природы, сопровождающие действие, — в них само это действие, что-то столь же существенное и нужное. Вспомните, например, как изображен спор Лаврецкого с Паншиным в романе «Дворянское гнездо». Паншин — щеголяющий словами чиновник, а Лаврецкий

отстаивает свои мысли горячо, искренне и просто. Эта искренность и простота, эта мелодия, идущая из глубины души, имеют для автора решающее значение. Спор заканчивается тем, что Паншин «с треском разорвал новую колоду», и этот сухой треск и «счет очков» перебивает «могучая, до дерзости звонкая песнь соловья».

В отличие от живописца, владеющего только краской, и композитора, живущего в мире звуков, писатель воссоздает и краски, и звуки, и запахи, и сокровенные и обнаженно выраженные мысли. Самые смелые контрасты его не пугают: и сочетание сухого треска с соловьиной трелью выражает существенные противоречия действительной жизни, не порождая дисгармонии.

Портрет занимает очень значительное место в повестях и романах Тургенева. Как и в живописном портрете, его главная цель в том, чтобы во внешнем облике увидеть сущность данной личности, ее типичность для времени и среды. И очень часто еще одно имеет значение в портрете: в самом характере восприятия сказывается воспринимающий; в повести или романе это рассказчик.

В художественной прозе портрет некоторым образом — автопортрет того персонажа, от чьего лица ведется рассказ. А в совокупности многих портретов сказывается и автор. Это видно хотя бы уж из того, какого рода человеческий облик ему дорог и мил, что ему смешно, что вызывает его досаду.

Диалог в романах Тургенева — не только столкновение мнений; это столкновение характеров, нравов. Характерен для него диалог взаимного непонимания.

В восьмой главе романа «Рудин» происходит именно такой диалог, когда главный герой этого романа со свойственной ему манерой играть роль откровенного, прямолинейного человека вздумал чистосердечно объясниться с Волынцевым. Но каждое слово Рудина встречает яростное сопротивление, примирительные слова отражаются раздраженно и упорно:

« — Сергей Павлыч, вы меня понимаете.

— Дмитрий Николаевич, я вас нисколько не понимаю.

— Вам угодно...

— Мне угодно, чтобы вы говорили без обиняков!..»

Такого рода диалогический разлад характерен как вскрытие глубоких противоречий, таившихся в недрах русского общества того времени. Классическое его выражение — в знаменитой сцене Павла Петровича Кирсанова с Базаровым («Отцы и дети»), где каждая интонация, разные произношения тех же слов, все пущено в ход, все становится оружием в идейной борьбе нового течения с традиционным консерватизмом.

Иллюстрация П. Боклевского к роману И. С. Тургенева «Отцы и дети».

Речь Тургенева особенно и по-своему благозвучна. Но как уловить систему этого благозвучия без рифмы, без созвучий, без единообразного ритма? Это звуковой строй, не допускающий ничего, что бы приближалось к стихам. Это проза, но в особенном ее расцвете, где каждый звук, непринужденный и естественный, оказывается музыкой.

В юности часто спорят о любимом писателе. Оказывают предпочтение Пушкину перед Лермонтовым или Лермонтову перед Пушкиным, Толстому перед Достоевским или Достоевскому перед Толстым... Юношеские споры такого рода могут быть интересны. Полезно сравнивать, сопоставлять... Но по существу такие качественные сопоставления значения не имеют. Каждый великий писатель прекрасен по-своему. Подымаясь в гору, нужно уметь добираться до высоты каждого из них.

ТРАНСФОРМАЦИОННАЯ ГРАММАТИКА

Мы знаем, что русские существительные изменяются по падежам и числам, например: *конфета, конфете, конфет, конфетами* и т. д. Все это словоформы одного слова *конфета*. Принято говорить, что слова, у которых есть словоформы, обладают свойством словоизменения.

Все словоформы одного слова равнозначны,

т. е. они обозначают один и тот же предмет или одно и то же явление, и поэтому как бы равноправны между собой. И вместе с тем одну из словоформ существительного, а именно словоформу им. п. ед. ч., принято считать формально исходной, а все остальные — производными. Один из аргументов этой общепринятой точки зрения заключается в том, что словоформа им. п. ед. ч. представляет слово вне контекста, в частности в словарях.

Если словоформы одного слова связаны отношением словоизменения, то между некоторыми парами слов, например между словами *конфета* и *конфетка*, существует отношение словообразования. Одно из двух слов, связанных этим отношением, называют семантически и формально исходным (*конфета*), а другое — семантически и формально производным (*конфетка*).

В самом деле, слово *конфетка* и по смыслу, и формально сложнее слова *конфета*: оно обозначает тот же самый предмет, что и слово *конфета*, но дополнительно выражает смысл «маленькая» (конфетка = маленькая конфета) и содержит суффикс *-к-*, который как раз и выражает значение «маленькая».

Между словоизменением и словообразованием есть и сходство, и различие. Сходство в том, что в обоих случаях какая-то словоформа или какое-то слово рассматриваются как исходные, а другие — как производные. Различие — в том, что исходная и производные словоформы равнозначны, тогда как исходное и производное слова значат разное.

Словоизменение и словообразование — явления морфологии, но им можно найти аналогии в синтаксисе.

Основная единица синтаксиса — предложение. Между некоторыми типами предложений можно наблюдать такие отношения, которые напоминают отношения исходных и производных словоформ (и слов). Эти отношения называются трансформационными (или трансформациями). Направление в синтаксической науке, которое эти отношения изучает (и которое возникло недавно — в середине XX в.), получило название трансформационной грамматики. Вот в чем ее суть.

Предложения в принципе можно разделить на исходные и производные. К числу исходных относятся активные повествовательные предложения типа *Водитель открывает дверь* и *Больной кашляет*. К производным — все остальные. Исходное и производное предложения, связанные трансформационными отношениями, имеют один и тот же смысл, т. е. обозначают одну ситуацию и состоят из одних и тех же знаменательных слов, называющих одинаковых участников ситуации.

Например, исходное активное предложение *Водитель открывает дверь* преобразуется в производное пассивное *Дверь открывается водителем*. Повествовательное предложение *Лектор уехал в командировку* преобразуется в производное вопросительное *Уехал лектор в командировку?* (вопросительная трансформация). При выделительной трансформации исходное предложение *Петров отвечал хорошо* преобразуется в производное *Что касается Петрова, то он отвечал хорошо.*

Предложения могут трансформироваться не только в предложения, но и в словосочетания. Например, предложение *Больной кашляет* преобразуется в производное словосочетание *Кашель больного*, предложение *Тарелки летают* — в словосочетание *Летающие тарелки*.

Подобные трансформации также служат для построения различных производных предложений: *Врача беспокоит кашель больного, Летающие тарелки всем надоели.*

Могут быть и такие трансформации, при которых производные предложения сложнее по смыслу, чем исходные. К их числу относится, например, модальная трансформация типа *Водитель открывает дверь* → *Водитель хочет открыть дверь;* фазовая трансформация: *Больной кашляет* → *Больной начал кашлять* и т. д.

В этих случаях в производных предложениях появляются слова, которых нет в предложениях исходных: *хочет, начал*. Они и придают исходному предложению дополнительный смысл: потенциальности действия (*хочет открыть*) или его начала (*начал кашлять*).

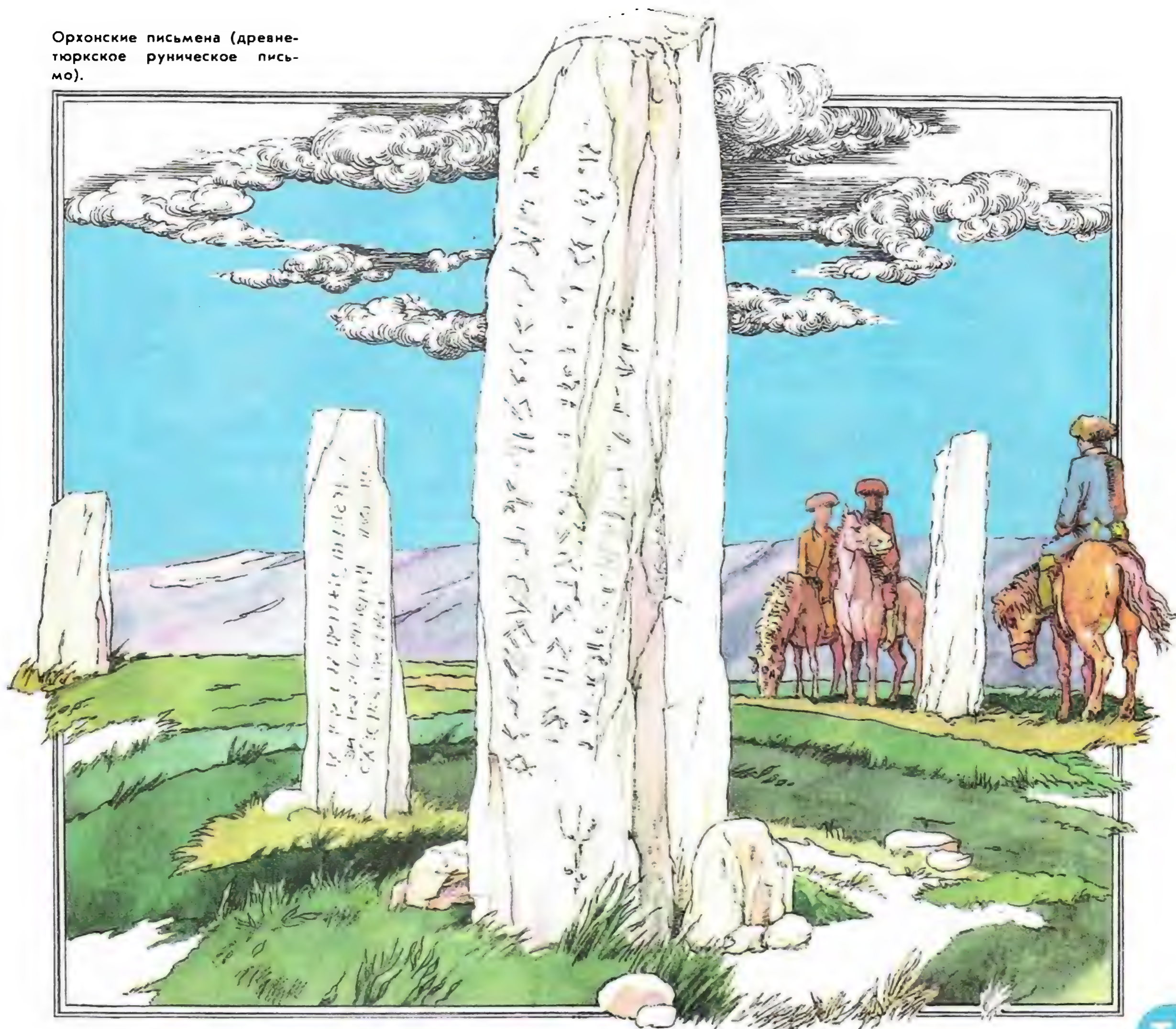
Трансформационный процесс в принципе является многостепенным. В результате последовательного применения трансформаций образуются цепочки предложений, связанные трансформационными отношениями. Например: *Сосед строит дом* → *Сосед начал строить дом* → *Сосед хочет начать строить дом.*

Трансформационный процесс может быть разнонаправленным: из каждого предложения с помощью разных трансформаций можно построить несколько производных предложений. Это показано на схеме (которую называют «деревом производности»):

Девочка танцует → Танцует девочка?
→ Что касается девочки, то она танцует
↓
Девочка начала танцевать → Начала девочка танцевать?
→ Что касается девочки, то она начала танцевать
↓
Девочка хотела начать танцевать → Хотела девочка начать танцевать?
→ Что касается девочки, то она хотела начать танцевать

Изучая трансформации, мы решаем важную лингвистическую задачу: устанавливаем закономерности образования и употребления в тексте предложений, которые хотя и обозначают одну ситуацию, но по-разному ее характеризуют.

Орхонские письмена (древнетюркское руническое письмо).



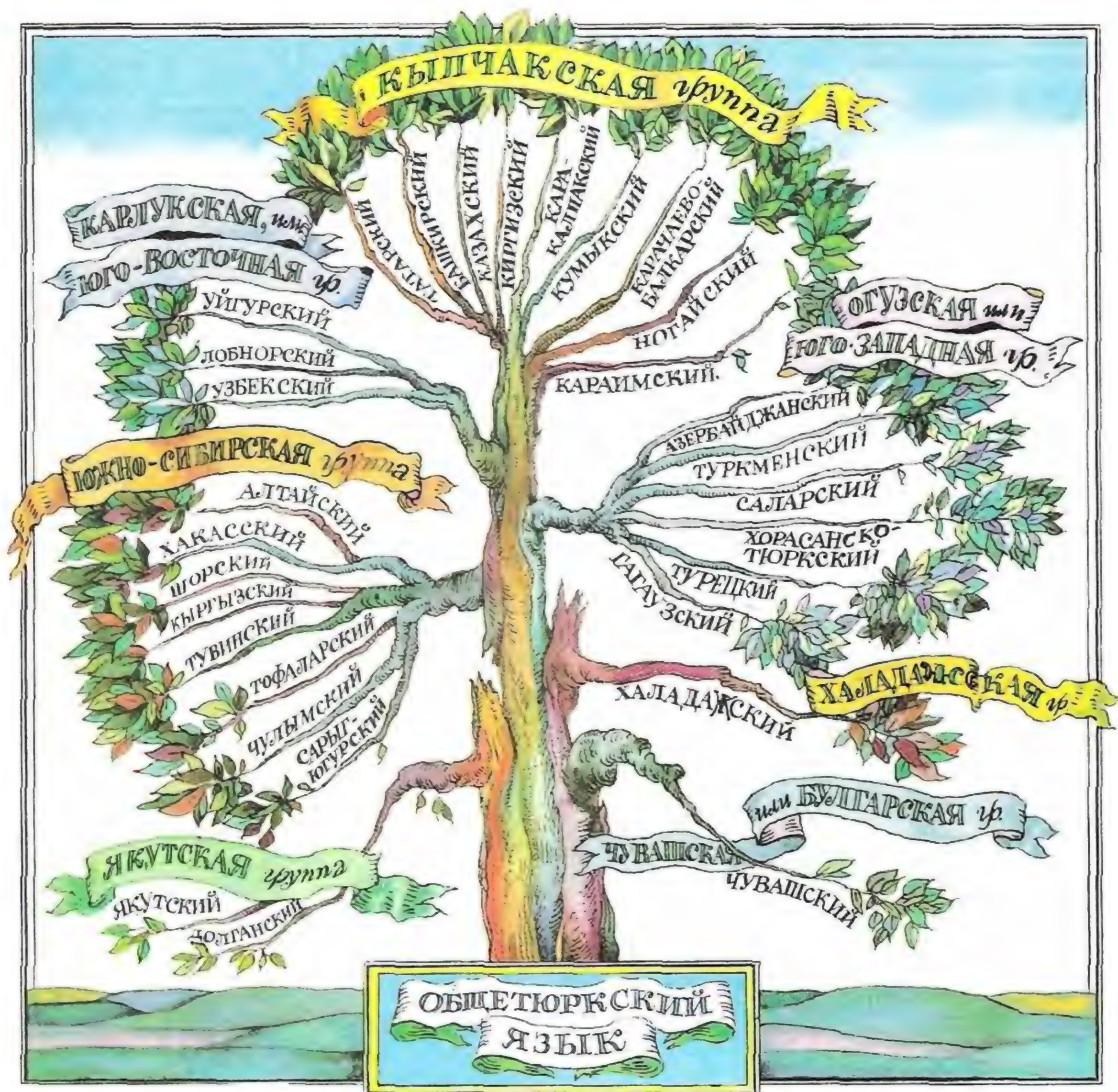
Т

ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ

Тюркские языки — семья близкородственных языков, на которых говорят тюркские народы и народности, живущие в СССР и Турции, а также в Иране (азербайджанцы, афшары, сонкоры, кашкайцы, туркмены, эйналлу, хорасанские тюрки, халаджи), Ираке (туркмены), Афганистане (афшары, туркмены, узбеки), Монголии (казахи, тувинцы, хотоны), Китае (уйгуры, лобнорцы, казахи, салары, сарыг-югуры, фуюйские кыргызы), Болгарии (гагаузы, турки, татары), Румынии (татары), Югославии (турки), Албании (турки). Всего в мире не менее 35 живых тюркских языков, на которых говорит около 100 млн. человек.

Тюркские языки — родные языки коренного населения большинства республик Средней Азии, Азербайджана, Башкирской, Каракалпакской, Татарской, Тувинской, Чувашской и Якутской автономных республик, Горно-Алтайской и Хакасской автономных областей, части населения Дагестанской АССР (кумыки, ногайцы), Кабардино-Балкарской АССР, Карачаево-Черкесской автономной области (балкарцы, карачаевцы, ногайцы), Литовской ССР (караимы), Долгано-Ненецкого автономного округа на Таймыре (долганы) и др.

Все многообразие тюркских языков можно представить в виде классификации, в которой сведены: 1) чувашско-булгарская группа, представленная ныне одним чувашским языком; 2) якутская: якутский и долганский языки; 3) южносибирская: алтайский, хакасский, шорский, язык фуюйских кыргызов, чулымско-тюркский, сарыг-югурский, тувинский, тофаларский; 4) карлукская, или юго-восточная: уйгурский, лобнорский, узбекский; 5) кыпчакская, или северо-западная: татарский, башкирский, казахский, киргизский, каракалпакский, кумыкский, карачаево-балкарский, ногайский, караимский; 6) огузская, или юго-западная: туркменский, саларский, хорасано-тюркский, турецкий и гагаузский; 7) халаджская группа.



К тюркским языкам относились также ныне мертвые половецкий, печенежский, предположительно хазарский и др. Сведения о многих живых тюркских племенных языках средневековья дошли до нас благодаря капитальному труду первого тюркского филолога Махмуда Кашгарского, создавшего около 1074 г. замечательный «Словарь тюркских языков» на арабском языке.

У тюркоязычных народов — значительная литературная традиция: уже в VII в. у них был в ходу хорошо отработанный письменно-литературный язык, запечатленный на так называемых орхонско-енисейских памятниках рунического письма. Наивысшее достижение тюркского творческого гения по праву связывается с именем узбекского поэта и прозаика, основоположника узбекского литературного языка Алишера Навои (1441—1501).

Советская эпоха ознаменовалась созданием письменностей для всех тюркоязычных народов СССР, у которых до Октября были архаичные системы письма или не было никакой письменности. В настоящее время функционируют следующие литературные тюркские языки: азербайджанский, алтайский, башкирский, гагаузский, казахский, каракалпакский, карачаево-балкарский, киргизский, кумыкский, ногайский, татарский, тувинский, турецкий, туркменский, узбекский, уйгурский, хакасский, чувашский и якутский.

Тюркские языки — типично агглютинативные (см. *Агглютинативные* и *фузионные языки*). Фонетически тюркские языки характеризуются сингармонизмом гласных (реже — согласных): звуки, входящие в состав суффиксов, по своему качеству зависят от звуков в корне слова. Сравните: *баш-лар-ым-ыз* («наши головы») — *иш-лер-им-из* («наши дела»). Тюркские языки не знают грамматического рода. Для синтаксического строя характерно достаточно последовательное проведение принципа: зависимый член предшествует тому, от которого он зависит.

У, Ф, Х, Ц

УГРО-ФИНСКИЕ ЯЗЫКИ

Угро-финские и самодийские (самоедские) языки — две большие ветви уральской семьи языков. Первые распространены на обширной территории от северной Норвегии до северной Югославии и от Оби на востоке до северо-западного нагорья в Швеции, вторые — в зоне тундры крайнего Северо-Востока Европы и в Западной Сибири. Общее число говорящих на угро-финских языках более 24 млн. человек, в том числе в СССР — по данным переписи 1979 г.— около 4,5 млн. человек. Число говорящих на самодийских языках — 34,5 тыс. человек (данные переписи 1979 г.). В СССР представлены носители всех живых угро-финских языков. Носители самодийских языков проживают только в СССР. Три языка — венгерский, финский и эстонский — старописьменные; большинство других — младописьменные, а некоторые, ввиду малочисленности носителей, собственной письменностью не располагают.

Угро-финскую ветвь составляют пять групп: 1) прибалтийско-финская, включающая финский, ижорский, карельский, вепсский, водский, эстонский и ливский языки; 2) волжская (эрзя-мордовский, мокша-мордовский, марийский луговой и марийский горный языки); 3) пермская (коми-зырянский, коми-пермяцкий, удмуртский языки); 4) угорская (венгерский, хантыйский и мансийский языки); 5) саамская, представленная одним языком.

Самодийская ветвь объединяет две группы языков: 1) северосамодийскую, включающую ненецкий, энецкий и нганасанский языки, и 2) южносамодийскую, представленную живым селькупским языком и рядом вымерших языков мелких племен Саянского нагорья: маторов, карагасов, койбалов, котовцев, а также камасинцев.

В процессе обособленного развития отдельных языков большую роль сыграли их контакты с индоевропейскими и тюркскими языками. Однако для всех языков, называемых угро-финскими, характерна общность происхождения многих элементов, наличие регулярных межъязыковых фонетических соответствий и т. п.

По современным научным представлениям, генетическое родство угро-финских и самодийских языков считается окончательно доказанным. Вопрос о прародине угро-финнов и самодийцев однозначного решения пока не получил. Предполагается, что распад прауральской языковой общности на праугро-финскую и прасамодийскую произошел не менее 6 тыс. лет тому назад.

Генетические связи уральских языков с так называемыми алтайскими языками, под которыми обычно имеются в виду тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские, остаются не вполне ясными. Большинство ученых этих связей не усматривают. Ныне усилия лингвистов направлены на выяснение характера языковых схождений между уральскими и «алтайскими» языками.

УДАРЕНИЕ (ФОНЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Слово состоит из слогов. Слоги неравноправны, один из них выделен по сравнению с соседними. Этот слог — ударный, мы говорим, что на него падает ударение.

Какими же средствами мы пользуемся, чтобы выделить ударный слог в слове?

В распоряжении говорящих есть, по крайней мере, три физических свойства звуков, которые могут быть использованы для противопоставления ударного слога безударным. Эти свойства — длительность, громкость и высота тона. Для выделения ударного слога используется либо одно из этих свойств, либо их сочетания. Каждый конкретный язык выбирает свой способ выделения ударного слога.

Ударение может быть динамическим (или силовым), как, например, в английском или французском языке, в этом случае ударный слог самый громкий в слове; квантитативным (или долготным), как в новогреческом языке, где ударный слог выделен длительностью, и музыкальным (или тоновым), как в китайском, корейском, вьетнамском языках, в которых ударный слог выделен высотой и характером изменения тона.

Нередко эти физические свойства звуков при формировании ударного слога действуют комплексно. Так, например, в норвежском и шведском языках музыкальное ударение сопровождается усилением ударного слога.

В русском языке ударный слог и более длителен, и более громок по сравнению с безударными слогами.

Важной приметой слова является место ударения. Ударение может быть фиксированным, когда оно закреплено за определенным по счету слогом, и нефиксированным, или свободным. В большинстве языков финской группы место ударения закреплено за первым слогом, во многих тюркских языках — за последним.

Среди славянских языков чешский имеет постоянное ударение на первом слоге, польский — на предпоследнем.

В русском языке ударение свободное, т. е. оно может падать на любой слог слова: на первый (*зо́лото, по́яс*), на второй (*вода́, свобо́да*), на третий (*переве́ртыш, резеда́* — сравните чешское *rézeda*, польское *rezéda*), на четвертый (*перестано́вка, закономе́рность*), на пятый (*необыкнове́нный*).

Ударение может быть подвижным и неподвижным. При неподвижном ударении его место в слове остается неизменным при образовании грамматических форм, а также при словообразовании: *до́ля, до́ли, до́лю, до́лей, до́ли, до́лька, до́люшка; чита́ю, чита́ешь, чита́ет, чита́ем, чита́ете, чита́ют, чита́ть, чита́тель.* Бо́льшая часть слов русского языка (около 96%) имеет неподвижное ударение. Подвижное ударение при изменении слова может перемещаться с одного слога на другие и даже уходить за пределы слова: *спина́, спи́ну, на́ спину.*

УДАРЕНИЕ [ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ]

Ударение в русском языке может стоять на разных по счету слогах: *бе́рег, река́, потоло́к* — см. *Ударение* (*фонетический аспект*) — и на любой морфологической части слова — приставке, корне, суффиксе, флексии: *о́тзвук, зву́чный, звуча́щий, звуково́й.* Разноместность ударения позволяет использовать его как различительное средство: *а́тлас* — «сборник географических карт и *атла́с* — «вид материи» *му́ка* — «мучение» и *мука́* — «измельченные зерна».

Язык развивает эту полезную для себя особенность — использовать ударение для различения смыслов. Еще в прошлом веке не существовало многих из современных разграничений. Вот только один пример. Мы сейчас четко различаем слова *остро́та* — «остроумное выражение» и *острота́* — обозначение качества по прилагательному *острый.* В прошлом веке слова эти не различались: «Малейшая в ком странность чуть видна,/ Веселость ваша не скромна, / У вас тотчас уж острота́ готова...» (А.С. Грибоедов).

Русское ударение имеет и другую особенность — подвижность. Переходы, передвижения ударения происходят не хаотично. Есть строго определенные типы подвижного ударения. Один из них представлен в словах *голова, борода, рука, нога:* в вин. п. ед. и им. п. мн. ч. ударение с окончания в этих словах переходит на основу: *голова́ — го́лову, го́ловы.*

Но вот уже в слове *губа* несколько иной тип размещения ударения: здесь в форме вин. п. ед. ч. ударение на основу не переходит (*губу́*, а не «гу́бу»). То же — в словах *слеза́, серьга́.*

Слово *вода* представляет третий тип подвижности. В формах единственного числа оно ведет себя, как слово *голова*: в вин. п. *во́ду*, а в формах множественного числа размещение ударения совсем иное: *во́ды, вод, во́дам, во́дами, во́дах.* Такое же ударение у слов *зима, цена, спина, душа, земля.*

Наконец, слово *страна* похоже по размещению ударения в единственном числе на слово *губа*, а во множественном — на слово *вода* (просклоняйте слово *страна*, и вы легко убедитесь в этом). Этот тип включает сейчас самое большое число слов. Их более ста.

Разноместность ударения увеличивает смыслоразличительные возможности языка. Что же она помогает различать? Сравните формы род. п. ед. ч. и им. п. мн. ч. *головы́* и *го́ловы, губы́* и *гу́бы, воды́* и *во́ды, страны́* и *стра́ны.* Отличаются они только ударением. Следовательно, ударение здесь — средство различения разных форм одного слова, и возможно это оказывается потому только, что ударение вообще способно передвигаться. Но это различие — только частный случай различий более широкого плана. Оказывается, языку важно в целях грамматической дифференциации разграничивать по ударению не только отдельные формы, но и все формы единственного и множественного числа. Такой тип ударения представляет слово *страна*: во всех формах единственного числа ударение на флексии, во всех формах множественного числа — на основе.

Это живой и продуктивный тип: он постоянно пополняется новыми словами. А типы, представленные в словах *голова* и *губа*,— старые, непродуктивные; ударение в них с граммати-

ческой точки зрения размещено нерационально: хотя формы ед. и мн. ч. и различаются по ударению, но непоследовательно, неабсолютно.

Постепенно тип старой подвижности трансформируется в соответствии с новыми, складывающимися закономерностями. Это значит, что формы единственного и множественного числа начинают по ударению четко разграничиваться.

Группа существительных с таким типом ударения пополняется за счет другой группы существительных, где ударение падало на окончание во всех формах: *беда́, вдова́, вина́, жена́, игра́, сестра́, скала́, струя́, судьба́, толпа́* и пр. Стихи показывают, какое было ударение у этих слов во мн. ч.: «Известно, что слоны в диковинку у нас — Так за слоном *толпы́* зевак ходили» (И. А. Крылов); «Дробясь о мрачные *скалы́*, шумят и пенятся валы...» (А. С. Пушкин); «В плену *сестры́* ее увяли, В бою неравном братья пали» (М. Ю. Лермонтов).

Встретив такие ударения, не надо считать, что они придуманы для рифмы или ритма. Такие ударения были закономерными для прошлого века. Некоторые старые ударения известны нам и сейчас в составе устойчивых сочетаний: «Всем сестра́м по серьга́м»; «Какими судьба́ми».

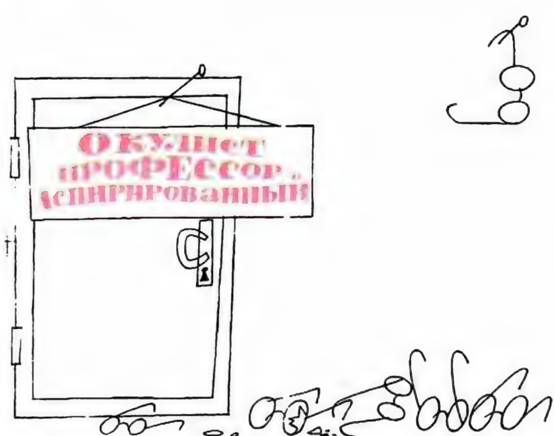
Группа слов с продуктивным типом подвижного ударения пополняется и новыми словами: известные географические термины *долгота́* и *широта́* образуют формы множественного числа с ударением *долго́ты, широ́ты;* химический термин *кислота́ — кисло́ты.* То же самое можно сказать о словах *частота́ — часто́ты, пустота́ — пусто́ты, величина́ — величи́ны* и др.

В прошлом веке подобных слов, имеющих предметное значение и способных образовывать формы множественного числа, было мало (ведь основное, традиционное значение подобных слов — обозначение качества, признака), но если такие слова были и если формы множественного числа от них образовывались, то ударение они получали по старой схеме: «В тени хранительной темницы / Утаены их *красоты́*! Так аравийские цветы Живут за стеклами теплицы» (А. С. Пушкин).

Роль грамматики в изменении ударения показана здесь на примере только одной группы слов — существительных женского рода. То же самое можно видеть и в других группах существительных — мужского и среднего рода.

УНИВЕРСАЛИИ ЯЗЫКОВЫЕ

Универсалии — это закономерности, общие для всех или для большинства языков мира. Они показывают, что вообще может быть и чего не может быть в языке, т. е. определяют те



ограничения, которые накладываются на естественный язык. Таким образом, универсалии позволяют увидеть, в чем состоит общечеловеческая способность к языку.

Универсальность ряда явлений может быть прямо соотнесена с особенностями физиологического устройства человека: таковы, например, фонетические универсалии. Они объясняются некоторыми общими свойствами речевого аппарата у человека.

В других случаях универсалии обусловлены тем, что существуют единые для всего человечества способы осмысления действительности (если бы этих единых способов не существовало, то между людьми разных национальностей и рас было бы невозможно никакое общение). К таким универсалиям относятся, например, следующие: во всех языках есть личные местоимения; во всех языках есть указательные местоимения; во всех языках указательные местоимения употребляются для выделения предмета, упомянутого в высказываниях, предшествующих данному; если в языке есть категория падежа, то в нем есть и категория числа; если в языке есть категория рода, то в нем есть и кате-

Универсальная иерархическая упорядоченность языковых элементов проявляется не только в закономерностях устройства языковых систем. Те же иерархические соотношения наблюдаются и в освоении языка ребенком, и в постепенной утрате языка при поражении мозга (афазии).

Исследование универсалий помогает понять не только устройство языка, но и историю его развития. Наряду с универсалиями, описывающими закономерности языковых систем (синхронные универсалии), существуют универсалии, описывающие закономерности языковых изменений (диахронические универсалии). Как правило, диахронические универсалии определенным образом соответствуют синхронным универсалиям. Есть, например, такая синхронная универсалия: «Если в языке глухие и звонкие согласные противопоставлены в конце слова, то они противопоставлены и в позиции между гласными». Ей соответствует следующая диахроническая универсалия: «В истории любого языка утрата противопоставления глухих и звонких в конце слова происходит не позже, чем утрата этого противопоставления в по-

гория числа; если есть противопоставление по роду у существительных, то есть и противопоставление по роду у местоимений и т. д.

Универсалии вида «во всех языках есть X» называются элементарными; универсалии вида «если в языке есть X, то в нем есть и У», называются импликативными. Элементарные универсалии определяют ядро языковой системы, совокупность тех элементов, без которых язык, как правило, не может обойтись. Импликативные универсалии указывают на иерархическое соотношение языковых элементов, на их относительную близость к универсальному ядру языковой системы; они задают, так сказать, порядок развертывания языкового многообразия.

зиции между гласными». Обе универсалии раскрывают, по существу, две стороны одной закономерности: для противопоставления глухих и звонких позиция между гласными «лучше» позиции в конце слова. Эта универсалия показывает: в развитии языка «менее удобное» уничтожается раньше, чем «более удобное». Стремление к «удобству» системы приводит — в ходе эволюции этой системы — к постоянному отбору элементов, более близких к универсальному ядру, за счет элементов, дальше от этого ядра отстоящих.

Универсалии демонстрируют общность принципов языкового устройства во всем многообразии человеческих языков. Универсалии объясняют, почему языки взаимопонятны, и определяют самую стратегию овладения чужим языком.

УСТНЫЙ И ПИСЬМЕННЫЙ ЯЗЫК

Звучание — самая естественная форма существования языка долгое время была единственной. На языке только говорили. Но такая речь сиюминутна, она звучит только «здесь» и «сейчас». Потребность передавать речь на расстоянии и сохранять ее на долгие времена привела к изобретению письма — появилась речь письменная.

Сначала письменный язык был только записью звучащей речи, «остановленным мгновеньем». Потом оказалось, что разница — звучать и быть написанным — так огромна, выявились такие ее последствия, что стало возможным говорить о двух языках — преимущественно звучащем, устном, и преимущественно письменном. Язык письменный более вместителен для информации интеллектуальной, устный — для выражения эмоций, настроений, отношений.

Собственно языковые различия письменной и устной речи — это прежде всего различия синтаксические. Устный язык не терпит сложностей, зато культивирует недосказ. Письменный, наоборот, требует полной высказанности и притом связности, поэтому допускает разнообразные включения, присоединения, пояснения. Но самое главное — письменный язык потребовал установления правил письма и чтения. Благодаря ему возникли грамматические искусства в привычных нам наименованиях — орфография, пунктуация. Непременное свойство письменного языка — обязательность норм, предписывающих, как писать и читать.

Различны сами законы устного и письменного общения. Поэтому даже в одной и той же ситуации практически невозможно сказать и написать одинаково. Вот как это обыграно в письме драматурга А. Н. Островского его другу Н. А. Дубровскому: «Николка! Что ж ты не ведешь Ветлицкого и где тебя самого черти носят? Будешь ли ты меня слушаться? Ну, погоди же ты! Так нельзя написать, это я только так думал, а писать надо вот так:

«Милостивый государь Николай Александрович, не угодно ли будет Вам пожаловать ко мне сегодня прямо из конторы к обеденному столу, чем премного обяжете глубоко уважающего Вас и преданного А. Островского».

Распределение сфер между языком устным и письменным существенно не только для общения, но и для культуры. Владения устного языка — фольклор, пропаганда, слухи. Все остальное — политика, наука и обучение, художественная литература во всем ее жанровом богатстве — обслуживается письменным языком.

Итак, в самом простом случае отношения языка устного и письменного похожи на отношения предмета и его отражения. В более сложных ситуациях симметрия этих отношений нарушается. При этом могут быть «предметы без отражения» — диалекты, просторечие, бесписьменные языки. Есть и «отражения без предмета» — это санскрит, древнегреческий, латынь и другие мертвые языки.

ФОНЕМА

Легко заметить, что в формах слова *сова* и *сов* на месте одних и тех же букв произносятся разные звуки: [сава́], [соф]. Мы пишем *о*, а произносим [о] и [а], пишем *в*, а произносим [в] и [ф]. Предлог *с* в речи представлен разными звуками: [с] — *с отцом, с матерью,* [с'] — *с сестрой,* [з] — *с братом,* [з'] — *с дядей,* [ж] — *с женой,* [ш] — *с шурином,* [ш'] — *с чадом.* Если вслушаться в звуки, произносящиеся на месте *р* в формах слова *Петр, Петра, Петру,* то можно обнаружить, что звуки эти не одинаковы. В форме *Петр* обычно произносится глухой согласный, образованный без голоса. Еще ярче это проявляется, когда *р* оказывается между двумя глухими согласными: *Петр Первый.* В транскрипции, точной передаче звуков, он обозначается так: [р̬]. Перед [у] в форме *Петру* произносится огубленный звук [р°]. При его образовании губы вытянуты и напряжены. Произнесите отдельно [р] с ненапряженными губами и [р°] с напряженными и вытянутыми в трубочку, как при произнесении [у], и вы услышите разницу между этими звуками.

Внимательно прислушиваясь к звучанию слов, можно увидеть, что за одними и теми же буквами в разных словах или разных формах одного слова очень часто скрываются разные звуки. Отсюда следует, что наши буквы обозначают не звуки, как часто говорят для простоты, а некие множества звуков. Эти множества звуков называются фонемами.

Фонемы существуют в нашем языковом сознании как единые комплексы звуков. Говорящие обычно не обращают внимания на разницу между звуками, относящимися к одной фонеме, отождествляют их. Что же заставляет нас так поступать? Может быть, в одну фонему объединяются звуки близкие, похожие?

В словах *мир, миро́к, мирово́й* фонема ⟨и⟩ реализована разными звуками: ударный [и] длительнее безударного и произносится при более верхнем положении языка. Такая же разница между двумя [и] в словах *визгли́вый, искри́ть.* Но для русских эта разница ничтожна, незаметна. Чтобы ее увидеть, нужны особые усилия. Для англичан же ничего не стоит узнать эти звуки в разных словах: *read* [ri:d] «читать» и *rid* [rɪd] «освобождать», *scene* [si:n] «сцена» и *sin* [sin] «грех», *wheel* [wi:l] «колесо» и *will* [wɪl] «воля». В английском языке звуки [i:] и [ɪ] — представители разных фонем, в русском языке похожие звуки объединяются в одну фонему.

Дело в том, что разные звуки, выступающие в одной и той же позиции, относятся к разным фонемам. (В английском языке и [i:] и [ɪ] могут быть под ударением перед одними и теми же согласными.) В одну фонему объединяются разные звуки, выступающие в разных позициях. (В русском языке [i:] бывает только под ударением, [ɪ] только без ударения.) Следовательно, не степень акустической или артикуляционной близости звуков определяет, к одной или к разным фонемам они относятся. Это определяется их позиционным поведением. Фонема — это ряд позиционно чередующихся звуков.

Фонемы бывают двух типов. Одни фонемы представлены непересекающимися множествами звуков. Весь ряд позиционно чередующихся звуков относится к одной, и только одной, фонеме. Так, в русском языке звуки [л], [л°], [л̣] — представители только фонемы ⟨л⟩. Фонема ⟨у⟩ представлена звуком [у] под ударением и более краткими и более близкими к [о] звуками без ударения: *к сундуку́.* Эти фонемы ни с какими другими фонемами никогда не совпадают, не нейтрализуются. Другой тип фонем — это пересекающиеся множества звуков. Так, фонема ⟨т⟩ может быть реализована звуками [т] *(от Ани)* — [т°] *(от Оли)* — [т'] *(от Тёмы)* — [д] *(от Бори)* — [д'] *(от Димы)* — [ц] *(от Славы)* — [ч'] *(от Чука).* Некоторые звуки, входящие в это множество, входят и в дру-

гие множества звуков — фонемы. Так, [д] может представлять фонему ⟨д⟩, [д'] — ⟨д'⟩, [ц] — ⟨ц⟩, [ч'] — ⟨ч⟩. Совпадение фонем в одном звуке называется нейтрализацией.

В разных языках нейтрализация фонем играет различную роль. В одних она частое явление, в других — редкое, а есть языки, где вовсе нет нейтрализации фонем. В русском литературном языке почти все фонемы образуют пересекающиеся множества звуков. В древнерусском же языке нейтрализация фонем была редким явлением и большинство фонем представляли собой непересекающиеся множества звуков. А, например, французский язык развивается в противоположном направлении.

Если один и тот же звук может относиться к разным фонемам, то как узнать, к какой фонеме он относится в данном конкретном случае? Ответ дают позиционные чередования. Звуки [д] и [т] могут чередоваться в одной и той же морфеме: *пере*[д] *Аней* — *пере*[д] *Борей* — *пере*[т] *Колей, о*[т] *Ани* — *о*[д] *Бори* — *о*[т] *Коли*. В предлоге *перед* этот ряд чередующихся звуков относится к фонеме ⟨д⟩, а в предлоге *от* — к ⟨т⟩. Об этом нам сказала позиция, где эти фонемы различаются,— позиция перед гласным. Последние со-

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ РЕФОРМАТСКИЙ (1900—1978)

Александр Александрович Реформатский — выдающийся советский языковед. Филологам он известен прежде всего как автор вузовского учебника «Введение в языкознание», по которому они учились. И преподаватели, и студенты знают: если готовиться «по Реформатскому», то экзамен сдашь хорошо.

Яркая, колоритная индивидуальность А. А. Реформатского проявлялась во всем: писал ли он научные работы, выступал ли с кафедры, или сидел с гостями за столом.

Знаток русской культуры, истории, русского быта, страстный охотник, заядлый шахматист, тонкий ценитель музыки, мастер стихотворного шутливого экспромта, А. А. Реформатский был прежде всего лингвистом. И во всех своих увлечениях лингвистом оставался: слушая оперные арии, он замечал особенности произношения, которые требовали лингвистических объяснений; из теории шахматной игры он заимствовал принцип «избыточной защиты» и использовал его при изучении структуры текста (пример избыточности такого рода: точка в конце предложения и заглавная буква в начале следующего); размышления над охотничьими терминами помогали ему в понимании лингвистической сущности термина вообще.

По собственному признанию Александра Александровича, он всю жизнь был влюблен в лингвистику, в слово, даже в фонему.

В работах А. А. Реформатского высокий уровень научной абстракции, конструктивная точность анализа органически сочетаются с пристальным вниманием к фактам живого языка: к слову, к звуку, к оттенку звука. Язык интересовал А. А. Реформатского во всех своих проявлениях: в звучащей и письменной речи, в бытовом разговоре и профессиональном употреблении, в художественном тексте и в пении.

Научные интересы А. А. Реформатского были необычайно разнообразны: ему принадлежат работы (во многом новаторские) по фонологии и фонетике, теоретическим вопросам грамматики, словообразованию, лексике, теории письма, терминологии, машинному переводу, истории языкознания и другим отраслям лингвистической науки. И вот что замечательно: в каждой их этих отраслей Александр Александрович брался за решение самых трудных и сложных проблем современного языкознания, например: о соотношении синхронии и диахронии, о системе в языке, о том, как воплощается язык в речи. Он изучал эти проблемы глубоко, профессионально — и в то же время умел делать их из сложных простыми, доступными пониманию многих.

А. А. Реформатский — прекрасный педагог, лектор, пропагандист лингвистики. Он умел увлечь слушателей предметом своих лекций, своим темпераментом, живым и сочным русским словом. В его лекциях в еще большей степени, чем в печатных работах, «совмещалось несовместимое»: строгое научное рассуждение, каламбур, парадоксальное столкновение фактов, экскурс в далекие от линвистики области, строки из стихов любимого поэта, шутка, афоризм... И все это освещенное душевным огнем, пронизанное страстностью, не оставлявшей в слушателях места равнодушию.

И еще одна черта была присуща А. А. Реформатскому: он любил молодость и «молодые» идеи в науке. Многие свои мысли о языке и языкознании А. А. Реформатский высказывал устно, в беседах с друзьями, среди которых всегда преобладала молодежь.

гласные предлогов *перед* и *от* всегда остаются для нас разными фонетическими единицами, хотя в произношении они могут совпадать. Объясняется это тем, что одни и те же звуки входят здесь в разные ряды чередований. Иначе говоря, они относятся к разным фонемам. Поэтому и на письме мы всегда передаем их разными буквами: *перед* и *от*.

Возможна такая аналогия. Представим себе пирамиду и конус. Одна из проекций этих фигур может совпасть: на чертеже мы увидим треугольник. Но по одной проекции нельзя судить о всей фигуре. Разница обнаружится на другой проекции: в плане мы увидим многоугольник и круг. Фигура в чертеже может быть представлена только всеми ее проекциями. Фонема в речи представлена всеми позиционно чередующимися звуками.

У фонем в языке важное назначение — различать разные слова, разные морфемы. Слова *дом, том, сом, ром, ком, лом* различаются начальными звуками [д], [т], [с], [р], [к], [л]. Эти звуки здесь представители разных фонем. В словах *бар, бор, бур* звуки [а], [о], [у] — представители фонем ⟨а⟩, ⟨о⟩, ⟨у⟩, различающих эти слова.

Но не все звуки, которыми слова различаются, принадлежат разным фонемам. В словах *сода* и *сада* две пары разных звуков: [с°] — [с] и [о] — [а]. Но эти соответствия между звуками неравноценны. Ударные [о] и [а] могут быть единственными различителями двух слов: *óда — áда*, , *óхать — áхать, óстры — áстры*. Поэтому ударные звуки [о] и [а] — представители разных фонем ⟨о⟩ и ⟨а⟩. Звуки же [с] и [с°] никогда не бывают единственными различителями слов. Выбор этих звуков всегда обусловлен позицией — следующим гласным. Поэтому звуки [с] и [с°] представляют одну фонему ⟨с⟩. Различие между [с] и [с°] — только отблеск основного различия между [а] и [о]. Слова *скинуть* и *сгинуть* отличаются звуками [с] и [з], [к'] и [г']: [ск'йнут'] — [зг'йнут']. Но выбор [с] или [з] целиком обусловлен следующими звуками. Поэтому [с] и [з] относятся к одной и той же фонеме. Различие между [с] и [з] — лишь отблеск основного различия между [к'] и [г'], воплощающими фонемы ⟨к'⟩ и ⟨г'⟩.

Другое назначение звуковых единиц — способствовать отождествлению одних и тех же слов и морфем. Почему мы считаем, что в словах *лез* и *залез* корень один и тот же? Во-первых, потому, что он имеет одно и то же значение. Но этого недостаточно: *залез на дерево* значит то же самое, что *взобрался на дерево*, но мы ведь не считаем, что *залез* и *взобрался* одно и то же слово. В словах *лез* и *залез* корни произносятся одинаково, это и позволяет нам их отождествлять. Но почему тогда мы отождествляем корни в формах *залез, залезть* и *залезать?* Ведь произносятся они по-разному: *за* [л'éс], *за* [л'éс'] *ть* и *за* [л'из] *áть*. Мы это делаем потому, что чередующиеся гласные и согласные звуки этого корня относятся к одним и тем же фонемам.

Итак, фонема — это языковая единица, представленная рядом позиционно чередующихся звуков, служащая для различения и отождествления слов и морфем.

Фонемы образуют фонетическую систему (см. *Система языка*).

ФОНЕТИКА

Любая значимая единица языка — морфема, слово, предложение — имеет свое звуковое выражение. Фонетика — наука о звуковой стороне языка.

См. статьи: ***Артикуляционная классификация звуков; Акустическая классификация звуков; Инструментальная фонетика; Слог; Ударение (фонетический аспект); Интонация; Звуковой символизм; Оканье и аканье; Цоканье; Позиция; Нейтрализация; Диахроническая фонология; Фонема.***

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ

Фонетическая транскрипция (от лат. *transcriptio* — «переписывание») — это точная запись звучания речи. Транскрипция дает нам возможность увидеть, как мы говорим, т. е. увидеть звучание. После знакомства с транскрипцией мы лучше слушаем и больше слышим

Но ведь и обычное письмо существует для того, чтобы звуковой язык сделать видимым. Буква в нашем письме, казалось бы, должна передавать звук. Зачем же еще специальная запись? Чтобы разобраться в этом, обратимся к поэзии:

«Топот рос/ и тех тринадцать/ сгреб,/ забил,/ зашиб,/ затыркал./ Забились/ под галстук — / за что им приняться» (В. В. Маяковский).

Здесь рифмуются слова «тринадцать» и «приняться», орфографически они мало похожи. Но, может быть, эти неожиданные рифмы Маяковского являются редким случаем несовпадения звуков и букв? Возьмем тогда хорошо всем известные с детства стихи К. И. Чуковского: «И никто даже с места/ Не сдвинется:/ Пропадай, погибай,/ Именинница!»

Таких случаев несовпадения букв в рифмах можно привести великое множество.

Они показывают, что буквы не всегда передают звучание; одни и те же звуки передаются разными буквами, и, наоборот, за одними и

теми же буквами могут стоять разные звуки. Именно стихи учат нас слушать звучание, и именно они являются свидетельством того, что говорим мы не так, как пишем.

Очень часто ребенок, выучив буквы, но не зная еще правил графики и орфографии, пользуется буквами для того, чтобы записать слова так, как он их слышит, и тогда мы получаем звуковую запись, например: «йош» (еж) или «вада». Практически это и есть транскрипция. Когда же мы уже настолько владеем правилами графики и орфографии, что не думаем о них, мы не замечаем несовпадения звуков и букв. Мы не слышим, как мы говорим. Фонетическая запись (транскрипция) возвращает нам умение слышать.

Чтобы увидеть, как мы говорим и что мы слышим, нужна такая запись, которая зависела бы только от звучания, без оглядки на правила графики и орфографии. Такая запись должна годиться для передачи звучания самых разных языков. Наибольшим распространением в науке пользуется созданная в 1886 г. на базе латинского алфавита транскрипция Международной фонетической ассоциации — так называемый Международный фонетический алфавит (МФА).

В нашей стране для передачи диалектных текстов, для подсказки правильного литературного произношения того или иного слова мы пользуемся транскрипцией, основанной на знаках русского алфавита, например, когда подчеркиваем, что надо произносить [што], а не [что]; [мадэ́:л'], а не [мад'е́л'] (*модель*), [лук], а не [лух] (*луг*) и т. п.

Значит, дело не в том, что в транскрипции другие графические знаки, чем в орфографии, а в том, что здесь другой принцип их использования. Система знаков транскрипции должна отвечать следующим требованиям: 1) иметь отдельный знак для каждого звука; 2) знаки должны быть однозначными, т. е. обозначать только данный звук; 3) для каждого звука должен быть только один знак.

Для чего используется транскрипция?

1. Первое мы уже выяснили — чтобы научиться слышать родную речь и показать нормы литературного произношения.

2. При обучении иностранному языку, особенно если его орфография не дает возможности судить о произношении, например в английском языке, где в словарях всегда рядом с орфографией слова дается его транскрипция.

3. Транскрипция нужна и там, где сложная или малоизвестная для изучающего система письма, особенно там, где графика не предназначена для передачи звучания (как, например, в иероглифическом письме).

4. Наконец, транскрипция используется для записи бесписьменного языка или диалектной речи.

ФОРМА ГРАММАТИЧЕСКАЯ

Глаголы в русском языке — совершенного или несовершенного вида. Если русский язык родной, употреблять их легко. Но для иностранцев, изучающих русский язык, виды могут быть трудны. Почему? Потому что в других языках нет особых средств, которые в каждом глаголе передавали бы значение вида, совершенного или несовершенного. Нет грамматической формы для вида.

Самое главное понятие в грамматике — это грамматическая форма.

Слово *форма* имеет разные значения. Одно из них: форма — принцип организации. Именно это значение имеют в виду, когда говорят о грамматической форме. Грамматическая форма — это связь грамматического значения с грамматическим способом его выражения. В глаголах *учил, знал, видел* есть такая грамматическая форма: значение прошедшего времени (действие протекало до момента речи) выражено морфемой *-л*:

$$\frac{\text{действие до момента речи}}{\text{-л}}$$

В глаголах *прыгнуть, моргнуть, лопнуть, махнуть, крикнуть* есть суффикс *-ну-*, он означает, что действие мгновенно и однократно. Здесь такая грамматическая форма:

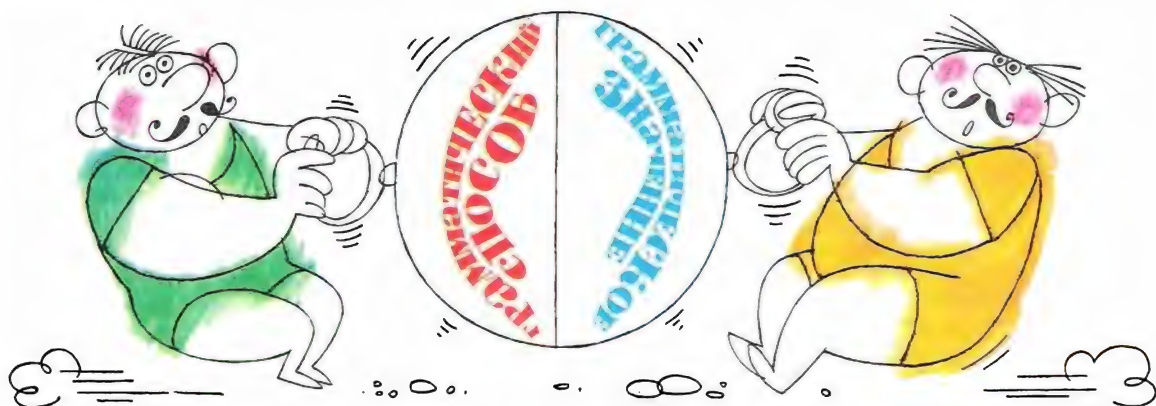
$$\frac{\text{однократность действия}}{\text{-ну-}}$$

А вот еще глаголы: *сохнуть, мерзнуть, мокнуть, вянуть, блекнуть*. Звуки те же: *-ну-*, но значение другое: показано не однократное мгновенное действие, а, наоборот, продолжительное. Это другая грамматическая форма:

$$\frac{\text{продолжительное действие (состояние)}}{\text{-ну-}}$$

Грамматические значения могут быть в разных языках очень различными (см. *Падеж. Время глагола* и т. д.). Но они все должны быть достаточно отвлеченными. Предположим, в каком-то языке какими-то средствами выражено значение «упругий шар из резины, пустой внутри». Наверняка, это не грамматическое значение... Оно слишком конкретно для того, чтобы быть грамматическим. (В русском языке оно выражено корнем *мяч*, не грамматической, а лексической единицей.)

А если возьмем более абстрактное значение: просто «круглый предмет»? Это уже достаточно абстрактно для грамматики: есть языки, напри-



мер некоторые полинезийские, где все существительные делятся на классы: класс двойных предметов (*штаны, очки*...), класс длинных предметов, баранкообразных предметов и класс шаровидных, круглых предметов. Каждый класс имеет свое выражение — свой суффикс или префикс. Есть, значит, грамматическая форма!

Итак, абстрактность. Другое свойство грамматических значений: почти каждое из них часто встречается в речи. Возьмем любую толстую книгу, отсчитаем 100 страниц. Сколько раз там встречается творительный падеж (т. е. его значение, выраженное флексиями)? Много десятков. А значение «мяч»? Хорошо, если один — два — три раза. Правда, если это

ФИЛИПП ФЕДОРОВИЧ ФОРТУНАТОВ (1848—1914)

«Неимоверно разрослось то дело, которое 22 января 1876 г. в 10 часов утра начал молодой доцент Фортунатов», — писал М. Н. Петерсон о своем учителе. В этот день Ф. Ф. Фортунатов начал свои лекции в Московском университете.

Ф. Ф. Фортунатов был необыкновенно мощным создателем новых лингвистических идей. В своих трудах по сравнительно-историческому языкознанию он пересмотрел и обновил трактовку многих сложных вопросов о древнейших процессах в индоевропейских языках.

Огромное значение имеют исследования Фортунатова в области славяно-балтийской акцентологии. В первую очередь — открытый им закон передвижения ударения от начала к концу слова, отражающийся как в славянских, так и в балтийских языках, некогда обусловленный фонетической позицией. Сравним, например, русское: им. п. *рука*, вин. п. *руку*; винительный падеж сохраняет старое место ударения, а в именительном падеже некогда имело место передвижение ударения с начального слога на конечный. Этот закон известен в языкознании под именем «закона Фортунатова — де Соссюра».

Нередко несколько слов в трудах Фортунатова порождало в дальнейшем новые научные поиски. Так, лаконично сформулированное Фортунатовым учение о грамматической форме вызвало в лингвистике вихрь глубоко плодотворных идей.

Учиться у Ф. Ф. Фортунатова приезжали ученые разных стран: О. Брок (Норвегия), Торбьёрнсон (Швеция), Педерсен (Дания), ван-дер-Коп (Голландия), Поль Буайе (Франция), Сольмсен, Бернекер (Германия), Мурко, Поливка (Чехия), Белич, Томич (Сербия), Миккола (Финляндия), Богдан (Румыния) и другие.

Особенно верно и глубоко поняли идеи Ф. Ф. Фортунатова и общее направление его поисков Н. Н. Дурново, Д. Н. Ушаков, М. Н. Петерсон, А. М. Пешковский — ведущие ученые 10—30-х гг. нашего века. Это было второе поколение московской лингвистической школы (первое, естественно, — сам Фортунатов).

Третье поколение московской лингвистической школы — Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров, А. А. Реформатский, П. С. Кузнецов, И. С. Ильинская, Г. О. Винокур, А. М. Сухотин. Они — активные строители советского языкознания в 30—60-х гг.

книга о детских играх, то, наверное, чаще, но в обычном случае — редко.

Грамматическое значение обладает свойством обязательности. Оно обязательно должно употребляться в речи. Положим, вам запретили употреблять слово *мяч*. Можно обойтись? Можно; будем говорить «игрушечный шар из резины». Неудобно, но все-таки терпимо. А если запретить употреблять творительный падеж? (Предположим, у нас такая игра.) Все время придется изобретать разные обходные маневры в речи, чтобы избежать творительного падежа. И это дело трудное более того — невозможное. Язык без слова *мяч* — это все-таки русский язык; язык без творительного падежа — это не наш русский язык, это что-то иное и ущербное.

Есть еще одна черта грамматического значения, может быть — главная: оно всегда сопроводительно, всегда при каких-то других значениях. Если есть в тексте творительный падеж, то должно быть еще что-то, другое значение, корневое, при котором и присутствует этот творительный падеж.

Итак, абстрактность, частая повторяемость в речи, обязательность, «сопроводительный» характер — вот свойства грамматического значения. И это значение непременно должно иметь свое выражение — особым суффиксом, флексией, приставкой, порядком слов и т. д.

ФРАЗЕОЛОГИЯ

Термин «фразеология» происходит от греч. *phrasis* — «выражение» и *logos* — «слово», «учение». В русском языке этот термин употребляется в двух смыслах: 1) совокупность устойчивых идиоматических выражений: *работать спустя рукава, съесть собаку, ничтоже сумняшеся* и под.; 2) раздел языкознания, который изучает подобные выражения (они называются фразеологическими единицами или фразеологизмами).

Фразеологизмы — это готовые сочетания слов. Они не производятся в речи (подобно свободным словосочетаниям типа *новый дом, идти в школу* и т. п.), а воспроизводятся: если говорящему надо употребить фразеологизм, то он извлекает его из запасов своей языковой памяти, а не строит его заново. Другое важное свойство фразеологических единиц: смысл каждой из них не складывается из смыслов входящих в нее слов. Так, *съесть собаку* означает «быть мастером в каком-нибудь деле»; собственные значения слов *съесть* и *собака* здесь не играют никакой роли.

Фразеологизмы различаются степенью спаянности их компонентов. Если эта степень максимальна, говорят о фразеологических сращениях. В таких оборотах некоторые компоненты (а иногда и все) непонятны: *попасть впросак, точить лясы, ничтоже сумняшеся*. Если компоненты фразеологизма спаяны меньше: каждый из них — обычное слово, но общий смысл выражения также не равен сумме значений составляющих (хотя и мотивирован этими значениями), — перед нами фразеологическое единство: *тянуть лямку, намылить шею, мелко плавать* и т. п. Наконец, третий разряд — фразеологические сочетания. В них один из компонентов имеет так называемое связанное употребление: *злость берет, щекотливый вопрос* и под. Слова *брать* (в этом значении), *щекотливый* употребляются не свободно, связанно: нельзя, например, сказать «радость берет» или «щекотливая задача».

Фразеологизмы — это почти всегда яркие, образные выражения. Они — важное экспрессивное средство языка.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СТИЛИ ЯЗЫКА

В распоряжении человека, владеющего литературным языком, есть как бы целый набор вариантов, каждый из которых предназначен для употребления в определенной сфере жизни. И в этом умении выбрать соответствующий случаю вариант литературного языка и заключается владение языком. Варианты литературного языка, которые обусловлены различными сферами общения, называются функциональными стилями языка.

Система функциональных стилей различна у разных народов и в разные эпохи существования языка. Для большинства современных литературных языков можно выделить следующие функциональные стили: обиходно-бытовой, газетно-публицистический, профессио-

нально-технический, официально-деловой и научный.

Вот образцы некоторых функциональных стилей русского языка.

Обиходно-бытовой стиль:

«За месяц до отъезда из Москвы у нас не стало денег — это папа готовился к рыбной ловле... И вот началась ловля. Уселся отец на берегу, разложил все свое хозяйство, опустил садок в воду, закинул удочки — нет рыбы...» (А. Яшин. Сладкий остров).

Газетно-публицистический стиль:

«Движение за европейскую безопасность за десять лет прошло большой путь. Оно стало влиятельной силой, способной воздействовать на развитие международной обстановки на укрепление климата доверия между государствами и народами» (из газеты).

Профессионально-технический стиль:

«Для замены перегоревшей лампочки разобрать велофару, для чего вывернуть винт 8 крепления накладки к корпусу. При этом необходимо помнить, что на рефлектор 6 давят контактирующие пружины 2, 5, что может привести к выбрасыванию оптического элемента...» (Инструкция по уходу и эксплуатации фары велосипедной).

Каждый стиль имеет лексические и грамматические особенности. Например, яркая примета профессионально-технического и научного стилей — специальные термины; официально-деловой стиль склонен сохранять устаревшие слова (*таковой, каковой* и под.), а в газетно-публицистическом стиле такие слова могут служить целям иронии (*словеса, вещать, благонамеренный*). Синтаксис официально-делового и научного стилей характеризуется полнотой, развернутостью, логической последовательностью изложения, что совершенно не свойственно стилю обиходно-бытовому — в нем, напротив, не редкость неполные, незаконченные фразы, с перебивами логической связи.

Функционально-стилистические границы в современных языках очень тонки и сложны. Многие единицы одного стиля могут употребляться в других функциональных разновидностях языка. Следует, однако, различать употребление слова в типических для него обстоятельствах, в которых оно регулярно воспроизводится, где оно легко предсказуемо, и в нетипичных условиях с особым заданием. Ска-

жем, слова с официально-деловой окраской могут быть употреблены в любом другом стиле и даже в поэзии, как, например, в известном стихотворении К. М. Симонова: «Я вас обязан известить, /Что не дошло до адресата Письмо,/ что в ящик опустить / Не постыдились Вы когда-то...» Слова *известить, адресат* и другие выполняют здесь особое стилистическое задание, показывая холодно-официальный тон общения с человеком, совершившим жестокий, неблагородный поступок. Типичным же, регулярным является использование подобных слов в официально-деловом общении, где они воспринимаются как норма этого стиля: *Извещаем Вас, что адресат выбыл.*

ХЕТТСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ. ЕЕ ДЕШИФРОВКА

В глубокой древности на территории Турции и Сирии существовала могущественная держава, которая была соперницей Египта и Двуречья,— третья великая держава Древнего Востока.

Раскапывая города хеттов — такое имя носили жители этой древней страны, — ученые нашли десятки тысяч глиняных табличек, покрытых клинописными знаками. Ученые могли читать их, но понимали далеко не всё. Большая часть текстов была написана на аккадском (вавилонском) языке, хорошо известном востоковедам. Этот язык был на Древнем Востоке своего рода «латынью», международным языком науки и дипломатии. Но многие тексты скрывали какой-то другой язык. Какой? Вывод напрашивался сам собой: конечно же, хеттский! Но как разгадать его тайну? Какой из известных науке языков нужно привлечь, чтобы найти ключ к загадке хеттов?

Быть может, это какой-нибудь из многочисленных и своеобразных языков Кавказа? Ведь именно на Кавказе сохранились древнейшие языковые традиции, именно там прослеживается глубокая связь с древними культурами Малой Азии. Но тщетны были попытки исследователей открыть «кавказским ключом» тайну хеттского языка. Столь же безуспешны были поиски других «ключей-языков»: египетского, шумерского, древнееврейского, даже японского и языка инков Перу!

И все-таки ключ был найден. Причем открытие было настолько удивительным, что вначале мало кто мог поверить ему: уж слишком неожиданным оказался этот ключ. Сравните сами: хеттское слово «дулуга» означает «долгий, длинный». Хеттское «вадар» и русское «вода» имеют одинаковое значение, так же как хеттское «хаста» и русское «кость», хеттское «небис» и русское «небеса». И по-русски, и по-хеттски числительное 3 звучит как «три». Хеттский язык оказался родствен русскому! И не только русскому, но и английскому, греческому, литовскому и другим языкам великой индоевропейской семьи.

Ранее считалось, что самые древние тексты на индоевропейских языках дошли до нас в древнейшем индийском эпосе «Ригведа», сложившемся в середине II тысячелетия до н.э. Открытие тайны хеттского языка позволило ученым глубже проникнуть во тьму времен, вплоть до XVIII в. до н.э. Этим временем датируется древнейший хеттский, а следовательно, и индоевропейский памятник письменности, так называемая надпись царя Аниттаса.

Тайну хеттского языка удалось раскрыть гениальному чешскому ученому Бедржиху Грозному. Б. Грозный использовал принципы сравнительно-исторического метода. Ведь надо было найти не простое сходство по звучанию и по смыслу хеттских слов со словами других индоевропейских языков, а закономерное соответствие между хеттскими звуками и звуками латинскими, древнегреческими, готскими, санскрита и т. д.! Найти в словах, в морфемах, при сходстве их значения (см. *Сравнительно-исторический метод*).

Именно так работал Б. Грозный. И обнаружилось, что хеттские данные позволяют глубже и точнее изучить прошлое индоевропейских языков, помогают развитию и совершенствованию сравнительно-исторического метода.

Но кроме клинописи хетты пользовались и рисуночным, иероглифическим письмом. На протяжении шести десятилетий тщетными были попытки проникнуть в смысл иероглифов Малой Азии, хотя их предпринимали такие корифеи, как Бедржих Грозный. Наконец, в 1930 г. ученым из Италии, Германии, США удалось найти иероглиф, передающий понятие «сын», и в связи с этим разгадать генеалогию хеттских царей. Вслед за тем была выявлена типичная для многих древних надписей «формула проклятия» в адрес тех, кто посмел бы повредить надпись, — это помогло выяснить строй предложения.

И все-таки данных было слишком мало, чтобы с достаточной уверенностью определить, на каком же языке написаны иероглифические тексты.

Осенью 1947 г. на холме Каратепе — «Черная гора» — археолог Боссерт нашел несколько длинных надписей, часть которых сделана иероглификой, а часть — финикийскими письменами. Это была «билингва», текст, написанный на двух языках, содержание обоих частей текста совпадало! Причем, к радости и удовлетворению ученых, чтение знаков и грамматические формы, установленные ранее на основе анализа структуры текстов, в основном подтвердились. Двуязычный текст из Каратепе, таким образом, был не началом дешифровки, а ее подтверждением и завершением.

Данные «билингвы» подтвердили предположение, ранее оспариваемое, о том, что язык иероглифов Малой Азии — индоевропейский. Правда, он несколько отличался от хеттского, но состоял с ним в тесном родстве. После этой находки Боссерта дешифровка иероглифов Малой Азии двинулась вперед семимильными шагами.

И все-таки в изучении иероглифического письма Малой Азии до сих пор еще много неясного, а древнейшие надписи и сегодня не прочтены. На территории Армении, где когда-то существовало государство Урарту, найдены иероглифические надписи, сделанные как хеттским рисуночным письмом, так и письмом совершенно особым, «протоурартским», которое остается загадкой для исследователей.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА. ЕЕ ЯЗЫК

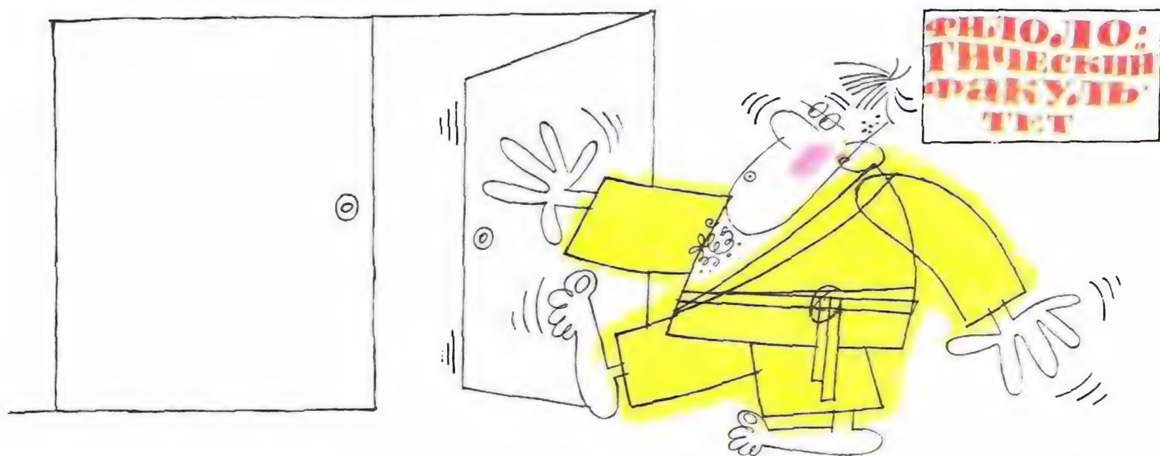
Область художественной литературы необъятна. Разноязычная мировая литература насчитывает сотни выдающихся художников слова и многие тысячи менее известных беллетристов, внесших свой заметный вклад в словесное искусство. Не забудем про фольклор, мифы различных народов мира — они тоже наше общее достояние. И все это богатство создано и создается с помощью языка. Недаром М. Горький назвал язык первоэлементом литературы.

Чем отличается язык писателей от того языка, нормами которого вы уже овладели в школе?

Начнем с элементарного примера. На 16-й странице «Литературной газеты» вы встречаете непритязательную фразу: «На моем месте так поступил бы кажный», — сказал мастер спорта по самбо В. Чупраков, успешно сдав вступительные экзамены на филологический факультет», — и улыбаетесь. Цель сатиры достигнута. Возник образ Чупракова, автор удачно обыграл разные значения слова *поступить,* поиронизировал и над погоней за дипломами, и над погоней за спортсменами. Но достаточно ли глубоко осознаете вы тот факт, что, если бы вы сами слово *каждый* произносили как [ка́жный], до вас бы дошла не вся соль этой фразы? Вот почему важно овладеть нормами литературного языка, школьной программой. Без этого нельзя оценить даже самые простые клеточки в ткани художественного произведения. О более сложных нечего и говорить. Чупраковы лишают себя возможности высокого эстетического наслаждения искусством слова. Мы говорим с ними на одном и том же языке, но понимаем этот язык по-разному. Языкового равенства между нами нет: мы уже поднялись на какой-то из этажей огромного здания языковой культуры, а Чупраков топчется у входа, хотя двери открыты...

«Когда чувство нормы воспитано у человека, — писал о такой ситуации академик Л. В. Щерба, — тогда-то он начинает чувствовать всю прелесть обоснованных отступлений от нее». Не овладел нормами литературного языка — пиши пропало, язык художественной литературы останется для тебя книгой за семью печатями: слова вроде бы все знакомые, а смысл целого не охватить.

Но тут нас прерывает чуть-чуть понаторевший Чупраков, «просочившийся» уже на второй курс, и заявляет, что он прочел недавно «Капитанскую дочку» — и всё-всё понял. Под «всем-всем» он, впрочем, как оказалось, разумел лишь сюжетный скелет, проглотив пушкинскую повесть как расхожий детектив. Когда же его спросили, почему в стихотворном эпиграфе к главе «Арест» слово *сударь* приходится читать с ударением на последнем слоге, Чупраков ответил, что иначе это слово не влезало в стих, а вообще-то он стихов терпеть не может и эпиграфы пропускал. Было слышно, как портрет А. С. Пушкина, присутствовавший при нашей беседе, произнес что-то вроде: «Времен новейших Митрофан», цитируя другого классика — М. Ю. Лермонтова. А мы получили наглядный



урок — дополнение к высказыванию Щербы: для надлежащего понимания художественного текста, созданного в отдаленную от нас эпоху, необходимо иметь представление и о языковых нормах того времени, а также об их возможных колебаниях (слово *сударь* во времена Пушкина и Лермонтова допускало ударение на последнем слоге).

Оставим, однако, самоуверенного Чупракова. Вернемся к отличиям художественного текста от обычного. Коротко говоря, они состоят в способности художественного текста к таким «приращениям смысла» у знакомых слов, которые превращают их в образы, служат образному отражению действительности.

Здесь в распоряжении писателя оказываются такие мощные и вместе с тем хрупкие средства художественного познания, как сравнение и метафора и многие другие тропы и фигуры. Конечно, ими пользуется и каждый из нас, если он творчески относится к языку, но наша повседневная речь использует их от случая к случаю, как бы равняясь на образцы, которые в изобилии содержит художественная литература. Это не значит, что поэт только и думает о том, чтобы ввернуть эдакую неслыханную метафору. Художником слова должно руководить в его отношении к языку «чувство соразмерности и сообразности» — таков завет поэта.

Но этот завет нельзя понимать слишком буквально. Ведь Пушкину принадлежит и другой завет: писателя «должно судить по законам, им самим над собою признанным». Это значит, в частности, что прозаик и поэт сами

ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ ВИНОГРАДОВ (1895—1969)

В лице замечательного советского филолога, академика Виктора Владимировича Виноградова объединялись лингвист и литературовед; это редкость в филологии XX в. Виноградов окончил Петербургский университет и Петроградский археологический институт. Его учителями были академики А. А. Шахматов и Л. В. Щерба.

Научные интересы ученого были необыкновенно широки. Свою первую печатную работу он посвятил самосожжению старообрядцев. Другое раннее исследование — по проблемам исторической фонологии. В 20-е гг. Виноградов входил в круг русских ученых, которые увлеченно изучали строение художественных произведений. В то время он писал такие интереснейшие книги, как «Этюды о стиле Гоголя» (1923), «Гоголь и натуральная школа» (1925), «О поэзии Анны Ахматовой» (1925), «Эволюция русского натурализма: Гоголь и Достоевский» (1929).

Виноградову принадлежит заслуга создания двух лингвистических наук — истории русского литературного языка и науки о языке художественной литературы. Его книги «Язык Пушкина» (1935), «Язык Гоголя» (1936), «Стиль Пушкина» (1941), «Стиль прозы Лермонтова» (1941) представляют огромный интерес не только для профессионала-филолога, но и для широкого читателя.

Виноградов очень много сделал и для собственно лингвистического изучения русского языка. Его труд «Русский язык. Грамматическое учение о слове» (1947; удостоен Государственной премии в 1951 г.) — настольная книга каждого лингвиста.

Велики заслуги В. В. Виноградова в области лексикографии, лексикологии и фразеологии. Он был одним из составителей первого научного Толкового словаря русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова, одним из редакторов академических словарей русского литературного языка, руководил работой по составлению Словаря языка А. С. Пушкина. Виноградовские классификации типов лексических значений слова и видов фразеологических единиц до сих пор широко используются в вузовском преподавании и в исследовательской работе. Его перу принадлежит множество этюдов по истории отдельных слов и групп слов, собрание которых составляет увлекательнейшую книгу, значительную не только для истории русского языка, но и для истории русской культуры.

Виноградов воспитал целое поколение русских лингвистов. Долгие годы он был профессором Ленинградского университета (1920—1929), Московского государственного педагогического института и Московского университета (1930—1969), директором Института языкознания АН СССР (1950—1954), Института русского языка АН СССР (1958—1968). Он был создателем и главным редактором (1952—1969) лингвистического журнала «Вопросы языкознания». Много сделал Виноградов для развития славистики, был председателем Международного комитета славистов. Многие зарубежные академии наук избирали В. В. Виноградова своим членом: Болгарская, Польская, Румынская, Французская, Датская и др.

устанавливают пределы тех «обоснованных отступлений» от норм литературного языка, о которых писал Щерба. Так, если Маяковский широко использует словотворчество, а Есенин или Шолохов — диалектные слова, бессмысленно ставить им это в заведомую вину: надо овладеть своеобразным языком каждого из них и оценивать образные результаты, целостные системы их произведений.

Способы иносказания в языке современной художественной литературы исключительно разнообразны. Самая маленькая деталь, одно только слово, крошечная запятая, любое «чуть-чуть» способны под пером художника существенно изменить весь тон повествования, по-новому осветить текст произведения, придать ему неожиданный смысл.

Чупраков, разумеется, пробежит по следующим строкам А. Вознесенского с такой же легкостью, как по всем курсам филологического факультета:

Россия,
я — твой капиллярный сосудик,
Мне больно когда —
тебе больно, Россия.

Но поэт вправе ждать от нас, что мы обратим внимание на тире после слова *когда* и произнесем про себя эти строки так, как задумал и написал автор. А снимите мысленно тире и поставьте запятую перед *когда* — строки неузнаваемо изменятся. Поэтическая находка превратится в штамп, останется неузнанной, интонация строк и заключенный в них образ пройдут мимо поля вашего зрения.

В наши дни художник слова обладает почти не ограниченной свободой в выборе языковых средств, на которые в XVIII—XIX вв. и еще в начале XX в. отдельные направления в литературе пытались наложить ограничения и запреты. Тем не менее эта свобода не беспредельна. Она сопряжена с особой ответственностью современного писателя за высокую культуру отбора и использования средств соответственно целям творчества. Язык в художественной литературе — это средство изображения, выражения и преобразования как явлений действительности, так и самого языка, на котором мы говорим друг с другом. Это — средство воплощения языковых образов, которыми литература говорит со всем миром на своем национальном языке. Переводить такие образы на другой национальный язык иногда исключительно трудно. Ведь дух языка, его прелесть заключены и в его звуках, пушкинские слова *очей очарованье* и *презренной прозой*, хлебниковские *леса обезлосели* или *баклажаны бока отлежали* у Новеллы Матвеевой спаяны и смыслом, и синтаксисом, и фонетикой. Вероятность же того, что в каком-то другом языке слова с этими значениями окажутся настолько же близкозвучными, ничтожна.

Язык художественной литературы учит всех нас бережному и творческому отношению к родному языку — воплощению и приумножению богатств памяти народной.

ЦОКАНЬЕ

В некоторых русских говорах, преимущественно северных, не различаются ⟨ц⟩ и ⟨ч⟩: там говорят, например, *овца, лицо* и *свеца, плецо* или (реже) *овча, личо* и *свеча, плечо*. Неразличение ⟨ц⟩ и ⟨ч⟩ называют цоканьем. Это очень древняя диалектная черта: мена букв *ц* и *ч* встречается уже в новгородских памятниках XI в. (*царево* вместо *чрѣво*) и т. п.

Ученые считают, что цоканье возникло под иноязычным влиянием: в древности угро-финские племена жили в тесном соседстве с русскими. В речи этих племен фонемы, близкие к русским ⟨ц⟩ и ⟨ч⟩, не различались; впоследствии эта фонетическая особенность проникла и в русские говоры. Это могло произойти потому, что цоканье не мешало различать слова (по смыслу), так как в русском языке мало слов, которые различались бы только этими согласными (например, *цыкнуть* — *чикнуть*).

Ч, Ш, Э, Я

ЧАСТИ РЕЧИ

Части речи — это грамматические классы слов.

В изолирующих языках, где нет морфологии, нет и частей речи. Одно и то же слово выступает то как подлежащее, то как сказуемое, то как дополнение, то как определение. Члены предложения есть, а частей речи нет. Части речи есть в тех языках, где существует морфология; классификация по частям речи — морфологическая.

В основе современной научной классификации частей речи лежит принцип их изменяемости по родам, числам, падежам, лицам, наклонениям, временам. Эти грамматические категории указывают на некоторые существенные отличительные признаки каждой части речи. Рассмотрим их на примере русского языка.

Так, существительные — это слова, которые изменяются по падежам и числам. Что выражено в этой способности существительного — изменяться таким образом? Этими формами словоизменения передается значение существительных: в них грамматически выражено значение предметности. Предметом назовем все, что мыслится самостоятельно, как отдельность (в том числе и свойства, качества: *синева, строгость* и т. п.).

Прилагательные — это слова, которые изменяются по падежам, числам и родам. Этими формами словоизменения передается общее значение прилагательных: в них выражено грамматически значение непроцессуального признака. Непроцессуальный — значит не изменяющийся во времени. Так он представлен в прилагательных.

Числительные — это слова, которые изменяются только по падежам. Этим в них грамматически представлено, что они имеют отношение к счету. Заметьте: в так называемых порядковых числительных грамматически отношение к счету не представлено, грамматически они ничем не отличаются от прилагательных.

Наречия — это слова, которые не изменяются и тем самым грамматически знаменуют, что они — признак признака. Это проявляется в том, что они обычно относятся к глаголам и прилагательным, т. е. к словам, грамматически обозначающим признак.

Глаголы — это слова, которые изменяются по наклонениям и временам. Этими формами словоизменения передается общее значение глаголов: в них грамматически выражено значение процессуального признака.

Куда делись местоимения? Они — не грамматический класс слов. В каждой части речи есть свой уголок местоимений (см. *Местоимение*). То и дело среди лингвистов раздается радостный клич: найдены признаки, которые позволяют местоимения считать особой частью речи. При ближайшем рассмотрении оказывается, что это не те признаки, по которым выделены остальные части речи, и даже не соотносительные с этими признаками.

Почему эта классификация не совсем совпадает с той, которую изучают в школе? Практическая рубрикация и научная классификация часто не совпадают друг с другом.

Так и с частями речи: в школе их выделяют, сообразуясь с задачами педагогической практики. Практически удобно «ссыпать» в одно место все местоименные слова. Методически удобно держать их вместе и направлять внимание учеников на их необычные формы склонения, на особенности их употребления. Поэтому школьное разделение на части речи по-своему разумно: оно приспособлено к методике преподавания, чтобы ученику легче было схватить сложные языковые явления. Строго же научное воззрение на язык требует полной последовательности и верности избранному принципу.

ЧЕХОВ А. П. ЯЗЫК ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Путь Антона Павловича Чехова в большую литературу был необычным. С 1880 по 1887 г. он сотрудничал в газетах и юмористических журналах («Стрекоза», «Осколки», «Будильник» и др.), где помещал рассказы, юморески, сценки, анекдоты, афоризмы, составлял шуточные объявления, календари, юмористические словари, вопросы и ответы и т. п. Роль «юмористического» прошлого в создании новаторского художественного мышления Чехова оказалась значительной. Многие художественные принципы, выработанные в это время, навсегда останутся в его прозе: никаких предварительных подробных описаний обстановки, экскурсов в прошлое героев и прочих подступов к действию — оно начинается сразу (разговор героев «надо передавать с середины, дабы читатель думал, что они уже давно разговаривают»,— отмечал Чехов в одном письме), отсутствие развернутых авторских рассуждений, их сугубая сжатость (там, где они есть вообще); и в ранних же произведениях — истоки знаменитых чеховских пейзажей. «Юмористическое» происхождение имеют и многие известные особенности чеховской драматур-

А. П. Чехов. Портрет работы В. Серова.

гии — не связанные с действием или бессмысленные реплики персонажей, непонимание друг друга.

В основе сюжета юмористического рассказа лежит не биография героя или решение какой-то общей проблемы, а некая очень определенная бытовая коллизия, ситуация. Герой попадает не в ту обстановку (вместо своей дачи — в курятник), героя принимают за другого (проходимца за лекаря), простое, обыденное действие приводит к неожиданным результатам (человек умирает из-за того, что чихнул в театре) — все это коллизии, построенные на повседневных бытовых отношениях; без них не может существовать юмористический рассказ. Он может обладать глубоким содержанием — но оно надстраивается над этой предельно конкретной ситуацией. В ранних рассказах Чехова ситуация обозначается часто в первой же фразе. Мы еще не знаем — *кто*, но нам уже сообщено — *где* и *что*; «На вокзале Николаевской железной дороги встретились...» («Толстый и тонкий»).

Герой юмористического рассказа погружен в мир вещей: он не существует вне ближайшего предметного окружения. И он изображается в бане, в больнице, в вагоне поезда, конки, с удочкой в руках; он «сращен» с обступившими его вещами. Таким же представляет человека и зрелый Чехов — важные философские диспуты его героев идут, например, во время купания, в тарантасе и т. п.

Он беспрестанно обращался к новым формам, ситуациям из все новых и новых сфер жизни. Трудно назвать тот социальный слой, профессию, род занятий, которые не были бы представлены среди его героев: крестьяне и помещики, приказчики и купцы, полицейские, надзиратели и бродяги, следователи и воры, гимназисты и учителя, чиновники — от титулярного до тайного, солдаты и генералы, репортеры и писатели, дирижеры и певцы, актеры, художники, кассиры, священники, банкиры, адвокаты, охотники, почтальоны, дворники... Рождался писатель универсального социального и стилистического диапазона.

Вместе с этими героями в рассказы Чехова входил и их язык. Они говорят о гербовых сборах с залоговыми квитанциями («Житейские невзгоды»), атласе с муаром, кружевах бумажных, рококо, камбре («Полинька»), антисептике, тракции, козьей ножке («Хирургия», «Аптекарша», «В аптеке»), обсуждают достоинства револьверов тройного действия, центрального боя, капсильных («Мститель»), сообщают непосвященным, что такое галсы, фок, грот, брамсели и бомсалинги («Свадьба с генералом»). Диапазон лексики разных профессий и сфер все увеличивается. Расширение области изображения по сравнению с предшествующей литературой было тесно связано с более широким использованием самых разнообразных речевых стилей.

Огромную роль играет здесь не только словарь, но и характер повествования: рассказ может вестись, например, прямо от автора или от лица героя. К 1887 г. у Чехова сформировался такой тип повествования, когда внешне нить повествования ведет автор, но всё — обстановка, пейзаж, портреты людей — описывается так, как это видит главный герой рассказа. Автор как бы не вмешивается, и его точка зрения открыто в тексте не проявляется. Это создает объективность, знаменитую сдержанность чеховской прозы.

Утверждение этого способа повлияло на язык Чехова в целом. Если раньше слова разных речевых стилей встречались в языке персонажей, то теперь они входят непосредственно в речь самого повествователя (в основном в форме, которую называют несобственно прямой речью). В речь автора широко входит общественно-публицистическая, философская, научная лексика и фразеология, церковно-богословская, просторечная, в повествование вливаются стили официально-деловой, профессионально-технической речи, термины военного дела, фразеология художнической богемы и т. п. Но особенность зрелого Чехова состоит в том, что теперь он из этих стилей выбирает слова, не выделяющиеся резко из общего языка, стоящие на грани специального и общелитературного употребления. В стиле

Иллюстрация Д. Кардовского к рассказу А. П. Чехова «Каштанка».

Иллюстрация М. Головина к пьесе А. П. Чехова «Три сестры».

Чехова нет резких перепадов и «сломов»: он производит удивительно единое впечатление.

Повествование Чехова менялось. После 1894 г. в него, наряду с голосом героя, входит голос самого автора, дающего оценку героев, событий. Разумеется, это не похоже на открытые публицистические авторские высказывания И. С. Тургенева или Л. Н. Толстого. Голос автора сдержан, часто он как бы сливается с голосом героя, возникают пронизанные лиризмом размышления. Всё бóльшие части текста у позднего Чехова организуются по принципу поэзии — с особым мелодико-синтаксическим строением, эмоциональным настроем.

При изменившемся строении повествования не изменился основной принцип изображения — через воспринимающее лицо. Этот принцип и до Чехова использовался в русской литературе. Но никогда еще в поэтике от него не зависело столь многое.

Мир в восприятии реального наблюдателя, находящегося внутри изображенного пространства и времени, предстает в некоем смешении черт главных и неглавных, мелких, временных. Создается эффект изображения мира в его текучести, «неотфильтрованной» полноте. Например, в эпилоге рассказа «Новая дача» сообщаются факты, весьма существенные для жителей Обручановки: что продана дача, что умер Козлов, что они «живут по-прежнему бедно». Но в этот ряд неожиданно вторгаются детали, по значимости несравнимые: что чиновник пьет на террасе чай и что у одного из героев выросла длинная рыжая борода.

Редкая статья о мастерстве Чехова обходится без упоминания о ружье, которое должно выстрелить в конце рассказа или пьесы, т. е. что любая деталь, изображенная вначале, «оправдывается» в дальнейшем развитии сюжета. На самом деле художественный мир Чехова строится по принципу совершенно иному, чем в дочеховской литературной традиции. Деталь дана не потому, что она нужна непосредственно для данной сцены или для сцены соседней, где она «выстрелит». Она присутствует здесь затем, что явление видится и рисуется во всей его цельности, со всеми его подробностями, важными и неважными, изображается целостный поток текущего бытия. Это и было то новое видение мира и человека, тот новый стиль их изображения, который открыл в литературе Чехов.

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Мы постоянно что-нибудь считаем: дни, часы, минуты; считаем количество прочитанных страниц, число забитых голов на футбольном поле... А между тем имя числительное — самая немногочисленная часть речи, она насчитывает всего несколько десятков слов.

Частое обращение к числам в жизни требует упорядоченного использования имен числительных в речи. Предпочтение, отдаваемое именно данному, а не иному варианту, оправдывается условиями контекста, определенной речевой обстановкой. Подтвердим это примерами.

1. Мы говорим: *Библиотека пополнилась одной тысячей новых книг* (в официальном стиле, в книжной речи), но мы скажем: *Забросали нас тысячью пустяковых вопросов* (в разговорной речи). В первом примере слово *тысяча* — существительное в творительном падеже (сравните: *задачей*), которое управляет

Ч

следующим за ним существительным; во втором — *тысяча* — числительное (сравните: *пятью*).

2. Нельзя смешивать формы составных числительных количественных и составных числительных порядковых. Так, в сочетаниях *Прошли расстояние в тысячу пятьсот метров* и *Поездка состоится в тысяча девятьсот восемьдесят третьем году* — различие в форме слова *тысяча* объясняется тем, что в первом случае перед нами составное количественное числительное в форме винительного падежа, а во втором — составное порядковое числительное, в котором по правилу склоняется только название последней цифры. Поэтому неправильно говорить: «...в тысячу девятьсот восемьдесят третьем году».

3. Обратим внимание на порядок слов в сочетаниях числительных с существительными. В предложении *В классе — человек тридцать* указывается приблизительное количество, а в предложении *В классе — тридцать человек* количество указано точно.

4. Слово *человек*, которое во множественном числе имеет форму *люди*, в сочетании с числительными сохраняет начальную форму: *пять человек, пяти человек, пяти человекам* и т. п. При наличии определения возможно употребление слова *люди: пять незнакомых людей*.

5. Как прочитать предложение: *Каждому ученику в начале учебного года дали по 5* (пяти? пять?) *тетрадей*? Дело в том, что предлог *по* в распределительном значении («каждому одно и то же количество») сочетается с числительными по-разному: 1) *по одному карандашу;* 2) *по два, три, четыре карандаша;* 3) *по пяти, шести карандашей*. Но в последнем случае сейчас преобладает другой вариант: предлог *по* сочетается не с дательным падежом, а с винительным: *по пять, по двадцать, по сорок*.

6. Сопоставим сочетания *два ученика — двое учеников*. Числительные *два* и *двое* употреблены в них как синонимы. А можем ли мы построить аналогичную пару: *две ученицы — двое учениц*? Оказывается, нет. Собирательные числительные могут сочетаться:

а) с существительными мужского и общего рода, называющими лиц мужского пола: *двое друзей, трое сирот* (но не: *трое учительниц*);

б) с существительными, имеющими формы только множественного числа: *двое суток, трое саней*;

в) с существительными *дети, ребята, люди: двое детей, трое ребят, четверо молодых людей;*

г) с личными местоимениями *мы, вы, они: нас (вас, их) трое*.

Наши примеры иллюстрируют лишь часть правил употребления русских числительных. Но и они дают представление о том, насколько непросты, причудливы эти правила.

ЧИСЛО У ИМЕН

Количество, число предметов обозначается в языке не только при помощи специальных слов (*один, два, семь, сто, несколько, множество* и др.). Оно выражается также и в самих грамматических формах существительных. Однако грамматика выражает количественные значения своеобразно. В бесконечном ряду чисел современная русская грамматика различает только две величины: один (ед. ч.) и более одного (мн. ч.). В древнерусском языке было три формы числа: единственное (один предмет), двойственное (два предмета) и множественное (более двух предметов). Например, *нога* (ед. ч.), *нозѣ* — (дв. ч.) и *ноги* (мн. ч.). Современные формы *очи, колени, плечи, рукава* — это бывшие формы двойственного числа, которые вытеснили старые формы числа множественного: *очеса, колена, плеча, рукавы.*

Когда двойственное число утратилось, т. е. два предмета стали обозначаться так же, как и большее число предметов, одна из форм числа стала лишней. Обычно утрачивалась форма двойственного числа, а форма множественного числа изменяла свое числовое значение. Она уже означала «более одного предмета», а не «более двух», как раньше. Но у названных парных предметов, которые раньше чаще употреблялись в двойственном числе, чем во множественном, в ряде случаев утратилась более редкая форма множественного числа, а форма двойственного сохранилась, но стала обозначать число предметов более одного. Некоторые из старых форм множественного числа: *колена, плеча* — еще встречаются в литературе XIX в. наряду с формами *колени, плечи*: «И пал без чувств он на колена...» (А. С. Пушкин).

Форма двойственного числа, известная многим древним языкам, существует и в некоторых современных языках различных групп: в словенском и серболужицком (славянские языки), хантыйском и вогульском (языки угро-финской группы). Есть языки, где существует специальная форма не только для обозначения двух, но и трех предметов (тройственное число). Тройственное число известно в некоторых племенных языках Австралии, Новой Гвинеи, Новых Гебрид, Меланезии, языках индейцев Америки. Таким образом, грамматики различных языков «ведут счет» по-разному, что можно выразить в такой схеме:

один	много		
один	два	много	
один	два	три	много

Значения форм числа существительных в русском языке не исчерпываются указанием на число предметов. Так, форма единственного числа указывает не обязательно на один предмет. Если речь идет о конкретных отдельных предметах, форма единственного числа указывает на то, что предмет один: *На поляну выбежал волк; Наша липа уже зацвела; Издан новый закон.* Но та же форма обозначает и вид предмета без указания на число: *Волк — хищное животное; В Москве липа зацветает в конце июня; Перед законом все равны.* Поскольку форма единственного числа может обозначать предмет без указания на число, то предметы, которые вообще нельзя считать, обычно имеют форму единственного числа (*честь, любовь, здоровье, развитие, творог, молоко*), хотя есть и отступления от этой закономерности (*хлопоты, сливки, отруби* и др.).

Форма множественного числа употребляется, когда речь идет о неопределенном количестве предметов. Так, если кто-то спрашивает другого, есть ли у него родственники, то он интересуется, одинок ли человек или у него есть кто-то родной. А это может быть как один человек, так и более.

У названий предметов, которые нельзя считать, форма множественного числа (если она употребляется) имеет другие значения. Например, у существительных с вещественным значением она может обозначать разные сорта вещества (*масла́, ви́на, табаки́*) или большие пространства, заполненные веществом (сравним: *Караван затерялся в песках* и *Монета упала и затерялась в песке*). Множественное число может указывать на длительность или повторяемость явлений (*Стояли морозы, Отца замучили боли*).

При всем многообразии значений множественного числа у названий неисчисляемых предметов они все же несут ту или иную количественную характеристику. Исключение составляют только те слова, у которых нет формы единственного числа, а потому нельзя четко определить и значение множественного (*сани, ножницы, хлопоты* и т. п.): ведь значения грамматических форм проявляются в их противопоставлении.

Иногда один и тот же смысл может быть передан как формой единственного, так и формой множественного числа. Тогда выбор определяется стилистическими задачами. Так, например, писательница Н. И. Ильина в своих воспоминаниях («Дороги») говорит о языковеде А. А. Реформатском: «Верный завету своего учителя (Д. Н. Ушакова), Реформатский любил студента. Студент платил ему тем же». Ту же самую мысль можно выразить и иначе: *Реформатский любил студентов. Студенты платили ему тем же.* Однако форма, которую выбрала Н. И. Ильина, делает выражение этой мысли более непринужденным, эмоциональным и образным. Реформатский любил студентов не отвлеченной головной любовью: его любовь к студентам выражалась в теплом, доброжелательном и заинтересованном отношении к каж-

дому конкретному человеку. А этот оттенок очень ярко выражается формой единственного числа. Но именно эмоциональность и образность формы единственного числа делают ее стилистически окрашенной. Она на месте в разговорной речи, в художественном произведении, но выглядела бы странно в официальной характеристике. А форма множественного числа стилистически нейтральна — возможна во всех видах речи.

В других случаях стилистически окрашена может быть форма множественного числа. Сравним, например: *Они целый день пьют чай* и *Они целый день пьют (распивиют, гоняют) чаи.*

Формы числа у прилагательных играют в языке совсем другую роль, чем у существительных. Формы числа существительных связаны с различием числа предметов в реальном мире, хотя отражают эту связь по законам грамматики данного языка. Формы числа прилагательных не отражают реальных различий в тех признаках, которые они обозначают, а зависят лишь от формы существительного (*белая шляпа* и *белые шляпы*).

Правда, есть случаи, когда при существительном мн. ч. имеются прилагательные в ед. ч. (*белая и черная шляпы*). Ед. ч. здесь указывает, что каждый признак относится к одному из предметов.

ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Учение о членах предложения составляет давнюю традицию синтаксической науки. Для современной лингвистики члены предложения — это составные части предложения, различающиеся по своей функции. Их набор определяет формальную организацию предложения и до известной степени организацию его смысла.

Различаются главные и второстепенные члены предложения. К главным относятся сказуемое и подлежащее.

Сказуемое — самый необходимый член предложения, потому что оно является носителем предикативности (см. *Предикативность и полупредикативность*). Основной выразитель предикативности — спрягаемые формы глагола. В русском языке кроме спрягаемых форм глагола предикативность может выражать еще и инфинитив, который в этом случае является сказуемым (сравним: *Ребенок плачет — Ребенок плакать; Я уйду — Мне уйти?*).

Если в роли сказуемого употребляется какая-либо из форм имени (существительного или прилагательного), то ее обязательно сопровождает связка, т. е. похожее на глагол служебное слово *быть*, оно стоит в спрягаемой форме или в инфинитиве и выражает значение предикативности, которое именная форма сама по себе выразить не может: *Саша будет ученым — Быть Саше ученым; Не была бы зима холодной — Быть зиме холодной.* В настоящем времени значение предикативности передает нулевая форма связки: *Саша — ученый; Зима холодная.* Слово *быть*, употребленное как связка, не несет никакого другого смысла, кроме грамматического значения предикативности (не называет никакого действия или состояния).

Связкой может быть и глагол более содержательный: *Саша стал ученым; Зима оказалась морозной.*

Подлежащее — член предложения, форма которого влияет на форму сказуемого: сказуемое согласуется с подлежащим, уподобляясь ему в числе и роде или лице, сравним: *Свинец плавился — Медь плавилась, Олово плавилось; Молоко скисло — Сметана скисла, Сливки скисли; Я ухожу — Ты уходишь.*

Для подлежащего обязательна форма именительного падежа. Косвенные падежи, хотя они могут иметь совершенно такой же смысл, как именительный падеж (например, обозначать предмет, который является производителем действия или носителем состояния), не выполняют грамматической функции подлежащего. Это видно из того, что с ними сказуемое не согласуется; сравним: *Он был нездоров; Она была нездорова — Ему / ей нездоровилось; Он мерз; Они мерзли — Его / их знобило; Завтра я дежурю; Завтра ты дежуришь; Завтра мы дежурим — Завтра мне / тебе / нам дежурить.* Косвенные падежи всегда указывают на второстепенные члены предложения.

Значение, которое подлежащее вносит в предложение, состоит в обозначении участника события, называемого предложением. Этот участник может быть активным — таким, от которого исходит действие или состояние (это субъект), и пассивным — таким, на которого действие направлено (объект); сравним: *Музыкант исполняет пьесу — Пьеса исполняется музыкантом; Течение унесло лодку — Лодка унесена течением.*

Определить, какой из главных членов: подлежащее или сказуемое — главнее, трудно, потому что их главенство проявляется по-разному и в разных сферах организации предложения. С одной стороны, сказуемое — выразитель предикативности, обязательной для любого предложения, а значит, оно самый главный член предложения; с другой стороны, сказуемое согласуется с подлежащим, приспосабливается к его форме, — значит, подлежащее главнее.

Есть предложения, строение которых предполагает место лишь для одного главного члена. А. А. Шахматов назвал такие предложения односоставными. Их единственный главный

член обладает основным свойством сказуемого: он выражает предикативность и потому или представляет собой спрягаемую форму глагола либо инфинитив (*По темной улице сыпало метелью; Ему не везет; Эти ягоды не едят; Здесь не проехать; Саду цвести*), или содержит в своем составе связку в спрягаемой форме (она может быть и нулевой) либо в инфинитиве (*С утра было холодно; Становится светло; Здесь уютно; Ему были рады; Быть грозе; Быть рекам чистыми*).

Второстепенные члены — это распространители главных. Второстепенные члены принято делить по значению на определения, дополнения и обстоятельства.

Определение дает характеристику предмета, а потому определения являются распространителями существительных, а сами выражаются словами, которые могут характеризовать предмет. Типичным выразителем определения является прилагательное, но в роли определения могут выступать и многие другие слова, чаще других — косвенные падежи существительных.

Дополнение, подобно подлежащему, обозначает предмет, участвующий в событии: 1) такой предмет, на который действие (или состояние) прямо или косвенно направлено (объект): *Я нашел друга; Мы увидели море,* или 2) такой, от которого оно исходит (субъект): *Ему не везет; У детей промокли ноги.*

Обстоятельство имеет одно из двух разнородных значений: 1) дает качественную или количественную характеристику признака (действия, состояния или свойства); 2) обозначает условия, в которых существует называемое предложением событие (его место, время, причину, цель).

Обстоятельства со значением второго рода не похожи ни на какие другие члены предложения. Они выражаются обстоятельственными наречиями и косвенными падежами существительных, как правило, с предлогами. Внутри этого класса обстоятельств различаются разряды, которые выделяются по смыслу: обстоятельства места, времени, причины, цели.

ШТАМПЫ. КЛИШЕ

Термины «штамп» и «клише» пришли в лингвистику из техники и полиграфии. Штампом называют форму для серийного изготовления различных предметов (путем выдавливания или чеканки). Той же цели служат клише: с клише делаются отпечатки на бумаге или другом материале. И в технике, и в полиграфии штампы и клише — способ ускорения и облегчения производства. Стало быть, это благо.

А как обстоит дело в языке? У лингвистов, пожалуй, другое мнение. У них слово «штамп» часто имеет неодобрительную эмоциональную окраску: *речевой штамп, говорит штампами, штампованный язык...*

Штамп — это слово или сочетание слов, которое осознается говорящими как устойчивая и часто используемая форма (тот же смысл имеет и термин «клише»). Примеры штампов: *как известно, как было указано выше, необходимо подчеркнуть* и т. д.

Штампы создаются для того, чтобы облегчить пишущему (или говорящему) поиск речевых средств: они как бы всегда под рукой, на поверхности языкового сознания.

Потребность в штампах особенно велика в тех областях речи, где важна точность и однотипность в выражении мысли. Поэтому, например, так много готовых, клишированных оборотов в официально-деловом стиле речи: *поставить вопрос, принять меры, ввиду отсутствия, в целях улучшения* и т. п. В деловом документе все эти выражения не уродства (как иногда думают), а необходимые элементы стиля.

Штампованные выражения есть и в научной речи, например: *к вопросу о...* (в названиях научных статей), *решить проблему, как показывают наши данные, что и требовалось доказать* и под.,— и даже в бытовой разговорной речи — в тех случаях, когда говорящий находится в привычной, часто повторяющейся

Ш

ситуации. Это, например, ситуации обращения-вопроса: *скажите, пожалуйста; будьте добры, вы не скажете...; простите, как проехать...; кто последний?*

По этим примерам мы видим, что штамп необходим, но только на своем месте: в том стиле речи, в тех условиях общения, для которых он предназначен. Штампы и клише — полезное явление в речевой практике. Они становятся злом (потому что портят речь) в тех случаях, когда применяются не по назначению, неуместно.

ЭНАНТИОСЕМИЯ

Этим мудреным термином называют одну интересную разновидность антонимии (см. *Антонимы*). В буквальном переводе с греческого этот термин значит «противоположность значений внутри слова» (а обычные антонимы — это всегда разные слова).

Вот примеры энантиосемии: *бесценный* — это и «имеющий очень высокую цену» (*бесценные сокровища*), и «не имеющий никакой цены» (*бесценный товар;* это значение сейчас несколько устарело, но сохранилось в слове *бесценок*: *купил за бесценок*); *блаженный* — это и «в высшей степени счастливый» (*в блаженном состоянии*), и «глуповатый», «несчастный».

Как возникают подобные противоречия внутри значений одного слова? Чаще всего — в процессе длительного употребления слова в разных сферах языка. Так, слово *лихой* в книжном языке Древней Руси употреблялось только с отрицательным смыслом — «плохой, дурной». В народном же языке наряду с этим значением стало развиваться и положительное — «удалой, смелый». Возможный путь такого развития: лихим делом в старину называли преступление, лихие люди — это преступники, разбойники, т. е. отчаянные головы, удалые; отсюда не так далеко и до современных сочетаний *лихой рубака, лихой наездник* или *лихой водитель*.

Другой источник и причина энантиосемии — ироническое употребление слова. В результате такого употребления «плюс» в значении может смениться на «минус». Например, когда наши предки воздавали кому-либо хвалу, то об этом можно было сказать: *честили* (буквально: «воздавали честь»). У А. К. Толстого в «Песне о походе Владимира» есть такие строчки: «Цари Константин и Василий По целой империи пишут приказ: Владимир-де нас от погибели спас, Его чтоб все люди *честили*».

Но стоило начать обращаться с этим словом шутливо, иронически, как в нем развилось антонимическое значение «ругать, бранить, поносить». Это второе, производное значение живо и сейчас, а первоначальное забылось.

ЭТИМОЛОГИЯ

Этимология (от греч. *etymon* — «истинное (значение слова)» + *logos* — «учение, наука») — это наука о происхождении слов. Успехи этимологии теснейшим образом связаны с развитием в языкознании сравнительно-исторического метода (см. *Сравнительно-исторический метод*).

В Древней Греции и Риме, в средние века и в эпоху Возрождения господствовали преимущественно наивные объяснения происхождения слов, преобладавшие вплоть до XVIII в. включительно. Слова из разных языков сближались и истолковывались по разного рода случайным признакам — на основании их внешнего созвучия.

Важнейшее значение в этимологии имеют фонетический, словообразовательный и семантический аспекты исследования.

Одним из наиболее существенных достижений сравнительно-исторического метода в языкознании явилось установление четких фонетических соответствий между отдельными звуками в родственных языках. Причем определяющим здесь является именно наличие соответствия, а не внешнего созвучия. Например, русское *угол* и латинское *angulus* — «угол» не очень сходны по своему звучанию. Тем не менее перед нами — полное фонетическое соответствие. Но для того, чтобы убедиться в этом, нужно восстановить древнейшую форму слова *угол*. В древнерусском мы находим *угълъ*, а в старославянском — ѫгълъ. Это слово начиналось с буквы, называемой «юс большой», которая отражает носовой гласный, восходящий к сочетанию *an*. Учитывая, что ъ в славянских яыках явился разультатом преобразования *u*, мы можем восстановить праславянскую форму слова: **angŭlŭ*. Латинское *us* и праславянское — *ŭ* представляют собой «следы» индоевропейского окончания существительных мужского рода — **os*. Таким образом, и русское *угол*, и латинское *angulus* возводятся к индоевропейскому **angulos*.

Приведенный пример показывает, что фонетический аспект этимологического анализа предполагает знание законов фонетического изменения и знание фонетических соответствий между звуками родственных языков.

Не менее важное значение имеет словообразовательный аспект этимологического анализа. Слова в языке формируются обычно по той или иной словообразовательной модели. Анализ отдельных моделей позволяет этимологам реконструировать ряды слов, образованных по одной и той же модели. Включение в такой ряд этимологически неясного слова помогает определить его производящую основу, т. е. то слово, от которого оно было образовано.

Например, слово *каракатица* в русском языке является этимологически неясным. Слово это, как свидетельствует болгарское соответствие *кракатица*, преобразовалось (под влиянием аканья) из **корокатица*, сравните: *каравай* из *коровай* (последняя форма является нормой еще в словаре Д. Н. Ушакова). Словообразовательный ряд *дев-ица* ← *дева*, *курица* ← *кура* и т.д. позволяет слово **корокатица* возвести к **короката*. Эта реконструированная форма, в свою очередь, имеет суффикс *-ат-*, а это позволяет отнести ее к новому словообразовательному ряду: *полоса* → *полосата* (краткая форма прилагательного *полосатая*) — «имеющая много полос», *волос* → *волосата* — «имеющая много волос», **корок*(ъ) → *короката* — «имеющая много...?». В русском языке нет слова **корок*(ъ), поэтому мы вынуждены обратиться за помощью к родственному болгарскому языку. Но на сей раз надо соотнести реконструированное нами слово не со словообразовательным, а с фонетическим рядом (т. е. с рядом русско-болгарских фонетических соответствий): рус. *город* — болг. *град*, рус. *дорог* — болг. *драг*, рус. **корок* — болг. *крак* — «нога». Следовательно, *каракатица* этимологически означает «многоножка»

Очень большое значение имеет также семантический аспект этимологического анализа (см. *Семантика*). Частые изменения значений слова затрудняют работу этимолога. Например, слово *стая* в русском языке имеет значение «группа животных одного вида, держащихся вместе», а в болгарском языке *стая* — это «комната». Как увязать между собой столь различные значения и какое из этих значений можно положить в основу этимологии приведенных слов? Более простой случай со словом *стойло*, которое явно образовано от глагола *стоять*,

помогает найти ту семантическую модель, по которой построено слово *стая*: древнерусское *стати* → *стая* — «стойло» (то же значение у слова в старославянском, или древнеболгарском, языке). Дальнейшие семантические изменения шли в двух направлениях: 1) «стойло», т.е. «место, где стоит скот» → «хлев, сарай» → «помещение» → «комната» (болгарский язык); 2) «стойло», т. е. «место, где стоит скот» → «скотный двор» → «загон» → «стадо» (домашних животных) → «стая» (русский язык). Таким образом, и семантический аспект этимологических исследований тоже связан с выявлением определенных общих закономерностей.

Наряду с рассмотренными тремя основными аспектами этимологического исследования важное место в процессе этимологизирования всегда занимали вопросы, связанные с хронологией. Как известно, древнейшие слои лексики современных индоевропейских языков восходят к той эпохе, когда их язык-основа еще не распался на отдельные языки. Нельзя этимологизировать лексику древнейшего индоевропейского происхождения, исходя из значительно более поздних фактов. Например, название *выдры* в современном русском языке невольно ассоциируется с глаголом *выдрать*. Между тем слова *выдра* и *выдрать* этимологически не имеют ничего общего. Древнерусское *дьрати* и латышское *dirât* говорят о том, что в корне глагола был гласный *i*. Литовское *ūdra* — «выдра» и другие индоевропейские соответствия, во-первых, говорят об отсутствии гласного *i* между *d* и *r*; во-вторых, название *выдра* существовало еще в индоевропейскую эпоху — задолго до того, когда получили распространение приставочные глаголы типа *выдрать*; наконец, такие соответствия, как древнегреческое *hýdra* — «водяная змея» и *hýdōr* — «вода», говорят о том, что *выдра* означало «водяное животное».

Первостепенную роль в этимологических исследованиях играет диалектная лексика. Когда на основании словообразовательного анализа и сопоставления с родственными индоевропейскими формами русское слово *рамень* — «густой лес» было сопоставлено с глаголом *орать* — «пахать», предполагаемое семантическое изменение: *рамень* «пашня» → «пашня, поросшая лесом» → «лес на заброшенной пашне» → «лес» → «густой лес» — было реконструировано лишь чисто теоретически. Но когда в диалектах русского языка советские лингвисты Н. И. Толстой и Ю. И. Чайкина обнаружили слово *рамень* со всеми реконструированными переходными значениями, новая этимология слова *рамень* получила и семантически надежное подтверждение.

Поскольку этимологические реконструкции часто относятся к древнейшим эпохам, от которых до нас не дошло никаких памятников письменности, естественно, что не всегда эти реконструкции обладают достаточной степенью надежности. Этим отчасти объясняется тот факт, что в этимологии нередко допускается множественность возможных решений. Так, слово *невеста* одни ученые этимологизируют как «неизвестная, чужая» (*не* и *ведать*), другие — как «новобрачная» (*нев-нов* — «новый» и *вести* к литовскому *vesti* — «брать замуж»). Слово *медь* объясняется то как «темный (металл)», то как «(металл) из Мидии».

Данные этимологии нельзя привлекать для доказательства правильности или неправильности языковых выражений (например, высказывалось мнение, что нельзя говорить: *открыть дверь*, а только — *отворить*). В процессе своего развития слова утрачивают свои этимологические связи и приобретают новые значения.

ЯЗЫК И РЕЧЬ

Представим себе конвейер. С конвейера все время сходят новые часы, только что собранные. Для этого нужны, во-первых, какие-то части, заранее заготовленные (они делаются не на этом конвейере), и, во-вторых, умелая сборка готовых частей по известным правилам. Пра-

вила могут быть где-то записаны, но важнее, что они есть в головах сборщиков. И правила для всех одинаковые: все сборщики собирают часы одного типа.

Некоторые часы (большинство) отвечают стандарту, идут точно, другие будут работать с капризами; встречается, наверное, и брак.

Этот конвейер с часами — аналогия речи. Речь — явление конкретное. В какую-то секунду Алексей Семенович Подушкин сказал: «Сейчас буду дрова колоть». Прибор записал звуки этого высказывания. Запись отразила индивидуальный голос Алексея Семеновича (густой бас с хрипотцой); он сказал *сейчас* как [ща]: «Ща буду дрова колоть» (это в живой речи встречается).

Чтобы быть понятым, Алексей Семенович должен все звуки, слова, грамматические конструкции строить по определенным правилам. Он может хорошо владеть правилами, но может и ошибаться (как сборщики на конвейере); он может одни приемы «сборки» предпочитать другим, а некоторые вообще не употреблять.

Речь — это производство конкретных высказываний, которые могут быть во всей своей конкретности записаны магнитофоном (звуковая сторона), вместе с ситуацией запечатлены звуковым стереокино (это даст ключ к значению высказывания). Речь — это конкретные часы (высказывания) на конкретном конвейере (мыслительный и речевой аппарат человека).

А язык? Это те правила, по которым идет сборка, это тот план выбора нужных частей, которые используются как готовые,— они образованы тоже по каким-то правилам до речевого конвейера.

Задача языковеда — найти в речи язык, подняться от речи к языку.

Слово в речи — вот это слово, сейчас (или вчера) сказанное. Слово в языке — это отвлеченный, но действенный образец, который определяет производство слова в речи. Это нечто абстрактное, но проявляющееся в конкретном. «Языком можно владеть и о языке можно думать, но ни видеть, ни осязать язык нельзя. Его нельзя и слышать в прямом значении этого слова» (А. А. Реформатский).

Звуки, интонационные типы, слова, устойчивые выражения есть и в речи, и в языке. А словосочетания и предложения — принадлежат ли языку? Но нельзя же думать, что где-то в нашем сознании есть склад всех возможных предложений и мы, когда говорим, извлекаем их из этого склада. Не надо ли считать, что они целиком только — в речи?.. Нет, все-таки это не так.

Известный юморист Аркадий Бухов писал в 30-е гг. о плохом качестве замков: они ненадежны, их легко открыть шпилькой, гвоздиком, булавкой, прутиком, пальцем и пирожным эклер. Наверное, никто до Бухова не употреблял словосочетания: *открыть* (чем?) *пирожным*. Это — факт его речи, речи шутника-балагура. Только речи? Но такое сочетание возможно лишь потому, что есть модель, отвлеченный образец: глагол + существительное в тв. падеже со значением орудия действия. Эта модель — достояние языка. Она «заготовлена» до речи и направляет построение речи. Значит, модели, образцы, схемы словосочетаний и предложений существуют в языке; в речи они наполняются конкретным словесным материалом.

Речь влияет на язык. В речи появляются новшества, вначале — как ошибки, потом некоторые из них (немногие) становятся частыми, проникают в языковую систему и преобразуют ее.

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

В том, что между человеческим обществом и языком существует связь, были убеждены еще древние ученые. «Из всех живых существ только человек одарен речью», — писал Аристотель. И Аристотель, и его последователи ясно понимали, что язык присущ не просто индивиду, а общественному человеку: ведь основное предназначение языка — служить средством общения между людьми.

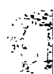
Классики марксизма-ленинизма утверждают связь возникновения языка с возникновением общества: «...развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности и стало ясней сознание пользы этой совместной деятельности для каждого отдельного члена. Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них появилась потребность что-то сказать друг другу» (Ф. Энгельс. «Диалектика природы»).

Развитие и функционирование языка также в значительной степени обусловлено развитием и жизнью общества. Это проявляется в разнообразных формах. Вот некоторые из них.

С о ц и а л ь н о е р а с с л о е н и е я з ы к а. Всякое человеческое общество неоднородно по своему составу. Оно делится на слои, или классы, дробится на более мелкие группы, внутри которых люди объединены каким-либо признаком, например по возрасту, профессии, уровню образования и т. д.

Эта дифференциация общества отражается в языке в виде тех или иных социально обусловленных подсистем.

Крестьянские диалекты — одна из таких подсистем. Правда, чаще их называют местными или территориальными, однако очевидно, что их выделение из национального языка основано и на социальном признаке: террито-



риальные диалекты, на которых говорит крестьянство, противопоставляются языку города, языку рабочих, литературному языку.

Социальная дифференциация языка может отражать и другие виды расслоения общества. Так, например, особенности языка, обусловленные спецификой профессий, иногда называют профессиональными «языками» (см. *Арго́. Жаргон*). Первое, что бросается в глаза при знакомстве с такими «языками», — особая терминология.

Внешне одинаковые слова в разных профессиях имеют разный смысл.

Каждой профессии присуща своя специальная терминология; кроме того, своеобразно могут использоваться и общеупотребительные слова и обороты: медики, например, обозначают словом *свеча* резкое изменение кривой на температурном графике больного; у железнодорожников в ходу выражения *сломать график, выбиться из расписания* и т. п.

Определенные различия в языке могут быть связаны с полом говорящих. Так, в языке индейцев яна, живущих в северной Калифорнии (США), одни и те же предметы и явления называются по-разному, в зависимости от того, кто о них говорит — мужчина или женщина. В Японии девушки владеют богатым и разнообразным словарем (они специально этому обучаются), в то время как для юношей характерен лексически более бедный язык.

Социальная обусловленность развития языка. Связь истории языка с историей общества —аксиома современной лингвистики. Раз язык существует только в обществе, он не может не зависеть от общества. При этом неверно понимать такую зависимость как жесткую обусловленность изменений в языке общественными факторами. В действительности процесс развития общества стимулирует развитие языка: ускоряет или тормозит темпы языковых изменений (механизм которых обусловлен внутренними, присущими языку закономерностями), способствует перестройке некоторых участков языковой системы, их обогащению новыми элементами и т. п.

В качестве собственно социальных факторов, влияющих на развитие языка, обычно рассматривают такие: изменение круга носителей языка, распространение просвещения, развитие науки, перемещение народных масс, создание новой государственности, изменение форм законодательства и делопроизводства и др. Воздействие этих факторов на язык различно и по форме, и по силе.

Проиллюстрируем сказанное примером. После Октябрьской революции значительно расширился состав носителей русского литературного языка: если раньше им владела в основном буржуазно-дворянская интеллигенция, то теперь к литературному языку начинают приобщаться массы рабочих и крестьян. Происходит процесс демократизации языка. Рабочие и крестьяне привносят в систему литературного языка свойственные им речевые особенности и навыки; новые элементы начинают сосуществовать и конкурировать с традиционными единицами литературного языка. Это приводит к заимствованию некоторых диалектизмов и арготизмов литературным словарем (*нехватка, неполадки, учеба, смычка* и т. п.), к перестройке отношений между единицами этого словаря (в частности, возникают новые синонимические ряды: *недостатки — недочеты — неполадки — дефекты; нехватка — недостача —дефицит; ученье — учеба; связь — контакт — союз — смычка*).

Столь же непрямолинейно, сложно влияние на развитие языка и других социальных факторов.

Сознательное воздействие общества на язык. Помимо объективного, не зависящего от воли отдельных людей влияния общества на язык возможно и сознательное, и притом целенаправленное, воздействие государства (и общества в целом) на развитие и функционирование языка. Такое воздействие носит название языковой политики.

Языковая политика может касаться самых разных сторон языковой жизни данного общества. Например, в многоязычных странах выбор языка или диалекта, который должен стать государственным, осуществляется не стихийно, а сознательно, при непосредственном участии и направляющих усилиях власти и других социальных институтов. Столь же сознательна и целенаправленна деятельность специалистов при разработке алфавитов и письменностей для ранее бесписьменных народов. Усовершенствование существующих алфавитов и письменностей, например неоднократно проводившиеся реформы русской орфографии,— еще один вид вмешательства человека в жизнь языка.

Разумеется, никакое социальное воздействие на язык, стихийное или сознательное, не может отменить присущих языку внутренних закономерностей. Если, скажем, по законам русского произношения звонкие согласные на конце слова и перед глухими оглушаются (*ду*[п], *ле*[ф], *ло*[т]*ка*), то любой, даже самый строгий приказ (если бы кому-либо пришло в голову такой приказ издать) не заставит носителей русского языка изменить свое произношение и говорить *ду*[б], *ле*[в], *ло*[д]*ка.*

Однако возможен «приказ» противоположный: рекомендующий первый способ и запрещающий второй (со звонкими согласными в конце слов). Такие рекомендации и запреты составляют результат нормализаторской деятельности ученых-лингвистов: они разрабатывают правила, которые закрепляют одобряемые обществом формы и способы использования языковых единиц.

Есть и другие пути воздействия общества на язык: разработка специальных терминологий для различных областей знания, нормирование нововведений в лексике, пропаганда лингвистических знаний в печати и по радио и т. п.

ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ

У языка две основные функции: он является орудием человеческого мышления и орудием общения людей друг с другом. И сам язык может существовать и развиваться только потому, что он одновременно выполняет обе эти функции.

Сравним язык с теми сигнальными средствами, которыми пользуются животные. Таких средств очень много. Например, пчела, вернувшись в улей, исполняет своеобразный «танец»: такой «танец» сигнализирует другим пчелам, куда следует лететь за цветочным соком. Птицы сигнализируют криком об опасности. В стае обезьян гамадрилов используется свыше десятка различных сигнальных звуков. Это средства связи, средства сигнализации. Но они не похожи на слова человеческого языка: эти звуки не обладают значением (как слова в человеческом языке). Это просто сигналы, которые автоматически «включают» то или иное поведение других животных, как выстрел стартового пистолета заставляет легкоатлетов начать бег.

Слова человеческого языка тем и отличаются, что они имеют значение и для того, кто говорит, и для того, кто слушает. Слова *человек, собака, звезда, любовь* — это не просто набор звуков: все они вызывают в нашем сознании представление о том, что за ними стоит. А стоит за ними общечеловеческое знание об окружающем нас мире, об обществе, о нас самих. А что значит «общечеловеческое»? Это не только то, что мы знаем из нашего личного опыта, а прежде всего то, что мы узнали от родителей и учителей, из книг, газет, телевизионных передач.

И мыслим мы при помощи тех же значений. Ведь что значит «мыслить»? Это значит узнавать что-то новое о мире, комбинируя и преобразуя те знания, те сведения, которыми мы в данный момент располагаем. В условиях математической задачи уже содержится возможность ее решения, но ее надо еще решить! Когда Альберт Эйнштейн начал создавать теорию относительности, все нужные для этого эксперименты были проделаны и все основные законы физики установлены; подвиг Эйнштейна заключался в том, что он сумел мыслить по-новому, пришел к, казалось бы, парадоксальному выводу, пользуясь только новым путем рассуждения.

И вот те знания, которые нужны нам для мышления, как раз и существуют для нас в форме значений.

Иногда и само мышление, вернее, рассуждение протекает в четких языковых формах, как бы вслух. Вот знаменитый силлогизм: «Все люди смертны. Сократ — человек. Следовательно, Сократ смертен». Здесь используются не только слова (*смертный, Сократ, чело-*

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ (1845—1929)

Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ — крупнейший русский и польский языковед. Бодуэн де Куртенэ совершил переворот в науке о языке: до него в лингвистике господствовало историческое направление, а языки исследовались исключительно по письменным памятникам. Бодуэн доказывает, что сущность языка — в речевой деятельности, и призывает к изучению живых языков и диалектов. Только таким путем можно понять языковой механизм и проверить правильность лингвистических описаний. Важность этого нового подхода к изучению языка можно сравнить с ролью, которую в естественных науках играет принцип эксперимента: без экспериментальной проверки теория мертва.

Сам Бодуэн де Куртенэ в течение многих лет изучает разные индоевропейские языки, которыми овладевает настолько, что пишет свои работы не только на русском и польском, но и на немецком, французском, чешском, итальянском, литовском и других языках. Он проводит по нескольку месяцев в экспедициях, изучая славянские языки и наречия, и при этом тщательно записывает все фонетические их особенности. В то время подобная методика изучения языка многим казалась странной: ведь лингвистика была наукой кабинетной, книжной.

Из фонетических работ Бодуэна выросла его теория фонем и фонетических чередований, которая до сих пор сохраняет свою научную ценность. Логическим развитием теории фонем явилась созданная Бодуэном теория письма. В ней были заложены многие основные идеи и понятия, фигурирующие в современных работах.

Внимательный к фактам живых языков, Бодуэн в то же время считал, что самое важное в лингвистических описаниях — отражение системности языка, «группировка по противопоставлениям и различиям». Такое сочетание — богатого языкового материала и системного подхода к его описанию — позволяло Бодуэну не только давать глубоко верные «портреты» различных языков и диалектов, но и делать обобщения, без стремления к которым, по его собственным словам, «не мыслима ни одна настоящая наука».

Бодуэна де Куртенэ отличали новаторство мысли и смелость в высказывании новых идей. С должным уважением относясь к достижениям предшественников, он, однако, без колебаний отвергал все рутинное, мешавшее развитию науки, и выдвигал положения, поражавшие его современников необычностью.

Так, он первым начал применять в языкознании математические методы; доказывал, что язык можно не только бесстрастно изучать, но и направлять его развитие, сознательно воздействовать на него (т. е. стоял у истоков целого лингвистического направления, получившего впоследствии название теории и практики языкового строительства или языковой политики); своими фонетическими исследованиями, методика которых кардинально отличалась от всего, что было в этой области до него, Бодуэн заложил камень в основание будущей экспериментальной фонетики, давшей особенно значительные результаты в середине XX в.

При изучении языка Бодуэн не замыкался в рамках лингвистики. Напротив, он считал, что языкознание должно опираться на достижения психологии и социологии, что полное исследование языковых фактов невозможно без обращения к данным этнографии, археологии, истории культуры. Все это Бодуэн не просто декларировал, а практически осуществлял в своих работах, при знакомстве с которыми изумляет широта и глубина познаний автора в самых разных областях.

Поразительна ранняя зрелость Бодуэна де Куртенэ как ученого. Знаменитый Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона в томе, вышедшем в 1891 г., называет 46-летнего Бодуэна де Куртенэ «одним из выдающихся современных лингвистов». Сам же Бодуэн был необыкновенно скромным человеком. О себе, например, он писал, что «отличался неудовлетворительною научною подготовкой и небольшим запасом знаний». Этого запаса знаний, однако, ему вполне хватило не только для создания ряда глубоко оригинальных трудов, но и на то, чтобы основать знаменитую казанскую школу лингвистов. После Казани, где Бодуэн работал в 1874—1883 гг., он преподавал в Юрьевском (сейчас Тартуский; 1883—1893), Краковском (1893—1900), Петербургском (1900—1918), Варшавском (с 1918 г.) университетах.

Прожив долгую, насыщенную научными поисками и творчеством жизнь, И. А. Бодуэн де Куртенэ внес неоценимый вклад в науку о языке. Он обогнал свое время, и многие высказанные им идеи начали углубленно разрабатываться в лингвистике лишь десятилетия спустя.

век), но и определенные грамматические конструкции.

Но человек редко «мыслит вслух», пользуясь грамматикой и фонетикой языка. Гораздо чаще он мыслит при помощи внутренней речи, т. е. «про себя». Строение внутренней речи отличается от законов строения речи «внешней»: она свернута, в ней нет ничего лишнего.

При мышлении человек пользуется не только значениями слов, но и образами (поэтому иногда говорят о наглядно-образном мышлении). А знаменитый философ-диалектик Гегель обратил внимание на то, что и непосредственная трудовая деятельность,— скажем, труд каменщика — обязательно требует мышления, и в этом случае человек в определенном смысле мыслит самими своими действиями. Это очень точное наблюдение: ведь трудовые действия человека всегда осмысленны.

Но все-таки основное орудие мышления — это язык. Именно поэтому Карл Маркс назвал язык «непосредственной действительностью мысли».

ЯЗЫКОВОЙ СОЮЗ

Языковой союз — результат длительного взаимодействия языков (см. *Смешение языков*). При языковом союзе общность лексики объясняется широким словарным заимствованием либо из какого-то одного языка, либо взаимными, встречными заимствованиями контактирующих языков. Общность фонетических явлений объясняется рядом общих или схожих звуковых изменений, происходивших в соседних языках. Общность грамматики проявляется в сходстве грамматических конструкций, которые выработались во взаимодействовавших языках.

Обычно языковой союз возникает у родственных по происхождению языков, распространенных на смежных территориях, но возможны и союзы дальнеродственных и совсем не родственных языков.

Во всех случаях возникновения языкового союза должно было быть массовое двуязычие (или даже триязычие), свободное владение значительной частью населения двумя или несколькими контактирующими языками. Определенные черты языкового союза выявляются, например, в местных говорах в пограничных областях Литвы и Белоруссии, у некоторых языков Восточной Европы (сближение чувашского языка с марийским; длительное взаимодействие с русскими диалектами двух мордовских языков — эрзя и мокша и др.).

Но наиболее яркий пример — балканский языковой союз.

Балканский языковой союз сложился в результате длительного взаимодействия дальнеродственных языков юго-восточной Европы. Центр балканского языкового союза, где в наибольшей степени выработались общие черты, составляют языки: болгарский и македонский (генетически относятся к южнославянским языкам), аромунский (бесписьменный романский язык, близкий к румынскому и молдавскому, распространенный в основном у скотоводческого населения в пограничных областях Албании, Югославии и Греции, отчасти Болгарии), албанский, южные сербские говоры. К этой центральной группе примыкают: с юга — новогреческий язык, с северо-востока — румынский, а также бесписьменный романский меглено-влахский язык в нескольких селах на севере Греции (близ Солоник). Периферию балканского языкового союза представляют языки, выработавшие лишь некоторые специфически балканские черты: южнославянские — сербохорватский и словенский, романские — бесписьменный, почти исчезнувший истрорумынский (в нескольких селах к югу от Триеста) и вымерший к концу прошлого века далматинский (на о-ве Крк близ Триеста).

Характерные черты большинства балканских языков: отсутствие дательного падежа; отсутствие или ограниченное употребление инфинитива; образование аналитической формы будущего времени при помощи вспомогательного глагола (или частицы, возникшей из этого глагола), имевшего первоначальное значение «хотеть»; ряд общих явлений в фонетике и фонологии; мощные общие пласты в лексике (общие слова албанского, романского, славянского, греческого, тюркского происхождения). Балканский языковой союз дополняется и этнографической общностью: сходством в фольклоре, в прикладном искусстве, одежде, типе построек и многом другом, а также общностью антропологических черт.

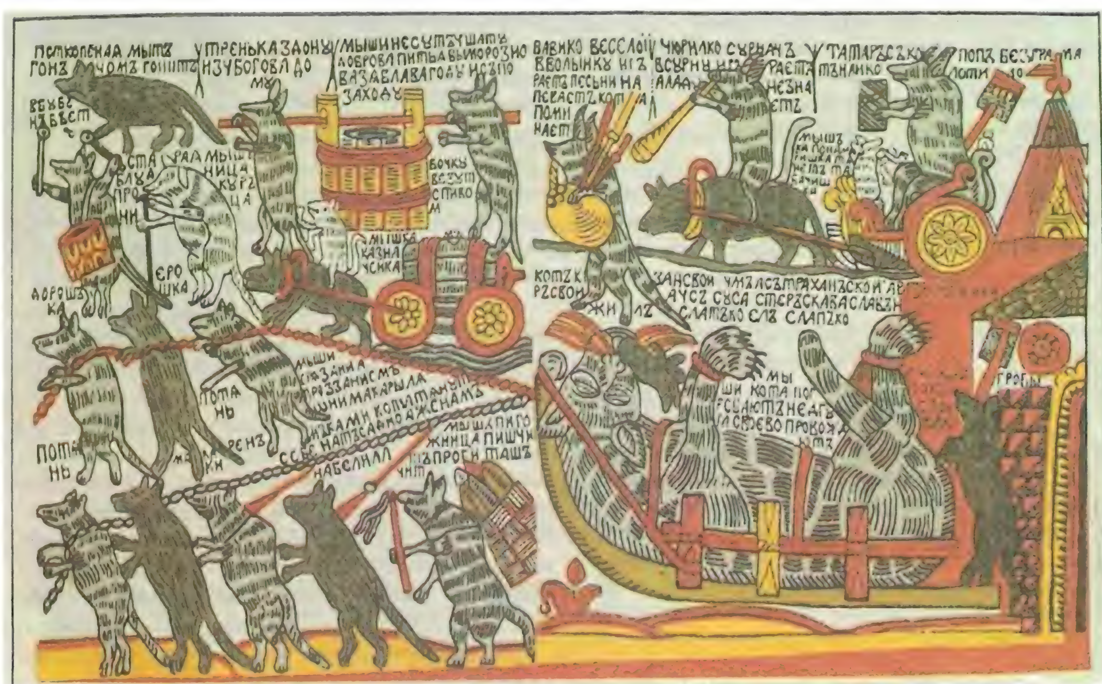
ЯЗЫК ФОЛЬКЛОРА

Перед вами текст, написанный русским языком:

Из того ли-то из города из Муромля,
Из того села да с Карачарова
Выезжал удаленький дородный добрый молодец,
Он стоял заутреню во Муромле,
Ай к обедне поспеть хотел он в стольный Киев град,
Да й подъехал он ко славному ко городу к Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнано-то силушки черным-черно,
Ай черным-черно, как черна ворона;
Там пехотою никто тут не похаживат,
На добром коне никто тут не проезживат,
Птица черный ворон не пролетыват,
Серый зверь да не прорыскиват...

Вы без труда определяете, что этот текст

Лубок. Сцена похорон кота из произведения «Война мышей и лягушек».



стихотворный, чувствуете при этом, что стихотворный размер не литературный (к тому же в тексте нет рифм, но это и не белый стих известных вам поэтов), вы ощущаете, что и язык текста не литературный, вы понимаете, наконец, что язык этот и не диалектный, во всяком случае не похожий на обычную диалектную речь, разве что формы *похаживат, проезживат, пролетыват, прорыскиват,* подряд завершающие четыре строки, заставляют вас вспомнить севернорусскую диалектную речь.

Присмотревшись внимательно к приведенному тексту, вы поймете, что он сложен архаическим былинным стихом, называемым фразовиком (есть еще былины, распеваемые ударником и тактовиком), т. е. неметрическим стихом с чередованием речевых волн, со смысловыми паузами и равносложными концовками — клаузулами, в данном случае дактилическими:

Из того́ ли-то из го́рода из Му́ромля,
Из того́ села́ да с Карача́рова
Выезжа́л уда́ленький доро́дный до́брый мо́лодец.

Затем вы обнаружите многочисленные повторы предлогов (*из... из... из... из* в первой и второй строках; *к... ко... ко... к...* в пятой и шестой строках), местоимений (*того... того...*), существительных (*ко городу Чернигову... города Чернигова*), сочетания однокоренных слов, т. е. тавтологические сочетания (*черным-черно... черным-черно...*), употребление синонимических (*птица черный ворон*) и даже антонимических (*там... — тут...*) сочетаний, затем устойчивых (постоянных) эпитетов (*добрый молодец, на добром коне, черный ворон, серый зверь, ко славному... городу*) и ласкательно-уменьшительных суффиксов (*удаленький, силушки*). Наконец, вы найдете специфические слова — *пехотою* — «пешком». Все примеры, кроме последнего *пехотою,* относятся к поэтике фольклора, а слово *пехотою* — уже к самому языку фольклора, ибо в значении «пешком» оно не известно ни в литературном языке, ни в диалектах. Характерны для языка фольклора и некоторые языковые архаизмы — *как черна ворона* вместо *как у черного ворона*, что тоже уже не встречается ни в литературном языке, ни в диалектах.

Из приведенного выше начала былины «Илья Муромец и Соловей Разбойник» видно, что язык фольклора не литературный язык и не диалектная речь, а нечто третье, обладающее своими собственными языковыми и поэтико-стилистическими особенностями. От литературного он отличается приближенностью к диалектной стихии, а от диалектной речи — сглаженностью ярко диалектных особенностей — наддиалектностью или междиалектностью, что часто определяется греческим словом-термином *койнэ́*, «общий язык».

Особенности фольклорного языка и стиля могут различаться по жанрам: в былине — одни особенности употребления и значения слов, в сказке — другие, а в загадке — третьи, но во всех есть и общее, что характерно для фольклора вообще.

Любой литературный редактор и учитель литературы в школе будет вычеркивать или

Лубок, изображающий сцену из «Повести о Бове королевиче».

подчеркивать красным карандашом повторяемость одних и тех же слов — предлогов, глаголов, существительных. Вместо одного и того же *говорит* он предложит дать в тексте синонимический ряд *говорит, поясняет, произносит, отмечает*... (точно так же будут подчеркнуты красным штампы и смысловые тавтологии: «с точки зрения нашей позиции» или «заявлять заявку» и т. п.). Но устное народное творчество строится на веками отобранных повторах, художественных штампах и тавтологических сочетаниях. Повторы эти помимо смысловой и стилистической задачи выполняют задачу «музыкальную»: они придают особое звучание тексту, создают «звукопись» (сравните ряд *ч:р:н — к Чернигову... Чернигова... черным-черно... черным-черно... черна ворона...*). Повторы, чаще всего трехразовые, наблюдаются не только в словах, в языке, но и в действии. Повторы и сходные явления канонизируют текст, делают его привычным и строгим, как канонизирует иконопись изображаемых святых и их жития на клеймах или искусство лубка — лубочных героев, позволяя им выступать лишь в определенной одежде (облачении), с определенной позой (позицией) и жестом. Не так в современной художественной литературе: она индивидуальна; индивидуальны произведения и стиль писателя. Всякий большой писатель сознательно или бессознательно стремится к этому. В фольклоре действует обратная тенденция — его язык надындивидуален, внеиндивидуален, так же как наддиалектен и внедиалектен в целом. Язык художественной литературы меняется во времени. Мы легко обнаруживаем разницу в языке произведений XVIII в. (Кантемира, Ломоносова) и XIX в. (Пушкина, Гоголя, Тургенева), но язык и стиль фольклора стремится к неизменности, устойчивости, вневременности (сравните записи былин XVIII в. и XIX—XX вв.). В этом отношении язык и стиль фольклора близки к языку и стилю древней литературы, произведения которой, как и фольклорные, во многих случаях анонимны и проникнуты стремлением к той же традиционности и вневременности.

Отталкивание фольклорного поэтического языка от языка литературного, разговорного привело к выработке специфических фольклорных языковых черт на всех уровнях. Правда, эти черты фрагментарны; они выступают на фоне общерусской фонетико-грамматической структуры и лексического фонда языка, как правило, с тем или иным областным (диалектным) оттенком.

На фонетическом уровне в песенном фольклоре часто возникают так называемые добавочные гласные:

Ты любез*ы*ная пад*ы*руууженыка,
Ты Мат*ы*рена Ивааанов*ы*на (свадебный плач невесты) —

или протетические согласные:

Да ставают *й*они *й*утром ранёшинько.

(Примеры взяты из былин.)

На уровне морфологическом сохраняются архаизмы (или церковнославянизмы) в виде форм кратких прилагательных:

Ай черным-черно, как черн*а* ворона...
Он скорёшенько садился на добр*а* коня...
Подают они чарочку во бел*ы* руки...
Наливал чару зелен*а* вина в полтора ведра...—

или форм полных:

А и тяжк*ия* палицы медн*ыя*...

Сохраняются древние формы творительного падежа:

Молится Соловьева матушка
Со вдóвы чéстны многоразумными...—

и формы прошедшего простого времени (аориста):

По грехам надо мною, Екимом, учинилося,
Что *убих* своего братца родимого..,

Лубок.

неусеченная неопределенная форма глагола:

А не смет посла он поразгневат*и*...
Святой святыни помолит*ися*,
Во Ердань реке искупат*ися*,
Нетленной ризой утерет*ися*..,

употребления глагола-связки:

А это *есте* здесь да русский
богатырь же...

Много специфического в фольклорном синтаксисе, в синтаксисе частей речи и предложения. Так, в почти наугад взятом примере из былины «Дунай Иванович»:

...А и те мурзы-улановья
Не допустят Екима до добра коня,
До своей его палицы тяжкия,
А и тяжкия палицы медныя.
Литы они были в три тысячи пуд;
Не попала ему палица железная,
Что попала ему ось-то тележная...—

сразу же бросается в глаза наличие совершенного вида *не допустят* вместо несовершенного *не допускают* (по требованиям версификации могло бы быть *до его до палицы*), замена противительного союза *а* (или *но*) подчинительным союзом *что*, несогласованность числа сочетаний *до своей палицы* (ед. ч.) — *литы они были* (мн. ч.) и т. д.

Примеров с особым фольклорным словообразованием и лексикой множество. В русских плачах Карелии (изданы в 1940 г.), например, число существительных с уменьшительными суффиксами едва ли не больше числа бессуффиксных существительных. Уменьшительно-ласкательный оттенок и форму принимают даже географические названия — топонимы:

Станут на земле талиночки,
А на *Онегушке* полиночки,
По шумливому *Онегушку*
Водоплавны пойдут лодочки.

Своя, особая лексика и свое образование слов часто бывают в загадках. Здесь средства языка как бы вторично зашифровывают смысл. К примеру, загадка о корове могла бы выглядеть так:

Двумя бодает, четырьмя ходит, одним машет, да два уха имеет.	Звучит так:	Дваста бодаста, четыреста ходаста, один махтун, два ухтырька.

Эта загадка очень древняя. В такой двойной зашифровке (метафорической и языковой) она известна всем славянским и балтийским языкам.

Своя лексика есть и в других жанрах фольклора. Так, в русских былинах можно найти такие слова, как уже упоминавшееся *пехотой* или *ка́раки* (Привязал его к коню во *ка́раки*... Ведет кривого мужика коня во *ка́раках*...). Слово *ка́раки* встречается в былине о первых подвигах Ильи Муромца, записанной в прошлом веке в селе Павлово бывшей Нижегородской губернии. Словарь русских народных говоров толкует это слово как «ремешки у задней луки седла для привязывания чего-либо», но это толкование сомнительно, особенно если учесть архаическое сочетание *коня во ка́раках*. Может быть, вы, юные читатели, разгадаете смысл этого слова (сравните: *карачки, на кара́чках*) или найдете его в русских диалектах? Пока оно там не найдено.

Фольклор возникал в тесной связи с развитием обрядов. Обряды сопровождались обрядовыми песнями, ритуальными действиями, пляской. Они носили магический характер, и фольклорная магия слова жива в фольклорных текстах до сих пор. Ярче всего она проявляется в заговорах.

Вот один из них – с русского Севера, с Пинежья, из деревни Почезерье, записанный студентами-филологами Московского университета в 1970 г.:

От тоски (читать надо в воду, которой умываешься):

Вода ты, вода, ключева вода!
Как смываешь ты, вода,
круты берега, пенья, коренья,
так смывай тоску-кручинушку
с белого лица, с ретивого сердца.
Будьте мои слова лепки́ и крепки́!

Так надо гнать тоску.

«ЯТЬ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Если вам попадалась в руки книга, изданная в XIX или в начале XX столетия, то вы, конечно, обратили внимание, что многие слова в ней напечатаны с отсутствующей в современном алфавите буквой ѣ («ять»). Произносилась она как гласный *е*, и тогдашним гимназистам приходилось тратить немало усилий, чтобы запом-

Ѣ
...Бѣдный, блѣдный, бѣлый
Бѣсъ убѣжал за рѣчку в лѣсъ.

нить, в каких словах надо писать не *е*, а *ѣ*.

Орфографическая реформа 1917 г. избавила школьников от «проблемы» правописания *ѣ*: она отменила эту букву как лишнюю в русской азбуке. Но когда и почему появилась в нашем алфавите эта «лишняя» буква? Зачем она была нужна?

Мы пользуемся алфавитом, который продолжает традиции древней славянской азбуки, изобретенной в середине IX в. первым славянским просветителем Константином Солунским (получившим в монашестве имя Кирилл). Одна из букв этой азбуки получила название «ядь» (в древней азбуке каждая буква имела свое название: «аз», «буки», «веди» и т. д.); она обозначала гласный, звучавший в солунском диалекте примерно так, как мы сейчас произносим гласный в слове *пять* [п'ат'], следовательно, совсем не так, как звучал гласный, обозначавшийся буквой *е*, которая называлась «есть».

На рубеже IX — X вв. азбука Константина-Кирилла (ее называют глаголицей) была усовершенствована; новый вариант азбуки известен под названием кириллицы. В кириллице буква «ядь» — «ять» приобрела начертание *ѣ*.

В X в. вместе с христианством на Руси стали распространяться богослужебные книги, написанные кириллицей (в основном их привозили из древней Болгарии). Древнерусские книжники сохраняли употребление буквы *ѣ*, хотя и с некоторыми особенностями. Особенности эти заключались в том, что *ѣ* писалась очень последовательно (без ошибок) в словах, которые одинаково были свойственны как древнерусскому, так и древнеболгарскому языку. А вот в словах древнеболгарского происхождения писцы ошибались и вместо *ѣ* нередко писали *е*. Например, слова *брѣгъ, срѣда, млѣко* и т. п. (по-древнерусски: *берегъ, середа, молоко*) могли написать и *брегъ, среда, млеко*. Это значит, что древнерусские книжники употребляли *ѣ* для обозначения гласного, не совпадавшего с тем, который произносился в древнеболгарском, а поэтому в словах, не свойственных их родной речи, правописание буквы *ѣ* нельзя было «проверить» живым произношением, и она в этих случаях смешивалась с *е*. Но как же произносили гласный, обозначавшийся буквой *ѣ*, в древнерусском языке?

Замечательный русский языковед начала XX в. Л. Л. Васильев «вычислил» звуковое значение древнего *ѣ*, анализируя записи диалектной речи, сделанные в середине XIX в. А. С. Машкиным. Автор записей не был филологом; он интересовался устным народным творчеством и записывал песни, сказки, поговорки обоянских крестьян, стараясь по возможности передать особенности их произношения. Л. Л. Васильева эти записи интересовали потому, что он обнаружил в них отражение своеобразной системы произношения гласных в безударных слогах. Машкин записал: *рика́, виля́ть* («они велят»), *земля́, систра́*, но: *на ряку́, вялю́, к зямли́, сястры́*.

Здесь обнаруживается следующая закономерность: если под ударением [а] (после мягкого согласного он изображается буквой «я»: *земля*), то в 1-м предударном слоге [и], а если под ударением не [а] ([и], [ы], [у]), то в 1-м предударном слоге [а]. Эта система произношения называется диссимилятивным яканьем.

Самым интересным оказалось то, что перед ударным *ѣ* Машкин записал: *бирѣ́шь, нисѐ*(т), *сирѣ́дний*, но: *в сялѐ, сястрѐ, вялѐла*. Тщательно проанализировав все случаи, Л. Л. Васильев обнаружил, что гласные предударного слога в обоянском говоре реагируют на ударные *е* как на гласный верхнего подъема (т. е. как на *и, ы, у*) в тех случаях, где в древних текстах писали не *е*, а *ѣ*. Он сделал вывод, что в эпоху формирования диссимилятивного яканья букве *ѣ* соответствовал гласный, очень близкий к *и*, возможно произносившийся как [и͡е]. В ходе обследования русских диалектов такое произношение действительно было зафиксировано в говорах верхнего Дона, во многих говорах русского Севера и даже в Подмосковье (например, в Зарайском районе).

Открытие Л. Л. Васильева позволило объяснить историческую судьбу гласного [и͡е] в диалектах русского языка. Он сохранился лишь в тех говорах, где (как и в обоянских) был «поддержан» таким же узким гласным [у͡о], который также был открыт Васильевым и позднее был услышан в ряде русских диалектов, в том числе и в говорах Обоянского уезда.

В большинстве говоров гласный [и͡е] был постепенно утрачен: в одних говорах он совпал с *и* (например, в новгородских: *би́дной, ми́рить, си́вер* и т. д.), в других — с *е* (например, в говорах вокруг Москвы: *бедный, мерить, север* и т. п.).

Совпадение прежнего [и͡е] с «чистым» *е* в старомосковском говоре (который лег в основу русского литературного языка) должно было превратить букву *ѣ* в лишнюю, ненужную в русском алфавите. Однако она продолжала прочно удерживаться в правописании. Почему? Как установил тот же Л. Л. Васильев, которому в исторической фонетике русского языка принадлежит ряд интересных открытий, это было связано с тем, что старое книжное чтение, усваивавшееся всеми грамотными людьми, требовало более мягкого произношения согласных перед *ѣ*, чем перед *е*. Возможно, традиция такого чтения осталась от тех времен, когда *ѣ* произносили как [ие], т. е. с первым элементом *и*, перед которым смягчение согласных было особенно заметным. Буква *ѣ* в этих условиях продолжала употребляться на письме как знак большей мягкости предшествующего согласного в отличие от *е*. К XIX в. указанная традиция чтения утратилась.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ
СЛОВАРЬ ЮНОГО
ФИЛОЛОГА
(языкознание)

Составитель
МИХАИЛ ВИКТОРОВИЧ
ПАНОВ

Заведующий редакцией
энциклопедических
словарей и справочников
для детей и юношества
КИРЬЯНОВ В. Ю.

Ведущие редакторы:
ЛЯХОВА Т. П.
ГАБИСОНИЯ Н. Н.

Младшие редакторы:
ГРИШИНА О. Б.
ПЕТРУХИНА Л. Ю.

Специальный редактор
КРЫСИН Л. П.

Контрольный редактор
БУЛАТОВА Л. Н.

Редакторы карт:
ЛЕБЕДЕВА Е. Н.
КОВАЛЕВА А. В.

Художественный редактор
ПРОЦЕНКО А. В.

Младший художественный
редактор
СОРОКА Т. П.

Технический редактор
ИВАНОВА Т. Г.

Корректоры:
РЕЙБЕКЕЛЬ В. Н.
АНТОНОВА В. С.

Авторы статей:

АПРЕСЯН Ю. Д.
АШНИН Ф. Д.
БЕЛОШАПКОВА В. А.
БОРИСЕНКО В. В.
БРЫЗГУНОВА Е. А.
БУКЧИНА Б. З.
БУЛАТОВА Л. Н.
БУРОВА Е. Г.
ВИНОГРАДОВ В. В.
ВОРОНЦОВА В. Л.
ГАК В. Г.
ГАЛЬПЕРИН И. Р.
ГИРШМАН М. М.
ГЛАДКИЙ А. В.
ГЛОВИНСКАЯ М. Я.
ГОРШКОВА К. В.
ГРИГОРЬЕВ В. П.
ДЕШЕРИЕВ Ю. Д.
ДЬЯКОНОВ И. М.
ЖИВОВ В. М.
ЗВЕГИНЦЕВ В. А.
ЗЕМСКАЯ Е. А.
ИВАНОВ В. Вс.
ИВАНОВА В. Ф.
ИВАНОВА Н. Н.
ИВАНОВА-ЛУКЬЯНОВА Г. Н.
КАСАТКИН Л. Л.
КЛИМОВ Г. А.
КНЯЗЕВСКАЯ О. А.
КОВТУНОВА И. И.
КОНДРАТОВ А. М.
КАРМАКОВА О. Е.
КОСТОМАРОВ В. Г.
КРЫСИН Л. П.
ЛЕОНТЬЕВ А. А.
ЛИХТМАН Р. И.
МАНН Ю. В.
МИНЦ З. Г.
МИХАЙЛОВ В. В.
МУРАТ В. П.
НОВИКОВ В. И.
ОТКУПЩИКОВ Ю. В.
ПАНОВ М. В.
ПАПЕРНЫЙ З. С.
ПАУФОШИМА Р. Ф.
ПЕНЬКОВСКИЙ А. Б.
РЕФОРМАТСКИЙ А. А.
РОЗЕНТАЛЬ Д. Э.
САМОЙЛОВ Д. С.
СОФРОНОВ М. В.
СТЕПАНОВ Г. В.
ТОЛСТОЙ Н. И.
ТОПОРОВ В. Н.
ТУРКОВ А. М.
УСПЕНСКИЙ Б. А.
ФЕДОРОВ А. В.
ХАБУРГАЕВ Г. А.
ХАНПИРА Э. И.
ХОЛОДОВ Е. Г.
ХРАКОВСКИЙ В. С.
ЧУДАКОВ А. П.
ЧИЧЕРИН А. В.
ШАЙКЕВИЧ А. Я.
ШИРОКОВ О. С.
ШИРЯЕВ Е. Н.
ШМЕЛЕВА Т. В.
ЯНКО-ТРИНИЦКАЯ Н. А.
ЯХОНТОВ С. Е.

Принципиальный макет
художника
ЮЛИКОВА А. М.

Оформление издания
художника
КОМАРОВА В. С.

Макет книги художника
АРАТОВСКОГО Ю. М.

Иллюстрации выполнили
художники:
АРАТОВСКИЙ Ю. М.
БУХАРЕВ В. П.
СОРОКА Т. П.

Фотоиллюстрации
выполнили:
КЛЮЕВ А. В.
БАСЫРОВ М. Б.

Ретушер
ЛУЦКИЙ А. М.

Библиотечная серия

ИБ № 798
Сдано в набор 21.07.83. Подписано в печать 08.02.84.А 10912 Формат 70×108 1/16
Бумага офсетная №1. Печать офсетная.
Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 30,80+0,17 вкл. Уч.-изд. л. 42,84. Усл. кр.-отт. 126,12. Тираж 500 000 экз. (1-й завод 1—200 000 экз.) Цена 3 р. 30 к. В суперобложке 3 р. 40 к. Заказ № 2460.
Издательство «Педагогика» Академии педагогических наук СССР и Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
107847 Москва, Лефортовский пер., 8.
Редакция энциклопедических словарей и справочников для детей и юношества.
107082 Москва, Бакунинская ул., 55.

Карты подготовлены к печати ПКО «Картография», цветные карты на вклейке отпечатаны фабрикой № 5 ГУГК.

Набрано во 2-й типографии издательства «Наука».
121099 Москва, Шубинский пер., 10.
Отпечатано с пленок на Калининском полиграфкомбинате Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
г. Калинин, проспект Ленина, 5.

Замеченные опечатки

с. 274. Левая колонка, 1-я строка сверху. Надо читать:

Если бы все, что написано Пешков-

А
Б
В
Г
Д
Е
З
И
К
Л
М
Н
О
П
Р
С
Т
У
Ф
Х
Ц
Ч
Ш
Э
Я

3р.30к.